

ФАНТАСТИКА 2001

ФАНТАСТИКА

2001

ВЛАДИМИР
ВАСИЛЬЕВ

АЛЕКСАНДР
ГРОМОВ

СВЯТОСЛАВ
ЛОГИНОВ

СЕРГЕЙ
ЛУКЬЯНЕНКО

ЕВГЕНИЙ
ЛУКИН

СЕРГЕЙ
СИНЯКИН

И ДРУГНЕ...

З В Е З Д Н Ы Й

Л А Б И Р И Н Т

ФАНТАСТИКА

2001

ИЗДАТЕЛЬСТВО *ас†* • МОСКВА • 2001

Составитель Н.А. Науменко

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Александра Корженевского.*

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Ф22 Фантастика 2001: Повести, рассказы, критика, публицистика. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2001. — 512 с.

ISBN 5-17-006506-X

Поклонники отечественной научной фантастики! НЕ ПРОПУСТИТЕ!
Издательство АСТ предлагает вам ОЧЕРЕДНОЙ сборник повестей и рассказов «Фантастика-2001».

Сергей Лукьяненко и Владимир Васильев, Евгений Лукин и Сергей Сиякин, Александр Громов, Святослав Логинов и многие другие!

Помимо художественных произведений, в сборник «Фантастика-2001» вошли также статьи о проблемах жанра и традиционный обзор «положения дел» в российской фантастике в 2000 г.

ПОВЕСТИ

Сергей Лукьяненко

ПРОЗРАЧНЫЕ ВИТРАЖИ

«Прозрачные витражи», вольное продолжение «Лабиринта отражений» и «Фальшивых зеркал», — не совсем обычное произведение. Его первая публикация произошла в сети Интернет, и написана повесть была в «интерактивном» режиме — каждая главка публиковалась с интервалом в неделю, после чего автор знакомился с мнением читателей о новом фрагменте. Результатом этого стало наличие у повести двух финалов — «красного» и «синего». Автор решил оставить оба финала и в печатном издании повести — так что читатель вправе сам выбрать понравившееся ему окончание произведения.

У меня есть конкретное предложение —
Заменить все стекла на витражи.
Чтобы видеть в окне не свое отражение —
А цветные картинки и миражи.

В этом деле есть одно осложнение —
Слишком много осколков и резаных ран.
Но зато фантастическое впечатление —
Будто в каждом окошке цветной экран.

Но я вижу, тебя терзают сомнения —
Ты и в этой идиллии видишь обман.
Что ж, пусть кто-то из нас испытает прозрение —
Когда все миражи превратятся в туман.

(Константин Арбенин)

В детстве эта игрушка была у меня самой любимой.
Паззл как паззл. Собираешь картинку из сотен кусочков разной формы.

Только этот паззл был прозрачным. Тоненький пластик переливатых цветов, мутноватый — но если посмотреть на лампочку, то становится видна раскаленная нить спирали.

Я собирала свой паззл почти полгода.

Я сама!

Он был не для детей, как я теперь понимаю, слишком уж большой. Пять тысяч кусочков прозрачной пластмассы: малиновые и мраморные, лиловые и шоколадные, лазурные и морковные, лимонные и багровые, маренго и мокрая пыль, уголь и кармин. Картинка строилась неохотно, будто ее оскорбляло быть собранной восьмилетней малявкой, упорно копошащейся на полу в детской. Родителям я строго-на-строго запретила убираться в комнате — ведь они могли разрушить возникающий под моими руками мир. Мама все равно убиралась, аккуратно обходя паззл, но только когда я была в школе.

А из радужных кусочков возникала стена. Каменная стена древнего замка, покрытая мхом, с выщербленной известью швов, с неяркой ящерицей, распластавшейся под лучами солнца.

И витражное окно. Полупрозрачное, нереальное, за которым угадывались смутные человеческие тени. Цветное окно, где рыцарь в сверкающих доспехах склонился перед прекрасной дамой в белом платье. Паззл еще не был закончен, но я уже могла часами любоваться рыцарем и его дамой. Меня смущало, что доспехи рыцаря, блистающие и великолепные, оказались чуть помяты, а кое-где даже запачканы грязью. Меня удивляло лицо дамы — в нем не было восторга, скорее — печаль и жалость. И все-таки я смотрела на паззл, придумывая историю рыцаря и принцессы (ведь молодая дама могла быть только принцессой!). Я решила, что рыцарь только что вернулся из одного похода и собирается на другой. Вот откуда вмятины и грязь на доспехах, вот откуда печаль принцессы.

А разноцветные фигурки вставляли на свои, единственно правильные, места. Загоралась радуга над рыцарем и принцессой. Рука рыцаря сжималась на рукояти меча. В светлых (как у меня!) волосах принцессы засверкал самоцветами гребень. Ящерица на стене обзавелась подружкой.

Родители перестали улыбаться, глядя на мою борьбу с витражом. Теперь и они любили тихонько постоять, глядя, как возникает цветное окно в серой стене. На-

верное, порой они замечали нужные фигурки раньше меня. Но ни разу не подсказывали — так было заведено.

Я сама!

И настал день, когда я поняла — сегодня паззл будет собран. Осталось еще не меньше полусотни кусочков. Самих сложных, почти неотличимых друг от друга. Но я знала, что сегодня увижу картинку всю, целиком.

Я не стала обедать, а потом — ужинать. А мама не стала меня ругать, только принесла чай и бутерброды. Я даже не заметила, как их съела.

Кусочек вставал к кусочку. Цветная мозаика слилась в узор.

И остался последний кусочек — я уже знала какой. Прозрачный, с тремя выступами. Вовсе не главный, всего лишь прозрачный кусочек между склоненной головой рыцаря и тянущейся к нему рукой принцессы. Я протянула руку, пытаясь найти его на ощупь, не отрываясь от картины.

Коробка с фигурками была пуста.

Потом я перевернула комнату вверх дном. Потом я плакала то на руках у отца, то на коленях у мамы. Отец обещал, что напишет письмо в фирму, выпустившую паззл, и мне обязательно пришлют недостающий кусочек. И даже еще один паззл, в компенсацию. Мама перерыла мусорное ведро и вытряхнула пылесос. Хотя и знала, что там ничего нет.

Поздно вечером я вернулась в свою комнату к почти собранному паззлу. Если не знать, что одного кусочка не хватает, то это было даже незаметно.

Теперь я знала правду. Знала, почему так печально лицо принцессы и почему так безнадежно устало склонил голову рыцарь. Им никогда не коснуться друг друга. Между ними — пустота.

Я села на корточки, положила ладони на картинку. И повела левую руку — к себе, а правую — от себя.

Стена замка треснула, ящерку разорвало пополам, рыцарь рассыпался сверкающими кусочками доспехов, принцесса разлетелась белыми обрывками платья.

Пурпур, ржа, охра, старая медь, беж...

Радуга, цветная метель, крашеный снег...

Когда я впервые увидела дип-программу, то поразились — как похож ее завораживающий калейдоскоп на старый паззл, рассыпающийся под моими руками.

Но тогда дип-программы еще не было. Ее изобрели тремя годами позже.

У двери я на миг останавливаюсь, придирчиво оглядываюсь в зеркало. Ох и видок... Из зеркала смотрит на меня унылая дама лет тридцати, с брюзгливо поджатыми губами, намечающимся вторым подбородком — хотя фигура скорее костлявая, чем упитанная. Блеклые волосы собраны в тугий пучок, помада на губах слишком яркая, кричащая, а тени на веках — болотно-зеленые. Мышиного цвета платье, крепкие, будто у крестьянки, ноги в теплых чулках. Вроде как и не уродина, но...

Сексапильности во мне — не больше чем в размазанной по тарелке остывшей овсянке.

Щелкаю свое отражение по носу и выскакиваю из дома. В отличнейшем настроении, бодрая и веселая.

А на улице — хорошо!

Воздух после короткого проливного дождя чистый и свежий, развиднелось и светит солнце. Тепло, но не душно. Во дворе бренчит на гитаре симпатичный парень, и очень хорошо бренчит. Когда я прохожу мимо, он поднимает голову и улыбается.

Он всем улыбается. Он не человек, а программа. Смесь справочного бюро, музыкального автомата и вахтера. Каждый уважающий себя дом Диптауна обзаводится чем-то подобным. Либо играют во дворе неправдоподобно вежливые и умильные детишки, либо сидит на скамейке чинная старушка, либо длинноволосый живописец с мечтательными глазами стоит за мольбертом. А у нас — гитарист.

— Привет, — говорю я ему.

Иногда парень отвечает, но сейчас ограничивается лишь кивком. А я иду дальше. Можно взять такси, но тут недалеко, лучше пройти. Заодно можно собраться перед беседой.

Дело в том, что на самом-то деле я ужасно трушу.

Диптаун всегда был для меня местом для развлечений. С тех пор, как в двенадцать лет я впервые вошла в *глубину*, тогда еще с папиного компьютера и без всякого комбинезона. Ну а когда у меня появилась своя машина, свой комбинезон — пусть даже «подростковый», без некоторых функций... Целоваться это не мешало.

И я носилась по *глубине*, прилипала то к одной компании, то к другой, дружила и ссорилась, храбро

пила виртуальное шампанское, несколько раз виртуально выходила замуж и разводилась. В *глубине* были самые лучшие концерты — на исполинских аренах, над которыми кружились цветные облака и мерцали в такт музыке неправдоподобно яркие звезды. В *глубине* можно было посмотреть самый новый фильм задолго до его выхода на экраны — в роскошных пиратских кинотеатрах. В *глубине* можно было путешествовать — в каждой стране, в каждом городе найдется человек, который делает виртуальную копию любимых пейзажей.

Конечно, были те, кто в *глубине* работал. Программисты, которым стали не нужны офисы. Тьма-тьмушая бухгалтеров, дизайнеров, инженеров. Преподаватели, обучавшие студентов со всего мира. Врачи, консультирующиеся друг с другом. Таинственные дайверы, конечно, если они есть на самом деле.

Но мне ни капельки не хотелось заниматься программированием или бухгалтерским учетом! Я даже учиться предпочитала по старинке. И поступила после лицея на юридический факультет: старомодный и солидный.

Но *глубина* все росла и росла. Ей уже не хватало неписанных правил. Ей потребовались законы.

И юристы.

Я сворачиваю с людного проспекта, прохожу маленьким сквером с заброшенным высохшим фонтаном в центре. Вокруг как-то пустеет, будто люди стараются обходить это место стороной.

Неудивительно. Тюрьмы никогда не пользовались популярностью. Даже виртуальные.

Обнесенное высоким забором с колючей спиралью по верх, уныло-серое здание за сквером — это виртуальная тюрьма русского сектора Диптауна. Кто говорит, что мы отстаем от развитых стран? Может быть, в чем-то и отстаем, но пенитенциарная система всегда следит за прогрессом!

Подхожу к единственным дверям в стене — узкие металлические створки с крошечным окошечком-глазком. Нажимаю кнопку звонка. Пауза, потом слышится железный лязг, окошечко открывается. На меня мрачно смотрит крепкий парень, толстая шея распирает синий форменный воротник. Он не произносит ни слова, ждет. И я молчу, лишь подаю в окошечко документы. Охранник скрывается, теперь уже я терпеливо жду.

Много ли времени нужно, чтобы проверить подлинность документов в *глубине*? Немного, но куда больше требуется на торопливые звонки начальству.

Не возмущаюсь, жду. Поправляю прическу — будто с моим «крысиным хвостиком» что-то могло случиться. Я и сама, наверное, похожа на крысу: поджарую, злую, битую и травленную, привыкшую смотреть на мир без глупых иллюзий.

Ничего, так надо.

Дверь с грохотом открывается. Охранник козыряет и словно бы растерянно отступает в сторону, пропуская меня вперед.

За дверью вовсе не тюремный двор, а полутемный коридор. Стена, судя по всему, толщиной метров пять. Это вовсе не показуха. Пока я иду, цокая каблучками по шербатову бетонному полу, в мой компьютер торопливо закачиваются нехитрые тюремные интерьеры. Коридоры, комнаты охраны и персонала...

Коридор кончается еще одной дверью. Охранник тянется, пытаясь открыть дверь, но я его опережаю.

И выхожу в тюремный двор.

Спортивная площадка и площадка для прогулок. Ухоженные клумбы вдоль дорожки, ведущей к тюрьме. Никогда не видела в России таких тюрем, ее проектировщик содрал дизайн с каких-нибудь американских, из самых новых. В такой тюрьме только перевоспитываться!

Охранник деликатно покашливает, я насмешливо смотрю на него. Вряд ли это настоящий служака из внутренних войск, повидавший настоящие тюрьмы. Здесь, в виртуальности, важны не физические данные.

— Идемте, — успокаиваю я охранника. — У вас всегда так безлюдно?

Мой доброжелательный тон охранника не успокаивает. Видимо, в сочетании с брюзгливо поджатыми губами и вечно наморщенным лбом доброжелательность кажется издевкой.

— Нет... не всегда... госпожа инспектор.

— Ничего, ничего, — говорю я так, что сразу ясно — очень даже «чего»!

Мы входим в помещение тюрьмы. Это административный этаж, и лишь решетки на окнах напоминают о суровой прозе жизни. Проходя мимо одного из окон,

я провожу по стеклу кончиками пальцев. Так, чтобы немного лака с ногтей попало на стекло.

Охранник ничего не замечает.

Персонала немного — нам попадаютсЯ две женщины в форме и разболтанный молодой человек в грязноватом белом халате. Молодой человек долго смотрит на меня, будто размышляет, следует ли познакомиться, или лучше юркнуть в ближайшую дверь. Благоразумие берет верх, и он скрывается в двери с надписью «Контрольная комната».

В настоящей тюрьме здесь помещались бы мониторы внутреннего наблюдения. Очевидно, здесь — то же самое. Мне становится интересно, и возле двери я впечатываю каблук в пол сильнее обычного. Охранник оборачивается, делаю вид, что запнулась.

Крошечный термит, выбравшийся из каблука и деловито направившийся к двери, невооруженным глазом не различим.

Наконец-то кабинет начальника тюрьмы. У двери охранник останавливается, предоставляя мне инициативу.

Стучу по мягкой синтетической обивке, вызывающей воспоминания о тех незабвенных днях, когда квартирные двери делались из фанеры и дерматина, а не из легированной стали. И вхожу, не дожидаясь ответа.

Задержка почти неощутима, и все-таки она есть. Дверь открывается слишком медленно, будто пересиливаешь тугую пружину. Еще один сервер, а может быть — закрытый участок тюремного сервера... надо будет выяснить. Но сейчас я выбрасываю все это из головы и сухомерно улыбаюсь начальнику тюрьмы.

— Добрый день.

Начальник тюрьмы под два метра ростом, мордаст и широкоплеч, форма на нем сидит как влитая, грозно посверкивают звездочками подполковничьи погоны. Нетрудно иметь бравый вид в виртуальности.

— Ваши документы.

Молча подаю ему удостоверение, приказ из Управления по Надзору, командировочное удостоверение. Что ни говори, а это замечательное изобретение бюрократии — командировка в виртуальный мир. Может быть, именно поэтому большинство государственных учреждений располагается на «независимых» международных серверах? Куда приятнее быть командированным в виртуальную Панаму или Бурунди, чем в банальный Звенигород.

Жалко, что виртуальную тюрьму все-таки поместили на сервере МВД...

Пока подполковник просматривает документы, с любопытством оглядываю кабинет. Ничего интересного в нем нет, но все-таки... самый маленький штрих может быть полезен.

— Садитесь... Карина Петровна.

Он на глазах смягчается. Наверняка глянул на год рождения.

— Первый раз с инспекцией, Карина Петровна?

Киваю. И с откровенностью круглой дуры добавляю:

— С виртуальной — да.

— Аркадий Томилин. Просто Аркадий. — Пожимаю крепкую ладонь. У него приятное рукопожатие, располагающее.

— Честно говоря, я вначале напрягся.

Откровенность за откровенность...

— Виртуальные исправительные заведения — дело новое, непривычное. — Подполковник вольным жестом отбрасывает бумаги на стол. — И если их пытается инспектировать человек в годах, со старыми подходами, о *глубине* имеющий самые поверхностные представления... Вы курите, Карина Петровна?

— Курите, — разрешаю я. — Можно просто Карина.

Подполковник закуривает дорогие «XXI век», в *глубине* распространяющиеся бесплатно. То ли демонстрирует свою простоту, то ли благоразумно не хочет привыкать к дорогим сигаретам — в реальном-то мире тоже захочется курить...

— Вы в курсе ситуации с виртуальными тюрьмами?

Еще один жест. Никто не любит называть место своей работы тюрьмой. Самые неуклюжие словосочетания вроде «исправительно-трудовое учреждение» пользуются большей популярностью.

— В общих чертах — в курсе, — говорю я с заминкой.

— Тогда общий экскурс... Да, Карина, Петр Абрамович еще преподает?

— Преподает.

— Сто лет не видал старика... Так вот, первые шаги в этом направлении сделали американцы, мы, как всегда, отстаем. Всем ведь понятно, что зачастую исправительные учреждения своей цели не служат. Не перевоспитывают человека, преступившего закон, а лишь озлобляют, сводят с криминальной средой... замкнутый круг, мы словно готовим себе новый контингент! А ведь в истории были, и неоднократно, примеры удачного перевоспитания преступников. Что такое Австралия, если вдуматься? Бывшая

ссылка. Отправляли каторжников, ставили их в такие условия, что средством выживания становился честный труд, и добивались поразительных результатов! Каторжники создавали свое общество, перевоспитывались, население росло...

Почему-то мне очень хочется добавить про кроликов, которых тоже отправляли в Австралию. Но я молчу, лишь киваю.

— Цель идеальной тюрьмы — создать человеку условия для осознания своего проступка. Добиться катарсиса, настоящего покаяния. Но тут подход должен быть глубоко индивидуальный. Одному требуется заключение в одиночной камере и Библия под рукой. Другому — общение с людьми. Третьего надо просто научить читать, писать, дать хоть какую-то специальность! Но в обычной тюрьме такой индивидуальный подход невозможен. Вот в этом и смысл виртуальных тюрем. Квалифицированные юристы и психологи определяют, каким именно образом можно наставить преступника на путь исправления. И человек получает именно ту тюрьму, которая ему нужна! Необитаемый остров. Маленькую общину высоко в горах. Если требуется — то тюремную камеру, но чистую, сухую, теплую... Плюс — постоянные элементы психодрамы, целые спектакли, в которых они невольно участвуют, тем самым вставая на путь исправления...

Подполковник даже встает и начинает расхаживать по кабинету. Вожу за ним глазами, словно китайский болванчик.

— Итак, мы функционируем уже второй год. У нас более двухсот подопечных... все добровольно выбрали заключение в виртуальной тюрьме, разумеется. Контингент самый разный — от хакеров и распространителей нелицензионной программной продукции до убийц и насильников. В реальном мире их тела находятся в специальной тюрьме под Москвой... скорее даже это лазарет. Мы закупили специальные устройства, «дип-бокс» или *глубинный контейнер*. В них человек может находиться в виртуальности месяцами и даже годами. Дорого, скажете вы? Конечно! Но и обычное содержание под стражей обходится государству недешево. К тому же у нас на выходе будут получаться честные, осознавшие свою вину люди. А именно это наша цель. Не покарать преступление — оно уже совершено, а предотвратить преступления новые, вернуть обществу здорового, законопослушного гражданина...

Я все это знаю.

Хорошие и правильные слова говорит господин подполковник молоденькой инспекторше, первый раз прибывшей с проверкой в виртуальную тюрьму.

Вот только почему твои подопечные могут свободно выходить из замечательной виртуальной тюрьмы на улицы Диптауна? Или ты не подозреваешь об этом, Аркадий Томилин, офицер с прекрасным послужным списком?

Мне хочется задать этот вопрос, и я его задам. Но не сейчас. Потом.

А пока я слушаю — про великолепные системы безопасности, про защищенный от любых проникновений сервер, про психологов, медиков, про молодой персонал с незашоренным мышлением, про то, какие замечательные письма пишут родным вставшие на путь исправления заключенные.

0010

Нам подают чай. Суровая женщина в форме — на секретаршу она не походит, да и нет у начальника тюрьмы приемной. Наверное, работает в женском блоке тюрьмы.

— Чай хороший, — говорит подполковник. Кладет три ложки сахара, помещивает и добавляет: — Краснодарский. Мы используем виртуальные образы только российских продуктов.

Нашел чем гордиться!

Виртуальный патриотизм — это даже не смешно. Достаточно однажды разориться на настоящий чай, на те самые три верхних листика, вручную собранных с куста. Конечно, если ты олигарх из недобитых в начале века, то пей чай из тех, что «три доллара — грамм», хоть каждый день. Но на одну-то чайную церемонию скопить несложно. Зато потом наслаждайся настоящим чаем при каждом визите в *глубину!*

Но эти мысли я оставляю про себя. Пью чай. Не знаю, каков он для начальника тюрьмы. Для меня — мутноватая вонючая жидкость с плавающими поверх щепками. В такой чай и впрямь надо класть сахар, вгоняя в ступор настоящих ценителей напитка.

— Вы начнете с отчетности? — спрашивает подполковник мимоходом.

— Наверное, — делаю вид, что размышляю. — Нет, наверное, вначале осммотрю условия содержания.

Начальник кивает. Либо ему все равно, либо хорошо при-
творяется.

— У меня с собой несколько сканеров, — добавляю я. —
Знаете, есть мнение, что виртуальная тюрьма недостаточно
защищена от побегов...

Аркадий смеется совершенно искренне.

— Побег? Куда, Карина? Ох уж мне эти динозавры от
юриспруденции... Все наши подопечные спят крепким сном
за высокими заборами. Вокруг — виртуальность!

— Да, — лепечу я, — но если убийцы и насильники смо-
гут разбежаться по Диптауну...

— Предположим! — Подполковник готов идти мне на-
встречу. — Итак, кровожадный маньяк Вася Пупкин сумел
убежать из виртуальной тюрьмы...

Бедный Василий Пупкин, автор учебника арифметики
для церковноприходских школ! Не знал он, как жестоко рас-
правятся с ним измученные задачками про бассейны и поез-
да ученики. Сделают его имя нарицательным, похлеще лю-
бого мистера Смита.

— И что же сотворит наш маньяк в виртуальности? —
продолжает вопрошать Томилин. — А, Карина?

— Убийство, — предполагаю я.

— Виртуальное?

— А как же оружие третьего поколения? Которое убива-
ет людей из виртуальности?

Понимаю, что стремительно падаю в глазах Томилина.
Но ничего не поделаешь.

— Карина, года два назад ходили подобные слухи, — со-
глашается он. — Даже целые истории рассказывали. О том,
как некий хакер погиб от виртуальной пули... Поверьте, шум
был такой, что началось официальное расследование. Да,
попытки конструировать оружие третьего поколения были.
Но ничем не увенчались. Серьезные люди давно оставили
эти исследования... разве что соответствующие службы еще
сосут денежки из своих правительств.

— А если сексуальное насилие? — не сдаюсь я. — Ведь
это в виртуальности возможно!

Тут подполковнику крыть нечем, и он сразу же теряет
ироничность.

— Зато убежать из тюрьмы невозможно. Пожалуйста, про-
веряйте... я первый пожму вам руку, если вы докаже-
те обратное.

Что-то я выхожу из роли. Старлей Карина, гордая от своей миссии, не должна отвлекаться на чай, пусть даже краснодарский, и бородастые анекдоты.

— Давайте начнем, — отставляю я чашечку. Чашечка красивая — черные с золотом розы на тонком фарфоре. Тоже отечественная, ясное дело.

— Следуйте за мной. — Голос Томилина тоже суровее.

Идем долго. Не менее трех решетчатых дверей — сервергейтов, погружающих нас все глубже и глубже в тюремную сетку. Я демонстративно вожу вокруг сканером — вполне исправным и довольно надежным прибором. Все чисто. Никаких подкопов. Эдмон Дантес зря потратил бы свои молодые годы.

Тюремный корпус и впрямь построен по американскому образцу. Приличных размеров помещение, пассаж, где вместо магазинов — зарешеченные клетушки в три этажа. Неожиданности начинаются, когда мы подходим к первой камере. Она пуста.

— Подопечный в своем пространстве, — говорит Томилин. — Видите дверь?

В камере и впрямь есть одна деталь, выбивающаяся из привычного тюремного интерьера. Между сверкающим унитазом и жесткой откидной койкой — занавешенный плотной серой тканью дверной проем.

— Это и есть та самая Внутренняя Монголия? — позволяю себе вольность. Ну должна же была трудолюбивая инспекторша ознакомиться с тюремным жаргоном?

— Да, — с легким удивлением отвечает Томилин. — Сержант!

Один из надзирателей, молчаливо следующих за нами, гремит ключами и отпирает камеру. Вхожу вслед за Томилиным.

— Не надо, — отмахивается подполковник от бросившегося к портьеру сержанта. — Итак, Карина Петровна, весь наш контингент вправе отбывать свое наказание обычным образом, хотя и в виртуальности. Находиться в камере, работать в мастерской, посещать библиотеку и церковь... мы предоставляем услуги представителям пяти наиболее популярных конфессий. Однако есть и решающее отличие нашей тюрьмы от обычной. Каждый заключенный имеет собственное автономное пространство, как его неофициально называ-

ют — Внутреннюю Монголию. В каждом конкретном случае это пространство создается индивидуально, квалифицированными специалистами. Посещение вну... автономного пространства, или же зоны катарсиса — это уже официальный термин, — служит перевоспитанию преступника. Могу заметить, что случаи отказа от этой терапии крайне редки. Позвольте...

— Это не слишком бесцеремонно? — спрашиваю я.

И Томилин ошутимо меняется в лице:

— За находящимися в зоне катарсиса ведется непрерывное наблюдение. Они знают, что в любой момент надзиратель может прервать сеанс. Пройдемте.

Может быть, он начинал с патрульно-постовой службы?

Вслед за Томилиным я отдергиваю занавеску и вхожу в зону чужого катарсиса. В чью-то Внутреннюю Монголию.

А это и впрямь похоже на монгольскую степь!

Нет, я там не бывала. Даже через *глубину*. Но в моем представлении она так и выглядит: бескрайняя равнина до самого горизонта, каменистая земля с сухими стебельками высушенной злым солнцем травы, пыльный ветер, безоблачное небо. Очень жарко.

— Т-с! — упреждает мой вопрос Томилин. — Вон там.

И впрямь, метрах в ста от входа — полощущегося прямо в воздухе серого полотнища, сидит на корточках человек. Мы приближаемся, и человек оказывается щедрым, с жиденькими волосами и нездоровой бледной кожей типом.

Перед ним сидит на земле крошечная рыжая лисичка — фенек.

Можно подумать, что они медитируют, глядя друг на друга. Но в отличие от человека лисичка нас видит. И когда мы подходим совсем близко — разворачивается и обращается в бегство.

Человек горестно вскрикивает и лишь потом оборачивается.

Лицо у него тоже самое обычное. С таким лицом трудно назначать девушкам свидания — не узнают, не выделяют из толпы.

— Заключение Геннадий Казаков, осужден районным судом города... — вскакивая и закладывая руки за голову, начинает он вытверженную назубок формулу.

А статья у него плохая. Умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах.

— Я особый инспектор Управления по надзору за исправительными заведениями, — говорю я. — Есть ли у вас жалобы на условия содержания?

— Жалоб нет, — быстро отвечает осужденный.

Во взгляде его не страх и даже не злость к тюремщикам. Раздражение! Самое настоящее раздражение человека, оторванного от очень важного дела ради какой-то ерунды. Больше ничего во взгляде нет.

— Пойдемте, — говорю я Томилину.

И мы оставляем Казакова в его Внутренней Монголии. Подполковник начинает говорить, едва мы выходим в обычную камеру.

— Это один из простейших, но, на мой взгляд, изящный вариант зоны катарсиса. У заключенного есть выход в пустыню. Пустыня безгранична, но замкнута — попытавшись уйти, он вернется к прежнему месту. В пустыне обитает одна-единственная лисичка. Терпением и мягкостью заключенный может ее приручить. За последний год наш подопечный добился определенных успехов.

— Очень трогательно, — морщусь я. Постукиваю каблуком о каблук — на пол сыплется мелкий сухой песок. — Хотя заключенный Казаков не очень-то похож на Маленького Принца. А что будет дальше?

— Когда он приручит лисичку, то сможет принести ее в камеру. Она станет совсем ручной, будет спать у него в ногах, бегать между камерами с записками... даже немножко понимать его речь. — Томилин чем-то недоволен, но рассказывает все-таки с увлечением.

— А потом?

— Вы догадливы, Карина. Потом фенек умрет. Он найдет ее в пустыне дня через три после того, как лисичка перестанет приходить в камеру. И будет непонятно, то ли она умерла своей смертью, то ли кем-то убита.

Останавливаюсь. То ли от уверенного голоса начальника тюрьмы, то ли под впечатлением только что увиденного, но я представляю все слишком четко. Человек, стоящий на коленях перед неподвижным тельцем зверька. Крик, отчаянный и безнадежный. Пальцы, скребущие сухой такыр. И пустые глаза — в которых больше ничего нет.

Видимо, лицо меня выдает.

— Это *нарисованная* лисичка, — говорит подполковник.

— Обычная программа «домашний любимец» с замедленным инстинктом приручения. Ее не надо жа-

леть. — Он секунду медлит, потом добавляет: — А человека, зверски убившего свою жену, — тем более. Пережитый шок заставит его осознать, что такое боль утраты.

У меня на языке крутятся очень скептические вопросы. Но разве мое дело их задавать? Поэтому киваю, кручу вокруг сканером, уделяя особое внимание зарешеченному окну. Томилину смешно, но он старается не улыбаться.

Спасибо ему большое.

Мы проходим еще три камеры. В одной заключенный спит, и я прошу подполковника его не будить. Обитатели двух других странствуют по своим зонам катарсиса. Первая зона — город, где нет никого, вообще никого, но все время находятся следы недавнего присутствия людей. Я сразу угадываю, что город предназначен для еще одного убийцы. Вторая зона — что-то подозрительно смахивающее на симулятор автогонок. Здесь раскаивается в своем преступлении шофер, покалечивший в пьяном состоянии несколько человек. Не знаю, не знаю... мне кажется, что веселый усатый мужик просто старается сохранить профессиональную форму. Впрочем, ему осталось сидеть всего полгода. Вряд ли он решится бежать, даже если его большегрузный «КамАЗ» проломит нарисованный забор и выкатит на улицы Диптауна.

Но сканером я работаю старательно.

— Дальше — заключенные под стражу за экономические преступления, — говорит подполковник. — Будете знакомиться?

Можно подумать, что убийцы и насильники для меня более интересны.

— Конечно.

— Взлом серверов, кража информации, составляющей коммерческую тайну. В общем — хакер, — представляет подполковник отсутствующего обитателя камеры. — В зону катарсиса пойдем?

— Давайте заглянем, — говорю я, стараясь не выдать волнения.

На экране детектора по-прежнему горит зеленый огонек — все чисто. Но этот огонек не играет никакой роли. Он для тех, кто глянет на экран через мое плечо.

Ничего не значащая буква F в углу экрана гораздо информативнее. Где-то рядом пробит канал на улицы Диптауна.

Ах какая замечательная идея — наказать хакера заключением в виртуальной тюрьме!

Зона катарсиса хакера — подъезд многоэтажки. Грязноватый, с унылыми резиновыми ковриками у дверей. Почему у ковриков всегда такая тоскливая раскраска? Чтобы не сперли?

— Труднее всего перевоспитывать человека, совершившего экономические преступления, — сообщает вдруг подполковник. — Понимаете, Карина?

— Нет, не совсем.

— Ну посудите сами. — Он оживает. — Вот простейший пример. Медицина лечит страшные болезни: оспу, чуму. А с банальным насморком справиться не может. Так и с преступлениями в экономической сфере: воровством данных, незаконным использованием программами. Поймать правонарушителя, наказать его — мы в силах. Но убедить его, что поступать так нельзя... Во-первых, сроки заключения небольшие. Совершенно нет времени на работу с человеком...

Мне почудилось, или в голосе Томилина сквозит огорчение?

— Во-вторых, очень трудно убедить человека, что его действия аморальны. Даже христианских заповедей не хватает. Сказано «не укради», но разве человек крал? Он всего лишь скопировал информацию. Пострадал ли конкретный человек? По сути — да. Но объясни провинциальному программисту, что Билл Гейтс страдает от незаконного пользования «Виндоус-Хоум», что певице Энии нужны отчисления от продажи дисков!

Я смотрю на Томилина с удивлением. Вот уж не ожидала, что он слушает Энию! Такие, как он, должны слушать музыку раз в год. На концерте в честь Дня милиции.

— Но мы все-таки не сдаемся, — со скромной гордостью говорит Томилин.

Мы идем по лестнице, Томилин легонько толкает каждую дверь. Наконец одна поддается.

Входим.

Квартира. Как принято говорить — чистенько. Даже слишком уж аккуратно, учитывая доносящиеся детские голоса.

— Это квартира обычного российского программиста, — торжественно говорит Томилин, понижая голос. — Зовут его Алексей, жена — Катерина, дочь — Диана,

сын — Артем. Имена, возраст, характер — все составлено на основе большой репрезентативной выборки. Это абсолютно стандартный программист.

У меня в груди шевелится смешок. Но я молчу, киваю.

— Алексей работает в фирме «Седьмой проект», занимающейся выпуском и локализацией игровых программ, — продолжает подполковник. — Но хакеры взломали сервер и украли новейшую игру, над которой программисты работали пять лет. Игра вышла на пиратских дисках, фирма на грани банкротства.

Вслед за Томилиным иду в гостиную. Мысли по поводу игры, которую делают пять лет, держу при себе.

А вот и наш программист. Он тощ, очкаст и небрит. Сидит на табуретке перед компьютером, на мониторе — строчки машинного кода. Судя по поведению Томилина, нас Алексей не видит. Впрочем, он и без того занят — положив руку на плечо конопатого мальчика, что-то втолковывает ему:

— Я понимаю, сынок. Мы обещали тебе велосипед, но нам с мамой сейчас очень трудно. У нас украли игру, которую мы так долго делали, и зарплату не платят.

— Но у всех ребят есть велосипеды... — горько отвечает ребенок.

— Ты ведь уже большой и сам должен понимать, — серьезно отвечает стандартный российский программист. — Давай договоримся, что к Новому году мы подарим тебе коньки?

Главное — не смеяться. Выйду из образа. Да и нехорошо — как-никак у ребенка горе!

— Хорошо, папа, — соглашается стандартный ребенок российского программиста. — Давай я помогу тебе отлаживать программу? И ты быстрее сделаешь новую игру.

— Давай, сынок. Если ее не украдут, то мы подарим тебе велосипед!

— Примерно такая вот психодрама, — шепчет мне на ухо Томилин. — Шоковая терапия.

Невесть отчего, но я вдруг вспоминаю старый-престарый фильм, еще коммунистических времен. Там действие происходило в пионерлагере, на сцене дети пели песню «На пыльных тропинках далеких планет...». А директор пионерлагеря, склонившись к важному гостю, шепнул...

— Эту песню Гагарин пел в космосе! — произношу я вслух. Непроизвольно. Само с языка слетело, честное слово!

И вдруг лицо Томилина едва заметно меняется. Вспыхивает и гаснет улыбка.

Вовсе ты не так прост, товарищ подполковник!

Но обдумывать это некогда. Я заговорила слишком громко — и из повернутого к нам спинкой кресла раздается досадливое кряхтение. Кресло жалобно скрипит (и почему несчастный стандартный программист мучается на табуретке, когда есть другая мебель?). Над спинкой появляется сверкающая лысина. Потом — широкие плечи.

— Охо-хо... — вздыхает обладатель лысины, разворачиваясь.

Ну и шкаф!

Хакер вовсе не так толст и приземист, как мне показалось. Он просто широк. Тюремная роба на нем едва сходится, видна волосатая грудь.

— Заключенный Антон Стеков, — с вальяжной небрежностью, хотя и без заминки, закладывая руки за голову, говорит хакер. — Осужден...

— Осуждён, — внезапно поправляет его Томилин.

— Осуждён, осуждён, — соглашается хакер. — По статье двести семьдесят два, часть первая УК России...

На носу хакера — очки в тоненькой интеллигентской оправе. То ли линзы очень сильные, то ли он от природы пучеглаз.

Пока хакер отчитывается, пытаюсь понять, чем же он занимался. Неужели слушал сетования стандартного программиста стандартному ребенку?

Наконец до меня доходит. В углу едва слышно бормочет телевизор — старенький «Самсунг». Хакер всего-то смотрел новости!

— Я инспектор по надзору, — говорю я. — Заключенный Стеков, у вас есть жалобы?

— Есть, — косясь на начальника, говорит хакер.

— Я ваш слушаю.

— Ленивчик не работает, — вздыхает Стеков и в доказательство демонстрирует пульт дистанционного управления от телевизора. — Нет, я понимаю, если это наказание такое — пускай будет. Но если просто недосмотр?

— Что-либо еще? — спрашиваю я, опомнившись. Слегка пристукиваю каблук по полу — и крошечный термит устремляется к заключенному.

— Больше ничего, — с достоинством отвечает хакер. — Отношение самое благожелательное, хар-

чи вкусные, постельное белье меняют регулярно, раз в неделю — баня.

— Я выясню, что можно сделать... с ленивчиком...

Томилин с каменным выражением лица ждет.

— Разрешите вернуться к отбытию наказания? — спрашивает Стеков.

Ожидаю со стороны подполковника какой-либо реакции, но ее нет. Мы покидаем хакера, выходим в подъезд, затем — в камеру.

— Храбрится, — неожиданно замечает Томилин. — Заключение в виртуальности для хакеров — самое неприятное наказание. Находятся в *глубине*, и при этом — никакой возможности взломать программы.

Киваю... и вдруг понимаю, что меня насторожило. Стаття двести семьдесят два часть первая. Исправительные работы на срок от шести месяцев до года, лишение свободы на срок до двух лет.

— Какой у него срок?

— Шесть месяцев.

— И... сколько осталось?

— Чуть меньше двух.

Не понимаю. Даже если хакер сумел выбраться из виртуальной тюрьмы — к чему такой риск? Отбывать наказание ему осталось всего ничего!

— Продолжим обход? — спрашивает Томилин.

По-хорошему стоит посетить еще пару камер. Исключительно с целью запутать Томилина. Смотрю на часы.

— У меня есть еще двадцать минут. Давайте. Сосредоточимся на компьютерных преступлениях, хорошо?

deep

Кружится перед глазами цветная мозаика. Не то пытаюсь сложиться в картинку, не то рассыпаясь. Рыцарский меч, доспехи, протянутая рука, самоцветный гребень, ящерка на стене...

Но я знаю — в этом паззле недостает одного, самого важного, фрагмента.

Выход.

Я стянула шлем, расстегнула воротник комбинезона. В комнате было темно — так и не раздернула с утра шторы...

Встав и сладко потянувшись, я крикнула:

— Мама! Папа! Я дома!

Сквозь дверь донеслось что-то неразборчивое, заглушенное музыкой. С этими родителями беда! Как врубят свою «Машину времени» или других старичков — не дозовешься!

— Не слышу! — крикнула я снова.

Макаревич, сокрушающийся о невозможности изменить мир, притих.

— Дочка, ужинать будешь? Тебе накладывать? — подойдя к двери, спросила мама.

— Иду, — выскальзывая из комбинезона, сказала я. — Сейчас.

Ежась под холодным душем — ничего нет лучше, чтобы опомниться от *глубины*, — я прокрутила в памяти тюрьму, Томилина, хакера Антона.

Нет, не сходится что-то.

Я выскочила из душа, промокнула с тела воду, швырнула полотенце прямо в бак стиралки. Влезла в старые, дырявые на коленках джинсы, надела старую рубашку — когда-то ее таскала мама, но она мне жутко нравилась.

— Карина!

— Иду, — отпирая дверь, пробормотала я. — Ну сказала же, сейчас...

Папа уже был дома. Сидел за столом, косясь одним глазом в телевизор. И не преминул спросить:

— Любимый город?

— Может спать спокойно. — Я плюхнулась на свою законную табуретку. — Папа, вот представь, что ты сидишь в тюрьме...

— Не хочу, — немедленно ответил папа.

— А ты попробуй. Тебя посадили на полгода, ну, за взлом сервака и кражу файла...

— Карина! — Папа многозначительно постучал вилок по тарелке.

— За неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации, какое деяние повлекло за собой копирование информации... — досадливо сказала я.

— Представил, — ответил папа. — Теперь представил. Дальше?

Разумеется, я не должна обсуждать с родными таких вещей. Ну... мало ли чего я не должна делать? Сажать «жучков» на Томилина я тоже не имела права.

— Тебе дали полгода в виртуальной тюрьме...

— Спасибо, что не вышку, — вставил папа. Поймал укоризненный мамин взгляд и улыбнулся.

— Полгода, — гнула я свою линию. — Четыре месяца ты отсидел. И вдруг нашел способ выбираться наружу, в Диптаун. Но если это раскроется, то статья будет как за обычный побег! Станешь ты прогуливаться по Диптауну?

— Это все твоя американская практика? — невинно спросил папа.

— Да не практика, я же неделю как вернулась... — начала я, но вовремя сообразила, что отец шутит. Стажировку в США я проходила в виртуальности, хотя очень надеялась на настоящую поездку. Вот и выслушивала каждый вечер про чудеса техники: «А дочка уже вернулась из Штатов? Надо же, какие быстрые нынче самолеты!» — Папа, я серьезно!

— Я не юрист, — скромно сказал папа. — И даже не зэк.

— Папа...

Отец задумался.

— Мог бы и убежать, — сказал он наконец. — Если есть какая-то важная причина. Это наш хакер?

— Я абстрактно спрашиваю, — терзая вилкой котлету, спросила я.

— Так и я тоже. Это абстрактный русский хакер?

— Угу.

— Тогда он может быть влюблен, может распивать с друзьями пиво или убежать всего-то ради куража.

— А если хакер американский?

— Тогда он грабит банки, пользуясь имеющимся алиби, — уверенно сказал папа. — Чем не повод? Сесть в тюрьму на маленький срок и, честно отбывая наказание, заняться серьезным бизнесом.

— Карина, пять минут прошли, — напомнила мама.

У меня хорошие родители. Но правило, что о работе за столом не говорят, а если уж говорят, то не больше пяти минут, они соблюдают строго. Лучше и не спорить.

— Злые вы, уйду я от вас, — заявила я и протянула Клеопатре, маминой ручной крысе, сидящей у нее на плече, кусочек котлеты. Клео котлету понюхала, но не взяла.

— Не закармливай бедное животное, — строго сказала мама.

— Когда ты приведешь домой молодого человека и скажешь: «Я с ним уйду», мы будем счастливы, — добавил отец.

— Я припомню, — злорадно пообещала я.

— Виртуальные молодые люди не считаются, — уточнила мама.

Нет, это хорошо, когда родители сами программисты. Причем не такие стандартные, как во Внутренней Монголии у Антона Стекова.

Но иногда мне хочется, чтобы они были больше похожи на родителей, а не на старшего брата и сестру. Впрочем, братья и сестры мне бы тоже не помешали...

— Этими детскими забавами я переболела, — сказала я. — Мне двадцать шесть лет, я старая крыса из эмвэдэшного вивариума. В виртуальности пусть влюбляются тины.

— Карина? — мягко спросил папа.

— Тинэйджеры!

— Карина?

— Прыщавые подростки! — Я бросила вилку, так что Клео на мамином плече вздрогнула. Хотела было сразу выскочить из кухни, но вначале открыла холодильник и схватила пакет молока.

— Не пей холодное! — напомнила мама.

— Поставь под кулер, пусть нагреется, — посоветовал отец.

— Папа? — ехидно спросила я, направляясь в свою комнату.

— Под вентилятор системного блока, — быстро исправился папа. Но я уже скрылась за дверью.

0100

Терпеть не могу, когда мне пытаются устроить семейную жизнь!

И ведь была бы мужчиной — никто бы не удивлялся, что в двадцать шесть лет я занимаюсь карьерой, а не возней на кухне. Просто средневековое какое-то. Все родственники так и стараются с кем-нибудь познакомиться, причем родители этому потворствуют.

У меня есть хорошая подруга, правда, мы никогда с ней не встречались в реале. Зовут ее Наташа, она русская, но живет в Австралии, уехала туда с родителями еще в детстве. Года два назад мы с ней обсуждали, когда стоит выходить замуж и надо ли это делать вообще. Как-то так получилось, что Наташа заговорила о лесбийском сексе. Мы пообсуждали эту тему немного и решили попробовать — вдруг у нас что-то получится? Подруги мы и так замечатель-

ные, а вдруг ко всему еще удастся организовать крепкую семью? Тянуть мы не стали, пошли в какой-то диптауновский ресторанчик, распили бутылку шампанского и попробовали поцеловаться. Я чмокнула Наташу в губы — и вдруг мне стало так смешно...

Ох и хохотали же мы! Только настроимся на серьезный лад, как полагается влюбленным женщинам, посмотрим друг на друга — и снова тянет смеяться. Никакой романтики. Так что мы выпили еще шампанского и познакомились с ребятами, сидевшими за соседним столиком.

Я вообще считаю, что семья — это пережиток довиртуальной эры. Но родителям этого никогда не объяснить.

Попивая холодное молоко прямо из пакета, я глазела на монитор и обдумывала жилищный вопрос, который в нашей стране всегда и все портит. Хотелось думать о хорошем. О том, что я разоблачу жуткую банду виртуальных преступников и получу премию — такую огромную, что куплю квартиру. Ну или выиграю в лотерею особняк, лимузин и яхту... это ведь куда вероятнее.

И тут на экране замигала панелька «жучка», а колонки противно запищали.

Ничего себе!

Я вскочила, запрыгала на одной ноге, втискиваясь в комбинезон. На мониторе уже развернулась карта Диптауна, а по ней невозмутимо плыла зеленая точка. Хакер Антон Стеков покинул хваленую виртуальную тюрьму и прогулочным шагом дефилировал по городу!

У меня несколько точек входа в *глубину*. Сейчас я нацелилась на портал в развлекательном центре, не самый лучший, зато прямо на пути хакера. Надевая шлем, попыталась вспомнить, какие там есть тела. Кажется, выбор у меня небогатый...

deep

Ввод.

Я вскакиваю с койки в маленькой, узкой, как пенал, комнатушке. Распахиваю стенной шкаф — на крючках болтаются две девицы. Одна вульгарная до безобразия, размалеванная и в дурацком старомодном платье. Вторая — слишком уж малолетка, в такой только на молодежную дискотеку идти...

Так, а в чем я сейчас?

Вполне симпатичная девушка, крепенькая, фигуристая, но по-спортивному. Пойдет. Такая должна понравиться Стекову.

Я пристегиваю на руку попискивающий сканер, замаскированный под часы, и выхожу из комнаты.

На прозрачный пол высоченного небоскреба, к скользящим в прозрачных шахтах прозрачных лифтах. Здание все из стекла, лишь арендованные комнатки темнеют, будто капли меда в сотах. Никогда не построить такого небоскреба — там, в настоящем мире...

Ныряю в услужливый лифт — и тот с головокружительной скоростью падает из поднебесья к улицам Диптауна. Страдающих боязнью высоты просьба не беспокоиться...

А сканер жизнерадостно пищит, стрелочка плавно разворачивается на экране. Хакер не стал брать такси, он просто идет по улице.

Нет, не могу поверить в свою удачу! Так быстро и легко обнаружить нарушение! Задание и без того было головокружительным: первая инспекция в первой виртуальной тюрьме. Понять не могу, как мне доверили, почему не послали бригаду опытных программистов — ведь есть у нас настоящие мастера, они бы тюрьму разобрали по байту, даже не заходя в *глубину*. А товарищ подполковник и его подопечные даже не заметили бы, что лежат на предметном стеклышке под микроскопом...

И тут меня посещает очень нехорошая мысль.

Слов нет, до чего нехорошая.

А с чего я взяла, что этого не происходит? Это ведь обычнейшая схема — к объекту разработки направляется неопытный сотрудник, «лопух» на жаргоне, а настоящие профессионалы работают тихо и незаметно...

Но сейчас задумываться об этом нельзя, нет на это времени. Я выхожу из лифта — и сразу же вижу Антона Стекова.

Нет, каков наглец!

Заклоченный идет по улице в своем настоящем облике. Он даже переодеться не удосужился! Пользуется тем, что виртуальные тюрьмы — дело новое, о побегах никто и не слышал.

Я пристраиваюсь за хакером, пытаюсь сообразить, что же мне делать. Связаться с полицией Диптауна? У меня есть идентификационный номер сотрудника

МВД России, мне обязаны оказать поддержку. А может быть, проследить за Стековым? Конечно, *наружка* — не моя область, но...

«Карина, опомнись! — строго говорю я себе. — Не играй в сыщиков, ты эксперт, а не оперативный работник!»

Все так, но я продолжаю идти за Стековым. Ругаю себя, вспоминаю отчеты психологов: у людей, с детства находящихся в *глубине*, отмечается значительный психический инфантилизм, склонность играть, а не жить... И все-таки я иду за Стековым.

К счастью — недолго.

Хакер уверенным шагом направляется к столикам маленькой открытой кофейни. Навстречу ему встает высокий светловолосый мужчина — ну и вырядился кто-то, прям викинг из фильма... наверняка в реальной жизни — пузатый недомерок...

Стеков и незнакомец обнимаются, обмениваются какими-то репликами. Стараясь выглядеть непринужденной, я присаживаюсь за соседний столик. Отключаю у сканера звук, хватит ему пищать.

Неумело, непрофессионально... не обучали меня слежке...

Но вроде бы они на меня не смотрят.

Светловолосый здоровяк подзывает официанта, покупает у него пачку «Беломора» и удаляется. Идет он как-то неуверенно, пьяный, что ли? Едва не натывается на меня и бормочет:

— Извиняюсь, птичка...

Отвечаю я не раздумывая, образ сам подсказывает манеру поведения:

— Лети дальше, орел...

— Как скажешь, птичка. — Светловолосый тип одаривает меня добродушным взглядом и удаляется.

Хорошо бы и его проследить. Но сейчас у меня нет при себе «жучков», да и ставить их опасно — могу спугнуть.

А Стеков за соседним столиком непринужденно допивает оставленный «викингом» кофе. Улыбается мне, потом встает и подходит:

— Извините, можно присесть?

Вот уж чего я не ожидала. С одной стороны — удача... с другой...

— Ну попробуй... — отвечаю я. Девчонка я грубая, но зато откровенная и независимая.

— Заказать вам кофе? — спрашивает Стеков. Замечаю, что рядом стоит официант, терпеливо дожидаясь заказа. Официант — явная программа.

— Ну... — Я все больше и больше вываливаюсь из образа. Не вяжется поведение Стекова с его тайными вылазками из тюрьмы! — Закажи, — разрешаю я. — Черный, без сахара. А что ты так вырядился?

Нападение — лучшая защита!

— Вырядился? — с искренним недоумением спрашивает хакер. — Это обычная одежда заключенного.

— Ну и зачем ты ее напялил? — продолжаю я. Неужто скажет, что убежал из тюрьмы?

— Чтобы привлекать внимание. — Стеков улыбается. Странно как-то... улыбка словно другому человеку принадлежит... — Вы знаете, что в *глубине* появились тюрьмы?

— Нет, — быстро отвечаю я. — А что такого, если даже и появились?

— Вас это не шокирует? — Стеков снимает очки, смотрит на меня совсем не близоруким взглядом.

— Мало ли в мире тюрем...

— Так это в мире, — терпеливо объясняет Стеков. — Там много чего есть. Войны, к примеру. Прочая дрянь. Но вот удивительное человеческое свойство — всю имеющуюся гадость повсюду тащить за собой... Кстати, давайте знакомиться? Меня зовут Чингиз.

Надо же, придумал себе имя.

— Ксения, — ляпаю наугад. — Можно Ксюша.

Внутреннего протеста имя не вызывает. Грубоватая и крепенькая девица — типичнейшая Ксюша. Наверное, любит травку и старый рок...

— Вот и замечательно, — кивает «Чингиз». — У вас есть несколько часов времени?

— Смотря для чего, — уточняю я.

— Для прогулки, — серьезно говорит Стеков. — Вы ведь давно в *глубине*, верно? Я бы предположил — лет с четырнадцати.

— А сколько мне сейчас? — любопыствую я. Он и впрямь угадал.

— Двадцать четыре — двадцать пять. — Стеков даже не ждет подтверждения. — Понимаете, Ксюша, *глубина* накладывает свой отпечаток на поведение. Имея некоторый опыт, можно определить, как давно человек ходит в виртуальность.

Официант приносит кофе. Делаю маленький глоток и кокетливо киваю Стекову:

— Ты интересный. Давай прогуляемся.

Я все глубже и глубже вязну в разговоре. Сейчас надо хватать хакера с поличным, а я флиртую... но ведь у меня нет возможности позвонить в полицию, верно? Все слишком быстро происходит.

Стеков вновь цепляет очки на нос, встает, машет рукой, останавливая такси. А я мимоходом смотрю на окошечко сканера.

Стрелка указывает куда-то в сторону тюрьмы. Но уж никак не на Стекова!

— Черт! — кричу я, вскакивая. Чашечка летит со столика на каменные плиты тротуара, звонко разлетается вдребезги. Лже-Стеков с улыбкой оборачивается:

— Что случилось, Ксюша?

Я молчу. Мне хочется разреветься. Я дура, я самая настоящая дура! «Лети дальше, орел!» Меня провели так просто и изящно... стоило чуть-чуть пошевелить мозгами...

— Не надо так убиваться. — Лже-Стеков мягко берет меня за локоть. — Ничего ужасного не случилось, поверьте.

— Где он? — выпаливаю я.

— Тоха? Думаю, уже вернулся в тюрьму.

— Вы понимаете, что стали соучастником? — спрашиваю я. — Учтите, наш разговор пишется, и...

— Я по-прежнему зову вас на прогулку. — Лже-Стеков совсем не выглядит напуганным. — Кстати, вы не задумывались, Ксюша, зачем виртуальную тюрьму поместили в Диптаун?

Молчу. Все полетело кувырком, я испугнула преступника, провалила инспекцию...

— Что стоило создать для тюрьмы отдельное виртуальное пространство? — продолжает Лже-Стеков. — Никаких побегов, даже теоретически.

— Думаете, большие шишки наверху это понимают? — отвечаю я. И мысленно хватаюсь за голову. Что я делаю? Спорю с преступником, ругаю перед ним начальство!

— Понимают. Ну что, поехали?

Оглядываюсь — недалеко, у перекрестка, стоит полицейский. Обычный диптауновский полицейский, крепкий, с располагающим добрым лицом. Белая форма, бляха с номером. На поясе кобура с пистолетом, наручни-

ки, рация. Стоит лишь крикнуть — и моего собеседника арестуют. Никуда он не денется.

Но я уже понимаю, что звать полицейского не стану. Стеков задал тот самый вопрос, что мучил и меня.

Почему тюрьма не изолирована?

И ответ лишь один.

Для того, чтобы было куда бежать.

0101

Такси петляет по Диптауну, повинаясь указаниям фальшивого Стекова. На первый взгляд — без всякой системы, но я замечаю — мы то и дело выскакиваем из российского сектора в японский, китайский, немецкий, американский.

Путает след. Грубо, но эффективно. Конечно, если слежка не ведется на уровне провайдера.

И мой спутник думает о том же.

— Через кого ходишь, Ксюша?

— Я не Ксюша, — наплевав на все, отвечаю я. Гори оно огнем... — Меня зовут Карина.

— А меня Чингиз. На самом деле. Так через кого?

— Москва-Онлайн.

— Угу... — с явным удовлетворением заключает Чингиз. Не таясь, достает пейджер, не глядя на клавиатуру набивает письмо.

Неужели у него есть сообщники среди провайдера?

А почему бы и нет? Москва-Онлайн — одна из самых популярных компаний. Если Чингиз серьезный человек — а он такое впечатление производит, — то мог заранее обзавестись знакомыми в самых популярных и крупных конторах.

— Остановите у памятника Последнего Спамера, — командует Чингиз программе-водителю.

Я это место знаю. Была в *глубине* такая профессия — спамер. В довиртуальную эру они рассылали рекламные письма с арендованных на раз адресов. В начальный период *глубины* занялись рекламой лично. Создавали простенькие программы в виде обаятельных молодых людей и симпатичных девиц, которые бродили по улицам и приставали к каждому встречному. «Простите, вы еще не слышали удивительную новость? Открылся замечательный бордель «Интеллектуальная страсть»...»

Давили их долго. Отстреливала полиция, гонялись за ними провайдеры... Но уничтожили спамеров, только начав выдавать лицензии частным гражданам. Появилась еще одна профессия — охотник на спамеров. Как только люди сообщили, что заработать охотой на непрошенных рекламщиков проще, чем самой рекламой, число спамеров пошло на убыль. В ознаменование победы и воздвигли памятник, изображающий молодого человека с идиотской улыбкой, выпученными глазами и ворохом рекламных листовок в руках. Конечно, на самом-то деле спамеры иногда появляются. Но уже эпизодически, потому что награду за их уничтожение благоразумно не отменяют.

Такси останавливается у сквера, где и стоит вечно молодой рекламщик. На ступеньках у памятника люди потягивают пиво, общаются, и никто никого не донимает советами, как лучше потратить время и деньги...

Чингиз успевает выскочить первым и открыть мне дверь. Оставляю его галантность без внимания. Находим свободную скамеечку, все с той же молниеносностью Чингиз отправляется в ларек за пивом. Над ларьком выцветший рекламный плакат: «Только сегодня пиво «Ледяной орел» распространяется бесплатно!»

Плакат висит сколько себя помню.

Его даже повесили нарочито потрепанным.

— Так что вы хотите мне сказать? — открывая пиво, спрашиваю я. — И учтите, все сказанное может быть использовано против вас...

— Карина, не против, если я сменю тело? — спрашивает Чингиз.

Молчу, ничего не понимая.

А Чингиз будто подергивается на миг туманом. Сидел рядом со мной крижистый волосатый Антон Стеков, а вот уже — нет его. Взамен возникает прежний светловолосый красавчик.

Когда в кофейне Чингиз обменялся телами с Антоном, это меня не удивило. Это могло быть запрограммировано заранее. Чингиз ждал своего приятеля, и машина отработала на его приближение. Обычный набор заготовок, которые использует каждый уважающий себя хакер.

Но неужели и обратная смена тел была заранее заготовлена?

Проще поверить в это.

Потому что иначе — Чингиз является дайвером.

Тем самым фольклорным персонажем, умеющим по желанию выходить из виртуальности. Человеком, все время осознающим иллюзорность происходящего вокруг. Ему стоит лишь захотеть — и сквер вокруг превратится в обычную трехмерную картинку. Он может снять шлем, набрать на клавиатуре команду и сменить свой облик. Он может, глядя на нарисованный Диптаун, увидеть слабые места программного кода.

Много чего возможно... если дайверы и впрямь существуют.

— Я дайвер, — говорит Чингиз. — Если ты думаешь, что это была домашняя заготовка, — скажи, кем стать.

Качаю головой. Вот только маскарада мне не надо. Не в Венеции. Спрашиваю:

— И настоящий Стеков — тоже дайвер?

Это объяснило бы, каким образом он выбрался из тюрьмы.

— Нет. Он хакер. Очень хороший хакер... — Чингиз улыбается и добавляет: — Единственный член UGI, HZ0 и UHG одновременно.

— Они же не допускают совместного членства... — глупо возражаю я.

— А он везде под разными именами, — разъясняет Чингиз. — Впрочем, это к делу не относится.

— Относится! — возражаю я. — Как такой опытный человек мог попасться на мелком взломе? Я смотрела его дело — он совершил грубейшие ошибки! Да и преступление... смехотворное. Подчистка телефонной базы на сумму триста сорок три рубля шестнадцать копеек!

— Ну, Шура Балаганов в свое время попался на краже грошовой пудреницы, — загадочно отвечает Чингиз. Балаганов... смутно знакомое имя, но не могу вспомнить. Наверное, кто-то из легендарных хакеров... — Но ты права, Карина. Тоха *нарочно* попался.

— Зачем?

— Чтобы его арестовали, — с точностью и бессмысленностью программиста из анекдота отвечает Чингиз. — А потом мне пришлось дать взятку. Чтобы его осудили, а не ограничили штрафом.

— Зачем? — снова восклицаю я.

— Чтобы Тоха сел в виртуальную тюрьму, — терпеливо объясняет Чингиз. — А потом — начал совершать из этой тюрьмы прогулки по *глубине*. Канал был пробит нарочито грубо.

— Вы хотите дискредитировать саму идею виртуальной тюрьмы? — прозреваю я. Мой собеседник кивает. — Чингиз... но это глупо!

Я горячусь и понимаю это. Куда лучше было бы выслушать Чингиза. Но мне надо его переспорить — чтобы исчезло неприятное, дурацкое ощущение собственной неполноценности.

— Неужели вам это настолько неприятно? — спрашиваю я. — Мы все любим Диптаун, но подумайте — ведь своей безразличностью, нежеланием быть рядом с преступниками вы отбрасываете этих людей на обочину жизни...

— Да при чем тут безразличность? — удивляется Чингиз. — Я и сам преступник, если вы не забыли.

— Тогда почему вы против тюрьмы? Ваш приятель пожертвовал свободой, чтобы бороться с виртуальной тюрьмой! Разве это стоит таких жертв?

— Карина, почему тюрьма находится в ведении МВД, а не министерства юстиции, как положено?

— Проект начинался как следственный изолятор для лиц, совершивших преступления в *глубине*, — отвечаю я. — Понимаете, очень удобно было проводить следственные действия в самом Диптауне. Сейчас изолятор превратили в тюрьму, но пока идет эксперимент — подчинение тюрьмы не меняют. Странно, конечно, что тюрьму не отсоединили от всего Диптауна...

— Карина, вы знаете, как люди становятся дайверами?

— Нет, — как загипнотизированная смотрю на него. А что, если он предложит мне...

— Стресс. Сильные эмоции. Отвращение. Страх. Ненависть. Тоска. — Чингиз запрокидывает голову и смотрит в безоблачное небо. Над этим сквериком всегда чистое небо, это не знаменитый «Le quartier des Pluies» во французском секторе... — Реже — восторг. Радость. Гораздо реже... Вы никогда не замечали, Карина, что в языке куда больше слов, означающих грусть? Печаль, хандра, кручина, тоска, сплин, меланхолия...

— Ну и что?

— Они экспериментируют над людьми, Карина. Пытаются создать дайверов.

— Кто — они?

— Не знаю. Какие-то умные ребята из МВД. Они и без того выходили на дайверов, особенно когда у

тех было подобие своей организации, «совет дайверов». Просили что-то сделать, в чем-то помочь... обычно им не отказывали. Но, видимо, этого стало мало. Виртуальность стала слишком уж большой частью нашей жизни. Здесь есть все — банки, институты, корпорации, военные базы и штабы. А значит, нужны осведомители, агенты, шпионы. Дайверы нарасхват. Тех, кого удалось выявить и склонить к сотрудничеству, не хватает. Вот и пытаются создать новых.

Сильные эмоции?

Я вспоминаю убийцу, пытающегося приручить лисичку. «Потом фенек умрет».

Значит, катарсис, товарищ подполковник?

Хакеры, запертые без доступа к своим любимым компьютерам — и при этом запертые в виртуальности! Убийцы и насильники, проворовавшиеся бизнесмены, сбившие пешеходов водители...

— Они все знают, что тюрьма стоит в Диптауне. Они мечтают вырваться... хотя бы на чуть-чуть, — говорит Чингиз. — А им устраивают стресс за стрессом. И пусть называют это психотерапией... цель у нее — превратить человека в дайвера.

— Какие у вас доказательства? — спрашиваю я.

— Неофициальные. — Чингиз улыбается. — И раскрывать своих информаторов я не стану. Но подумайте сами: комплект оборудования для каждого заключенного стоит около пяти тысяч долларов. Содержание — около четырех тысяч в год. С чего это вдруг МВД проявляет подобную щедрость?

— Люди с... с необычными способностями... — Почему-то я избегаю слова «дайвер». Это все равно что поверить в Бабу-Ягу или Деда Мороза. — Они и впрямь нужны. И замечательно будет, если эти способности сможет получить любой желающий.

— В свое время фашисты замучили тысячи военнопленных. Но наука при этом получила ценные данные. Карина, кому я должен объяснять, что эксперименты над людьми преступны? Сотруднику МВД?

Он очень серьезен.

— И что вы хотите от сотрудника МВД? — спрашиваю я. — Помощи?

— Вначале ответьте, Карина, вы разделяете мое мнение? Или всего-то не желаете спорить? — спрашивает Чингиз.

— Ну а что, если я совру? — спрашиваю я.

— А вы скажите честно.

Какая смешная просьба!

«Скажите честно»!

В Диптауне, в городе, где у каждого — тысяча лиц. В городе, где каждый придумывает себе новую биографию и новое имя. В городе, где выдумка нужнее правды.

А Чингиз смотрит на меня так, будто ни секунды не сомневается — я слушаюсь.

— Мне тоже все это не нравится, — говорю я. — Но что я могу поделаться? Вы рассказали о заговоре едва ли не государственного масштаба! А понимаете, кто я? Год назад окончила университет. Специализируюсь на сетевых правонарушениях. Ни с того ни с сего мне поручили эту инспекцию... сказали, что есть серьезные сомнения в надежности тюрьмы. Все! Я напишу отчет, мое начальство даст ему ход... но если прикрикнут сверху — отчет ляжет под сукно. Никто меня не послушается, Чингиз.

— Это и не нужно. — Он улыбается и протягивает мне руки. — Арестуйте меня, Карина.

— Да вы с ума сошли! — Я невольно отшатываюсь.

— Арестуйте! — с напором повторяет Чингиз. — Проект мы не угробим. А вот вокруг тюрьмы шум поднимем. Мы с Тохой отделаемся условным сроком, это я вам обещаю. У меня хорошие адвокаты... и все продумано. А вот тюрьме — крышка. Газеты будут мусолить историю с побегом, граждане завопят от ужаса. Тюрьму либо прикроют, либо уберут из Диптауна.

— У меня нет права вас арестовывать!

— Вызовите полицейского!

Он все держит передо мной руки, словно ожидая щелчка наручников на запястье.

— Прекратите... — бормочу я.

— Ну вы же этого хотели, Карина! Вы же мечтали поймать беглеца! Ну так что же — ловите!

Я вскакиваю. Я позорно отступаю. А Чингиз вдруг падает передо мной на колени. Это какая-то невозможная смесь клоунады и искренности.

— Я прошу вас! Прошу выполнить ваш служебный долг! Задержать преступника!

— Да прекратите же, Чингиз! Не паясничайте!

Молодежь, сидящая у памятника, начинает нам аплодировать. Со стороны все это, наверное, походит

на объяснение в любви... белокурый рыцарь склонился перед прекрасной дамой...

Я вздрагиваю, когда понимаю, что мне это напоминает.

— Хорошо, я помогу вам это сделать, — говорит Чингиз. — Я этого не хотел...

Он сует руку под полу пиджака — и когда рука возвращается, в ней блестит пистолет.

Но в следующий миг откуда-то из-за спины раздается хлопок. Лицо Чингиза заливает кровь — и он падает мне под ноги.

0110

— Давно ты со мной не советовалась, — сказал папа.

Мы сидели на кухне и пили чай. Мама спала, я не стала ее будить. Я бы и отца не будила — он сам проснулся, когда я выбралась из комнаты.

— Ты же все равно не ходишь в *глубину*, — пробормотала я.

— Когда-то ведь ходил, — ответил папа.

— А почему бросил? — болтая ложечкой в чашке с чаем, спросила я. Чай я всегда пью без сахара, но упорно опускаю ложечку. Так он быстрее остывает.

Я и раньше спрашивала отца, почему он так сторонится виртуальности. Хороший ведь программист, а живет словно в каменном веке, только электронной почтой и пользуется.

— У меня был неплохой бизнес, — внезапно ответил отец. Впервые ответил! — А потом... пришлось переквалифицироваться в управдомы.

Больше я спрашивать не стала. Наверное, папа работал на какой-то специфической операционной системе, и когда она перестала использоваться — не сумел вовремя переквалифицироваться.

— Что дальше? — спросил папа.

— Дальше... полиция набежала. Притащили сканеры, сняли след... говорят — стреляли чем-то незаконным, второго поколения. Видимо, пожгли машину основательно. Стали искать стрелка... да куда там...

— Тебя не заподозрили?

— Да нет... обыскали, но ничего.

— А его пистолет? — спросил отец.

— Зажигалка. — Я опустила глаза. — Самая обыкновенная зажигалка! Паяц...

Папа вздохнул. Покосился в темное окно. По улице, скользя фарами по мокрому асфальту, проехал автомобиль. Хороший какой-то, почти бесшумно проехал...

— Каринка, давай думать... Первое — как ты считаешь, этот Чингиз — он не врал насчет тюрьмы?

— Думаю, не врал, — призналась я. — Там что-то нечисто. Ну не станут наши такие деньги выбрасывать! Даже чтобы перед иностранцами пальцы раскинуть — не станут!

— Хорошо... — Папа воровато посмотрел на меня и спросил: — У тебя сигареты остались?

— Откуда? — Я округлила глаза.

— Карина...

— Сейчас, пап...

Курю я редко. Но пачка «Ротманса» в сумочке всегда болтается. Мы закрыли дверь кухни поплотнее и закурили. Курить с отцом было как-то неловко... последний раз подобную неловкость я испытала лет в десять, когда родители меня купали... и ничего я тогда не сказала, но только отец больше не заходил в ванную, когда я мылась.

— Второе. Дайверы — индивидуалисты, — вдруг сказал папа. — Куда большие, чем хакеры. Не станут они ради общего блага воевать... а вот ради того, чтобы остаться уникальными...

У меня начали гореть уши. Я думала точно о том же. Красавчик Чингиз мог говорить все что угодно, но если копнуть поглубже, всюду обнаружится корыстный интерес. Всегда и везде.

— И ты веришь в дайверов, папа? — спросила я.

— Верю, Карина. Третье. — Папа посмотрел мне в глаза. — Если за виртуальной тюрьмой скрыт какой-то серьезный государственный проект... Дочка, это тебе нужно? Даже у свихнувшихся на законности и правах личности американцев... что говорить о нас.

— У меня есть задание, — сказала я. — Я должна составить отчет.

— Составь. Ты обязана была пользоваться «жучками»?

— Да. Как иначе наблюдать за персоналом?

— И что — персонал?

— Несет службу. — Я пожала плечами. — Качает порно из сети. В игрушки играет.

— Ну и прекрасно. Обнаружено неуставное несение службы... или как там у вас положено говорить? Ты ведь не должна была сажать «жучков» на заключенных? Ну и все. Нельзя пускать под откос собственную жизнь ради абстрактной справедливости!

— Папа, а ты не знал какого-нибудь Чингиза? — спросила я.

Папа покачал головой:

— Если и знал, то ничем он мне не запомнился. Да ты не беспокойся. Наверняка ты ему важнее, чем он тебе. Карина?

Я вскочила, распахнула дверь кухни. Прислушалась. Точно... где-то в комнате печально тренькал мобильник.

— Пап, сейчас...

Вот уж чего не хватало — так это ночных звонков. На работе я про мобильный не говорила, да и вообще номер знали немногие.

— Да! — хватая со стола телефон, ответила я.

— Привет. Нас прервали, Карина.

Чингиз!

Голос был его.

— Это не я, — быстро сказала я.

— Да уж знаю. Карина, нам надо встретиться.

— Сейчас войду. Где?

— Нет, лучше уж наяву. — Чингиз рассмеялся. — До настоящих пуль, надеюсь, дело не дойдет. А в Диптауне нас опять могут прервать. Я могу подъехать, если это удобно.

Где он достал мой адрес, я даже спрашивать не стала. Очевидно, там же, где и телефон.

— Лучше на нейтральной территории, — ответила я. — Давай... где-нибудь...

— Улица Пасечная, — сказал Чингиз.

— А где это?

— Не знаю. Сейчас проверю, есть ли такая вообще... Есть. У пятого дома по Пасечной улице, хорошо?

— Хорошо. — Я не колебалась. — Я выезжаю прямо сейчас. Там и встретимся.

— Оки, — весело сказал Чингиз. — До встречи.

Я отключила телефон. Посмотрела на дисплей — конечно же, у него стоял запрет на определение номера. Ладно, понадобится — выясним...

— Прямо сейчас?

Папа зашел в комнату вслед за мной. И все слышал.

— Непустишь? — с вызовом спросила я.

— Нет. — Отец покачал головой. — Нет, Карина. И не подумаю.

Я с любопытством посмотрела на отца. В детстве я точно знала, что люблю маму и папу, что лучше них никого на свете нет. Потом... и сама не заметила, как перестала об этом задумываться. Не разлюбила, а просто перестала думать такими словами.

— Как за сленг меня чморить, так всегда... а лезть к черту на рога, значит, можно?

— Можно. Потому что ты все взвесила и приняла решение. Потому что это твоя работа... пусть я и не рад такой работе. А сленг — извини, но это детство!

— Что плохого, если в человеке остается немного детства? — строптиво спросила я.

— Оно не там должно оставаться, дочка. И кретин тот отец, которого не радует, что дети взрослеют.

— Спасибо, папа, — сказала я. — Знаешь, я все-таки очень тебя люблю.

Отец удивленно посмотрел на меня, глянул на часы.

— Полдвенадцатого... ты действительно поедешь прямо сейчас?

— Поеду, — твердо сказала я. — И вызывать группу поддержки не стану. Все равно не приедут, у нас не Америка.

Но вначале я достала из сейфа пистолет.

А потом пошла на кухню и взяла свои сигареты.

В машине, прогревая мотор, я достала из бардачка карту Москвы и стала искать улицу с милым названием «Пасечная». Старенькую «десятку» мне подарил три года назад отец, когда купил себе машину получше: корейскую «дэу» узбекской сборки. И пользовалась я «десяткой» с удовольствием, потому что метро никогда не любила. Но все равно Москва для меня так и осталась маленькими пятнышками вокруг нескольких станций метро и несколькими маршрутами, по которым я постоянно ездила: на работу, в супермаркет, закупать продукты на неделю, летом — купаться на Медвежьих озера или на дачу...

Как в Диптауне. Там тоже знаешь только несколько любимых мест. Остальное видишь мельком, из окна такси, и даже не догадываешься, живые это районы или нарисованные декорации, прикрывающие плакат «место продается».

Я медленно выехала со стоянки, свернула в безлюдную улочку. Дождь усилился, барабанил по прижавшимся к обочине машинам.

Странно. Уже почти нет разницы — между *глубиной* и реальностью.

Пространства в пространствах... если бы какой-нибудь злой шутник обладал избытком денег и времени — он мог бы соорудить для меня виртуальный мирок, копирующий Москву. Реальную Москву, в которой я бываю. Десяток магазинов, пяток квартир, два кусочка природы... Даже не пришлось бы возиться с театрами, консерваториями, библиотеками. Хотя с ними и не надо возиться — их аналоги в виртуальности есть.

Ну вот, началось! Раньше это называли дип-психозом, потом стали говорить «с матрицы съехал», сейчас в ходу совсем уж невинный эвфемизм «заблудился». Так говорят про тех, кто начинает путать реальный и виртуальный мир, сомневаться, что живет в настоящем мире.

Да чушь... невозможно это. Человек обязательно заметит подмену. Пусть я и болтаюсь между двумя точками — квартирой и работой, но людей-то меня окружает немало. Такой спектакль под силу устроить лишь солидной организации, а не отдельному шутнику. А зачем я сдалась организации?

Но настроение все-таки испортилось. Я подозрительно поглядывала по сторонам, в результате свернула под знак, нарвалась на гаишника, а тот еще ко всему оказался честным — и добросовестно выписал мне штраф. Зато потом, вручив квитанцию, подробно и четко объяснил, как мне ехать.

В результате минут через двадцать я была у дома номер пять по Пасечной улице. Загнала машину на тротуар, заглушила мотор.

Странно как-то. Ну, повесил он на меня «жучок»... или как-то еще вычислил. Но я про него ничего узнать не смогла. И вот так с ходу таинственный Чингиз решил на рандеву.

Интересно, на кого он реально похож? Обычно такие широкоплечие красавчики в реальной жизни оказываются тощими и сутулыми или толстыми и неуклюжими. Компенсация. Человек обязательно должен что-то компенсировать в виртуальном мире. Нехватку общения, телесные недостатки, душевную несостоятельность, в конце концов! Так что пусть уж лучше Чингиз окажется невзрачным, но обаятельным.

И в любом случае: сейчас что-то прояснится.

Я высунула из двери зонтик, раскрыла его, выскочила из машины. Включила сигнализацию. Огляделась. Да, вот дом номер три, а вот и дом номер пять... Я огляделась и почти сразу заметила, что в одной из машин, ночующих на улице, сидят люди. Не просто сидят, а оживленно спорят. Алел огонек сигареты, доносились даже какие-то реплики...

Есть такое понятие — виктимное поведение. Это когда жертва сама провоцирует преступление. И я бы ни одной девушке не советовала ночью первой соваться в машину, где сидят двое мужиков.

Но в конце концов я сотрудник МВД! Что другим нельзя, то мне положено.

— Извините. — Я постучала пальцем по стеклу машины. Хорошая машина, что-то здоровое и мощное, но в то же время не набивший оскомину «мерс» или «BMW». — Чингиз?

Стекло мягко уползло вниз, я убрала руку. И вовремя — выглянул тот, кто сидел рядом с водителем:

— Да, Карина. Вы садитесь в машину.

У меня едва не подкосились ноги.

Это был Чингиз.

Один в один.

Прямо из Диптауна.

Только дырки во лбу не хватало.

0111

— Подумала, что заблудилась, — сказала я. Прикурила.

Чингиз кивнул, спрятал зажигалку. Он сидел на переднем сиденье, а место водителя занимал парнишка лет шестнадцати-семнадцати, хмуро бросивший мне «приветики» и больше в разговор не вступавший.

— Бывает. Все мы иногда этого боимся, — серьезно ответил Чингиз. Странная у него была манера говорить, словно все время чего-то недосказывая. Это немножко злило и в то же время интриговало. — Я совершенно иначе тебя представлял, Карина.

— Ожидал увидеть старую мымру?

— Нет. Более... — Он задумался. — Более уверенную и жесткую. Карина, вы в курсе, что ваша миссия — отвлекающий маневр?

— Были такие мысли, — призналась я. — Так что происходит? И откуда у вас информация?

Второй вопрос Чингиз попросту игнорирует, зато на первый отвечает четко:

— Феномен дайверов изучали несколько государственных структур. От МВД и госбеза до налоговой полиции и министерства печати и электронных коммуникаций. Когда выяснилось, что прогнозированию эти способности не поддаются, обучить им тоже нельзя, то большую часть исследований свернули. Но тут в дело вмешалась случайность: у МВД оставался следственный изолятор в *глубине*. Несколько раз задержанным удавалось уйти оттуда в Диптаун, проявив самые настоящие дайверские способности. В чью-то умную голову и пришла мысль: превращение происходит, если человека припереть к стенке. Стали разрабатывать крупномасштабный эксперимент. Информация просочилась по верхам ведомств, и сейчас идет склока. Госбезу нравится сама идея — получить стаю подконтрольных дайверов, но не нравится упущенная инициатива. Налоговики и чиновники из министерства никаких дайверов не желают вообще. То ли из консерватизма, то ли понимают, что джинна в бутылке не удержать... В самом МВД тоже столкнулись различные интересы... Тебя направили в тюрьму для того, чтобы вызвать легкую панику. Сервер тем временем проверяют из реального мира.

— Тогда у вас есть союзники, Чингиз.

— Избави Боже от таких союзников! — полушутливо-полусерьезно ответил Чингиз. — Наступят случайно и не заметят. Карина, *глубина* уже много лет живет по своим законам. Худо-бедно, но справляется. Создает новое общество, не разрушая старого. Берет из реального мира лишь то, что действительно жизнеспособно. Да, это своего рода анархия, и как любая анархия — *глубина* противостоит государственной власти. Карина, что должно быть в Диптауне — решают его обитатели. Должны ли там быть тюрьмы — тоже решать *нам*.

— Чингиз, — сказала я. — Дело ведь не в тюрьме. Дело в появлении новых людей. Хомо виртуалис. Человек сетевой.

Соединяющий в себе два мира — настоящий и виртуальный. Одинаково свободный в обоих мирах.

— Карина, это время еще не пришло. Нельзя сажать на велосипед ребенка, не научившегося ходить.

— Чингиз, а это не ревность? Не страх дайверов потерять свою уникальность?

— Карина, это не ревность и не страх.

Мы замолчали. Паренек за рулем сопел, прощелкивая по приемнику одну за другой радиостанции. «Эхо Москвы», «Серебряный дождь», «Ретро»... Тот же самый набор, что и в *глубине*. Никакой разницы, местами реальный и виртуальный мир слились воедино.

Интересно, как в наше время выжили радиостанции? Тем более — в *глубине*. Ведь никаких трудов не составляет выкачать любую музыку, которая тебе нравится, а не повиноваться вкусу ди-джеев и ведущих. Но нет, мы продолжаем слушать радио. Морщимся, когда нам крутят попсу, ругаемся, наткнувшись на очередную рекламу, прыгаем со станции на станцию... и слушаем.

Может быть, человеку важна сопричастность? Сознание того, что именно сейчас, вместе с тобой, этой песне тихонько подпевают еще тысячи людей? Мы все индивидуалисты, мы все уникальные и неповторимые — но наедине с собой можем признаться, как трудно быть одному.

Паренек наконец-то бросил блуждать по эфиру. Остановился на станции, где уже кончалась песня:

И теперь я знаю, что там, за дверью в лето, —
Это место для тех, кто выжил зиму и осень.
Эти двери повсюду, и в то же время их нету,
Без замка, зато с табличкой «милости просим».
Я нашел эти двери, когда собирался в ад,
Мне помог в этом деле его величество случай.
И с тех пор так и гуляю туда и назад,
Потому что вечное лето — это тоже скучно...

— Карина? — спросил Чингиз, когда Чиж' перестал петь. Самый вопрос он и не задал, но все было понятно. Определяйся...

— Кто в тебя стрелял? — осведомилась я.

— Кто-то, имевший доступ к «Герани».

Я знала, что такое «Герань». Наша разработка, российская. Атакует машину, встраиваясь в сетевой протокол. Стоит на вооружении полиции Диптауна... и структур МВД.

— Чингиз, ничего я не смогу сделать, — сказала я. — Нарушать закон не стану, неужели не понятно? А в рамках закона... ну, выскажу свое особое мнение... кто

на него посмотрит? Сам же говоришь — меня использовали для отвлекающего маневра. И тебя я арестовывать не стану, и Антона тоже. Вам же лучше, чтобы не стала. Потому что друг твой за виртуальный побег рискует получить реальный срок... Слушай, откуда у него такая говорящая фамилия?

— Стеков? Он всю жизнь был Стеклов. Но однажды потерял паспорт, а в электронной картотеке произошел какой-то странный сбой. И новый паспорт почему-то выдали на фамилию Стеков... — Чингиз помолчал. Сказал: — Карина, я и не прошу невозможного. Единственное, что нам нужно, — общественный резонанс. Шум. Заявление для прессы. Если оно будет исходить от меня, от любого частного лица — никто внимания не обратит. Сочтут выдумками «желтой прессы». Вот если официальное лицо из МВД...

Как он не понимает?

— Чингиз, ты ведь сам говорил: *глубина* живет по своим законам. Создает новый мир, не разрушая старого. А хочешь, чтобы я смешала два мира! С методами реального мира полезла в виртуальный. Ты говоришь, тебе не поверят? Граждане Диптауна не возмутятся экспериментом над заключенными? Значит, так тому и быть. Любое общество имеет то правительство, которое заслуживает.

Очень неохотно, но Чингиз кивнул. Спросил:

— Тогда хотя бы скажи свое мнение.

— Я против того, что делается, — честно сказала я. — И надеюсь, что проект сорвется. И в отчете свое мнение выскажу. Но выносить сор из избы на потеху всему миру не стану.

— Честно, — сказал Чингиз. — Спасибо.

Я глянула на часы. Уже два, а еще ехать с полчаса...

— Я пойду. Приятно было... пообщаться.

— Извини, Карина. — Чингиз мрачно посмотрел на меня. — Но мы уже хватаемся за соломинку. За самые фантастические варианты. Срок приближается, сегодня уважаемый подполковник Томилин намеревается провести первые сеансы шоковой терапии.

— И получить первых дайверов?

— Да.

Я помедлила секунду и выбралась из машины. Дождь уже кончился, было свежо и тихо. В домах вокруг почти не осталось светящихся окон.

— Пока-пока, — вежливо попрощался со мной юный водитель. Идя к своей машине, я еще услыша-

ла, как он спросил у Чингиза: — Что теперь, к Леньке поедешь плакаться или к тем журналистам?

Похоже, дайвер и впрямь в цейтноте... если готов всю ночь мотаться по знакомым и журналистам, пытаюсь найти выход.

Мне вдруг пришла в голову аналогия, от которой я улыбнулась. Отважный рыцарь собрался сразить дракона. Но дракон оказался государственный, на содержании от королевского двора, заботливо пестуемый на случай войны с соседями и даже имеющий положенные чины и награды. И вот теперь рыцарь, так и не рискнувший обнажить меч, бегаёт по дворцу, просит поддержки у фаворитов и фавориток, строчит докладные советникам, жалуется фрейлинам, пьёт с герольдами и возмущается в людской. Как же так! Ведь дракон! Его положено мечом, да по заливку!

Дракон. Все правильно. И рыцаря жалко, и зверюга уж больно опасная, но если государственные интересы требуют...

Мои собеседники (если парнишку можно было причислить к собеседникам) уже уехали, когда я прогрела мотор и выехала с Пасечной. На пути к дому увидела знакомого гаишника, все так же зорко несущего службу.

Наивно все это, Чингиз, наивно... Дайвер мне понравился, и я почти во всем была с ним согласна. Но глупо надеяться, что можно победить государство. Еще наивнее думать, что государство можно переспорить.

deep

Ввод.

Рассыпается и складывается мозаика. Скользят разноцветные огни — *глубина* тасует свой паззл.

Как это случается с дайверами?

Будто встает на место тот последний кусочек паззла, который я не смогла когда-то найти? Который отделяет рыцаря от принцессы?

Не знаю. И не уверена, что хочу узнать.

Выхожу из дома. Эта точка входа выполнена в виде старинной беседки в парке. Парк слишком уж красив, слишком картинно неухожен... нет таких в настоящей Москве, а может быть, и нигде в мире нет...

Я иду по присыпанной крупным черным песком дорожке. Если пойти направо — там будет дорога из желтого кирпича. Если налево — самодвижущаяся дорога.

Если повернуть назад — парк кончится, и потянется тропинка сквозь Вековечный Лес, где бродит беззаботный Том Бомбадил, а временами встречаются хоббиты.

Каждый из нас делает свой кусочек *глубины*. Творит мир — и дарит его другим. И чужая *глубина* не мешает твоей. И тюрьма Диптауну не помешает, что уж тут поделывать — есть на свете тюрьмы. Зря паникует Чингиз...

Но все-таки на душе у меня нехорошо.

Я прохожу мимо «Старого суслика». Это очень милое кафе в стиле ретро, место богемное, пускай и не слишком известное. То есть я думаю, что прохожу, но останавливаюсь и решительно двигаюсь к дверям. Спала я мало, завтракать не стала, только глотнула антацида из бутылочки. Гастрит — такая же профессиональная болезнь у жителей Диптауна, как и «поехавшая матрица».

«Суслик» — пристанище российских обитателей *глубины*. И по раннему московскому времени народу здесь немало. Устраиваюсь за свободный столик, заказываю яичницу с ветчиной, апельсиновый сок и тосты.

Нет, ну кто мне мешал съесть то же самое в настоящем мире?

За соседним столиком — живописная парочка. Точнее, колоритен один из собеседников — он изображает сиамских близнецов, юношу и девушку, сросшихся боками. Рты открываются синхронно, жестикуляция общая — это нехитрая маска, надетая любителем привлекать внимание. Сиамский близнец изрядно пьян, и голос его гремит на все кафе:

— Ты скажи, неужто тебе «Хелицеры» не понравились?

Собеседник его, выглядящий вполне обычно, устало отбивается:

— Понравились, Лешка, понравились...

— И что? Нет, ну ведь все говорят «понравились»... ты рецензии читал?

— Читал...

— Лады, треть писал я сам, — самокритично признается сиамский близнец. — Третий — приятели. Но еще треть — ведь настоящие?

— Настоящие...

— Разве плохо я западников переделал? Там уже почти не видно, откуда ноги растут, совершенно самостоятельно все стало!

— Ну, кому не видно, а кому и очень даже... — туманно бормочет его собеседник, пытаясь сосредоточиться на йогурте.

— Ты скажи, разве что-то не так? Я ведь всех конкурентов раздолбал в пух и прах, по всем прошелся, будто бульдозер. Бульдозеры грязи не боятся, ха-ха! Интригу такую закрутил, что финала вообще не нужно! Чего не хватает?

— Души, — слышится в ответ.

Невольно улыбаюсь, отворачиваюсь в сторону, чтобы не смущать сиамское чудо. Забавное место этот «Старый суслик».

Только фраза западает в голову. Сиамский близнец тем временем суетится и требует объяснить ему, что такое душа и как ее можно зафиксировать.

Да уж, научились бы душу фиксировать... какой замечательный простор для работы государственных служб...

Официант приносит мой заказ. Яичница прямо в сковороде, шипящая, в меру прожаренная, с прозрачными кусочками сала и нежными ломтиками бекона. Сок свежесжатый, «витамины в нем так и прыгают», как говорил один мой знакомый.

— Чего-нибудь не хватает? — вежливо интересуется официант.

— Души, — невольно отвечаю я.

— Извините, нет в меню, — произносит официант невозмутимо. Растерянно смотрю ему в глаза.

Нет, программа.

— Спасибо, — говорю я. — Я знаю.

— Что-нибудь еще?

Медлю. Незачем мне ехать в виртуальную тюрьму. Материалов для отчета хватает. А знать результаты испытаний даже и не хочется.

Пусть белокурая бестия Чингиз мечется по Москве, пытаясь найти союзников! Это его дайверское дело. А я — простая сотрудница МВД. И влезать в разборки между ведомствами и отдельными начальственными шишками мне для здоровья противопоказано.

— Закажите такси до русского сектора Диптауна, — прошу я.

1000

В этот раз меня пропускают в тюрьму без всяких задержек. Не таясь, отзванивают Томилину, докладывая о моем приходе. Через двор меня провожает очень мо-

лодой и интеллигентный охранник, такого легче представить в хорошем костюме за столом в серьезном офисе, чем в форме сержанта и с пистолетом на боку.

Сегодня внутренний двор тюрьмы заполнен людьми. Заключенных вывели на прогулку... И вот теперь их поведение знакомо. При моем появлении раздается легкий гул. Меня ощупывают оценивающие, жадные взгляды. Доносятся отдельные реплики — пристальному изучению подвергаются ноги, руки, грудь...

Видимо, ни одна Внутренняя Монголия не дает возможности удовлетворить основной инстинкт. Интересно, как это сделано? Мне представляется, как хакер Стеков пытается приобнять «стандартную жену стандартного программиста», а та в ответ тает в воздухе... или превращается в зловонную зеленую жабу.

И все-таки реакция неправильная. Недостаточно сильная. Женщина, появившаяся на зоне, — это событие, это праздник на несколько недель. Здесь же изрядная часть заключенных не реагирует вовсе, остальные же — будто по привычке, по инерции, пытаюсь завести сами себя... А я ведь не в теле угрюмой инспекторши, я в теле Ксении — очень даже заводной особы.

— Проблем с ними немного? — спрашиваю охранника, кивая на площадку для прогулок.

— Они спокойные, — соглашается охранник.

Словно в подтверждение его слов до меня доносится чья-то восхищенная реплика: «Нет, ты глянь, как попкой крутит! Гадом буду, тактовая не меньше тысячи, а канал — оптоволокно!»

Я даже спотыкаюсь.

Обидно!

Ксения такая пластичная из-за хорошего дизайна, а вовсе не из-за мощной машины!

Коридорами тюрьмы, уже укрывшись от взглядов заключенных, мы идем к кабинету Томилина. Я отсчитываю пятое от входа окно — на нем сидит один из моих «жучков»...

Сидел.

Окно чисто вымыто. Прямо-таки демонстративно вымыто, а для идиотов на узком подоконнике оставлена баночка «Лозинского». Как там гласит рекламный слоган? «Убивает даже неизвестные вирусы!»

Понятно. Товарищ подполковник решил сделать тонкий намек.

Но когда я вхожу в его кабинет, оставляя охранника в коридоре, мое мнение о тонкости намеков меняется.

На столе Томила рядом с телефонами, клавиатурой и дисплеем, бумагами, парой фотографий в рамках появился совершенно неуместный предмет.

Горшочек с геранью.

— Доброе утро, Карина!

Томилин — само радушие. Встает навстречу, галантно подвигает стул.

— Кофе?

— Краснодарский? — не удерживаюсь я от иронии. Но выходит жалко и неубедительно. Никак не могу отвести взгляд от герани.

...А смеется Томилин хорошо. Добродушно, словно бы приглашая присоединиться к его веселью. Людей, умеющих так смеяться, очень любят в компаниях — они любую неприятность превращают в забавное приключение.

— Нет, Карина. Самый заурядный бразильский. Растворимый порошок.

— Спасибо, с удовольствием, — соглашаюсь я.

Надо сохранять лицо. Надо продолжать играть. Надо отдать инициативу. Это не шахматы и не крестики-нолики. Тот, кто делает ход первым, проигрывает чаще.

— В этом теле вы мне нравитесь гораздо больше, — замечает Томилин мимоходом. Поднимает трубку телефона, командует: — Два кофе!

И застывает, устремив на меня любопытствующий взгляд.

— Я хотела бы еще раз пройти по тюрьме, — говорю я неожиданно даже для себя. Ну что мне искать?

— Давайте-давайте, — не спорит Томилин. — Если можно, то постарайтесь закончить к двум часам дня, Карина.

Светская беседа. Будто я могу пренебречь приказом, пусть и оформленным столь любезно.

— Конечно. — Я киваю. — Какие-то планы?

— Да. Первый сеанс катарсиса. — Томилин досадливо машет рукой. — Хотели несколько позже, но... обстоятельства заставляют торопиться. Слишком много ретроградов... вы же понимаете, Карина?

Я понимаю, конечно же, понимаю...

И смотрю на герань.

— Карина, вы любите цветы?

— Угу. Кроме герани.

— Почему так? — Подполковник искренне огорчен. — А вот мне герань нравится, Карина.

Он повторяет мое имя так упорно, что приходится ответить тем же.

— Аркадий, а вам никогда не казалось, что держать преступников в *глубине* — непредсказуемо опасно? — спрашиваю я.

— Мы ведь уже обсуждали...

— Я не о том. Никто не знает до конца, как действует дип-программа. Никто не понимает, что же все-таки такое *глубина*. Что происходит с сознанием, постоянно погруженным в виртуальность? Какие способности может обрести человек? Как влияют люди, находящиеся в *глубине*, на саму *глубину*?

— Дайверы... — Томилин улыбается. — Сетевой разум...

— Хотя бы! Легенды не возникают на пустом месте.

— Легенды создают люди. — Томилин достает сигареты. Мрачная женщина-охранник приносит кофе, бросает на меня косой взгляд и исчезает за дверью. — Карина, человеку свойственно придумывать страхи. Это защитный механизм, понимаете? Лучше бояться несуществующей опасности, чтобы она не застала врасплох. Любое устройство сложнее керосиновой лампы начинает вызывать подозрение. Вы увлекались фантастикой, Карина?

— Нет.

— А зря. Давным-давно, когда еще не существовало никакой виртуальности, когда компьютеры были большими, люди начали бояться электронного сверхума. Его появление предсказывали и в объединенных телефонных сетях, и в примитивных ламповых... арифмометрах. Компьютеры совершенствовались, объединялись в сети, а разума не возникало. Тогда стали бояться людей, которые сумеют общаться с электронной сетью на новом, недоступном большинству уровне, без всяких устройств ввода-вывода. Но время шло, а людей таких не находилось. Легенды, Карина! Защитный механизм человечества. Все непонятное — потенциально опасно. Все непонятное — страшно.

— Но если такая вероятность есть? Хотя бы потенциально? Если этот самый сетевой разум уже существует, а мы просто не в силах заметить его проявления? Если дайверы есть, но таятся?

— Если дайверы есть, но таятся — то они вовсе не опасны. Это лишь любопытный феномен, подлежа-

ший изучению. — Вот теперь Томилин говорит без иронии. — И пусть наши подопечные обретают ненормативные способности. Замечательно! У нас очень хорошие следящие системы, Карина. Мы сразу обнаружим происходящее. Разберемся, что и как произошло. А телесно весь контингент находится под бдительным присмотром... не хотите их посетить в реальном мире?

— Это не входит в мою компетенцию, — отмахиваюсь я. — Аркадий, ну а сам факт того, что в виртуальности находится толпа преступников? Если допустить, что сетевое сознание существует и формируется личностями тех, кто пребывает в *глубине*?

— Карина, мало ли в *глубине* бандитов? — серьезно спрашивает Томилин. — Господи, да что тут две сотни заключенных! Тысячи, десятки тысяч убийц, насильников, террористов, наркоторговцев пользуются виртуальностью! Вот кто ее формирует! И все попытки их обуздать... знаете, вводили такую международную программу — «СРАМ»?

Качаю головой. Нет, не помню...

— Она должна была отслеживать преступников по ключевым словам в электронной переписке, — морщась, поясняет Томилин. — А торговцев порнографией — по розовому цвету голых тел в видеороликах... И знаете, что произошло? Возникла мода — каждое самое невинное письмо писать на розовом фоне и сопровождать лозунгами, шапкой из фраз вроде «НЕТ ТЕРРОРИЗМУ! ВЗРЫВЧАТКУ ДОЛОЙ ИЗ ЖИЗНИ! НАРКОТИКИ — НЕ НАШ ВЫБОР, ПОКУПАЙТЕ ЙОГУРТ!». Через полгода программу свернули. Невозможно было контролировать *все*! Ревнителю гражданских свобод торжествовали... а преступники продолжали резвиться в виртуальности. Легализовали бордели... создали электронную марихуану и виртуальный героин... обменивались планами терактов...

Я не слышала этой истории. И в голосе Томилина — настоящая горечь человека, вынужденного отступить перед несправедливостью.

— В новом, виртуальном мире нужны новые возможности для борьбы с преступностью, — говорит он вдруг. — Неожиданные. Революционные. Дающие кардинальное преимущество силам охраны правопорядка. Вы не согласны, Карина?

А я и не знаю уже, с чем согласна, с чем — нет.

Нет, и Чингизу я не лгала. Средства, которыми пользу-

ется Томилин, мне не нравятся. Вот цели... цели-то самые благие.

— Подготовили отчет, Карина? — интересуется Томилин, так и не дождавшись ответа.

— Я займусь им вечером. Разрешите еще раз проинспектировать заключенных?

Томилин устало прикрывает глаза. Нетронутый кофе на столе, горшок с геранью, фотографии... Я вдруг замечаю, что это фотографии пожилого мужчины и пожилой женщины. Очевидно, родители подполковника, а вовсе не жена и дети...

— Разумеется, Карина. Проверяйте все что угодно, сопровождающего я вам выделяю...

Уже у дверей подполковник окликает меня снова:

— Карина!

Оборачиваюсь.

Пальцы Томилина медленно сминают цветок герани.

— Допустим, что я перестраховался. Испугался за вас. Понимаете? Бандиты могут быть сколь угодно обаятельны... в отличие от нас с вами. Но мы по одну сторону. Они — по другую. Этого... не стоит забывать. Приходите к двум часам, хорошо? Я надеюсь, ваше мнение изменится.

Пальцы его все комкают и комкают несчастный цветок. Не провинившийся ничем, кроме того, что есть у нас традиция называть оружие именами цветов.

Мне ничего не остается, кроме как кивнуть подполковнику.

Когда-то, едва узнав, что я собираюсь поступать в юридический, папа сказал мне... тогда я не приняла его слов всерьез, задумалась лишь позже. Нет, отец говорил не насчет опасностей работы следователя или эксперта. Он просто заметил, что защищая закон — легче всего его нарушить. Именно для того, чтобы защищать. И что долг службы и обычная человеческая мораль начнут бороться у меня в душе... пока не победит что-то одно.

Нет, вначале я не поверила...

Но противнее всего понимать, что никакой борьбы уже нет. Я выбрала. Чингиз с товарищами может быть сколь угодно красноречив. Даже прав... с общечеловеческих позиций. Вот только и Томилин прав — невозможно в виртуальности бороться с преступностью старыми средствами.

А еще... неужели я не хочу сама стать дайвером? Понять, увидеть... сложить свой пазл до конца...

Оставив охранника в камере Антона Стекова, я прохожу во Внутреннюю Монголию незадачливого борца за свободу. Зря ты отсидел срок, зря твой приятель раздавал взятки. Ничего вам не остановить. Даже побегі ваши снисходительно не заметят...

Стеков на этот раз не сидит перед телевизором. Разгуливает по комнате, размахивая руками и что-то вполголоса говоря. Я останавливаюсь на пороге «стандартной квартиры» и в недоумении смотрю на заключенного.

Он что, спятил?

Антон Стеков, преспокойно выбиравшийся из виртуальной тюрьмы в Диптаун, общался со своим фантомным окружением! С «программистом Алексеем» и его сыночком «Артемом».

— А я говорю: взять за шкурку и тащить в *глубину*! — почти ревет Антон. — Это что ж такое с Ленкой творится? Трудно ему быть Богом, етыть его...

— Падла, не ругайся, — живым человеческим голосом отвечает «стандартный программист».

Ничего себе призыв не ругаться!

— Ничего, не маленький уже, — косясь на конопатого «Артема», бормочет Антон. Но тон все-таки сбавляет: — Обязаны мы его уговорить...

И в этот момент меня наконец-то замечают. Скучающий «Артем» оглядывается, видит меня и бормочет:

— Ну вот, дождались... Чингиз, гости!

1001

Удивляться на самом-то деле нечему.

Если есть канал «наружу», через который Антон Стеков покидал тюрьму, то он работает и в обратную сторону. Ну а выбрать в качестве тел марионеток, разыгрывающих перед Стековым свой убогий спектакль, более чем разумно. Унылый стандартный программист ничем не похож на Чингиза. Но это он. А в шкуре парнишки, наверное, тот юноша, что был с ним в машине.

Я захожу в комнату, сажусь на диван. Пытаться арестовать незваных визитеров — бесполезно. Это

будет как раз тот самый «шум», который хотел поднять Чингиз. Томилин, видимо, не в силах перекрыть неизвестный канал и поэтому закрывает на него глаза.

— Карина, вы знали, что мы здесь? — спрашивает Чингиз. В чужом теле он угадывается только по интонациям голоса.

— Нет. Я хотела поговорить с Антоном.

Заключенный Стеков досадливо крикает и подходит ко мне. Поправляет толстым пальцем очки и произносит:

— Вы уж извините меня, Карина.

— За что? — удивляюсь я.

— За то, что втянули вас в это дело. Моя была идея, если честно.

— Не помню, чтобы меня куда-то втягивали.

— Понимаете, — у Стекова по-прежнему смущенный вид интеллигента, отдавившего кому-то ногу в трамвае, — мы полагали, что персонал тюрьмы сам отреагирует на побег. Но они замолчали этот факт. Как только поняли, что своими силами изолировать меня не смогут, перестали обращать внимание на побег. Пришлось подкинуть информацию о побегах на тот уровень руководства МВД, который не посвящен в проект... в результате вас и отправили с инспекцией...

Вот оно что!

Я как-то и не задавалась вопросом, откуда появилась информация о неладах в виртуальной тюрьме. А ее, оказывается, распространили сами заключенные.

— Не надо извиняться, Антон, — говорю я. — Я выполняла свою работу. Вся ваша затея была ребячеством. Но за нее вы сами себя наказали — лишением свободы.

— Не беда. Неограниченной свободы не существует, — философски отвечает Стеков. — Вы убедились, что цель этого... этого аттракциона — эксперименты по созданию дайверов?

— Антон! — вмешивается Чингиз. — Бессмысленно. Карина все понимает, но она не на нашей стороне.

— Кажется, не только я? — не удерживаюсь от иронии. Против ожиданий, они не спорят.

— Не только, — соглашается Чингиз. — У нас есть друг... он дайвер. Но его способности особого рода, они уникальны. Он может уничтожить тюрьму. Может сделать так, что никто из заключенных не станет дайвером.

— Откуда такие таланты? — спрашиваю я. Лицо Чингиза серьезно, но в сказанное мне не верится.

Чингиз пожимает плечами.

— Так уж получилось... он работает непосредственно с *глубиной*. Но он не хочет вмешиваться.

— Почему? — спрашиваю я с любопытством. Оставим восторженные эпитеты на совести Чингиза, допустим, что его друг и впрямь настолько силен.

— Он сказал почти то же, что и ты, Карина. — Чингиз смотрит на меня из зрачков «стандартного программиста». — Что нельзя смешивать настоящий мир и *глубину*. Что виртуальность — это новое общество, новая реальность, мир без государственных границ и языковых барьеров. Нейтральная территория, как принято говорить. Уголок будущего, тянущийся в наше время. *Глубина* выстроит себя сама, ее обитатели решат, что принять, а что отбросить.

— Молодец ваш друг.

— Какое-то время я подозревал, что ты — лишь одна из его масок, — признается Чингиз.

Пожимаю плечами. Бывает. Матрица поехала.

— Ты будешь наблюдать за экспериментом? — спрашивает Чингиз после паузы.

— Буду.

— Мы тоже, — кивает Чингиз. — Над Антоном экспериментов проводить не собираются. Сегодня назначены лишь три подопытных кролика.

Да, в недрах правительственного сервера Чингиз себя чувствует как дома. Но я не возмущаюсь, а задаю вопрос:

— И кто они?

— Их тебе демонстрировали. Убийца, который хочет приручить лисенка. Водитель, совершивший наезд. И еще один убийца, запертый в пустом городе.

— Ты даже знаешь, что с ними сделают? — спрашиваю я.

— Знаю. Лисенок умрет. Под колеса грузовика снова упадут двое детей. Убийца найдет умирающую женщину.

— Я их всех видела... — с удивлением говорю я. — Всех троих...

— Наверное, подполковник хочет сделать приятный сюрприз. — «Стандартный программист» улыбается жесткой улыбкой Чингиза. И я вдруг понимаю — он тоже готовит свои сюрпризы. Что бы ни говорила я или тот здравомыслящий супердайвер, но Чингиз из тех людей, ко-

торых невозможно остановить. Даже если он согласится, что *глубина* сама примет решение, это его не смутит.

Он просто объявит себя *глубиной*.

И будет решать за всех.

— Я вас покину, господа, — произношу я и встаю. Паренек в разговор так и не вступал — забавляется в углу комнаты со старой головоломкой, кубиком Рубика. Антон Стеков печально смотрит на меня, временами беззвучно вздыхая. Ну а Чингиз в теле «стандартного программиста» — всего лишь говорящая кукла. — Антон, только один вопрос...

— Да? — скорбно спрашивает Стеков.

— Какого черта вы на все это пошли? Нет, я понимаю, высокие принципы, антигосударственные настроения, ваша натура анархиста... я прочитала личное дело. Но на полгода сесть в тюрьму! Зачем вам это?

Вопрос попадает в точку. Стеков начинает мяться, оглядывается на своих товарищей и даже словно бы немного краснеет.

— За вами еще что-то тянется? — спрашиваю я в лоб. — От чего вы прячетесь в тюрьме? Другое преступление, или бандиты...

— О Господи, ну что за настырная женщина! — громко вопрошает Стеков. — Вот почему!

И он щиплет себя за могучее брюхо.

Ничего не понимаю, стою и растерянно взираю на смущенного, а оттого шумного и немного агрессивного хакера.

— Распустился я в последнее время! — с горечью сообщает Стеков. — Пузо отрастил, мотоцикл под задницей трещит, девушки в лицо смеются. Ты бы раньше меня видела, детка, я же стройный был, как молодой тополе! Ну нет у меня лишней силы воли, как выпью пива, так сразу аппетит разбирает. Пятнадцать килограммов за год набрал. Даже к врачу пошел, а тот говорит: полгода строгой диеты... разве ж я выдержу! А тут такая халява: питание строго по минимальным нормам, между едой куска не перехватишь, о пиве и забудь...

— Ну ты и крейзи! — радостно орет «сын стандартного программиста».

А Чингиз — тот и вовсе замирает в ошолоблении.

Никогда не поверю!

Сесть в тюрьму, чтобы сбросить лишний вес!

— До чего дошло: книги про целлюлит стал читать, калории съеденные на калькуляторе высчитыв-

вал, из бани не вылезал, — продолжает убиваться Стеков. — Пробежки по утрам, прогулки перед сном... только аппетит нагуливал...

Тихо-тихо я пячусь к выходу.

Пожалуй, Антон Стеков и впрямь настолько нестандартный человек, что мог бы сесть на государственную диету...

А если и нет — то он не упустит случая поиздеваться над своими тюремщиками, высказывая такую версию.

— Психи! — только и говорю я, выскакивая из Внутренней Монголии Антона Стекова.

И запоздало понимаю, что выдала реакцию, достойную шестнадцатилетнего оболтуса.

Сумасшедший дом. Нет, все мы, проводящие в *глубине* десятки часов, немного спятили. Но эта троица — совсем уж крайний случай!

Охранник моим пребыванием в камере Стекова не интересуется. Либо не знает, что на самом деле там творится, либо получил инструкции не вмешиваться. В кабинет Томилина я возвращаюсь за полчаса до назначенного срока.

Почему-то подсознательно я ожидаю увидеть там новые лица. Каких-нибудь высоких чинов, с натужной улыбкой напавших шлем перед входом в *глубину* и теперь ведущих себя будто дети на конфетной фабрике.

Но Томилин один. Все-таки дело слишком скользкое, чтобы вышестоящие лица рискнули присутствовать. Попахивает от происходящего экспериментами на людях, ох как попахивает.

— Садитесь, Карина. — С прежней любезностью подполковник улыбается мне. Герани на столе уже нет, намеки кончились. — Как ваша экскурсия?

Видел ли он то, что происходило в камере Стекова?

Если хотел, то видел.

Значит, исходить надо именно из этого.

— Более чем полезная, — говорю я, и Томилин на мгновение хмурится. Пускай покрутит в голове разговор, попытается понять, что же меня заинтересовало. — Скажите, а что следует предпринять персоналу тюрьмы, обнаружив проникновение в тюрьму?

— Запросить пост охраны, — мгновенно реагирует подполковник. — Если следов проникновения не обнаружено, то на любых возможных посетителей не стоит обращать внимание. Даже если заключенный будет за-

ниматься сексом с Мэрилин Монро или беседовать на философские темы с Чебурашкой. Кто знает, что там напридумывали психологи в зонах катарсиса?

Все понятно. Чингиз и Антон — жертвы собственной квалифицированности. Пока стандартные охранные системы их проникновения не замечают, Томилин может сколько угодно игнорировать неудобных визитеров.

Интересно другое: что он сделает, если хакер и дайвер учинят в тюрьме самый настоящий виртуальный бунт? Уж не это ли замыслил Чингиз в качестве собственного «сюрприза»?

Но это уже слишком серьезный шаг. За такое шестью месяцами не отделаться. И как бы меня ни раздражало их упрямство, но я мысленно молю их не делать таких глупостей.

Полковник куда-то звонит, и через минуту в кабинет входит молодой человек в грязноватом белом халате поверх штатской одежды. Кто-то из психологов? Или другой вольнонаемный сотрудник? Меня он раздражает, и я не сразу понимаю чем. Все дело в этой нарочито реальной одежде, несвежем халате и разболтанном виде.

Ну почему в *глубине* мы с легкостью готовы выглядеть хуже, чем есть на самом деле?

— Карина, Денис, — знакомит нас Томилин. Ни званий, ни должностей не звучит. — Все готово?

— Да, программы введены, — кивает Денис.

Я ожидаю, что мы пойдем в камеры «подопытных». Но Томилин набирает какую-то команду на терминале, и в одной из стен кабинета расползаются деревянные панели, открывая огромный экран.

— Карину очень интересует первый этап перевоспитания, — говорит Томилин. Не то с иронией, не то серьезно... — Карина, с кого начнем? У нас есть водитель, совершивший наезд на детей, катавшихся по тротуару на велосипедах. И двое убийц.

Мне не надо уточнять, что это за убийцы.

— Начните с водителя, — говорю я.

Экран будто превращается в окно — огромное окно, открытое в вечерний город. Обычные московские улицы, только людей немного. Здесь, в *глубине*, нет разницы между телеизображением и реальностью — и то, и другое иллюзорно.

Грузовик, что катится по улице, обычный грузовик с пустым кузовом, с ободранной краской на ка-

бине и грязным ветровым стеклом, несется совсем рядом — лишь протяни руку...

— Пускай детишек, Денис, — распоряжается Томилин.

И я чувствую к нему мимолетное уважение. За то, что он не сказал «пускай фантомы» или «начинай сеанс». Не спрятался за эвфемизмом.

Пускай это трижды нереально, пускай это лишь пляска электронов в кристаллах микросхем, но для того человека, что отбывает свой срок в виртуальной тюрьме, происходящее станет настоящим шоком.

1010

Виртуальная камера, которая показывает нам мчащийся грузовик, парит над машиной. Свет в кабинете Томилина меркнет, и у меня возникает ощущение киносеанса. Будто я смотрю свеженький голливудский боевик... один из тех, новомодных, где компьютерные образы самых популярных актеров всех времен и народов бродят в виртуальных декорациях... где мужественный Клинт Иствуд стоит плечом к плечу с импозантным Шоном Коннери и смазливый Леонардо Ди Каприо... интерактивный фильм, где всю троицу можно усадить в лужу, а победит трогательный Чарли Чаплин...

Но этот фильм не интерактивен. Он режиссирован от первой до последней секунды. Что бы ни думал водитель грузовика.

— Ведь он совершил наезд в пьяном виде... — говорю я. — Ведь так?

— Он и сейчас нетрезв, — отвечает Томилин. — Для него были оставлены виртуальные бары.

— Но ведь невозможно повторить ту ситуацию с точностью, — не сдаюсь я.

— Почему? — удивляется Томилин.

И в этот миг грузовик сворачивает на перекрестке.

Будто отдернули занавес. Вечер сменяется днем. Широкий проспект — узкой улочкой, где и двум машинам-то не разъехаться. Тем более что навстречу бодро несутся несколько легковушек. Грузовик виляет, дергается, налетая на бордюр и выскакивая на тротуар.

А в нескольких метрах перед капотом едут на велосипедах двое мальчишек, уже начинающих оборачиваться на рев мотора.

— Оп, — говорит Томилин. Успевает сказать, прежде чем изображение дергается, переворачивается, начинает кружиться: виртуальная камера описывает немыслимую кривую, удерживаясь над кузовом грузовика.

Неужели в реальности возможно так выкрутить руль?

Скорость не так уж и высока. Сколь бы ни был пьян водитель, но он сбросил газ на повороте. Но удар все равно силен.

Капот сминается, втыкаясь в стену здания, грузовик разворачивает, он крошит стеклянную витрину, наполовину въезжая в продуктовый магазинчик. И я понимаю: что-то идет не так. Магазин не прорисован полностью, существуют лишь несколько метров перед витриной, а все остальное — серый туман, мгла без красок и форм. Из задравшегося вверх капота бьет пар и сочится бесцветная жидкость.

— Денис, — очень спокойно говорит Томилин, — я же просил...

— Да не мог он успеть повернуть, — отвечает Денис. — Все же обсчитано!

В его голосе слышится искреннее возмущение. Нет, вряд ли он психолог. Скорее программист, переводивший расплывчатые указания в цифровую форму.

— Скорость была тридцать четыре километра в час, радиус поворота... — бормочет Денис. Но Томилин жестом заставляет его замолчать.

А смятая дверь кабины со скрежетом открывается. Скорее вываливается, чем выходит, водитель. И не глядя на серый туман в глубине магазина, бредет сквозь стеклянное крошево витрины на улицу.

— Камеру сдвинуть! — рявкает Томилин.

Я не вижу, кто исполняет его команду. Возможно, у Дениса есть какой-то пульт, а может быть, нас слушают и другие сотрудники тюрьмы.

Но камера послушно сдвигается с места, плывет вслед за водителем.

И я начинаю смеяться.

Это уже не трагедия. Это фарс.

По улице все так же едут автомобили, все так же идут прохожие, не обращая никакого внимания на воткнувшийся в здание грузовик.

А нераздавленные велосипедисты продолжают ехать, с ужасом озираясь назад. Они едут на месте, колеса скользят по асфальту, сверкают спицы с красными кружками катафотов, длинные волосы одного из пареньков полощет на несуществующем ветру. Лучший в мире велотренажер.

Водитель обходит машину. Подходит к ребятам, смотрит на них, протягивает руку, словно намереваясь тронуть, — и тут же отдергивает. Достает мятую пачку «Примы», засовывает одну сигарету в рот, но забывает закурить и кричит:

— Бип! Бип-бип, вашу мать! Козлы, бип! Бип!

То ли он догадался, где камера. То ли это случайность — но он смотрит прямо на нас.

— Бип! — зло говорит Томилин. — Какой бип включил звуковой цензор?

— Но это же общее требование ко всем государственным учреждениям! — отбивается Денис.

Водитель, выронивший сигарету, достает другую. Садится на асфальт, закуривает, глядя на несущихся в никуда велосипедистов.

— Уберите... это, — командует Томилин. — Карина, прошу прощения.

— Бип, — говорю я с улыбкой. Именно «бип» я и хотела произнести.

— Смешно, — соглашается Томилин, когда гаснет экран. — Может быть, Карина, вы еще объясните, что это значит?

— Да если бы я знала...

На самом-то деле я догадываюсь. И готова поаплодировать Чингизу, устроившему свой сюрприз. Вот только...

— Наши визитеры изолированы? — спрашивает Томилин Дениса.

— Разумеется! — Видно, в этом программист уверен. — Стекова аппаратно отключили от *глубины*. А тем двоим задавили каналы. Начисто.

— Ну и какие версии? — спрашивает Томилин.

Ответа нет. И подполковник командует:

— Давайте второго!

— Какого именно?

— Давайте Казакова. Что там у него?

Экран загорается снова. Камера парит в небе, опускаясь кругами, будто хищная птица, отслеживающая добычу. Бесконечная степь, ломкая сухая трава, человек, сидящий на корточках...

Каким бы он ни был преступником, но сейчас это лишь человек, приговоренный к одиночеству. Человек, держащий в руках маленького грязно-рыжего лисенка.

— Его стоило бы позже... — задумчиво говорит Томилин. — Впрочем...

— У вас ничего не выйдет, — вдруг говорю я.

Томилин оборачивается, выжидающе смотрит на меня.

— Не знаю почему. Но не выйдет. Вы чего-то не поняли.

— Все дайверы обретали свои способности в результате сильного стресса, — медленно и убедительно, будто преподаватель тупому студенту, говорит Томилин. — Случайного стресса! А эти... стрессы... они выверены и рассчитаны. Они не могут не подействовать.

— Они подействуют, вот только *как именно*...

— Посмотрим. Придушите эту лису! — поворачиваясь к экрану, говорит Томилин.

Еще минуту ничего не происходит. Заключенный осторожно и бережно гладит крошечного зверька. Камера опускается совсем низко, заглядывает ему через плечо — так, что узкая симпатичная мордочка лисички заполняет пол-экрана.

А потом черные глазки начинают тускнеть.

Лисица тоненько пищит, вздрагивает и вытягивается в длину. Дергается пушистый хвост.

Человек будто не замечает этого. Рука касается меха, оглаживает зверька. И едва-едва угадывается в шуме ветра голос.

— Нет.

Ни печали, ни боли, ни ярости.

И ни капли сомнения.

Он не верит в происходящее, этот злодей и убийца. Настоящий, без всяких смягчающих обстоятельств, злодей...

Не хочет верить.

Не поверит никогда.

Я читала его личное дело. Я знаю, что он убил свою жену. Я знаю, что он любил ее. И до сих пор, наверное, любит. И себя он осудил куда раньше, чем Люберецкий районный суд...

— Нет, — еще раз говорит заключенный, проводя рукой по тельцу лисицы. — Нет.

И пушистый хвост вздрагивает.

Стриженная голова опускается, человек касается губами мордочки лисицы. И крошечный язычок ласково лижет его щеку.

— Она отключена, — не дожидаясь вопроса, говорит программист Денис. — Да нет ее вовсе! В программе оживление не предусмотрено!

На экране — человек гладит лисичку.

— Выключите, — говорит Томилин. И смотрит на меня.

— Будете третьего... *катарсис*? — спрашиваю я.

— Имеет смысл? — вопросом на вопрос отвечает Томилин.

Я медлю. Я действительно пытаюсь ответить честно. Хотя бы потому, что кто бы ни стоял за всей этой жестокой пьесой, какие бы амбиции ни кипели в министерских умах, но для Томилина этот проект — совсем другое. Заслон на пути преступности, сверкающий меч и надежный щит в руках правосудия, настоящие стражи порядка, штампованные супермены *глубины*.

И ради этой цели он без колебаний подвергнет муке преступников.

Без колебаний... но и без радости.

— Он тоже не станет дайвером, — говорю я наконец. — Он что-то сделает... я даже не знаю, что именно... говорите, умирающая женщина в пустом городе? Нет, вряд ли он ее оживит. Скорее — добьет.

— Ее невозможно добить, — почти робко вставляет программист Денис. — В том-то и дело... этот тип — он маньяк, он обязательно попытается, но...

— Лисичку невозможно было оживить, — напоминаю я.

— Так в чем дело? — уже не спрашивает, а требует Томилин.

— Я знаю только одного дайвера, — говорю я. — Но разве вам непонятно, в чем разница? Это же так просто!

— Свобода, — вдруг говорит Томилин. — Бип.

— Способности дайверов — они все исходят из одного, — киваю я. — Только из одного. Они не терпят несвободы. Потому и могут входить и выходить из *глубины*, когда захотят. Поэтому видят лазейки в программной защите. Вы кого угодно сможете воспитать в своей тюрьме... людей, которые будут убивать и оживлять программы, к примеру. Но только не дайверов. Потому что дайвер в виртуальной тюрьме — невозможен.

1011

Наверное, самое обидное вовсе не поражение. Полководец, который привел армии на поле брани, мечтает о победе. Но и к поражению он готов. А вот к тому, что

вражья армия, о которой донесли разведчики, бесславно потонет при форсировании мелкой речушки или поголовно сляжет с банальной дизентерией, — к этому не готовятся.

Томилин долго смотрит на меня, прежде чем с неохотой кивает:

— Наверное, вы правы, Карина. Наверное. Но черт возьми, как вы поняли? Проект готовили серьезные специалисты... кто вы такая, что сумели понять?

— Кто я? — пожимаю плечами. Вопрос мне задали риторический, но почему-то я собираюсь ответить.

Кто я?

1100.0

«Лабиринт»

(Алый финал)

Кто я?

Я самая обыкновенная. Девочка компьютерного века. Одна из тех, кто учился буквам по клавиатуре. Одна из тех, кто рвался из дома не на улицу, а в Сеть. Одна из тех, кто никогда не видел своих друзей. Одна из тех, кто привык быть кем угодно — вздорной грубоватой Ксенией, любопытной малолеткой Машей, писателем-детективщиком Романом, хакером Сёмой, солидной и умной Ольгой... меня было так много в *глубине*...

Я самая обыкновенная.

Просто я здесь живу.

А энергичный и умный подполковник Томилин — работает.

Да пусть я никогда не верила в дайверов! Пусть считала их сказкой. Но я же знала, о чем эта сказка: о свободе. О людях, которые не теряют себя в *глубине*. Не о волшебниках, творящих виртуальные чудеса, а о людях, научившихся жить в Сети.

И пусть теперь я работаю в МВД, пусть у меня есть звание и должность, но я — гражданка Диптауна.

А уже потом — гражданка России.

— Я самая обыкновенная, — отвечаю я Томилину. — Только я здесь живу. Понимаете? Это плохо, наверное, что я здесь живу. Я, может, так и состарюсь в

этом теле. И по службе никуда не продвинулся, мне это неинтересно. Зато я вижу то, чего вы не видите.

Томилин смотрит на Дениса, кивает, и тот быстро выходит. Косясь на меня... и вроде бы с симпатией.

Неужели он тоже доволен, что проект по созданию дайверов провалился?

— Начистоту... — хмуро спрашивает Томилин. — Вы довольны, что все так кончилось?

— Конечно, — говорю я. — Извините...

— Карина, но вы же понимаете, это ничего не изменит. Государству нужен контроль над *глубиной*. И не ради самого государства, ради мирных граждан, понимаете?

— Нет, не понимаю, — честно отвечаю я. — Ведь мы справляемся сами. Худо-бедно, но справляемся. Разве в настоящем мире у нас не осталось работы?

— *Мы?* — Подполковник интонацией выделяет слово.

И я киваю:

— Мы. Те, кто живет в *глубине*.

— Это ваш настоящий облик? — неожиданно спрашивает Томилин.

Таких вопросов не задают. Даже нижестоящим. Но я снова решаю ответить:

— Да.

— А у меня — не совсем. — Он внезапно улыбается. — Нехорошо получается... Ну и что вы напишете в отчете?

— Чистую правду, — отвечаю я. — Что ничего, заслуживающего служебного расследования, в тюрьме не обнаружено... за исключением мелких нарушений трудовой дисциплины. У меня, правда, были сомнения. Показалось, что в тюрьму ухитряются проникать посторонние. Но теперь-то я понимаю — это лишь часть программы перевоспитания осужденных.

Томилин кивает.

— Разрешите идти? — спрашиваю я. — Мне надо заняться отчетом.

— Я завтра буду в управлении, — говорит Томилин. — Со своим отчетом. В девять ноль-ноль. Насколько я понимаю... согласно правилам хорошего тона... мне надо показаться вам в настоящем облике.

Это так неожиданно и трогательно, что я с трудом сохраняю невозмутимое лицо.

Интересно, он мудр и седоволос или молод и энергичен?

Интересно, конечно...

— Половину ночи я провожу в *глубине*. А в девять утра еще сплю, — отвечаю я. — Извините. Конечно, если это приказ...

Томилин качает головой:

— Нет. Не приказ. Не смею больше вас задерживать.

И на какой-то миг мне кажется, будто я вижу его — настоящего. Не молодого, и не старого. Человека лет сорока, который упрямо учился работать на компьютере, пытался постичь *глубину* — не из любви к ней, не из любопытства, а лишь потому, что был соответствующий приказ. Одинокого служаку, поднаторевшего в кабинетных играх, но тоже не из любви к ним, а ради того, чтобы делать свое дело.

Мне даже становится его жалко.

Но жалость — это не то, ради чего я готова просыпаться в девять утра.

— Всего доброго, — говорю я, прежде чем уйти.

Памятник Последнему Спамеру все так же облеплен молодежью. В *глубине* много памятников, совсем несложно получить кусочек места и воздвигнуть там все что угодно. Вот только популярность памятника отследить нетрудно. Неудачные, возле которых никто не встречается, густо засиживают голуби, потом зеленеет бронза и крошится мрамор, а под конец приезжает грузовик из мэрии Диптауна и вывозит неудачное творение на свалку. Свалка вечна и бесконечна. Длинные ряды никому не нужных скульптур... страшненькое место.

В общем-то это конец всего в *глубине*. Здесь слишком много неудачных творений. Собранных из сэмплов опер, написанных левой ногой книг, безумных философских теорий и мертвых картин. Все они уходят в никуда, в вечное хранение на бесконечных виртуальных свалках.

Но памятник Спамеру жив. И у его подножия очень мало свободных скамеек. Я нахожу лишь одну, покупаю в ларьке бутылку пива и сажусь — нарочито посередине скамейки, давая понять, что не жажду случайных знакомств. Ко мне и не подсаживаются. Мы научились уважать друг друга в *глубине*. Без бдительного надзора полиции, без суперменов-дайверов из МВД. Значит, мы что-то умеем?

Памятники — это место встреч. Мне никто не назначал здесь свидания, но это единственный памятник, у которого мы встречались с Чингизом.

И я сижу на скамейке. Пью холодное пиво — оно холодное ровно настолько, насколько это нужно. Смотрю в чистое небо. Когда я была маленькой, я однажды испугалась неба. Я с родителями была на море и однажды, растянувшись на спине, посмотрела вверх. Небо было таким бездонным и чистым, что я поняла — в него можно упасть. Оторваться от горячего песка, нелепо взмахнуть руками и полететь вверх — в небо, которое станет бездной. А над головой закружится перевернутая земля, и плачущие родители, и задравшие головы зеваки, и качающиеся ветвями деревья. Они не упадут в небо, ведь они не знают, что в небо можно упасть...

Как давно это было. А запомнилось. Вместе с паззлом, который я так и не смогла собрать. Вместе с первой влюбленностью, первой настоящей обидой, первым визитом в *глубину*, первым предательством...

— Разрешите?

Я скашиваю глаза на Чингиза. Киваю и чуть сдвигаюсь в сторону.

— Наверное, над нами стоит посмеяться, — говорит Чингиз вполголоса. — Все способности... они ничего не стоят, когда провайдер отключает тебя от сети. По одной лишь команде из МВД.

— А как ты вошел? — спрашиваю я.

— По старинке. С телефонной линии. — Чингиз садится рядом.

— Я вас не сдавала, — говорю я. — За вами следили с самого начала. Просто шум поднимать было не выгодно. Поэтому игнорировали... а когда стало нужно — отключили.

Он кивает. И молчит — хотя я понимаю, как ему хочется задать вопрос.

— А как ты меня нашел? — спрашиваю я. — На мне маркер?

Чингиз качает головой.

— Нет. Я подумал, что встречаться принято у памятников... Дашь глотнуть?

До палатки с бесплатным пивом — несколько шагов. Но я даю ему бутылку. И начинаю рассказывать то, что рассказывать не имею никакого права. То, как *не становятся* дайверами.

— Спасибо, — говорит Чингиз, когда я заканчиваю свой рассказ. — Спасибо. Я верил, что ты все-таки на нашей стороне.

— При чем тут я? Я же ничего не делала.

— Делала, — уверенно отвечает Чингиз. — Ты не хотела, чтобы у них получилось. Может быть, единственная из всех, кто наблюдал за экспериментом, — не хотела.

— Ну и что? Мало ли чего я не хочу.

— *Глубина* — это больше, чем принято думать, — убежденно говорит Чингиз. — Это не только среда обитания. Это что-то еще. Мы — частички *глубины*. Она становится такой, какой мы хотим ее видеть. Если бы все хотели заполнить улицы штампованными дайверами — это бы случилось. Но надо было, обязательно надо было, чтобы кто-то из следящих за экспериментом не желал успеха этой затее...

Смешной он. Взрослый ведь человек...

— Ну хорошо, пускай это все моя заслуга, — соглашаюсь я. — Уговорил.

Чингиз улыбается и возвращает мне пиво.

— Твой приятель, Стеков, он и впрямь отправился в тюрьму худеть? — спрашиваю я.

— Бог его знает. — Чингиз пожимает плечами. — Я не всегда понимаю, когда он серьезен. Он и сам, наверное, не всегда это понимает... Карина?

— Да? — все еще глядя в небо, отвечаю я.

— Из меня никудышный ухажер, — самокритично признает Чингиз.

Не сомневаюсь. На него небось еще со школы девицы пачками вешались. Такие учатся от подруг уворачиваться, а не ухаживать.

— Но виртуальное пиво — это не самое лучшее, что есть на свете, — продолжает Чингиз. — Можно пригласить тебя в ресторан?

Ух ты... Не было ни гроша, да вдруг алтын... И Томилин, и Чингиз.

— Чингиз, — отвечаю я, морщась. — Хочешь, расскажу историю?

— Расскажи.

— У меня была в детстве игрушка. Паззл. Очень красивый... там был рыцарь и принцесса... они тянулись друг к другу. Я его собрала... весь. Только одного кусочка не хватило. Между рукой принцессы и головой рыцаря. Понимаешь, этот кусочек забыли положить в коробку!

Чингиз молчит.

— Я, наверное, такая принцесса, — продолжаю я. — К кому ни потянусь — ничего не получается. И ты ко мне не тянись.

— Знаю я про этот пазл, — вдруг отвечает Чингиз. Голос его меняется, становится смущенным, даже виноватым. — Ты в курсе, что все эти мозаики нарезаются случайным образом, по рассчитанным на компьютере схемам?

— Ну...

— У тебя бывало так, что вместо одного кусочка ты вставляла другой? И он вроде бы даже подходил... зазор оставался, но крошечный, незаметный...

— Бывало.

— Так вот, однажды пазл раскроили очень неудачно. Его стало возможно собрать двумя способами. Если собирать неправильно, то получались щели — но совсем маленькие, незаметные. А в центре оставался пустой кусочек. Скандал был чудовищный, не меньше трети купивших пазл собрали его неправильно и засыпали фирму рекламациями.

— Врешь? — растерянно спрашиваю я. — Ну не могло так получиться!

— Случайно, может быть, и не могло, — признает Чингиз. — Но фирму хакнул по Сети один молодой и не в меру бесшабашный русский хакер... он решил пошутить, посидел ночь за расчетами... и вовсе не задумался, что от этой шутки десять тысяч человек... Честное слово, Карина, потом я понял...

Как жалко, что виртуальная посуда не бьется!

Я обрушиваю бутылку на голову Чингиза, но он успевает отскочить.

— Ты жалкий, гнусный, бесчувственный, трусливый урод! — Я захлебываюсь в поисках подходящих эпитетов. — Ты!

— Почему урод? — возмущается Чингиз, держась на безопасном расстоянии. — Карина, честное слово, я раскаиваюсь!

— Знаешь, как я ревела? — кричу ему. — У меня, может, с тех пор психическая травма!

За нами с любопытством наблюдает весь сквер. Включая прогуливающегося полисмена. Второй день подряд на том же самом месте... Вот позорище-то...

— У меня есть знакомый психоаналитик... — Чингиз ловко уворачивается. — Карина, ну прости! Я тогда был молодой и глупый!

Я поворачиваюсь и гордо иду прочь от памятника. Из толпы кто-то улюлюкает. Чингиз догоняет меня и жалобно просит:

— Слушай, это ведь было пятнадцать лет назад! Да убей я кого — меня бы уже выпустили! Карина, чем я могу... испугать?

Останавливаюсь, меряю его взглядом. Говорю, чеканя каждое слово:

— Завтра. В восемь. У моего подъезда. С букетом цветов, и учти: розы я не люблю.

— В восемь... — страдальчески повторяет Чингиз.

— В восемь вечера, — уточняю я.

Не зверь же я все-таки...

— Мне, право же, очень стыдно, — снова начинает Чингиз.

— Проваливай, и чтобы я до завтра тебя не видела! — команду я. Чингиз кивает — и растворяется в воздухе.

— Дайвер... — только и говорю я.

Прохожу еще несколько шагов — и начинаю смеяться.

Над собой. Над маленькой девочкой, которая хотела собрать паззл побыстрее и предпочитала не замечать неточностей. Придумавшей для себя целую философию. Над глупой девочкой, которая никак не хотела взрости.

Интересно, за сколько дней я сумею собрать паззл правильно?

1100.1

«Зеркала»

(Синий финал)

Кто я?

Самой бы хотелось понять. Все мы, предпочитающие жить в *глубине*, странные. У всех свои причуды. Но когда причуд становится слишком много, разница между ними стирается.

Ну что с того, что моя подруга занимается в *глубине* прыжками с парашютом, а в жизни боится высоты? Что с того, что мой первый виртуальный муж в конце концов оказался десятилетним украинским шалопаем? Что с того, что я иногда люблю зайти в лес, который раскинулся вокруг Диптауна — бесконечный и довольно-таки унылый лес,

он просто «заполняет фон», — зайти и бродить часами в ключьях серого утреннего тумана... там всегда утро, всегда полумрак, и конца этому лесу нет...

Все мы настолько странные, что становимся обыкновенными...

— Я самая обыкновенная, — говорю я Томилину. — Ну... я больше других брожу в *глубине*, вот и все... Может быть, потому и поняла.

— Денис, выйди, — глядя на меня, командует Томилин. — Знаешь... что делать.

Программист выходит. А Томилин делает шаг ко мне, крепко берет за локти, заглядывает в глаза, говорит, переходя на «ты»:

— Ты откуда, девочка?

Пытаюсь вырваться, но он держит крепко. Без грубости, но и не вырваться...

— Вы же видели мои документы...

— Твои документы не стоят клавиатуры, на которой их набирали! В Управлении по надзору нет сотрудницы Карины Опекиной!

Может быть, у него дип-психоз?

— Что же вы тогда меня не арестуете... — бормочу я, пытаюсь высвободить руки. Когда человек «заблудился», с ним лучше не спорить. Надо переубеждать, надо быть логичным.

— Я сообщил... наверх... велели ничего не предпринимать. Сказали, что ты осуществляешь инспекцию... от другой инстанции. — Томилин вдруг отпускает меня, садится за свой стол. — Так откуда ты? ФСБ? Сетевая полиция? СБП?

Что за бред!

Но я не спорю. С больными не спорят.

— Какая разница? — дерзко спрашиваю я. — Вам же велели ничего не предпринимать?

— Откуда ты знала, что эксперимент не удастся? — вопросом отвечает Томилин.

— Я же сказала — догадалась! Я часто бываю в *глубине*. Я...

— Еще скажи, что это твой настоящий облик, — саркастически улыбается Томилин.

Молчу. Зачем спорить, если мне не верят заранее.

— Ну и каков результат инспекции? — спрашивает Томилин. — Что сообщите, *Карина Петровна*?

В имя он вкладывает столько иронии, что я поневоле чувствую себя виноватой.

— Чистую правду, — отвечаю я. — Что за исключением мелких нарушений трудовой дисциплины в первой виртуальной тюрьме не обнаружено ничего необычного. У меня, правда, были сомнения. Показалось, что в тюрьму ухитряются проникать посторонние. Но вы меня убедили, это часть программы перевоспитания осужденных.

— Все равно проект не закроют, — говорит Томилин, будто себя убеждая. — Определенные результаты есть...

— Какие результаты? — невинно спрашиваю я. — Сверх-возможностями в глубине обладают лишь бунтари. Одиночки, индивидуалисты. А это в тюремной камере не привышь.

За моей спиной хлопает дверь, появляется Денис.

— Говори, — командует Томилин. — Нечего стесняться.

Я не вижу — чувствую, что Денис разводит руками. Зато слышу, как он виновато бормочет:

— Это не с нашей аппаратурой... канал скручен кольцом на шестнадцати серверах, и где он на сторону уходит — не понять...

— Эфэсбэ, — уверенно говорит Томилин, глядя на меня. — Так ведь? Знали, что мы порожняки гоняем, но молчали?

— Я не стану ничего отвечать, — быстро говорю я, пытаясь к двери. — Всего доброго.

Денис быстро отстраняется, освобождая мне дорогу. И едва слышно произносит:

— У вас великолепная защита!

Почему-то мне вспоминаются осужденные, которые, глядя на меня, рассуждали о тактовой частоте процессора.

Но я не вступаю в дискуссию. Выскакиваю в коридор, быстро иду — мимо комнат персонала, куда подпускала «жучков», мимо охраны, мимо решетчатых дверей в тюремный блок.

Надо же! Меня приняли за проверяющего от ФСБ. От наших официальных союзников и негласных конкурентов... в пору рассмеяться.

И что за чушь насчет свернутого кольцом канала? У меня самый обычный канал входа, ну, может быть, чуть более профессионально поставлена защита, но не настолько, чтобы ее не вскрыли программисты Томилина...

Расслабляюсь я лишь на улице, в чахлом скверике перед тюрьмой. Вся ирония происходящего начинает доходить до меня. Томилин спятил. Или где-то ошибся. Или начальство, решив меня прикрыть, осадило не в меру ретивого подполковника.

Ну не могу же я не понимать, где на самом деле работаю?

Я присаживаюсь на ограждение высохшего фонтана. Закуриваю, мотаю головой и хохочу грубым смехом Ксении.

Надо же. Теперь будут во всем винить неповинных эфэсбэшников. Ну и пусть, мне с Томилиным детей не крестить. А штамповка дайверов сорвалась. И это правильно. Нет ничего страшнее, чем не вовремя поставленное на поток производство чудес. Не пришло еще это время — как не пришло время для термостойких сверхпроводников, для средства, продлевающего человеческую жизнь до трехсот лет, для раскрытия правды о разуме дельфинов и сбитых НЛО, для всех этих тайн, погребенных в самых секретных архивах Сети...

И откуда я сама о них знаю?

Пытаюсь вспомнить, но воспоминания путаются, исчезают, оставляя томительное беспокойство.

Не надо об этом думать. Все это не важно.

Выбегаю на улицу, вскидываю руку и ловлю машину. Водитель терпеливо ждет, пока я размышляю.

Куда теперь?

К одной из точек выхода?

Или поискать незадачливых борцов во главе с Чингизом? Успокоить?

Вот только где их искать? Где они станут искать меня?

— Пожалуйста, к... — Я опять замираю на миг, размышляя. Может быть, к памятнику Последнему Спамеру? У памятников принято встречаться... я знаю... Или к виртуальному аналогу Пасечной улицы, где мы встречались по-настоящему? — На улицу Пасечную, Москва.

Водитель кивает — значит адрес существует. Ничего удивительного. Одним из самых грандиозных и амбициозных проектов мэрии Москвы было создание в *глубине* копии Москвы, нашумевший рекламно-туристический проект. Злые языки утверждают, будто на проект затратили столько денег, что можно было заново отстроить половину города...

Но это они преувеличивают. На два порядка.

Такси кружит по Диптауну. Выезжает на стык русского и американского сектора, к исполинской сверкающей арке, чей размах не оставляет сомнения в авторстве. Говорят, склонный к гигантомании скульптор последнее время создает свои творения исключительно в *глубине*...

Мы ныряем в арку и оказываемся на московских улицах.

Не все они прорисованы достаточно хорошо. Это уж как водится. Но иногда сходство с реальностью просто поразительное. Когда мы подъезжаем к Пасечной, я замечаю гаишника, стоящего на том же месте, где он был и в реальности — прошлой ночью. И вздрагиваю.

Нет, так и до дип-психоза недалеко...

У дома номер пять я расплачиваюсь с водителем, выбираюсь из машины. Никого, конечно же, нет. Не ждет меня здесь Чингиз, да и людей почти не видно. Улица выглядит как настоящая, ну и на том спасибо. Может быть, здесь жил один из программистов, работавших над проектом, вот и постарался...

Я подхожу к тому месту, где парковалась ночью. И замираю.

Ночью, наверное, был дождь. Виртуальный, конечно.

А здесь стояла машина. Прямоугольник асфальта более светлый, основной напор ливня пришелся на машину.

Нагибаюсь, поднимаю с тротуара размокший окурок. «Милд Севен». Что там курил Чингиз? Нет... не помню...

Бросаю окурок и брезгливо вытираю пальцы платочком.

Ничего необычного! Абсолютно ничего! Погода в виртуальной Москве меняется так же, как и в настоящей. Это обычная поддержка сервера, никаких сложностей. Ну и машины здесь ездят, создают фон. Простое совпадение.

Я же встречалась с Чингизом в реальности!

Ведь так?

Я сказала ему, что войду в *глубину*. Чингиз предложил встретиться в реальности. Я ответила... как же именно я ответила? Какой-то странной фразой... «на нейтральной территории»... Чингиз согласился, предложил этот адрес и проверил, существует ли он вообще.

Диптаун часто называют «нейтральной территорией»...

У меня вдруг начинает кружиться голова. Будто я смертельно устала. Или думаю не о том, о чем стоит думать...

— Карина?

Оборачиваюсь и смотрю на Чингиза.

На этот раз он приехал один. А машина та же самая. Теперь я могу ее разглядеть получше — «ягуар».

— Почему-то так и подумал, что найду тебя здесь. — Чингиз неловко разводит руками. — Вначале поехал к памятнику Спамеру. Не нашел, двинулся сюда... вот.

— Вас отключили? — спрашиваю я. Хочется спросить другое. Я говорю не о том! Я делаю не то! Но зато я делаю то, что... разрешено?

Кем разрешено?

— Да, — кивает Чингиз. — Все мои способности... они ничего не стоят, когда провайдер отключает тебя от Сети. По одной лишь команде из МВД.

— А как ты вошел? — спрашиваю я.

— По старинке. С телефонной линии. — Чингиз морщится. — Ощущение, будто пересел на «жигули».

— Тоже машина, многие и такой не имеют, — машинально отвечаю я. Иметь машину в *глубине* — уже роскошь, одно время частный транспорт вообще запрещали. А уж иметь виртуальный «ягуар»... налог на него такой же, как и на настоящий. Так же как на виртуальные «Ролексы» и «Патек Филиппы», на виски сорокалетней выдержки... человеческое тщеславие живо и в *глубине*...

— Извини, не хотел обидеть, — искренне говорит Чингиз. — Ну... и что там?

— Ничего. У них все сорвалось, — отвечаю я. И начинаю рассказывать — про водителя, сумевшего вывернуть руль, про убийцу, оживившего лисичку...

Чингиз улыбается все шире и шире. Мне надо спросить его о другом... совсем о другом. О том, где же мы встречались на самом деле!

Но я продолжаю рассказ.

— Я надеялся на это, — говорит Чингиз. — Честное слово — надеялся.

— Почему? — спрашиваю я.

— *Глубина* — это больше, чем принято думать, — убежденно говорит Чингиз. — Это не только среда обитания. Это что-то еще. Мы — частички *глубины*. Она становится такой, какой мы хотим ее видеть. Если бы все хотели заполнить улицы штампованными дайверами — это бы случилось. Но мы не хотели — и *глубина* не позволила.

— Ты говоришь так, будто она живая, — замечаю я.

— А я думаю, что так оно и есть. — Чингиз даже не смущается своих слов. — Сеть стала слишком велика. Нельзя связать воедино миллионы компьютеров и ожидать от этого лишь количественных изменений. Мы оставляем в *глубине* свои следы. Слелки, отпечатки слов, поступков, желаний. Мы... учим ее, что ли? Отдаем частицу души... должна же *глубина* однажды осознать себя.

— Кем? — спрашиваю я. — Растянутой на весь земной шар паутиной проводов и миллионами компьютеров? Электронным Франкенштейном? Монстром, чудовищем, големом, коктейлем из спеси, амбиций, похоти, пустого трепачества, заумного философствования? Ты думаешь, что подобная *глубина* сможет понять человека? А человек — понять такую *глубину*?

— Может быть, и не так, — отвечает Чингиз. — Мы ведь не думаем о том, что наш разум — это искорки на паутине синапсов между кашей нейронов. Мы осознаем свою личность, а не уровень гормонов в крови и противоборство древних инстинктов.

Он замолкает, достает сигарету из бело-синей пачки «Милд Севен». И прежде чем закурить, добавляет:

— Во всяком случае, у нас всегда есть выбор, кем себя осознавать. Человеком или големом.

— Чингиз, пойдем отсюда, — прошу я. — У тебя есть здесь любимый кабак?

— Но лучше в настоящей Москве. Есть такой уютный ресторанчик... — начинает Чингиз.

Я качаю головой. Мне кажется, что стоит сейчас закрыть веки и посмотреть в темноту — я увижу что-то, чего не хочу видеть. Бесконечную серую муть, кашу нейронов, помаргивающих огоньками синапсов.

И я не закрываю глаз.

— Начинаю бояться, что на самом деле ты... — Чингиз не договаривает.

Я беру его за руку. Рука настоящая, живая и теплая. Человек, а не голем.

— Чингиз, я не мужик, не малолетка, не старуха и не уродина. Я такая, какой ты меня сейчас видишь. Только такая. Никакой иной Карины не существует.

— Оки, — произносит он после мимолетной паузы. — Ты извини.

— Да ничего, — садясь в машину, говорю я. — Сегодня такой странный день... представляешь, Томилин решил, что я — проверяющая из другой инстанции, из ФСБ...

— Не произноси этого слова вслух, — шутливо отвечает Чингиз. — А с чего вдруг у подполковника такие тревоги?

— Ну... не смогли пробить мою защиту и проследить канал.

80 Чингиз кивает. И с уважением признается:

— Я и сам, если честно... попытался отследить тебя. До виртуальной квартиры дошел — и все. Замечательная закольцовка, я так и не понял, в чем фокус.

— Это папа, — без колебаний говорю я. — Он хороший программист. Поставил свою защиту.

— Серьезный папа, — соглашается Чингиз.

«Ягуар» трогается, я откидываю голову. Искося смотрю на Чингиза.

Как он все-таки похож на рыцаря с моего старого паззла...

Этой мозаике никогда не сложиться до конца. Я знаю. Знаю, даже не закрывая глаз.

Но этого вовсе не нужно знать рыцарю и принцессе.

Андрей Дашков

ЗВЕРЬ В ОКЕАНЕ

1

Над океаном сгустилась ночь. Лил дождь — настоящий тропический ливень. Кархародоны* скользили во тьме, выписывая гигантские петли над северным мысом затонувшего острова Маркус. Одинокие охотники собрались в огромную стаю, кружившую в зловещем хороводе. Среди них были только взрослые особи, ни одной беременной самки. Это было противоестественно. Больших белых акул сопровождали синие — шавки по сравнению с десятиметровыми машинами смерти.

Акулы были очень голодны. Океан вокруг кишел рыбой — благодатные охотничьи угодья тянулись на многие десятки миль. Плотные рыбные косяки пересекали маршрут движения акул... и уходили невредимыми. Кархародоны не охотились. И это тоже было противоестественно...

Лютый голод и строжайший запрет питаться. Грань почти неодолимого инстинкта и жестокого принуждения. Кто-то контролировал кровожаднейших морских тварей — кто-то, готовивший нападение и оберегавший самок, приносящих потомство. Была задействована система управления, законсервированная в течение миллионов лет. Этот «кто-то» затеял жуткую, возможно, катастрофическую игру — и пути назад уже не было.

* Кархародон (*carcharodon carcharias*) — самая опасная и крупная из современных хищных акул. Длина взрослой особи обычно составляет 5–11 метров и более. Иногда кархародонов называют также большими белыми акулами.

Раздираемые неосознанными противоречиями, акулы ждали...

Все началось два часа спустя. Стая косаток* появилась с юга. Полноценная стая, а не боевой отряд. Киты-убийцы были упитанны и сыты после хорошей кормежки. Они дремали, медленно двигаясь в походном порядке — самки с детенышами в середине, взрослые самцы по краям. Это был величественный парад существ, уступавших в мощи разве что кашалотам или полосатикам, но ведь полосатики были практически беззащитны...

Стая косаток устремлялась на северо-восток и неуклонно сближалась с кархародонами. Когда их разделяло около полумили, кольцо акул распалось. Они выстраивались в линию, перерезавшую путь китам. Большие белые стягивались в компактную цепь, охватывавшую фланги китового порядка...

Тьма. Ничего, кроме тьмы. Ни единого проблеска света на всей темной стороне планеты — с тех пор, как астероид врезался в Землю, океан поглотил материки и вслед за этим угасла человеческая цивилизация. Ни единого проблеска — за исключением, может быть, пожаров на островах, радиоактивных пятен, молний или призрачного сияния биолюминофоров. И даже бог этого мира скрывался в тени... Но огромные создания, двигавшиеся с устрашающей скоростью, знали о присутствии друг друга. С чем сравнить это знание-ощущение-сигнал? С тенью на экране радара? С дрожанием волосков на спине испуганного человека? С цепенящим ожиданием смерти в абсолютном мраке?..

В кархародонах пробуждалась агрессивность. Запрет питаться был внезапно снят. Более того, они получили недвусмысленный приказ убивать. Но кого? Неужели косаток?! Акулы не рассуждали и не колебались ни секунды, несмотря на то, что поступивший приказ противоречил тысячелетнему порядку вещей. Для каждой твари существовал только темный коридор в ее непостижимом сознании, в конце которого маячила тень. Мишень. Жертва. На этот раз мишенями были киты-убийцы...

* Косатка (*Orcinus orca*) — крупнейший плотоядный дельфин. Его длина достигает 10 метров, а масса — 8 тонн. Также носит название «кит-убийца». Далее в повести речь идет о самце-мутанте длиной около 20 метров.

Обезумевшие белые бросились в атаку. Их сопровождала жадная свора синих, готовых к пожиранию чего угодно...

Но кто был инициатором этого чудовищного представления?

Нет ответа.

2

Память. Проклятая память!..

Моя беда в том, что я — парень, родившийся в корзине на спине кита-убийцы, — помню о вещах, которых не должен помнить, и знаю слишком много слов. Например, словечек типа «религия», «цивилизация», «порядок», «автомобиль», «континент». Ничего этого давно уже нет. Все рухнуло задолго до моего рождения. А я помню... Чудовищно. Это разъедает мою душу, как соленая вода разъедает металл.

Из слов я составляю фразочки. Фразочки порождают образы прошлого, а те, в свою очередь, порождают тоску. Тоска делает меня слабым и уязвимым. Все происходит помимо моей воли — само собой. Похоже, для меня это так же естественно, как дышать. Мне приходится напрягаться, чтобы задержать дыхание, когда я уйду с косатками на глубину. Точно так мне приходится напрягаться, чтобы перестать думать. Но потом я начинаю снова. Присоединяю слова к словам. Нанизываю их на прерывистую нить своих странных воспоминаний. Получается «история». Моя личная история. Мне некому ее рассказать. Киты не интересуются ни прошлым, ни будущим. Они счастливы, как придуманные древними святые. Наше общение происходит без помощи знаков и слов. Иногда понимание становится невозможным. Часто мне бывает невероятно трудно — все равно что чужими руками ощупывать темноту...

Двуногие, которых я изредка встречаю, тоже ничем не интересуются. Самое важное для каждого из них — накормить себя и свое стадо. И для меня это важнее всего на свете — и все же я нахожу время подумать о всякой чепухе, даже о потусторонней. Порой мне кажется (я надеюсь!), что рано или поздно я встречу самку — женщину, которая будет иметь от меня детеныша. Так должно быть, это неизбежно, это закон существования, но, веро-

ятно, не для нас, двуногих? Ведь я потомок тех безумцев, которые испоганили собственную планету.

Я часто наблюдаю, как спариваются косатки; все происходит на моих глазах, и при мне в стаде родился не один десяток китов. Кроме того, у меня ведь была мать; значит, я и еще неизвестная мне женщина должны зачать новую жизнь — не представляю себе, что все закончится с моей смертью. Неужели мир устроен так абсурдно? Я могу погибнуть в любой день, в любую ночь. Самый главный и страшный вопрос: что тогда будет с моими китами? Я люблю их, как самого себя. Возможно, даже больше. Они — это и есть я. Тени в сознании. Отделенные части моего тела. Мои инструменты. Мои слуги и хозяева моей жизни. Без них я не протяну и суток.

Однако бывают очень неприятные моменты, когда я теряю контроль. Киты безо всякой видимой причины молча уходят в бездну. Даже мой ближайший спутник становится неуправляемым. Самое главное: сверхглубокое погружение не должно застать врасплох. Если я сплю, то мгновенно просыпаюсь, отвязываюсь от корзины и всплываю, чтобы не задохнуться. Затем жду, цепenea от наступившей тишины. Что происходит внизу, я не знаю. И, похоже, не узнаю никогда.

Эти периоды «эфирного безмолвия» имеют различную продолжительность, к счастью, не превышающую нескольких минут. Затемнение наступает внезапно. Я чувствую, как связывавшие нас незримые нити, исходящие из моего мозга, удлиняются до бесконечности, и вдруг оказывается, что на другом конце каждой нити никого нет. Мое стадо будто растворяется...

Жуткие, непередаваемые мгновения. Я испытываю нечто похожее на удушье в черной глубине. Настоящий кошмар, и к тому же слишком реальный. Вообще-то во сне я легко пугаюсь, но ложный испуг быстро проходит. Наяву страх не отпускает очень долго. Это — постоянное напоминание о моем ничтожестве...

Такое случается нечасто, но вполне достаточно, чтобы загадка будоражила мое неизлечимое любопытство. Возможно, есть особые места в океане. Ловушки для простаков вроде меня. На первый взгляд, ничего не меняется... кроме самих косаток. Не знаю, давно ли созрела в головах этих тварей идея сверхъестественного существа, и созрела ли вообще. Не представляю даже, каким может быть ИХ

сверхъестественное существо. Иногда мне кажется, что я сумел бы занять вакантное место, если бы не моя исключительная телесная слабость. Потом становится смешно при одной только мысли о чем-то подобном.

Вероятно, тут замешана какая-то темная религия; мне, живому недоразумению, недоступны чуждые культы, зыбкие храмы, скрытые от остального мира в вечно подвижной среде и запретные по самой своей природе. Мне не понять молитв, обращенных вниз — к тому, что таится в бездонном жидком космосе. Или все гораздо проще: косатки страдают временным помутнением рассудка, чем-то вроде массового китового лунатизма. Пожалуй, это еще хуже, чем непостижимые ритуалы в бездне. Достаточно вообразить себе сомнамбул весом в несколько десятков тонн, представляющих собой самые совершенные орудия убийства... В такие минуты остается только надеяться, что их помешательство не продлится слишком долго, иначе я сам сойду с ума от одиночества — не обязательно физического. Или меня сожрет чужая стая, но это будет сравнительно быстрая смерть...

Чтобы немного отвлечься, я размышляю о том, какой прекрасной была жизнь в потерянном раю. Как мирно и спокойно текла она среди братьев и сестер! Как легко было, наверное, найти родственную душу! Как приятно все время находиться в пространстве, пронизанном светом солнца, любовью ближних, участием и пониманием!

Но первый же сигнал тревоги возвращает меня к реальности. В моем положении зевать не приходится. Опасность всегда где-то рядом. Тем не менее абстрактные фантазии неизбежны. Они заполняют пустоту. Они не вредны; может быть, они — часть чужого груза, доставшегося мне в наследство по нелепой ошибке. Груз нельзя бросить, и порой он бывает невыносимо тяжелым.

Никто не рассказывал мне обо всех этих бесполезных вещах. Я осознал их самостоятельно. Просто однажды закончился период слепоты и беззаботности. Надо быть странником, затерянным в океане, чтобы понять: я — ничто. Мать имела лишь косвенное отношение к моим нынешним проблемам; она успела преподать мне совсем другие уроки, прежде чем погибла. Она научила меня общаться с китами, преодолевать инстинкты (*чужие инстинкты*), задерживать дыхание, определять погоду, направление движения, места скопления пищи, изготавливать из рыбьих костей иглы и примитивный инструмент,

вязать узлы, плести корзины из водорослей, выживать, в конце концов. В такой науке почти нет места словам. Ощущать кожей, повторять за матерью, «слушать» голоса косаток, следить за тем, как тьма рассеивается внутри... У меня есть все, чтобы быть абсолютно счастливым. Вернее, нет ничего такого, что удерживало бы меня от поисков этого пресловутого счастья, и нет ничего, что можно было бы удержать. Я ни к чему не привязан и нигде не остаюсь надолго. Но я не чувствую себя свободным, а только отверженным. И тьма внутри меня никогда не рассеивается полностью. Я помню совсем другую жизнь и ношу в себе ужасное ощущение утраты.

Зато я совершенно не помню отца и почти ничего не знаю о нем. Подозреваю, что он исчез задолго до моего рождения. Мать ни разу не говорила об этом самце, может быть, единственном в ее жизни, не считая меня, конечно. Когда она слегка приподнимала экран, за которым были надежно спрятаны ее воспоминания, я улавливал лишь смутный образ чего-то полуживотного и связанные с ним ощущения. Жестокость, боль, принуждение, томление, страх, краткая вспышка наслаждения незадолго перед зачатием, подавление инстинкта, сумерки... Я свылся с мыслью о том, что мой отец был чудовищем, после встречи с которым мать чудом выжила.

Лично я не стал бы пугать самку. О, я знал бы, что с нею делать! Во мне было столько нереализованной любви... Я был неотъемлемой частью стаи, но маленькая частица моего собственного существа предназначалась только для человеческой самки. Есть некая камера, скрытая в сознании. Темная, запертая комната, окруженная тройными стенами фобий и комплексов. Комната, в которую я побоялся бы войти и даже заглянуть, потому что там подстерегало безумие. Но я все равно не могу открыть запертую дверь. Ключ от нее — самка...

Так что я — осколок прошлого. Может быть, в меня вселилась душа какого-нибудь неприкаянного бедняги, пережившего крах хорошо знакомого ему мира и обреченного теперь скитаться в чужом?..

Подобные мысли причиняют мне почти физическую боль. И еще одно: тому бродяге, который сидит во мне, не очень приятно сознавать, что по крайней мере телесно он уже не человек. У меня перепонки между пальцами рук и ног, я не подвержен кессонной болезни, мои раны быстро затягиваются в воде...

Тогда кто я?

Нет ответа.

Однажды утром меня разбудил зов Лимбо, пробивший пелену сновидения, словно метеорит из другой вселенной. Лимбо — это мой кит-носитель. Единственный, кому я дал имя. Зачем? Может быть, на тот крайний случай, если я потеряю внутреннее «зрение». Тогда Лимбо станет моим поводырем в абсолютно чуждой тьме, а единственным способом нашего с ним общения — звук. Я — настоящий паразит, но разумный и веду себя соответственно. Мы связаны глубоко и необъяснимо, сильнее, чем мать и дитя, сильнее, чем сиамские близнецы, хотя наша связь бесплотна.

Я открыл глаза. Кит всплыл к поверхности. Я прижился ухом к его гладкой коже и ощущал близость нерва, регистрирующего изменение среды. Прямо передо мной открылось дыхание размером с мою голову, и Лимбо выдохнул с оглушительным «хух-х-х!».

Когда рассеялась завеса брызг, я увидел лодку, над бортом которой торчали человеческие головы. Лимбо слишком любопытен и не так циничен, как я; поэтому он принял почти вертикальное положение и стал осматриваться, высунувшись из воды. И не он один. Половина китов из моей стаи выставили наружу свои черно-белые конические головы.

Лодка в океане — чрезвычайная редкость, а лодка с двуногими — тем более. Лично мне было в высшей степени удобно; я стоял, опираясь на китовый плавник, и рассматривал чужих с полутораметровой высоты. Прежде всего лодка оказалась грубо обработанным каноэ с выжженной в древесном стволе полостью. Вправо и влево были вынесены поплавки для придания всему сооружению остойчивости — просто стволы потоньше. (Это означало... Черт возьми, я боялся даже думать о том, что это означало!..) Ничего похожего на мачту или примитивный парус. Весел тоже не было видно.

Люди, сидевшие в каноэ (их было двое), питались. Дело достаточно интимное, однако я — существо невоспитанное. Эти двое жрали торопливо и жадно, но, очевидно, не потому, что я оказался поблизости, и не потому, что они опасались за сохранность пищи. Люди попросту умирали от голода. Вероятно, они сходили с ума. У них не было ничего, кроме собственных зубов и ногтей, и они заглатыва-

ли куски окровавленного мяса, отрывая его от тела, лежавшего на дне каноэ. Для этого им приходилось низко наклоняться; они клевали, как два жутких поморника, даже не обращая внимания на то, что их шатающиеся зубы выламываются, а под ногтями кровоточит.

Я понял все, почуяв запах. Для Лимбо запахи атмосферы почти ничего не значат. Как и то, насколько сильно загрязнен или отравлен воздух. Он — дитя нового мира. Но сейчас мы находились в самых чистых местах Мирового океана, и слабый ветер дул от дрейфующего каноэ в мою сторону.

Последние сомнения рассеялись, когда один из людей поднес ко рту раковину, форму которой ни с чем не спутаешь. Это было человеческое ухо. Не слишком питательный и почти безвкусный хрящ (знаю по собственному опыту), однако человек сожрал и его. Второй в это время пил кровь — я слышал сосущие звуки, похожие на долгий сдавленный вдох через рот.

Меня мучило, но только от жары. В тропиках находиться вне воды было почти невыносимо. Глядя на двух безумцев, я ничего не чувствовал. Мне приходилось видеть и не такое. Например, то, как акулы потрошат молочного детеныша косатки... Должно быть, я бесчеловечное и бесчувственное создание — венец творения, вернувшийся в колыбель. И кто знает, есть ли это новый, совершенный способ существования или быстрое и безнадежное угасание расы? У меня нет сомнений в том, кому принадлежит мир. Безусловно, акулам и косаткам. Нам, двуногим, деваться некуда — суша поглощена океаном... может быть, за исключением миниатюрных и бесплодных клочков земли, на которых мы будем рвать друг другу глотки (если доберемся до этих благословенных мест). Во всяком случае, я пока еще не нашел ни одного острова, но вот оно, доказательство их существования, — сделанное из дерева каноэ. Лучше бы я вообще не умел думать обо всем этом!..

Кто-то из моих косаток поддел поплавков головой. Каноэ опасно покачнулось. Один из двуногих нечленораздельно завизжал и заколотил по воде рукой. Я окликнул его на единственном языке, который знал. Оба повернули ко мне перепачканные в крови лица. Самцы, черт бы их побрал!.. Кроме того, они были почти трупами. Их уже ничто не могло спасти. Окажись в каноэ самка, я бы, пожалуй, рискнул. А так — незачем.

Мне патологически не везет. Ни одной самки за восемь лет непрерывного движения! Сколько я проплыл с косатками за это время — сто тысяч миль? двести тысяч? полмиллиона? Во всяком случае, совершил несколько десятков кругосветных путешествий. А человеческую самку так и не нашел.

Иногда мои чресла разрываются от напряжения. Особенно когда совокупляется Лимбо и невольно предлагает мне разделить с ним его вожделение. Я становлюсь робкой тенью, проникающей в его сознание. И тогда мое восприятие смещается самым неприятным образом. Я перестаю казаться себе тем, что я есть. Я — урод, и у меня нет органа, чтобы любить *это*, висящее рядом со мной в грязной зеленоватой мгле. Происходящее смахивает на дурной сон, но сексуальная горячка более чем реальна. Я содрогаюсь, как животное с перебитым позвоночником; я теряю способность соображать. Меня засасывает в чрево темной звезды, а там — только морок, сладостная боль и гибель; я воплощаюсь в огромный китовый лингам, переполненный кровью, в слепого идола, предназначенного для содроганий и жертвоприношения возле источника жизни. Какая насмешка слепой природы! Я — тварь, обезумевшая от одиночества и невозможности разделить на части, развалиться на куски, которые когда-нибудь потом, через сотни лет, будут точно так же метаться в безрезультатных поисках слияния... В конце концов я изливаюсь в океан, как миллионы самцов повсюду в эту самую секунду, но я оставляю за собой безнадежно мертвеющий след...

Любопытство китов было удовлетворено, а я вообще не любопытен. Я просто ищу любые зацепки, чтобы протянуть подольше. Двое умирающих в каноз натолкнули меня на одну туманную мыслишку. Я загнал ее поглубже — вдруг пригодится?

Безжалостное солнце пробило пелену облаков, и всепланетный парник превратился в солнечную печь. Я ощутил перегрев и потерю влаги. Подозвал своего опреснителя, и мы немного порезвились в воде. Мне приходится целовать эту уродливую рыбину, чтобы выкачать из ее внутренностей пресную воду. По рассказам матери, некоторые одиночки предпочитают ловить опреснителей и вспары-

вать их накопительные мешки или же таскают за собой гроздя полудохлых рыб, нанизывая их на водоросль. По-моему, это глупость и расточительство. Тем более что опреснители были созданы и расселены в океане нашими великими предками — вероятно, для того, чтобы нынешние тупые и одичавшие двуногие вообще могли существовать. Конечно, мне пришлось потрудиться, прежде чем удалось подчинить себе этот экземпляр и сохранить его в стае, зато теперь у меня всегда вдоволь пресной воды. Я не люблю зависеть от дурацких случайностей. Много лун назад мы оказались в плохом месте. В очень плохом месте. (Мать никогда не привела бы туда стаю. У меня же не хватает опыта. Я еще не ощущаю плохих мест...) Я чуть не погубил своих китов, да и сам едва не подох от голода и жажды. Там я понял, что одного опреснителя явно недостаточно. В тот раз мой пресноводный мешок уцелел, и это было большой удачей...

Для меня водичка была в самый раз, а для косаток чересчур теплой, поэтому они ныряли поглубже, сохраняя единый курс. Ради Лимбо я подолгу держался на предельной глубине — пока не начинало казаться, что барабанные перепонки дали течь и в мозг просачивается окружающая мгла. Несмотря на многолетние тренировки, я задерживаю дыхание не более чем на десять-двенадцать минут, но стараюсь компенсировать причиненные киту неудобства. В конце концов здесь я — всего лишь изворотливый гость, задержавшийся на чужой территории, гость, который может рассчитывать только на благосклонность судьбы и хозяев. Взаимная помощь и сотрудничество — вот мое кредо. (Словечко-то какое — «кредо»! У кого еще имеется это чертово кредо, хотел бы я знать! Во всяком случае, не у Лимбо.)

Под ложечкой засосало — я вдруг вспомнил, что не питался с самого утра. И косатки изрядно проголодались с тех пор, как нажрались акульего мяса. Лимбо уже всплывал за очередной порцией воздуха, но все, что я увидел с поверхности, это неразличимое пятнышко вдали. Кстати, погода портилась, поднималась волна. Киты повернули на запад в поисках пищи, а я не возражал.

Долго искать не пришлось — большой косяк кефали двигался встречным курсом. На этом косяке паслась самка серо-голубой акулы — нейтральная и не слишком возбужденная. Еды пока хватало на всех. Наблюдать, как охотятся косатки, — одно удовольствие. Загон-

щики сбивали кефаль в плотный шар, после чего китам оставалось только открывать пасти и таранить живую массу.

Мне Лимбо подбросил крупную рыбину с откушенной головой — больше, чем я мог бы съесть за день. И все же я набил брюхо впрок — неизвестно, когда удастся поесть в следующий раз. Сознание ошибки, которая могла стать роковой, не оставляло меня. А тут еще одна из самок настроилась рожать. Пропустить это событие я никак не мог.

Разделение живых существ — вот что кажется мне самым непостижимым. Пока детеныш находится внутри материнского тела, я улавливаю лишь слабый ток специфической энергии вроде фона, который создают, например, скопления планктона. Но в момент выхода плода я ощущаю страшный психический удар, сопоставимый с шоком при тяжелом ранении. Вся беда в том, что чужая неосознанная боль превращается в моей несчастной голове в *мысли*. Под черепными костями — настоящий инструмент пытки. В такие секунды я думаю о косатке-младенце: «Бедняга! Может быть, ему было лучше и вовсе не рождаться?» Отсюда недалеко и до бредовых размышлений о некоей ссылке, которую отбывает тот, кто помнит прошлое...

А между тем роды продолжались. Детеныш вышел на треть. Кстати, появившийся на свет «малыш» был длиннее меня раза в два с половиной. Тут случилась небольшая заминка. Самка волокла за собой бившегося в судороге младенца, как будто превратившегося в уродливый и обременительный придаток. Его безмолвные «крики» высверливали дырочки в моем мозге. От детеныша невидимыми пульсирующими сферами расходился ужас — бессмысленный и безнадежный. Его голову уже омывали струйки крови, туманившие воду... Я понял, в чем дело: детеныш оказался слишком велик. Еще бы — ведь его отцом был Лимбо. Мать и младенец мешали друг другу всплыть, чтобы вдохнуть.

Я выскочил из корзины, как мурена из грота. Пока киты подталкивали рожающую самку снизу, я пытался извлечь детеныша, обхватив его туловище за грудными плавниками. Он был слишком скользким и бился в агонии. (Ну и запах, ну и вонь!) Поблизости от него вода казалась теплым киселем. В разрывах кровавого тумана мелькал огромный пустой глаз...

Теряя сознание, я тянул детеныша вверх, к свету, и вдруг ощутил под ногами живую опору — тушу Лимбо, выносящего нас из воды. Наконец голова малыша оказалась над поверхностью. Он первый раз самостоятельно вдохнул. Спасен!.. Я все еще крепко держал его и слышал, как бьется чужое сердце. Оно уже сейчас было гораздо больше моего...

Вокруг раздавались затихающие свисты. Косатки постепенно успокаивались. Мать отдыхала после тяжелых родов и медленно плыла, едва шевеля плавниками. И для меня пытка тоже закончилась. Испепеляющая боль отступила в темные коридоры, где был спрятан источник моей мнимой власти и подлинной мерзости. Теперь я мог радоваться пополнению своего стада. Моя радость была корыстной. Родился кит, самец, охотник, солдат. Сын Лимбо. Может быть, его рождение означало, что со временем меня — слабое, ничтожное существо — будут окружать и защищать косатки-гиганты. Эта новая жизнь продолжалась не без моей помощи. Я еще не знал, насколько короткой она окажется.

3

...Сигнал тревоги поступил от косаток, плывших в авангарде. За ним последовал сигнал бедствия.

Поведение китов мгновенно изменилось. Животные очнулись от дремоты и устремились навстречу непредсказуемой опасности. Для них атака акул была кошмаром, происходившим в искаженной реальности. Косатки не отступили, хотя испытывали сильнейший стресс. Сила, более влиятельная, чем инстинкт, толкала их на преступление против собственной природы.

«Эфир» взорвался яростью и болью. Первый кит умер, разорванный на части в течение каких-нибудь пятнадцати—двадцати секунд. Большие белые нападали по двое, а синие гроздьями висли на жертве, не давая косаткам всплыть для выдоха и вдоха. Даже если бы все происходило в ясный день, вряд ли можно было бы различить под водой хоть что-нибудь, кроме теней и вытянутых силуэтов, похожих на пальцы чудовищной руки. Зрение ничего не значит, когда запущен новый управляющий код. Спусковой крючок — запах. Запах был важнейшим кодом с тех пор, как существовала кровь. А теперь ее было в океане даже слишком много...

Облака крови разрастались, стягиваясь в сплошную пелену. Пасти, похожие на израненные полумесяцы, с силой смыкались, терзая податливую плоть. Кровоточащие ошметки парили, медленно погружаясь в глубину. Ослепленные яростью кархародоны продолжали рвать издыхающих китов, в то время как косатки пожирали их желудки. Проглоченные куски тотчас же вываливались из выпотрошенных тел. Самой легкой добычей акул были детеныши. За ними охотились синие, безжалостные, словно стихийное бедствие.

Если синяя на свою беду попадалась киту-убийце на пути, тот попросту перекусывал ее пополам, но и тогда акульки челюсти все еще представляли собой угрозу — как брошенный в воду заряженный капкан...

Постепенно косатки организовали эффективную оборону и перешли в контратаку. Им помогали инстинкт, разум... и кое-что еще, какой-то непостижимый стимулятор, таившийся до поры во мраке. Они улавливали сигналы чуждого сознания. Если бы у китов было представление об ином мире, возможно, они сочли бы эти сигналы знаменiem свыше. Но мир был един и целостен, и в этом мире существовали союзники в трудном деле выживания.

Сражались все, даже подростки, в точности повторявшие движения родителей. Мобильные группы китов, прикрывавших друг друга от угрозы нападения сзади и сбоку, отсекали кархародона, после чего делали с ним то, что когда-то делали с землей экскаваторные ковши... Белым было все равно — они не чувствовали боли. Инстинкт самосохранения оказался полностью подавленным. Никто не отступил. Бессмысленная бойня продолжалась.

Групповая тактика косаток начала приносить им успех. Синих акул киты убивали десятками. Белым выгрызали жабры, отрывали хвосты, превращали в обглоданные волокнистые хрящи, украшенные лапшой из внутренностей и уродливыми сводами челюстей...

Самый большой кит — гигантский самец — охотился в одиночку. Его поведение было немыслимо коварным. Он убил несколько синих, но лишь потому, что те мешали ему плыть в нужном направлении. Не они были его целью. Он появился на поле боя совсем недавно, опустившись с поверхности. Кит дважды обогнул сражающиеся стаи, двигаясь в отдалении. Потом снова всплыл и снова по-

грузился. Он искал то, чего сам не осознавал. Кархародона? Конечно, но далеко не всякого.

Самец не вступал в локальные схватки даже тогда, когда косаткам не помешала бы его помощь. Он проплыл мимо кровавых лохмотьев, в которые превратился его детеныш, растерзанный синими. Кит не мог позволить себе роскошь упустить главную добычу...

Завершив очередной круг, он набрал скорость и протаранил разбавленный кровью мрак. Черно-белая торпеда скользила в обильно приправленном китовым мясом и акульими плавниками бульоне. Вдогонку за ним бросились синие, но их вовремя перехватили. Здесь не было того, кого самец искал, и тогда он стал уходить на север. Ни один из его сородичей не счел его необъяснимый поступок позорным бегством.

Самец огибал подводную гору с востока. Шум схватки стихал вдали. Океан будто вымер. Многочисленные обитатели отмелей предпочли спрятаться. Невероятное скопление акул и косаток распугало рыбу на мили вокруг. Никогда не случалось ничего подобного.

Кит-убийца плыл почти бесшумно. Пустое море и перевозданная тьма. Только мелочь, зарывшаяся в донный ил, излучала ужас. Но в темноте гнездились и нечто гораздо более страшное. Источник злой воли, наполнявший «эфир» волнами враждебности.

Самец завершал поиск. Тень возникла в бездонном колодце его сознания. Пока еще неразличимая опасность. Призрак ужаса. Шепот инстинкта, советующего отступить...

Он не увидел врага, он *ощутил* его присутствие. Холодная глыба приближалась с севера. Гигантский двадцатиметровый кархародон* медленно описывал незримый круг, прокачивая воду через жаберные щели. Только это и было причиной самого кошмарного звука в мире — шелеста запущенной машины смерти...

Враг был совершенен. Уже миллионы лет назад он достиг эволюционного потолка... Две рыбы-прилипалы — самец и самка — извивались на фоне грязно-белого брюха. Лоцман скользил, будто привязанный, на расстоянии полу-

* В данном случае речь идет о представителе вида *sarcharodon megalodon*, считающегося вымершим в конце третичного периода. Гигантские кархародоны достигали длины 30 метров и более.

метра от корявой пасти, наводя гиганта на невидимую цель. И странное дело — тонкий пунктир воздушных пузырей тянулся за акулой...

Ни одна из морских тварей не осознавала, что происходит. Самец большой белой был единственным в стае, не поддавшимся общему неистовству. Его жертва приплывет к нему сама — ему было ОБЕЩАНО это. Тоже знак свыше? Во всяком случае, кархародон был голоден, как никогда в жизни. Так далеко остались тюленьи пастбища и так близко безумие! Он мигрировал от опустившихся под воду берегов Австралии, присоединился к стае возле бывших Соломоновых островов, пересек экваториальный пояс. Слишком часто всплывал на поверхность. Зачем? Он не знал даже этого. И вот он здесь, но его миссия еще не завершена. Это всего лишь эпизод на пути к неведомой цели... Постоянный контроль, поводырь, связь, которой нельзя было избежать, — разве мало причин для бешенства? Он действительно был бешеной тварью — но на крепкой цепи. И даже немотивированное поведение приобретало зловещий мотив...

Они сближались лоб в лоб. Встречная скорость достигала пятидесяти узлов. К чему приведет столкновение на такой скорости двух многотонных тел? Этого еще никто не знал... Кархародон распахнул пасть пошире, готовый раздавить что угодно — хотя бы челюсти кита-убийцы. Но в последний момент тот неуловимым движением ушел в сторону и врезался самцу большой белой в жабры...

(Иногда мне приходится использовать чужой опыт, всю мерзость, скопившуюся в моих мозгах, чтобы уцелеть. Так было и в этот раз. Я «навел» Лимбо на кархародона-носителя, и я же изобрел атакующий маневр, а это уже смахивает на искусное манипулирование двадцатитонной тушей.)

...Из жаберных щелей струями ударила жидкость, невидимая в темноте, зато имевшая ЗАПАХ. Акуле было даже не важно чей. От сильнейшего удара кархародон опрокинулся на спину. Его отбросило в сторону. Несколько раз он перевернулся вокруг продольной оси, окутанный кровавым шлейфом. Косатка не дала ему прийти в себя. Челюсти кита вонзились в боковой плавник, вырвав его, а заодно и пятидесятикилограммовый кусок мяса вместе с прилипалой. Но кит почуял не только кровь и мясо. Его пасть оказалась забита водорослями. Густой, почти сплошной сетью из водорослей. И еще обрывками

сплетенных из водорослей канатов. Самцу почудилось что-то смутно знакомое...

Вытолкнув из себя эту массу, кит-убийца продолжал терзать врага. Распорол ему брюхо, разорвал желудок, из которого вывалились непереваренные кости. Самец большой белой изогнулся и задел челюстями налитый жиром живот косатки.

Кровь. Еще больше крови... Кит содрогнулся от боли. Кархародон тоже — но в пароксизме удовлетворяемой страсти к пожиранию. Кит не дал ему утолить голод. Последовала еще одна атака; зубы косатки пробили акулий глаз, содрали полосы кожи с огромной головы. Куски кожи, покрытой плакоидной чешуей, изранили ротовую полость кита, словно моток колючей проволоки, но это был бой без жалости к себе и до смертельного конца.

Неожиданно силуэт кархародона распался надвое. Самец-косатка не понимал, что происходит. Трепещущий организм устремился к поверхности, оставляя за собой бурлящий поток воды... и воздушные пузыри.

Издыхающий кархародон медленно погружался, перевернувшись вскрытым животом кверху. На всякий случай кит-убийца нанес еще один удар, вырвав ему жабры с неповрежденной стороны. И вдруг кит ощутил взрыв боли прямо в нервных клетках мозга. Это был искаженный мукой сигнал бедствия. Вопль отчаяния. «Воздух! Воздух!» Самец содрогнулся так, будто сам задыхался. Но ведь он еще не нуждался в воздухе!

Тем не менее кит начал всплывать. Он догонял маленькое тело, отделившееся от акулы и неловко двигавшееся в чуждой среде...

И вот она — граница плотного и почти бесплотного. Жидкое зеркало. Текучий край мира. Сегодня не было этих жутких запредельных огней, сиявших над океаном. Только капли воды сыпались из мрака...

Кит всплыл на поверхность, с шумом выдохнул порцию зловонного воздуха и заскользил по кругу, выставив над водой хвостовой плавник. Внутри образовавшейся воронки появилось еще одно живое существо, неуклюже барахтавшееся, словно рыба с откушенным плавником. Тщедушное тело и мощнейшее излучение мозга... Самец не стал его убивать. То, что существо скоро умрет, было так же верно, как то, что день сменит эту ужасную ночь. Его приговор

был подписан в ту самую секунду, когда оно заставило кархародона напасть на косатку.

Кит поплыл прочь от вопящего комка ужаса, бывшего конечностями по воде. Он возвращался к своему стаду. Перед тем как нырнуть, самец почти целиком выпрыгнул из воды и вошел в нее по плавной дуге, чтобы доставить удовольствие союзнику. Он создал вокруг себя пенящийся поток, который смыл кровь и экскременты с сети, сплетенной из водорослей и канатов с регулируемыми петлями, опоясывавших его тело в трех местах...

4

В ту ночь спать уже не пришлось. Лимбо был ранен — не очень опасно, однако, кроме кожи и жира, слегка пострадали половые органы (оказывается, страх кастрации знаком не только мне).

Я отделался парой царапин, а также счастливым образом избежал контакта с акулой. В противном случае мог бы превратиться в освежеванную тушку. В результате столкновения меня швырнуло вперед, словно кусок засохшего дерьма из пращи. Хорошо еще, что я заранее ослабил петли корзины и вода смягчила удар... Когда кархародон задел Лимбо зубами, мне показалось, что металлические крючки выдирают из меня кишки и вонзаются в мошонку. (Кстати, я помню кое-что о крючках, гарпунах, китобоях...)

После схватки с акулами моя стая недосчиталась пятерых самцов, девяти самок, семерых детенышей. Мы потеряли загонщиков, кормящих матерей и две трети молодняка. Что и говорить, это был страшный, подлый и хорошо рассчитанный удар, вполне достойный двуногого. Впрочем, я не уверен, что это именно двуногий кричал в темноте. И почему все произошло здесь и сейчас? Ведь время Противостояния еще не пришло. До Нового Вавилона оставалось три тысячи миль пути...

На исходе ночи косатки оплакивали погибших, наполняя пространство жуткими стонами, отгоняли уцелевших акул, искали отбившихся от стаи раненых китов и помогали им всплыть для вдоха. Пользуясь случаем, я доедал останки (какая все-таки вкусная штука — акулье мясо!). А потом мы продолжили свой путь на север.

Когда над океаном рассвело, я привязал себя к корзине, так что спинной плавник Лимбо торчал у меня между ног, и попытался заснуть. Во сне я дышу реже, чем обычно, но все равно гораздо чаще, чем киты. Лимбо давно привык к этому и поднимается на поверхность всякий раз, когда мне требуется воздух. Мой верный парень! — он знает, что мне нужно, лучше, чем реанимационная бригада... Киты тоже дремали. «Релаксация» — вот еще одно хорошее словечко из прошлого.

Вдруг мой кит беспокоился, и его настроение почти мгновенно передалось мне. Вскоре я понял, в чем дело. Впереди появилось препятствие. Смутная тревога, испытываемая косячком, по-видимому, означала, что когда-то Лимбо уже проплывал здесь, но препятствие не было отмечено на его внутренней «карте». Мне бы подобную систему ориентации! («Ну и что бы ты с ней делал?» — шепнул саркастический голосок моего двойника.) Киты обменивались сериями щелчков и свистами. Почему-то я живо представил себе двуногих, переглядывающих в замешательстве. Но *каких* двуногих? Себя... и свои точные копии — зеркальные отражения в застывшей воде. На большее даже моей больной фантазии не хватило.

Через пару минут и я начал улавливать аномалию — наличие прямо по курсу огромной магнитной массы. Затонувший корабль — не такая уж редкость, но все дело было в том, что эта штука находилась У ПОВЕРХНОСТИ. Я был поражен и напуган. Попасть на пресловутый Плавающий Остров — это означало или рай для двуногого, или мучительную смерть.

Легенды о нем я слышал от матери с раннего детства. Они были столь же таинственными и неопределенными, как сказки о Древней Земле. Но Древнюю Землю еще не нашел никто, а Плавающий Остров видели многие. (Для матери больше двоих — это уже «многие».)

Искушения... Они слишком редки, чтобы я мог презирать их. Согласно легендам, на Острове живет большое количество самок, всем хватает пищи, а люди владеют совершенным оружием и не нуждаются в помощи китов. Если меня не убьют сразу, я окажусь в человеческой стае. И кто знает, какая стая лучше?

Наверное, те двое в каноэ — изгнанники. А может быть, они покинули Остров по своей воле. Как же сильно нужно пострадать, каким пыткам подвергнуться, чтобы решиться на такое? Это не укладывалось у меня в голо-

ве. Мое воображение рисовало мне различные картины рая и ада. Рай всегда казался бездонной пропастью океана; в аду была застойная вода и дно мелководья, усеянное гниющими трупами. И любые варианты сводились к двум главным простым вещам: в раю я был свободен, в аду я становился рабом высшего существа. У меня хватало сообразительности, чтобы опасаться худшего.

Я представил себе, что попал на Остров и превращен в покорное животное вроде... кита из моей стаи, и некто, ориентирующийся в реальности неизмеримо лучше меня, управляет мною, а я не подозреваю об этом. Может быть, *он даже любит* меня. Я сыт, доволен, имею самку и все необходимое. Под ногами — твердь; над головой — солнце; вокруг — воздушный простор, и можно непрерывно дышать... Хуже этого было только одно — погребение заживо в металлическом чреве.

Двуногие — особенно самцы — не внушали мне доверия. Скорее всего они похожи на меня. Тогда посещение Острова было бы безумием. И тем не менее... Я испытывал острую потребность совершить что-нибудь безумное, абсолютно неправильное. Проклятая натура! Я думал только о себе...

Ставка была очень высока, а выбор труден. Настолько труден, что я решил отодвинуть его на несколько часов. Три уникальных события в течение суток — это не могло быть случайным совпадением. Мне даже представилось, что моя жизнь сжимается, вмещая в краткий промежуток времени все то, что обычно происходит на протяжении долгих лет и десятилетий. Или не происходит вообще.

Нападение кархародонов, каноэ с голодными людьми, плавучий металлический объект... Что все это означало? Вероятно, стая больших белых охраняла кого-то? Или что-то? Может быть, теперь *это* принадлежит мне? (Поостынь, дружок. Съешь сырую рыбку, попей холодной рыбьей крови. А лучше — спи. Спи и увидишь сны правдивее самой жизни...)

Я принял решение во сне.

(Ох уж эти сны!

Чаще всего мне снится мать. У нее нет лица и нет плоти. Темный силуэт скользит рядом, среди осколков раздробленной луны. Но до него нельзя дотронуться, как нельзя прикоснуться к тени. Это наш совместный бесшумный полет в неопишемом мраке, перемежаемый странными картинками, неясными видениями и смутными пророче-

ствами, — полет краткий или более-менее долгий. Его продолжительность не зависит от моих желаний. Мать находится в каком-то другом слое, нездешние потоки несут ее мимо меня со скоростью моей летаргии. Где-то совсем близко, за тончайшей, но непреодолимой завесой, существует чужой, холодный океан, в котором происходит то, от чего шевелятся волосы у меня на голове и леденеет спина. Там теперь странствует тень матери, совершая вечный путь среди потусторонних руин. Такой же путь, наверное, предстоит и мне... За нею мутящим разум шлейфом тянутся образы; ее сопровождает эфемерный и фантастический рой теней, а наяву в мое сознание проникают только жалкие эпигоны...

Когда мать пытается предупредить меня об опасности, она «показывает» мне Летучего Голландца. Не знаю, что означает второе слово, но встреча с Летучим Голландцем предвещает беду. Должно быть, я неизлечим — ведь он несколько не пугает меня и лишь завораживает своей призрачной красотой. Есть нечто, гораздо более страшное...

Мать поведала мне о порождениях извращенной цивилизации древних. Они пытались создать жизнь на другой основе — не столь уязвимую и не столь короткую, как жизнь двуногих. Возможно, они знали о грядущей катастрофе и готовились к ней. И хотели спастись любой ценой — даже путем изменения собственной сущности. Но не успели. Последствия оказались непредсказуемыми.

И все-таки древние создали *существо*. Или только зародыш, муляж, модель существа. Они будто населили мертвый дом своими призраками. Ожило ли их создание? Этого тонкого момента я не улавливал. По крайней мере оно могло плодиться, копируя самое себя. Оно было раздроблено и в то же время едино. Размазано в пространстве, но обладало способностью к мгновенному реагированию на внешнее воздействие. Оно хранило в себе генетический материал большинства обитавших на планете существ. Зачем? Неужели до «лучших» времен?..

Его постепенное угасание нельзя было назвать приближением смерти. Скорее это была слишком долгая спячка. Кажется, оно пребывало в пассивном ожидании некоей трансформации, или радикального изменения среды обитания, или перерождения, или наступления «другого сезона». Может быть, оно нуждалось в «пище», «материале», «катализаторе», «возбудителе активности»? Не знаю. Но вот это и пугало меня. Я боялся того часа, когда спящий

восстанет из своей плавучей могилы. Или колыбели? Во всяком случае, его пробуждение будет означать конец нашего мира...

Однако, кроме страха, я испытывал еще и жгучее любопытство. Я ловил себя на том, что хотел бы присутствовать при этом... Что же означали образы, посланные из прошлого, как не предупреждение, сигналы «Будь осторожен!», «Держись от него подальше!»?

Мать часто напоминала мне об этом создании.

Почему-то она называла его Ноем.)

Но сегодня мне снился кошмар, недавно пережитый наяву. Кархародоны снова шли в атаку. Теперь это были не призраки в мерцающем сознании Лимбо (иногда я проникаю туда как насильник в дом невинности и тогда сам кажусь себе призраком); теперь это были МОИ затаенные страхи, счета, предъявленные к оплате в самый неподходящий момент, ловушки, которые живое существо ставит самому себе, когда все другие препятствия уже пройдены...

Древние, как океан, твари охотились за мной — и я не винил их в этом. Акулами руководил инстинкт. Но что такое инстинкт, если не закодированное послание из прошлого? Для меня это одновременно предупреждение, оставленное матерью-природой в непостижимых глубинах акульего мозга, и моя предсмертная записка, отпечатанная в извилинах собственного серого вещества.

Даже во время схватки мне не было так страшно, как теперь, в кошмаре. От слепящего ужаса спасала ночная тьма, а сейчас я *видел* их — созданий, нарушивших древний кодекс поведения. Приоткрытые пасти (рваные гноящиеся раны) приближались с четырех сторон... Обнажались полукружия челюстей, усеянных зубами, похожими на ряды кресел в амфитеатре, сооруженном для кровавых представлений (моя чертова эрудиция услужливо подсовывала мне самые нелепые сравнения!)... Я слышал гулкие подводные звуки — «чомп! чомп! чомп!»... И была эта вечная, не рассеивающаяся муть перед глазами — такая грязная по сравнению с хрустальной прозрачностью воздуха... Однако там, *наверху*, меня неизменно охватывают сильнейшие приступы агорафобии — даже тогда, когда я, трусливо озираясь, вползаю на какой-нибудь чудом уцелевший плот в поисках самки...

Короче говоря, кархародоны начали жрать меня — пока еще во сне. Я обнаружил, что увеличился в разме-

рах, раздулся, будто мертвый кит, и всплыл, превратившись в отвратительную розовую массу. По моему животу бродили давно вымершие чайки и, злобно косясь, выдирали клювами кусочки мяса. А снизу — снизу питались большие белые... Надо мной парил альбатрос; его силуэт пересекал диск ослепительно сиявшего солнца. Во всем этом была непостижимая красота. Как в человеческой музыке, которой я никогда не слышал наяву...

Под конец отчаяние пронзило меня снизу доверху ледяной иглой. Игла парализовала дыхательный центр; я превратился в сгусток мертвых клеток, от которого отделился скат-манта — моя темная душа — и ушел в глубину, взмахивая «крыльями». А мертвая плоть всплыла к адской прозрачной голубизне и облакам — как всякая дохлятина... На границе сна и смерти меня поджидала тень Лимбо — невинного счастливого, не подозревающего о том, что и он должен умереть. Он проникает в мои сновидения всякий раз, когда хочет сообщить нечто важное. На этот раз кит сохранил информацию, извлеченную неведомым мне образом из сознания издыхающего кархародона.

Древний монстр, убитый Лимбо, был не единственным и не самым смертоносным представителем своего вида. Где-то осталась самка, носившая в своей матке чудовищные эмбрионы, самка, на которую двуногий пастух успел воздействовать неизвестным кодом. Мегалодоны размножались под его контролем. То были будущие хозяева будущего мира. А это означало, что шансов дожить до зрелости у меня было не больше, чем у раненой сельди, оказавшейся под пристальным вниманием акулы-молота...

Мой страх был настолько сильным, что даже во сне меня настигло оцепенение. Страх поднимался из ледяного мрака, как гигантский кальмар, опутывал тело своими липкими желеобразными щупальцами, застилал вязкой жижей далекий тускнеющий свет...

5

После кошмарного сна меня ожидал сюрприз — на этот раз приятный. Правда, я, глупец, не сразу понял, какой подарок преподнесла мне судьба, и чуть было не упустил редчайший шанс. Оказалось, что не все мои киты отдыхали или совершали печальный ритуал. Один молодой

любопытный самец отправился на место схватки Лимбо с мегалодоном, привлеченный затухающими сигналами. Он был еще глупее меня, этот шестиметровый малыш. Он вполне мог попасть в ловушку и нарваться на уцелевших акул, все еще пребывавших под воздействием кода агрессии. Тогда уже никто не успел бы приплыть ему на помощь. Мы находились слишком далеко. Была и другая опасность, еще не знакомая мне. Я осознал ее гораздо позже, а косатки, наверное, не осознают никогда. Марионеткам неизвестно, к чьим рукам или мозгам тянутся незримые нити...

Он принес *это* в пасти — нечто полудохлое, жалкое, поставившее на кон все и безнадежно проигравшее... Смерть для такой безрассудной твари — закон, приговор океана, итог противостояния слепой природе. Но я был прозревшей частью этой самой природы. И прозрение оказалось настолько ошеломляющим, что на некоторое время я потерял контроль.

Существо было в воде в одиночестве больше полусуток. Если бы не косатка, оно протянуло бы еще совсем немного. Жажда, голод, усталость, а может быть, и помешательство сделали бы свое дело. Вместе с ним пошли бы ко дну мои надежды. Но и самец обошелся с существом не слишком деликатно. Что ж, его можно понять — для него этот отчаянно трепыхавшийся кусок мяса был неразрывно связан с кархародоном, с образом ВРАГА...

Жизнь покидала существо, и, вероятно, оно уже не представляло никакой ценности. Но инстинкт оказался мудрее. Самец уловил некую связь, подобие между моими излучениями и аурой обреченной на смерть твари...

Я увидел ЭТО, едва разомкнув веки после кошмара. Двуногий в челюстях косатки — зрелище необычное, исключительное. Интересно, давал ли кит ему дышать? Если нет, мне оставалось только осмотреть труп.

Когда малыш подплыл ближе и вынес добычу на поверхность, мне показалось, что медуза ужалила меня пониже спины. Я рассматривал *тело*. Я увидел перепонки между пальцами, выпуклые молочные железы, широкие бедра, округлый живот, темный треугольник в паху... *самка!* Я мгновенно сопоставил облик существа с обликом единственной двуногой самки, которую я знал за всю свою жизнь, — своей матери. Что касается физиологии, подобие было несомненным. А эта к тому же была совсем молодой, хотя и похожей на мертвую рыбину. Мертвую?!

Через секунду шок прошел. Я испугался, что уже слишком поздно. Если она погибнет, я не прощу себе этого. До конца своих дней я буду считать себя идиотом, и это будет вполне заслуженно. Когда малыш разжал челюсти, на плечах и боках самки обнаружились лиловые цепочки кровоподтеков от его зубок. Она была без сознания. Я схватил ее за ноги и втащил в свою корзину. Ее кожа была скользкой и холодной. Старый вертикальный рубец пересекал ребра. Трудно было понять, что оставило такую отметину.

Я наспех привязал самку к корзине (оказалось, что тут тесновато для двоих, и мелькнула опережающая события мыслишка, что придется плести новую!), затем проверил дыхание. Еще ни разу я не спасал ни одного захлебнувшегося двуногого и действовал по наитию. Я надавил ей на грудь, и изо рта выплеснулась вода пополам с зеленоватой жижей.

(Мои ладони касались этих прохладных, гладких, упругих выпуклостей. В глазах потемнело. Конечно, я не на шутку возбудился. Поцелуй в твердые посиневшие губы вовсе не казался мне приятным. Вместо этого у меня возникло страстное, непреодолимое желание облизать все ее тело и узнать, как пахнет выделяющийся секрет, — желание настолько дикое и неукротимое, что я начал делать это и опускался ниже, и судорога вождения сводила мои челюсти, и ласки стали укусами, и сморщенные от холода соски самки оттаивали у меня во рту... Я был неумелым, но жадным. Если бы сейчас напали большие белые акулы, от меня было бы не больше толку, чем от младенца...)

А где-то за сотни миль от моего иступления она хрипела, с рвотным кашлем извергая из легких остатки воды. Она бешено дергалась, пока ее мышцы непроизвольно сокращались. Возможно, я привязал ее слишком туго. Ее глаза открылись... Некоторое время в них была только боль, муть, бессознательное колебание на границе тьмы и света. Содрогание... Потом зрачки сфокусировались на мне...

К тому моменту я справился с собой. Невозможно ласкать самку, когда она то ли мучительно возвращается к жизни, то ли бьется в агонии. То, что еще совсем недавно она была моим смертельным врагом, не имело никакого значения. Враг превратился в добычу победителя. Я владел ею безраздельно и знал, что сделаю с ней все, что захочу. В любое время. Мое желание стало менее острым, но ни в коем случае не угасло. Просто теперь я был уверен: самка никуда от меня не денется.

Она смотрела и все еще не понимала, где находится. Наверное, она испытала гораздо более сильный шок, чем я, когда леденящие объятия смерти вдруг сменились моими по-животному грубыми ласками... Я видел свои отражения в ее глазах цвета вечернего южного неба. Я ничего не мог сказать о ней, кроме того, что она ниже, тоньше, слабее меня, ее волосы более густые и более темные, а кожа более светлая, чем моя. Я воспринимал мощную красоту косаток, хищную красоту акул, хрупкую красоту кораллов, нежную красоту китовых младенцев, но о человеческой красоте я не знал ничего. До сих пор не с чем было сравнивать. Даже собственное лицо я видел только изредка и только в дрожащем зеркале воды. Что красиво, а что уродливо в двуногих? У меня еще не было стереотипов на этот счет.

Пока мы разглядывали друг друга, у меня внутри пульсировало что-то — тлеющий ком желаний, бесформенное солнце надежд, предвкушение и ожидание нового, измененного, согретого теплом человеческого присутствия существования... А в ее зрачках были только страх и ненависть. В какой-то момент мне показалось, что она попытается укусить меня, но она была еще слишком слаба...

Лимбо шумно выдохнул, и она вздрогнула от неожиданности (это тебе не акула, стерва!), сжалась, невольно принимая позу эмбриона, и заскулила. В этом звуке было что-то невыразимо тоскливое, жалобное, безысходное. Я ударил ее по щеке, чтобы прекратился скулеж. Она замолкла и спрятала голову, закрывшись ладонями. Я чувствовал, что она покорно ждет смерти. Сопротивление действительно было бессмысленным — наверняка она уже видела черно-белые силуэты китов из моей стаи, скользившие рядом с Лимбо. А если и не видела, то, без сомнения, улавливала сигналы, без которых невозможно управлять носителем. Она тоже следила за теньями внутри головы, под закрытыми веками. Но что, если ее мозг был «настроен» только на акул? Тем лучше. Тогда она полностью в моей власти, и можно не опасаться подвоха. К тому же я надеялся рано или поздно выяснить причины странного поведения акул и думал, что виновница беспредела — у меня в руках.

Горечь и ликование соперничали в моем сознании, раздирали его на конфликтующие части. На одной чаше весов — смерть китов; невосполнимый урон, нанесенный стае; отдаленная, но страшная угроза, которую представляли собой эмбрионы мегалодонов; в конце кон-

цов, моя нечистая совесть. На другой — встреча с Плавающим Островом; победа над акульей стаей. И главное, я нашел то, без чего постоянно ощущал свою ущербность, — половину, предназначенную мне самой природой.

6

Плавающий Остров был огромен. Его размеры поражали мое неразвитое воображение. Я рассматривал его с безопасного (как мне казалось) расстояния, и все равно он занимал четверть горизонта. Сверху он был плоским, словно брюхо камбалы, лишь кое-где торчали наросты, похожие на коралловые рифы слишком правильной формы. Он имел грязно-серый, «неживой» цвет. Ничто не нарушало тишины. Ничто не двигалось, если не принимать во внимание почти незаметного дрейфа гигантской массы. И все же я понимал, что это не может быть творением природы. Я видел айсберги. Я залезал на них, ел снег и пил талую воду. Так вот, эта штука была чем-то совершенно другим.

Вначале я предпочел обследовать подводную часть Острова. Косатки казались мелкими рыбешками рядом с нею. Под поверхностью я мог видеть только малую часть бугристой мохнатой стены, обросшей водорослями и ракушками. С одной стороны имелся каплевидный выступ величиной с голову полосатика, а с противоположной, до которой Лимбо пришлось плыть целую минуту, торчали два странных предмета, напоминавших огромных окаменевших медуз с мантиями в виде четырех скрученных лепестков. Только они были сделаны не из камня.

Впервые за очень долгое время я снова прикоснулся к металлу. Ощущение неприятное. И все же, если верить рассказам матери — а у меня до сих пор не возникало причин им не верить, — это было нечто, созданное моими предками. Их возможности и способности вызывали уважение, даже преклонение. Но не у Лимбо. Мне с трудом удавалось удерживать его поблизости от того, что вполне могло бы стать со временем моим плавающим идиолом. Или церковью, блуждающей в океанских просторах, — ведь благодаря присутствию «переселенца» я уже не считал себя дикарем. Оставалось только придумать удобную религию и обратиться в новую веру других двуногих. Кто-то должен умереть для

достоверности. А затем воскреснуть... Я и не догадывался, что мои игривые мыслишки вскоре отзовутся горьким чувством вины.

Да, меня неодолимо притягивал безжизненный памятник, воплощавший в себе целый утраченный мир. Безжизненный? Насколько безжизненный? Станный дух витал вокруг него — дух чего-то уже не живого, но и не окончательно мертвого. Только один раз я столкнулся с подобным явлением — при случайной, мимолетной встрече с Белым Кашалотом.

За краткость встречи я благодарил судьбу. Белый Кашалот — это даже не легенда; это приобретающий форму призрака невнятной фобии, тоже доставшейся мне по наследству... Он проплыл мимо, будто айсберг, почти такой же «холодный» и безразличный ко всему. Будто пятно во сне, размытая морда дьявола, которую невозможно ни с чем отождествить и потому невозможно узнать — и лучше никогда не увидеть ее четко... Нас разделяло расстояние в несколько корпусов. Косатки почти не обратили на него внимания, словно это и впрямь была лишь туша дохлого кашалота. Но я смотрел, не в силах отвести глаз; я разглядел необъяснимое, и я чувствовал присутствие потусторонней жизни, тлеющей внутри невообразимо древнего тела. Никто не может жить так долго; *это* и не было непрерывной жизнью, а только демоном, пробуждающимся в момент соприкосновения с чьим-нибудь податливым разумом. А у меня был податливый разум. Сны о прошлом, фантазии о будущем, сплошная воспаленная рана настоящего... Но тут не надо было ничего придумывать, ни о чем фантазировать — все было воплощено в Белом Кашалоте. Я видел предостаточно.

Из его морщинистого горба торчали чужеродные предметы, обезобразившие древнее совершенство. Скрученные гарпуны образовывали темный крест на вершине белоснежного холма. При виде этого символа смерти и веры заняла моя душа... Ни один плавник не шевелился; кашалот двигался будто по инерции. Что это за инерция, презиравшая трение и время, инерция, длящаяся веками?..

Меня не покидало ощущение, что он возник буквально из ничего за мгновение до нашей встречи. По мере сближения красота перетекала в уродство. Или все это было лишь игрой света и тени. Глубокие трещины избороздили лоб; челюсть была свернута набок; потухший глаз по-

казался мне затычкой в плавающем кожаном мешке. Тень Белого Кашалота таяла. Обернувшись, я следил за нею. Один из молодых китов моей стаи проплыл СКВОЗЬ нее. Я невольно сжался. Я уловил содрогание чужой плоти и мгновенный морок, охвативший сознание косатки...

Ничего не случилось. Вернее, ТОГДА ничего не случилось. Странности с тем молодым китом начали происходить гораздо позже...

Но сейчас металлическая стена передо мною была неоспоримо реальной — нерастворимой твердью, о которую можно было при желании разбить себе голову. Она возвышалась над водой по всему периметру Острова на несколько десятков метров. Препятствие абсолютно непреодолимое для того, у кого нет присосок или крыльев. Никаких лестниц, углублений, свисающих с борта канатов. Только монотонные ряды заклепок — наверное, их были миллионы.

Я понял, что мне никогда не попасть на Остров, если только... меня не впустят сами хозяева. Кое-где я заметил узкие щели в корпусе, образовывавшие замкнутые четырехугольники. И это выглядело так, словно фрагменты стены могли поворачиваться или раздвигаться. Скорее всего Плавающий Остров так и останется развенчанным мифом, напоминанием о том, что все красивые легенды — ложны. Вблизи Остров уже не казался красивым, хотя то, что таилось за его стенами, все еще притягивало меня, разжигало проклятое любопытство. Я получил очередной урок: обыденным, опасным и даже пугающим может оказаться предмет самой отстраненной мечты, когда вожденная цель наконец достигнута. Как всегда, реальность далека от иллюзий. Идеал незаметно искажается, огрубевает и превращается в очередное препятствие на пути. И затем держит, будто крючок, который трудно извлечь. Цена освобождения — сильная боль. А на горизонте — уже новые дразнящие миражи, к которым тянется душа с ее неутолимой жаждой перемен.

Но я не прилагал никаких усилий к поиску Острова, я просто наткнулся на него. Страшная мысль о том, что обитатели Острова могут обнаруживать китовые стаи и охотиться за нами, еще не приходила в мою голову. Я был потрясюще наивен во всем, что касалось двуногих. Ничего удивительного — они были для меня гораздо более таинственными существами, чем любые твари, живущие в океане.

Самка спала, привязанная к корзине на спине Лимбо. Она была достаточно измучена, пока боролась за жизнь в одиночку. Я с удовлетворением заметил, что она обладает навыками рефлекторной задержки дыхания. Это уже стало почти инстинктом, как и многое другое. Ее сон не прерывался ни на секунду даже тогда, когда косатки погружались под воду. И еще я заметил, что сигналы Лимбо слегка изменились. Ее появление не прошло бесследно. Мой кит-носитель действовал так, словно я раздвоился. Я «видел» свое смазанное «отражение» в зеркале его мозга. Теперь на «отражение» накладывался слабый фон, создаваемый ответными излучениями еще одного человека. Мне предстояло изучить этот эффект и понять, как это отразится на моем правлении. Нет ли опасности перехвата власти?

Раздался оглушительный грохот. Несвоевременное самокопание — такая непростительная глупость! Положение изменилось мгновенно. Тонны воды сдвинулись, увлекаемые в открывшиеся пустоты, и вместе с ними ускорилося время. Теперь имели значение только сиюминутные вещи. Например, стремление выжить любой ценой. То, что жизнь китов и моя собственная в опасности, я понял сразу же.

Часть подводной металлической стены опрокинулась куда-то внутрь Острова. Я не мог вообразить себе такую мощь. Создалось стремительное течение — коридор диаметром в несколько десятков метров, в жидких границах которого водяной поток приобрел чудовищную скорость. Даже гиганта Лимбо швырнуло вперед, и он развернулся вокруг продольной оси. Я с трудом удержался у него на спине, вцепившись в ячейки корзины. На всякий случай я хотел быть поближе к самке, опасаясь, что веревки не выдержат и ее смочет. Неужели я дорожил ею больше, чем китами? Жалкий похотливый червяк!

Очень скоро стало ясно, что нас засасывает в темный металлический грот с ровными стенами, испещренными такими же рядами заклепок, как и снаружи. Лимбо отчаянно сопротивлялся; его даже не требовалось стимулировать. Что-то невыразимо страшное таилось в конце темного, горизонтального, четырехгранного туннеля. Хуже всего было то, что я не мог определить источник опасности. Она была размытой и излучалась отовсюду, будто весь этот проклятый Остров был единым гигантским мозгом! Вещество, а не существо. Нечто, лишенное уязвимых органов и самих тел, однако сохранившее все функции биологических орга-

низмов и перераспределившее их непонятным для меня образом. Подвижное, невероятно мощное, жестко контролируемое, но... неживое. Древнее и непостижимое. Вот он, настоящий реликт из прошлого! Я ожидал от своей случайной находки чего угодно, только не этой бессмысленной попытки уничтожения, и готовился к смерти.

И опять Лимбо спас меня. Несколько долгих секунд он боролся с течением, и стены не двигались относительно нас, из чего я заключил, что встречные скорости кита и потока сровнялись. Напор жидкой массы оказался настолько сильным, что я был вынужден закрыть глаза. Тело проснувшейся самки дрожало у меня под рукой. Дрожь ужаса. Я легко отличал ее от озноба...

Вскоре нам обоим уже не хватало воздуха. Если бы всасывание продолжалось чуть дольше, мы погибли бы от удушья еще до того, как очутились бы в громящем чреве. Огромная металлическая заслонка снова провернулась вокруг оси и перерезала поток. У меня в мозгу взорвалась боль. Это был «воплъ» отчаяния молодого кита, которого засосало в черный коридор. Теперь уже никто не мог ему помочь. Нас разделила стена, непроницаемая для плоти. Однако, к моему сожалению, она совсем не была препятствием для волн ужаса, захлестывавших меня.

И опять я чувствовал то же, что, наверное, чувствует родитель, теряющий своего ребенка. Груз вины еще тяжелее, чем потеря. Отсюда недалеко и до ненависти к себе. Я был всему причиной; я отвечал за все...

Жалобы, сигналы бедствия и гулкие стоны тревоги затихали по мере движения кита во «внутренностях» Острова. Все больше экранов разделяло нас. Насколько я понимал, пленник прикладывал тщетные усилия к тому, чтобы изменить направление движения. Туннель был слишком узок, и косатка не могла в нем развернуться. Самец будто оказался внутри «кровеносной» системы стального чудовища. Некое «сердце» качало воду вместо крови...

Испуганная стая отплыла подальше, потеряв только одного кита. Рыба-опреснитель тоже уцелела благодаря тому, что находилась далеко от всасывающего жерла. Все могло закончиться гораздо хуже. Но кто сказал, что все закончилось? Я с трудом удерживал Лимбо на расстоянии, с которого мог видеть борт Острова сквозь мутную пелену воды. Я улавливал последний устойчивый образ, передан-

ный пленником, — лабиринт, из которого нет выхода. Зато есть центр лабиринта. То самое «сердце».

И там происходит НЕЧТО.

Преображение.

Чего я ждал? Предсмертной вспышки активности? Новой информации? Хотел увидеть труп? Убедиться в том, что кит мертв? Я понимал: мне никогда не разгадать тайну Плавающего Острова, даже если я буду сопровождать его десятками лет и время от времени приносить жертвы на алтарь своего дурацкого любопытства. Не хватит ли одной? О том, чтобы проникнуть внутрь после начала очередного цикла всасывания, не могло быть и речи. Я не герой и не самоубийца. Говоря по правде, я смертельно боялся этой штуковины, олицетворявшей безумную и извращенную цивилизацию древних. Удивительно только, что от них осталось лишь ЭТО, а не целые архипелаги плавучих клоак, в которых они продолжали бы свою губительную для океанских тварей деятельность. Кажется, я догадывался, в чем дело. Выходит, не так уж они были могущественны, раз погибли. Волна была причиной их смерти. Волна, последовавшая за Небесной Карой и ставшая Карой Морской.

Внутри Острова происходило что-то, почти недоступное моему сверхчувственному восприятию. Я впервые столкнулся с системой, которая функционировала по другим законам. Ее излучение не содержало полезной информации, хотя сама система оказалась фантастически сложной. Отделившийся от меня призрако-разведчик блуждал среди неопределенных форм в тщетных поисках аналогий.

Спустя четверть суток сигналы плененного кита стали очень слабыми и слились с неразличимым фоном. Это была не смерть. Напоследок я уловил даже оттенок УДОВОЛЬСТВИЯ. Что-то воздействовало на мозг косатки, но иначе, чем это сделал бы я, пытаясь облегчить страдания или избавить от страха. Я передавал бы эмоции, а самцу ввели в организм некое вещество. Способ грубый, однако гораздо более действенный. Впрочем, это порождало пугающую неопределенность и даже... надежду на контакт. С кем? С этим плавучим монстром?! («А почему бы и нет?» — закрадывалась мыслишка, казавшаяся гнусной, но я не знал почему.)

Итак, я ждал, прикованный к Острову цепями неизвестности. За это время стая дважды охотилась. На следующее утро моя самка уже чувствовала себя гораздо

лучше. Я отвязал ее и досыта накормил рыбой. Напоил. Оказалось, что она умеет пользоваться живым опреснителем. Потом я овладел ею. Она была покорной и тихой. На какое-то время я забыл о своих потерях, забыл обо всем. Да, почти так я и представлял себе слияние. Чего-то не хватало, но, может быть, полная гармония придет со временем?

После я испытал физическую усталость, опустошенность и вместе с тем — невероятное облегчение. Самка освободила меня от демонов, которые росли в подсознании, будто черные жемчужины внутри раковин моллюсков...

Потом я наблюдал за Островом, а самка изучала мою корзину. Она наверняка отличалась от той, которые плетутся для носителей-акул, но различия невелики. Похоже, Остров не произвел на самку особого впечатления. Она взглянула на него лишь мельком. Она интересовалась близкими и конкретными вещами. Все непонятное и отдаленное для нее просто не существовало. Наверное, такова природа всех самок. С их помощью мы снимаем напряжение и освобождаемся от демонов, пока цепи, выкованные нашим же вождением, не образуются снова. А самки тем временем заботятся о хрупких гнездышках и создают иллюзию благополучия.

Несколько раз Остров извергал из себя зловонную жидкость, образовавшую черную маслянистую пленку на поверхности океана. Иногда выпускал вверх столбы дыма. Я задавался праздными вопросами. Например, мне было интересно, способен ли этот плавучий гроб производить хоть что-нибудь, кроме отбросов? Вопрос оказался не таким уж праздным. Ответ я получил вскоре.

Когда снова раздался грохот, напоминавший близкий гром, стая была на действительно безопасном расстоянии. Я не повторяю ошибок дважды. Впрочем, на этот раз направление потока было обратным. Врата металлического ада отворились, чтобы выпустить многие сотни тонн воды, заполнявшей лабиринт. Происходящее чем-то напоминало извержение подводного вулкана, только вместо лавы лилась горячая жидкость. Как только нас коснулись первые обжигающие струи, Лимбо нырнул вниз, в холодные слои. Казалось, мы познали новый способ убийства. Но был и другой вариант: обитатели Острова (или единственный обитатель, составлявший с ним взаимопроникающее целое) пытались нас отпугнуть... Бурлящий

поток нес с собой мертвеющие водоросли, мелких полусварившихся рыбешек и какие-то обломки, не имевшие ничего общего со здешними донными отложениями.

Несколько минут мы парили в глубинных сумерках, пока наверху происходили перемешивание, теплообмен и выравнивание температуры. Потом стало еще темнее — мы очутились под черным непрозрачным пятном, тянувшимся за Островом. Я чувствовал: еще немного — и мне понадобится воздух. А самка была уже на пределе, и я приказал Лимбо двигаться к границе пятна и чистой воды как можно быстрее.

В том месте, где кит вынырнул, вода была отвратительно теплой. Но я испытывал дискомфорт не только по этой причине. Какие-то новые «тени» внезапно возникли на моем внутреннем горизонте. Откуда они взялись? Я догадался об этом почти сразу же. И я сомневался в том, что стая готова к новой схватке. Впрочем, при любом раскладе, даже самом безнадежном, взрослые косатки знали свое дело. Киты начали перестраиваться в боевой порядок. Я попытался сконцентрироваться на чужих «теньях». Десять особей. Не акулы. Не косатки. Не кашалоты. Не двуногие. Черт меня возьми, их слабое излучение не было похоже на излучение ни одного из знакомых мне существ! Ровный, безэмоциональный фон, изменявший свои параметры только в момент реагирования на приказ. И я отдал первый приказ, хотя это могло повлечь за собой непредсказуемые последствия.

Мать рассказывала мне о таких дьявольских штучках древних, как мины. Так вот, эти твари, исторгнутые из чрева Острова, были словно разумные мины — малоуправляемые и смертельно опасные. Однако канал для взаимодействия был открыт, и я нащупал его.

С громадным трудом мне удалось заставить тварей отвернуть и двигаться параллельным курсом. Потом я направил Лимбо в их сторону. По мере сближения меня охватывал мистический страх, сменившийся постепенно трепетом благоговения. Я присутствовал при акте творения, вернее, мне был предъявлен непосредственный результат. Это было поистине сверхъестественно!

Твари оказались в пределах видимости. Я узнал своего молодого кита, попавшего в ловушку Плавающего Острова — его размеры, контуры плавников, строго индивидуальную форму «седла», — только теперь он отбрасывал десятикратную тень. Десять особей, идентичных во всем,

вплоть до мельчайших деталей. Даже их движения и излучения были синхронизированы.

Можно было подумать, что это какой-то фокус с отражениями, но я уже понимал, что отражения тут ни при чем. Если присмотреться, становилось заметно, что и движения этих новых созданий были не столь гладкими, как у прототипа, — при сохранении прежней амплитуды каждая фаза состояла из отдельных частых рывков, которые всегда следовали друг за другом в одинаковом ритме, будто «мышцы» были частями хорошо отрегулированного... (Я знал слово «регулировать», и я знал слово «механизм». Теперь я, кажется, догадывался, что они означали в прошлом.) И еще кожа... Я решился подплыть совсем близко. Как передать ощущение от прикосновения к одному из этих «китов»? Его кожа была *мертвой* и не регенерировала, хотя через мельчайшие отверстия на поверхность выдавливалась какая-то смазка, снижавшая трение о воду. И даже смазка пахла чем-то чужим.

Но то, что таилось под оболочкой, было гораздо загадочнее, чем эффективный и быстрый способ воспроизведения внешнего вида моего потерянного кита.

Каждый член этой маленькой странной стаи обладал частью его расщепленного разума. Но самого самца уже не существовало! Кто может понять это? Во всяком случае, не я. Не знаю, что сделали с ним во чреве чудовищного Острова, каким образом удалось скопировать его и воспроизвести в нескольких экземплярах, откуда, в конце концов, взялся нужный материал, однако в результате появились муляжи, абсолютно схожие между собой. Внутри них был металл и что-то еще. Вещество, аналогов которого не существовало в природе. Магнитное поле Земли оказывало на него влияние и даже могло испортить «настройку». Возможно, Остров желал заполучить и пастуха, но воспроизвел пока только кита, посчитав его неким исполнительным органом...

Меня осенило. Грех было не воспользоваться ситуацией. И я начал рискованную партию, надеясь, что вдали от Острова все обернется в мою пользу. Я решил взять муляжей с собой, сделать их частью стаи. Я назвал их Группой — ведь они обладали слаженностью и внутренней целостностью. Они были как пальцы, растущие из одной нематериальной ладони, и потому лишь *казались* отделенными друг от друга.

Сперва они держались обособленно, хотя совсем скоро впервые приняли участие в охоте. Позже до

меня дошло, что в каком-то смысле они учились у живых существ, и значит, я лил воду на чужую мельницу. Если муляжи и нуждались в пище, то перерабатывали ее совсем иначе. Внутри каждого из них был источник энергии — почти вечный по человеческим меркам. И я предположил, что Группа пригодится мне во время Противостояния. Это будет мое тайное оружие, может быть, последний шанс. Или в крайнем случае охрана — гораздо менее уязвимая, чем мои киты. Позже я узнал, что могут сделать стальные зубы муляжей, а глубина их погружения казалась мне просто нереальной.

Однако поддерживать с ними контакт было очень трудно. Особенно в первые дни. Контакт никогда не был полноценным — все равно что управлять протезом вместо настоящей руки. Со временем я научился формировать и посылать простые недвусмысленные команды. Чем проще был приказ, тем быстрее они реагировали на него и тем лучше был результат. До некоторых пор «лучше» означало более эффективную охоту...

Иногда мне становилось страшно. Мне казалось, что отмирает та часть моего нефизического существа, которая находится на периферии стаи, проникает и сливается с такими же «теньями» косаток и... муляжей. Безусловно, я не мог считать их просто идеальными куклами, созданными для какой-то жуткой неведомой игры и подаренными мне Островом для противоестественного развлечения. Впрочем, игрой тут и не пахло. Я вел себя как последний кретин. Я принял этот сомнительный дар и лишь намного позже понял, что дар предназначался не мне. Я должен был научить Группу всему тому, что умела стая, состоявшая из живых китов, а затем... Затем, возможно, начиналось самое страшное, потому что истинные цели Острова навсегда остались для меня тайной.

Слабость вынуждала меня быть коварным и порождала изощренность в методах. Мне не приходилось выбирать. Я сражался и добывал себе пищу, используя любые доступные средства. Но если раньше я извлекал пользу из сосуществования с косатками, то теперь я применил закон жизни к *неживым* созданиям. Возможно, это намерение и было порочным изначально. Такой порок являлся неизбежным следствием и неотъемлемой чертой контролирующего разума.

Месяцы спустя.

До Нового Вавилона осталось всего несколько десятков миль. Чем он ближе, тем хуже я сплю. Меня терзают неразрешимые вопросы. Призраки все чаще проникают в сновидения. Я вынужден разговаривать с ними. Наши «беседы» продолжаются наяву. Чтобы избавиться от назойливого внутреннего диалога, я стараюсь уделять стае как можно больше внимания. Зачем лгать себе? Я готовлю их к Противостоянию и вероятной смерти. И все сильнее убеждаюсь в том, что не ошибся: муляжи — идеальные солдаты. Они лишены страха и не испытывают интереса к самкам. Обладают ли они вообще способностью к воспроизводству вне Плавающего Острова? Этого я не выяснил до сих пор и вряд ли выясню когда-нибудь.

Моя самка вполне освоилась в китовой стае. Она сплела себе корзину и теперь плавает на спине двенадцатилетней косатки, с которой установила тесный контакт. Возможно, свою роль сыграло и то, что они обе беременны. Роды еще не скоро — косатка носит плод шестнадцать месяцев. Даже не знаю, хорошо это или плохо — что-то подсказывает мне: во времена Противостояния выживут далеко не все. Тогда ради чего этот долгий бессмысленный путь? Один из тех самых неразрешимых вопросов. Казалось бы, океан беспределен, пищи хватит на всех, плыви в любую сторону и живи свободным. Но нет. Притяжение Нового Вавилона сильнее моего рассудка, моей воли и даже моего инстинкта самосохранения.

Не я один жертва этого притяжения. Мое знание об этом столь же иррационально, как и само влечение. Мать, например, погибла раньше, чем сумела добраться до назначенного места. Мне понадобилось десять лет, чтобы ощутить то, что влекло ее сюда. Что это — способ регулирования нашей численности? Вероятно, далекие предки позаботились о том, чтобы мы не расплодились сверх всякой меры...

Величайшее таинство или величайшая глупость? Другого шанса не будет ни у кого. Все мы, уцелевшие пастухи, паразиты и отщепенцы, находимся в равных условиях. Подозреваю, что кто-то повелевает нами, даже если этот «кто-то» — какой-нибудь свержинстинкт угасающего рода двуногих. Иначе откуда наше неукротимое стремле-

ние к Вавилону — стремление, которое возникает во всех душах одновременно? Зов настигает тех, кто находится в самых отдаленных уголках океана, на расстоянии тысяч миль друг от друга. Зов всегда своевремен — успеют все, как бы долг он был путь. А когда стремление возникает, уже не надо задумываться о поиске направления. Крузи-контроль и компас — в моей голове.

Возможно, истинная причина — неизвестное излучение. Ни один из нас не способен его уловить. Оно воздействует на бессознательном уровне, и, значит, мы тоже всего лишь рабы прошлого, дергающиеся под влиянием электрических импульсов, словно отсеченные конечности. А если изменить масштаб и взглянуть на поверхность шарика, то мы — будто магнитная пыль, передвигающаяся вдоль силовых линий. Пыль, возомнившая себя самодостаточной...

Проклятие! Зачем мне дано догадываться о запретных вещах? Я сам дорого дал бы за то, чтобы оставаться в неведении. Я завидовал китам и своей самке. Но уже готов был нарушить табу.

С ночи той памятной битвы с кархародопами мне удалось избегать встреч с другими стаями китов или акул. Иногда мы были вынуждены делать огромный крюк или даже прятаться, используя подводный рельеф. Я не мог рисковать. Моя стая и без того была ослаблена, а преждевременно пускать в ход «тайное оружие» было бы глупостью. Вероятно, это и называлось когда-то военной хитростью? На самом же деле я начал осознавать (в редкие моменты просветления) свою собственную маниакальную сущность, но, конечно, ничего не сумел поделать с этим. Кто может изменить меня? Только тот, кто фиксирует изменения. Неужели мое сознание должно подвергнуться расщеплению? Ради чего? Я не знал.

А между тем интенсивность «шума» нарастала. «Эфир» заполняли сотни, тысячи теней. И «голоса». Некоторых сигналов я вообще не понимал. Что же будет в окрестностях Вавилона? Полный хаос?.. Только бы не угодить в засаду! Или — что еще хуже — в смешавшиеся стаи китов, ослепленных, потерявших ориентиры и охваченных паникой...

Хорошо, что моя самка не озабочена подобными проблемами. Похоже, будущее мало ее волнует. Ее потребности всегда конкретны, а завтрашний день существует для нее лишь с точки зрения удовлетворения этих потреб-

ностей. Заметно округлившийся живот уже мешает ей свободно двигаться. Мы не разговариваем — то есть не обмениваемся словами. Она знает совсем немного слов, да и то на каком-то чужом языке. Я даже не пытался их выучить или навязать ей хотя бы часть своего богатого лексикона. Нет смысла. Мы прекрасно общаемся, передавая друг другу образы. Образ мгновенно порождает эмоцию. Вернее, содержит в себе некое зерно, прорастающее сразу же или спустя некоторое время. Я называю это «замедленной передачей». Странная и эффектная штука — можно, например, ощутить чужую боль или оргазм спустя сутки. Слова ничтожны. По этой же причине я не даю самке имени. Означает ли это, что я ценю ее меньше, чем Лимбо? Запрещенный вопрос! Она — это любовь, наслаждение и надежда, а Лимбо — это жизнь здесь и сейчас. Может случиться так, что сохранить обоих не удастся. В глубине души я знаю, каким будет мой выбор, если придется выбирать. И она, наверное, знает тоже... Поэтому наши тени никогда не сольются полностью. Внутри у каждого есть раковина, которая не раскроется ни при каких обстоятельствах, показав постороннему съедобную беззащитную мякоть...

Например, мне так и не удалось выяснить, почему стая кархародонов напала на косаток в ту ночь, когда самка едва не погибла. Я тщательно препарировал ее воспоминания, но обнаружил лишь слабое эхо постороннего сигнала, не имевшего ничего общего с акульими. Код принуждения. Я сам пользовался им неоднократно. Похоже, самка находилась под чьим-то контролем. Над этим стоило задуматься всерьез. Кто был пастухом двуногих? Где прячется это великое существо? Обладает ли оно плотью? И вообще — существо ли это?

Нет ответа.

Во время очередной охоты поблизости появился одиночка на десятиметровой акуле. Оказалось, что это самец. На сей раз мне удалось определить его пол на большом расстоянии, хоть в этом и не было моей заслуги. Он излучал, как целое стадо китов. Судя по всему, Новый Вавилон тоже был его конечной целью. Акула — серьезный союзник и отличное оружие, но это всего лишь одна пара челюстей. Тем не менее чужак смело вторгся в наши «угодья». Я восхищался такой наглостью, однако у него вряд ли был хотя бы мизерный шанс. Он проявил еще большую наглость, когда попытался заполнить мою самку. Отчаянный парень!

Само его намерение свидетельствовало о том, что он обладает гораздо более избирательным и дальним «видением», чем я.

Несколько часов он двигался вслед за нами, придерживаясь параллельного курса. Когда стая уплотняла рыбные косяки и выстраивалась для этого, образуя огромную дугу, одиночка напал на дальний от меня фланг, где паслась кошатка с моим двуногим сокровищем на спине. Это был неглупый ход, тем более что «эфир» был до крайности засорен сигналами охотников и повсюду раздавался грохот, плохо действовавший на мои барабанные перепонки, — это кошатки глушили рыбу мощными ударами хвостовых плавников. Так что мне было не до тотального контроля.

Поначалу казалось, что чужак просто хочет получить свое на подготовленном, сбитом косяке. Это не могло быть поводом для конфликта. Изредка я наблюдал даже некое взаимодействие между стадами косаток и одиночными акулами. Их объединяли инстинкты охотников. Но сейчас чужаком применялась уже известная мне и вполне осознанная тактика — он «придерживал» акулу, запрещая той охотиться...

Моя самка вовремя почуяла что-то неладное и привязалась к корзине дополнительными веревками. Беременная кошатка не является полноценной боевой единицей. Поэтому парень на акуле едва не достиг своей цели. Он имитировал маневр одного из китов-загонщиков и оказался на расстоянии нескольких корпусов от кита-носителя. Потом последовала стремительная атака сбоку и снизу. В последний момент акула перевернулась на спину и разорвала кошатке брюхо.

У меня в голове взвыла сирена смерти. Мгновение раскалывающей череп боли — и затем ярость... Лимбо протаранил косяк, рванувшись к месту коварного нападения. Я-то знал, что уже поздно. Косатку не спасти, а значит, оборвалась еще одна цепь жизни, которая могла протянуться в бесконечность. Но тогда мне было не до сожалений. То было время для гнева и мести. Гнев оказался бы бесплодным, а месть — нереализованной, если бы не... Группа.

Дело в том, что муляжи не охотятся. Я хочу сказать, что они не охотятся *по-настоящему*. Пища не является для них целью, хотя они в совершенстве овладели всеми приемами индивидуальной и коллективной охоты. Муляжи изредка пожирают рыбу и даже дохлятину — и перерабатывают все без остатка. Подозреваю, что они могут длитель-

ное время обходиться вообще без всякой подпитки. Их запасы энергии огромны — и это не биоэнергия. Поэтому и всплывают они крайне редко — не для дыхания, а для вентиляции. По правде говоря, они превосходят живых китов в скорости и точности наведения. А теперь у меня появилась возможность проверить их в схватке с реальным и сильным противником.

Акула терзала косатку, когда появился первый муляж. Издыхающий кит медленно опускался в облаке крови; акула была в неистовстве (она явно находилась ВНЕ контроля), ее корзина была пуста, а двуногий уже карабкался к моей подруге, которая безуспешно пыталась всплыть. Запутавшиеся веревки и канаты едва не сыграли с ней плохую шутку — она могла оказаться придавленной к трупу и вскоре погибнуть от удушья. Узлы были самораспускающимися — надо только точно знать, за какой конец потянуть. Я не понимал, почему она задержалась на глубине. Оказалось, что петли разорваны акульими зубами и корзина превратилась в мешок с узкой горловиной. Самка застряла основательно. Вот так судьба — попасть в ловушку и задохнуться в корзине, сплетенной своими руками! И я ничем не сумел бы помочь...

У чужака было преимущество передо мной. Он находился совсем близко и видел все это своими глазами. К тому же акула-носитель не была его единственным оружием. Вероятно, суровая жизнь приучила одиночку полагаться на собственные силы и изобретательность. В этом смысле он был гораздо более самостоятельным, чем я.

Он держал в руке что-то вроде костяного ножа из обломка нароста рыбы-пилы. Штука смехотворная... пока остаешься под защитой косаток или акул. Если же по воле случая окажешься «один на один» с двуногим, почти наверняка победит тот, кто владеет этим заостренным куском кости. Всего лишь подобие зуба, но зато какое! (Останусь жив — обязательно подумаю над этим. Может быть, пора позаботиться о том, чтобы уменьшить свою зависимость от китов? Кроме того, нож поможет мне справиться со всякой мелочью.) Сейчас чужак воспользовался им, чтобы удержаться на гладком боку косатки, безжалостно вонзая свое оружие во вздрагивавшую в агонии тушу.

(Образ этого ублюдка моя самка передала мне гораздо позже, спустя много часов после схватки, но когда это все-таки произошло, я содрогнулся — он оказался удивительно похожим на «призрак» моего отца. Та

же ослепляющая страсть, та же жестокая сила, та же безудержная, тупая настойчивость, не останавливающаяся ни перед чем — даже перед угрозой уничтожения...)

И он добрался до самки, схватил за длинные волосы и перерезал петли, удерживавшие ее в корзине. Потянул за собой вверх, чтобы вдохнуть воздух. Одновременно мощным лучом послал приказ акуле следовать за ним. У него действительно оставалось совсем мало времени и узкий коридор в пространстве для того, чтобы попытаться уйти с добычей от преследования китов-убийц. Да, этот парень обладал чудовищным влиянием! Оторвать голодную акулу от истекающей кровью жертвы — для этого нужен сверхконтроль.

Акула ринулась за ним к поверхности; за нею тянулся рассеивающийся кровавый шлейф, а из открытой пасти выпадали клочья мяса. В этот момент муляж буквально вспорол акулу от хвоста до жаберных щелей каким-то немыслимым приемом, использовав свою нижнюю челюсть, как многолезвийный нож. Подоспели еще двое его «собратьев»; один рвал акулу, другой занялся двуногим. Тот, по-видимому, уже понял, что неоправданно рисковал и потерял все. Он вполне мог прикончить мою самку просто так, от злости, — влечение к смерти и хаосу доминировало в его излучениях.

Между тем акула продолжала сражаться, несмотря на смертельные ранения и вывалившиеся внутренности. Муляжи упорно и методично рвали ее на куски — БЕЗ моего приказа. Их челюсти работали будто ковши со скоростным приводом, соскребавшие мясо с акульих хрящей... Третий муляж настиг двуногого у самой поверхности и легко перекусил того пополам. Мне оставалось только надеяться, что самка при этом не пострадала (Лимбо все еще находился слишком далеко, хотя и плыл на максимальной скорости). Она действительно почти не пострадала — если не считать неглубокой тройной раны на бедре от стальных зубов муляжа и царапин, оставленных ногтями двуногого. Чужак не успел нанести ей последнего удара ножом. Вместо этого он пытался ударить кита в глаз. Он промахнулся и попал ниже. Представляю себе охватившие его панику и суеверный страх, когда костяной клинок, пробив тонкий слой искусственной кожи, сломался о металлический каркас! Ну а в следующее мгновение уже сам двуногий был разрезан пополам мощными челюстями.

Он жил еще пару секунд, и мне никогда не забыть той кошмарной волны концентрированного ПОНИМАНИЯ, которая обрушилась на мой разум. Его сверхмощный излучатель почти заставил меня поверить, что и со мной происходит нечто ужасное, непоправимое, окончательное. Адская боль распиливала меня на куски; яростное солнце некоего нового, интуитивного и безнадежно запоздалого прозрения вспыхнуло в мозгу, распустилось цветком с тысячью жалящих лепестков, и еще чернее стала река жизни, впадавшая в ледяное море смерти, но еще мгновение она судорожно текла под небесами бесконечного сожаления и лунами, отражавшими свет истинного бытия...

Все было кончено. Еще три трупа появились в океане. И никому не стало от этого лучше... Моя самка в шоке. Дважды она побывала на грани жизни и смерти. Что-то нарушилось. Но что? Может быть, шаткое равновесие между необходимостью убивать ради еды и аппетитами безумия?

Несмолкающий зов Вавилона снова гнал меня и стаю на северо-восток. Самка временно расположилась в моей корзине. Краткий ритуал в наступающей темноте. Вечер. Прощание с погибшей косаткой. Ночь.

Утром мы были уже далеко.

8

Если это окрестности, то каков же сам Вавилон?!

Зрелище было поистине завораживающим. Подо мной и вокруг меня — вечность, воплощенная в камне. Полет, пойманный в ловушку безмолвия и безвременья. Или мгновение, затянувшееся до конца времен. Место, где глупые преувеличения вдруг приобретали настоящее значение. Не случайно предки говорили когда-то: «Увидеть *это* — и умереть». Вероятно, для меня *этим* станет Новый Вавилон.

Чуждый, почти инопланетный пейзаж. Канун Противостояния. Глина еще в руках творца. Донные пески — свалка секунд, символ незапущенного времени. И повсюду парили гигантские тени в зеленоватой мгле, будто дирижабли в пасмурный день, отразившиеся в очках слепого (откуда этот образ? — я уже давно не задаю себе подобных вопросов). Эскадрильи, флотилии, рои, армады, стада, заб-

лудившиеся праведники на поводу у слепцов, солдаты на тихом призрачном параде, паразиты, привлеченные ядовитой приманкой и собравшиеся на последнюю трапезу... Не иначе, действовало перемирие, воцарившееся во всех мозгах одновременно. Даже в самых примитивных. Вроде мозга моей самки. Она нашла себе новую подругу среди косаток и удивительно быстро сплела корзину. Должен признать, кое в чем она гораздо расторопнее и ловчее меня. Но эта ее тягостная невосприимчивость к прекрасному...

Вавилон таился где-то впереди, прятался в неразличимой пелене, за гранью прозрачности, а пока что мы плыли над каньонами и кратерами, сквозь ажурные башни и сводчатые галереи, петли эстакад, застывшие керамические леса, мимо возникающих из сумрака мостов и опрокинутых многоярусных пирамид. Справа от меня слаженно двигалось большое стадо кашалотов, слева — стая серо-голубых акул. И что самое странное, неисчислимые косяки сельди и кефали тоже плыли в сторону Вавилона. Должно быть, гостеприимные хозяева позаботились о пище для нас...

И вот впереди забрезжил свет. Это было похоже на то, как если бы солнце взошло под водой. Косатки «переговаривались» высоким тоном, означавшим любопытство. Призрачное сияние почти заворожило их. Все мы, живущие в соответствии с природными циклами, находились в необычном состоянии временного смещения. До восхода «настоящего» солнца оставалось еще несколько часов; была ночь новолуния, и сверкающая корона казалась не меньшим чудом, чем явление Ангелов. Ангелы сулили покой, мир, безопасность, любовь... Что-то изменилось во мне под влиянием этого света, размягчался костяк, растворялся невидимый панцирь. Это было прощением, возвращением в потерянный рай...

Впервые в жизни я видел *электрический* свет, если не считать молний... и сновидений. Но молнии были лишь краткими проблесками во тьме, сновидения — слишком туманными, а тут миллионы вспышек слились в непрерывное ликующее свечение, и волшебные лучи проникли в мои зрачки. Это был какой-то новый сигнал, световой код — и немедленно очнулся от спячки тот бродяга, который сидел во мне и знал куда больше, чем мог знать обыкновенный пастух, проживи он в океане хоть триста лет. Его (или меня?) охватила такая тоска по всему утраченному, недоступному, запретному, что хотелось завывать. И одновремен-

но возникло совершенно незнакомое мне убийственное ощущение *бездомности* — и это в мире, где нет и не может быть приюта!..

Я ненавидел себя. Я пытался выдавить из души эту ненужную мне тень прошлого, которая отравляла все мое существование, наполняла его чужими призраками, чужими чувствами, чужой неутоленной тоской и болезненными воспоминаниями. В том числе о Вавилоне. Я думал, что Вавилон — это рай? Тупая скотина...

Фейерверк света. Океан света. Вода стала жидким светом...
Купола на дне.

Мне показалось, что они расцветают, протягивая в бесконечность тысячи лучей-лепестков. Да, это был мой дом! Мой дом, оставленный несколько поколений назад. Я вернулся. Примешь ли ты меня?..

От картины, открывшейся внизу, захватывало дух. Купола были прозрачными, и под ними был... воздух. Тонкий слой какого-то вещества отделял жидкую среду от воздушной. Стекло. Теперь я увидел, что такое стекло. Оно — как чистейшая затвердевшая вода, похищенная часть небосвода, нетаящий лед. И за этой надежной стеной было все то, что я считал разрушенным, уничтоженным, погибшим, сметенным Большой Волной...

Щемило сердце, тонко вибрировала многоликая душа. «Иллюзия, иллюзия», — нашептывала мне самая мерзкая из моих теней. И она еще не задала главного вопроса — *зачем мы здесь?*

Очарованный странник... Как близко было осуществление мечты — и как скоро последовало крушение надежд! Город открылся мне — город в прекрасной подводной долине. Его образа не было в моей памяти — он был обещанием будущего. Живая, плодородная земля расстилалась под куполами. Фермы, дороги, сады, леса, жилища двуногих, стада четвероногих... Какие-то диски парили в ИХ небе, и каждый излучал нечто особенное — нерассказанную историю, которая могла быть подлинной. Эти истории казались мне куда более интересными, чем мое прозябание наяву или даже мои сновидения. То был город грез...

Я погубил его.

Так начинаются штормы — с темной полосы на горизонте.

Переселение в рай вдруг обернулось адом. Гигантская тень появилась вверху. Она надвигалась с юга. Магнитная масса и обтекаемая форма исполина — этого было достаточно для отождествления. Стальные стены, каплевидный выступ, люки, винты, рубившие воду, ультразвуковые импульсы... Плавающий Остров, запрограммированный на уничтожение жизни. Его сопровождали мегалодоны. Десятки мегалодонов, возвращенных в океан, проскочивших немислимым образом сквозь игольное ушко времен, преодолевших пропасть в миллионы лет, которая разверзлась между периодом их господства в океане и сегодняшней ночью...

У моей стаи не было шансов. Каждый мегалодон был в полтора раза длиннее Лимбо, а Лимбо — гигант среди косаток. Откровенно говоря, шансов не было ни у кого из тех, кто услышал зов Вавилона. Теперь я начал прозревать. До меня дошел смысл Противостояния. Мы должны были послужить живым щитом. Ангелы собирались пожертвовать нами ради того, чтобы их свет сиял вечно. Я ничего не имел против, но разве не я стал невольным врагом всего того, к чему стремился? Я нес в себе зародыш истребления.

И связь между Островом и муляжами тоже стала для меня очевидной. Она не прерывалась ни на секунду с тех пор, как Группа объединилась со стаей. Я слишком поздно понял кое-что очень важное: пастух не обязательно находится снаружи. Главный пастух — всегда внутри. Он может поделиться властью на какое-то время, но в конце концов получает все — тело, мозг, душу.

Кто, как не я, привел муляжей к Вавилону? Они и Остров были глухи к зову, и меня использовали в качестве лозмана. Я совершил роковую, непростительную ошибку. Я впустил демонов через черный ход. А вслед за ними явился их настоящий хозяин — и постучал в парадную дверь.

...Остров был примерно в миле от меня, когда открылись его донные люки. Оттуда вывалились бочкообразные предметы, продолговатые снаряды и устремились вниз. Кто-то из пастухов, находившихся поближе, бросил своих косаток на перехват, но снаряды сыпались, как градины. Их было слишком много.

В жутком безмолвии лопнула гигантская прозрачная скорлупа. Звук дошел до меня не сразу.

Это был конец света.

После первого же взрыва глубинной бомбы я долго оглох, а после третьего потерял сознание.

Когда я очнулся, уже не было ни Нового Вавилона, ни Плавающего Острова, ни мегалодонов, ни муляжей. И не было большей части моей стаи, в том числе опреснителя. Если в ближайшее время не отыщется замена, неизбежна мучительная смерть от жажды посреди океана воды. Но даже об этом я думал совершенно равнодушно. Мысли возникали и исчезали, как пена...

Внутри — зияющая пустота. Противоестественная тишина. В «эфире» — однообразный фон всеобщего шока.

Покалеченный Лимбо вынес меня на поверхность. Мертвый штиль. Духота. Жестяной диск солнца над свинцовым океаном, усеянным обломками и трупами. Корзина порвана акульными зубами, и я чудом удержался в ней...

Раны Лимбо ужасны и до сих пор кровоточат. Не знаю, выживет ли он. А пока в его сознании прокручивается документальный фильм. Для меня? Скорее всего да. Жестокий урок. Наказание. Пытка, которую я заслужил. Я не хочу «видеть» недавнего прошлого, но не могу поставить экран. Отказаться? Любой ценой помешать киту? Закрыться от надвигающегося кошмара? Это выше моих сил. Я вынужден пережить то, что пережил Лимбо, иначе совершу новое предательство. Я опять становлюсь свидетелем последнего Противостояния, пропущенного через *его* восприятие, — и на этот раз мне не спрятаться в черном гроте обморока.

Я «вижу», как один за другим взрываются и гаснут купола. Гигантские пузыри устремляются вверх, а стремительные потоки шириной в полмили обрушиваются на благодатную землю с расколовшихся стеклянных «небес», смывая все на своем пути, обнажая дно до самого камня. Для ангелов это хуже потопа, ибо нет ни малейшего шанса спастись... Океанские твари, обезумевшие от грохота, мечутся в бурлящем хаосе. Многие потеряли ориентировку и становятся легкими жертвами муляжей. Тем может повредить только прямое попадание осколка или взрыв в непосредственной близости, который разорвет их на части. Пока что им везет... Мегалодоны держатся поодаль от города; они гораздо менее уязвимы, чем киты. Вероятно, контроль над ними осуществляется по другим каналам. Мегалодоны охотятся за уцелевшими в этой бойне. Похоже, роли уже распределены, и мне остается быть статистом, вытесненным

не только из борьбы, но и из того времени... Две или три объединившиеся стаи китов-убийц пытаются оказать сопротивление. Пока я нахожусь в отключке, Лимбо присоединяется к ним. Образ косатки с моей самкой в корзине возникает внезапно и так же внезапно гаснет. Я успеваю понять, что она жива, *была* жива на тот момент, когда попала в поле зрения Лимбо. Червь шевелится внутри — то ли страх, то ли... радость, которая вполне может оказаться преждевременной.

Снова взрывы глубинных бомб и торпед — теперь они сливаются в непрерывный гром. Ровный умиротворяющий свет сменился зловещими багровыми зарницами. Они сверкают не только внизу, но и вверху — и это не гроза над океаном. Новый Вавилон обороняется; я замечаю несколько попаданий в Плавающий Остров. Один взрыв очень сильный; после него возникает зарево, похожее на закат, — горит разлившаяся жидкость. Горит океан — и я вижу это снизу глазами Лимбо!

Для косатки это зрелище совершенно противоестественное, запредельное; к тому же мы оба оказываемся в огненной ловушке. Огонь прямо над нами. Киту необходимо всплыть, чтобы сделать вдох. Лимбо устремляется к далекой границе пылающего пятна. Нас преследует мегалодон, а наперерез двинулся муляж...

(Видения настолько реальны, а ощущения настолько сильны, что я инстинктивно пытаюсь контролировать своего кита-носителя — сейчас, спустя несколько часов после битвы, как будто мой контроль может быть спроецирован в прошлое! На самом же деле я болтаюсь, привязанный к корзине, оглушенный, бессознательный — только досадная помеха, создающая киту дополнительные трудности.)

Лимбо делает резкий разворот, пользуясь тем, что мегалодон не столь маневрен, и атакует снизу. Эта туша, возникающая из тьмы, так огромна, что кажется, ее невозможно поразить. Удар сомкнувшихся челюстей. Яростный рывок. Облако крови... Скорее назад. Чешуя обдирает китовую глотку. Боль — как взрыв внутри. Вспышка в мозгу. Жала, вонзающиеся в каждую чувствительную клетку. Алмазная крошка, царапающая нервы...

Невзирая на испепеляющую боль, Лимбо выдирает кусок мяса из брюха мегалодона, делает рывок вверх и буквально прилипает к акулей спине. Где, когда, от

кого он научился этому приему? Во всяком случае, не от меня.

Пока мегалодон один, лучше держаться совсем близко от него и чуть сзади. Мы оказываемся в мертвой зоне; он не может достать нас, как бы ни вертелся. Лимбо повторяет все его маневры с абсолютной точностью и с ничтожным запаздыванием. Эта безнадежная игра продолжается до тех пор, пока кит не начинает испытывать острую нехватку воздуха. В этот момент нас настигает муляж — маневренный и почти неуязвимый.

Теперь наше спасение только в скорости. Остается надеяться, что муляж уступает живому киту хотя бы в этом. Лимбо летит, испарывая воду, — ведь смерть близка как никогда. Я болтаюсь в корзине, лишь увеличивая сопротивление. И муляж, этот стальной демон, догоняет нас. Работать челюстями на такой скорости немыслимо; возможен только таран. Мне кажется, что это я получаю страшный удар в корпус, который ломает несколько ребер. Даже если бы Лимбо вынырнул, он не сумел бы вдохнуть. И не сможет еще долгие секунды...

Время замедляется, превращается в черную, липкую, вязкую массу — слишком вязкую, чтобы двигаться сквозь нее. Вдобавок она пылает; повсюду мои обнаженные нервы, сплетенные с нервами Лимбо; повсюду боль, темный огонь, горящая, но несгорающая паутина страха...

Муляж делает плавный разворот и нападает сверху. Хорошо рассчитанный ход; его следующая цель — пастух, центральный мозг стаи. С Лимбо он закончит после...

Открывается пасть. Я вижу две треугольные арки, усеянные зубами... Отблески на металле... Даже сейчас, когда все позади, у меня застывает живот. Это гипноз смерти, паралич, отказ организма от сопротивления...

И тут муляж *отключается*. Как иначе назвать это внезапное омертвление? Его плавники, челюсти и даже зрачки перестают двигаться в один и тот же момент. Кажется, я догадываюсь, что происходит. Плавающий Остров поврежден, канал связи нарушен, управление прерывается. Отказ, остановка, дисфункция, летальный исход... Однако многотонная масса сохраняет инерцию, и муляж, атакующий сверху, врывается в Лимбо перед спинным плавником.

Удар приходится в область дыхания. Косатка содрогается. Удушье похоже на черного осьминога, сидящего в легких. Он разрастается, меняет цвет на кровавый

и густо-фиолетовый, запускает щупальца в мозг, в другие органы, в мышцы, в плавники кита-убийцы, в МОИ конечности...

Мы оба задыхаемся, а Лимбо слепнет. Нарастает гул, который не имеет ничего общего с внешними звуками. Мимо нас медленно проплывает тонущая туша муляжа. Если мы и движемся куда-либо, то это уже за гранью инстинкта. Жажда жизни преодолена. Лакуна в сознании кита... Возможно, нас просто выносит на поверхность взрывной волной. Судорога. Воздух ощущается вначале как ледяной ком в моей глотке, потом он проваливается внутрь и тает, превращаясь в светящуюся жидкость, а от нее распространяются лучи (или струи?) света, выдавливающего хищную тьму в ее потусторонние убежища...

Возвращается зрение. До самого горизонта — пылающий океан под бледным пологом утренней зари. Плавучий Остров окутан жирным дымом и почти не виден. Он идет ко дну. Дым клубами поднимается к гаснущим звездам и образует гигантское грибовидное облако. Кое-где мелькают отдельные вспышки, и время от времени раздается механический рев на одной тоскливой ноте. Это сигнал бедствия, подаваемый Островом, — в данном случае абсолютно бессмысленный. Помощи ждать не от кого.

В глубинах океана рыскают осиротевшие твари. Или наконец свободные? Сияние Нового Вавилона померкло — может быть, навсегда.

Я снова теряю дом, не успев обрести его, побывать в нем. Значит, я проклят и должен смириться с этим. Отныне ничто не имеет цены, кроме поддержания жизни, продолжения рода.

...Раненый мегалодон догоняет и атакует Лимбо. Я улавливаю лишь то, что отфильтровано восприятием кита. Информации не хватает. Образы ущербны. Я пытаюсь определить, что с эмбрионами, где они спрятаны, насколько хорошо охраняются. Неужели я всерьез собираюсь найти и уничтожить их? Неужели с меня не достаточно? Но живых... живых остановить труднее, чем муляжей.

Рядом с нами — четыре уцелевших кита. Короткая схватка — на этот раз действительно *последняя*. Косатки рвут мегалодона с разных сторон, словно... волки, завалившие крупную дичь. (У меня в мозгу возникает картинка из прошлого, уже не принадлежащего

бродяге-переселенцу. Белый неподвижный покров. Стеклённые деревья. Маленькая луна. Снег. На нем — синие тени и черная кровь. Вокруг — желтые глаза. Визг. *Охота...*)

Слепящая ярость захлестывает Лимбо. Разливается пурпур, пронизанный сверкающими молниями боли. В нем тонет все. У меня больше нет возможности «видеть» и заново переживать это. Я погружаюсь в какую-то субстанцию, которая мягче и податливее воды...

Где моя самка? Хочу ощутить ее прохладные ладони на своем разбитом, пылающем лице. Кажется, я чувствую прикосновение... Последняя мимолетная ласка.

Но что это?!

Голова Белого Кашалота появляется из окутывающего меня мрака. Совсем близко морщинистая кожа альбиноса и его недобрый красноватый глаз. Здравствуй, посланник смерти! Ты приплыл, чтобы забрать меня в океан теней?.. Кажется, я мог бы ухватиться за обломки гарпунов и обрывки линий — они образуют что-то вроде корзины, сплетенной самими подводными течениями. Туша задевает меня, но кто-то из нас бесплотен. Я ощущаю только порывы ледящего ветра, дующего *внутри* меня... Внезапно ветер стихает. Мой час еще не настал. Плыви мимо, чем бы ты ни был!.. Я падаю в темноту.

Спасибо тебе, бархатная ночь!..

10

Это была она — Древняя Земля. Место, о котором сложены самые старые и самые непонятные из легенд. Кусок огромной суши, занимавшей когда-то треть земной поверхности и делившей океан на части. Представить себе безводные просторы той великой тверди, а главное, существование двуногих в тех условиях я был не в состоянии. Это было невообразимо, как жизнь в облаках.

Впрочем, раз все закончилось столь плачевно, значит, жизнь была слишком тяжелой и пришла к закономерному концу. Чужая среда обитания. Наверное, они — я имею в виду двуногих тех давних времен — так и не сумели приспособиться к ней и превратились в настоящих демонов. Они попытались изменить природу, перекроить ее под

себя. А ведь мать рассказывала еще что-то о космосе, о летающих металлических островах, о кораблях, уносивших демонов на обратную сторону небес — в мир пустоты, где нет даже воздуха... И вот результат. Атака извне разрушила бездушный организм планеты, а все, что пытались потом сделать демоны для своего спасения, вызывало лишь судороги обреченного пациента на операционном столе — реакцию на вмешательство неумелого хирурга, задевшего скальпелем нервные узлы.

Мои прямые предки благоразумно отступили, признали свое поражение, вернулись к началу. Основным правилом стало: не вмешиваться. Вместо грубого воздействия — тонкое вплетение; вместо стремления изменить, исказить замысел естества — подспудное влияние, проникновение, растворение, приспособление... Я пожинал плоды чужой выстраданной мудрости, но сам-то был полуживотным с душой дикаря, ограниченным, голодным, жаждущим чего-то невнятного и постепенно сходящим с ума от воспоминаний, передающихся по наследству как тяжкий груз (крест?), который предстоит нести сотням поколений в наказание за нелепую гордыню погибших.

Но *та* ли это Древняя Земля, о которой рассказывала мать? Может быть, их на самом деле несколько, и каждый счастливчик, увидевший сушу, привнес в легенду что-то свое, оттенок личной мечты о покое, изобилии, счастье? Даже если я ошибался, какая разница? Я достиг пристанища. Сомневаюсь, что у кого-либо еще был такой выбор — выползти на берег предков или до конца своих дней скитаться в океане.

Земля была не такой уж большой — моя стая замкнула круг меньше чем за сутки. Оно и понятно. В противном случае найти этот клочок суши было бы гораздо легче. Вначале мы держались в отдалении от берега. История с Плавающим Островом научила меня осторожности. Я стал благоразумным, вероятно, даже излишне благоразумным.

Основание горной гряды находилось на недостижимой глубине. За миллионы лет сгладился рельеф пологих склонов. На отмелях было полно моллюсков. Рыба также водилась в изобилии. Во всяком случае, мои косатки не испытывали недостатка в пище. Я чувствовал — им нравится это место. Осмелев, они заплывали в залив и терлись животами о дно мелководья.

Раны Лимбо затянулись почти полностью. На вид это был прежний могучий и матерый самец. Он несколько раз спасал мою жалкую жизнь. Я в вечном, нео-

платном долгу перед ним. Хорошо, что он не знает об этом... Не так давно мы обменялись душами, и я почувствовал: что-то необратимо изменилось в нем. Страшный опыт не проходит бесследно, и шрамы остаются не только на коже.

Порой мне кажется, что ему тоже снятся жуткие сны — о прошлом, о войнах, о демонах, о смерти, о Белом Кашалоте, — и я (грязное создание!) мог бы даже «подсмотреть» их, однако всякий раз отказывался от этой затеи, потому что начинал ощущать приближение *нечеловеческого*. Его легчайшее прикосновение ужасало. Оно стремилось поглотить меня целиком, лишит разума, превратить во что-то непредставимое. Я не знал, благословение это или проклятие, но готовился к худшему. Да, я трусливо «прятался», втягивая обратно в свой мозг невидимые всепроникающие «щупальца», как только возникали эмоции, для которых еще не придуманы названия в моем языке.

И все равно мы стали еще ближе друг другу, если такое вообще возможно, и достигли полного взаимопонимания. Лимбо был сверхосторожен и подозрителен, как... двуногий. Он подолгу «изучал» подводные окрестности гряды, прежде чем приблизиться к ней. Опасности не было. Но я не торопился.

Я испытывал какую-то робкую надежду. На что? Я не мог осознать этого полностью. После всех потерь, безумной бойни в Новом Вавилоне, крушения иллюзий я нуждался в опоре, в чем-то, во что можно верить. Оказалось, мое сердце не истлело. Я еще мог испытывать радость. И что может поддержать лучше, чем незыблемая твердь? «Скоро, скоро ступлю я на Древнюю Землю!» — думал я и... оттягивал этот момент. Потом наконец решился и направил Лимбо к точному берегу.

И радость моя была омрачена.

Первое, что открылось моему взгляду, когда Лимбо вынырнул, это песчаный пляж, а на нем — мертвые дельфины. Они выбросились на берег совсем недавно, и туши еще не начали разлагаться. Было время отлива; вода отступила, обнажив их почти полностью. Издали они казались серо-белыми холмами, испещренными пятнами и морщинами, а вблизи — чужеродными массами плоти, вопиющим уродством на фоне золотистого песка и зелени того непередаваемого оттенка, который я не видел никогда и нигде под водой. Эта струящаяся легкая зелень торжеству-

юще парила в голубом небе, купалась в лучах солнца, соперничала в легкости с облаками. Глядя на нее, я забывал о смерти. Но смерть была тут, внизу, передо мной — нелепая, необъяснимая, противоестественная смерть целой стаи дельфинов. Я поймал себя на том, что ищу взглядом фигуру двуногого. В моем сознании демоны были неотделимы от самой идеи уничтожения. У меня не было сомнений, что это работа пастуха. Он заставил дельфинов совершить самоубийство, но зачем? Если он сошел с ума, то покончил ли он и с собой тоже?

Зловещий знак. Смерть дельфинов подействовала на меня угнетающе. И хотя я догадывался, что чайки быстро сделают свое дело, а после очередного шторма на берегу не останется даже костей, тот первый день в раю так и запечатлелся в моей памяти как День Мертвой Стаи.

(Да-да, чаек здесь было множество; оказалось, что птицы не вымерли. Раньше я видел их в своих снах — злобные, белые, хищные, острокрылые тени, — а теперь, наяву, они стали для меня живыми символами свободы и надежды, понижающими голубой простор. И значит, прошлое иногда возвращается, принося с собой не только боль утраты, но и силы жить. И еще осознание: есть то, что недолго пребудет со мной, а потом, в вечности, — ВМЕСТО меня. Я хотел бы разбить тайное зеркало внутри себя, отражающее свет в обоих направлениях, — чтобы не видеть ни рая, ни ада, и просто довольствоваться каждым прожитым мгновением, пусть даже среди ужасающей пустоты.)

Однако и пустота заполнялась новыми сигналами. Я закрыл глаза и сосредоточился на поиске. Лимбо медленно нес меня у самой поверхности по длинной дуге вдоль рифа, прикрывавшего вход в залив. В рифе были подводные ворота — настолько широкие, что в них могли пройти несколько полосатиков. Риф был искусственным. Я успел достаточно увидеть в Вавилоне, чтобы не ошибиться. Но меня интересовал не риф.

«Сигнал-ощущение-знание». Вдоль этой цепочки блуждали тени еще неизвестных мне существ, живущих на суше. Как всегда, я «видел» лишь пятна — на этот раз чрезвычайно слабые и размытые. Каналов связи с ними, по-видимому, не существовало. Птицы, четвероногие и еще какие-то твари, похожие на двуногих, но хвостатые. Мне было ясно, что они не обладают ни человеческим разумом, ни человеческой изощренностью. Наземные животные были

не опаснее моих косаток. А в воде они вообще оказались бы беспомощными.

Однако любой обитатель суши имел преимущество передо мной. Как только мои слабенькие ножки, не привыкшие носить тяжесть тела, ступят на берег, я превращусь из властелина китов-убийц в потенциальную жертву.

Это был еще один повод, чтобы задуматься о выборе. Но Древняя Земля настойчиво звала меня — шумом ручьев, бегущих с гор, радугами над водопадами, прохладной тенью сумеречных лесов, голосами птиц, запахами влажных листьев... И даже луна, взошедшая под вечер, звала меня. Сверкающий круг всплывал среди нарождающихся звезд, вызывая сладкий ужас перед мимолетностью, эфемерностью существования и в то же время странную уверенность в том, что смерти не существует. Замирало сердце, будто я был ребенком, впервые услышавшим волнующую и таинственную сказку. Древней Земле не требовалось ничего, чтобы изменить меня; она сама по себе была преображающим волшебством. В моих генах был закодирован отклик на эту утраченную красоту, и теперь зов звучал неотступно; земля влекла меня неудержимо...

Моя самка выбиралась на берег, двигаясь неуклюже и неуверенно. Каждый шаг давался ей с видимым трудом. Огромный живот обвис и тяжело колыбался. Это было единственное в своем роде сочетание красоты и уродства. Уродство — от настоящего, от тяжести, от неудобства; красота — от будущего, от зачатой жизни. Тоже воплощение очередной мечты.

Двойня. Она носила двойню. Я знал это наверняка, даже не касаясь живота ладонями. Я закрывал глаза и «видел» переливающиеся тени зародышей на фоне гораздо большей материнской тени. Все трое были погружены в пульсирующее облако, опутаны чудесным коконом, в каждой полой нити которого перетекала жизнотворная энергия...

Мои дети. Разнополые. Самка и самец. Что-то невероятное. Я не знал, что буду делать, когда начнутся роды. Я мог помочь косаткам, но смогу ли помочь двуногой матери?

(Кстати, кровавая бойня в Новом Вавилоне действовала на нее не так сильно, как я ожидал. Во всяком случае, в последнее время я не улавливал и тени угнетенности или подавленности. В некотором смысле самка гораздо устойчивее и практичнее самца. Она-то лучше меня зна-

ет, буквально ощущает каждой клеткой тела, что «жизнь продолжается», несмотря ни на какие ужасы, — ведь у нее внутри теперь две новые, растущие жизни.

Вероятно, дело еще и в том, что она не пыталась ничего искать и лишь следовала пути, предначертанному для нее слепой природой, — и это соответствие примиряло ее с самыми кошмарными сторонами действительности. Она бездумно и непротиворечиво исполняла свое предназначение и порой казалась мне существом, наилучшим образом приспособленным к нашим бесцельным скитаниям... Зачем ей Древняя Земля? Что ей призраки Древней Земли, тревожащие меня не только ночью, но и днем? И нужна ли ей вообще земля? Может быть, все то, что я ищу снаружи, где-то вне пределов досягаемого, она носит в своем простом сердце? «Дом», приют, отдохновение, надежду, покой (хотя бы на время!) и — страшно выговорить! — лекарство для моей вожделеющей души, которое когда-то называлось любовью... Чтобы не было так страшно ждать и умирать.

...Она сделала всего несколько шагов и опустила на песок, тяжело дыша. Ее ноги дрожали. Как я и думал, наша с нею беда — слишком слабые нижние конечности. Она наверняка захочет рожать в воде, и я представлял себе степень опасности. Детеныши могут захлебнуться. С одним бы я еще кое-как справился, но ведь их ДВОЕ. И оба должны выжить. Обязаны. Нас слишком мало, чтобы позволить себе роскошь потерять хотя бы одного.

А ведь я уже мечтал об отдаленном будущем. Я неизлечимый мечтатель. Без мыслей о будущем я мертв, я просто моллюск, защищенный от окружающего мира более или менее прочной раковиной... Я заглядывал на много лет вперед. Мои дети вырастут. Если не найдется пара каждому из них, неизбежно кровосмешение. Каким будет ИХ потомство? Окажется ли оно жизнеспособным? Смогут ли они общаться с косатками и управлять стаями?

Стаями?

Что я подарю своим детям? Землю или океан, в котором идет извечная охота? Куда их потянет, как неудержимо тянуло меня? Найдут ли они свой Вавилон, прежде чем тот будет разрушен? Покинут ли они меня и мать, навеки уплыв в темные просторы, чтобы просто совершить жизненный цикл и сгинуть без следа? Или преодолеют зов океана-колыбели и тоже услышат гораздо более тихий, но настойчивый зов Земли? И тогда они станут Адамом и

Евой новой расы. А потом... Потом, возможно, последует изгнание из вновь обретенного рая. Однако на этот раз не будет ни змея-искусителя, ни яблока от древа греха. Если только демон-змей-уродец-самоубийца не сидит в каждом из нас изначально, с самого рождения...

Какой судьбы хотел бы я для них и для себя? Не знаю... Слишком недавно ступил я на Древнюю Землю и еще не вполне освоился на суше. Хотел ли я человеческого понимания, близости, единства — всего, что возможно в маленькой семье, но утрачивается в большом племени? С некоторых пор то, что творится в мозгах двуногих, настораживало, почти пугало меня. С китами все ясно. Они дети — сильные, прекрасные, чистые, наивные и счастливые дети. Двуногие не такие. Я знал это по себе, знал это по своей самке. Мы звери, худшие звери в океане. Останемся ли мы зверями на земле?

*Ноябрь, 1997; ноябрь, 1998;
июль — август, 1999*

Сергей Снякин
ШПИОН БОЖЬЕЙ МИЛОСТЬЮ,
или ЕВАНГЕЛИЕ ОТ ФСБ
Повесть с маленькими
преувеличениями

*Рыцарям плаща и кинжала народов и
стран всех времен посвящается*

Автор просит не обвинять его в святотатстве и не предавать анафеме. Используемые им в повести образы всего лишь маски, которым каждый читатель может дать имена и фамилии любых политиков. Главное, чтобы они отвечали его знанию и пониманию того, что мы называем жизнью. Вся жизнь — театр, а люди в нем актеры.

Часть первая НА ОСТРИЕ

1

Обнаружив себя в Чистилище, полковник Федеральной Службы Безопасности Сергей Степанович Двигун тут же отказался от всосанного с молоком матери диалектического материализма и принялся лихорадочно вспоминать, как правильно крестятся — слева направо или наоборот.

Религиозные изыскания покойного контрразведчика прервал некто в белом и с огромными крыльями за спиной. Заглядывая в какую-то бумагу, некто спросил:

— Двигун Сергей Степанович здесь?

Шустрые ангелочки зашныряли среди унылых душ, и полковник понял, что прятаться бесполезно. Естественно, что он объявился. Белокрылый взгляделся в измученный недавней агонией лик покойного полковника, придирчиво сличил его с фотографией на бумаге и приказал:

— Следуй за мной, раб Божий!

За хрустальными воротами Чистилища открылось мрачное черное пространство. С левой стороны сияли золотом и самоцветами сказочные чертоги, над которыми многоцветным коромыслом провисла радуга. С правой стороны высились закопченные производственные здания, и над ними гуляли багровые сполохи и стоял черный смог.

Наделенный аналитическим умом полковник Двигун прикинул, куда его поведут, и резонно рассудил, что рассчитывать на райское блаженство ему не следует. От этой печальной мысли Сергею Степановичу стало тоскливо, и он вздохнул.

— Раньше надо было думать! — назидательно сказал белокрылый провожатый.

Где-то в стороне ухнул неожиданный разрыв и сухо протрещала автоматная очередь. «Узи», — привычно отметил поджавшийся тревожно Двигун. Творению израильтян ответили сразу несколько «калашниковых». «Однако!» — Полковник покосился на белокрылого.

— Армянские боевики, — не замедляя шага, пояснил тот. — Засели, паразиты, у моста Сират и души мусульманских умерших на него не пускают. В мусульманском секторе волнения, праведники и те бунтуют, а о грешниках и говорить нечего — оружия требуют!

Покосившись на полковника, провожатый с улыбкой спросил:

— Непривычно?

— Бред! — честно признался Сергей Степанович. — Может, я все еще в реанимации?

— На том свете ты, раб Божий! — успокоил белокрылый. — А точнее сказать — на этом!

— А вы?.. — Душе полковника захотелось откашляться.

— Я думал, что мне нет нужды представляться, — укоризненно сказал провожатый. — Я — архангел Гавриил, полковник. Как же так? Ты же одно время по религиям специализировался?

— По службе, — виновато и смущенно сказала душа полковника. — Я в религиозных общинах больше антигосударственными элементами интересовался. Не до архангелов было!

Некоторое время они шли молча.

— Так меня в Ад? — робко поинтересовался Двигун.

Архангел покосился на понурившуюся грешную душу, хотел сказать что-то малоприятное для нее, но в это время впереди все засияло и стал виден огромный трон. Архангел молодецкато подобрал крылья, шагнул к трону и зычно отпортовал:

— Душа покойного полковника Двигуна пред Тобою, Господи!

Полковник и опомниться не успел, как оказался перед белобородым и полным старцем, в белых одеяниях восседающим на троне. Что-то удивительно знакомое было в дородной обрюзгшей фигуре восседающего на троне Бога. Полковник взгляделся и едва не вскрикнул от удивления. Неужели?

— Здравствуйте, Леонид Ильич!

Густые кустистые брови высоко вздернулись.

— Чего-о?

— Виноват, Господи! — попытался вытянуться строевым соколом оплошавший полковник.

Господь раскатисто захохотал.

— Так ты Меня с ним? Меня? С этим вашим? Ты с ним Меня спутал? — Бог ткнул пальцем в потупившуюся душу. — Хо-хо-хо! Ну, полковник, уморил! Ну насмешил! Ты Библию открывал когда?

Двигун затрепетал.

— По долгу службы, Господи! — казенным голосом признался он.

— Материалист, значит?

— Материалист, Господи!

Бог перестал смеяться, насупил брови и строго оглядел мятушуюся грешную душу.

— Садись. — Рука Господа величаво указала на ступеньку трона.

Что делать душе материалиста из ФСБ, узнавшей, что ее ожидает Ад? Полковник Двигун покорно присел, глядя снизу вверх на задумавшегося о своем Бога. Впрочем, смотреть снизу вверх полковнику было не привыкать.

И все-таки...

Двигун украдкой оглядел Бога. Все-таки похож Он был на... Очень похож!

2

С утра его все раздражало.

Он шел пустыми коридорами, брезгливо разглядывая закопченные стены, испещренные хулиганскими надписями. Коридоры выглядели, как метро в Бронксе. Если не хуже.

Грязь, устаревшие котлы, измученные непосильным трудом черти — все это делало данный круг Ада похожим на все остальные.

«Бедлам! — злобно думал он. — Не-ет, я этим хозяйственникам подрежу кисточки на хвостах! Все разворовали! Все! На прошлой неделе исправного испанского сапога найти не могли, т-твари!»

От удара копытом дверь распахнулась, и Сатана ввалился в пыточный зал. Надзиратели и заплечные так и порскнули в разные стороны, только фасонисто завитые кисточки хвостов мелькнули.

— Старшего! — рывкнул Сатана.

Словно вторя его крику, из ближайшего котла слышался страшный рев, не уступающий по мощи ар-

хангельским трубам. Из булькающего парящего кипятка вынырнул по пояс распаренный краснорожий толстый мужик, молитвенно заломил руки и с воплем: «Господи! Помилуй мя грешного!» — снова с головой ушел в пузырящуюся воду.

Рядом с котлом возник блоковый. Копыта надраены, новенькая кочерга на плече, розовый пяточок блестит, глаза преданные — так и едят начальство: не блоковый, а половой из земного трактира, только что полотенца на локте не хватает. Грешник все орал и пытался выскочить из котла, хватаясь за его края мясистыми пальцами, и блоковый принялся сноровисто лупить по этим пальцам кочергой.

— Отставить! — приказал Сатана, и блоковый покорно замер, вскинув кочергу на плечо. — Новенький?

— Так точно! — отрапортовал блоковый. — Вчера поступил. Архиепископ Тулузский.

— Архиепископ? — удивился Сатана. — За что же его к нам? Вроде не по чину...

— Прелюбодействовал, Владыка! — доложил блоковый.

— Бабник, говоришь? — Сатана с любопытством взгляделся в безумное лицо толстомясого архиепископа, продолжавшего выпрыгивать из бурлящего кипятка.

— Такой озорник, Владыка! — хихикнул блоковый. — Скотиночки симпатичной не пропускал, не говоря уж о прихожанках. От СПИДа и помер.

Сатана хмыкнул, и свита, окружившая его почтительным полукругом, угодливо подхватила смех.

— Занятное у него, должно быть, досье, — сказал Сатана и лениво шевельнул когтем. Рядом с Владыкой Ада возник услужливый Ваальберит с раскрытой записной книжкой. Он был генеральным секретарем Ада и стоял во главе службы архивов. Шутки ради на заседаниях, назначаемых Сатаной, он всегда появлялся в образе архиерея.

— Подготовь мне досье на этого типа, — приказал Сатана. — Полистаю на досуге. И скажи своим канцеляристам, чтобы на фотографии не скупилась!

— Будет исполнено, Владыка! — Ваальберит отступил, делая в записной книжке лихорадочные пометки.

Блоковый, улучив момент, накрыл котел тяжелой чугунной крышкой, и вопли истязаемого стали почти не слышны. Оживление прошло.

Сатана угрюмо оглядел обшарпанные стены пыточного зала, покрытые многовековой копотью котлы и снова нахмурился:

— Серость! Убогость! Срам!

Не закончив осмотра, Сатана направился к выходу. Свита нестройной толпой поспешила за повелителем.

Блоковый вытер выступивший между рогами пот, с ненавистью лично подкинул несколько лопат угля и серы под котел грешника, а от себя всыпал ему через клапан в кипящую воду горсточку жгучего кайенского перцу — пусть повоет, тварь сластолюбивая! С Повелителем Ада шутки плохи — попадешь под горячую руку, разжалует из блоковых в рядовые надзиратели, вечность тогда тебе на Холодных складах контролировать грешников, что уголь и серу разгружают!

Сатана между тем прошел в свои апартаменты, поджав хвост, сел в кресло, вытянул нижние лапы и, разглядывая лакированные копыта, погрузился в мрачные размышления.

Надоело все. Вонь эта серная надоела, вопли грешников в ушах стояли, а жалобы чертей вообще поперек горла были. Светлой жизни хотелось Сатане, как в детстве, на небесах. И от детских, еще ангельских воспоминаний Сатане стало так горько, что он позвонил в колокольчик и сказал вошедшему Адрамеллаху:

— Иуду ко мне. Немедленно!

3

Полковник Двигун стоял перед зеркалом, угрюмо разглядывая кривые желтые клыки и нервно стригущий воздух розовый пяточок, трогал лапами витые рожки, вертел хвостом и все более мрачнел. Не нравилось полковнику его новое обличье. Да и кому такое обличье могло понравиться?

Но еще больше Сергею Степановичу не нравилось задание Бога. Однако выбирать не приходилось. Прошлые грехи лежали на плечах его погонями с двумя просветами. Прощение, как и райское блаженство, еще требовалось заслужить. Впрочем, было в полученном задании что-то льстящее его самолюбию. Обмануть самого Сатану! А главное, в случае успеха грешник Двигун вполне мог рассчитывать на звание святого!

— Любуешься? — Архангел Гавриил брезгливо перешагнул хвост новоявленного демона, с видимым от-

вращением оглядел его клыкастую морду. — Красавчик, красавчик, нечего сказать.

Он поправил образок на груди.

— Пора, полковник!

— Как — уже?! — Пятачок Сергея Степановича нервно шевельнулся.

— А ты думал, что вечно будешь здесь нектар сосать? — усмехнулся в бороду архангел. Он оглядел понурую фигуру новоявленного демона, метущего хвостом по полу, и подбодрил подопечного: — Не дрейфь, полковник! Все у тебя получится. Таких прохвостов я еще не видывал. Уж если ты не справишься, другим за это и браться не стоит. Я Богу так и сказал!

Архангел покровительственно похлопал демона по косматому плечу.

— Присядем на дорожку?

Присели.

Однако торжественного молчания не получилось. Двигун нервно дернулся и, щелкнув клыками, попытался достать раздражавшую его блоху.

— Пора, — с сожалением сказал он. — Все равно не отсидеться.

— Это ты правильно, — похвалил его архангел. — Как ни крутись, а дело делать надо!

Чистилище располагалось на пересечении пространств, и в Горловине свистел ветер времени. Сергей Степанович Двигун промерз и злобно ругался. Сейчас ему хотелось быстрее добраться до Ада и согреться у первого же котла. В более отдаленное будущее полковник, будучи прагматиком, никогда не заглядывал.

Эшелон с серой был похож на бриллиантовую комету, несущуюся из космической тьмы в узкую Горловину. Полковник с трудом догнал его и, пытаясь уцепиться, едва не лишился хвоста и одного рога.

Оказавшись на площадке, Сергей Степанович огляделся.

Как и ожидалось, поезд повернул к Аду. Мелькнули жуткие морды пограничных херувимов. Стороной пролетел Полуночный Ангел с контрабандным нектаром или даже амброзией, которую он выменивал на нектар у олимпийских богов. Трепеща крылышками, на выход из Чистилища пролетел Голубь с веточкой мирры в клюве. Старый греховодник торопился на очередное свидание.

Показались мрачные закопченные строения. Из-за языков багрового пламени Ад был похож на металлургический завод.

Мелькнул покореженный семафор, потянулись серые от пыли станционные строения «Ада сортировочного», как значилось на перекошенном трафарете.

На станции поезда ожидали прибывшие на разгрузку серы грешные души. Полковнику показалось, что в толпе он узнал знакомые лица. Но если рассуждать по совести, где еще было находиться его друзьям и товарищам?

4

Скука одолевала Сатану.

Он полистал досье архиепископа и брезгливо отбросил его в угол. Ну грешил, ну скотоложничал святой отец. Что с того? Даже цветные фотографии, изобильно иллюстрировавшие грехи архиепископа, не развеселили Князя Тьмы. Грязной свиньей смотрелся на фотографиях святой отец. Грязной свиньей, а не грешником.

Сатана положил лапы на стол и внимательно оглядел когти. Пора было опять отправляться к парикмахерше из «Кич-Жоржа-Куафюр». Впрочем, чего греха таить — не в Раю же! — нравилось Сатане заглядывать к этой бойкой девице. К хвосту и копытам любовника парикмахерша относилась с полнейшим равнодушием, а рога иной раз даже пыталась использовать в их интимных забавах. Ля фам, ля фам... Сатана усмехнулся своим воспоминаниям. И знал ведь он, отлично знал о девяти любовниках бойкой куаферши, и про шефа жандармерии знал, и про седенького кюре, и о моряках марсельских. И все равно тянуло темнейшего князя к этой грешнице.

Сатана задумчиво поцарапал когтями стол. Может, действительно плюнуть на все и отправиться к куаферше?

Он прошелся, задумчиво потирая лысину меж рогов. Все равно в последнее время вокруг одни неудачи. И просвета не видно...

И совсем уже темнейший князь решил отправиться на Землю, но в это время в дверь кабинета предупредительно постучали.

— Донесение от Иуды, Владыка! — сказал вошедший Леонард. Сатана уважал этого демона как специалиста по черной магии и колдовству. Ему поручалось проведение шабашей и разведывательных операций. Даже выглядел Леонард солидно: сейчас он предстал перед повелителем Ада в образе огромного черного козла с тремя рогами и лисьей головой. — Иуда докладывает, что Троица с вашим планом согласна.

5

Полковник Двигун смешался с толпой и выбрался к бременчатому пакгаузу. Опыт работы в органах позволил ему не привлечь к себе внимания бесов из охраны, а что касается грешных душ, то кто из них обратил бы внимание на еще одного демона, появившегося среди охраны?

Да, на разгрузке серы работали немало знакомых полковнику людей. Был здесь валютчик из Москвы, разрабатывавшийся когда-то Сергеем Степановичем. Его еще, кажется, к «вышке» приговорили... Среди вкалывающих грешных душ мелькнула характерная душонка следователя Ставропольского управления тогда еще КГБ Нехлюдова, забившего насмерть восемь подследственных и отданного под суд за присвоение имущества арестованных. Не сориентировался, дурак, что оставлять себе, а что отдавать вышестоящему начальству. За то и пострадал...

Мелькнули в толпе хорошо знакомые полковнику когда-то всесильный министр Абакумов и следователь Хвост, пробежал ретивый Рюмин, а перед Игнатьевым Сергей Степанович едва не вытянулся в строевом приветствии, только усилием воли и сумел себя сдержать, а не то обязательно привлек бы к себе внимание Погонял.

Страшно сказать, но встречались в рядах грешных докоров и совсем уже ответственные работники, с которыми полковник Двигун при жизни не общался, но которых хорошо знал по портретам в газетах и на стендах красных уголков. Погонялы их нещадно хлестали бичами, но не то чтобы они злобились особенно, просто бичи свои Погонялы всегда были готовы применить по самому пустяковому поводу, а отказ от работы вообще расценивали как неприкрытый бунт и покушение на устои родного Ада.

Полковник выбрался из полосы однообразных вониючих пакгаузов и обнаружил, что стоит на берегу широкой реки. Медленно катила река черные воды, и похожа она была этими водами на сибирскую речку Белая, загаженную отходами трех горно-обогачительных комбинатов.

Полковник сел на берегу.

Маленький кривоногий демон с изъеденными кариесом клыками, сейчас он был особенно жалок. Был он чужим среди своих, а ему еще предстояло стать своим среди чужих.

Задумчивый и грустный полковник сидел среди зарослей асфоделий и разглядывал серую пустоту за рекой.

6

Господь расхаживал по кабинету и, заложив руки за спину, сосредоточенно насвистывал полюбившийся ему земной марш «Когда святые идут на небеса». Миссия полковника Двигуна, отправленного в Ад под видом демона, тревожила Бога. Много зависело от расторопности земного прохиндея. Жизнь в Аду оставалась загадкой для Бога. Ревниво сторожил свои тайны Сатана. Помнится, как выступал он против опубликования «Божественной комедии». Цензорам мешки с золотом предлагал, рукопись у Данте Алигьери выкрасть пытался. Вергилия на рудники сослал. М-да... Вот и пришлось к нему аса политического сыска посылать, расторопного человечка, о благе своем не забывающего.

И должен был этот расторопный человечек ответить на важный вопрос: действительно ли Сатана, ничему не научившись за истекшую вечность, планирует заговор против него, Бога, а если и в самом деле планирует, то какими силами для задуманного Komplota располагает и каким образом поганные замыслы свои в жизнь намеревается воплотить?

Пока полковник, которому было обещано за выполнение задания звание святого, молчал.

Бог остановился, задумчиво оглядывая Эдем.

Неподалеку от трона бичевался старец Евлампий. Схимничеством и подвижничеством, просидев сорок лет на акридах, Евлампий получил право на райское блаженство. Но длительный срок подвижничества отрицательно сказался на старце. Психика его не выдержала и теперь вместо того, чтобы вкушать прелести жизни в Эдеме, старец

постоянно постился и бичевал себя тайно пронесенной в рай волосяной веревкой.

На зеленой лужайке расположился райский исполнительный комитет в лице Троицы. Каждого из них Бог в свое время создавал для решения определенных задач, а после выполнения предоставил созданные ипостаси самим себе. Троица тут же объединилась, объявила себя райисполкомом и всюду подчеркивала, что является ипостасями Бога Единого. Бог смотрел на деяния Троицы сквозь пальцы. Пусть забавляются! Но в последнее время поведение Троицы стало его смущать. Не доверял Господь декларативному и склонному к демагогии Сыну, не верил медленно спивающемуся Духу, с осторожностью относился к неразборчивому в любовных связях Голубю. Господь даже приказал Гавриилу приглядывать за ипостасями. Береженого Бога Бог бережет!

Архангела Гавриила Господь увидел издалека. Блистал Гавриил доспехами и улыбкой.

— Ну? — нетерпеливо подался ему навстречу Господь.

— Прошел! — выдохнул Гавриил. — Прошел он, Господи! С первой попытки прошел!

Господь осенил архангела Благодатью.

— Да Я и не сомневался в этом прохиндее, — небрежно заметил он.

7

Многоярусная казарма для чертей и демонов низших рангов была похожа на Содом. Общение с грешниками не делало обитателей Ада более добродетельными. Повсюду валялись бутылки из-под спиртных напитков, среди которых преобладали пузатые емкости «Адской святости». Глянцево блестели кучки порнографического хлама.

Два молодых развязных черта издевались над уборщиком из грешных душ. Тот пытался мыть полы, но черти этому препятствовали, раз за разом опрокидывая ведро с водой, а когда грешник наклонялся, чтобы собрать воду с пола тряпкой, черти, обидно хихикая, поддавали ему копытами в выставленный и откляченный зад.

Толстый каптенармус изучил предписание и показал бывшему полковнику его место. Он даже помог освободить тумбочку от скопившегося в ней хлама.

— Доложишься демону Круга, — сказал он.

Полковник Двигун подобострастно скалил клыки, поджимал хвост и всем своим видом показывал, что со служебной дисциплиной он знаком не понаслышке.

— Зовут-то тебя как? — почти душевно поинтересовался каптенармус.

— Смоляк, — назвал фамилию своего бывшего сослуживца Сергей Степанович.

— Смоляк? — Каптенармус подмигнул новому товарищу и боднул воздух. — Из бывших котельных, что ли? Прощтрафился, братила? Да ты не тушуйся — дело обычное и поправимое. Тут многие из бывших. В преферанс играешь?

Играл ли полковник Двигун в преферанс? Станный вопрос — это все равно что спросить, не выпивают ли сотрудники госбезопасности. Разумеется, Сергей Степанович играл в преферанс. Он и в кинга играл, и в секу, и в двадцать одно, и подкидным дураком в хорошей компании не брезговал.

— Вот и славно, — благодушно сказал рыжий каптенармус, почесывая шерсть на ляжке. — У нас тут компашка неплохая подобралась. Вечерами мы на пятом ярусе собираемся. В каптерке у Длиннорыла. Он, браток, тоже из бывших. Как говорится, из князей — в грязи... Да ты сам увидишь. Отменный чертила!

Бывший полковник госбезопасности, а ныне демон-охранитель 2-го разряда, призванный к строевой службе в Аду, с удовлетворением отметил, что пока внедрение осуществляется успешно, вот он и приятелем, кажется, обзавелся, в компанию его приглашают. А в хорошей компании да за коньячком у многих языки развязываются.

В том, что картежники преисподней коньяком за игрой не брезгают, новоявленный демон Смоляк ни капельки не сомневался. Кто же будет всухую шлепать картами о стол? Карты без выпивки — как женщина с огурцом, обман сплошной, а не удовольствие!

8

Иуда долго обнимался с ипостасями, особенно усердно тиская когда-то преданного им Сына. Тот прижимал к груди рыжую голову предателя, забрасывая Иуду бессвязными расспросами:

— Наши-то как? Киаифу давно видел? А Понтия? Он как себя чувствует? А Мария, Мария-то там как?

Иуда степенно поцеловал его в щеку.

— Как себя в котле чувствовать можно? — рассудительно сказал он. — Мучаются, естественно. Дни в покаяниях проводят. Тебе вот привет передавали. Сам-то ты как?

Сын помрачнел, опасливо огляделся и склонился к уху своего бывшего апостола.

— Как себя здесь чувствовать можно? — вздохнул он. — Вино по талонам, на все разрешения необходимы. Хламида и хитоны раз в год выдают. — Он снова вздохнул и признался: — Очень я, брат, по Марии скучаю...

— Поцелуй тебе передавала, — сообщил Иуда, помялся немного и спросил: — На меня не сердись?

Сын Божий печально усмехнулся.

— А чего мне на тебя сердиться? Сам ведь не раз говорил: не судите и не судимы будете. Да и не ты все это затеял, понимаю, что по нужде поступал.

— Спасибо, — со слезою в глазах поблагодарил Иуда. — А то у меня на душе почти две тысячи лет паршиво было. Веришь, глаз из котла показывать не хотел.

— А говорили, что ты в центре Коцита в пасти у самого Сатаны...

— Кто говорил-то?

— Да Данте, который, значит, Алигьери.

— Ну, значит, приврал. Ты же знаешь, темнейший князь мухи не обидит. Да и брезгливый он. Разве такой станет что-то в пасти держать? Он тебе привет передавал. Догадываешься, о чем речь?

Сын Божий многозначительно прикрыл глаза.

— Все-таки решил?

— Потом расскажу. — Иуда придвинул к собеседнику дорожную сумку с наклейками Чистилища. — Хлебушка тебе передал.

Сын Божий сел, достал из сумки батон белого хлеба, разломил его и обнаружил в хлебе бутылку, обернутую пергаментом. Пергамент он торопливо спрятал за пазуху, бутылку положил за себя.

— Наших позвать надо, — сказал он.

— Петра не зови, — опасливо сказал Иуда. — Злой он. Тогда в саду никто и опомниться не успел, а он уху рабу первосвященника Малха отрубил. И меня он не любит. Все знает, а не любит. И ненадежен он, Изя. Помнишь, как трижды за ночь от тебя отсекся?

Иуда вздохнул.

— Эх, доля! Я сделал все, как сказано было, а меня за то в Ад и клеймо предателя на все времена, он, гаденыш, трижды за ночь отрекся, а ему — ключи от райских врат. Где справедливость, равви?

— Так задумано было, — сказал Сын Божий. — И ты Петра не замай. Я ему верю. Он только с виду колеблющийся, а в душе ведь истинный камень!

— Поступай как знаешь, — проворчал кариотянин. — Только предупреди, чтобы не лез он ко мне со своими претензиями.

— Хлеба много привез? — сменил тему Сын Божий.

— Двенадцать батонов. Как раз на Тайную вечерю!

— Сам знаешь, апостолам твои двенадцать батонов как слону дробинка, — хмыкнул учитель.

— Это тебе не красное милетское, — возразил кариотянин. — Пшеничный, неразбавленный...

— Дидима жалко, — вздохнул Сын Божий. — Он же ничего, кроме виноградных вин, не употребляет.

— Это для души, — упрямо возразил посланник Ада. — А спирт для дела!

— Да, — словно о чем-то незначительном вспомнила ипостась. — Слушок прошел. Говорят, что папаша кого-то в Ад отправил. Говорят, мужик этот настоящий профессионал!

— Это хорошо, что ты мне сказал, — отозвался Иуда. — Найдем мы этого разведчика. Наши весь Ад на уши поставят, но того, кто нужен, найдут. Сейчас соглядатаи ни к чему.

Сын Божий внимательно оглядел своего бывшего апостола.

— Огрубел ты там, Иуда, — подметил он. — Тверже стал, стержень в тебе появился.

— Так ведь со дня смерти по полной программе в Аду гоняли, — поежился собеседник. — Котел, смола, гвозди, олово расплавленное, сера... Лучше не вспоминать!

9

В каптерке у Длиннорыла было уютно, и даже Железная Дева, стоявшая в углу в окружении разнообразных пыточных приспособлений, не портила этого ощущения.

К Деве и иным приспособлениям, вроде испанского сапога, демон Смоляк отнесся с практичностью бывшего сотрудника госбезопасности.

Сегодня было скучно. Компании не получилось, и Длиннорыл со Смоляком пили коньяк. Расписывать вдвоем пулю — все равно что играть в бильярд одному. Нет в такой игре никакого азарта.

Длиннорыл был настроен поговорить.

Был он безобразно лохмат, и кисточка хвоста у него неухоженной была, а копыта были сбитые и безо всякой лакировки. Даже не верилось, что совсем недавно он занимался дипломатией и только волею обстоятельств опустил на адское дно. Казалось, что он в этой обстановке родился и жил вечно. Но рассуждал он классически трезво, и в формулировках его чеканных сразу чувствовалась выучка.

С осторожностью и дальновидностью оперативного работника демон Смоляк направлял беседу. Осторожно намекнул он на возможность райского блаженства, пытаясь прошупать падшего демона на предмет возможной вербовки. Полномочий на то ему никто не давал, но демон Смоляк резонно полагал, что победителей и здесь никто не судит.

— Райское блаженство! — Длиннорыл фыркнул в стакан и макнул в коньяк рыло. — Ты мне, Смоляк, всех ихних гурий и праведниц посули, я распятие целовать стану, воду святую выпью, а в рай не пойду!

— Что так? — с показным равнодушием спросил Смоляк, пытаясь наколоть на вилку скользкий соленый грибок.

— У них же там сплошной учет! — Длиннорыл хлебнул коньячку, красные глазки его привычно увлажнились и заблестели. — Даже формулировка такая есть, мол, Рай — это учет и контроль. Ты думаешь, что у них, скажем, захотел гурию, иди и пользуйся? Вот тебе! — Длиннорыл сложил когтистую лапу в непослушный кукиш. — У них, браток, на гурий талоны, на амброзию и нектар — талоны... А ведь моча, Смоляк, никакой крепости, сам пробовал... На арфы у них списочная очередь, хитоны раз в год выдают. Коньяк пить — грех, водочка и самогон — вообще подсудное дело. Застукают, тут же в Чистилище отправят, херувимам на воспитание. Ты, Смоляк, в Раю не был, а мне приходилось, когда я в демонах внешних сношений служил. А собрания ихние? — Длиннорыла скривило. — Не хочешь идти на собрание, так заставят! Шесть часов в сутки у них распевание псалмов и гимнов. Распевание,

говору, а не распивание! Славословиями приходится заниматься, а то ведь в нелояльности уличить могут. Не-ет. — Длиннорыл погрозил пальцем, плеснул себе в стакан и ткнулся в пряную жидкость розовым мокрым пяточком. — Ихняя жизнь не для чертей. Мы — черти простые, а там за карты — в Чистилище, за журнальчики невинные, — он ткнул лапой в порнографический хлам, — в Чистилище! Ляпнешь что-нибудь про... нимбоносца... вообще хана!

Длиннорыл откровенничал. Новоявленному демону любопытно было слушать откровения старого черта, а контрразведчик, еще живущий в нем, морщился — не о том, не о том беседа шла! И все прикидывала гэбэшная душа демона, как ей направить разговор в нужное русло.

Длиннорыл еще больше понизил голос.

— Этот... с нимбом... думаешь, он сам безгрешный? Во! — Кукиш снова ткнулся в рыло демона Смоляка. — Этот его голубок, так он и не голубь даже, а истинный бык-производитель, только с крылышками. Кого он только матерью не объявлял, а сам лишит бабу невинности и фр-р-р... — Длиннорыл неопределенно махнул лапой, — ворковать о непорочном зачатии. И кровушка на нем, гадом буду. Помню, один поэт о нем всю правду узнал и поэму правдивую написал...

— Что за поэт?

Длиннорыл задумался.

— Не помню, — признался он. — Курчавенький такой, смуглый. Предок у него еще из эфиопов был, а поэма «Гаврилиада» называлась. А вот как зовут... — Длиннорыл опять задумался, потом безнадежно махнул рукой. — В общем, когда этот узнал, поэта смугленького под пулю по его указанию подставили. Этот, который поэта замочил, у нас посмертное отбывает. Данко его фамилия. А сам он блондин. Такие вот, брат, дела!

— А наш? — провел очередную разведку Смоляк.

— Наш... — Длиннорыл положил мохнатую лапу на плечо товарища. — Ты, Смоляк, случаем, не стукач?

— Нет, — чистосердечно и почти правдиво ответил за демона полковник Двигун. За годы службы в ГБ полковник вербовал не одного информатора, но сам ни на кого не работал. Разве что начальству докладывал о грехах сослуживцев. Но это он совершал по долгу службы, а потому подобные действия к стукачеству он не относил.

— Я тебе так скажу. — Длиннорыл пьяно покачнулся. Чеканность первоначальных формулировок исчезла, перед полковником сидел быстро пьянеющий алкаш, каких Сергей Степанович немало повидал в московских забегах. — Все они одним миром мазаны. Кто он, наш-то? Падший Ангел, понял? Ан-гел! Бог его попер, когда они во взглядах на эволюцию не сошлись. А потом, конечно, Мария... Баба, я тебе скажу, не для плотника, конечно. Поначалу ей тот мозги непорочным зачатием пудрил, голубка своего подсылал. А наш, он попроще действовал, он женщин получше знал, еще с Евой Адаму рога наставлял! М-да... Говорят, этот самый Сын, он нашему сын, а тому, значит, как и Иосифу, — пасынок...

Длиннорыл снова прильнул к стакану.

— Эх, братан, — прохрипел он. — Мне такие тайны ведомы, что меня давно уже могли того... Например, спящему в ухо святой воды капнуть, или еще каким способом... Верись?

— Верю, — сказал Смоляк. — Длиннорыл, а святая вода... она что, действительно опасна?

— Ты откуда взялся, дурилка? — Старый черт на мгновение протрезвел.

— С рудников, — сказал по легенде Смоляк.

— Конечно, — видимо, позавидовал Длиннорыл, — откуда у вас на рудниках святой воде взяться? Эта самая святая вода, брат, честному демону аннигиляцией грозит. С-слышал про такое? Долбанет так, что от любого честного черта только мокрое место останется. С-страшнее с-святой воды только святой лед бывает или, скажем, с-суш-шеная пятка левой ноги п-праведника...

Смоляк понятливо кивал, с ужасом припоминая, в каком углу его кожаного передника вшита ампула со святой водой. Шерсть на нем встала дыбом, и это могло бы вызвать подозрения Длиннорыла, но старый черт уже не обращал на перепуганного демона внимания. Уткнувшись рылом в тарелку с грибами, бывший демон внешних сношений спал и постанывал во сне. Хвост его судорожно подергивался, ноздри его ставшего фиолетовым пятачка со свистящими хрипами выдыхали алкоголь.

Смоляк снова представил себе, что произошло бы, разбейся ампула, зашитая в переднике, и холодные мурашки забегали под его снова вставшей дыбом шерстью.

Иуда, облаченный в белую хламиду, прогуливался по райским кушам, держа под мышкой золоченую арфу. Был кариотянин в прекрасном настроении и с нетерпением ждал начала вечера. Немного смущала Иуду встреча с Петром. Тот, кто за ночь трижды отрекся, вполне мог сделать это и в четвертый раз. Но равви виднее. Сам Иуда решил просто держаться подальше от неразумного апостола.

Мимо пролетели несколько ангелов из добровольного общества содействия Божьему промыслу. Иуда присел в тени кипарисов, ударил по струнам арфы и запел девятнадцатый псалом Давидов. Добровольные помощники собрались уже лететь дальше, когда молодой, а потому и самый ретивый агнец Божий узрел, что певец нарушает установленный в Раю тихий час. Мгновенно вся стайка спланировала вниз.

— Нарушаем? — молодецки повел крылами старший.

— Господа славлю, — кротко сказал Иуда.

— В тихий-то час?

— Славословие времени не знает, — с достоинством заметил Иуда. — Слова сами из души рвутся.

— Может, пусть поет? — робко сказал пожилой и тихий ангел с калмыцки раскосыми глазами.

— Да ты что? — напустились на него остальные. — Гавриил что сказал? Нарушающий Божии установления есть тайный враг Господа и слуга Лукавого!

Иуда еще оправдывался, но в ангельских глазах добровольных помощников уже вспыхнули опасные огоньки, и ангелы, обступив дерзкого нарушителя райского распорядка, начали теснить его крепкими плечами да надкрылками. И пахло от ангелов амброзией и птичьим пометом.

— Вот тебе именем Господа! Вот тебе!

11

Выйдя на связь с Полуночным Ангелом и передав ему очередное сообщение для Гавриила, Смоляк вернулся в свой Круг Ада. Он долго проверял, выясняя, нет ли за ним хвоста. Не того, что продолжался от крестца и причинял покойному полковнику определенные неудобства, а

того, который, будучи обнаруженным, означал провал и был чреват куда более серьезными муками.

Хвоста он не обнаружил, и это успокаивало. Однако спокойствие было преждевременным. На площади имени Дракулы демона окликнули. У постамента, на котором, опираясь на осиновый кол, бронзово сутулился знаменитый вурдалак, стоял уже знакомый Смоляку черт.

— Новость слышал? — спросил черт.

— Какую?

— Перерегистрация началась, — сказал знакомый черт. — Для проведения полной вакцинации Уфира.

Уже знакомые мурашки забегали под шкурой демона Смоляка. Он понял, что слишком поторопился. Рапорт об успешной легализации в Аду оказался преждевременным. Надо было спастись. Бежать надо было, только вот куда?

— У тебя документы в порядке, Смоляк? — спросил знакомый черт.

— В порядке, — солгал демон. — В порядке у меня документы.

— Что-то ты плохо выглядишь, — сказал знакомый черт. — Наверное, ты слишком много времени в каптерке у Длиннорыла проводишь.

12

— Хорошая смоковница, — сказал Иуда, с удовольствием доедая сладкую сочную смокву. — Не то что в Гефсиманском саду!

— Это на которой тебя повесили? — прищурился Сын Божий. — Плохая была смоковница. Высохшая.

Иуда помрачнел.

— Не люблю вспоминать. — Он прилег под деревом, закинув руки за голову. — Больше других суетился Матфей. Он же тогда апостолом не был. Рассчитывал место мое занять. И ведь занял, стервец!

Он задумался.

— А я ведь не хуже их был, — подумал он вслух. — Я бы тоже Евангелие смог донести... В лучшем виде! Сжато, конструктивно! Веришь?

— Было уже, — сказал Сын Божий. — Сжато и конструктивно. Кодекс строителя коммунизма назывался.

— Побаиваюсь я встречи с апостолами, — сказал Иуда. — Как они меня примут?

— Объяснишься, — ушел от прямого ответа собеседник. — А я тебя поддержу.

Иуда открыл глаза и внимательно оглядел смоковницу. Хорошая была смоковница, крепкая, с надежными толстыми ветвями.

— А вот и наши, — сказал Сын Божий, вглядываясь в приближающуюся толпу из-под руки. Весело звенели арфы. Народ готовился к празднику.

Иуда сел.

Апостолы приближались. Братья Зеведеевы, Фома Дидим, Варфоломей, Иоанн, Иаков, Матфей. Но Иуда смотрел лишь на хмурый лик Петра, оставившего ради старой компании ответственный пост райского привратника. Ничего хорошего мрачный лик Петра не сулил.

Шумная компания принялась рассаживаться под смоковницей, готовясь к вечеру. Запахло шашлыком, пахлавой и солеными бананами. Сын Божий достал первую из бутылок, что доставил Иуда.

— Приступим, братья, — хорошо поставленным и звучным голосом сказал он.

Рядом с ним появились Голубь и постоянно меняющий свои очертания Дух.

— Собрались мы здесь не случайно, — сказал Сын Божий и к месту щегольнул своей же цитатой о рабах человеков.

— Хватит образованность показывать, равви, — сдавленно сказал Иаков. — Все мы тебя хорошо знаем. Дело говори!

— Однако есть и неприятные известия, — нахмурил чело архангел.

— Говори! — приказал Бог.

— В Рай по личному приглашению Сына прибыл Иуда.

— Багаж его досмотрели? — поинтересовался Господь. — Обыск на таможне провели?

Архангел гулко всплеснул крылами.

— Да какой у него багаж, Господи! — смиренно сказал он. — Красное милетское и двенадцать хлебов.

13

Стоял демон Смоляк прикованным к стене, и рядом пыточный бес неторопливо перебирал инструменты, призванные помочь испытуемому в признаниях.

В углу пыточной камеры храпел Длиннорыл, в каптерке которого задержали шпиона. Демон еще не протрезвел после недавних обильных возлияний, а пытатъ пьяного демона все равно что козла доить — мороки много, а молока все равно не добудешь.

Вельзевул задумчиво покусывал кончик хвоста, пронзая лжедемона ледяным ненавидящим взглядом. Взгляд этот навел ужас на задержанного. «Сознаюсь! — лихорадочно думал рогатый разведчик. — Сейчас же, пока не искалечили!»

«А дальше что? — насмешливо спросил внутренний голос. — Котел с кипятком, смола и сера на всю оставшуюся Вечность?»

Иногда трусость рождает героя. Сознание того, что за признанием последует вечная пытка, помогло Сергею Степановичу выстоять. Он орал, хрюкал от боли, молил Вельзевула о пощаде и даже пытался укунить пыточного беса, но стойко молчал о полученном в Раю задании.

Вельзевулу надоело быть зрителем, он подошел к демону Смоляку, схватил его за рога и заглянул в маленькие пороссячи глаза, в которых плескался ужас.

— Ты будешь говорить, козел?

Демон Смоляк испуганно хрюкнул и обморочно закатил глаза. Вельзевул не сомневался, что перед ним райский разведчик.

Беспринципность и подлость демонов ему были хорошо известны. Любой из них уже давно выложил бы все, что ему было известно, и даже немного приврал бы к сказанному. Этот же молчал. Тревожно было Вельзевулу: уж не проведаль ли Господь о миссии Иуды?

Он отпустил пленного, и тот сполз по стене на пол.

— В камеру! — приказал Вельзевул. — Инструменты держать в готовности.

Мельком взглянув на храпящего Длиннорыла, Вельзевул пнул демона ногой.

— Этого тоже в камеру! — хмуро приказал он.

14

— Нет, — сказал Петр. — И не уговаривайте. Это не по мне. Я против Бога не пойду.

— А я кто, по-твоему? — поднял брови Сын Божий.

— Бог, — твердо сказал Петр. — Но и он — Бог!

Святой Дух хватил спирта, покривился и саркастически сказал:

— И я — Бог! — Он облачно ткнул в Голубя, лениво клюющего финик. — И он — тоже Бог! Так против кого мы предлагаем выступать?

— Не знаю, — честно признался райский привратник. — Если Ты, Господи, един во всех лицах, то нужно ли вообще выступать?

— Вот и я тебе толкую, — сказал Сын Божий. — Выступая против меня, ты тем самым меня поддерживаешь.

Апостол Петр одурело глянул на него.

— Давайте подойдем к вопросу философски, — рассудительно сказал Фома. — Вспомним закон единства и борьбы противоположностей, вспомним закон отрицания отрицания, и тогда нам будет ясно, что, ведя борьбу с Богом, мы одновременно поддерживаем Его. Следовательно, свергая Бога, мы одновременно сажаем Его на Небесный Престол.

— Бред какой-то! — сказал грубый Иаков Воанергес. — Где ты эти законы выкопал? У Аристотеля?

— Диалектический материализм, — признался Фома, и апостолы яростно завопили. Чужеродным телом смотрелся этот самый диалектический материализм в идеальном мире, угрозой этому миру он выглядел.

— Ты, Фома, лошадь позади сохи ставишь, — мягко заметил Иоанн. — Сказано, что вначале было Слово!

— Чье Слово? — победительно глянул Дидим.

— Бога, конечно.

— А Бог? — Фома торжествующе засмеялся. — Он-то и есть первоначальный материальный объект!

Завязался теологический спор, незаметно перешедший в яростную потасовку. За Дидима было четверо апостолов, за идеализм единым фронтом выступили все остальные. Иуда, как и полагалось гостю и парламентарю, держал нейтралитет.

— Хватит! — учительским командным голосом остановил потасовку Сын Божий.

Апостолы принялись приводить себя в порядок, поправляя хламиды и пряча еще гудящие от ударов арфы.

Сын Божий повернулся к райскому привратнику.

— Теперь понимаешь? — модулируя голосом, проникновенно сказал он. — Не может Бог против самого себя выступать!

— Может! — неожиданно встав на материалистические позиции, сказал Петр. — Может, если ему все надоело!

15

Демон Смоляк пришел в себя.

Тело ныло, козлиная шерсть кое-где была содрана, когти на лапах обломаны. На хвост вообще было жутко смотреть. Ну как, по вашему мнению, должен выглядеть хвост, за который испытуемого подвешивали к потолку?

Как-то некстати ему вспомнилась работа в привилегированном Первом Управлении тогда еще КГБ. Двигун тогда в Канаде работал. Активно действовать боялись — не дай Бог, засветишься, вышлют в Союз, станешь тогда невыездным и — прощай, заграница! Поэтому принцип был один: не усердствовать. Ах какое было славное время! И за хвост никто никого не подвешивал, и лапы никто не ломал!

Разведчик, кряхтя и постанывая, сел, шмыгнув пятачком и огляделся.

Камера была маленькой, с единственным топчаном, на котором сейчас спал Длиннорыл. Стены были исписаны заговорами от побега. Да и не нужны были эти надписи, зря, что ли, на воротах этого учреждения писалось с незапамятных времен: «Оставь надежду, всяк сюда входящий!» Но оставлять надежду Сергею Степановичу не хотелось. Забыв о собственной кончине, он страстно желал жить.

Сев рядом с храпящим Длиннорылом и охватив лапами рогатую голову, Смоляк мрачно задумался.

«Пропал! — тоскливо подумал он. — Пропал я! Что будет? Что будет?»

Видимо, он причитал уже вслух.

— Котел будет со святой водой! — сказал проснувшийся от этих причитаний полковника Длиннорыл. — И меня он тоже ждет. За то, что не раскусил тебя, райская образина, не доложил о тебе куда следует вовремя! — Демон безнадежно махнул лапой.

Смоляк прошелся по камере и заметил свой кожаный передник.

Машинально он поднял его и надел.

— Предложения есть? — спросил Длиннорыл. —

В Аду с нашим братом-предателем строго. «Двое су-

ток на приговор, и марш-марш на Запретный двор. Двадцать граммов святой воды — ты не бес и не ангел, ты — дым!» — процитировал демон чьи-то стихи, и от прозвучавших в камере строк Смоляку стало совсем страшно.

Непроизвольно он зашарил лапами по переднику в поисках карманов и наткнулся на продолговатый предмет, вшитый в верхнюю часть передника на уровне груди. Ампула была цела! Цела!

— Святая вода, говоришь? — Он встал. — Ничего! Мы еще им покажем! Ну-ка, Длиннорыл, скажи мне, куда выходит эта стена?

16

Сатана угрюмо выслушал Вельзевула.

Демон-хранитель, не значащийся в списках Ада... Что это? Случайность? Или бардак, обычный для Ада? Хорошо, если это обычный для Ада бардак, не зря ж твердят, что демонов легионы. И при этом никто не может сказать, сколько же их на самом деле. Надо проверить все. Тщательно проверить. Стойкость неизвестного демона поразила и Сатану.

— В средствах себя не стеснять, — приказал он. — Делайте все, что сочтете необходимым, но этот демон должен заговорить. Что Иуда?

— Молчит, — коротко сообщил Вельзевул.

— Ладно, подождем, — после некоторого молчания сказал Сатана. — А с этим лжедемоном разберитесь немедленно. Выясните все его связи в Аду. Обязательно установите подлинную личину.

Он посидел, задумчиво постукивая когтями по подлокотнику кресла.

— Хотел бы я знать, — задумчиво сказал он. — Хотел бы видеть, что сейчас делает Господь!

17

Бог в это время беседовал с верным Гавриилом.

Агент, посланный в Ад, неожиданно замолчал. И замолчал он сразу после того, как доложил об удачной легализа-

ции в нечистой среде. Чертов полковник! А может, действительно чертов? Подл, беспринципен, жаден — вполне на двурушника тянет. И ведь есть чем его Сатане прельстить, есть! Например, грешницу симпатичную подсунуть. Когда-то такое уже было. Как того прощелыгу звали? Точно, Лаврентием его звали. Помнится, заслали его в Ад, так он быстренько во всем разобрался, во всем признался Сатане и теперь, говорят, плещется в кипятке с самыми красивыми куртизанками. И этот мог по стопам Лаврентия пойти, они, эти тайные агенты, одним миром мазаны!

Настроение портилось.

— Что нового в Раю?

Гавриил заглянул в сводку:

— Поют, Господи. Тебя все славословят. В Эдеме, правда, небольшой конфликт случился.

— Что там еще? — нахмурился Бог.

— Мелочь, Господи. Мусульмане с закавказскими христианами подрались. Место отдыха не поделили.

— Что предпринял?

— Послал херувимов для наведения порядка. После херувимов там все в обнимку ходят, славословия хором поют. Аллах херувимам благодарственное письмо прислал.

— Как Он там?

— Суннитов с шиитами мирит. Мартышкин труд, Господи! Ваххабитов пытается перевоспитать, а то они уже стали правовернее самого Аллаха.

Гавриил помялся.

— Говори! — приказал Бог.

— Иуда с Троицей встретился. Устроили вечерю с участием всех апостолов. Все как обычно — пьянка и мордобой.

— Не верю Я Троице, — задумчиво пожевал губами Бог. — Глаз да глаз за ними нужен. Нет, Гаврюша, неспроста этот самый Иуда приехал! А эти ипостаси... Святой Дух амброзией злоупотребляет, Голубь все не остановится, да и Сын этот...

— Да это ж все Ты, Господи! — удивился архангел.

— Я? — Бог подумал. — Ну Я, — ворчливо сказал Он. — И все-таки не верю Я им!

— Значит, ты, Господи, себе не веришь?

— Не знаю, — растерянно сказал Бог. — Время такое, никому верить нельзя. Иуда себя как ведет?

— Как обычно, Господи, — сказал архангел. —

162 Целоваться ко всем лезет.

Рвануло так, словно взорвался экспериментальный газовый котел в пыточно-конструкторском бюро Ада.

Смоляк метнулся в образованный взрывом проем и бросился бежать, слыша за собой дробный топот копыт. Погоня! Смоляк прибавил ход. Кожаный передник хлестал его по коленям, сердце рвалось из груди, ноздри пятачка с лихорадочным свистом втягивали воздух.

Преследователи не отставали.

Смоляк миновал Серую пустошь, где в свободное время обитатели Ада занимались обменом и покупкой вещей. Здесь можно было купить все — от запретной амброзии до Тайных Заклятий Мира Перевоплощений, которые за ту же амброзию охотно уступали раکشасы далекого таинственного мира.

Преследователи нагоняли, и полковник уже изнемогал, но мысль о новых, еще более жестоких пытках подстегивала его, заставляя еще проворнее перебирать копытами и все более и более увеличивать скорость. Инстинкт гнал демона на задворки Ада.

Мелькнули корпуса, где грешники изготавливали драконов, големов, гномов и прочую нечисть, выпускаемую на Землю.

Открылся пустырь, за которым медленно несла свои черные воды река. Беглец затравленно метался по берегу, но спасения не находил.

Дробный топот копыт за его спиной стих. Демон Смоляк опустил рогатую голову и повинно поднял когтистые еще вчера лапы.

— Ты никак в плен сдаешься? — послышался за спиной знакомый голос, и Смоляк радостно встрепенулся. За его спиной стоял судорожно дышащий и загибающийся от усталости Длиннорыл.

— Чего уставился? — выдохнул Длиннорыл. — Думаешь, мне в котел со святой водой хочется?

— Все равно пропали, — сказал Смоляк.

Длиннорыл оглядел берег.

— Тут бочки должны быть, — уверенно сказал он. — Изпод солярки. Когда я в ПКБ работал, мы их всегда сюда вывозили.

Уложенные в ряды бочки открылись за ближайшим поворотом. Длиннорыл грохнул копытом по нижней, и бочка отозвалась гудящей пустотой.

— Годится! — прохрипел демон.

Через несколько минут две бочки лениво покачивались на черной воде, медленно удаляясь от берега. Осторожно выглянув из бочки, Смоляк увидел выбегающих на берег и строящихся в ряды Загребал с длинными баграми в цепких лапах.

Демон снова спрятался. В бочке едко воняло соляжкой.

— Куда плывем? — спросил он Длиннорыла.

— Кажется, нам хана, Смоляк, — прохрипели из соседней бочки. — Как это я забыл! Слышишь шум впереди?

Демон Смоляк прислушался. Впереди слышался мерный шум, словно кто-то огромный мочится на камни неиссякающей струей.

— Что это?

— Смерть это наша, — гулко сказали из соседней бочки. — Это водопад, Смоляк!

Демон Смоляк разобрал только первое слово, остальные слились для него в сплошное «бу-бу-бу». Смоляк с ужасом прислушался к шуму и забил копытами в звонкое дно бочки.

— Не хочу! Не хочу!

И в это время все убыстряющееся течение подхватило бочки, закружило их и понесло туда, где уже явственно грохотала падающая с высоты вода.

19

Иуда звонко чмокнул Петра в щеку. Петр брезгливо утерся.

— Снова за свое? — проворчал он.

— Я к тебе с миром, — укоризненно сказал Иуда. — Ну, предал однажды. Так когда это было? Что же мне теперь и прощения нет? Ты же знаешь, что я не по своей воле к первосвященнику отправился. Думаешь, мне хотелось нашу компанию сдавать?

— Знаю я тебя, — мрачно сказал Петр. — Ты и сам за милую душу заложишь, а потом станешь обстоятельствами прикрываться! Я не Он, это Он тебя простил, а я никогда не прошу. Знаешь, каково висеть головой вниз?

— А ты на смоковнице висел? — парировал Иуда. — И кто вешал? Свои же вешали, вот что обидно было! Но все позади, брат, наши распри теперь ни к чему. Дай я тебя поцелую! — Он снова потянулся наглой рыжей мордой к аккуратной бородке райского привратника.

Тайная вечеря подходила к концу.

Святой Дух пил на брудершафт с Иаковом. Старика совсем развезло, и он был почти бесплотен, но серебряную чашу с разбавленным спиртом держал крепко.

Сын Божий шушукался с Иоанном. Тот внимательно слушал и время от времени согласно кивал.

Голубь что-то ворковал женственно красивому Варфоломею.

Остальные апостолы сидели под смоковницей живописной группой. Фома Дидим — бородатый весельчак и философ — бил по струнам арфы, и вся честная компания нестройно ревела неприличную частушку:

Я с друзьями нынче пью
под смоковницей в Раю.
И молюсь усердно Богу:
дай мне на ночь недотрогу!

— Отстань! — снова гневно вспыхнул Петр. — Все-таки не пойму я! Если я с вами за Бога, то как же мы можем быть против Него? А если мы против Него, то как же мы можем быть за?

— Не ищи логики, — несколько обиженно сказал Иуда. — Ты Сыну Божьему веришь?

Апостол Петр хрустнул пальцами.

— Ох не знаю я, кому верить! — задумчиво сказал он. — Ох не знаю!

А под смоковницей ревели радостно и освобожденно, как всегда поют не отягощенные трезвостью, а потому и излишней стыдливостью души:

Подарил мне солнце Бог,
но подарок не помог.
Вот возьму я и звезду
поменяю на...

— и это последнее слово нетрезвая компания выводила с особым смаком и старательностью, а ангелы и херувимы испуганно облетали смоковницу, под которой с нетрезвыми праведниками гулял Сам — в виде Духа, Голубя и Сына.

20

Полковник Двигун открыл глаза, пытаясь сообразить, где он находится.

Где-то вдаль ревела вода. Он обнаружил, что оброс шерстью, вместо рук у него были лапы с обло-

манными когтями, а растоптанные копыта нижних конечностей — в липкой грязи. От шкуры омерзительно несло соляркой.

Рядом, наполовину вывалившись из бочки, лежал и слабо постанывал самый настоящий черт.

— Длиннорыл, — подумал полковник и сразу вспомнил все.

Лучше бы было находиться в амнезии или вообще не приходить в себя.

Длиннорыл пошевелился, сел и недоуменно огляделся.

— Смоляк! — ахнул он, заметив полковника. — Где мы? Неужели проскочили?

Со стороны водопада сквозь рев воды донесся пронзительный вой: Загребалы и Погонялы снова вышли на след беглецов.

Рядом с ними был узкий вход в темную пещеру.

— Рискнем? — спросил полковник демона.

Они протиснулись в пещеру. Пещера была небольшой и опять же заканчивалась расщелиной.

— Вот так. — Длиннорыл сдавленно хрюкнул. — Ты хоть знаешь, куда мы попали, Смоляк?

— Откуда? — буркнул тот.

— Это же Провал! А там дальше — вход в Тартар!

— Куда? — наморщил шкуру на лбу полковник Двигун.

— Тартар. Место, где Титаны обитают!

Смерть была позади. Но покойнику ли бояться смерти? Гораздо страшнее была неизвестность, что ждала демонов впереди.

Но выбирать не приходилось.

— Рискнем? — снова спросил полковник.

Длиннорыл покачал рогатой головой. Морда у него была тоскливая.

— Я лучше сдамся. Ну, может, повезет нам, и выберемся мы с тобой на поверхность. Куда нам там деться, Смоляк? Посмотри на себя со стороны. Тебя ж там сразу в банку с формалином засунут. Или в Ватикан сдадут. Там уж тебя помучают! Или в анатомичку, к патологоанатомам... Нет, лучше уж от лап своих пасть, чем людям в руки попасться!

Вой Загребал приблизился и стал похож на рев пожарных машин, спешащих к месту возгорания. Двигун снова ощутил страх.

— Давай! — Он подтолкнул Длиннорыла к темному Провалу.

Среди беспорядочных каменных глыб и причудливых соляных наростов уже порхали рыжие бабочки чадящих факелов.

— Ну! Давай же! — Полковник с силой толкнул Длиннорыла в Провал и не удержался на краю сам. Они полетели во тьму. Рев Загребал стремительно удалялся. Падали беглецы бесконечно долго, пока вдруг не оказались у выхода на темную бесконечную и сумрачную равнину. По равнине метались исполинские тени. Ушибы, полученные демонами, не оставляли сомнений в конце пути.

— Хана нам с тобой, Смоляк, — вздохнул Длиннорыл. — И зачем я, рогатый идиот, за тобой побежал?

— Держи хвост пистолетом, — сказал Сергей Степанович. — Все еще впереди!

— Это точно! — уныло согласился черт. — Все впереди!

При этом он смотрел куда-то за спину товарища по несчастью.

Двигун обернулся и увидел исполинский глаз, любопытно заглядывающий в расщелину со стороны равнины. Глаз медленно моргнул, и вокруг него опасно зашевелились бревна ресниц.

— Высматривает, — устало вздохнул Длиннорыл.

— Кто?

— Титан, конечно. Кто еще в Тартаре может быть?

— Да он же нас не видит! — внезапно догадался Длиннорыл. — Мы для него слишком малы.

Длиннорыл внезапно зашевелил ноздрями, повел рылом назад и принялся.

— Та-ак! — зловещим голосом сказал он. — Быстро, Смоляк! Быстро! — Глазки его безумно зашарили по пещере.

— Ты чего? — удивился полковник.

— За мной! — заревел Длиннорыл и бросился к черной нише в каменной стене. Копыта его звонко цокали о камни, высекая из них искры. Беспокойство демона передалось и Сергею Степановичу. Двигун метнулся за демоном. Теперь и он уже чувствовал все усиливающийся запах серы и керосина. Едва они укрылись в нише, как по пещере, где они только что находились, метнулось бушующее пламя. Языки его лизнули глаз любопытствующего исполина. Титан снаружи яростно заревел. Вокруг все стало содрогаться, с грохотом посыпались камни, а Титан все ревел от боли и пытался взломать вход в пещеру своими чудовищными ручищами.

Демоны прижались друг к другу. Пахло паленой шерстью.

— А вот теперь нам точно хана! — почти радостно сказал Длиннорыл. И полковник с ним безоговорочно согласился.

21

Господь сидел на траве рядом с тронем, выдувая облака, и любовался их причудливыми формами. А чему вы удивляетесь? Самое обычное занятие для того, кто сотворил мир и сказал: «Я доволен!»

Гавриил спланировал вниз.

— Я здесь, Господи!

Бог не обернулся.

— Знаю, что здесь, — сказал Он. — Молчит?

— Молчит, Господи!

— Не тому мы доверились, — покачал головой Бог. — Не тому, Гаврюша!

— Может, обстоятельства какие? — предположил архангел.

— Какие? — возразил Бог.

Гавриил недоуменно приподнял крылья.

Бог оставил свое занятие.

— Этот где? Все целуется?

— Спят они, Господи. Прямо под смоковницей.

— И Троица? — вздернул брови Господь.

— Троица не спит, — доложил архангел. — Троица в карты играет.

— В преферанс? — заинтересовался Бог.

— В подкидного дурака.

— И кто чаще сдает?

— Больше сдает Голубь. — Гавриил усмехнулся. — Но не унывает, птица такая, напевает все: «Не везет мне в картах, повезет в любви!»

Бог помолчал.

— Слушай, — сказал Он. — А может, мне их?.. А?

— Не поможет, — рассудительно возразил архангел. — Мучениками станут. Они уже, Господи, и так на Земле по всем церквям на иконках красуются.

— Ситуация... — сказал Бог.

— Подождем, — оптимистично сказал Гавриил. — Вечность впереди!

Бог, вздыхая, забрался на трон и небрежным движением руки отправил облака на Землю.

— Скучно Мне, — сказал Он тоскливо. — Может, Мне потоп устроить?

— Воля ваша, — покорно отозвался архангел. — После Хиросимы и Нагасаки я уже вообще ничему не удивлюсь.

— Это не я, — сказал Бог. — Это оппонент устроил. Я тут ни при чем.

Он посидел, глядя вдаль, потом вслух подумал:

— Может, Я зря беспокоюсь? У Сатаны жизнь трудная, но интересная. Все-таки не в Раю живет, а на переднем крае! А, Гавриил? Что скажешь?

— А зависть? — напомнил архангел. — Из зависти на что только не пойдешь!

Бог снова тяжело вздохнул.

— Честно говоря, — сказал Он, — это я ему завидовать должен!

Строго взглянул на архангела.

— А этого гэбэшника ты все-таки поищи, — приказал Он. — Тревожно Мне. Что-то Мы с тобой пропустили, Гавриил, чего-то недосмотрели! Найди его, Гавриил!

22

А чего его было искать? Полковник и сам себя никогда бы не нашел — такая их с Длиннорылом тьма окружала. И в этой тьме расхаживали Титаны и Гиганты, только уворачиваться успевай, чтобы не раздавили.

Можно было бы использовать свои сверхъестественные способности, взлететь и одним броском добраться до полей Орка. Полковник так бы и поступил, не укажи ему Длиннорыл на гарпий, что сидели на голых и острых, как клыки, выступах скал. Гарпии свирепо ругались между собой, и сразу видно было, что маялись они от безделья, а потому никогда бы не пропустили двух пролетающих мимо демонов.

Пока они пробирались по равнине, Длиннорыл просветил полковника насчет Титанов и Гигантов. После рассказа черта Сергей Степанович на исполинов поглядывал с некоторым презрением. Неудачники уважения не заслуживают. Что толку в мощи, если ходишь в побежденных? В конце концов, что есть Тартар? Обыкновенная тюрьма для необыкновенных существ. И сидели в ней Титаны за

обычную политику: нечего было против Зевса выступать, если уверенности и веры в победу не чувствуешь!

— Не могу я больше! — сказал Длиннорыл. — Пусть они меня задавят, но я должен отдохнуть!

— Далеко еще? — поинтересовался Двигун.

— А я откуда знаю? — удивился Длиннорыл. — Чужая территория! Я ведь здесь тоже в первый раз!

Неожиданно вокруг посветлело.

С разных сторон всходило сразу несколько лун. Великаны нестройными толпами двигались куда-то на запад. Сергей Степанович чувствовал это, хотя и не мог определить сторон света.

Устало он закрыл глаза, пристроился за камнем и сразу же уснул. Ему приснилось, что он сидит в президиуме какого-то собрания. Только что он закончил речь, и ему аплодируют. Разнобойные хлопки становились все мощнее и слаженнее, они перешли в овации, и в это время кто-то резко толкнул полковника в бок. Он возмущенно открыл глаза и услышал злой шепот Длиннорыла:

— Не храпи, гарпий приманишь!

С трудом они встали.

Никто их специально не преследовал, и луг впереди казался совершенно безопасным, но безопасность эта была мнимой. Демоны понимали, что никто их из загробного мира не выпустит, и осознание этого наполняло их сердца ледящей тоской.

23

— Шесть килотонн, — прикинул Сын Божий. — Должно хватить!

— Хватит, — уверенно сказал Иуда. — В ПКБ Ада прикидывали.

— На какое число намечено мероприятие?

— На двадцать шестое апреля.

— К Пасхе подгадываете? — цинично усмехнулся Сын Божий. — А стоит ли затягивать? Он и так целыми днями с трона не слезает!

— А тут уж наверняка. Пасха — это митинг затяжной. Концерт с участием Джона Ленонна, Элвиса Пресли, Вертинского и Утесова. Он же меломан и такого зрелища никогда не пропустит!

— Это точно! — согласился Сын Божий. — А дальше что?
— А дальше за дело придется вам братья, — сказал Иуда. — Всем трем ипостасям. Переходное правительство, выборы... Как обычно.

— Это мы организуем! — пообещал собеседник. — Все будет демократично. Как ты думаешь, кого выберут?

— Ты еще сомневаешься? — укорил его Иуда. — Некого больше, один Ты у нас!

24

Сатана любовался коллекцией черепов.

Настроение было хорошим, только что Голубь доставил в условленное место сообщение о происходящем в Раю. Чего же не отдохнуть от трудов неправедных?

Первыми экспонатами коллекции шли черепа римских пап.

Аникест, утверждавший, что женщины должны быть общей собственностью. Что ж, он и в выпивке знал толк!

Сикст III, уличенный в кровосмесительстве и изнасилованиях. Крепкий был мужчина, настоящий самец!

Лев I, разрешивший отцам продавать своих дочерей в наложницы. Тот еще был папа!

Пелагий II, умерший от венерической болезни. Тоже был весьма достойный грешник!

А это чья головка? О-о, Иоанн VIII! Этот вообще драгоценная реликвия, настоящая жемчужина коллекции! Этот даже однажды влюбился в женатого мужчину и попытался его похитить. За что и получил молотком по голове. Да, без него в Аду было бы куда скучнее!

Сатана прошелся по галерее. Убийцы, мошенники и сексуальные маньяки всех рангов и мастей смотрели с фотографий и портретов на хозяина Ада. Биографии каждого из них Сатана знал наизусть, как знают собственные партитуры музыканты, как запоминают свои стихи поэты. В конце концов, и сам Сатана был великим художником Греха!

И в это время вошел Вельзевул.

— Задержанный сбежал, — доложил он расстроенно. — Тайком пронес в камеру ампулу со святой водой, порвал стену и бежал.

— Значит, он был оттуда, — сказал Сатана.

— Достоверно не установлено, Владыка, — сказал Вельзевул. — На пытке молчал.

— Плохо пытали, — проворчал темнейший князь.

Вельзевул только развел лапами на этот справедливый упрек.

— Почему не задержали? Где были Загребалы? Что делали Погонялы? Где все твои черти, наконец?

— Они ушли через Тартар, — неохотно признался Вельзевул.

— Через Тартар? — Сатана посветлел. — Ну, от греческих богов они так просто не уйдут. Но ты сказал — они?

— С ним в камере Длиннорыл был, — признался Вельзевул. — Наш мастер на все руки. Их вместе взяли.

Сатана вскинулся.

— Длиннорыл? — Череп Сикста полетел в подручного. — Догнать! В котле со святой водой сварю, если ты ихпустишь!

Вельзевул ничего не понимал. С ужасом он смотрел на гневающегося повелителя, понимая, что случилось нечто страшное и непоправимое. И в первую очередь случившееся грозило крупными неприятностями ему, Вельзевулу.

— Догнать! — Сатана ударил лапами о стол. — Все силы бросить на поимку!

Он снова ткнул обеими лапами в стол.

— Здесь! Здесь они должны находиться! Живыми или мертвыми! Слышишь?

Часть вторая

БЕГЛЕЦЫ И ПРЕСЛЕДОВАТЕЛИ

1

Нина Семеновна Двигун загнала машину в гараж и заперла двери. Бледно-розовый от цветущих абрикосов сад благоухал.

Нина Семеновна поднялась по ступенькам дачного крыльца, отперла дверь и вошла в коридор. После смерти мужа она была на даче во второй раз. Сегодня у нее были причины, чтобы приехать сюда без детей.

Бросив сумочку в кресло у входа, Нина Семеновна прошла в спальню. Здесь ничего не изменилось. На тумбочке рядом с постелью лежала зажигалка «Ронсон» и начатая пачка «Винстона». Нина Семеновна присела на постель и закурила, задумчиво оглядывая комнату.

Покойный муж был хозяйственным мужиком и немало оставил вдове — дачу, машину, квартиру на Кузнецком мосту, сберкнижку с кругленькой суммой и приличную сумму в долларах. Достойный муж, он и ушел из жизни достойно.

Однако на даче Нина Семеновна находилась не для того, чтобы предаваться печальным воспоминаниям об усопшем супруге. Она ждала любовника. А что вы еще хотите от молодой дамы, которую наконец осчастливил своим уходом пожилой и ревнивый муж?

Время от времени Нина Семеновна нетерпеливо поглядывала на часы. Ее стародавний приятель Дмитрий Туломин, актер одного из московских театров, должен был подъехать с минуты на минуту. Нина Семеновна притушила сигарету и лениво сбросила халат, с томным удовольствием разглядывая себя в зеркало.

В кабинете мужа слышался шум. Нина Семеновна насторожилась и торопливо надела халат. Грабители? Это было исключено, дачный поселок надежно охранялся милицией. Кто же мог быть, кроме нее, на даче? Неужели Митенька приехал раньше?

Сняв туфли, Нина Семеновна подкралась к двери кабинета. Таинственная улыбка блуждала на ее

полных чувственных губах. Она осторожно приоткрыла дверь и...

Дачную тишину прорезал дикий женский крик.

Нина Семеновна бросилась прочь от кабинета. Она бежала, по-женски косолапо разбрасывая ноги и опустив голову. Со всего размаху она уткнулась во что-то теплое и лохматое и снова дико завизжала, отбиваясь от схватившего ее за плечи человека.

— Нина, что с тобой? — Человек прижал женщину к себе. — Успокойся, милая, успокойся! Что случилось?

Нина Семеновна, всхлипывая и причитая, подняла на любовника (а это был именно он) полные ужаса глаза и выдохнула:

— Митя, Митенька... — Она теснее прижалась к любовнику. — Митя...

— Да что с тобой?

Женщина снова всхлипнула и неожиданно деловито сказала:

— Митя, в кабинете у Сергея черт!

2

Полковник Санютин вошел в свой кабинет не в лучшем расположении духа. И было от чего — все дела покойного полковника Двигуна достались именно Санютину, и без того не испытывавшему к покойному коллеге добрых чувств.

Войдя в кабинет, Санютин замер. На рабочем месте Двигуна... Нет, ему не показалось. На рабочем месте покойного сидел деловитый черт. Сейф полковника был открыт, и черт быстро, но без особого интереса листал пухлое оперативное дело, не обращая на вошедшего никакого внимания.

Любой фельдшер, мельком взглянувший сейчас на полковника Санютина, поставил бы диагноз безошибочно и точно — столбняк!

— Что это значит? — пришел в себя полковник.

— А ты кто такой? — поднял рогатую голову от секретнейших бумаг неожиданный посетитель.

— Я-а? — подавился звуками полковник. — Ну, наглец! Это ты кто такой и как сюда попал? Что ты здесь делаешь?

Черт неожиданно спокойно признался.

— Дела изучаю, — сказал он.

В руке полковника Санютина сам собой оказался табельный пистолет Макарова.

— Руки! Э-э-э... Лапы на стол!

— Да ты, полкаш, рехнулся! — развязно сказал черт. — Какие руки? Какие лапы, родной? Кого ты стволом пугаешь?

— Шутник! — гневно раздул ноздри полковник Санютин, не сомневаясь, что перед ним человек в искусно пошитом костюме. — Решил маскарад устроить?

Черт ловко прыгнул к полковнику, вырвал из его рук пистолет и бросил его на стол.

— Не пыли, сявка! — сказал он. — Ты лучше скажи, где Двигун?

— В могиле, — мрачно сказал Санютин. — Где ему еще быть? Иди ты знаешь куда?

— Полкаш, — черт хмыкнул, — ты не забывайся. У тебя же не Вечность впереди! Или праведником себя чувствуешь?

Праведником полковник Санютин себя не чувствовал, а потому промолчал.

Ряженный, в чем полковник Санютин уже начал сомневаться, негромко пробормотал: «Не знает он ни черта... Да, собственно, чего от них еще ждать можно?», обошел стол, хлопнул лапой по плечу полковника и, ослабившись до коренных зубов, сказал:

— До встречи, полкаш! Я тебе еще припомню твое гостеприимство!

Сказав эти слова, черт исчез, оставив после себя явственный запах серы и упавшего в обморок полковника ФСБ Санютина, который наконец осознал, что перед ним не переодетый диверсант, а самый настоящий представитель Ада.

3

Разумеется, что черта на даче не оказалось.

Туломин обнял вздрагивающую женщину и ласково сказал:

— Тебе показалось, Ниночка. Ты просто переволновалась. Возьми себя в руки.

Нина Семеновна, все еще всхлипывая, поцеловала любовника и подошла к раскрытому настежь сейфу. В сейфе лежали какие-то бумаги, коробочка с патрона-

ми, красочный порнографический журнал, и стояли две бутылки коньяка — одна початая, другая с горлышком в серебряной фольге.

— Но кто-то же рылся в бумагах! — резонно сказала хозяйка. — Ключ был только у Сергея, и дома я его не нашла.

Актер заглянул в сейф, налил себе из початой бутылки, нервно выпил и пробормотал:

— На шпионаж это похоже, Ниночка. У тебя нет телефонов начальства твоего покойного супруга? Я бы на твоём месте им обязательно позвонил.

4

Сатана обошел Люцифера.

Главный сыщик Ада смотрел в пол, уныло подметая ковер кисточкой хвоста.

— Простое дело никому доверить нельзя, — пренебрежительно сказал Сатана. — Дебилы, а не работники!

Люцифер не оправдывался.

— Ну? — Сатана обидно наступил на хвост сыщика, вернулся в кресло и посмотрел демону в глаза. — Зачем ты полез в кабинет и на дачу покойного? Для чего всех переполошил?

— Надо же было его связи отработать, — упрямо сказал Люцифер. — Ведь что получается? — Он принялся отгибать сжатые в кулак когти. — У нас его нет, в Зазеркалье тоже его нет, в Раю, как выяснилось, его тоже ищут. Именно его к нам Господь направил. Эллинские боги молчат. А время идет! Вот мы и решили его делами поинтересоваться, выяснить, на кого он может в Европе выйти. А что нам эти сделают? Отправят они Санютина в санаторий от горячки или неврастении подлечиться, а потом — на заслуженный отдых его. Ему все равно скоро к нам. А о дамочке и говорить нечего — обычная истеричка, только что мужа похоронила...

— Кретин ты! — с наслаждением сказал Сатана. — Ты хоть понимаешь, что теперь об этом инциденте и Бог знать будет? И сразу поймет, что мы его агента раскусили. Понимаешь, дубовая твоя голова?

Люцифер тоскливо вздохнул и оглянулся на дверь.

— Виноват! — сказал он. — Разрешите идти?

— Убирайся, — устало сказал Сатана. — Иди хоть к Богоматери, только на глаза мне больше не попадайся! Если ты беглых демонов не поймаешь, я тебя в родовые демоны загоню! Ты только представь, чем будешь в гинекологиях заниматься!

5

Унылы были асфodelьские поля!

Длиннорыл охватил лапами мохнатые колени и сказал:

— В жизни не видел более печального места. Здесь тоскливее, чем в Раю!

Полковник Двигун сорвал асфodelину, прикусил ее острым клыком и сморщился от полынной горечи.

— Что же дальше делать будем?

— Думай, — дернул плечами демон. — Ты меня сюда затащи!

По бесконечному лугу бесконечными колоннами маршировали бесплотные тени.

— Смоляк, — с видимым интересом спросил Длиннорыл. — Ты только не обижайся, уж очень мне интересно — ты человек или из чертей все-таки?

— А что? — повел пятачком полковник Двигун.

— Да просто ведешь ты себя так... Порой мне кажется, что ты из бывших людей.

— А если из людей? — хмыкнул Сергей Степанович.

— Тогда ты засланный бес, — сказал Длиннорыл. — На Бога работаешь?

Полковник промолчал.

— Дурак ты, — с сожалением сказал Длиннорыл. — Явился бы к Сатане, повинился... Знаешь, какие ты бы себе уступки выторговал? А так — и сам не за понюх серы пропал, и меня погубил. Кто мы теперь? Демоны павшие, прикинь — даже не ангелы! Эх, Смоляк, не на ту ты лошадку поставил! Твоему Богу считанные дни в Раю командовать. Там теперь наши жить будут!

— С чего ты взял? — лениво поинтересовался демон Смоляк. — Или тайна?

— Да какая там тайна! — махнул лапой демон. — Назад ты уже не попадешь, на Землю не прорвешься... Ска-зать тебе, что ли?

— А мне оно нужно? — сказал Двигун, скаля клыки. — Как говорится, кто умножает знания, тот умножает печали. Тебе покрасоваться хочется, а мне печали умножать?

— Да если хочешь знать, то эту операцию я разрабатывал, — не слушая собеседника, возгордился демон. — Шесть килотонн под задницу, так рванет, что от твоего Бога только нимб останется!

— Диверсия? — осторожно спросил Двигун.

— Заговор, брат! Настоящий заговор! И осуществит его Троица. Сам понимаешь, вторые всегда на место первых стремятся! Закон природы!

Двигун зевнул, обмахнулся хвостом.

— Дела... — лениво сказал он. — Но постой! Бог ведь и Троица — это же одно и то же, только ипостаси разные!

— Болтовня! — авторитетно сказал Длиннорыл. — Церковники напутали, сам Он все время темнил... Ты эту историю хорошо знаешь?

— Какую?

— Божественную. Нет, Смоляк, ты все-таки из людей, они все такие тупые! Бог когда-то разделил свою сущность на несколько ипостасей. Ну, нужно ему все это для чего-то было! Тогда и повелось — считать Бога Единым, но в нескольких ипостасях. А ипостаси между тем развились в самостоятельные личности и существуют сами по себе. Причем каждая из них получила далеко не лучшие божественные черты. А правило до сих пор существует — считать каждую ипостась Богом Единым. Понял? Ты-то в Раю долго был?

— Две недели, — сказал полковник и понял, что проговорился.

— Из дохляков, значит, — засмеялся Длиннорыл. — На Земле кем был?

— В контрразведке работал, — окончательно раскрылся Двигун.

— Какой страны?

— В России я работал, — сказал полковник, — в КГБ, а затем в ФСБ. Слышал про такие организации?

— Серьезные фирмы, — кивнул демон. — Но, помнится, вы там к нашему ближе были, чем к Богу. Помнится, вы одно время монастыри закрывали, попов давили, в церквях склады делали...

— Осознали, — жестко сказал Двигун. — А ты в

178 Аду кем был?

— Я-то? — Длиннорыл ухмыльнулся. — Я, брат, Демон на все руки. Последнее время в министерстве интриг служил.

— В каптерке? — язвительно спросил Сергей Степанович.

— Не веришь? — почему-то обрадовался черт. — Вот и я говорил Сатане, что никто не поверит!

6

Зевс Громовержец встретил Меркурия близ белоснежного храма своего имени. Гонец был в кипенно-белой тунике и в сандалиях с золотыми крылышками. В числе иных занятий Меркурий частенько сопровождал мертвых в черное царство Орка, неудивительно, что повелитель Ада обратился за помощью именно к нему.

— Чего они хотят? — поинтересовался Громовержец.

— Невозможного, Зевс! Они просят допустить их в Тартар и Орк для поимки двух беглых демонов.

Зевс усмехнулся.

— И что эти демоны натворили?

— Тут они темнят, Громовержец, — сказал Меркурий. — Они говорят, что беглые демоны угрожают сложившемуся мировому порядку.

— Двое демонов? — Зевс покачал лохматой седой головой. — За кого они принимают жителей Олимпа?

— Что им передать, Громовержец?

— Передай им, что за всю историю существования Олимпа на наши территории не ступал ни один рогоносец, — сказал Зевс и слегка порозовел. — И не ступит впредь!

— А что делать с Демонами?

Зевс подмигнул Меркурию, радуясь, что его замечание о рогоносцах осталось вне внимания молодого бога.

— А с двумя беглыми рогоносцами мы в состоянии управиться и сами. Я думаю, что от Плутона и его подручных эти демоны не уйдут.

7

— Чушь! — сказал раздраженно генерал-майор Демин. — Чушь собачья!

Ему только что доложили о посещении нечистой силой кабинета и дачи покойного полковника Двигу-

на. Генерал-майор в нечистую силу не верил. Он вообще ни во что в последнее время не верил. И были к тому причины!

Шла очередная реорганизация госбезопасности, начатая новым руководителем этой службы Грудятиным. Расформировывались управления, смещались начальники, и в этих условиях Демину меньше всего хотелось, чтобы его заподозрили в психической неполноценности. Конечно, дальше пенсии его никто не послал бы, но при постоянной девальвации рубля жизнь на пенсию была весьма и весьма проблематичной.

— Чушь! — убежденно сказал Демин.

«Бойтся старый хрен, — понял Санютин. — За место свое бойтся. А значит, и делать ничего не будет!»

Генерал-майор отечески заглянул в глаза полковнику и предложил:

— А что, Андрей Андропович, не отдохнуть ли вам с супругой недельку за рубежом? Здоровье поправите, заодно и дельце одно деликатное провернете. Согласны?

«Покупает», — понял Санютин, но вслух ничего не сказал. Против сделанного ему предложения мог возразить только законченный идиот, альтернативой такому предложению было лишь длительное лечение в дурдоме. А уж о психбольницах Санютин был наслышан, сам во время работы в Пятом управлении не одного диссидента туда лечиться отправлял.

Поблагодарив за предложение, Санютин вышел.

Некоторое время генерал-майор Демин размышлял, докладывать ли ему о случившемся новому начальнику, или все-таки погодить. Так ничего и не надумав, Демин вызвал по селектору секретаршу и велел ей принести чаю с лимоном.

8

Бог восседал на троне, наблюдая за течением стихийного несанкционированного митинга обитателей Рая, который начался точно в назначенное время.

Демонстранты все шли и шли. Многие были с иконами святых угодников или кого-то из Троицы. Мелькали плакаты с бодрыми призывами «Слава Богу!», «В единстве — сила Рая», «Наша цель — райское блаженство», «Воплотим

решения Бога в жизнь!» и тому подобная уже изрядно надоевшая идеологически-религиозная шелуха.

Над колоннами верующих реяли ангелы, разбрасывая цветы и манну небесную.

Рядом с тронном шло представление, напоминающее о том, как Сын Божий пятью хлебами и рыбами накормил несколько тысяч человек. Роль хлебов и рыбы исполняли товары, которыми отоваривались граждане в порядке живой очереди. В основном это была амброзия и нектар.

Выступали ветераны христианского движения. Толпа бешено аплодировала великомученице Прасковье, долго не отпускала одного из первых проповедников Савла, качала Фому Аквинского, Иоанна Кронштадтского, а уже знакомый нам схимник Евлампий с удовольствием демонстрировал праведникам приемы самобичевания.

Бог поискал взглядом Троицу. Никого из ипостасей близости не было. Зато неподалеку он увидел крепкого еще Иакова. Старый патриарх с упоением рассказывал слушателям о своем единоборстве с Богом, показывая искалеченную в поединке ногу. При этом он так привычно врал о том, как укладывал Бога на лопатки, что Господь пожалел о не доведенном до конца деле — одноногим патриарх выглядел бы более назидательно!

У подножия трона сидел архангел Гавриил. А быть может, и Михаил. Господь их всегда путал. Трон охраняли херувимы, и их жуткие львиные морды отпугивали наиболее рьяных и назойливых праведников.

— Как ты думаешь, — спросил Бог, — они от всего сердца ликуют?

— Конечно, — сказал архангел, оказавшийся все-таки Михаилом. — Радуются праведники райскому изобилию и демократическим свободам. Но еще больше они радуются тому, что могут наконец лицеизреть Тебя, Господи!

Архангел посмотрел куда-то вдаль и торопливо взлетел. Не иначе, как порядок полетел восстанавливать.

Внизу продолжали выступать ораторы.

Речи их были торжественны и глубокомысленно пусты. Сводились они обычно к одним и тем же тезисам: «...всеобщей радости лицеизрения Бога в преддверии Пасхи. Перед Богом Единым заявляем мы о верности заповедям Господним. Мы понесем истины христианских догматов в Вечность... Никогда не изменим идеалам нашей религии... Мы помним мучеников за христианскую веру, ра-

зорванных дикими зверями, закопанных живьем, сожженных на кострах, распятых или иными способами отдавших жизнь за торжество христианской религии... Мы будем чтить заветы Господа нашего, будем защищать догматы христианского учения, не жалея сил, а если потребуется, то и самой жизни...»

Бог жестом подозвал к себе еще одного архангела, который и оказался Гавриилом.

— Слушай, братец, там подсократить ничего нельзя?

— Что Ты, Господи! — возразил архангел. — Это же стихийное проявление христианской любви праведников к своему Создателю, и на него отведено четыре часа двадцать восемь минут.

— Устал я, — пожаловался Бог. — Что там у нас?

— Все как обычно, — сказал Гавриил. — Полковник молчит, ипостаси бухают.

— А Иуда?

— А что Иуда? — спросил Гавриил. — Отдыхает Иуда.

— Ты бы с ним поплотнее поработал, — сказал Бог. — Санкционирую.

Привстав с трона, он привычно поприветствовал праведников.

Толпа заметила движение Божьей десницы и восторженно заревела.

— Любят они Меня все-таки, — прочувствованно вздохнул Бог и смахнул набежавшую вдруг слезу. — Праведники...

Идущие внизу колонны слаженным хором пели:

Мы рождены
для светлой райской жизни,
идем туда, куда нас Бог ведет;
лучами солнце радостнее брызны
и растопи неверья черный лед!

И такое ликование было в голосах праведников, что Господь не выдержал и подтянул общему хору: «Все выше, и выше, и выше!..»

9

— Воет! — озабоченно сказал Длиннорыл. — Слышишь, Смоляк, воет!

Полковник давно уже слышал этот протяжный вой, от которого становилось зябко.

— Волки, наверное. — Своей репликой Сергей Степанович вызвал кривую ухмылку демона. Странно было видеть, как свиной пяточок набок своротило.

— Ну, Смоляк, ты как загнешь! — сказал демон. — Откуда здесь волки возьмутся?

— А кто же это, по-твоему, воет?

— Откуда я знаю? Кто там, в асфодельских полях, выть может? Цербер трехголовый или Тифон с Титием...

Шуршащая мгла прижимала демонов к земле. У горизонта вспыхивали языки пламени.

— Ад? — спросил полковник.

— Воды Флегетона пылают, — небрежно пояснил демон.

Он оскалился и принялся нервно что-то искать в шерсти на груди.

— Ты всерьез надеешься выбраться? — спросил он.

— Конечно.

— А дальше что?

— Посмотрим. — Подполковник почесал между рогами. — Ты сам говорил, что на поверхности мы приобретем сверхъестественные способности. Думаю, что они помогут нам добраться до своих.

— До каких своих? — горько засмеялся демон.

Полковник Двигун снова почесался.

— Действительно, — вслух подумал он. — Куда это я пытаюсь добраться?

10

Сын Божий дремал под смоковницей, положив голову на арфу. Голубь опустился на плечо спящего и клюнул Сына Божьего в шею. Тот поморщился, но не проснулся. Голубь клюнул спящего еще раз.

— Отстань, дятел! — отмахнулся сонно Сын Божий.

Однако глаза открыл.

Голубь топорщил перья, клюв его был открыт, а в бусинках глаз плескался откровенный страх.

— Иуду взяли!

Сын Божий сел.

— Кто? Где? Когда?

Голубь задергал шеей, по-индюшечьи надувая зоб.

— После митинга за ним херувимы пришли. По приказу Гавриила.

— За что?

— Никто не знает. — Голубя качало. — Увели, и все дела. Сам понимаешь, архангелы берут без постановлений.

— Наших видел?

— Петр на воротах, остальные тоже на свободе. Одного кариотянина взяли. Ох продаст он нас, нутром чую — продаст!

— А Дух где?

Голубь пожал крыльями.

— Может, случайность какая? — Сын Божий посмотрел на свою ипостась. — Он ведь после вечера с запашком был.

— Так у него же виза! — закрутился на месте Голубь.

— Вот и вышлют его в Ад за нарушения правил временного проживания в Раю, — предположил Сын Божий.

— Хорошо бы, — проворковал Голубь. — А если нет?

— Не каркай. Голубь все-таки, а не ворона.

— Зря, зря я с вами связался! — тоскующе проворковал Голубь. — Зря!

— Перестань ныть! — с досадой сказал Сын Божий. — Где Иуду держат, узнал?

— В санатории для нарушителей райского режима, — вздохнул Голубь.

11

Начальник ФСБ Грудятин был не только демократичен, но и полностью централизован.

— Почему не доложил? — обрушился он на генерал-майора Демина, который от неожиданного разноса забыл о радикулите и обрел выправку выпускника военного училища. — Ваше дело доложить о случившемся, а выводы предоставьте другим!

— Так ведь речь не о шпионе шла, а о черте, — виновато оправдывался генерал-майор.

— А вот это уже не ваше дело, — резко бросил Грудятин. — Для того у нас и Тринадцатое управление создано.

И там есть кому разбираться в ситуации. Докладная Санютина у вас?

Генерал-майор достал из папки злополучный рапорт и припиленное к нему скрепкой заявление вдовы полковника Двигуна.

— Так... — пробормотал Грудятин, просматривая предъявленные документы. — Где сейчас Санютин?

Генерал-майор смущенно побагровел.

— За рубежом, — сказал он, тоскливо ожидая, что сейчас ему поставят в вину и командировку Санютина.

— Монте-Карло? — поинтересовался начальник ФСБ.

— Мадрид, Ницца, Афины, — доложил генерал-майор Дремин и, отводя глаза, добавил: — Обычный маршрут связника.

Грудятин побарабанил пальцами по столу, но промолчал.

— Ну хорошо, — сказал он. — Вы свободны. Занимайтесь своими делами. А документики оставьте, я их кому следует передам, — добавил он, видя, что генерал-майор открывает папку.

Генерал-майор Демин шелкнул каблуками и отправился в ресторан «Прага», ибо ошалевший ум его требовал немедленного и вполне законного стакана выдержанного коньяка.

12

В это время полковник Санютин, передав у музея «Прадо» резиденту «дипломат» с валютой, пребывал в прекрасном настроении. В кармане его шуршали доллары от продажи черной икры, вывезенной из России с дипломатической почтой. Да и валюта, выделенная на поездку родимым Управлением, настроения тоже не ухудшала.

Жена ожидала Санютина в Ницце.

Полковник наслаждался испанской кухней в небольшом загородном ресторанчике и прогулялся по супермаркетам, заглянув под конец дня в посольство, чтобы передать коллеге приобретенные в магазинах вещи. Вечером его ожидала коррида.

Коротая время, Санютин отправился в Музей инквизиции, созданный ловким испанским мошенником для выколачивания валюты из туристов и испанских трудящихся.

В музее было тихо, прохладно и почти безлюдно.

Полковник разглядывал орудия производства инквизиторов с профессиональным интересом. Что ни говори, а допрашивать в средние века с их слабой технической оснащённостью умели! Санютин не сомневался, что в отрицаловку у следователей инквизиции никто не шел. Закончив осмотр Железной Девы и испанского сапога, полковник перешел к созерцанию гравюр, рассказывающих о способах применения этих технических устройств. В это время рядом повеяло жаром. Санютин обернулся и увидел высокого плечистого мужика в странном белом одеянии, поверх которого сверкал панцирь. За плечами мужика горбом выпирали сложенные белые крылья. Станный посетитель протянул руку к испанскому сапогу и неожиданно для себя увидел Санютина. Приложив палец к губам, мужик заговорщически прошептал: тс-с! — для наглядности и укрепления взаимопонимания продемонстрировал разведчику огромный извилистый меч. Санютин сразу же проглотил возглас изумления, чувствуя, как он холодной лягушкой ворочается в животе.

Любитель Средневековья схватил с подставки испанский сапог и исчез, оставив после себя слабый запах ладана.

Полковник был в достаточной степени умудрен житейским опытом, поэтому он быстро и незаметно удалился от пустого постамента, чтобы избежать неприятных расспросов музейных служителей.

Мужик, укравший испанский сапог, был странно знаком полковнику Санютину. Выйдя из музея, полковник долго вспоминал, откуда он знает похитителя, но так и не вспомнил.

13

— Цербер! — жарко выдохнул Длиннорыл.

Полковник Двигун увидел за языками пламени, встающими над Флегетоном, странное существо, похожее на собаку, но ростом с породистого жеребца и с тремя головами на длинных шипастых шеях. Клыки у Цербера были такие, что клыки самих демонов казались в сравнении с ними мелкими кошачьими зубками.

— Как бы он до нас не добрался, — озабоченно прохрипел Длиннорыл.

— Харона надо найти, — продемонстрировал знание греческих мифов Двигун.

В сером небе пронеслась стайка химер.

— Что-то они разлетались, — отметил Длиннорыл. — Не нас ли ищут?

Полковник подумал о том же, но признать это было страшно. В воздухе стоял мерзкий запах, рев Цербера не давал сосредоточиться, и в довершение ко всему где-то неподалеку слышался скрежет, словно кто-то с трудом свинчивал проржавевшую гайку.

— А вот и Тифон! — представил невидимого автослесаря асфодельских полей Длиннорыл. — Да, Смоляк, пора псалмы петь. Вы же, когда на смерть идете, всегда псалмы поете?

— Может, когда-то и пели, — скривил рыло полковник. — А теперь «Интернационал» поем или «Варяг»!

14

— Это беззаконие! — возмущенно орал Иуда. — Что вы мне инкриминируете? Я с друзьями повидаться приехал! С друзьями! Это запрещено? Я их почти две тысячи лет не видел!

— После того, как они вздернули тебя на смоковнице? — прищурился Гавриил.

— Друзей не выбирают, — набычился Иуда. — Я скучал по учителю!

— Которого ты предал? — снова уточнил архангел.

— Это была не моя идея, — отрезал задержанный.

— Значит, соскучился? — Архангел покачал головой. — В декларации указано, что вслед за вами пришел двухтонный контейнер. Что это был за груз и где он сейчас?

— Господи! — Иуда выразительно вздохнул. — Да подарки там были друзьям. То, се... Да я же давно все роздал! Подарил, понимаете?

Гавриил заглянул в плутоватые глаза бывшего апостола и со стуком водрузил на стол испанский сапог. Иуда побледнел. Несомненно, он знал, что это за приспособление.

— Нет, — выдохнул Иуда. — Второй раз я Его не предам!

— Та-ак! — с растяжкой сказал архангел. — Уже теплее!

— Так точно, — сказал начальник Тринадцатого управления ФСБ. — Было два запроса. Из Ада о возможности экстрадиции двух демонов, если те объявятся на территории России, и из Рая — о предоставлении возможного политического убежища, но уже одному демону по кличке Смоляк.

Он положил оба документа перед Грудятиным.

Тот надел очки, внимательно изучил документы и поднял на подчиненного веселый взгляд.

— А ведь темнят они, Моисей Адамович! Ох темнят! Вы запрашивали о случившемся нашу потустороннюю агентуру?

Это был конец.

Полковник Двигун понял это, когда Тифон скульптурно застыл в километре от них, жадно нюхая воздух.

— Идиот, — вслух обругал себя полковник. — Ну грешен, ну заповеди нарушал. Подумаешь, котла с кипятком испугался! Другие же терпят, и ты бы привык!

И таким заманчивым и недостижимым показался ему сейчас Ад, что полковник едва не заплакал.

Тифон медленно приближался.

— Глянь, — некстати толкнул товарища Длиннорыл, — голые бегут!

По асфодельскому лугу шла колонна голых атлетов. Затесаться в эту толпу красавцев у двух обросших шерстью кривоногих демонов не было ни единого шанса. Чертополохами смотрелись бы в этой толпе черти, сорняками в букете благоухающих роз.

Тифон снова заскрежетал.

— Интересно, куда они? — спросил Длиннорыл.

— Не знаю, — процедил полковник. — Я с местными обычаями не знаком... — Он вдруг схватил демона за мохнатую лапу. — Гляди, колесницы!

И впрямь — от серого горизонта мчались наперегонки многочисленные колесницы. Переглянувшись, демоны бросились им наперерез.

Сатана оглядел Люцифера.

— Ну, охотничек, — ехидно скривился он, — порадуй успехами!

— Они еще из Орка не выбрались, — пробурчал Люцифер. — Нечем пока хвастать.

— И что? — Сатана обошел Люцифера. — А ведь они здесь должны быть! Здесь, понимаешь?

— Так нас Зевс в Орк не пропустил, — развел лапы и перепончатые крылья Люцифер.

— Вы обращались к Зевсу? — Казалось, что Сатану вот-вот хватит удар. — Значит, этот интриган уже кое-что знает? Люцифер! Ты соображаешь, что ты натворил?

Люцифер еще ниже наклонил голову. Хвост его нервно постукивал по полу.

— Ты! — Сатана взял его за козлиную бородку. — Ты выдал этим недоумкам с Олимпа высшую тайну Ада! Ты вручил им оружие против меня! Идиот!

Он оглядел присутствующих.

— Все бросить! — приказал он. — Заняться поисками. Запомни, рогатый дурак, если демоны не будут схвачены, ты потеряешь все.

Стоявший у него за спиной и наблюдавший за выволочкой товарища Вельзевул казенно добавил:

— Тем более что нашими беглецами заинтересовались и на Земле, — и раскрыл перед повелителем папку, сделанную из кожи Каина.

— Заварил кашу, стервец! — Сатана пнул Люцифера копытом. — Теперь жди неприятностей!

Вельзевул протянул повелителю еще одну бумагу.

— В Раю взяли Иуду, — доложил он, окончательно добивая поджавшего хвост Люцифера.

Сатана бессильно откинулся в кресле, достал из воздуха сигару, прикурил от когтя правой лапы, выпустил едкий и плотный клуб дыма и будничным голосом произнес:

— ...!

Дух менял свои очертания.

Да, смесь амброзии, нектара и спирта была действительно гремучей. Разговаривать с ним было бесполезно.

Не менее жалкое зрелище представлял Голубь. Старый греховодник топорщил перья, взволнованно раздувал зоб и потерянно ворковал:

— Ну, зачем, зачем я с вами связался? Летел бы сейчас к Марианне... или к Клотильде... или к Изауре... Да к просто Марии, наконец! — Похоже, святую птицу заклонило на женских именах.

— Иуда меня не предаст, — без особой уверенности сказал Сын Божий.

— Как в Гефсиманском саду! — съязвил Иаков. — И ведь как целуется, стервец!

— Не ерничай! — одернул товарища Фома. — И без тебя тошно!

— Второй раз не распнут! — ухмыльнулся Иаков. — Может, семи смертям и бывать, но на крест больше не пошлют!

— Что делать будем? — оглядел соратников Сын Божий.

— Надо сдаваться, — вслух подумал Матфей.

— Спасать Иуду надо! — девичьи покраснелся Варфоломей и пощекотал Голубя под крылышком. Голубь немедленно выгнулся, надул зоб и привычно заворковал, шаркая лапками. — Если мы его не спасем...

— И как мы это сделаем? — прищурился Сын Божий. — На приступ лечебницы пойдем? С арфами наперевес?

— Заговорит кариотянин, — раздумчиво бросил Иаков, — все мы тут заскучаем.

— Ты с жаргоном завязывай, — посоветовал Сын Божий. — Среди нормальных людей сидишь, а не заезжих бабыг на дорогах к Самарре шелушишь. Дело серьезное.

— Вот и я говорю, — кивнул Иаков. — Стремно, брат.

— Банда путчистов! — с отвращением сказал на миг протрезвевший Дух. — Смотреть на вас отвратно. На кого помыслили руку поднять?

— Зачем я с вами связался? — заныл Голубь. — Жили себе... Ну, славословили, конечно, не без того. Так ведь ему нравилось! А теперь что?

Варфоломей снова погладил его, и Голубь потянулся к апостолу клювиком.

— Хватит ныть, — решительно сказал Иаков. — Надо идти Иуду с кичи вынимать!

— А если херувимов подкупить? — поинтересовался молчавший до того Левий Матвей.

190 Все повернулись к бывшему мытарю.

— Был я у лечебницы, — сказал практичный апостол. — Поглядел я на жизнь херувимскую. Морды у них львиные, сами они велики и жрать постоянно хотят. А мяса в Раю нет! Надоело им, поди, на финиках да акридах сушеных сидеть. Не очень на них пожирешь!

— Да где мы мясо-то возьмем? — вынырнул из небытия Дух. — Я уж и сам его вкуса не помню!

19

Двое нежились под солнцем.

— А чего Тебе, Господи, хочется? — простодушно спросил архангел Гавриил.

Бог зевнул и откровенно признался:

— А ничего Мне, Гаврюша, не хочется. Скучно Мне!

— Я вчера Иуду допрашивал, — сообщил архангел.

— Молчит?

— Молчит. Второй раз, говорит, я Его не предам.

— Значит, есть чего предавать, — заметил Бог. — Нажать надо. Крепенько нажать.

— Не по-Божески будет, — усмехнулся Гавриил.

— Да ну? — удивился собеседник. — А разве Мною где-нибудь сказано «не пытай»? Что Господу страдания несправедливой души? Я и в Потоп сожалений не чувствовал. Грешник мучиться и страдать должен, и все равно, где он страдает, — в Аду или в Раю. Нажми на него, Гаврюша, крепко нажми!

— Нажимал уже, — признался архангел.

— И что же? Молчит?

— Воеет...

Они помолчали. Вокруг жужжали пчелки, трудолюбиво собирая нектар с цветочков, боролись среди березок косолапые славные медвежата, ласточки быстрокрылые в небе летали. Лепота кругом. Одно слово — Рай.

Вдали слышались звон арф и протяжное пение, сопровождаемое возгласами «аллилуйя!».

Бог пожевал губами.

— Частушки, говоришь, про меня пели?

— Пели, Господи!

— Не помнишь? Люблю, брат, народное творчество.

Гавриил задумался и пропел не лишенным приятности голосом:

Мы в Раю — одна семья:
Бог, архангелы и я,
Вот бы нас увидел Брэм,
обсмеялся б, старый хрен!

— Что-то они не то поют, — задумчиво проворчал Бог. — На митингах они иное горланят.

— На проповедях и Ты, Господи, другой, — возразил архангел.

Бог снова надолго замолчал.

Удивленный его долгим молчанием, архангел заглянул в одутловатый Лик — не спит ли?

Бог не спал.

— Чудны дела Мои, — задумчиво сказал Он. — Но их дела еще чуднее. Я тут на днях в Чистилище с душами усопших российских демократов встречался. Интересно, понимаешь. Спрашиваю их: в Меня веруете? Веруем, кричат, веруем, Господи. А давайте, говорю, ко мне философски подойдем. Нет, кричат, не согласны мы к Тебе, Господи, философски подходить. Ладно, говорю, тогда давайте к вам философски подойдем. Как вы себе Вселенную представляете? Бесконечна она, говорят, Господи, и ты, Боже, в центре ее. Хорошо, говорю, особых возражений нет. Согласны вы, что слово Мое — закон? Согласны, говорят, конечно — закон! В Библии, мол, так и сказано: вначале было Слово. Слуги Мои, спрашиваю, вершат над вами суд праведный? Тут у них разногласия пошли, до хрипоты они спорили, но со Мной согласились. Так вот, говорю, как вы назовете общество, в котором правит один человек, законы его исполняются неукоснительно, а следят за соблюдением этих законов верные слуги, а остальные безмолвствуют и повинуются? Смотрю, молчат и ждут слова Моего. Смелее, говорю им, смелее. Называйте вещи своими именами. Они с неохотой такой, вразнобой, но признали — это, Господи, тоталитарное общество, а ты, выходит, — диктатор. Правильно, говорю. Так как же вы, верующие в свободу, идеалом своим считаете тоталитарную систему, а диктатору поклоняетесь и догматически в него веруете? — Бог глухо засмеялся.

— А дальше что? — спросил Гавриил.

— Неинтересно Мне с ними стало, — сказал Бог. — Направил я их всех к Моему рогатому оппоненту. За поклонение ложному кумиру, понимаешь...

— Господи, — сказал архангел. — Да этак можно всех наших праведников туда отправить!

— Всех нельзя, — строго сказал Бог. — Глупо наказывать тех, кто верует не раздумывая. А вот думающие, они, дружок, самый опасный народ. Думающие да сомневающиеся в праведники не годятся. Блудливы они в помыслах своих, от того блуда революции случаются...

Он снова замолчал, глядя в небесную синеву с коромыслом радуги от горизонта к горизонту.

— А насчет желаний... — Он протянул руку, и на пухлой ладони глянцево засветилось большое красное яблоко. Господь с видимым удовольствием надкусил фрукт и закончил: — А что Сам не смогу, ангелы притащат!

— Трудно Тебе, Господи?

— Скучно. Спел бы еще частушечку. Только поприличнее, все-таки Богу поешь!

— Неприличности частушке смак придают, — не согласился архангел. — Без неприличности частушка, что ария из оперы — тоска и серьезность.

Он подумал немного, припоминая частушки апостолов, и задорно грянул:

Бог постом меня замучал,
у Аллаха — гурий тучи.
Ежель бабы не найду —
в мусульманство перейду!

— Охальники! — проворчал Бог. — Таким ли в Раю жить? Старые заслуги спасают!

20

А теперь представьте себе следующую пропозицию.

Серый луг, заросший асфодеями. Два взмыленных и измученных черта. Впереди дорогу им перерезали колесницы с покойными героями Эллады, слева приближается Цербер, справа пытит и плюется пламенем Тифон. И назад не побежишь, там Флегетон полыхает.

Демонов била дрожь. Полковник Двигун нервничал. Не хотелось полковнику умирать еще раз, да,

видно, судьба выпадала такая. Хмуρο и зло он посмотрел вверх.

Не орленок из пионерской песни парил в небе, хмурые и злые гарпии сварливо ругались с небес.

— Хитрый ты был демон, Смоляк, — вздохнул Длиннорыл. — Честно говоря, я порою тобой восхищался. Но похоже, что и твоему везению конец пришел!

Полковник затравленно оглядывался.

Внезапно он схватил демона за шерстистую лапу:

— Крылатые лошади! — ахнул он. — Никак Пегасы?

Длиннорыл взглянул и отвернулся.

— Не суетись! — сказал он. — Примем конец как должное. Ну, горбатые лошади пасутся! Мне о таких знакомый аравийский джинн рассказывал. Верблюдами они называются.

— Сам ты верблюд! — воспрянул духом полковник. — А ну за мной!

Долгое время им не удавалось поймать даже самого хилого Пегаса. Животные разбегались, но не взлетали. Наконец Длиннорыл предложил прикинуться таким же Пегасом. Или, на худой конец, кентавром. Полковник ухватил демона за талию, прижался рогами к его пояснице и принялся бодро помахивать хвостом. Со стороны их странная фигурка скорее напоминала задорного бычка, но тем не менее уловка удалась. Бодрой рысью они вбежали в мирно пасущийся табун. Вам когда-нибудь удавалось стоя дотянуться до луговой травы? Длиннорыл это сумел.

Пощипывая траву, он зорко следил за ближайшим Пегасом, время от времени пытаясь лягнуть бодающего его полковника.

Пегас приближался.

— За гриву его хватай! — шипел полковник.

— Не при рогами, — мычал, скаля клыки, Длиннорыл. — Поясницу пропорешь!

Пегас недоуменно оглядел странное животное. Длиннорыл проворно потянулся к траве, и Пегас равнодушно отвернулся от демонов.

— Давай! — Демоны рванулись к крылатому коню, цепко впиваясь лапами в его роскошную гриву.

— Стоять! — привычно заорал полковник, но тут же поправился: — Тпру! Тпру, волчья сыть!

Он и сам бы не сумел объяснить сейчас, откуда взял это название.

Цербер был уже совсем рядом. Свившись в кольцо, поднялся над травой красноглазый Тифон, довольно потирая хищные лапы.

— А-ах! — застонал полковник, впиваясь клыками в шею Пегаса. Любимец поэтов гневно заржал, поднялся на дыбы и, распахнув два белоснежных крыла, поднялся в воздух.

Взвыл на три голоса Цербер. Злобно зашипел Тифон. Что-то завопили голые атлеты и наездники с колесниц. А крылатый конь уже плавными кругами набирал высоту, унося на своей широкой спине двух измученных демонов.

21

Начальник Тринадцатого управления ФСБ покачал головой.

— Не стоит нам с американцами вязаться, — сказал он. — Сами управимся.

— А вот тут мы вас поправим, Моисей Адамович, — сказал укоризненно Грудятин. — Время конфронтации давно прошло. Сейчас наблюдается тенденция к сотрудничеству спецслужб. Недавно мы открыли свои архивы для ЦРУ, через несколько лет и они нас к своим секретам подпустят. А методу СМЕРШа мы отвергаем, это не наша метода, не демократическая. Это, прямо скажем, наследие сталинского тоталитаризма. — Он встал из-за стола, подошел к окну и поманил начальника Тринадцатого управления. — Чей памятник на площади стоит?

— Скульптора Церетели, наверное, — сказал тот. — Других наш мэр не признает. Если хотите, я уточню.

— Даллесу стоит памятник, — сказал Грудятин. — Как Дзержинского свалили, так через несколько лет на тот же постамент Даллесу памятник и поставили. А вот скульптор действительно Церетели, тут вы, Моисей Адамович, не ошиблись. А где наш Дзержинский? Где наш Железный Феликс?

— Понял, — сказал главный специалист по сверхъестественным силам. — Разрешите идти?

— Генерал-ал. — Грудятин смахнул с погона подчиненного невидимую пушинку. — Вспомните, с каким трудом наша страна добывала американские секреты! Сколько разведчиков мы потеряли, сколько валюты было затрачено! Страшно вспомнить! Отныне все будет по-другому.

ЦРУ будет поставлять секреты своей страны нам, а мы будем информировать их о наших секретах. Никакого риска! Все будет дешево и сердито. Совсем недавно я встречался с ихним Полби, и мы в основном договорились по всем вопросам. Это будет новая эпоха в деятельности разведки. Вы согласны со мной, генерал?

— Так точно! — рывкнул начальник Тринадцатого управления. Как старый служака он отлично понимал, что свое мнение может иметь только отправленный на плаху или написавший рапорт об отставке. — Разрешите идти?

Грудятин взял подчиненного за пуговицу кителя.

— Я понимаю, — сказал он. — Уязвленное самолюбие профессионала. Я, бывший сантехник, сделал для сотрудничества двух спецслужб больше, чем работавшие до меня специалисты. Но поймите, что я смотрел на все свежим взглядом и смело сломал устоявшиеся и замшелые стереотипы.

Он отпустил пуговицу, сел за стол и приказным тоном добавил:

— Готовьте встречу Санютина и Холанда. Санютин сейчас в Европе, Холанд тоже, к тому же они старые заочные соперники, и сотрудничество пойдет им на пользу. У меня все. Вы свободны, генерал!

Начальник Тринадцатого управления вышел от своего шефа в полуобморочном состоянии. Такого он не видел со времен правления Никиты Сергеевича Хрущева. Мало того что Санютин не являлся его подчиненным, теперь он еще должен был организовать встречу чужого сотрудника с кадровым иностранным разведчиком. И указание на эти действия он получил в устной форме. Не стоило и гадать, чья голова полетит в случае неудачи.

Начальник ФСБ Грудятин остался в кабинете один. Со стены на него насмешливо щурился Феликс Дзержинский. Грудятин ощутил смятение и неловкость и, чтобы справиться с охватившими его чувствами, показал портрету язык.

В кабинет робко заглянула секретарша.

— Владимир Ефремович, — доложила она. — В душевой кран течет.

— Да-а? — приятно удивился Грудятин.

Открыв служебный сейф, он достал из него набор инструментов.

— А ну покажите мне этот кран, — попросил он и доверительно сообщил секретарше: — Сейчас вы увидите работу настоящего профессионала!

22

Полковник Санютин выбежал из изумрудно-бирюзового Средиземного моря, спортивно пробежался, стараясь не обращать внимания на полногрудых и длинноногих красоток в бикини, и вытянулся рядом с супругой на горячем песке.

На полковнике были японские плавки с игривым изображением морды грозного тигра. Супруга не раз отмечала, что в этих плавках Санютин был бы похож на настоящего мужчину, не будь морда у тигра такой плоской. Глаза полковника прикрывали модные солнцезащитные очки, и никто бы никогда не догадался, что на европейском пляже бесечно загорает русский разведчик, если бы на левом бицепсе полковника не были изображены карта, бутылка и голая женщина, снабженные лаконичной надписью на русском языке «Вот что нас губит!».

Связной опознал полковника по этой татуировке.

В строгом черном костюме, в накрахмаленной рубашке и в китайском галстуке, он присел рядом с Санютиным. Вид связника особого опасения не вызывал. На каждом пляже можно найти хоть одного строго и даже чопорно одетого человека, поэтому лучшей маскировки для курьера трудно было придумать.

— Кажется, шторм начинается, — внятно произнес связник обусловленную фразу по-французски.

Соседи изумленно посмотрели на него и уставились на спокойное море.

— Жаль, что Айвазовский умер, — по-французски отозвался Санютин. — Он бы его отобразил!

Связной, не обращая внимания на еще более изумленные взгляды окружающих, поставил на песок портфель.

— Здесь документы и билет до Афин, — сказал он. — В день прилета у входа в Акрополь вас будет ждать мужчина с пластинкой Муслима Магомаева в руке. Он спросит: «Вы любите оперу?» Вы должны ответить: «Нет, я тащусь от эстрады». От этого человека вы получите все необходимые для следующего задания инструкции.

— Что случилось? — Полковник беспокойно сел.

Человека в черном костюме поблизости не было. Отдыхавшие по соседству иностранцы подозрительно смотрели на Санютина, негромко переговариваясь.

— Русский мафиозо... — услышал Санютин. — Апаш!

Супруга медленно повернула к Санютину округлое, но еще не утратившее привлекательности лицо:

— Что случилось, мышонок?

— Я уезжаю, — сказал полковник. — Прямо сейчас.

— Далеко?

— В Грецию. Ты, Аня, отдыхай. Я быстро обернусь.

Жена снова лениво подставила лицо жаркому южному солнцу.

— Оливкового масла купи, — сказала она, не глядя на мужа. — В Греции оливковое масло дешевое.

23

Свистнула стрела и на излете по плавной дуге полетела вниз. Пегас шарахнулся, молотя крыльями холодный вязкий воздух, и потянул за реку, выбрасывающую вверх багровые языки пламени.

— Не достанут! — уверенно сказал полковник Двигун. — Теперь бы еще сесть где надо!

Длиннорыл вдруг заорал, отмахиваясь от кого-то лапой. Полковник глянул через плечо демона и увидел безобразную гарпию, которая пыталась впиться в нижнюю лапу демона чуть выше копыта.

— По морде ее! По морде! — Полковник пытался исполнить пожелание лично и едва не свалился с широкой спины Пегаса.

Чуть ниже крылатого коня кружилась стая жутких созданий, яростно ругающихся по-гречески. Снизу за воздушной схваткой наблюдали Тифон и Цербер. Эти своего никогда бы не упустили, и полковник понял, что рисковать не стоит.

Гарпии снова пошли в атаку.

Полковник сорвал с себя кожаный передник и принялся отмахиваться им от крылатых монстров. При этом он грозно бодал воздух.

198 — Кыш! — рычал он. — Кыш, твари пернатые!

Демон Длиннорыл удачно врезал копытом в старушечий подбородок одной из гарпий, и та, беспорядочно разбросав черные крылья, словно сбитый самолет, пошла вниз. Товарки кинулись спасать ее, на время оставив косматых всадников в покое.

— Ладья! — заорал Длиннорыл в острое ухо товарища. — Ладья, Смоляк! Вниз надо!

Полковник склонился к трепетному уху скакуна.

— Вниз, милый, вниз! — принялся умолять он держащегося в воздухе Пегаса. — Нам вниз надо! Вниз, дорогой!

Пегас не обращал внимания на его мольбы. «Стихами надо! — обожгла сознание полковника внезапная догадка. — Он же с поэтами постоянно якшается, привык к стихотворному изложению мысли!»

Ничего подходящего, однако, не приходило. Одни глупости вроде «Наша Таня громко плачет...».

Вот черт! Полковник оскалился, до смерти напугав решившуюся на атаку одинокую гарпию. Стихи! Давай! Давай, Сережа! Стихи!

И вдохновение отчаяния породило следующие строки:

Пади, как лист осенний винограда,
на древний луг близ медленной реки.
Пегас! Родимый! Мне к Харону надо!
Поля мне асфodelевы горьки...

Конь величаво взмахивал огромными крыльями, не обращая внимания на творческие потуги наездника. Полковник застонал. Гарпии пошли в очередную атаку.

Отчаяние подстегивало не только воображение, но и память. «Гекзаметр! — осенило вдруг полковника, который в жизни ничего, кроме Юлиана Семенова и служебных приказов, не читал. — Греки-то в основном гекзаметр использовали!» Сергей Степанович догадывался, что это озарение, возможно, пришло свыше. Но времени на изъявления благодарности Всевышнему не оставалось.

Слушай, Пегас, нам пора опуститься на землю,
глупо поддаваться порывам слепого Борея.
Черное облако смерти уже небеса покрывает.
Только Харон нас спасет, тот, что машет рукою...

— продекламировал полковник, отбиваясь кожаным передником от вновь пошедших в атаку гарпий.

О чудо! Крылатое животное, вняв его поэтическим мольбам, легло на крыло, словно всю жизнь служило

в Аэрофлоте воздушным лайнером. Полковник облегченно выдохнул и хлопнул лапой по лохматому плечу Длиннорыла:

— Живем, братец! Живем! Быстро ищи лодку!

24

Носатый и смуглый греческий таксист содрал с полковника Санютина пятнадцать долларов за доставку из аэропорта, и Андрей Андропович подумал, что если траты будут расти так стремительно, то жене придется вместо оливкового масла обойтись подсолнечным.

Разместившись в гостинице, Санютин поспешил к явочному месту. У входа в Акрополь стоял мужчина в черном костюме и обмахивался большой пластинкой Муслима Магомаева. Видно было, что здесь он стоит уже давно.

Санютин проверился.

Слежки за ним не было.

Купив у разносчика мороженого твердый рожок с разноцветными холодными шариками, Санютин вернулся к связнику.

— Вы оперу любите? — поинтересовался связник.

— Я от эстрады тащусь, — небрежно сказал отзыв Санютин.

— Мороженого не купите? — спросил связник. — Запарился уже. Третий час жду.

— Что же вы этак экипировались? — поинтересовался Санютин.

— Да ничего другого не было, — с досадой признался коллега. — Вы же знаете наше хозяйственное управление, они там все партиями закупают. Не в меховом же монгольском халате идти на встречу?

Связник сунул пластинку полковнику.

— Все инструкции на пластинке. После прослушивания поломайте пластину на куски и смойте в унитазе. В воде она растворится. — Он потными глазами посмотрел на полковника и пожаловался: — Мороженого хочу!

— У меня валюты в обрез, — твердо сказал Санютин. — Только для выполнения задания. А разве вам на поездку ничего не выделили?

— А я на эти деньги журнальчиков разных закупил, — объяснил связной. — У нас в Торжке ничего подобного нет.

— Не расшифровывайтесь, — опасливо огляделся по сторонам Санютин. — Вы не на улице Горького.

Связник посмотрел в уверенные и твердые как сталь глаза полковника Санютина и понял, что не только мороженого, стакан содовой безо льда он от него не дожидается.

25

Попробуйте пронести мимо мясокомбинатовского вохровца три свиные туши, не заплатив тому соответствующей мзды, и вы поймете, каково пришлось апостолам, доставляющим через Чистилище мясо для подкупа херувимов.

По предложению хитроумного Луки туши обрядили в хитоны, и апостолы с песнями двинулись через проходную Чистилища, держа ряженные холодные туши под передние обрубки. Рыла прикрыли нимбами, чтобы не сразу бросались в глаза.

Чистилищный был холоден, деловит и сух.

С отвращением оглядев нетрезвую компанию, он сказал:

— Придется доложить Гавриилу!

Лука душевно обнял чистилищного за сложенные крылья.

— Брось ты! — сказал он. — Ну, подгуляли ребята малость. С кем не бывает? Мы ведь и вас не забыли, «Смирновской» ящичек привезли.

Глаза чистилищного на мгновение вспыхнули.

— Предлагаете взятку должностному лицу? — спросил он и весело добавил: — Беру!

Оглядев компанию, чистилищный проявил бдительность.

— А что ж это у вас так — кто поет, кто не поет? И нимбы перекошены...

— Да нарезались по самый пяточок, — беспечно махнул рукой Лука. — С кем не бывает?! Открывай ворота, братила, отсыпаться пойдем. Не до песен ребятам, им бы до Рая добраться!

Привратник Петр встретил друзей без особого восторга. Ох не нравилось все это святому Петру! А ну как обнаружатся туши в Раю? Кому отдуваться? Сразу ведь ясно будет, кто разрешил их в Эдем протащить. Приврат-

ник тоскливо посмотрел вслед удаляющейся компании, истово перекрестился и прошептал:

— Господи, пронеси!

26

Сатана расхаживал по кабинету, держа речь перед пустыми стульями. Для публичного выступления время еще не пришло, но ведь Цицерон и тот, говорят, постоянно тренировался! Обретавшегося у него в первом круге Цицерона темнейший князь почитал за образец оратора.

— ...поэтому Ад много демократичнее Рая, — сказал Сатана и сам удивился высказанной мысли. — Меня всегда раздражал присущий Богу вождизм. Поведение Саваофа возмутительно, он и на Земле пытался насадить свои порядки: то с помощью Потопа, то организуя охоту на ведьм, то проводя в земные массы идеи крестовых походов. А его поддержка тоталитарных общественных систем? Ведь оно не случайно, господа и товарищи! Все его Царствие Небесное — оплот самого ярого тоталитаризма! Псалмопения и славословия праведников — не более чем идеологическая шелуха и нажим на душевные массы. Пора отделить зерно от плевел. Только демос — простые грешные души, нарушавшие и нарушающие его насквозь фальшивые заповеди, способен создать подлинно справедливое общество, основанное на уважении каждой единичной души и общекультурных ценностей!

Он говорит «Не убий!» и провоцирует крестовые походы, резню среди верующих в него, ориентирует людей на сладостный ему вождизм, во имя которого люди убивали себе подобных миллионами!

Он говорит «Не укради!» и спокойно наблюдает, как меньшинство нагло и бессовестно обворовывает большинство. Спросите его, каким образом возвысился в Египте Иосиф и не только он один!

Он говорит «Не сотвори себе кумира», а кем он подает себя, уж не единственным ли приложением любви миллионов? Себялюбец, требующий к себе постоянного внимания, требующий молитв и славословий себе, — вот кто есть Бог!

Он говорит «Не прелюбодействуй». А имеет ли он право на это, он, возжелавший жены плотника, соблазнив-

ший земной благоуханный цветок ради своих, мягко говоря, сомнительных целей? К чему он стремился, выводя своей ипостасью Голубя? Уж не к бесконтрольному ли греху и прелюбодеяниям?

Бог провозгласил заповеди, которые сам же нарушает!

И мы вправе спросить себя, а нужен ли нам такой Бог? И мы должны честно ответить на свой вопрос: нет, такой Бог нам не нужен! Что может быть противоестественнее тоталитарного Рая с его мнимыми Равенством, Братством, Свободой и Солидарностью? Что может быть хуже Рая, в котором поклоняются одному, слушают одного, молятся одному, где насильно введено вегетарианство, где праведник бесправен, а потому несчастнее любого грешника? Да, наши грешники кипят в котлах, их мажут смолой и дегтем, но муки они испытывают за свою прошлую свободу! А праведники жили свободой будущей, которую они так и не обрели.

Мы должны освободить души умерших от цепей внутреннего рабства!

Свобода для всех и для каждого должна стать нормальным законом загробной жизни. Только реальные свободы и возможность греха ведут к единению миллиардов умерших!

— Прекрасная речь! — льстиво сказал проскользнувший в кабинет Вельзевул. — Без сомнения, она нашла бы самый горячий отклик в сердцах обитателей Рая! Вы блистательны, Владыка!

— Чего тебе? — хмуро спросил Сатана.

— Люцифер вылетел на Землю. Судя по всему, нашим беглецам удалось покинуть Орк. Мы тут прикинули, Владыка. Нельзя допустить их контакта с Богом или священником. Вдруг этот лжедемон расколол Длиннорыла?

— Что вы предприняли? — сухо спросил Сатана.

— Мы подняли на ноги своих людей в ЦРУ, ФСБ и в Моссаде. К сожалению, в греческой контрразведке у нас крепких позиций нет, они там больше с олимпийцами яхшуются. Мы тоже пытаемся добиться соглашения с олимпийцами, но пока безуспешно. Возможно, что Зевс сам желает захватить беглецов и использовать их в своих целях.

— Этого допустить нельзя, — хмуро бросил Сатана. — Вельзевул, мы должны опередить всех. Они все поступают так, как им выгодно!

Он прошелся по кабинету, сцепив лапы за спиной и взмахивая хвостом, словно рассерженный кот.

— Что с Иудой?

— Молчит наш Иуда, — удрученно сказал Вельзевул.
— Запросите по официальным каналам, — нехотя сказал Сатана. — Потребуйте его выдачи. В конце концов он всего лишь грешник. Или сообщите, что Иуда по подложным документам бежал из котла. А ответственность возложите на беглых демонов. Мол, потому и бежали, что испугались ответственности за ротозейство!

27

— Ты будешь говорить, отрыжка дьявола?

Иуда тоскливо смотрел в окно. С расположенного неподалеку озера доносился звон арфы, и молодой сильный голос выводил:

Играй, моя арфа, играй.
Вокруг расстилается Рай.
Но мне отчего-то
на Землю охота
в далекий и солнечный край...

— Ну? — Гавриил сделал знак херувиму, и тот принялся деловито подкручивать винты испанского сапога. Иуда терпеливо и привычно застонал.

— Что ты знаешь о планах Сатаны? — Гавриил вбивал в сознание Иуды свои вопросы, точно гвозди. — Замешаны ли в его делах ипостаси? Какова роль Голубя? Куда он летает на самом деле?

Иуда сосредоточился на песне.

У Вечности я на краю
душевную боль изолью.
Из райской неволи
мне хочется в поле
Земли, о которой пою...

Архангел тоже прислушался, помрачнел и приказал стоящему у входа ангелу:

— Певца изловить и направить в клинику. Рай ему, подлецу, не нравится! На Землю ему захотелось!

Вернувшись к делам, Гавриил хмуро оглядел посланника Ада.

— Будешь говорить, рыжая сволочь? — недобро спросил он.

— Ничего я не знаю, — плачуще сказал Иуда. — В гости я приехал, в гости!

Служба в госбезопасности, к сожалению, обучению гребле на лодке не способствовала. Длиннорыл же, будучи Демоном на все руки Министерства интриг, как ему и полагалось, увлекался теннисом. Неудивительно, что лодка то кружилась на месте, то шла боком, а весла вздымали высокие и бестолковые фонтаны волн.

С покинутого демонами берега бессильно грозил кулаком и слал проклятия Харон. Гарпии, увидев, что демоны ускользают, куда-то унеслись и возвратились с большими гранитными обломками в лапах. Выстроившись в кильватер, они поочередно пикировали на угнанную ладью и метали в нее принесенные глыбы. Старушечьи подслеповатые гарпии меткостью не отличались, и подземная река была в фонтанах воды. Происходящее удивительным образом напоминало бомбежку израильянами Суэцкого канала, где Сергей Степанович одно время был инструктором дружественных египетских войск.

— Греби! Греби, мать твою! — хрипел полковник.

Длиннорыл старался, но от его судорожных гребков лодка двигалась короткими толчками, то и дело стремясь лечь на обратный курс.

Сброшенный гарпией обломок взметнул фонтан воды совсем рядом с лодкой, и полковник, потеряв голову, согнал демона с весел. Страх — неплохой учитель: короткими толчками полковник погнал лодку к спасительному берегу.

Гарпии исчезли, истратив свой боезапас.

— Давай, Смоляк! Давай! Еще немного! — орал Длиннорыл, восторженно лупцуя хвостом по корме. — К берегу, Смоляк! К берегу!

— ...! — донесся с противоположного берега зычный голос седобородого Харона. В минуты душевных волнений греческий язык так же велик и могуч, как и русский. Все было понятно без перевода. Старый речник стоял среди зарослей асфоделей и грозил беглецам вздернутыми вверх кулаками.

Полковник Санютин уединился в номере гостиницы, включил проигрыватель и поставил звукосниматель на черный диск. Зычный и уже полузабытый голос

Магомаева печалился о том, что «вьюга смешала землю с небом», потом послышалось шипение, потрескивание, и спустя небольшую паузу голос певца продолжил:

Должен Санютин быть готовым
встретиться с Холандом Иовой.
К нам сообщение пришло из Ада,
и мы не верить не можем ему!
Будут с Олимпа рваться черти,
каждый достоин только смерти,
дома полковника ждет награда,
если поймет он, что и к чему...

Санютин дослушал пластинку, снял ее с диска проигрывателя, изломал на мелкие куски, которые согласно инструкции спустил в унитаз. Сквозь шум воды слышался требовательный и вместе с тем очень вежливый стук во входную дверь. Санютин вышел в прихожую и открыл дверь. На пороге номера стоял моложавый атлетически сложенный мужчина и, улыбаясь, смотрел на постояльца гостиницы.

— Здравствуйте, Антуан! — сердечно сказал атлет, закрывая за собой дверь.

Полковник Санютин узнал в неожиданном посетителе своего старого заочного противника. Перед ним стоял знаменитый Иова Холанд, агент ЦРУ, выкрававший секреты российского космического челнока «Буран», склонивший к употреблению наркотиков Ясира Арафата и сделавший безбожником иранского аятоллу. Вообще за Иовой Холандом много чего нехорошего водилось!

— Вы ко мне? — поднял светски брови полковник Санютин.

— Вы любите оперу? — белозубо улыбаясь, спросил американец.

30

— Костей много! — брюзгливо сказал херувим, с видимой жадностью оглядывая свиные туши.

— Мяса без костей не бывает! — отрезал Левий Матвей. Ему, как бывшему мытарю, было доверено торговаться с херувимом. Собирать подати было трудно. Левий Матвей в своем деле был великим профессионалом.

Херувим вел себя так, словно находился в мясных рядах рынка. Он ворочал туши, сыпал малопонятными апостолам терминами типа «огузок», «брюшина», «окорок», «грудинка», и было видно, что противостоит бывшему мытарю не менее крупный специалист.

— Мало, — безапелляционно сказал херувим. — Рисковать местом из-за трех маленьких и даже, скажем, не свиной, а подсвинков...

Все рушилось.

Сын Божий тоскливо глянул на Левия Матвея.

Левий Матвей был невозмутим.

— Подсвинки! — передразнил он херувима. — Полнокровные настоящие свиньи. Ты еще их поросятами назови! Не нравится, так не бери, а товар не хай. На него другие покупатели найдутся.

Он всплеснул руками.

— Три прекрасных полновесных свиньи за одного никому не нужного калеку! Не берешь и не надо! Иди к Гавриилу, может быть, у него больше получишь!

Он повернулся к херувиму спиной, показывая, что торг окончен.

Сын Божий не выдержал.

— Может быть... — нерешительно начал он, и херувим с живостью повернулся к новому оппоненту.

Толчок в спину вразумил ипостась, и Левий Матвей вновь овладел положением.

— К Гавриилу, — сказал он. — Я думаю, в Раю и помимо тебя много любителей свежей свининки найдется!

Херувим вздохнул и задумчиво почесал подбородок левой средней ногой. Видимо, перспектива получить сырое мясо от архангела показалась херувиму столь же вероятной, как и снегопад в пустыне в разгар лета, и он заколебался.

Львиная морда херувима стала умильно кошечьей, передние лапы торопливо накрыли свиные туши.

— Согласен, — сказал херувим. — Уж и поторговаться нельзя!

— Не на рынке! — отрезал мытарь. — Когда мы получим нашего калеку?

Херувим подумал.

— После вечернего допроса, — сказал он. — Но свинок вперед!

Риск, конечно, был, но минимальный. Как всем известно, херувимы не лгут. Все-таки они больше львы, чем кошки. Оставалось надеяться, что во время допроса Иуда не скажет ни слова.

31

Бог прогуливался по аллее.

Вдоль аллеи зеленели стройные кипарисы.

Архангел Гавриил следовал за ним, чутко вслушиваясь в молчание Господа. Молчание ничего хорошего не предвещало.

— Хорошо бы новую Вселенную сотворить, — вздохнул Бог. — Только куда эту девать?

Архангел промолчал.

— Что нового? — поинтересовался Бог.

— Запрос пришел из Ада на Иуду, — доложил архангел. — Требуют вернуть бежавшего грешника.

— Бежавшего? — Бог хмыкнул. — Ты ответ им подготовил?

— Жду указаний, Господи!

— Сообщи, что Иуды в Раю не обнаружено. Мол, апостолам о местонахождении Иуды ничего не известно, не стоижи они брату своему. А как там сам Иуда?

Архангел покачал головой.

— Стоит на своем. Орет, что в гости приехал.

— Выяснили, что он провез в Рай?

— Нет, Господи. Досмотр груза не проводился. Видимо, сунули в Чистилище кому надо.

— Ты виновных накажи, — сказал Бог. — Вплоть до опускания в смертных. Что у тебя еще?

— Апостолы вчера в Рай вернулись поддатыми.

— Почему не доложили своевременно? — поднял бровь Бог.

— Некому было докладывать, — признался Гавриил. — Вся дежурная смена Чистилища перепилась!

— Дисциплинка у тебя, — уколол Бог. — Пьют, колотятся... А ведь Чистилище — это лицо Загробного мира! Всю смену направо чистить «черные дыры»!

— Уже направил, Господи!

— Вплотную займись Иудой, — приказал Бог. —

208 Прижми его, заставь говорить!

- Прижму, — пообещал Гавриил.
- Наш-то как? — вопросительно и с надеждой глянул Бог.
- Молчит, — глухо сказал Гавриил.

32

Демоны ждали наступления сумерек.

— Бог меня побери! — одобрительно выругался Длиннорыл. — Упрям ты, Смоляк! Прямо Джордано Бруно! Ты мне скажи, ради чего стараешься, ради каких наград пупок рвешь?

Полковник не ответил.

Он наблюдал, как из трещины, неожиданно рассекшей склон горы, выбираются странные красно-желтые механизмы, похожие на трехногие циркули.

— Это еще что за хреновина? — вслух удивился он.

Длиннорыл взглянул и помрачнел.

— А это опять по наши души, — хрипло сказал он и вытер сразу вспотевший пятачок. — Боевые треножники Гефеста. Сейчас зажмут!

— Слушай, Смоляк, — неожиданно спросил он. — Как ты думаешь, у чертей есть душа?

Вступать в теологический спор полковнику не хотелось, и он снова промолчал.

Длиннорыл сел и принялся вытряхивать из свалывшейся шерсти сухие травинки.

— Надоела мне эта гонка, — сказал он, нервно и широко зевая. — Мечемся, как затравленные ведьмы. А по мне, так лучше котел со святой водой. Там мұку один раз принимать!

Медные треножники олимпийского кузнеца рассыпались по склону горы и двинулись сверху вниз, прочесывая местность.

— Сматываться пора, — сказал полковник.

— Беги. — Демон лег на спину и принялся желтым клыком задумчиво прикусывать длинную травину. — Мне бегать надоело. Я в плен сдамся.

— Кому? — Полковник махнул лапой в сторону треножников. — Железякам этим?

— А вот кто первый найдет, тому и сдамся, — сказал демон.

— Черт с тобой, пропадай! — Полковник привстал, готовясь к рывку, и в это время сверху на демонов обрушился рев авиационного мотора. Демоны вскинули морды. Красно-белый похожий на легкую бабочку самолетик скользил над склоном горы. Он был так близко, что в застекленной кабине было видно сидящих в самолете людей.

Пилот полковнику Двигуну был хорошо известен. Пилотом был Иова Холанд, удачливый агент ЦРУ. Его фотографии не раз помещались в ориентировках госбезопасности. Именно Холанд разоблачил друга полковника Двигуна майора Косарева, работавшего в Афганистане под именем моджахеда Гассанбея. К Иове Холанду полковник Двигун питал личную неприязнь. Но не появление американского разведчика потрясло полковника. Что Холанд? Он был врагом. Но рядом с ним... Полковник озадаченно протер маленькие красные глазки. Ошибки не было. Рядом с Холандом с ручным пулеметом в обнимку сидел бывший сослуживец Двигуна полковник Санютин. Вот он заметил их, высунул ствол пулемета в приоткрытую раму кабины и приготовился открыть огонь.

— Вот сволочь! — Полковник Двигун некстати вспомнил, что прямо перед его кончиной полковник Санютин занял у него тридцать долларов, которые так и не отдал. — Вот дерьмо!

Сейчас он даже забыл, что умер две недели назад и похоронен на Ваганьковском кладбище. «Это он специально, чтобы долг не отдавать! Все знают, какой он жмот!» — зло подумал Сергей Степанович и бессильно оскалился на целящегося в него товарища по работе.

Сухо простучала первая очередь, и камни рядом с демонами обрызгало расплавившимся серебром.

Длиннорыл вскочил.

— Бежим! — толкнул он щерящегося в небо товарища. — У них пули на нечистую силу! Хрен тут в плен сдашься!

Подгонять Сергея Степановича демону не пришлось.

33

Сатана наблюдал за происходящим на Олимпе.

Едва на склоны Олимпа высыпали треножники Гефеста, Сатана заволновался. Нельзя было допустить, чтобы беглые демоны попали в руки коварного Громовержца.

Пикирующий на демонов самолет несколько успокоил темнейшего князя. Агенты не давали беглецам прорваться к вершине горы, где они могли проскочить мимо треножников Гефеста, внизу же беглецов поджидали подготовленные к действиям в земных условиях Загребалы.

— Люцифер! — позвал Сатана.

Явился, однако, предупредительный Вельзевул.

— Люцифер лично руководит операцией на Земле, — доложил он.

— Исправляет собственные ошибки, Владыка!

— Не упустите их! — предупредил Сатана. — Живыми или мертвыми, но возьмите их! — Он немного подумал и добавил: — Лучше мертвыми! Мертвые всегда хранят секреты лучше живых.

34

Гавриил осторожно коснулся плеча дремлющего Бога.

Архангел рисковал: после единоборства с Иаковом Господь никому не разрешал касаться себя и запросто мог поразить дерзкого ослушника молнией. Вот и сейчас Он испуганно дернулся и открыл глаза.

— Что? Что случилось?

— Сообщение с Земли, Господи!

— Вечно ты не вовремя, — нахмурился Бог. — Докладывай!

— В районе Олимпа дежурными ангелами-наблюдателями зарегистрировано присутствие нечистой силы. Кроме того, впервые за два тысячелетия на склонах горы появились боевые треножники Зевса.

— Ты только погляди, — удивился Бог. — Действуют еще! Вот что значит работа настоящего мастера!

— В районе Олимпа слышна стрельба, — продолжал доклад архангел. — Предположительно стрельба ведется из ручного пулемета, состоящего на вооружении армии Соединенных Штатов Америки.

— Думаешь, это он? — поинтересовался Бог.

— Очень похоже, — сказал Гавриил. — Ну наглец! Через олимпийцев пошел! Ну кто мог этого ожидать, Господи?

— Помочь надо, — вслух подумал Бог. — Прикрыть как-то. Все-таки наш человек, от Адама, как говорится.

— Чревато осложнениями, — рискнул возразить Гавриил. — Нас могут обвинить во вмешательстве во внутренние дела Ада.

— Не нас, а Меня, — поправил Бог. — Ты, мой хороший, гордыню-то придержи, не ставь себя вровень с Господом! А если он получил необходимую информацию?

Гавриил свел крылья в белый горб.

— Думаешь, не стоит? — посомневался Бог. — А знаешь, пожалуй, ты прав. Мы пока в эту драку не полезем. Пусть сам выкручивается. На то он и разведчик, боевая единица, значит, в себе. Подождем малость.

— У него прекрасное личное дело, — уклонился от прямого ответа архангел.

— Что Иуда? — поинтересовался Бог.

— Молчит, — кратко выдохнул архангел.

— Возишься ты с ним, — с досадой сказал Бог. — Ты бы праведника из ментов или полицейских нашел, они бы этого грешника за час раскололи бы!

— Ну Ты даешь, Господи! — не удержался архангел. — Где ж Ты среди ментов да копов праведников-то увидел?

Бог пожал плечами, сдвинул поудобнее нимб и прикрыл глаза, всем своим видом показывая, что аудиенция закончена. Не открывая глаз, Он пробормотал:

— А парочку ангелов-хранителей ты все-таки пошли. Пусть они по возможности за человечком приглядят!

35

Полковник Санютин ловил в перекрестие прицела скачущих по склону горы чертей. Много повидал полковник на своем боевом посту, но такого! Вздернув хвосты и скалясь на самолет, заходящий для новой атаки, по склону Олимпа дробно скакали черти.

Очередь!

Мимо!

— Давай! Давай! — по-русски закричал Холанд, разворачивая легкую машину для новой атаки. — Давай, Антуан! Уйдут!

— ...юшки! — ответно заорал Санютин и снова прильнул к прицелу. — Сейчас я их обоих положу!

Демоны продолжали свой отчаянный бег.

— Не могу! — стонал Длиннорыл, екая на бегу селезенкой. — Не могу больше! И откуда они, суки, взялись? Во, опять летят!

Полковник Двигун поджал хвост и лихо перепрыгнул через расщелину, злобно скаля клыки. Он и сам не мог понять, откуда у него берутся силы.

Самолет шел прямо на них.

— Заговаривай! — хрипло каркнул Двигун. — Заговоры вспоминай!

— Какие заговоры? — ответно провыл Длиннорыл. — Если у них пули из серебра, то уж крестов-то у них, сук, по всему телу навешано!

— Самолет заговаривай! — крикнул Двигун.

— Верно! — Длиннорыл хлопнул себя лапой меж рогов. — Голова у тебя, Смоляк! Сейчас! Сейчас я их, козлов, приложу!

Холанд и Санютин ничего не успели понять.

Самолет перестал слушаться управления, встал на хвост и хвостом вперед пошел к изумрудно-серому склону горы. Несколько секунд спустя самолет врезался в горный склон. Души погибших разведчиков, едва успевшие катапультироваться из мертвых тел, вознеслись в небеса, отчаянно споря между собой о том, кто повинен в случившемся.

Полковник Санютин посмертно получит «Героя России», Иову Холанда американский конгресс наградит «Пурпурным сердцем», и это немного успокоит их души, бредущие в колонне грешников из Чистилища в Ад.

36

Иуда пришел в себя.

«Проклятый Гавриил! — злобно подумал он. — Ты у меня еще подставишь правую щеку, когда я тебе врежу по левой! Я с тобой еще разберусь раз и навсегда!»

Он сел, чувствуя боль во всем теле.

В коридоре послышался топот, и в комнату, где лежал Иуда, ввалился что-то жующий херувим.

— Живой? — поинтересовался он.

— Был живой, — хмуро отозвался Иуда. — Две тысячи лет тому назад.

— Ходить можешь?

— Не пробовал, — процедил Иуда. — Обувь больно тесная оказалась, — и он кивнул на лежащий неподалеку испанский сапог.

Херувим оглядел пленника внимательными глазами, пощачьи сузил зрачки и покачал головой. Львиная морда его была озабоченной.

— Нести тебя я не подряжался...

— Куда нести! Я уже был сегодня на допросе! Прав таких не имеете — круглосуточно пытаться!

— Ладно, — пришел к какому-то выводу херувим. — Свины того стоили!

Иуда забился в угол.

— Что ты мелешь? — заорал он. — Какие свиньи? Я требую, чтобы меня этапировали в Ад, понял!

Херувим наклонился, жарко дыша на пленника.

— Не знаю, куда тебя хотят этапировать, — благодушно сказал он. — Это их дело. А я положенное отрабатываю. Поднимайся!

Иуда с трудом приподнялся, хватаясь за жесткую гриву херувима.

— А может, сам дойдешь? — с надеждой поинтересовался охранник, но, оценив состояние пленника, со вздохом сказал: — Садись на спину.

37

Начальник ФСБ Грудятин просматривал оперативные сводки по стране за истекшие сутки. Одновременно он пил чай из граненого стакана в серебряном подстаканнике. На блюдечке перед Грудятиным лежал излюбленный им сахар-рафинад в голубых аэрофлотовских пакетиках. Доставать его становилось все труднее, что свидетельствовало — а оперативные сводки подтверждали это — об усилении самотоноварения в стране.

С деликатным стуком в кабинет вошел референт с большой кожаной папкой.

— В первом управлении ЧП, — доложил он.

— Что там еще случилось?

— В Греции погиб полковник Санютин, работавший с американцем Холандом. Разбились. Причины катастрофы самолета уточняются.

— А этот... Холанд? Он-то живой?

— Тоже разбился, — доложил референт.

— Жаль американца, — заметил Грудятин. — Что предпринимается?

— В Грецию лично отправляются начальники первого и тринадцатого управлений, — сказал референт. — Вы завизируете расход валюты для оперативных нужд?

Грудятин просмотрел бумаги, разложенные перед ним референтом.

— Валюта... — пробурчал он. — В командировку отправить одного. Этого... Моисея из тринадцатого. А валюту экономить надо. Валюта государству для других дел пригодится. Сантехнику, например, финскую и испанскую покупать. Ходовая вещь!

Референт спрятал подписанные бумаги в папку.

— Оперативные сводки забрать? — вежливо поинтересовался он.

— Пусть лежат, — сказал Грудятин. — Потом дочитаю. Я еще про изнасилования не прочитал, — и пожаловался: — Скучно пишут, без подробностей!

— Разрешите идти? — вытянулся и поджал тонкие губы референт.

— Обиделся! — фыркнул Грудятин. — Профессионализм я его оскорбил! Ты пойми, дурья башка, меня сюда поставили потому, что я — демократ. Это раз! Потом, человек я верный, и президент во мне души не чает. Это два! А для того чтобы руководить, не профессионализм, а политическое чутье необходимо. Без чутья на больших постах делать нечего... Да что я бисер мечу! — Начальник ФСБ презрительным взмахом руки отпустил референта.

Оставшись один, он долго мешал ложечкой остывший чай, потом подошел к окну, посмотрел на хмурую дождливую площадь и сиротливо мокнувший под дождем памятник Даллесу.

— Завидуют, гады! — заключил он и привычно ощупал стыки на батарее парового отопления.

Стыки были сработаны на совесть — не текли.

38

Директор ЦРУ Уильям Полби вызвал к себе начальника отдела разведывательной магии. Большой Красный Медведь явился в полной шаманьей раскраске и в головном уборе из перьев совы.

Извинившись перед директором, он разместил по углам кабинета ядовитых змей, принесенных в кожаном мешке и олицетворяющих мудрость и молчаливость, ударил в небольшой барабан и зашелся в непонятном длинном заклинании, вызывавшем у Полби дрожь. Все на том же барабане Большой Красный Медведь ловко принес жертву богам, отрубив голову черному петуху, спрятал быющую крыльями птицу во все тот же кожаный мешок и сел за стол.

Полби с трудом скрыл раздражение. В кабинете директора ЦРУ шаман мог бы и не опасаться подслушивания, над защитой кабинета работали не один год.

— Есть одна интересная задачка, Медведь, — сказал Полби. — Имеется определенный район, где находятся два демона. Как задержать демонов в данном районе и при этом лишить их имеющихся сверхъестественных способностей? Шевели мозгами, Медведь, дело касается национальных интересов нашей страны!

Как всякий выходец из Техаса, Полби был немного грубоват.

Большой Красный Медведь углубился в засаленную черную книгу. Книга была огромной, листать ее можно было не одни сутки, но директор ЦРУ терпеливо ждал.

— Есть такое средство, — сказал Большой Красный Медведь. — Магическая Пентаграмма. Если не секрет, где находятся демоны?

— Пока в Греции, — признался Полби.

Большой Красный Медведь помрачнел.

— Тогда Пентаграмма не поможет, — сказал он. — Это территория, подмандатная эллинским богам, а там иная европейская магия не действует.

— Но выход есть? — крадчиво поинтересовался Полби.

Большой Красный Медведь подумал, пощупал воткнутые в черные волосы перья совы, и те придали ему мудрости.

— Надо выгнать демонов из Греции, — сказал он. — Можно обратиться к олимпийцам.

— Это исключено! — отрубил Полби.

— Тогда — в другую страну, — решил шаман. — Что там рядом?

Полби включил подсветку карты Европы.

— Австрия, — сказал он.

— Подойдет, — снова решил шаман. — Как только демоны окажутся в Пентаграмме, их можно будет брать голыми руками.

— Да, — потер подбородок директор ЦРУ. — Остается только решить, как и чем загнать бесов в Австрию.

— Омелой, — не задумываясь, сказал Большой Красный Медведь. — Веточкой омелы. Прекрасное и надежное средство!

Полби задумался.

Большой Красный Медведь осторожно направился к выходу.

Полби открыл глаза.

— Змей своих заberi, — сказал он. — И скажи там уборщику, пусть зайдет кровь вытрет.

Часть третья

ГВАРДИИ ПОКОЙНИК

1

Два сокола летели на восток.

Под ними мелькали аккуратные австрийские домики, чистые речки, ухоженные поля и сытые, веселые и по-немецки обстоятельные дети. Даже рогатки у них были не кустарного производства, а фирмы «Лайнсдорф».

— Пугнуть бы их, — помечтал Длиннорыл. Из вежливости и уважения он летел сейчас чуть сзади полковника, признав таким образом его старшинство. — Все-таки ловок ты, Смоляк. Вроде уже в полковничьем чине тебя схоронили, а ведешь себя словно молоденький настырный лейтенант.

Полковник Двигун промолчал, сосредоточенно разглядывая австрийский ландшафт.

— И чего ты за этого Бога так ухватился, — не унимался Длиннорыл. — Сдал бы старика Сатане, жил бы в Аду припеваючи. Может, в демоны выбился, сам бы под котлы уголь подкидывал! Эх, такая у тебя перспектива была!

И снова полковник Двигун не ответил искушающему его демону. Только крыльями отчаяннее замахал. Но если бы Длиннорыл мог читать мысли товарища, то он был бы поражен: точно о том же и почти такими же словами думал сейчас неудачливый демон Смоляк. Мог бы... Хотелось скрипеть зубами, но у птиц их нет. А если и есть, то маленькие-меленькие, и ими никак не поскрипишь! «Прогодал!» — мысль эта терзала полковника. Высококвалифицированный оперативный работник, он трезво оценивал ситуацию. Все было ясно полковнику, и перспективы не обнадеживали, поэтому Сергей Степанович с наслаждением гадил на все, что проплывало под ним на земле. Это приносило ему некоторое удовлетворение. По крайней мере не одному ему было плохо.

— Речка! — вдруг пронзительно крикнул Длиннорыл. — По-моему, мы ее уже пролетали!

— Европа, — уныло отозвался полковник. — В ней все реки друг на друга похожи своей аккуратностью. Культурные нации на берегах живут.

Прицелился и ловко нагадил на шляпу толстого рыболова, сидящего на берегу с пластиковой удочкой в руках.

Длиннорыл быстро отрастил вместо клюва собачий нос и принялся.

— Так я и знал! — вскричал он. — Омела!

— Ну и что? — Полковник по-прежнему держал курс на Родину.

— А то, — прорычал демон. — Омела для нечистой силы все равно что красный флажок для волка. И если пахнет омелой, то нас кто-то куда-то пытается загнать, Смоляк! Дело пахнет ладаном! Похоже, мы в очередной западне!

2

Удивительную работу выполнял взвод сержанта Бредли.

Свихнулось начальство, не иначе. В противном случае кто бы отправил морскую пехоту в турпоездку в нейтральную страну? А главное, для чего было нужно выкладывать на земле фигуру из полосок металлизированной фольги? Уж не летающим ли тарелкам собралось подавать знаки начальство Бредли?

Но приказ остается приказом, даже если он исходит от сумасшедшего генерала. Тем более что душевная болезнь этого генерала проявляется не сразу, а, как правило, уже после выполнения безумного приказа. Чернокожий сержант Фил Бредли криками подгонял подчиненных, еще не зная, что на удивительной этой работе задействовано было два полка американской армии, переброшенных в Австрию под видом туристов. Однако лишь треть из них занималась делом. Остальные ходили на лыжах в горы, играли в гольф, пьянствовали — одним словом, всячески отвлекали внимание властей и разведки потенциального противника. Несколько десятков самолетов НАТО поселились в воздухе, привязав к фюзеляжу и крыльям веточки омелы.

Сержант Фил Бредли стоял на обочине бетонной автостреды, когда рядом с ним притормозил красный «фольксваген». Водитель автомашины, представительный грузный мужчина в строгом английском костюме, с любопытством оглядел сержанта в гавайке и шортах и спросил по-английски:

— Это дорога на Гарц?

— Ийа, — лаконично ответил сержант.

— О-о, вы австриец! — радостно и уже по-немецки сказал водитель «фольксвагена».

— Ийа, — по-прежнему лаконично сказал сержант.

Черное круглое лицо его перекосило от неприязни. Бредли дураком не был и понимал, что с его физиономией выдавать себя за потомственного австрийца было просто глупо.

— Мой господин, — уже по-немецки спросил водитель. — Что делают эти люди?

Сержант Бредли сплюнул. Если бы он сам это знал!

— Готовятся к окружным соревнованиям по гольфу, — ответил сержант по-английски и повернулся к водителю широкой спиной.

«Фольксваген» тронулся с места.

Сержант Бредли внимательно посмотрел вслед отъезжающему автомобилю и вдруг подумал, что водитель едет в самый эпицентр возводимой солдатами фигуры.

3

Херувим храпел.

Вокруг спящего хранителя валялись какие-то кости, и на мгновение в голову архангела пришла черная мысль: уж не Иуде ли эти косточки принадлежат? Но с чего бы херувиму польститься на душу давно уже умершего предателя? Конечно, была она по-идеальному материальна, но какой вкус мог быть у того, кто был повешен две тысячи лет назад?

Он пнул ногой херувима.

Херувим открыл все глаза и сытым доброжелательным взглядом окинул архангела.

— Чего тебе? — лениво спросил херувим.

От его тона у архангела перехватило горло. Таким тоном с Гавриилом не разговаривали уже давно. Он снова пнул херувима ногой — уже для острстки.

— Как лежишь, скотина?

— Славно лежу, — отозвался херувим. — Первый раз за последнее тысячелетие нормально пожрал.

— Откуда это? — с досадой ткнул архангел в кости.

— Откуда? От верблюда! — Грамотен был херувим, Корнея Ивановича Чуковского читал. А может, в Раю с ним общался.

Гавриил прошел по коридору. Комната Иуды была пуста. Архангел вернулся.

Херувим лениво грыз голубовато-розовую кость, любовно обнимая ее сразу четырьмя лапами.

— Ну? — Архангел грозно глянул на охранника.

Ответом ему был смачный хруст. Нашел кого пугать!

— Я тебя спрашиваю! Где пленник! — заревел Гавриил.

Херувим неопределенно махнул лапой.

— Кормить надо было, — нагло заявил он. — Стража на финиках и акридах держать нельзя. Страж сытым должен ходить!

— Где Иуда? — снова сорвался на крик архангел.

Херувим прижал передними лапами кость к земле, глянул на начальство соловыми и счастливыми глазами и принался:

— Я его на свинок сменял.

— Кому ты его отдал?

Охранник оскалился.

— А я откуда знаю? Мне он не представлялся. Рыжий такой, плотный и глаза голубые.

— Ты хоть соображаешь, что натворил?

— Понимаю. — Херувим принялся играть костью. — В очередях за акридами стоять не захотел.

Архангел бессильно распустил крылья и скорбным святым с иконы глянул на стража. «Я пропал, — с холодным отчаянием осознал Гавриил. — Вот такого прокола Он мне никогда не простит! Иуда исчез, этот тип из госбезопасности долго не протянет, возьмут его обязательно. Теперь, Гаврик, у тебя один путь — в Полуночные Ангелы, амброзией у Чистилища торговать! Если, конечно, Он меня падшим не объявит. Тогда уж прямая дорога — в Ад, а там надо мной поизгаляются!»

Он зло посмотрел на херувима.

— Скотина, — сказал он. — Вот уж истинный Иуда!

«А если так и доложить? — ворохнулось под нимбом. — Не кормили мы стражей, вот они Иудушкой и разговелись... Страшно! А ну как святая правда вылезет?»

Архангел беспомощно огляделся и поманил к себе стайку ангелов из Добровольного общества содействия Божьему промыслу. Стайка весело спланировала вниз. Первым подлетел тихий пожилой ангел, похожий на калмыка.

— Вот что, братцы, — сказал Гавриил. — Тут у нас херувим чем-то отравился. А ну-ка промойте этому симулянту желудок, авось он очухается!

4

Вдова полковника Двигуна готовилась к поездке на дачу.

Нина Семеновна сидела перед зеркалом, массируя веки. Из зеркала на нее смотрела еще очень даже красивая женщина, которая вполне могла любить, но главное — быть любимой.

Митя! Митенька... Если бы не он... Нина Семеновна даже похорошела от мыслей о любовнике. «Все-таки он очень заботлив и любит меня, — решила Нина Семеновна. — Как он мне помог в последнее время! Нет, я без Митеньки как без рук!»

От осознания того, что Туломин вот-вот придет, бывшая супруга, а ныне вдова полковника Двигуна зарделась и похорошела еще больше. А мысль о том, что после непродолжительного траура она сможет сочетаться с любимым браком, привела ее в тихий восторг.

Долгожданный звонок в дверь заставил ее сердце затрепетать.

— Бегу, Митенька! Бегу, родненький! — запела Нина Семеновна. — Бегу, мой хороший!

Она торопливо открыла дверь.

На пороге стоял человек, но это был не Туломин.

Начальник первого управления ФСБ хозяйски вошел в квартиру, прошел в зал и с любопытством огляделся, задержавшись взглядом на портрете покойного с траурным крепом по углу.

— Извините за вторжение, Нина Семеновна, — сказал генерал Кудактин. — Я, собственно, на несколько минут. Вы кого-нибудь ждете?

— Гостя, — пунцово вспыхнула хозяйка.

— Не буду темнить, — рубанул бывший начальник ее мужа. — Лучше уж сразу и откровенно. Я прав, Нина Семеновна?

Женщина медленно опустилась в кресло.

— Вы по поводу пенсии?

— Я по поводу смерти вашего супруга, — сказал генерал. — Видите ли, Нина Семеновна, ваш супруг, как бы это помягче выразиться... ваш супруг не совсем мертв.

— Вы шутите, Андрей Александрович? — Хозяйка побледнела еще больше. — Я же сама его забирала из морга!

Нина Семеновна Двигун несколько кривила душой. Из морга тело ее покойного супруга забирал любовник. Впрочем, это была совершенно несущественная деталь.

— Вы нашу работу немного знаете, — после некоторого молчания сказал генерал. — Порой разведчик из гроба встает. Как бы вы отнеслись к возвращению мужа?

— Умершие не возвращаются, — потерянно сказала Нина Семеновна, не глядя на собеседника.

— Вы любите мужа? — спросил генерал, внимательно глядя на женщину.

— Люблю, не люблю... — Вдова захрустела пальцами. — Какое это имеет значение? Я похоронила Сережу, у меня своя жизнь... — Она неожиданно возмутилась. — Кто вам дал право вторгаться в чужую жизнь, генерал?

— Интересы Родины, — сухо сказал генерал. — Но вы мне не ответили, Нина Семеновна.

— Это задание? — шепотом спросила вдова.

— Семейная обязанность, — строго отозвался собеседник. — Ваш муж жив и находится на спецзадании в Западной Европе.

— А могила? — ахнула вдова. Голова ее закружилась, и генералу пришлось ласково поддержать женщину.

— Прикрытие, — вздохнул он.

— А свидетельство о смерти?

— Легенда, — улыбнулся генерал. — Так что вы скажете?

Женщина всхлипнула. Перспектива вновь обрести престарелого супруга и отказаться от брака с любимым потрясла вдову. Слезы высохли. На генерала смотрела моложавая миловидная женщина с решительным подбородком и крепко сжатыми губами.

— Это нужно Родине?

— Да, — просто подтвердил генерал.

— И я могу рассчитывать на двухмесячную поездку во Францию за счет вашей фирмы? — жестко и наступательно спросила женщина.

— Если это необходимо, — добродушно развел руками генерал. — Но мне кажется, что месяца будет вполне достаточно.

— Я согласна, — сказала вдова.

— Вот и хорошо, — удовлетворенно сказал генерал. — Я знал, Нина, что вы беззаветно любите Родину.

Он зашарил рукой в кармане кителя.

— К сожалению, ваш муж несколько изменился, — сказал он. — Черт! Где ж она?.. А-а, есть! — Он извлек из кармана фотографию. — Но, как говорится, с лица воду не пить!..

Нина Семеновна дрожащей рукой взяла фотографию, вгляделась в нее, и смущенному генералу вновь пришлось поддержать потерявшую сознание женщину.

5

— Ловушка, — сказал Длиннорыл. — Хотел бы я знать, кто эту пакость придумал! Но только это не наши, они от омы, как от ладана, бегут.

Измученные демоны сидели в кустах.

— Это местные, — продолжал развивать свою мысль демон. — Но как они о нас узнали? Предательством все это пахнет, Смоляк! Но я голову могу дать на отсечение, что нас местные ловят!

— Каким образом? — устало поинтересовался полковник.

— Хотят в Пентаграмму загнать. — Длиннорыл сел рядом с товарищем. — Слышал когда-нибудь о Пентаграмме?

— Откуда? — качнул рогами полковник. — У нас таким вещам не обучают. У нас, брат, диалектический материализм, идеализму в нашей школе места нет.

— Пентаграмма — это ловушка для беса, — объяснил Длиннорыл. — В виде пятиконечника. Когда пентаграмму замкнут, мы потеряем все свои особые способности, и нас можно будет брать голыми руками.

Двигун посмурнел.

— И что же дальше? — вслух подумал он. — Сначала на тебя свои же охотятся, потом тебя в пентаграмму заталкивают. Одуреть от всех этих игр можно!

— Дальше зоопарк будет, — нехорошо ухмыльнулся, кривя рыло, демон. — Или анатомичка какого-нибудь университета.

Полковник затравленно огляделся и вдруг понял, что его вторая жизнь в буквальном смысле подходит к бес-

славному концу. И впереди ни чего не будет. Ни райских садов, ни золоченой арфы, фиников сушеных и тех не предвиделось. Да что там говорить, котел с бурлящим кипятком теперь казался недостижимым! Будут они с Длиннорылом скалить клыки в каком-нибудь естественно-историческом музее одной из европейских столиц. «Господи! — взмолился мысленно полковник Двигун. — Где же Ты, Господи! За Тебя ведь муки принимаю! За Тебя страдаю!»

— Ну что? — спросил Длиннорыл. — Пошалим напоследок?

— Что? — Полковник оторвался от невеселых своих дум.

— Давай монахинь попугаем? — предложил демон. — Тут неподалеку где-то женский монастырь, я по запаху чую. Или давай вселимся в кого-нибудь. Все равно ведь погибать!

Полковник Двигун хмуро оглядел демона. Тут с жизнью прощаешься, на благочестивый лад себя хочешь настроить, а этому рогоносцу пошалить захотелось, вселиться в кого-нибудь...

Вселиться в кого-нибудь... Он замер с уже открытой для ругани пастью. Вселиться! Он еще раз обдумал предложение демона. А что? Отличная идея!

— Шалить так шалить! — неожиданно весело сказал он. — И с чего мы, дружище, начнем?

6

— Какое сегодня число? — Иуда скрипнул зубами. — В пыль! Вместе с сапогом его — в пыль! Проклятый архангел! Да разве это Божия тварь? Садист, ему в Аду самое место!

Он оглядел ставшие почти плоскими ступни.

— Лука, — повернулся он к одному из окружавших его апостолов. — А помнишь, Лука, как я вас всех обогнал? Там, в Гефсиманском саду?

«И тебя обогнал, и Варфоломея, хоть он и моложе был...»

Сын Божий склонился к Иуде:

— Что ты им рассказал?

— Ничего, — покачал головой тот.

Сын Божий довольно улыбнулся:

— Это ты молодец. Но в Раю тебе оставаться нельзя. Найдут — опять к костоломам отправят!

Из зыбкой призрачности вынырнул Дух.

— Герой! — сказал Дух, помахивая бутылкой нектара. — Настоящий герой! Что ж ты в Иерусалиме так не держался?

Откуда-то с неба на плечо Варфоломея спланировал Голубь. Вцепившись красными лапами в плечо апостола, Голубь распушился, важно надул зоб.

— Видели бы вы физиономию Гавриила! — горлом засмеялся он. — Я на кипарисе сидел и злорадствовал. Вот уж физиономия у него была, братцы! Ты им ничего не сказал, Иудушка?

Склонив голову, он вцепился бусинками глаз в лицо Иуды.

Видно было, боялся Голубок, что посланник Ада не выдержал райской пытки и выложил мастерам заплечных дел все ему известное о заговоре, но главное — о его, Голубя, в нем участии.

7

Главный экзорцист был в белой сутане. Одетые в черные рясы служки держали сумки, в которых находились пузырьки со святой водой из разных монастырей и церквей, святые дары, иконки, распятия и прочий необходимый для качественного изгнания бесов инструмент. В одной из сумок хранилась бутылка бычьей крови, которой во время обряда заляпывали сутану священника, чтобы сделать невидимую битву за душу спасаемого более осязательной.

Заперев двери, чтобы не пострадали невинные, священник подступил к кровати.

Пациенткой была прелестная белокурая девочка лет четырнадцати. Она сидела на постели, грязно ругаясь на русском, итальянском и английском языках. Немецких ругательств демон, судя по всему, не знал.

— Изыди! — торжественно сказал экзорцист, выставя перед собой серебряное распятие. — Назови свое имя, демон, и покинь тело дитя. Заклинаю тебя Святой Троицей, святыми дарами и именами архангелов! Убирайся в Преисподнюю, враг рода человеческого! Оставь душу ребенка!

Девчушка ехидно обложила его солеными матросскими словечками сразу на трех языках, показала язык и обессиленно замолчала. Удивленный священник приблизился ближе и услышал негромкие голоса.

— Как ты думаешь, священник настоящий? — спросила девочка тенором. — Похож, — задумчиво признала она приятным баритоном после некоторого молчания.

В ребенке было два демона. Экзорцист обомлел. До этого ему не приходилось сталкиваться с настоящими демонами. Самовнушения, психические расстройства, болезни, происходящие от расстроенных нервов, — с ними священник научился справляться. Но похоже, что в девчонку и впрямь вселились злые духи.

Экзорцист ошеломленно отступил.

Служки неправильно истолковали его замешательство и украсили сутану старшего большим кровавым пятном.

— Мошенник, — разочарованно сказал тенор.

— Заклинаний не знает, а лезет изгонять! — гаденько захихикал баритон.

Теперь и служки услышали голоса. Они потрясенно уставились на священника:

— Кто это, святой отец?

Священника звали Герман Бергер. Это был молодой еще мужчина, несколько лет прослуживший в полиции, но разочаровавшийся в административном служении обществу и сменивший после того немало рабочих мест, пока вера не укрепилась в нем и не привела Германа в лоно христианской церкви, чтобы избрать тяжелый и неблагодарный труд экзорциста. Судя по всему, это была стезя, по которой Бергеру предстояло идти до скончания жизни.

Вопрос служек он оставил без ответа. Знать бы самому, с чем они столкнулись! Герман вновь подступил к постели, но уже с иконой великомученицы Прасковьи, требуя, чтобы демоны назвали себя.

— Шарлатан, — грустно сказал тенор.

— Может, опыта нет? — спросил баритон.

Нечисть принялась переговариваться, оставив жертву в покое.

— Ты какое заведение кончал? — спросил тенор.

— Духовную академию в Гарце, — признался Бергер, от неожиданности опустившись до переговоров с нечистой силой.

— И диплом имеешь? — поинтересовался демон.

— Имею, — с достоинством сказал священник. — А с кем я имею дело?

Нечисть снова зашушукалась. Девочка удивленно смотрела на священников.

— А пусть предъявит! — сердито сказал тенор.

— Что ему теперь, домой за дипломом бежать? — засмеялся баритон.

Служки попятились. Герман Бергер принялся лихорадочно искать в сумках пузырьки со святой водой.

Вода произвела на демонов странное впечатление. Вместо того чтобы взвыть от испытанных мук, они принялись оживленно обмениваться впечатлениями.

— Это святая вода? — хихикал баритон. — Моча это, а не святая вода! У-у, шарлатан!

Герман Бергер почувствовал нечто вроде пощечины.

— Да нет! — с сомнением сказал тенор. — Водичка слабая, но святость чувствуется. Вон смотри, у тебя уже волдырь на ноге вскочил!

— Похоже, что водичка из грешного монастыря, — авторитетно и солидно сказал баритон. — Или несправедливый пастырь святил. А скорее всего — разбавленная!

Испуганные служки начали требовать у священника ключи. Им было страшно.

— А эти настоящие, — сказал баритон. — Шарлатаны, они наглее будут, а эти, гляди, прямо обгадились со страху!

Священник снова осенил девочку крестным знамением.

— Я тебе окрещу! — хриплым баритоном сказала одержимая. — Ноги оторву!

— Покинь невинную девицу! — неуверенно приказал экзорцист. — Оставь ее в покое!

— Заткнись! — сказал тенор. — Заткнись и слушай — и не перебивай. Времени у нас нет! Ты в Бога веришь?

— Верю, — сказал экзорцист.

— Верю! — передразнил тенор. — Если веруешь, так запоминай. Богу грозит опасность!

— Так вот, что ты затеял! — взревел второй демон.

Девочка забилась на постели, хватая себя за шейку слабыми ручками.

Герман Бергер тупо смотрел на одержимую.

Девочка снова села, свесив с постели ноги.

— Если ты еще раз сунешься, — с угрозой сказал тенор, — хана тебе, Длиннорыл! Слушай меня! Если мы Ему поможем, то и Он нас выручит! Сиди спокойно, сволота!

— Ты здесь? — Девочка повернулась к священнику.

— Изыди! — слабо махнул тот распятием.

— Придурок! — сказала девочка. — Иди сюда!

Бергер покорно присел на край кровати.

— Богу грозит опасность, — сказала она мужским голосом. — В Его трон заложен ядерный заряд. Покушение намечено на Пасху. Виновных Он знает. Ты все понял?

Герман Бергер судорожно кивнул. Сказать что-либо он был не в силах.

— Молодец! — с некоторой иронией похвалила экзорциста одержимая. — Молись — и Он тебя услышит. С молитвой передашь информацию. В мыслях называй себя Праведником. Он поймет.

Неожиданно девочка загоготала.

— Нашел праведника! — баритоном сказала она. — Ты на морду его посмотри, сразу видно, что он все мыслимые заповеди нарушил!

— Заткнись! — Баритон сменился тенором. — А ты, суточ, молись. Бог спасителей любит, сам в Евангелие загляни, там все прописано.

Экзорцист взглянул на служек. Служки стояли на коленях и истово молились.

— Пора! — сказала одержимая тенором, и тут же ее голос изменился на баритон.

— Шустер ты, Смоляк! Нет, не зря ты в разведке работал!

— Уходим! — Священнику показалось, что через комнату пронеслись две рогатые длиннохвостые тени.

— Молиться не забывай! — услышал на прощание хриплый голос Бергер.

Девочка расслабленно вздохнула и опустила кудрявой головкой на подушку. Ангелочек лежал в постели. И ножки у нее были... Бергер покраснел и перекрестился. «Нет, — подумал он, — на этой работе точно тронешься! Уж лучше в полицию вернуться».

Он повернулся к служкам.

— Хватит отлеживаться, — сказал экзорцист. — Живодоставайте кровь! Демоны оставили свою жертву, но наша победа должна быть зримой!

8

Сатана пристально и нехорошо оглядел понурившихся подчиненных.

— Опять обгадились? — скорее утвердительно, чем вопрошающе сказал он и вздохнул.

Люцифер переступил с лапы на лапу. Видно было, что он явился на вызов прямо с облавы — копыта Люцифера были в земной грязи.

— Они укрылись в большой Пентаграмме, Владыка!

Словно гром грянул в кабинете.

— Какая пентаграмма? — грозно спросил Сатана. — Ты не ел ее обожрался?

Люцифер понуро опустил хвост.

— Так, — с растяжкой сказал Сатана. — Чем еще порадуете?

Вельзевул шагнул вперед.

— Из Рая эвакуировали Иуду. Был в застенках Гавриила, но клянется, что все сохранит в тайне.

Сатана промолчал.

— Новость хорошая, — сказал он, посопев. — Но можно ли доверять Иуде? Нет ли с его стороны двойной игры? Предатель все-таки...

Вельзевул пожал плечами. Перепончатые крылья за его спиной с треском схлопнулись.

— Отправьте Иуду в пыточный отдел для пристрастного допроса! — приказал Сатана. — Мы должны исключить возможность предательства!

Бедный Иуда, угодивший из огня да в полымя! Что он чувствовал, увидев перед собой пыточного беса с испанским сапогом в лапах? Сатана повернулся к Люциферу.

— Восемь часов у тебя осталось, — хмуро сказал он. — Всего восемь часов!

9

Нина Семеновна Двигун беседовала с любовником.

Актер, что называется, потерял лицо. Решение, принятое любимой женщиной, выбило Туломина из колеи.

— Ну, котик, — томно сказала Нина Семеновна. — Ты пойми, если он жив, как же я могу выйти замуж за тебя? Ведь он мой законный муж!

— Кто? — вспыхнул актер. — Эта рогатая образина? Ты воображаешь, что я вновь стану тебя делить с этим хвостатым рогоносцем?

Нина Семеновна взяла в руки фотографию, вгляделась в нее и пожала плечами.

— Он и в прежнем облике красотой не блистал, — сказала она. — Но тогда ты, Митенька, с ним мирился. Что с тобой?

— Со мной? — Актер театрально рухнул в кресло. — Со мной все в порядке. Что с тобой, Ниночка? У тебя же имеется свидетельство о его смерти. Я сам забирал его тело из морга! У него есть могила, наконец! Почему ты решила, что эта рогатая образина — твой бывший муж? С чего ты это взяла?

Нина Семеновна небрежно бросила фотографию на стол.

— Генерал Кудактин врать не будет. Кроме того, я сердцем это чувствую, Митя. И не делай, пожалуйста, трагического лица, ты не в театре! Наконец, это приказ Родины, Митенька! — жарко выдохнула она.

О том, что Родина наградила ее за патриотизм и супружескую верность месячным отдыхом во Франции, вдова благоразумно умолчала.

10

В березняке подкреплялись два дятла.

Стук стоял такой, словно среди березок шло соревнование по сбиванию ящиков.

— Ну, Смоляк, ты и прохиндей! — сказал один дятел. — Я даже не предполагал, что ты и в такой ситуации найдешь выход.

Второй дятел сосредоточенно долбил дерево. Все это время полковник задавал себе вопрос: верно ли он поступил? Ох как хотелось полковнику, чтобы все закончилось!

Он ловко выключил из-под коры личинку. Конечно, это была не черная икра, но вместе с тем личинка была вполне съедобна.

— А ты уверен, что он станет молиться? — спросил Длиннорыл, ловко обрабатывая кору очередной березы.

Вопросом этим он разбередил душу полковника.

Ох не верил Сергей Степанович этому лошеному священнику, специализирующемуся на неврастеничках! Станет ли такой истово молиться? Но тогда в Раю сработает заложенное устройство и к власти придет Троица, ориентирующаяся на мощь Сатаны. И тогда ему, полковнику Дви-гуну, придется провести в Аду вечность. Надо думать,

что пытки его будут ждать самые изощренные, ведь политических соперников нигде не жалуют!

От мыслей этих у полковника пропал аппетит. Он взлетел, намереваясь опуститься на следующее дерево, но в это время что-то произошло. Тело полковника налилось тяжестью, крылья его надломились, и Сергей Степанович рухнул с высоты на муравейник. Обличье дятла исчезло, и он снова превратился в невысокого кривоногого демона с желтыми клыками и бурой свалывшейся шерстью. Все-таки райские чары по изменению его личины оказались прочными, но полковник этому не особо порадовался. Рядом в своем истинном обличье лежал Длиннорыл. Проклиная Богоматерь и всех святых, демон сел и принялся ощупывать рогатую голову.

— Ну, полкаш, — сказал Длиннорыл, — теперь нам точно хана. Большую Пентаграмму замкнули. Теперь нас голыми руками возьмут!

Магическая сила, позволявшая демонам превращаться в птиц и животных, исчезла вместе со сверхэнергией, которой они лишились, оказавшись в ловушке.

— Надо идти! — упрямо сказал полковник.

— Куда? — вяло возразил Длиннорыл. — Везде повяжут!

Сергей Степанович ощутил секундное отчаяние, и это отчаяние помогло ему собраться с силами. Нет, его, полковника сильнейшей в мире ассоциации рыцарей плаща и кинжала, возьмут только в борьбе!

— За мной! — скомандовал он, и демон Длиннорыл покорно последовал за неукротимым полковником.

11

Господь выслушал архангела с неудовольствием, но чашу гнева своего не пролил.

— Выменяли, говоришь? — усмехнулся он. — Да-а, три свиньи — неплохая плата за предательство. Смотри, Гавриил, какая цепочка выстраивается: появляется Иуда, и апостолы с Троицей устраивают Тайную Вечерю, на которой распевают антирелигиозные частушки и балуются отнюдь не амброзией или нектаром. После этого Иуда стойко держится на допросах, а апостолы тайно подкупают стражей, чтобы выручить его. Что-то замышляется, Гав-

риил! В Аду ведется разнузданная антирелигиозная пропаганда. Троица постоянно секретничает, апостолы от нее не отходят, Голубь уже каждый день летает, якобы на свидания. С Троицей Мы справимся, Гавриил, это политические интриганы, которых уже невозможно отождествлять со Мной. Да за них и Сатана не поручится! Я не удивлюсь, если выяснится, что именно они создавали трудности в Раю, нарушали снабжение финиками и акридами, саботировали поставки арф и хитонов! Похоже, что они хотят превратить Рай в блудный Вавилон, Гавриил. Но мне интересно знать, что именно они готовили Мне? Что там наш Праведник?

— Молчит, Господи! — вздохнул Гавриил. — Но он еще на свободе! Я за это ручаюсь.

— Что происходит на Земле?

— Неподалеку от Альп кто-то возвел Большую Пентаграмму, — доложил архангел.

Лицо Бога прояснилось.

— Отыскался след Тарасов! — довольно воскликнул он. — Ты отправил ангелов-хранителей, Гавриил?

— Они уже в Пентаграмме, Господи! — подтвердил тот.

12

Святой Петр маялся у райских врат.

Праведников было мало, основные массы душ усопших направлялись в Ад, поэтому работы у Петра было не слишком много. Последний раз он открыл райские врата перед африканским царьком, принявшим перед смертью христианство и покаявшимся в прошлых грехах. Царька его подданные, еще не принявшие веру своего повелителя, похоронили вместе с женами и любимым «мерседесом». Царек был неприятно удивлен, обнаружив, что жен рядом с ним нет по причине их несправедности. В Рай ему пришлось отправляться в одиночестве, и тогда царек решил въехать в райские ворота на «мерседесе». Ему категорически отказали, но царек оказался скандалистом, споры с ним затянулись, но потом кто-то из ангелов или душа из автолюбителей догадались проколоть колеса автомашины. Царек отправился с жалобой к Богу и затерялся в Райканцелярии, переходя от одного чиновника к другому, а его любимец остался ржать у райских ворот.

Святой Петр сидел на капоте «мерседеса» и размышлял, не пойти ли ему с повинной к Богу. С одной стороны, можно было сохранить душу непорочной и безгрешной. С другой же — и так косо на него смотрели за тройное отречение в течение ночи. Замазаться легко, а вот отмыться... Иуда какое уже тысячелетие страдает, а ведь только приказ выполнил!

С одной стороны, вся жизнь Петра была положена за торжество христианских идей. И пост привратника был заслуженной за то наградой, да и выгод из него можно было извлечь немало. По крайней мере на финиках и акридах сухеных сидеть не приходилось.

А с другой стороны, никаких особенных радостей в райской жизни Петр не видел. Спокойно было в Раю, это верно, но что за удовольствие — целыми днями брэнчать на арфе и славословить Бога?

Поддержка мятежников грозила серьезными неприятностями. Черт с ней, с должностью, не из-за поста швейцара в апостолы шел! В случае неудачи на ссылку рассчитывать не приходилось. Адом грозил провал, муками небесными!

Но и предательство было чревато неприятностями. Петр еще не забыл, как вешали Иуду на гефсиманской смоковнице. Привратник не сомневался, что и в Раю дружные последователи Сына Божьего сумеют придумать предателю достойную кару. И Бог не спасет!

Положеньице!

Святой Петр принялся вышагивать у ворот, похрустывая пальцами. Надо было на что-то решаться. В конце концов, каждый сам за себя, один Бог — за всех!

13

Продираясь сквозь кустарник, загнанные демоны наткнулись на парочку, бесхитростно занимающуюся любовью. Привычка женщины закрывать глаза при этом сладостном занятии избавила Гертруду Блюмменс от неизбежного шока и последующей истерии. Она так и не узнала причину, по которой ее кавалер вдруг зашелся в исступленном крике и бросился с поляны прочь, забыв надеть штаны и оттого нелепо и высоко подпрыгивая.

Демонам не было никакого дела до переживаний влюбленной парочки. Они бежали от опасности, слыша за спиной призывные крики женщины: «Где ты, Михель! Михеееель! Ну остановись, глупый! Твоя Гретхен ждет тебя!»

Убедившись в невозможности вернуть любовника, Гертруда Блюмменс села на траву и выразилась о нем с беспощадной откровенностью. Если бы все желания женщин волшебным образом претворялись в жизнь, многие мужчины ходили бы в надвинутых на лоб шляпах, пряча от любопытствующих то, что обычно скрывали брюками.

Демоны перешли на шаг, а через некоторое время и вовсе остановились, обнаружив, что кустарник кончился и перед ними расстилается серая полоса бетонной автострады.

— Допрыгались? — Длиннорыл устало присел на километровой столбик.

Полковник Двигун судорожно перевел дыхание и нервно утер лапой вспотевшее рыло.

— Куда бежим? — Длиннорыл сплюнул. — Из пентаграммы не убежишь!

И в это время за его спиной закрипели тормоза.

— Это еще что? — Демон вскочил и обернулся.

Усталый полковник поднял взгляд на красный «фольксваген». Из автомашины полковнику улыбался... Господи, неужели это был не сон? Полковник протер глаза. Да, это был не сон — из автомашины на полковника с улыбкой смотрел генерал-майор Кудактин, в чьем подчинении Сергей Степанович работал до самой своей кончины.

Генерал-майор Кудактин распахнул двери «фольксвагена».

— Садитесь, господа! — просто пригласил он.

14

— Мы прочесали весь район, окруженный Пентаграммой. Люди заглянули в каждый сарай, в каждый колодец, но демонов не обнаружили, — сказал Полби. — Как они могли уйти?

Большой Красный Медведь покачал головой.

— Из Пентаграммы уйти невозможно, — сказал он. — Наши люди плохо искали. Демоны находятся там, просто им кто-то помогает. Вы использовали бесометры?

— Ваши бесометры срабатывают на каждую курицу, — раздраженно сказал Полби. — А рядом с молодыми вдовушками их просто зашкаливает! Даже на одного молодого священника они сработали так, словно в него вселился весь Ад!

— Вполне вероятно, сэр, — кивнул Большой Красный Медведь. — Многие люди носят в своей душе Ад. Дайте знать о священнике местной полиции, похоже, что он сексуальный маньяк или серийный убийца.

— Меня интересуют демоны, — раздраженно сказал Полби. — Вы уверены, что они не могут покинуть Пентаграмму?

Большой Красный Медведь подумал, пошептался с сидящим у него на плече филином и отозвался:

— Это возможно, сэр, лишь в одном случае. Демонов могли замкнуть в малую Пентаграмму, которая нейтрализует влияние большой.

— А если это произошло?

— Тогда они далеко, сэр, — сказал шаман. — А наша Пентаграмма просто алюминиевые полоски, не имеющие магического смысла.

— Любопытная деталь, — заметил Полби. — В районе Пентаграммы был отмечен случай одержимости. В четырнадцатилетнюю девушку вселился злой демон. С ним схватился местный священник и сумел демона изгнать.

Большой Красный Медведь задумался.

Филин что-то загукал ему на ухо, немигающе поглядывая на директора ЦРУ.

— Послушайте, мистер Полби, — спросил Медведь, — чего вы боитесь больше: демонов или утечки информации, которой они располагают?

— И того, и другого, — признался Полби.

— Допросите священника, — посоветовал шаман, — он что-то знает.

— Хорошо, — сказал Полби. — Буду откровенен, Медведь. Демоны располагают определенной информацией. Вы знаете о Троице?

— Каждый интеллигентный человек читал Библию, — качнул перьями совы в своей прическе Большой Красный Медведь. — Даже если он придерживается иной веры.

— Троица задумала отстранить от власти Бога, — продолжил директор ЦРУ. — Он слишком консервативен и не может отойти от однажды созданной Им тоталитарной системы управления.

— Троицу трудно отнести к демократам, — философски заметил шаман.

— Да, — согласился Полби. — Троица больше похожа на военную хунту. Но важно не это. Важно совсем другое. Вы представляете, что выиграют Соединенные Штаты, если потусторонним миром станут руководить те, кого поддерживали мы?

Большой Красный Медведь посмотрел на филина. Птица ответила ему немигающим взглядом круглых оранжевых глаз.

— Тогда не стоит тратить время на беседы со священником, — с индейской прямоотой сказал Медведь. — Проще и безопаснее будет устранить его.

Филин на плече шамана довольно заухал.

— А что вы скажете о демонах? Пока они на свободе, операции угрожает провал!

Большой Красный Медведь снова пошептался с птицей.

— Ищите красный «фольксваген», — сказал шаман. — Мой помощник видел вещий сон. Демонов спас господин, управляющий красным «фольксвагеном».

— Черт! — Полби грохнул кулаком о стол. — Что же вы раньше молчали, Медведь? Мне докладывали об этом «фольксвагене». Он действительно был в Пентаграмме.

— Я не знал положения дел, — с достоинством сказал шаман. — Но если «фольксваген» не был задержан, то они уже в Словакии.

— А это значит, что они находятся вне нашего контроля более четырех часов!

15

Герман Бергер принял душ, переоделся в темно-серый костюм и понял, что для возвращения душевного равновесия ему нужно крепко выпить.

Проводить время в глупых молитвах он не собирался. А тем более выполнять указания праведника со свиным рылом и ослиным хвостом. Где это видно, чтобы чертово племя помогало Господу? Наоборот, оно всегда чем могло пакостило Господу! Случившееся накануне казалось священнику бредовым сном.

«Да чего я испугался, — думал Бергер, повязывая перед зеркалом галстук. — Обыкновенная малолетняя неврастеничка, а все остальное мне просто почудилось. Самовнушение, Герман, обыкновенное самовнушение! Не надо увлекаться чтением триллеров на ночь и фильмов ужасов смотреть надо поменьше!»

Он вышел из дома и закурил.

Если бы Уильям Полби знал, что Герману Бергеру наплевать на Бога и возможные осложнения в Раю, он бы, несомненно, отозвал бы снайпера.

Но Полби ничего не знал.

Пуля, выпущенная из снайперской винтовки мастером заплечных дел, аккуратно пробила висок священника.

16

Сын Божий оглядел сидящих на траве апостолов.

Все они были неестественно возбуждены.

— Не то мы делаем, — мрачно сказал Петр.

— Чего тебе не нравится? — удивился Дух, всплывая над плечом Сына.

— Нельзя против законной власти выступать, — продолжал упорствовать привратник. — Грех это!

— Где твоя арфа? — насмешливо поинтересовался Иаков.

— В вахтерке лежит, — признался Петр.

— Надо было захватить, — сказал Иаков. — Бог панегирики под арфу любит. Тебе, Петр, есть что терять! В твоей вахтерке продовольственных запасов до Страшного суда хватит. Посидел бы на финиках... А ты на вечеринку баночку тушенки принести стесняешься! — Иаков повернулся к Сыну Божьему. — Заложит он нас, нутром чую, заложит!

— Пасха завтра, — сказал Сын Божий. — Нет у нас времени на ссоры!

— А ты уверен, что все получится? — спросил недоверчивый Дидим.

Сын Божий задумчиво глянул на Духа, поискал глазами Голубя и бодро сказал:

— Нормально все пройдет!

— Если привратник нас не заложит, — хмуро стоял на своем Иаков.

— Он будет молчать. — Сын Божий повернулся к хранителю ключа от райских ворот: — Ты будешь молчать,

Петр?

Привратник подумал, чувствуя на себе недобрые взгляды апостолов. Дышать стало трудно, и Петр торопливо пообещал:

— Буду!

17

Генерал-майор Кудяхтин предъявил документы пограничнику. Капитан в зеленой фуражке внимательно изучил документы и заглянул на заднее сиденье. Он побледнел, торопливо вернул документы, отдал Кудяхтину честь и, покачиваясь, направился к домику.

— Завязываю, — сказал он удивленному сержанту второго года службы. — Больше ни грамма не приму!

Шлагбаум поднялся.

Впервые после своей смерти полковник Сергей Степанович Двигун оказался на родной земле.

Длиннорыл жадно вдохнул воздух.

— Пахнет, как в Аду! — восхищенно объявил он.

— Тут металлургический завод неподалеку, — буркнул Кудяхтин.

— Как вы вытащили нас из Пентаграммы? — спросил Длиннорыл. — Она ведь непроходима для демонов?

Генерал-майор Кудяхтин усмехнулся.

— Непроходима; — согласился он. — Если только демон не находится внутри Пентаграммы меньшей по размеру. Тогда большая Пентаграмма превращается в обычную геометрическую фигуру.

18

Бессонница и земные страсти обуревали Сатану. В ночь перед Пасхой он бродил по кабинету, то и дело дыма вонючими сигарами Кавура.

Он представлял себя сидящим на огромном изумрудном троне. Ниже трона ликовала толпа, слышались приветственные крики — грешники и праведники Загробного мира славили своего Спасителя.

С небес на равнину падали две струи, превращаясь в реки шампанского и коньяка. Грешники и

праведники с радостными криками ныряли в напитки и тут же на берегу братались, любили и резали на шашлыки блеющих баранов. По синему небу летели ангелы, демоны и бесы, образуя своими смешанными рядами буквы, которые складывались в надпись «Слава Сатане!». Из праведников стихийно образовывались рок-группы, лабающие на арфах тяжелый хэви-металл. Посреди райских куш уже монтировались котлы для политических противников темнейшего князя и его союзников. Под некоторыми уже полыхало пламя, и угрюмые архангелы понуро усаживались в кипящую смолу.

Ворота Рая были распахнуты, и ликующие грешники входили в райские кущи.

Богу — богово,
Кесарю — кесарево!
Черту — чертово,
Слесарю — слесарево!
И мы шагаем
по райским кушам.
Нам было плохо,
но станет
лучше!

— скандировали хвостатые черти, выстраивая на лугу сложную пирамиду.

Три ипостаси стояли подле Сатаны.

Сатана привстал, приветствуя подданных, больно ударился обо что-то чугуно загудевшее и пришел в себя. Он стоял посреди склада рабочего инвентаря, и над ним колесом и торжественно гудел котел для коллективного кипячения грешников.

«Нервы, — подумал Сатана. — Это нервы!»

Совсем другая картина представилась ему.

Торжественно обряженные в боевые доспехи архангелы вели его к котлу со святой водой. У котла выстроился торжественный караул из праведников. В котле уже сидели ипостаси и апостолы, которые отлично знали, что произойдет, когда Сатана коснется святой воды.

На троне восседал торжествующий Бог. Подле трона толпой стояли мрачные грешники, которых привели смотреть на казнь неудачливого Освободителя.

Мускулистые архангелы швырнули Сатану в котел, из которого послышался дикий вопль апостолов и Троицы.

Сатана изогнулся, пытаясь избежать соприкосновения со святой водой, и...

Баммм!

Он снова пришел в себя под гудящим чугунным котлом на все том же складе рабочего инвентаря. Голова болела от очередного удара. Сатана сел на один из перевернутых котлов, закурил сигару и затянулся.

«Нервы, — подумал он. — Это нервы!»

19

— Товарищ генерал-майор, — строго по уставу обратился демон Смоляк к сидящему за рулем Кудяхтину.

— Слушаю, Сергей Степанович, — добродушно отозвался тот. Полковник Двигун покосился на дремлющего Длиннорыла. Генерал-майор его понял.

— Не волнуйся, Сергей Степанович, — сказал он. — У этого черта один выход — с нами работать. Думаю, что он это поймет!

— Как вы нас нашли? — поинтересовался Двигун.

Генерал-майор улыбнулся.

— Я ведь не только генерал, Сергей Степанович, — сказал он. — Вам можно сказать. Я ведь еще и ангел-хранитель первого класса.

— А как вы узнали, где настоящий демон, а где я? — недоуменно спросил полковник Двигун. — По каким признакам?

— Ну зачем же по признакам? — удивился неожиданный ангел-хранитель. — Мы получили вашу фотографию оттуда. — Генерал небрежно ткнул рукой вверх.

Длиннорыл на заднем сиденье пошевелился.

— Проснулся? — фамильярно сказал генерал Кудяхтин. — А теперь представься по всей форме!

Демон ошалело хрюкнул и представился.

— Что дальше? — поинтересовался Кудяхтин. — Будете сотрудничать с нами? Или предпочтете небытие?

Длиннорыл нервно вытер вспотевшее рыло.

— С кем это с вами? — спросил он. — Какую службу вы представляете?

— ГРУР, — сказал генерал-майор и пояснил: — Главное Разведывательное Управление Рая.

— Солидно, солидно, — сказал демон.

— Не слышу ответа, — сказал Кудяхтин строго.

— А разве у меня есть варианты? — Длиннорыл снова утерся.

— Хороший ответ, — одобрил Кухахтин. — Подписочку о сотрудничестве дадите попозже. А теперь — к делу. Что вам удалось выяснить, Сергей Степанович?

Полковник подобрался.

— Покушение на Бога запланировано на Пасху, — доложил он. — Переворот возглавляет Троица, апостолы с ней в сговоре. Заряд заложен прямо под трон. А вот, — полковник указал на Длиннорыла, — это тот самый черт, которым и разработана вся операция. Он пояснит детали.

Генерал-майор Кухахтин одобрительно похлопал полковника по лохматому плечу.

— Молодец, — сказал он. — И разработчика вытащил! Не посрамил службы, Сергей Степанович! Прекрасно работает!

За окном мелькали похожие на привидения березы, сумрачные ели и сосны. Рассвет еще не наступил, но утро неотвратимо приближалось.

— В нашем распоряжении еще шесть часов, — сказал Кухахтин.

— Успеем? — тревожно глянул полковник Двигун.

— Ты забываешь о радио, — сказал Кухахтин. — Ваша часть работы закончилась. Теперь наш черед. А ты возвращаешься на Родину. В Лиде нас ждет самолет.

Машина мчалась по черному мокрому шоссе.

— Жена тебя ждет, — сообщил генерал.

— Это хорошо, — мечтательно отозвался Двигун.

Длиннорыл обидно засмеялся.

— В зеркало на себя посмотри, — посоветовал демон. — Тебе даже рога наставлять не надо, свои имеются. Любовничек!

— О твоём виде Нина Семеновна отлично осведомлена, — сухо сказал Кухахтин и вздохнул: — Не ценим мы наших жен. Истинные героини. Декабристки, можно сказать! — Генерал бросил гневный взгляд на демона. — Вам в Преисподней этого не понять.

Помолчали.

— О Санютине знаете? — спросил генерал-хранитель.

— Как же! — вскипел Двигун. — Подлец!

— Поверил нашему сантехнику, — вздохнул генерал Кухахтин. — А тот оказался американским шпионом.

242 Еще с семидесятых! Ему тогда доверили кремлевские

унитазы чинить, а он в них камеры установил. Да-а... Многих он тогда скомпрометировал, вплоть до самых верхов! Потому и пробрался в руководство — фотографиями шантажировал!

— Взяли? — лаконично поинтересовался полковник.

— С Божьей помощью, — кивнул генерал.

Длиннорыл восхищенно выругался.

— Преклоняюсь, — сказал он. — Уделали вы меня, черти!

Мелькнуло проволочное ограждение, и колеса «фольксвагена» застучали по бетонным плитам взлетной полосы. В полутьме мимо машины летели искры из прогреваемых двигателей самолета.

— Ну, с Богом! — сказал генерал-майор.

Повернувшись к Длиннорылу, предупредил его:

— Бежать не советую. Аэродром в Пентаграмме!

— Отбегался, — устало сказал Двигун.

Генерал-майор взял Длиннорыла под лапу и доверительно сказал:

— Вам лучше сотрудничать с нами. У Сатаны в последнее время одни проколы случаются. А у нас перспективы! Все еще впереди, дружище!

— Нет у меня ничего впереди, — тоскливо сказал генерал.

— А перспективы? — бодро вскричал Кудактин. — Вы же еще не знаете, что создаются новые структуры. Мы еще поработаем совместно, мы еще таких дел натворим, Вселенной тошно станет!

20

— Они его вытащили, Господи! — радостно доложил Гавриил. — И второго демона тоже взяли! Донесение от Кудактина, Господи!

— Не зря Я его в ангелы-хранители произвел, — самодовольно заметил Бог. — Оправдал доверие, оправдал! Ты его, Гавриил, от нашего имени нимбом награди и крыльями позолоченными. За заслуги перед Небесным Престолом.

— Ты был прав, Господи, — сообщил архангел. — Это Троица!

— Бог ошибаться не может!

— Они Тебе на Пасху подарочек подготовили, — сказал Гавриил. — В Твой трон они его вмонтировали.

— Ничего, — бодро сказал Бог. — Сегодня Мы расставим точки!

Он неожиданно задумался.

— А с... этим что делать? Оправдал ведь доверие. В Рай его заберем?

Архангел усмехнулся.

— За него ангел-хранитель Кудактин просит, — сказал архангел. — Ценный, говорит, работник. Просит оставить у них в штате.

— Ну, если ангел-хранитель за него просит, — пробурчал Бог. — Уважим Кудактина, оставим ему обоих прохиндеев.

Он подумал и меланхолично заключил:

— И в Раю чище будет!

21

Три ипостаси топтались подле трона, на котором восседал Бог. Видно было, что ипостаси отчаянно трусят.

Сын Божий покрылся красными пятнами. Длинные дрожащие пальцы его теребили хитон. Дух то проявлялся, то снова уходил в алкогольное небытие. Голубь, нахохлившись, нервно крутил маленькой круглой головкой и время от времени порывисто трепыхал крылышками.

Он и начал первым:

— Что это?

— Где? — поинтересовался Бог.

— Во-о-он! — Голубь крылом указал на горизонт, откуда с ликующим ревом шли колонны праведников. Слаженно звенели арфы, доносилась песня:

Счастлив тот, кто кончину свою
каждый год отмечает в Раю!
Растеряли мы плоть,
но коль скажет Господь,
мы в бою отстоим жизнь в Раю!

Над белыми хламидами виднелись красочные транспаранты: «Бог — ум, честь и совесть Рая!», «Нет проискам Сатаны!», «С нами Бог!», «Воплотим решения конференции ангелов в жизнь!» и иное творчество праведников содержали плакаты.

— Благолепие и лепота! — умиротворенно сказал Бог.

— А это что? — встрепенулся Голубь.

— Где? — спросил Бог.

— Да вон же, во-он! — Голубь встрепенулся и расправил крылья. — Слетаю посмотрю!

— Не солидно, — сказал Бог. — Ты же ипостась. Архангелы слетают.

Голубь надул зоб — то ли от страха, то ли от отчаяния. Архангелы, летящие в небе, образовали белые фразы «Да здравствует Бог!», «Истина в служении Богу», «Да будет свет, да сгинет тьма в величие Божова ума!».

Дух багрово появился рядом с тронem. Он был похож на гаснущий фейерверк.

Сын Божий порвал на арфе струну.

Бог укоризненно посмотрел на него.

— А где же ряженные херувимы? — проворковал Голубь, готовясь сорваться в воздух. — Слетаю посмотрю!

— Сиди! — снова приказал Бог. — Архангелы слетают!

Голубь суетливо закружился на месте, быстро перебирая красными лапками. Со звоном лопнула на арфе вторая струна. Дух снова проявился и принялся что-то глотать. В воздухе запахло валокордином.

— Ура-а-а! — грянула толпа.

После третьего крика «ура» должен был сработать заряд под тронem.

— Да здравствует Господь! — закричал Сын Божий и побежал вниз с явным намерением затеряться в толпе. По знаку Бога архангелы вернули его к трону.

Сын Божий дрожал.

От Духа густо несло валокордином и амброзией.

Голубь нервно выщипывал перышки из хвоста.

— Ура-а-а! — грянули праведники во второй раз.

Сын Божий застонал.

Издалека маленьким, но монолитным отрядом к Трону приближались апостолы. Слаженным хором апостолы пели:

А ты, апостол,
живешь в Раю!
Хитон по росту,
и ты в строю!

— Хорошо поют, — похвалил Бог. — Райские голоса!

— А это что? Что? — закричал Сын Божий и снова бросился бежать. — Бомба! Бомба, Господи!

— Бомба! — завопили Голубь и Дух, разлетаясь от трона в разные стороны.

А апостолы, поравнявшись с тронном, опустили арфы и, четко отбивая шаг, в третий раз грянули «Ура-а-а-а!», их крик радостно подхватили остальные праведники.

Сын Божий упал ногами к трону, пряча лицо в прижатых к траве руках. Апостолы так же слаженно упали в ожидании взрыва. Вместо грозного грибообразного облака над тронном показался грузный старец с сияющим над головой нимбом и приветственно помахал толпе рукой.

И тогда из рядов апостолов резво вырвался и взбежал к трону апостол Петр, припал к стопам Бога и закричал:

— Я все скажу, Господи! Я все скажу!

Бог поднял привратника и прижал его к груди.

— Не надо, — сказал Он. — Я все уже знаю.

Сын Божий сел, озираясь, увидел невредимого Бога, суровых архангелов, отлавливающих в небесах Голубя и Духа, гневно обозвал привратника Петра иудой и привычно заложил руки за спину, хмуро бросив обступившим его ангелам и святым:

— Ваша взяла!

22

— Митенька. — Нина Семеновна Двигун взъерошила волосы любовника. — Ну, не хмурься! Ты должен меня понять!

Туломин вырвался.

— Я-а? — Он забегал по комнате. — Ты возвращаешься к этому роконосцу, а я должен тебя понимать? Ты собираешься жить с покойником, а я тебя должен понимать?

Привычным театральным жестом он заломил руки.

Нина Семеновна закурила и спокойно оглядела любовника. К выходкам своего Митеньки она давно привыкла и знала, что все равно будет именно так, как хочется ей. Пикантность ситуации заключалась в том, что накануне встречи с любовником Нина Семеновна провела ночь с мужем и с радостным удивлением отметила его возросший после кончины сексуальный потенциал. Новый облик Сергея Степановича способствовал долгим любовным играм. О этот похотливый пяточок! О эти удивительные рожки!

Актер сел.

— Тварь рогатая! — с ненавистью сказал он.

Нина Семеновна лукаво и обещающе улыбнулась, положила руку на колено любовника и, потушив сигарету, придвинулась к нему. От женщины пахло дорогой французской косметикой. Она обняла Туломина и, уверенная в своей женской неотразимости, потянулась к нему губами.

Наконец оторвавшись от них, Нина Семеновна игриво шепнула:

— А рожки-то, Митенька, чисто твоя работа!

23

— Что ж, — рассудительно сказал Сатана. — Рано или поздно, но все проигрывают. Почему не проиграть Сатане?

— Какого черта ты связался с этими неудачниками? — спросил Бог, разливая по пузатым фужерам кагор. — Неужели ты думал, что с ними можно выиграть?

Сатана опрокинул бокал в пасть, бережно облизал пятачок.

— А на кого мне ставить, как не на грешников? — удивился он. — Да и Ты сам, Господи...

— Что Я?

— Ты сам поставил на прохиндея земного. Что же на праведников не ставил, грешную душу к делу привлек?

— Да, — сказал Бог. — С этим прохвостом Мне и в самом деле повезло. Согласись, что работа у Меня поставлена лучше!

— Да ладно, — махнул лапой Сатана. — У нас с Тобой Вечность впереди. Еще неизвестно, что в следующий раз будет.

— Игра покажет, — согласился Бог. — Только ты ведь и в этот раз мечтал выиграть. Скажешь, не так? Как ты, кстати, с Люцифером поступил? Все-таки проштрафился он у тебя!

Сатана усмехнулся.

— Он у меня теперь главное украшение Ада. Думал я, думал и вдруг Данте вспомнил:

Шесть глаз точило слезы, и стекала
из трех пастей кровавая слюна...

— Понял, — кивнул Бог. — А Иуда, значит, тоже при нем?

Вместо ответа Сатана поднял бокал.

— Твое здоровье, — сказал он.

Сделал глоток и полюбопытствовал:

— А ты с этим прохвостом как поступил?

— По заслугам его, — туманно сказал Бог.

— Длиннорыла отдашь? — спросил Сатана.

— Я бы отдал, — вздохнул Бог, — только, понимаешь, меня за него очень хорошие люди просили. Нужная личность!

24

Сергей Степанович Двигун и Длиннорыл шли по сверкающему паркету кремлевских залов. Оба были в строгих черных костюмах. Портным пришлось потрудиться над брюками. Предлагалось сшить для хвостов специальные чехольчики, но на примерке оказалось, что чехольчики эти выглядят слишком игриво. Но Вячеслав Зайцев не зря считался модельером мирового класса, он легко обошел щекотливую проблему, сделав на брюках второй гульфик.

Сергей Степанович Двигун ухитрился спрятать хвост в штанину. Демон Длиннорыл прятать хвост отказался, и сейчас его хвост волочился по паркету наподобие кавалерийской сабли.

Демоны робели.

Заметив Президента и премьер-министра, оба демона едва не повернули назад, и вновь назначенному руководителю ФСБ пришлось подталкивать их в спины.

— Поздравляю, — сказал Президент и приколот к пиджаку каждого из них по Золотой Звезде Героя России.

Полковник Двигун не сплоховал. Его ответ «Служу России!» прозвучал словно лай сторожевого пса, охраняющего периметр мясокомбината.

Сплоховал майор российской разведки Длиннорылов (именно на эту фамилию была выписана государственная награда). Демон вскинул лапу и радостно проревел:

— Служу родному Аду!

Президент и премьер-министр сделали вид, что не слышали его. В соответствии со сложившимися традициями каждый из них аккуратно коснулся губами свиных рыл демонов.

Бог вытер увлажнившиеся глаза, глядя на церемонию сверху.

Сатана с отвращением сплюнул.

Зевс покачал головой и, повернувшись к Гефесту, сказал:

— Устарели твои медные кастрюли, Гефест! Выписывай командировку к японским демонам. Были бы мы технически оснащены, этот выскочка сейчас бы у тебя мехи раздувал.

Большой Красный Медведь в баре «Цыпочки дяди Джо» утешал своего начальника:

— Что поделать, мистер Полби, — рок! С ним не поспоришь! Можно и без этой гребаной разведки вполне прекрасно прожить. Хочешь, я тебя разным шаманским штучкам научу? И как гризли приманить, как оборотнем перекинуться... Хочешь?

Полби мрачно пил, как это обычно делают американцы, у которых случились неприятности. Он хотел выпить и поэтому заказывал стакан за стаканом виски с содовой. Содовой было куда больше виски, поэтому пьянка превратилась в нудный долгий процесс.

Полби страдал.

Нина Семеновна Двигун высадила любовника у театра и отправилась в магазин за бутылкой шампанского, чтобы им отметить награждение супруга. Бесы уличного движения пытались устроить супруге ненавистного полковника дорожно-транспортное происшествие, но ничего у них не вышло — ангелов-хранителей в этот день было ничуть не меньше, чем работников ГАИ, а бдили они не в пример зорче милиционеров.

Радостно улыбаясь, Нина Семеновна ехала домой и рассеянно думала, не дать ли отставку милому Митеньке, который даже в сравнение никакое не шел с прибавившим в мужественности Сергеем Степановичем. Ах этот бодливый козлик! Пожалуй, Нина Семеновна Двигун была действительно счастлива.

25

Холодны были льды Коцита!

Иаков и Левий Матвей спустились еще ниже, и стала видна огромная снежная баба. Баба эта была рогатая и с хвостом. Глаза ее были живыми и бешеными от злости.

— Иуда! — позвал Иаков. — Эй, кариотянин, ты где?

— А где мне еще быть? — донеслось сверху.

— Живой?

— А что покойнику сделается? — Иуда зашевелился в пасти Люцифера, взялся за его левый клык и свесил вниз растрепанную рыжую голову. — Мучаюсь только от холода. Вы-то как?

— Троица под амнистию попала, — вздохнул Левий Матвей. — А мы мордой не вышли. Происхождение не то. Пока здесь кантуемся...

— Продали нас, — сказал Иуда.

— Ничего, — подбодрил его Левий Матвей. — Будет и на нашей улице праздник! Потерпи немного. Есть хорошая идея.

— Нет. — Иуда устроился поудобнее, насколько можно говорить об удобствах в пасти демона. — Я уж лучше здесь отсижусь!

— Ты послушай, — загадочно сказал Иаков.

— И слушать не желаю! — отрезал кариотянин. — Идите, братцы, идите! Поймают вас здесь Загребалы, всем плохо будет!

— Да уж куда хуже? — в один голос вздохнули его бывшие товарищи.

Пронизывающий ледяной ветер выл над ледяными торосами замерзшего озера. И печально было смотреть, как удаляются две крошечные понурые фигурки бывших апостолов. Иуда долго смотрел им вслед, потом с трудом повернулся на шершавом, как наждак, языке Люцифера.

— Ты бы хоть пламя изрыгнул, — укоризненно сказал он. — Согрелись бы немного!

26

— Скучно, — сказал Бог, получив на четыреста тридцать седьмом ходу мат от хитроумного Сатаны. — Все-таки не игра это! Так — чтобы вечность скоротать!

— Давай в живых сыграем? — с готовностью предложил Сатана.

— Вот и Аллах пристаёт, — вздохнул Бог. — Сыграем в живых, сыграем в живых! Такой газават получится!

— Втянет Он Тебя, — сказал Сатана. — Придется

250 Судный день раньше времени объявлять!

— Того и боюсь, — согласился он. — С тобой-то привычнее. Ты и правил придерживаешься. А с богами сложнее. Как греки говорят, боги дерутся, а хоронят людей.

— Так сыграем? — повторил предложение Сатана.

— А как ты себе это представляешь? — без особого интереса спросил Бог.

Сатана ответил сразу, видно было, что он к разговору готовился.

— Ты за Кремль сыграешь, я — за Белый дом. Ходы не возвращаем, играем без матов и до последней фигуры. Ну как?

Бог прикинул.

— Идет, — сказал он. — Все равно делать нечего. Буду играть с жертвами. Для начала Я тебе всех пешек из социалистического лагеря отдам!

г. Царицын, 1993 год

Владимир Васильев

ВОПРОС ЦЕНЫ

Повесть

(Цикл «Ведьмак из Большого Киева»)

— Эй, ведьмак! Вставай! Тут пришли...

Геральт поднял тяжелую со сна голову и попытался разлепить веки.

Не получилось.

— М-м-м... — сказал он. — М-м-му...

Его нетерпеливо потрепали по плечу.

— Вставай, ведьмак!

Пришлось собраться. Постель еще звала, манила теплом и уютом, сладкая муть заволакивала сознание. Но он уже впустил в голову холодную, как порыв февральского ветра, пробудительную струю.

Сон сняло как рукой. Конечно, он поспал бы еще некоторое время, если бы представилась возможность. Но возможность, похоже, не представилась.

Геральт открыл глаза, откинул одеяло в сторону и сел на постели.

Редко когда ему доводилось спать на настоящей постели — чистой, с хрусткими крахмаленными простынями, с подушкой, накачанной воздухом. Чаще выпадало коротать ночь жизнь знает где — в заброшенных зданиях, прямо на грязном дощатом или, хуже того, цементном полу в компании нахальных отожравшихся крыс. На мрачных автомобильных свалках-кладбищах. В бетонных джунглях завода, в пропитанных запахами контактной сварки цехах, посреди металлического скрежета и сно-

пов ослепительно желтых искр, в самом сердце таинственных процессов, результатом которых было рождение машин или какой-нибудь утвари.

Пути ведьмаков пролегают вдали от насиженных мест. И когда удастся заночевать в роскоши отеля или комнаты отдыха, никто из ведьмаков не спешит подниматься ни свет ни заря, всякий норовит понежиться до полудня.

Геральт взглянул на часы — десять двадцать семь — и наконец обратил внимание на разбудившего его паренька из obsługi, не то носильщика, не то уборщика.

«Надо же, — подумал ведьмак с удивлением. — Снова ко мне пришли. Сами. Не приходится бродить и скитаться в поисках работы. Не успел от прошлого дела отойти — и опять я кому-то нужен».

Неужели наступили светлые времена? В это хотелось верить — сильно хотелось. Но скептик, живущий в каждом из живых, не спешил верить в хорошее.

Геральт протяжно зевнул и небрежно осведомился:

— Ну, чего тебе?

Никогда нельзя показывать, что ты заинтересован в работе. Даже вот этому простодушному пареньку на побегушках — нельзя. Ведьмак должен быть бесстрастен, невозмутим и высок, запредельно высок, выше любых обыденных дрызг, которые порой так волнуют разношерстное киевское население.

— Собирайся. Хозяину понадобился номер... — сказал паренек.

— Номер? — несказанно удивился Геральт. — Но я же заплатил до полудня!

— Только что важный господин приехали... А номеров с удобствами нет. Хозяин велели тебя переселить в угловой.

Геральт упрямо насупился:

— Какого черта! У меня еще полтора часа!

Он собрался уже плюхнуться назад, в дышащую теплом утробу постели, и блаженно вползти под одеяло, но тут дверь с грохотом отворилась и в номер втиснулся высоченный вирг — клыки наружу, костюмчик из салона на Крещатике. Следом ввалился еще более крупный мордоворот. В необъятной кожаной куртке, джинсах и тяжелых ботинках. Куртка аж лоснится. Не иначе, охранник.

— Ну, что тут? — громогласно спросил вирг, с отворачиванием глядя на полугололого ведьмака.

Мордоворот — тоже, разумеется, вирг — бесшумно опустился на пол тяжелый хозяйский чемодан, перехваченный дорогими ремнями. Следом за виргами в номер просочился и хозяин отеля — худой и гибкий, как глиста, метис. В его облике безошибочно угадывалась человеческая кровь, орочья и, похоже, редкая примесь ламиса.

— Не извольте беспокоиться, сударь! — тараторил хозяин. Похоже, он продолжал тираду, начатую еще в коридоре. — Момент! Сейчас ведьмака переселим, номер приберем, и живите на здоровье!

Вирг вяло покосился на хозяина и снова стал глядеть на ведьмака.

— Ну, чего сидишь? — угрюмо пробасил охранник. — Приглашение нужно? Собирай свои манатки и проваливай.

В тоне охранника не прослеживалось ни тени угрозы или раздражения — обычное уверенное спокойствие живого, привычно делающего свою каждодневную работу.

— А в сортир мне зайти позволят? — справился Геральт миролюбиво.

— На коридоре зайдешь! — буркнул как отрезал вирг-хозяин.

Ведьмак утомленно вздохнул.

«Н-да. А я, дурак, размечтался. Работа, заказ... Светлые времена...»

Времена и не думали меняться.

Он встал; быстро, но без излишней спешки оделся. Рюкзачок свой походный по извечной привычке с вечера распаковывать не стал, даже зубную щетку с пастой вчера в ванной не оставил, с собой забрал и на привычное место сунул, в боковой вертикальный кармашек. Поэтому сборы ограничились лишь одеванием, обуванием да извлечением из-под кровати мощного помпового ружья. Рабочего ведьмачьего инструмента.

— Ключ? — потребовал вирг-хозяин, недовольно кривя губы.

— В дверях, — спокойно ответил Геральт.

Кажется, спокойствие ведьмака немного разозлило вирга. Не покорность, а именно спокойствие живого, уверенного в своей силе и своем праве, но почему-то решившего уступить чужому нахрапу.

Вирг обернулся — ключ с прицепленной грушевидной блямбой действительно пребывал в замке. Ге-

ралът с вечера даже не заперся, поэтому парнишка-служащий гостиницы смог беспрепятственно войти в номер.

— Свободен. — Вирг величаво повел рукой, словно выталкивая в коридор кого-то невидимого.

В номер уже впархивали тетеньки-горничные, кто со шваброй и веником, кто с ошалевшим от спешки пылесосом, кто со стопкой свежего белья в руках.

Геральт вышел в длинный прямой коридор, но свернул, вопреки ожиданиям сопровождающего паренька, не налево, к тупиковым дешевым номерам без удобств, а направо, к лестнице.

— Эй, ты куда? — удивился паренек, хватая ведьмака за рукав.

Геральт не ответил. Он единственным движением выскочил; молча, хищно и выверенно ступая через ступеньку, спустился на первый этаж, в холл, и приблизился к портье за низкой стойкой. Портье, прилизанный человек лет тридцати пяти, дежурно улыбнулся ему навстречу.

— Из двести шестого? — осведомился он вкрадчиво. — Вас ведь переселили в двести сорок второй. Ключ вон, у него.

Портье указал на парнишку.

— Я не буду переселяться на полтора часа, — пояснил Геральт. — Я ухожу.

— А! — Портье даже слегка обрадовался. — Тогда всего хорошего. Надеюсь, вам у нас понравилось.

— Нет, — возразил Геральт. — Не понравилось.

— Почему? — изумился портье.

— Потому что мне не дали поспать в оплаченном номере. Потому что меня выставили в коридор, как последнюю шваль. А вчера, кстати, с полтинника даже сдачи не дали, хотя номер стоил тридцать семь гривен.

— Ну, — портье несколько смешался, — так получилось. Приехал господин Фольксваген, а у нас как на грех ни единого свободного люкса...

— И поэтому нужно было выгонять меня?

— Ну а кого еще? В остальных живут гости с положением, с именами...

Портье, кажется, понял, что несет что-то не то, поэтому умолк, выжидательно уставившись на Геральта. Потом сунул под стойку и выложил перед Геральтом четыре купюры — десятку и три по одной гривне.

— Вот сдача.

— Сдача? — удивился Геральт. — Ну уж нет! Давай назад мой полтинник.

Портье озадаченно захлопал глазами.

— Э-э-э... А, собственно, почему?

— Ну как? — принялся объяснять Геральт. — Вы мне предоставили номер. А потом отобрали его. Вот и я — прежде заплатил, а теперь отберу. Все честно.

— Но ведь вы переночевали! — Портье не желал соглашаться.

— Ну и что? — Ведьмак слегка повел плечами и качнул лысой татуированной головой. — Вчера заплатил. А сегодня решил, что за такой сервис грех платить. Ты радуйся, что я неустойки с вас не требую.

Портье от такой наглости окончательно растерялся.

— Неустойки? Ты спятил, ведьмак? Проваливай давай, пока я охрану не вызвал!

Геральт во второй раз за это утро утомленно вздохнул, опустил ружье и рюкзачок на мраморный пол и вдруг резко вспрыгнул на стойку. По холеной роже портье он с удовольствием съездил ботинком. С размаху. Второй администратор, сидящий по соседству, потянулся было к кнопке тревоги, но ведьмак первым неувловимым движением извлек откуда-то из-под куртки узкий метательный нож, а следующим движением, столь же неувловимым, послал его в молниеносный полет. Тюкнув, нож вонзился в деревянную перегородку рядом с кнопкой. Администратор резко отдернул руку и испуганно замер, поводя глазами.

В холле воцарилась тишина.

Геральт пнул кассовый ящик (тот звякнул и с готовностью распахнулся, видимо, не на шутку испугавшись ведьмака), отсчитал пятьдесят гривен десятками и снова перемахнул через стойку. Забросил рюкзачок за плечо, подобрал ружье.

На полу за стойкой стонал и размазывал по лицу кровь несчастный портье. Администратор с округлившимися глазами боялся пошевелиться, только часто-часто моргал.

— Нож-то верни, — миролюбиво попросил Геральт.

Тот суетливо выдернул нож из перегородки и опустил на стойку. Руки у него мелко тряслись.

— Я бы сказал вам спасибо за ночлег, — обратился Геральт к служащим гостиницы. — Но, сами понимаете, не в этот раз. Так что бывайте...

Он подмигнул и ровным шагом направился к выходу.

Уже на улице он оглянулся — не успевшие поселиться потенциальные гости горе-отеля вышли следом за ним и торопливо разбредались кто куда. Кто ко входу в метро, кто к троллейбусной остановке.

«А в сортир я так и не зашел», — мрачно подумал Геральт, подойдя к трассе и поднимая руку.

Желтая «Десна» с шашечками на дверях остановилась почти сразу.

— На базар, — велел Геральт, втиснувшись на переднее сиденье.

— На какой? — весело уточнил орк-таксист, в самом расцвете дядька. Было ему с виду лет двести — двести пятьдесят.

— Я пошутил. — Геральт слегка улыбнулся. — Мне на вокзал.

— На какой? — Орк ничуть не смутился и второй вопрос задал так же весело.

— К поездам...

— На Южный, что ли? — хмыкнул таксист.

— Извини, я в Харькове впервые. А приехал ночью, на попутке, из Луганска. Так что понятия не имею, откуда у вас поезда ходят.

— А куда ты собрался-то? — справился таксист, разворачиваясь и выруливая в левую полосу.

— На юг. Херсон, Одесса, Николаев. Куда-нибудь туда.

— Тогда точно на Южный, — удовлетворенно подытожил таксист. — С ветерком или как?

— Какой же живой не любит быстрой езды? — усмехнулся Геральт, подставляя лицо ветру, что рвался в открытое окно.

Усмехнулся он потому, что вспомнил слегка переиначенную поговорку днепровских моряков-речников. Те говорили: «Какой же живой не любит долететь до середины Днепра?» и дружно ржали после этой фразы во все испытые и прокуренные матросские глотки.

Такси резво неслось по проспекту, втираясь между менее проворных автосородичей, гуляя из ряда в ряд, подрезая и подсекая менее расторопных. «Десна» и таксист, казалось, были созданы друг для дружки, слились в единое целое, в странную сущность для уничтожения расстояний. Геральт знал, что до вокзала такой езды по одному из самых известных районов Большого Киева — Харькову —

минимум полчаса. Широкий проспект был забит автомобилями, и если бы не умелый водитель и опытная легковушка-такси, ехать бы Геральту не менее часа.

— Эх-ма... — посетовал водитель, стартуя после очередной остановки перед светофором. — Плотное сегодня что-то движение. Как бы в пробку не влететь. А за мостом точно пробка, нутром чую...

Некоторое время они шли в потоке: впереди джип «Хортица», позади трехтонный грузовик «Ингул», по бокам легковушки — белые «Черкассы»-универсал и какой-то европеец, не то «Опель», не то «Рихтхаген». Шли, ясное дело, со скоростью потока.

— Точно пробка, — бормотал водитель, вытягивая шею и вглядываясь в трассу за лобовым стеклом. — Да там всегда пробка...

— Это надолго? — осведомился Геральт.

Не то чтобы он куда-то спешил. Но сидеть в такси посреди скопища прирученных и диких автомобилей — мало-приятное занятие.

— Кто его знает... Давай-ка мы в обход рванем. Так дальше, но зато быстрее. Давай?

— Давай, — милостиво согласился Геральт.

Ему было все равно, как ехать.

И началось. Орк-таксист принялся настырно втираться в левый ряд, высовываясь в окно и сигнализируя коллегам-водилам рукой, моргая фарами и непрерывно библикая. Ведьмаку казалось, что в этом металлическом стаде перестроения решительно невозможны, но спустя десять минут их желтая «Десна» уже стояла в крайнем левом ряду перед очередным светофором и размеренно помигивала поворотником. Весь следующий квартал слева был занят территорией какого-то завода; что это за завод, Геральт не знал, а никаких опознавательных знаков или плакатов ни на головном шестиэтажном здании, ни на увенчанном спиральными витками проволоки-колючки заборе не наблюдалось.

Дали зеленый; «Десна» стремительно сорвалась с места и успела вписаться в поворот и даже проскочить полосы встречного движения раньше, чем встречные машины. Ведьмака ощутило вдавило в сиденье.

— Ого, — пробормотал он. — Сильно! Производит впечатление...

— Сюда вряд ли кто сунется, — пояснил орк. —

258 Дорога паршивая да еще выходит жизнь знает куда,

аж к центральному рынку на зады. Но оттуда есть тоннель к путям Южного вокзала, так что ты пройдешь. Ну а я потом на Шалаевку выверну, и все дела, мне оттуда домой близко.

Геральт молча кивнул. Всяко этот вариант интереснее пробки на проспекте.

Дорога и впрямь была плохая — россыпь выбоин на ветхом асфальте, словно били здесь шрапнелью великанские пушки. Высоченная и серая, как беспросветность, заводская стена тянулась сколько хватал глаз. Это справа от дороги. А слева то вставали низкие, похожие на бараки домишки с битыми окнами, то простирались захламленные пустоши, то прятались за плохонькими оградами дворы мелких фабрик. И это буквально в двух шагах от запруженного транспортом проспекта!

За «Десной» вставал жиденький пыльный шлейфик — так давно по здешней дороге никто не ездил.

— Видал? — прокомментировал обстановку неунывающий орк. — Двести метров в сторону, и все, как и не Харьков. Дыра дырой, будто в глушь заехали. Зато пробок нет!

Таксист довольно ухмыльнулся и бросил машину вправо, огибая очередную выбоину. Машина не возражала: бить амортизаторы на встречных кочках — кому приятно?

Они ехали минут двадцать, а картина совершенно не менялась. Заводская стена справа и нежилые кварталы слева. Если бы за заводским забором что-то отдаленно не грохотало, тут царила бы ватная тишина, еле-еле испаряемая тихим урчанием ухоженного «деснинского» мотора.

А потом они увидели. Что — Геральт сразу и не понял.

Черная горелая проплешина на дороге; асфальт, превратившийся где в мелкую крошку, где в оплавленный шлак. Чудовищный пролом в фасаде двухэтажного здания, словно на здание свалилось из поднебесья исполинское ядро. Свалилось и растаяло, обнажив проломленные перекрытия и пыльное нутро давно заброшенных комнат. И еще — узкая, метра три всего шириной, просека, уводящая в глубь квартала.

— Ё-мое! — вымолвил орк, притормаживая, и залиvisto присвистнул. — Час назад этого не было.

— Останови-ка, — велел Геральт сухо. Излишне, пожалуй, сухо: таксист-то ни в чем не виноват. Но обращать внимание на мимолетные обиды орка у ведьмака не возникало ни малейшего желания. Впрочем, водила и не

обиделся. С готовностью придержал «Десну» и тотчас полез наружу.

— Стой! — одернул его Геральт, выскальзывая из такси. Орк застыл, успев только отворить дверцу.

Ведьмак быстро обошел машину, нашарил в кармане деньги; протянул таксисту десятку и велел:

— Вот, держи. На вокзал я не поеду. А ты разворачивайся и уезжай.

— Почему? — изумился орк.

Геральт посмотрел в его черные и блестящие как смола глаза, в которых невозможно было различить зрачки.

— Потому что здесь опасно.

— Опасно? — не понял орк. — Да я тут сорок лет езжу, парень! Ты небось еще и у папаши в штанах не шевелился...

— Видел когда-нибудь такое? — оборвал его Геральт, указав рукой на изувеченное здание. Изувеченное совсем недавно, пыль еще не успела осесть, а разломы на бетонных панелях и торцах перебитых арматурин были совсем свежими, светлыми.

— Здесь — нет, — коротко ответил таксист.

— Если бы увидел, ты бы здесь уже не ездил, — сказал Геральт.

— Почему? — вторично изумился орк.

Ведьмак понял, что на слово таксист ему не поверит.

— Жизнь с тобой, орк. Но учти, я тебя предупреждал. С этой секунды за свое благополучие отвечаешь ты сам, и никто иной. Уяснил?

— Тю! — Орк поглядел на Геральта как на слабоумного. — А доселе, что ли, ты за мое благополучие отвечал? Чудак ты, человек! Я за тебя отвечал, как шофер, и «Деснуха», лапушка моя.

Геральт пристроил шмотник-рюкзачок за спиной и удобнее приторочил к боку ружье. Потом проверил на поясе гранаты. Таксист смотрел на него со странной смесью скепсиса и уважения.

— Ты что, на войну собрался? — поинтересовался он.

— Моя жизнь — сплошная война. — Геральт пожал плечами. — Я ведьмак.

— Ведьма-ак? — протянул орк; лицо его вытянулось. — То-то я смотрю, татуировка у тебя странная...

Цветная ведьмачья татуировка, как водится, украшала голову Геральта: у правого уха — угловатая туша карьерного экскаватора, через весь затылок — суставча-

тая лапа, а у левого — зубатый ковш, нависший над фигуркой живого, не то человека, не то эльфа. Живой казался маленьким и жалким рядом с этим стальным чудовищем. Неведомый татуировщик вдохнул в картинку столько жизни и движения, что казалось, будто ковш сейчас обрушится не то на человека, не то на эльфа, что механические сочленения сейчас лязгнут и оборвут чей-то путь.

— Ну что? Теперь вернешься? — неприязненно спросил Геральт.

— Нет, — решительно выдохнул орк. — В конце концов, мне ведьмаки ничего плохого пока не сделали.

— А вдруг я сделаю?

— Вот сделаешь, тогда и поберегусь, — буркнул таксист.

Геральт молча повернулся и зашагал в зев недавно возникшей просеки.

— Учти, орк, — предупредил Геральт. — Завяжешь — я тебя вытаскивать не буду.

— Больно надо, — огрызнулся таксист и вытащил из внутреннего кармана полотняной куртки небольшой короткоствольный револьвер.

«Ой-йо... — ужаснулся ведьмак. — Пукалка-то ему на что? И как он прожил двести с лишним лет? Неужели все время совал голову в самое пекло и все время это сходило в итоге с рук?»

В подобное верилось очень слабо. Наоборот, долгоживущие Большого Киева и других мегаполисов отличались повышенной осторожностью и мнительностью, доходящими порой до сущей маниакальности. Ведьмак принимал это как должное, ибо знал: скорость воспроизводства долгоживущих рас неизмеримо ниже, чем у людей. Жизнь каждого эльфа, орка, гоблина или вирга воистину бесценна. Это люди мрут сотнями, а возрождаются тысячами. У остальных все иначе.

Впереди было тихо, только на территории завода продолжало гулко и размеренно бухать. Молот там работал, что ли? Орк, слава жизни, замолчал, и Геральту представилась возможность подумать. Как всегда на ходу, потому что ведьмакам свойственно уплотнять время.

Итак, кто же может оставлять такие следы и чинить такие разрушения? Кто или что? Несомненно, это машина, и столь же несомненно — это специализированная машина. Причем не транспортная. Во всяком случае, по основной специализации.

— Эй, — обратился к таксисту ведьмак. — А что это за завод у нас за спинами, а? Ты не знаешь?

— Харьковский тракторный. Хэ-тэ-зэ то бишь. Его уже лет сто не трогают, дурное это место. А там дальше — завод Малышева...

Но завод Малышева Геральта сейчас интересовал мало. Иное дело — ХТЗ.

— Лет сто, говоришь? — задумчиво переспросил ведьмак.

— Ну, может, больше. При технике Биксанта туда снаряжали досмотровую группу, я помню, я их возил. Но что-то у них не заладилось, полгруппы положили, образцов не добыли, а к линиям так и не добрались.

— Дикие машины на завод наведываются? — продолжал допытываться ведьмак.

— А то как же! Ночами в основном.

— Ввозят или вывозят?

— Откуда мне знать? — Орк сердито передернул плечами. — Что я, гаишник-следопыт, что ли?

— Ты ведь шофер. Тебе ли не понять, порожняк с завода выезжает или груженые?

Орк помялся, потом неохотно ответил:

— Да не присматривался я... Вроде всяко бывает: когда груженые уходят, а когда и порожняк.

— А в грохоте перерывы бывают? Или так и грохочет все сто лет без продыху?

Таксист снова задумался.

— Нет, — протянул он почти без сомнения. — Тут не шибко грохочет, но совсем уж мертвой тишины я тоже не припомню. Что-то там шевелится все время за забором. Маневрирует.

Тем временем они миновали первый замкнутый дворик; просека тянулась дальше, через пролом в дырчатом бетонном заборчике ростом с человека. Слева пролом был аккуратным, почти ровным, зато справа на заросший жиденькой травкой газон рухнуло несколько лишних секций, а столбики сильно накренились и торчали из земли словно гнилые зубы. Просека тянулась вперед, через внутриквартальную улочку, в соседний двор. Тут неведомая машина свалила по пути лишь несколько толстых деревьев. Свалила и протаскала до угла неповрежденного двухэтажного домика. Во дворе чудище проутюжило загородку с какими-то ящиками, от которых ныне сохранились лишь щепы, и во-

дную колонку. Из обнажившейся трубы вовсю хлестал веселый двухметровый фонтан.

— Дела-а-а... — протянул орк. — Слушай, ведьмак, ты с чудовищами дело имеешь. Скажи, что это?

— Не знаю, — честно ответил Геральт. — Что-то могучее и опасное.

— Не знаешь? Слушай, а ты точно ведьмак?

— Точно, — угрюмо заверил Геральт.

Квартал был тоже явно необитаемый. С одной стороны, это хорошо, никто не пострадал пока. Но с другой — если Геральт надеялся получить работу, в необитаемом квартале он ее точно не получит, приди сюда хоть дивизия бешеных самоходок. Обнадеживало только одно: воспоминание о запруженном автотранспортом проспекте в двадцати минутах отсюда. Как только жизни и благополучию обывателя-киевлянина возникает хоть малейшая угроза, ведьмакам работа находится поразительно быстро.

Орк-таксист, не выпуская из рук свой дурацкий револьверчик, упрямо крался за Геральтом. И не думал отставать или отступать. Геральт на него не глядел, просто чувствовал за спиной живое присутствие. Гораздо больше ведьмака занимали ближайшие окрестности. Следы на асфальте и земле, увечья зданий, оград и фонарных столбов, удушливые клубы поднятой пыли и едва заметный запах высококачественной смазки.

Геральт ожидал нападения с минуты на минуту. Чудовище не станет бездумно шастать по порожним дворам. Ему, как и всякому чудовищу, нужны жертвы.

Нужны живые.

В силу своей профессии Геральт хорошо разбирался в чудовищах. Даже в доселе невиданных. Потому что все чудовища во многом схожи.

— Шахнуш тодд, — ругнулся орк, споткнувшись о торчащий из земли металлический прут. — Долго нам еще красться, а, ведьмак?

Геральт не ответил. Он пружинисто шел вперед, прижимаясь к стенам зданий и заборам, избегая открытых пространств. Мало ли какая гадость может заметить их с крыши или дерева? Заметить и сигануть. Ищи потом свищи неосторожного ведьмака и опрометчивого таксиста...

Там, откуда они пришли, что-то оглушительно бабахнуло. Геральт сразу же замер, повернув голову и

вслушиваясь. Тишина враз стала плотнее, ощутимо толкнулась в уши, зазвенела.

Орк снова что-то сквозь зубы прошипел; Геральт заставил его умолкнуть единственным резким жестом.

— Так! Назад, к «Деснухе» твоей, — велел ведьмак вскорее. — Он вернулся.

— Кто?

— Не знаю. Тот, кто здесь шастал.

— Куда вернулся?

— На завод. Больше ему неоткуда взяться. И возвращаться некуда. Только на завод.

На обратном пути Геральт почти не соблюдал мер предосторожности.

Когда они пересекали последний фабричный двор, стала видна тонкая струйка сероватого дыма, что расплывающейся свечечкой тянулась в осеннее харьковское небо. Геральт подумал, что его первые подозрения, похоже, оправдываются.

Он угадал. На месте ладной желтой «Десны» теперь полыхал почерневший остов. Горячий воздух рождал над пламенем полупрозрачных фантомов.

Таксист при виде этого остолбенел, потом издал протяжный жалобный стон.

— А-а-ф! Лапушка! Моя «Деснуха»!

На него жалко было смотреть: как и любой водила, орк успел за долгие годы крепко привязаться к своей верной легковушке. Утратить ее — все равно что утратить частицу себя. Геральт вполне понимал его чувства.

Но отнюдь не разделял их.

— Я предлагал тебе убраться орк. Теперь не хнычь.

Таксист — точнее, уже экс-таксист — обратился к ведьмаку замутненный взор.

— Система тебя побори, ведьмак! Не зря вас проклинали живые: не успеешь с вашим братом связаться, тут же приходит несчастье.

— Есть такое дело, — не стал возражать Геральт. — Но кто тебя за мною тянул?

Орк отвернулся и глухо сказал:

— Никто.

— Вот и не хнычь теперь. Лучше подскажи — где тут поблизости заночевать можно, чтоб не на голом полу и не с крысами в обнимку?

Чернее тучи, орк все же нашел силы вести осмысленную беседу:

— А ты что же... раздумал уезжать на юга?

— Раздумал. Когда с завода выходит ТАКОЕ — ведьмаку негоже уходить. Да и глупо бежать от заработка.

— А с чего ты взял, что я буду тебе помогать?

— С того, — сообщил Геральт, — что тебе нужна новая легковушка. Поможешь мне — будет.

Орк вопросительно уставился на Геральта.

— Новая? А не брешешь? Впрочем, живые гутарют, что ведьмаки никогда не врут.

— Это правда.

Орк продолжал колебаться.

— А еще гутарют, что ведьмаки задаром никому не помогают...

— И это правда, — подтвердил Геральт. — Но я ж тебе ее не дарить собрался. Помогать мне будешь.

— Помогать ведьмаку? — Орк слегка опешил. — Я?

— Не бойся, — поспешил успокоить его Геральт. — Ничего особенного от тебя не потребуется. Сейчас мне нужно отсидеться, подумать и поесть. Ты ведь можешь это устроить, я знаю. Ничего сложнее я от тебя и впредь не попрошу. Так что прячь свою пукалку и вежи. Не может быть, чтобы в этих развалинах совсем никто не жил. А раз ты тут часто ездешь, должен местных знать.

Поколебавшись еще немного, орк наконец решил:

— Ладно. Пошли. Все равно я теперь безработный...

И он повел ведьмака прочь от останков любимой легковушки. Дальше, вдоль заводского забора, в направлении задов Центрального рынка. То и дело оглядываясь на свою увечную спутницу.

Геральт в отличие от него не оглядывался.

Это выглядело как гараж. Впрочем, это и был гараж — один из нескольких сотен. Заключенные в кирпичную ограду ровные ряды одинаковых двухэтажных коробок. Первый этаж — бокс с технической ремонтной ямой, второй — небольшая комнатка-мастерская, логово механика-самоучки, толком в технике не разбирающегося, но способного излечить не слишком сильно захворавшую машину.

Гаражи располагались немного на отшибе; за извилистым оврагом шеренгами возвышались пятнадцатитажные коробки недавнего выроста, а за пятидеся-

тиметровым пустырем начинались те самые нежилые кварталы, куда наведальсь НЕЧТО с завода. Ну и сам завод, конечно, лежал совсем рядом, по ту сторону паршивой дороги, первую половину которой Геральт и орк-таксист проехали на сожженной ныне «Десне», а вторую отмахали на своих двоих.

— Вот, — невесело сообщил орк. — Здесь он и обитает.

Кажется, бедняга-таксист с каждой минутой становился все мрачнее и мрачнее.

— Один обитает? — уточнил Геральт.

— Один.

Некоторое время ведьмак молчал, разглядывая угрюмого спутника, которого еще совсем недавно пытался прогнать. Потом скептически покачал головой и огляделся.

Они стояли на приступочке перед дверью в комнатенку второго этажа. Ключ, который орк только что вынул из-под коврика, торчал в замке; дверь была полуоткрыта. Вдоль одной стены комнатенки вытянулся рабочий стол с небольшими тисками и разбросанным по столешнице инструментом. Ко второй стене приткнулся старый продавленный диван, тумба с телевизором и столик поменьше, видимо, совмещающий функции письменного и обеденного.

Не в силах больше видеть кислую физиономию орка, Геральт фыркнул, сбросил с плеча рюкзачок и спустился по металлической лесенке вниз, в пространство между гаражами. Выбрал ворота с навесным замком, внимательно осмотрел запоры; потом вынул из узкого кармана складной нож и небольшой слегка изогнутый стержень. Из комплекта ножа ведьмака заинтересовало только шило. С замком Геральт манипулировал недолго, меньше минуты. Разумеется, открыл. Потом некоторое время возился с врезным замком, тоже вполне успешно.

Он не угадал: вскрытый гараж оказался пустым.

— Шахнуш тодд! — выругался ведьмак сквозь зубы. — Я должен был догадаться! Если тут никто не ошивается, кроме единственного кобольда, искать надо в гаражах с автоматическими замками...

Орк с толикой интереса наблюдал за изысканиями ведьмака сверху, с приступочки.

Второй гараж Геральт выбрал безошибочно: внутри обнаружился серебристый джип «Хортица», причем явно уже имевший дело с живыми. Ведьмак просто приот-

крыл дверцу, вынул из замка зажигания ключи и, позвякивая ими, поднялся к таксисту.

— Держи. — Он вложил ключи орку в ладонь. — Поди, лучше твоей «Десны»...

Орк удивленно переводил взгляд с ключей на ведьмака.

— Что... уже? Это мне?

— Тебе, — проворчал ведьмак, подхватив рюкзачок и направившись к дивану. — А то чуть не плачешь по своей колымаге...

Орк из мрачного сделался просто грустным.

— Да разве дело в новой машине? Что я — машину себе не найду? Я «Деснуху» свою любил, понимаешь? Да и на кой ляд мне джип, он топлива жрет втрое больше.

— Не бухти, — посоветовал Геральт. — Джип есть джип. Ездил бы ты на джипе, мы б в квартал пешком не сунулись. И не потерял бы ты тогда ничего. Разве нет?

Орк тяжело вздохнул, потряс перед глазами связкой ключей, но все же сунул ключи в карман.

— Спасибо, ведьмак. Если честно, я не ожидал джипа. Спасибо.

— Я и сам не ожидал.

Только сейчас, пройдя в глубь комнаты, Геральт отстегнул ружье, но оставил его под рукой. А сам расположился на диванчике. Ногами к выходу. И к телевизору.

— А зовут-то тебя как? — поинтересовался орк, умело поджигая газовую горелку под чайником.

— Ведьмаком.

— Нет, я об имени.

— Что тебе ведьмачье имя? Кто их помнит, ведьмачьи имена?

Орк помолчал, видимо, ожидая ответа.

Не дождался.

— А меня Семен зовут. Семен Береста, — представился орк, демонстративно не обращая внимания на молчание Геральта. — Всю жизнь тут шоферу. И я, и отец мой шоферил, и братья... И сыновья, оба. Все по таксерной линии... Ты чай какой любишь, покрепче или пожиже?

— В меру, — сказал Геральт. — В цвет коньяка. Только хорошего.

— А я покрепче люблю. Чтоб непрозрачный был. И без сахара.

Чайник постанывал на горелке, жадно впитывая тепло.

— Геральт, — сказал наконец Геральт. — В смысле меня зовут Геральт.

— Геральт? — переспросил орк и впервые за последние часа три усмехнулся. — Ну да, конечно. Как еще могут звать ведьмака? В честь героя той грустной сказки?

— Не знаю, в честь кого, — отозвался Геральт. — Ведьмаков всегда называют традиционными именами. Геральт, Койон, Ламберт... Раз меня называли Геральтом, значит, незадолго до моего посвящения другой ведьмак по имени Геральт перестал жить. Вот и вся честь.

— И ты ничего о нем не знаешь? О том Геральте?

— Ничего. Кроме имени.

Ведьмак молчал, орк заваривал чай.

Наконец Геральт произнес — неохотно, словно через силу:

— Идет кто-то.

Семен Береста вслушался, но из-за тихого шипения так и не выключенной горелки ничего не услышал. Однако ведьмак оказался прав — спустя минуту в дверном проеме возник хозяин. Краснолицый, как и все кобольды, в шикарном кожаном переднике поверх одежды. И босиком.

— Семен? — спросил кобольд со смесью удивления, облегчения и радости. — Какими судьбами?

Орк, широко улыбаясь, оставил чайник с чашками, раскинул руки и смело шагнул кобольду в объятия.

Только сейчас Геральт убрал руку от ружья.

— А где твоя «Десна», Семен? — допытывался кобольд.

Орк помрачнел.

— Нету больше «Десны»... Сгорела, Сход Развалыч.

Кобольд, носящий необычное имя Сход Развалыч, отстранил Семена, но руки его продолжали лежать у орка на плечах.

— Что случилось?

Орк пожал плечами, отчего руки кобольда на полсекунды приподнялись:

— Не знаю. Может быть, он расскажет?

Орк полуобернулся к Геральту, указывая на ведьмака ладонью.

— Его зовут Геральт. Геральт, это Сход Развалыч, мой давний приятель и друг.

— Добрый день, — сдержанно поздоровался Геральт.

Кобольд кивнул, убрал наконец руки с плеч Семена и оценивающе оглядел нового знакомого.

— Геральт... — протянул Сход Развалыч. — Ты что, ведьмак?

— Ведьмак.

Кобольд резко обернулся к Семену:

— Что стряслось? Рассказывай немедленно.

Орк с надеждой взглянул на Геральта, но, натолкнувшись на твердокаменный взгляд ведьмака, махнул рукой и начал сам:

— Не знаю, Сход Развалыч. Какая-то тварь выбралась с завода в пустые кварталы. Мы пошли по следу, вернулись — от «Десны» только остов догорает...

— Тварь?

Кобольд нахмурился и обратился к ведьмаку:

— Что за тварь?

— Не знаю, — честно ответил Геральт. — Я такой раньше не встречал.

— Она опасна?

— Да.

— Очень?

— Да.

— Едем, — решительно заявил Сход Развалыч.

Ведьмак и не подумал встать с дивана.

— Не так быстро, — сказал он. — Мне нужно подумать... ну и почитать кое-что. Авось опознаем, кто это.

Сход Развалыч опустил взгляд долу, несколько секунд помолчал; потом с безграничным терпением в голосе проговорил:

— Геральт! Я здесь живу. Здесь, в этих, шахнуш тодд, промзоновских кварталах, где даже воробьи серые от цементной пыли! Какая-то тварь выползла с завода, немедленно примчался ведьмак, сам собой, без зова... И слова из тебя мне приходится клещами вытягивать?

Геральт еле заметно усмехнулся. Впрочем, определенный резон в словах кобольда был: опасность действительно угрожала ему, а отнюдь не Геральту или Семену Бересте, пришельцам на этой территории. И ведьмак стал рассказывать:

— Что-то здоровое. Просеку оставило за собой метра в три шириной. Ход определенно не гусеничный, причем оно способно к прыжкам. Если вообще не к полету.

— То есть, — перебил кобольд, — заводской забор цел?

Упоминание о способности машины к полету на Сход Развалыча, похоже, не произвело должного впечатление. Вряд ли подобная способность казалась ему диковинкой.

Геральт это отметил.

— Цел забор. Но о прыжках можно судить не только поэтому, по характеру следа тоже. Не делает разницы между строениями и деревьями, значит, это чисто техническая тварь, живые не замешаны. Несет какое-то огнестрельное оружие, не то пушку, не то крупнокалиберный пулемет. Наверняка оборудована бульдозером, возможно, даже не одним. Понятное дело, бронирована. Это все, о чем я могу судить по следам. Да, еще: двигатель и не бензиновый, и не дизель. Что-то новое. Хотя подтеки масла на следе есть, ничтожно мало, но есть. Масло очень высокого качества.

— Как ты узнал о ней?

— Увы, Сход Развалыч. Случайно. Никто меня не засылал, Арзамас об этом не знает. Поэтому я и решил здесь остаться.

— Ты связывался со своими?

— Еще нет.

Геральт пристально взглянул на кобольда. Тот подозрительно много знал о ведьмаках.

— Сход Развалыч... — протянул Геральт. Мягче, чем говорил обычно. — Простите, я могу задать нескромный вопрос?

— Можешь, — не задумываясь разрешил кобольд.

— Сколько вам лет?

— Восемьсот тридцать два.

— Ого! — оценил Геральт. — Ни за что не скажешь! Поздравляю.

Для кобольда это был весьма почтенный возраст — что-то около семидесяти человеческих лет. Причем выглядел тот далеко не старцем.

— Тогда еще один вопрос: а не вы ли...

— Я, — просто ответил Сход Развалыч.

Семен, с удивлением вскинув брови, увидел, что ведьмак встал с дивана, откуда его, казалось, не могло подняться ничто в этом мире, выпрямился, приложил руку к сердцу и в пояс поклонился старому кобольду.

«Ну и ну! — подумал Семен Береста. — И здесь какая-то тайна!»

Сентябрь выдался непривычно теплым, однако ночи постепенно становились все прохладнее и прохладнее. Вечер прошел при открытой двери, но едва сгустилась темнота, Сход Развалыч дверь захлопнул. Одинокое пятно света падало из окна на приступочку; ряды автомобильных боксов практически не освещались. Лишь над неви-

димым отсюда въездом на территорию гаражей тлел на столбе одинокий огонек под ржавой жестяной крышкой.

— Ну, ведьмак? Накопал что-нибудь? — нетерпеливо спросил Семен, когда Геральт оторвался от ноутбука, встал из-за стола и длинно, по-кошачьи, потянулся.

— Нет, — лаконично ответил ведьмак.

— Даже ведьмаки не знают, что это за штука?

— Не знают.

Видно было, что мысли Геральта витают совершенно в иной области. Да и вопросы, которые ведьмак периодически задавал аборигену-кобольду, касались в основном близкого завода и тех, кто этим заводом последнее время интересовался. Далекий от этих сведений орк мало что понимал. Сход Развалыч, похоже, понимал больше, но молчал до поры до времени.

— Надо бы связаться с техником этого района, — задумчиво протянул Геральт. — Где он обитает, а, Сход Развалыч?

— Да вон за оврагом и обитает. Там в глубине массива киноцентр отрос лет двадцать назад. Техник его и занял спустя какое-то время. Кино крутить, кстати, там не перестали.

— А не поздно ехать-то? — спросил Семен. — Полночь скоро.

— С утра поедем, — пояснил ведьмак. — Сход Развалыч, у вас раскладушки никакой нет? А то мне выспаться сегодня толком не дали.

— Матрасы есть. Здесь, за стенкой, целая кipa. И одеяла там же. Держи ключ...

Кобольду не нужно было объяснять, что ведьмак не ляжет спать в помещении, в котором находится кто-нибудь еще. А если и ляжет — то не заснет.

Когда дверь в соседнюю комнату захлопнулась, орк подсел к старому кобольду поближе. Снова принялся полусонно поскрипывать на горелке рябой эмалированный чайник.

— Станный он, этот ведьмак, — тихо заметил Семен.

— Он не странный, — так же тихо ответил кобольд. — Он ведьмак, дружище. Ведьмаки все такие.

— А ты, я смотрю, с ведьмаками дела какие-то имел?

Сход Развалыч усмехнулся:

— Запомни, Семен. Ведьмаки ни с кем и никогда не ведут дел. Они лишь продают свои услуги. И все. Причем оплату всегда берут вперед. И упаси тебя жизнь когда-либо встать на пути ведьмака или попытаться обмануть его...

— Обмануть? — перебил орк. — Как же ведьмака обманешь, если плату он берет авансом?

— Ну, например, попытаться откатить заплаченное ведьмаку. Или продать ему что-нибудь, плату схоронить в кармане, а покупку потом не отдать. Да мало ли, под этим небом всякое бывало, уж поверь мне. Так вот, ведьмаки могут простить алчность, жажду власти, жестокость, коварство... Но только не в отношении себя. И еще одно запомни, Семен. Слово ведьмака — крепче стали. Потому что ведьмак, давший слово и нарушивший его, будет убит другими ведьмаками. Очень быстро и неотвратно.

Орк налил чаю, себе и собеседнику. Поболтал в фарфоровой чашке со щербинкой на ободке серебряной, потемневшей от времени ложечкой. Кобольд еле заметно кивнул — поблагодарил.

— Сход Развалыч! Расскажи, а? Что там у тебя с ведьмаками было? Что за история? Интересно ведь.

Кобольд растянул губы в ироничной усмешке. Красноватые блики от горелки делали его и без того красное лицо совсем пунцовым.

— Семен... Я дал слово никому и никогда не рассказывать подробности этой истории. А как относятся ведьмаки к однажды данному слову, ты уже знаешь.

— Но ты-то ведь не ведьмак!

— Это дела не меняет. Слово, данное ведьмаку, в их понимании равнозначно слову, данному ведьмаком. Поэтому я и молчу. Уже много лет.

— Сколько?

— Много.

— Неужели и это секрет?

— Семьсот двадцать.

На это ответить можно было только молчанием. Почти-тательным молчанием.

Так, без единого звука, они допили чай.

— Ладно, — наконец прервал безмолвие орк. — Пойду я посплю, пожалуй, сегодня до света встал.

— Раскладушка у меня внизу. Вот ключ... — предложил кобольд.

— Да не нужно. — Семен поднялся из-за стола. — В джипе посплю. Пусть привыкает. Да и мне к нему привыкнуть нужно. Спокойной ночи, Сход Развалыч.

— Спокойной ночи.

Ночь и впрямь выдалась спокойная. Для всего района.

Но никто не подозревал, что не так долго осталось безмятежному району наслаждаться спокойными ночами.

Никто. Кроме разве что ведьмака и старого кобольда, который знал о ведьмаках не меньше, чем они о себе сами.

Геральт проснулся первым, и это было наилучшим знаком, что из режима «отдых» он переключился в режим «работа». Солнце пряталось — небо сплошь застилали однотонные светло-серые тучи. Даже птицы чирикали без особого энтузиазма, уныло и скорее по привычке, чем по необходимости.

«Осень», — подумал Геральт по пути к автомойке.

Там он с наслаждением умылся под холодной струей, всласть пофыркал и моментально посвежел после сна. Пока он умывался, с ночевки снялось несколько машин, из тех, что обитали в боксах с научными дистанционными замками. Геральт заметил, что таких было совсем немного. Каждый однажды прирученный автомобиль втайне мечтает вновь обрести хозяина.

Орк дремал в джипе, откинув спинки передних сидений. Геральт легонько постучал ему в стекло; джип снес это без излишней нервозности. Пока орк продираал глаза, Геральт поднялся и так же легонько постучал в дверь к кобольду. Тот, оказывается, уже встал, оделся и даже успел вскипятить чайник.

Чай механик-самоучка поглощал в неимоверных количествах и приятелей своих заражал тем же, потому что без чаепития Семен-таксист наотрез отказался выезжать куда бы то ни было. И — что странно и неожиданно для себя — от чуть терпкого вкуса крепкого чая Геральт получил массу передаваемого наслаждения. Слово еще раз умылся, только ощущения вышли не холодно-пронзительные, а теплые, домашние.

Впрочем, у ведьмаков не бывает места, которое они могли бы назвать домом.

— К технику в киноцентр? — спросил орк, усевшись за руль слегка возбужденного новизной и близостью живых джипа.

— Да.

Ведьмак устроился рядом с ним, впереди. Сход Развалыч сел назад.

— А чего ты ждешь от этого визита? — тихо спросил кобольд, когда Семен вывел «Хортицу» сначала к пустырю, а потом на уже знакомую дорогу, тянущуюся вдоль заводского забора.

— Ничего, — ответил ведьмак с непоколебимой уверенностью. — Ничего абсолютно. Техник меня выгонит и обругает.

Ответ ведьмака был таким неожиданным и уверенным, что оба его спутника ненадолго растерялись.

— А-а-а... — протянул кобальд, подыскивая нужные слова. — Зачем же тогда ехать?

— Потому что без визита ведьмака с последующим обругиванием невозможны дальнейшие события. Поверьте, с этого начинается добрая половина моих заданий. Дело привычное.

— Н-да, — сказал Семен. — Веселая у тебя жизнь, ведьмак...

— Жизнь? — удивился Геральт. — Я ведь не живой.

Над этим заявлением Сход Развалыч и Семен размышляли еще дольше; джип успел снова свернуть к пустырю, уже за оврагом, когда проехали старый-престарый и потому перманентно спящий мосток. Лес многоэтажек приближался. Геральт подумал, что это место живо напоминает самый центр Большой Москвы, Строгино, только вместо оврага там река.

В районе орк-таксист ориентировался не хуже, чем в карманах собственной одежды. Без колебаний сворачивал в арки, петлял во дворах, а поскольку пересел с легковушки на джип, даже весело въезжал на бордюры и пересекал не предназначенные для проезда площадки.

Здание киноцентра располагалось внутри массива, в центре просторного майдана, упакованного в свежий асфальт. Асфальт был явно моложе двадцати лет. Ажурный металлический заборчик опоясывал ухоженные газоны; по периметру пестрели слегка поблекшие вывески летних кафешек, ныне пустующих. За воротами с обязательной будкой и охранником примостились несколько легковушек и длиннющий лимужин. Техник явно мнил себя большой шишкой. Впрочем, Харьков — второй по значению район Большого Киева после Центра. Быть техником здесь — вовсе не то же самое, что быть техником где-нибудь в Шепетовке.

Семен притормозил у ворот; охранник в будке — человек лет тридцати — тотчас оживился. От взгляда Геральта не укрылось и то, что у входа в рельефный куб киноцентра, на крылечке, тоже кто-то зашевелился.

Геральт вышел из машины; взгляд привратника тотчас прикипел к татуировке на ведьмачьей лысине.

— Здравствуйте, — сказал Геральт. — Мне нужен здешний техник.

— Представьтесь, пожалуйста, — бесцветным тоном предложил охранник.

— Я ведьмак, — сообщил Геральт тем же тоном, каким мог сообщить, к примеру, что находятся они в Большом Киеве.

Привратник повернул голову к крыльцу, и стало видно, что в ухе у него бусина-телефон переговорного устройства. Присмотревшись, Геральт различил и микрофон, пристегнутый к лацкану черного пиджака.

Тот, кто зашевелился на крыльце, что-то негромко забормотал; Геральт со спутниками не разобрали ни слова. Привратник продолжал выжидательно глядеть на своего напарника, уголком глаза, впрочем, цепко наблюдая за гостями.

«Вышколенный песик, — подумал Геральт. — Хотя и молодой».

Через минуту ответ был получен привратником. И звучал вот как:

— Техник вас не примет. Пожалуйста, покиньте пределы нашего района.

— Говорил, обругает, — шепнул Семен Сход Развалычу. — А этот смотри как вежливо...

Геральт, казалось, ничуть не удивился. Словно и не слыша облеченной в вежливые слова просьбы убираться, он вновь обратился к охраннику. Обратился спокойно и терпеливо:

— На ближайшем заводе появился неизвестный механизм. По моим оценкам, он представляет серьезную опасность вашему району. Пожалуйста, передайте мои слова технику. Немедленно.

— Вам предложено покинуть район. Будете тянуть — мы ведь и поторопить можем. — Охранник выглядел как само спокойствие, и даже намек на угрозу не промелькнуло в его тоне.

Но Геральта трудно было смутить.

— Механизм пока не приступил к активным разрушительным действиям. Когда приступит — будет поздно. На что он способен, можно понаблюдать в пустых кварталах у завода. Подозреваю, это далеко не все, на что он способен. Эта тварь подрастет, окрепнет и примется за жилые кварталы. Если мне не изменяет память, обязанность техника — защищать вверенный ему район.

Тут охранник непроизвольно коснулся бусины в ухе указательным пальцем, вдавливая ее поглубже. Так всегда делают, когда хотят получше расслышать издаваемые на-ушником звуки.

— Слушаюсь, — пробормотал привратник через пару секунд и поманил Геральта пальцем.

Геральт приблизился на расстояние двух шагов.

— Держи. — Привратник отдал ведьмаку наушник.

Геральт без колебаний сунул его в правое ухо.

— Послушай, ведьмак, — зазвучал низкий мужской голос, могущий принадлежать виргу, орку или человеку, но никак не гному или эльфу, — я получил мандат техника не вчера. Я прекрасно знаю свои обязанности. Поэтому убирайся отсюда подальше со своими бреднями, понял?

— Ваш район в опасности, — все так же терпеливо гнул свою линию Геральт. — Пока это не очевидно, но я как ведьмак предупреждаю вас: на заводе зародилось чудовище. Зародилось и окрепло до осмысленных самостоятельных действий. По моим прикидкам, через недельку оно заявит о себе. Если уничтожить его сейчас, пока оно не впол...

— Убирайся! — прервал Геральта техник. — Повторять больше не буду.

Привратник требовательно протянул руку. Секунду помешкав, ведьмак вернул ему наушник и сказал:

— Меня можно найти в гаражах за оврагом.

После чего развернулся и, не оглядываясь, зашагал к джипу. Орку и кобольду ничего не оставалось, как последовать за ним.

— Ну, что он тебе сказал? — нетерпеливо спросил Семен, когда все дверцы «Хортицы» захлопнулись.

— Велел убираться, конечно же, — отозвался Геральт.

— И что будем делать?

— Убираться, — пояснил Геральт. — Не торчать же здесь?

Джип послушно тронулся, не дожидаясь даже команды водителя-орка.

«О как, — ревниво подумал Семен Береста. — Кого он хозяином-то считает, меня или ведьмака?»

— Куда править? А? — спросил орк, тщательно замаскировав досаду.

— Назад, в гаражи. Теперь придется выжидать.

— И ничего не предпринимать?

— Почти.

Что означало это «почти», Сход Развалыч с Семеном поняли на полпути к гаражам, когда джип резво переваливался на выбоинах у заводской стены.

276 — Притормози-ка, — велел Геральт.

Береста притормозил; Геральт вышел наружу. Внимательно поглядел на стену, поозирался направо-налево, потом затейливо двинул головой. Отчетливо хрустнули шейные позвонки.

— Я вернусь к полудню, — сообщил он. — Может, немного позже. Если нетрудно, приготовьте какой-нибудь еды, мне нужно будет восстановить силы.

А потом ведьмак в два прыжка приблизился к стене, совершенно гладкой и неприступной на вид, оттолкнулся, взвился в воздух и, как паук, прилепился к ней на высоте добрых двух метров. Потом медленно пополз вверх, снова напомнив большого пыльного паука. Вплотную подобравшись к колючей проволоке наверху, одной рукой Геральт схватился за кромку стены, второй принялся что-то делать с проволокой. Изумленные орк и кобольд, затаив дыхание, наблюдали за его действиями из джипа. Ни один, ни второй так и не поняли, каким образом ведьмак сумел приподнять проволоку и подлезть под нее. Но спустя минуту он сделал это и спрыгнул со стены на противоположную сторону. На территорию завода.

— Дела-а, — протянул Сход Развалыч. — Ладно, поехали на базар, за жратвой.

— Ты думаешь ему помогать? — спросил Семен Береста.

— Думаю, — подтвердил кобольд. — Что-то мне подсказывает: помочь нужно.

— Как скажешь, — кивнул орк и вывернул руль.

В отсутствие ведьмака «Хортица» слушалась его весьма охотно.

— На базар так на базар, раз уж на вокзал вчера приехать не довелось...

Как Геральт и ожидал, внешняя стена, ограждающая территорию завода, была не единственной. Он приземлился на трехметровую вспаханную полосу, и предстояло еще преодолеть научно-техническую систему: паутину колючей проволоки, снабженную датчиками и сигнализаторами. Задень такую — и в ближайшей караулке завершит тревожный сигнал, замигает лампочка... Кто может среагировать на подобный сигнал — Геральту даже думать не хотелось. Да и не входило в его планы громогласно оповещать всех обитателей завода о своем присутствии. Ни живых, ни чудовищ.

Геральт ведь прекрасно знал: чудовища крайне редко рождаются без помощи живых.

Тварь, которая выбралась за территорию завода и порезвилась в окрестных кварталах, не могла возникнуть сама собой. Кто-то разбудил технологическую линию, кто-то сумел наладить доставку сырья и материалов, из которых родилась машина-разрушитель. Кто-то инициировал программу обкатки и испытаний. И этот кто-то в данный момент ожидает, пока тварь не завершит доводку новеньких узлов до боевого состояния.

Знал Геральт и то, что на больших заводах зачастую обитает некий контингент живых, которые никогда не выходят наружу, в город. Эдакий замкнутый клан, которому наплевать на жизнь за пределами заводских стен, сонмище анархистов и беспредельщиков. Законы здесь свои. А точнее — свое, особое беззаконие. Большой Киев с этим поделаться ничего не мог и повлиять на внутриводской уклад тоже не мог.

Помимо кланов-затворников, большие заводы всегда привлекали живых-техников всех мастей, от умудренных столетиями эльфов до шалопаев-людей, едва успевших постигнуть формулу-другую. Долгожители изучали тайны заводов долго и кропотливо; поденки-люди старались хапнуть сразу и побольше. Лучшие результаты оказывались у первых. Но бывало, и случайному короткоживущему порой удавалось выведать какие-нибудь интересности, и тогда у счастливого оставалась одна задача: побыстрее унести ноги с территории, пока до странности полно информированные боевики клана оного счастливого не привязали к трубам в первом попавшемся цеху и не изрезали ножами до состояния шаурмы. Удача чаще улыбалась боевикам. Сия капризная дама вообще чаще улыбается тем, кто лучше информирован.

За информацией Геральт и решил поохотиться — но без фанатизма, с оглядкой.

Приблизившись к натянутой колючке, он некоторое время изучал это мудрое заграждение. Потом пошастал туда-сюда, от столбика к столбику. И пришел к выводу, что в состоянии преодолеть его, ничего не перерезая и не перекусывая.

Ведьмак был не единственным, кто проникал здесь на территорию. У одного из столбиков виднелись явные следы подкопа. Неглубокого, сантиметров тридцать всего, но подлезть под проволоку уже можно. Очень странно, поскольку никаких следов на вспаханной полосе между стенами и колючкой не виделось и в помине.

Геральт задумался.

Либо полосу рыхлит безмозглая и потому беспечная машина, либо это ловушка.

«Лезть? Не лезть? — подумал Геральт отрешенно. — Что подсказешь, внутренний советчик?»

Внутренний советчик молчал. Без эмоций — ни одобрительно, ни скептически. Просто молчал.

«Нет, — решил Геральт спустя минуту. — Здесь — не полезу. Халаявно как-то, р-раз — и сразу дыра в периметре. Да и задания я пока не получил, и с предоплатой никак... Чего зря рисковать шеей?»

Повернувшись, Геральт зашагал прочь от заманчивого подкопчика вдоль забора. Он старался держаться к забору поближе, все ж менее заметен будет издалека. Да и следы на полосе явственнее видны по центру.

Миновав десятка два столбиков, он выбрал подходящий, с более или менее плоской и не слишком увитой колючим железом макушкой. Нашарил в шмотнике металлическую рукавицу и особым образом стукнул ботинком о ботинок. Из подошвы правого (опорная — правая) выщелкнулся короткий металлический стержень.

Далее он действовал быстро, как матерый подвальный кот, ворующий с балкона случайную снесь. Шаг, рука в перчатке на верхушку столбика, стержень правого ботинка — с размаху в дерево, на уровне колена. Подъем словно бы на ступеньку, перенос тяжести на руку (стержень тотчас втягивается назад, в ботинок), мгновенное мышечное напряжение — и все. Ведьмак перевалился через столбик, как дельфин через волну, с миллиметровым зазором.

По ту сторону периметра лежал асфальт, усеянный мелкой крошкой, не то каменной, не то цементной. Встречались и металлические компоненты, чаще всего мелкая витая стружка. Приземляться было не очень радостно, но ведьмаки не из тех, кто хнычет от подобных мелочей. Да и та же перчатка выручила.

Геральт вскочил и не мешкая побежал к ближайшему строению — длинному рифленому ангару, похожему на половинку гигантской трубы, распиленной вдоль неведомым великаном. Площадка перед ангаром была заставлена заржавленными контейнерами с почти неразличимыми надписями.

Секунд через двадцать ведьмак уже хоронился меж этих рыжих металлических чушек, пахнувших кислой

заводской пылью и все той же ржавчиной. Еще откуда-то тянуло остро-сухим душком контактной сварки. Наверное, из ближнего цеха — исполинского трехэтажного параллелепипеда, рядом с которым ангар-полтрубы выглядел просто невинным сарайчиком.

Выждал ведьмак не менее получаса, но к заветному столбику так никто и не явился. Похоже, проникновение на территорию прошло незамеченным. Или же просто никого не заинтересовало.

Перчатку Геральт на всякий случай снимать не стал. Так и направился к ангару: ружье на боку, шмотник на спине, рука с перчаткой выставлена чуть вперед.

Пригибаясь. Перебежками.

Заводские кланы чужаков не любят. Особенно ведьмаков — наголо выбритых истребителей механических чудовищ. Тех самых чудовищ, что обыкновенно украшают татуированные ведьмачьи лысины.

Внутри ангара вела овальная дверь; Геральт заметил, что петли кто-то заботливо и регулярно смазывает. Правильно, иначе под осенними дождями они быстро проржавели бы насквозь, как те самые контейнеры. Оглядевшись напоследок, Геральт приоткрыл дверь и скользнул внутрь, в полутьму, едва разбавленную светом нескольких тусклых ламп.

Ангар оказался практически пуст, только у одной стены, постепенно закруглявшейся и плавно переходящей в потолок, были навалены бухты колючей проволоки — не иначе, для ремонта ограждения.

Ведьмаку здесь явно было нечего делать. Если кто и навевается сюда, так либо со скуки, либо за проволокой.

Не стал задерживаться в этом никчемном месте и Геральт. Выскользнул наружу и двинулся от ангара к веренице боксов, крытых потускневшими оцинкованными листами. Громада цеха оставалась в некотором отдалении, а общее направление движения Геральт подгадал так, чтобы одновременно приближаться к месту, где неведомая тварь сигнала через заводской забор.

Боксы его тоже мало заинтересовали. У одного дремал старый-престарый грузовичок, из тех, что помнят еще шестьдесят шестой бензин. У второго копошились погрузчик и двойка желтых электрокаров; остальные боксы были просто заперты. Машины не обращали на Геральта ни малейшего внимания, но и тревоги совершенно не проявляли.

Прирученные, стало быть.

Вообще обстановка производила впечатление обжитой, дикая машина выглядела бы здесь чужеродно. Но никто из живых по-прежнему не показывался на глаза.

Геральт крался мимо непонятных трехэтажных корпусов с единственным входом, мимо котельных, мимо крытых площадок с грудями железа и штабелями труб. Однажды миновал даже пустую курилку, отгороженную чахленькой порослью дикого винограда. Листья на тонких лозах пожухли и почти облетели, отчего курилка выглядела сиротливой, покинутой чуть ли не навсегда.

Помалу да не по спеху добрался ведьмак и до следа. Того самого следа, ведущего наружу.

Прежде чем перескочить через забор, тварь долго, не один день, шастала перед колючкой. Росла, училась. Но здесь, на территории завода, в своем логове, она ничего не разрушала. Зачем разрушать собственный дом?

Полоса асфальта перед колючкой запечатлела несколько глубоких вмятин-отпечатков. Словно чудовищный карьерный экскаватор примачивал здесь свои могучие лапы-опоры. Но экскаватор наверняка продавил бы асфальт, искалечил бы покрытие безвозвратно, а здесь асфальт просто примялся и уплотнился.

«Значит, — подумал Геральт, осматривая следы, — толчок был сильный, но мягкий. А тварь вряд ли тяжелее двадцати тонн».

Это уже хоть какая-то информация.

Впрочем, тварь росла, поэтому буквально за пару дней могла вес и удвоить.

Присмотрелся Геральт и к форме вмятин. Овальные; по сравнению с правильным эллипсом — поуже и более вытянуты в длину. К линии прыжка вывернуты градусов на пятнадцать каждая; вывернуты передним краем наружу. Вмятин было больше, чем две, но по свежим фрагментам колючки, царапинам на заборе и недавно взрыхленной полосе стало понятно, что тварь перепрыгнула забор не с первой попытки. Видимо, с четвертой. А вот и следы приземления на обратном пути — приземление только одно. Трехметровая поперечная дуга от посадочной лапы. Сплошная.

Геральт на миг остановился у этой изогнутой отметины в асфальте.

Под три метра в ширину. Как раз под ширину просеки там, за забором, в квартале.

Кроме того, Геральт подметил, что асфальт в местах старта и приземления словно бы подтек, оплавился. Да и потемнел немного. И обычная серая пыль куда-то исчезла.

Отойдя в сторону, Геральт присмотрелся еще раз. Повертел головой.

«Что это мне напоминает? — подумал он, проведя рукой по щеке. — Что? Ракетный выхлоп?»

Медленно провел пальцем по асфальту — тот напоминал гладкую, спекшуюся в единое целое крошку после старта ракеты. После того, как дикая стальная сигара вдруг испустила столб огня, встала на него и умчалась в низкое серое небо, что нависает над двухсоткилометровой брешью между Большим Уралом и Большой Алма-Атой. Ведьмаки потом осматривали место старта...

Естественно, тут все было попроще, не те масштабы. Но очень похоже.

«Значит, комбинированная динамика прыжка. Толчок опорами плюс реактивный выхлоп, — предположил Геральт. — Шагнуш тодд, это что-то новенькое!!!»

Даже он, ведьмак, немного мог рассказать о подобной машине. Даже он, видевший, помимо ракеты, и летнюю миграцию большегрузных грузовиков из Европы, и эпидемию бешенства на чугуевском танковом полигоне, когда окрестные районы были сровнены с землей и погибло несколько тысяч живых, в том числе самый древний род эльфов Евразии, и пресловутые воздушные бомбардировки обоих берегов Днестра, и зародившиеся в шахтах Донбасса машины-убийцы, ужас гномов-угледобытчиков, и даже легендарного призрака московского метро довелось Геральту повидать и умертвить. Не самостоятельно, конечно, с помощью ведьмаков Большой Москвы.

Машины ведь не живые. Они постоянно принимают новые облики.

— Так-так, — пробормотал Геральт. — Запомним.

Чуть в стороне от колючки и забора начиналось длинное складское помещение, вдоль которого тянулись металлические полосы-рельсы. Рельсы уводили куда-то в глубь заводской территории. Секунду поразмыслив, Геральт направился к ним. К складам и рельсам.

Небольшой холмик и полосатая поперечина, знак тупика, венчали эту одноколейную ветку. По ней навер-

няка бегал небольшой шустрый локомотивчик, влача

или толкая перед собой несколько товарных вагонов. Знакомая и виденная не раз картина.

«Мне всего тридцать три, — подумал на ходу ведьмак, — а я все реже и реже встречаю вещи, которых раньше никогда не видел...»

Геральт на миг задумался, как чувствует себя эльф возрастом в несколько тысяч лет, и внутренне содрогнулся.

Он двинулся по метровой высоты приступку, что тянулось вдоль складов. Дно стоящего на рельсах вагона по высоте как раз соответствовало этому приступку, очень удобно для погрузки-выгрузки. Подобное Геральт замечал не раз, в самых разных местах, от перронов на пассажирских вокзалах до вот таких вот безлюдных складов на территориях всевозможных заводов.

Иногда Геральта мучила острая и неотступная мысль: кто-то ведь все это придумал? Но кто? Какой ученый-демиург, повелитель техники и машин?

Вскоре Геральт набрел на открытую секцию склада. Тяжелая металлическая дверь уехала вбок по полозьям, открывая доступ в душное нутро склада. Окон в таких помещениях, как правило, не бывает.

Не успел Геральт как следует прислушаться к ощущениям — ему вскользь померещилось, что в складе что-то есть, что-то механическое, машина или работающий прибор, — послышался далекий свисток локомотива. Вдали на рельсах зачернело плохо различимое издалика пятнышко. Оно приближалось.

Наскоро оценив степень опасности, ведьмак шагнул через порожек склада — металлизированный паз, по которому, собственно, и скользила ныне открытая дверь. Он чувствовал: сейчас можно смело поворачиваться спиной к таящейся в глубине помещения темноте. Ничто оттуда не выйдет.

Потому что настоящая опасность приближалась по рельсам. Перед ее лицом меркнут и тушуются все прочие, гипотетические.

Геральт, как и все ведьмаки, настоящую опасность чувствовал остро и безошибочно. Природы этого странного чувства он, естественно, не понимал, но сие совершенно не мешало ему беззастенчиво пользоваться полезным даром. Скорее всего обостренная сенсорика была результатом ведьмачьих мутаций, процессов на первый взгляд бесконечно чудовищных. В течение примерно десяти лет из чело- века последовательно делали нечеловека, и даже не-

живого. Все ведьмаки — мутанты. Они не имеют ничего общего с живыми — людьми, эльфами, орками, виргами, гномами, бескудами. Они не отдельная раса. Они просто иные. Мутанты. Чудовища и убийцы чудовищ. Ведь с подобным в состоянии справиться только подобное. И если бы не незыблемый ведьмачий кодекс, страшно подумать, что могли бы натворить несколько десятков ведьмаков, взбреди им худое в голову.

Локомотив приближался; теперь уже можно было рассмотреть: он толкает перед собой платформу с чем-то пока неопознанным. Возможно, со смонтированным на железнодорожной платформе краном или еще какой механической хреновиной, которая сама по себе неподвижна, но требует периодических перемещений с места на место.

Не прошло и пяти минут, как сцепка из платформы и локомотива прокатила мимо открытого склада и проследовала дальше, к тупику. Все, что успел рассмотреть Геральт, — это то, что платформа и впрямь походила на мобильный кран, например, восстановительного поезда, каковые имеются вблизи всех крупных вокзалов.

В тупике, перед самой полосатой поперечиной, сцепка замедлилась и остановилась. Ведьмака отделяло от локомотива метров двести или немного больше.

Локомотив свистнул и затих; почти сразу же Геральт уловил где-то в стороне урчание автомобильного мотора. Мотора лощеной легковушки.

Источник звука приближался. Но не к сидящему в укрытии Геральту. К локомотиву.

Тем временем из локомотива выбрался живой, с такого расстояния не разберешь кто, но по повадкам вроде орк или метис с орочьей кровью. Почти сразу оттуда, откуда недавно пришел ведьмак, подкатила и легковушка — прилизанный черный «Князь», родом не иначе из самого центра Москвы. На таких ездят либо шишки районного масштаба, либо абстрактные бандиты с претензией на легальность.

— Ух ты, — тихо-тихо пробормотал Геральт. — Как интересно.

Нужно было подбираться поближе. Но как? Афишировать свое присутствие он не спешил, а незаметно подобраться нет возможности.

Ну, почти нет...

Место открытое. Прыгнуть, что ли, на рельсы и вдоль приступка? Так это достаточно эфемерное ук-

рытие. И локомотиву видно, и из кабины, да и «Князь» стоит таким образом, что проглядеть крадущегося по рельсам ведьмака мог только слепой. По складам? Так ведь длинное помещение разделено внутри глухими бетонными переборками через каждые полста метров.

«А по крыше? — подумал Геральт. — Чем не мысль?»

Над приступком нависал сплошной козырек, поддерживаемый потемневшими от времени деревянными столбами. Шифер тоже выглядел старым, но если правильно ступать — можно прогуляться даже по столь ненадежной кровле и нигде ничего не повредить.

Кошкой Геральт скользнул к ближайшему столбу; укрываясь за ним, потихоньку взобрался на козырек и распластался на усеянном разнообразным мусором шифере. Полежал с минуту, приподнялся и выглянул — ни намека на тревогу. Из «Князя» выбрались двое и о чем-то оживленно беседовали с машинистом локомотива. Еще один живой стоял чуть в стороне, кажется, таращился на платформу-кран.

Без несвоевременной суеты ведьмак перебрался на противоположный скат складской крыши, исследовал открывшуюся территорию, нашел ее свободной от нежелательных наблюдателей и принялся без излишней спешки пробираться в нужном направлении.

Без спешки, но весьма проворно: со скоростью размеренно идущего человека. В положении ведьмака эту скорость можно было счесть вполне приличной.

В конечном итоге ведьмак подобрался совсем близко, настолько, что стал явственно различать голоса говоривших. Внизу спорили.

— ...сами поглядите! — вещал тот, кто пригнал сюда локомотив. — Как он через забор переберется? Разве только систему порвет и стену проломит!

— А мне плевать! — зло возражал ему один из пассажиров «Князя». — Там такой тоннель прорыли — мама дорогая! Бульдозер и тот меньше бы шухеру навел! Причем все это за двадцать минут, не больше! Что вы тут выпустили, шахнуш тодд?

— Да кран, ерш твою медь, обычный кран! Вон, смотри, новехонький совсем, еще смазка не впиталась! Как ожила линия, один кран довелся, еще три в работе! Хочешь — сам в цех пройди и полюбопытствуй!

— И пройду!

— И пройди! Что увидишь — все твое!

«Кран, — подумал Геральт недоуменно. — Какой, к домовому, кран? При чем здесь кран? Кран точно стену не преодолест, разве что карьерный, шагающий... Да и то вряд ли. Сломает, точно. А эта тварь стены даже не коснулась, только в кварталах бесчинствовала. Тут не кран искать нужно, а что-то совсем новое, несерийное. Скорее всего штучного роста. Или выпуска, так вроде бы говорят заводчане?»

— А сюда-то ты его зачем притолкал? — нейтрально спросил второй из «Князя».

Машинист локомотива долго не отвечал: верно, и сам не мог понять — зачем? В этом не было ничего удивительного, по крайней мере для Геральта. Ведьмаки прекрасно сознавали, что не только живые управляют машинами. Машины тоже управляют живыми. Руки живых крутят баранку и дергают за рычаги, эманация машин воздействует на желания и поступки живых. В мире все взаимосвязано...

Просто не все готовы это признать.

Наконец машинист собрался с мыслями:

— Это... Далеко ж сюда тащиться. Вот я и приехал.

— А кран зачем зацепил?

— Я его и не отцеплял. Со вчера.

Голос машиниста стал почему-то мрачным дальше некуда. Геральт вслушивался со всевозрастающим интересом.

— Не отцеплял? Замечательно. А на ночь ты где э-э-э... парковался?

— В смысле? Где ночует локомотив? В ангаре, по-за цехом. Где обычно.

— Ангар запирается?

— Не-а. Зачем? Бывает, ночью куда приходится сгонять, завод-то большой.

— Ну и как? Гонял в эту ночь? — Вопросы снова стал задавать первый. Он слегка успокоился, пока говорил напарник.

— Я — нет, — мрачно ответил машинист.

— А он?

Речь шла, видимо, о локомотиве.

— А он выезжал, — буркнул машинист и смешно захрюкал; теперь у Геральта не осталось сомнений: это либо орк, либо полуорк. — Потому как я его оставлял платформой к тупику, а наутро гляжу — платформой к воротам стоит.

— Значит, — подытожил собеседник, — он вполне мог этот кран сюда ночью притаранить?

— Мог, — скрепя сердце согласился орк. — Да только зачем? Все одно за стену ему не выбраться... Я думаю, они к материальным воротам мотались. По ночам машины вечно там трутся, сколько раз замечал. Погрузка там, разгрузка... Как раз для крана.

— Ладно, Бонси. Поехали цех поглядим... — вмешался второй из «Князя». — Все равно технику Римасу докладывать. А я о том, чего не видел, не докладываю.

Ему никто не ответил.

Геральт осторожно подполз к самому коньку и выглянул. Стала видна верхушка крана на платформе — длинная решетчатая стрела на рогатой подставке, массивные блоки и скошенный куб кабины. Кран и впрямь выглядел новеньким, блестел на заляденье. И смазка действительно еще не впиталась. А на зеленой дверце кабины отчетливо проступал горизонтальный ромб с тремя буквами — ХТЗ. Буква «Т» была больше остальных и простирала над соседками перекладинки, словно оберегала, заслоняла крыльями от неведомых опасностей.

«Техник, — мысленно повторил Геральт. — А ты, оказывается, в это дело замешан... Если речь, конечно, о том самом технике».

Но что-то подсказывало Геральту: речь именно о том. О технике, который сегодня прогнал стихийную делегацию в лице ведьмака, кобольда-механика и водилы-орка от здания киноцентра.

Скорее всего техник затеял оживить одну из новых технологических линий завода. И оживил на свою голову. А кран тут наверняка ни при чем. Завод породил монстра, техник возмутился, а заводчане для отвода глаз подсовывают злополучную субъект-единицу железнодорожного восстановительного поезда. Первую попавшуюся под руку машину. Мол, вот, извольте убедиться, завод порождает именно это, а не то, что втихую рушит дома в соседних кварталах — на счастье, кстати, нежилых. Это объясняет все: и то, что техник отмахнулся от ведьмака, и скорых послов на завод, и реакцию заводского клана, приславшего на встречу всего-навсего машиниста. Странно только, что встреча состоялась здесь, буквально на задворках. И странно, что он, ведьмак, тоже оказался в этом месте.

Но если уж повезло, нужно пользоваться.

Внизу одобрительно цокали языком.

— Красавец какой! Ты только погляди, Бонси!

— Как есть красавец! — тут же подтвердили снизу, только голос был не Бонси, а орочий. Стало быть, машинист.

И Геральт рискнул.

Он иногда действовал так, отрешаясь и как бы наблюдая за собой со стороны. Нагло, отважно и по большому счету безрассудно. Хотя если начинало везти — стоило этим пользоваться, стоило.

Бесшумно прыгнув с крыши на зады склада, Геральт тотчас шмыгнул к углу, пригнулся и выглянул.

Тупик и колесная пара; в щель между низом платформы и рельсами видны протекторы «Князя». Ничьих ног в поле зрения нет.

Вдоль торца на четвереньках. Вдоль приступочка...

Вот и ноги, четыре пары. Молчаливый зритель из автомобиля присоединился к своим коллегам и орку-аборигену. И стоят, как на заказ, спинами...

Бросок к платформе, контрольный взгляд... Все еще не смотрят. До «Князя» метров семь.

Ну, теперь только бы автомобиль не испугался и не шарахнулся ненароком.

Но у «Князя» оказались воистину княжеские нервы — ведьмака он вниманием не удостоил. Ну и ладно.

Хоронясь теперь за обтекаемым корпусом «москвича», Геральт добрался до багажника. Утопил круглую кнопку, стараясь не издавать лишних звуков.

Надо же, не заперто! Лишь бы места хватило, а то не приведи жизнь багажник забит каким-нибудь барахлом.

Привстал — в багажнике наличествовало запасное колесо и картонный ящик из-под водки. Свободного места оставалось как раз для средних размеров ведьмака в походном снаряжении.

Багажник Геральт прикрыл так же тихо.

«Авантюра, — с отвращением подумал Геральт. — Чистейшей воды авантюра. Ну да ладно, авось выкручусь как-нибудь...»

Он перетянул шмотник на правый бок, чтобы не давил в спину, и замер, свернувшись калачиком. При этом он случайно толкнул ящик — там ощутимо звякнуло.

Видать, и вправду водка.

«Князь» тронулся спустя минут пять. Геральт так и считывал: поговорят еще немного и двинутся. Жаль только, хоть голоса в багажник и доносились, но слов разобрать не смог даже Геральт с его ведьмачьим слухом.

Хотя должен был по идее. Видать, у такой знатной машины звукоизоляция еще та. Но зато и Геральта в багажнике никто не услышит, если шевельнется ненароком или тряхнет на ухабе. Хотя опять же «Князя» — не тряхнет. Железно.

Едва тронулись, засек время, благо светящиеся стрелки часов увидел бы и подслеповатый бескуд, даром что в багажнике «Князя» было темнее, чем ночью в проявочной.

Одиннадцать минут сорок семь секунд. До полной остановки.

Ощутимо клацнули дверцы, раз, другой, третий.

Геральт выдержал короткую паузу, подцепил пальцем тягу запорного механизма и попробовал приоткрыть крышку багажника. Чуть-чуть, чтобы открылась лишь узенькая щель.

В поле зрения попала широкая, мощенная старомодным булыжником аллея с портретами каких-то местных воротил по краям. Метров через полста аллея венчалась круглой клумбой; дальше вставало какое-то здание этажей не меньше чем в пять — верха Геральт сквозь щель не видел. Имелись в поле зрения и живые: два субъекта, могущих оказаться и людьми, и орками, и кем-нибудь еще, ковырялись в земле посреди клумбы; еще трое шли по аллее. Прочь шли. В данный момент в сторону «Князя» никто не смотрел.

Геральт решительно приоткрыл крышку пошире и вывалился наружу, на миг задержавшись в полувертикальном положении. Разумеется, чтобы закрыть багажник. И разумеется, проделал все это бесшумно.

Хорошо, когда тело все проделывает самостоятельно, почти без осознанных усилий, на рефлексх.

А в следующий миг Геральт поднялся на ноги и как ни в чем не бывало вышел из-за малонервного «Князя». Или не малонервного, а специально обученного — мало ли кого возили в этом багажнике к ближайшему карьеру или мосту? Чтобы пустить пулю в лоб, столкнуть за край и обрушить поверх несколько тонн земли с крутого склона. Или сунуть ногами в таз, полный отвердителя-мгновенки, и с этой неподъемной гирей — в воду...

Автомобили натаскивают и на это. Не реагировать на смерть живых и на их страх перед смертью, страх, который легко ощутит любая машина.

«Князь» стоял перед зданием, которое кланы обыкновенно называют заводоуправлением, а попросту — когда управой, когда «белым домом», когда еще каким-нибудь едким словечком. Главарь клана неизменно се-

лится здесь; здесь же, как правило, располагается самый лояльный к обитателям завода пропускной пункт. Примечательно, что снаружи его проницаемость не ниже, а, наоборот, выше, чем у остальных проходных.

Промах.

Геральт ожидал, что Бонси со товарищи, как предлагал орк-машинист, двинутся в цех. А приехали в управу, надо полагать, побеседовать с главарем заводчан. Ведьмаку же куда интереснее было взглянуть на цеховую технологическую линию и на доводящиеся три «изделия», о которых упоминал все тот же орк-машинист.

Конечно, разговор подручных техника с заводчанами тоже представлял интерес, но в управу посторонний человек не проникнет. Сюда и заводчане-то далеко не все за долгую жизнь попадают.

Поэтому Геральт вскользь мазнул взглядом по фасаду управления, по уже знакомой эмблеме с тремя буквами ХТЗ в ромбе и большой вычурной табличке у входа (крупная надпись «Харьковский тракторный завод» и несколько мелких), по смутно виднеющимся сквозь дверные стекла фигурам живых в вестибюле, повернулся и пошел прочь.

Его могли и окликнуть, если следили за территорией. А могли и не окликать, ведь обыкновенно так уж стеречь вход в управу изнутри не нужно. Снаружи — дело другое. В общем, баш на баш, как повезет.

Повезло. Снова повезло — даже странно. Обычно на каждый успех приходится пахать как проклятому и за каждую улыбку фортуны платить травмами и увечьями, а значит — болью.

Но сегодня ведьмаку подозрительно везло. А если какое-то время подозрительно везет — жди беды.

«Так, — думал Геральт, — главное, не злоупотребить... Главное, не злоупотребить...»

Живые на клумбе, оба просто люди, при его приближении разогнули сутулые спины, поглазели несколько секунд, а потом дружно поклонились. Два продолговатых ящика, стоящих тут же, на клумбе, полнились саженцами каких-то цветов или кустиков. Ботаникой, в общем. Полклумбы уже было засажено, а у ног трудяг-садовников стоял третий ящик, полупустой.

— В каком цеху доводка? — спросил Геральт так, будто имел право спрашивать.

— В сорок третьем, уважаемый, — тотчас ответили оба, хором.

— Вон в том, — добавил один и указал рукой, в каком именно.

Геральт посмотрел — это был единственный цех в поле зрения, который выглядел действующим: дымки из труб, вспышки сварки в окнах, въезжающие в многочисленные ворота вагонетки... Можно было и не спрашивать.

Величаво кивнув, ведьмак зашагал в указанном направлении.

Молча.

Ведь те, кто имеет право спрашивать, обыкновенно теряют способность благодарить. Разве что кивнуть — чуточку снисходительно, но все равно с нескрываемым чувством собственного превосходства.

Обычное дело. Сплошь и рядом.

Не успел Геральт дошагать до цеха, как понял: все плохо. Везение, видать, поструилось и иссякло.

Его заметили издали. Подпустили поближе, а потом у ворот, в которые только что въезжали вагонетки, появились живые; и в них легко угадывались отнюдь не работяги вроде давешних садовников, а тертые и тренированные боевики. Причем и явные заводчане из местного клана (Геральт таких за версту распознал бы), и из свиты техника. Вторые — при костюмах, при галстуках и с легкими припухлостями в области подмышек.

Геральт зыркнул назад: один из садовников держал руку у уха. Не иначе с кем-то говорил по мобильнику.

Вот тебе и везение, ведьмак.

Он рванулся влево, потому что знал: по меньшей мере в одиннадцати минутах неторопливой езды на «Князе» — граница. Система, полоса и стена с колючкой по верху. А как далеко завод простирался в иных направлениях, Геральт представлял плохо. Бежать, конечно, придется дольше, чем одиннадцать минут, да и то лишь если позволят.

Охрана бросилась наперерез, беспорядочной стайкой. Все — и заводчане с ружьями, и свита техника. Уже вооруженная пистолетами, которых еще миг назад ни у кого в руках не было. Некоторые второй рукой умудрялись будить мобильники (или рации) и куда-то звонить.

Впрочем, почему куда-то? За помощью, конечно.

Геральт успел пробежать метров двести, когда позади еле слышно заурчал автомобильный двигатель. Но зато впереди, совсем близко, вставал цех — мертвый и безжизненный. Ни отсвета в пыльных окнах, поделенных на

квадратики мелких оконцев, ни дымка над плоской крышей, ни единых открытых ворот.

И что в данный момент радостно — ни души.

От бегущих Геральт оторвался шагов на полста. Все-таки у тех дистанция была самую малость длиннее. Ненамного, но сейчас-то счет шел на вдохи-выдохи. От «Князя», который и по заводскому бездорожью честно выжал свою сотню за десяток секунд, ведьмак оторвался меньше. В основном ввиду того, что «Князю» пришлось подруливать на старте, почти разворачиваться.

За пару шагов до стены Геральт прыгнул, уцепился за криво торчащую из кладки арматуру (ясное дело, замеченную еще на бегу), подтянулся, ударил правой ногой о кирпич, описал коротенький полукруг справа налево и с хрустом ушел в окно.

Голову и незащищенную перчаткой руку посеколо осколками, но худшим оказалось не это. Приземляться пришлось на спящий неведомо сколько лет фрезерный станок, а это — если кто не знает — поразительно изобилующая металлическими выступами и неровностями хреновина.

Ушибив колено, ведьмаку все же удалось в каком-то немыслимом кульбите не обрушиться на станок всем весом, а оттолкнуться и со слабым намеком на мягкость срикошеть в сторону.

Прямо на стол с фрезами, заготовками, причудливой формы металлическими деталями, беспорядочно сметая все это на пол и производя жуткий грохот. Вдобавок погоня снаружи принялась швырять в окно камнями и железками — вышибали осколки стекол, чтоб пролезать было безопаснее.

Станок спросонья завершал приводом. Включился, стало быть. Бешено завращалась фреза. И как раз в этот миг самый резвый и неосмотрительный из преследователей сиганул в окно. Почему-то тоже не глядя. Ногой он угодил под фрезу, верешание станка перешло в утробное хлюпанье, и бедолагу мгновенно разодрало от паха и выше. Только Геральт этого не видел. Он уже удирал прочь по проходу между рядами станков, проходу, уходящему, казалось, в самую бесконечность. Глаза заливала кровь из порезов на лысине, но ведьмак чуял по запаху: позади крови пролилось гораздо больше. Станок снова верещал, но глуше, чем раньше. Просыпались и другие станки, повсюду вспыхивал свет, и Геральту вдруг вспомнилась злополучная складовская дискотека с ее мигающими фонарями и стробоскопами,

за миг до атаки дикого грузовика, которого отслеживали от самой Одессы, а он все уходил и уходил, раз за разом, не наводя ужас на все побережье только потому, что умудрялся обгонять молву о себе.

Заминкой у окна Геральт не обольщался: там задержались лишь некоторые преследователи. Остальные окружают, перекрывают ближние и дальние выходы, окна, каждую щель. Если не успеть пронзить здание насквозь, неизбежно обложат, как тот самый грузовик в Скадовске. Где-то за станками уже гремели отворяемые ворота и чуть слышно работал ухоженный двигатель рвущегося внутрь «Князя». Геральт ощущал даже не звук, а вибрацию. Вот уже и фары полыхнули. Правильно, в цеху изначально было темно, жертву надеялись ослепить. Но теперь уже не темно, хотя пыль на светильниках яркости, безусловно, поубавила.

Словно застуканный посреди обеденного стола таракан, готовый юркнуть в любую щель, ведьмак без раздумий пнул дверь с надписью «Котельная».

Лестничная клетка. Куда бежать? Вверх? Вниз? Вверху крыша, а летать даже ведьмаки не умеют. А вот внизу, в подвалах... Тот, кто иногда спит в компании крыс, и сам немножко крыса.

Значит, вниз.

Снова дверь. Узкий коридор, поворот, другой. Тесный зал с ржавыми котлами, под ногами хрустит шлак, лопата какая-то дурацкая валяется... К стене прижимается квадратная кирпичная будочка, похожая на неправдоподобно высокий сортир, обшарпанный потолок нависает, под самым потолком толстые, одетые в рубашку из толи трубы. В будочке — косо уводящий еще ниже люк, в котором видна вода, противная, тухлая, стоячая, подернутая сплошной склизкой пленкой. Зеленоватой, как жабыя кожа. И — дробный нетерпеливый топот на лестнице.

Что ж делать-то?

Ведьмак развернулся; под ботинок снова подвернулась лопата, только на этот раз без черенка, лишь металлическая часть, забытая кем-то у уводящего на затопленный ярус люка.

Далее ведьмак действовал снова как в тумане, будто глядя на себя со стороны. Время услужливо растянулось, и даже топот на лестнице стал реже и глуше.

Лопату Геральт швырнул в люк, стараясь, чтобы упала плашмя. Та медленно спланировала, кулькнула и затонула, устроив такой желанный разрыв в нетрону-

той пленке на воде. А сам ведьмак через силу взобрался на будочку, ломая ногти на незащищенной руке. Взобрался, подпрыгнул, в который раз подтянулся, втиснулся в узкую щель между трубами и потолком, поерзал и затих. Унять бы дыхание раньше, чем кто-нибудь подоспеет...

Снизу свое предполагаемое убежище Геральт, понятно, не успел особо рассмотреть. Но по идее, с пола его не разглядишь. Могут, конечно, на крышу будочки заглянуть, но и оттуда не должны бы. Разве что следы в пыли остались... А они остались.

Геральт выглянул: даже он, ведьмак, после яркого света снаружи, после тусклого света в цеху, — даже он с трудом различил собственные следы.

Но назад пути все равно уже нет.

А вот и погоня. Галдят, суетятся... Это, верно, заводчане. Костюмно-галстучная гвардия техника Римаса попусту шуметь не станет.

— Вы — туда, вы — туда! Даник, в котлы загляни, — властно распоряжался кто-то. — Там что?

— Уголь!

Шаги. Ржавый скрип — должно быть, заслонку котла отворили.

Шаги, шаги, повсюду шаги.

— Здесь! — рывкнул кто-то. — В воду ушел, гад!

Шаги резво стянулись к будочке. Некоторое время преследователи созерцали место, где затонула лопата, так вовремя подвернувшаяся под ногу. Если бы не она — пришлось бы расстаться с верным рюкзачком и всем его содержимым...

— Что там? — спросил властный.

— А хрен его знает, — отозвался кто-то из местных, хрипатый, прокуренный.

— Полезай!

— Туда?

В вопросе — ужас.

— Погоди, — вмешался кто-то. — Нет там выхода, либо вынырнет, либо утонет.

— Точно нет?

— Точно. Мы кабель намеренно за цехом вытаскивали, так снаружи колодцы сухие.

— Колодцы, может, и сухие... Думаешь, тут каждая ямка с этой лужей сообщается?

— Воду явно из отопительной системы стравили.

294 И она не ушла, вся тут и стоит.

— И не высохла?

— Сам погляди.

Голоса прервались, и в недолгой тишине отчетливо тюкнула упавшая капля воды.

— Ладно, подождем. А вы пока обшарьте все тут... На всякий случай...

«Только не на будочку!» — мысленно взмолился Геральт.

Но на будочку погоне заглядывать не потребовалось.

— Вон он! — послышался звонкий голос, не то девичий, не то мальчишечий.

Геральт мигом повернул голову в нужную сторону. Неужели его все-таки видно?

На ближнем котле, куда погоня заглянуть просто не успела, стояла чумазая девушка в полукомбинезоне с лямками и указывала прямо на ведьмака.

Снизу его действительно не было видно. Снизу, но не с высокого котла.

Раздумывать Геральт не стал. Прошуршав рюкзачком по близкому потолку, выдрался из щели, прыгнул в свои же следы на крыше будочки, заорал с отчаяния и с полушага сиганул через сухую пропасть, которая отделяла его от ржавого котла...

И преодолел эту пропасть. Погоня изумленно наблюдала снизу, никто даже не выстрелил.

Дуру-девчонку Геральт смел с дороги обыкновенной оплеухой. Перескочил на второй котел, и лишь тогда охранники опомнились. Кто-то выстрелил — сначала от входа в котельную, а потом и остальные принялись палить как оглашенные. Да только Геральт успел уже допрыгать до основания толстой кирпичной трубы и спрятаться за ней. Полетела обильная красная крошка.

Из тупика между трубой и схождением двух стен ему открылся невидимый более ниоткуда лаз. В трубу.

Зачем печникам и кочегарам бывает нужно побывать в трубе?

Правильно, чтобы трубу прочистить. А значит, внутри должна быть лестница — скобы какие-нибудь в стене, ступени.

Преследователи уже гремели ботинками по котлам.

Задержать бы их...

Задержим.

Единым движением свободной от перчатки руки Геральт освободил пристегнутую к боку помповуху. Высунулся и выстрелил — в самого проворного, прямо в грудь. Того отшвырнуло на менее проворных. Словно доминошки попадали, когда одну кто-то ненароком толкнул...

На какое-то время они попрячутся, нет сомнений.

В трубе и впрямь нашлась лестница из металлических скоб! Внутри трубы!

Даже с помповухой наперевес, которую некогда было пристегивать, к далекому светлому пятнышку над головой ведьмак едва ли не взлетел.

Труба возвышалась над кровлей цеха метров на пять. Как раз когда Геральт перебросил одну ногу через край, слабенький свет, что пробивался внизу через лаз, кто-то заслонил. Заглянул то бишь. Пальнув для остротки еще разок, чтоб не особо висели на пятках, ведьмак сиганул на крышу. В трубе бесновалось не желающее затихать эхо выстрела.

В полете ведьмак заметил, что совсем рядом с цехом проползают уже знакомый локомотивчик и новенький кран на прицепе.

«Не пойму, — успел подумать Геральт, — везет мне сегодня или не везет?»

И кубарем покатился по крыше. Разумеется, в нужном направлении. Тело ныло, но встал ведьмак с очередного кувырка и, не замедляясь, помчался к краю крыши.

До крана было даже ближе, чем от будочки до котла. Кто-то из наружного охранения бестолково пальнул в небо, а Геральт, из последних уже сил, обезьяной перемахнул с крана на крышу локомотива, ворвался в кабину, наставил на ошарашенного орка ружье и ласково приказал:

— Жми, милый!

Тот поднажал, ибо спорить с аргументами нежданного гостя машинисту было попросту нечем. А может, и было чем, да не под рукой оружие, а тут ствол тебя буравит, да такой здоровенный ствол, что хруш залетит, как в дупло...

Незадолго до тупика — не то того самого, у склада, где вся сегодняшняя чехарда и началась, не то с виду неотличимого, — Геральт велел машинисту прыгать. И даже помог. Ощутимым пинком под тощий зад. На этот раз к тупику локомотив вырулил первым, с разгону сшиб легкую полосатую поперечину, испуганно завывая, взрылил холмик земли, прогрохотал по асфальту...

И прорвал-таки первую преграду, проволоку-колючку, намертво застряв лишь на взрыхленной полосе у самой стены.

Перепрыгнуть стену со лба чуть накренившегося локомотива смог бы и не ведьмак.

Так или иначе, с территории завода удалось убраться.

Все-таки это был именно тот склад и тот тупичок. Чуть в стороне чернел при дороге обугленный остов «Деснухи», виднелась безобразная просека; группа зевак, живых пятнадцать, как раз осматривала ее минуту назад. Но теперь все глядели в сторону ведьмака.

Наверное, он неважно выглядел с окровавленной головой, перепачканный разной дрянью, с ружьем в руках. И еще нужно было успеть скрыться в глубине квартала, пока не подоспеют стрелки из-за стены.

Он успел. Как успевал всегда и везде.

Потому что был ведьмаком.

Техник Римас появился ближе к вечеру, когда уже стемнело.

Семен и Сход Развалыч дневное появление ведьмака встретили со сдержанным ошеломлением, которое, впрочем, быстро прошло. Раны и порезы помогли промыть и попошикать на них из целебного ведьмачьего баллончика, который Геральт извлек из своего рюкзака. Одежду почистили при помощи местной щетки и порошка «Сухая стирка», за которым Семен мигом сгонял в ближайший магазин.

У Сход Развалыча давно сложилось впечатление, что в ведьмачьем рюкзаке-шмотнике, размером не больше детского портфеля, помещается гораздо больше всякой всячины, чем можно предположить с первого взгляда.

Так оно, несомненно, и было.

Приведя себя в относительно божеский вид, ведьмак жадно поглотил приготовленный Сход Развалычем обед и завалился отдыхать.

А вечером, в медленно льющихся к небу сумерках, у ворот в гаражи стало светло от галогенных фар.

К пятачку перед боксом и надстройкой, где обитал старый кобольд, один за одним подруливали автомобили. И какие! «Князи», «Даймлеры», «Фринзы» и даже один несуразно длинный «Линкольн». Небось этого автомонстра специально выписывали из-за океана, из Большого Нью-Йорка. Киевских автомобилей не было ни единого.

Заклацали отворяемые дверцы, из машин слаженно полезла свита. Все как на подбор — мордастые, крутоплечие, настоящие гренадеры. Потом и технику дверцу услужливо отворили. Будто он сам не мог...

Геральт предупредительно вышел из комнаты, где валялся на стопке матрасов, но спускаться с приступочки не стал. Облокотился на перильца и с интересом воззрился на технарскую делегацию.

Техник в упор глядел на него снизу вверх, при этом ничуть не тушуясь.

— Что это у тебя с головой, ведьмак? — жестко спросил техник. — А?

Геральт был сама невозмутимость:

— Порезался, когда брился.

Техник сжал челюсти, поиграл желваками. Невозмутимость Геральта его, понятно, злила.

— Послушай, ведьмак. Или я не предупреждал тебя? Держись подальше от меня! От моих дел! И от завода! Предупреждал?

Геральт возражать и не думал — согласно кивнул, но ничего не сказал.

— И что ты устроил сегодня на хэ-тэ-зэ? — заорал техник. — Четыре трупа! Локомотив изувечил! Станки в десятом цехе до сих пор с ума сходят, половину техники на себя перетянули! Шагнуш тодд, ведьмак, тебя нужно просто пристрелить!

— Попробуй, — предложил Геральт, и на этот раз в голосе его прозвучала неприкрытая угроза. — Как долго ты после этого надеешься прожить?

Техник снова сердито сжал челюсти, потом выдохнул:

— Убирайся отсюда! Чтоб духу твоего ближе ста километров к хэ-тэ-зэ не осталось! Сейчас же собирай манатки и убирайся!

Неожиданно Геральт вновь стал спокойным, сдержанным и даже слегка скучающим. Разве что не зевал.

— Согласно президентскому соглашению за номером ноль-шесть бис от известной тебе даты, ведьмаки вольны находиться там, где посчитают нужным. Даже на частных территориях. Так что я останусь, как бы тебе ни было противно, техник.

С минуту перед боксами царило молчание, потом техник порывисто запахнул в плащ и отошел к ли-

музину. Уже перед призывно отворенной дверцей он задержался и предупредил:

— Сегодня тебе удалось сберечь свою поганую шкуру, отродье. Но и на таких, как ты, находится пуля. Так что лучше убирайся сам. Живым.

— Я не живой. Я ведьмак, — уточнил Геральт.

И все. На том беседа завершилась; техник со своими гориллами уехал, Геральт провел их задумчивым взглядом, а потом незамедлительно принялся складывать свой безразмерный рюкзачок. Ноутбук упаковал, ружье почистил... И все молча.

Семен Береста и Сход Развалыч тоже молча наблюдали за его манипуляциями. Орк то и дело бросал тревожно-удивленные взгляды на кобольда, словно спрашивая: «Как же так? Неужели испугался? Неужели и впрямь уйдет?» Но Сход Развалыч жестами велел Семену не вступать. И тот не вступал.

— Сход Развалыч! Семен! — обратился к ним Геральт, полностью экипировавшись и встав у самых дверей.

На мгновение стало совсем тихо, лишь еле слышно скрежетал недавно поставленный на горелку чайник.

— Я ухожу. Сами видели... Здоровье дороже. В общем, прощайте. Если кто спросит — ведьмак поехал на юг. Спасибо за кров и пищу...

Он повернулся, открыл дверь и канул в темноту.

Семен потерянно уставился на Сход Развалыча.

— Он правильно поступает, Семен, — отводя глаза в сторону, сказал кобольд. — Останься ведьмак здесь, техник Рима не преминет подослать своих отморожков с автоматами. А то и с гексагеном. Наш техник способен, ты ведь знаешь. А оно нам надо? Да и на заводе сейчас такой гадючник, прости жизнь...

Тут орка внезапно озарило:

— А мне кажется, Сход Развалыч, что ведьмак ушел просто для отвода глаз. Он вернется.

— Плохо ты знаешь ведьмаков, Семен... Он ушел навсегда. Ему ведь никто не заплатил. А ведьмаки не рискуют жизнью даром.

— Почему же он не ушел еще при технике? Гордость, что ли, не позволила?

— А хоть бы и так!

Но орк продолжал широко улыбаться:

— Нет, Развалыч, не убеждай меня. Он мрачный, но он не сволочь, какой пытается себя выставить. Вернется. Я, может, и плохо знаю ведьмаков. Зато ты знаешь хорошо, только молчишь. Так что я подожду. Поживу тут у тебя, ладно? Если что — подброшу куда надо и все такое. Ладно?

Краснолицый кобольд не ответил. Только по-старчески сгорбился и протянул Семену ключ от соседней комнатенки с матрасами.

Чайник как раз закипал.

В эту ночь и еще две ночи подряд было тихо. Ну разве если не считать обычных заводских шумов, которые к гаражам доносились испокон. А вот на четвертую...

Семен и Сход Развалыч уже спали, в разных комнатах. Кобольд на излюбленном диванчике, орк — на стопке матрасов. Как раз в ту самую пору, когда уgomонились даже самые оголтелые гуляки, но еще не поднялись наиболее работающие жаворонки. Часа в четыре.

Громыкнуло так, что жалобно задребезжали оконные стекла, а со стола упала и вдребезги разбилась любимая чашка Сход Развалыча. Которая со шербинкой.

Орк и кобольд выскочили из комнат почти одновременно, накинув на плечи что под руку попало, а именно бушлат и одеяло.

Они видели, как в окнах многоэтажек за оврагом вспыхивает свет. Не во всех окнах, конечно, но во многих. Очень скоро дома стали ясно видны издалека. В овраге зловеще рдело странное блеклое сияние, похожее скорее не на открытый огонь, а на огромный тлеющий уголек. И вдруг в самом центре этого приглушенно-алого пятна сгустилась ослепительно яркая точка, и когда смотреть на нее стало попросту невозможно, на волю вырвался яркий-преяркий луч, на миг связавший пятно с ближайшей многоэтажкой. Луч моментально исчез, а у подножия многоэтажки вспухло черно-красное облако и спустя пару секунд с запозданием громыкнуло вторично. Снова задрожали стекла.

А еще спустя пару секунд Семен и Сход Развалыч с ужасом поняли, что многоэтажка, похожая на украшенную огоньками огромную свечу, медленно-медленно проседает, одновременно отклоняясь от вертикали. Движение ее все убыстрялось, облако словно пожирало дом снизу.

И дом рухнул, взметнув гигантский сноп искр, почему-то не красных, а мертвенно-синих, как звезд

ды на ночном небе. Снова с запозданием пришел звук падения, но после звука взрыва он едва ли мог впечатлить.

— Шагнуш тодд! — почти одновременно выдохнули орк и кобольд.

Внезапно рдение в овраге пропало. Погасло враз, словно кто-то неведомый повернул условный выключатель. А потом из оврага что-то взлетело. Что-то темное и продолговатое, обозначенное лишь зеленым огоньком по носу и двумя красными — по срезу хвоста. И звук оно произвело странный, словно неведомый кто-то смачно провел картоном по белой стене.

Шшшши-и-и-иххххх!

Оно пронеслось чуть ли не над головами; в этот момент Сход Развалыч сообразил, что спросонья слышал такой же звук, но поскольку звук был негромким и не казался угрожающим, кобольд так и не проснулся. У Семена выпытывать было бесполезно — проснуться орк мог разве что от грохота, который его, собственно, вскоре и разбудил. Ну или от стука в стекло машины мог проснуться, но когда спишь в машине — это особая статья.

Сомнительно, чтобы в окрестностях в эту ночь кто-нибудь еще спал.

С трудом дождавшись рассвета, Семен и Сход Развалыч влезли в «Хортицу» и помчались за овраг.

Два крайних дома жилмассива обратились в жалкие обломки. Вокруг было не протолкнуться от зевак; несколько красных пожарных машин жались поодаль. Все, что они могли потушить, уже было потушено. Завывая сиренами, то и дело прибывали и уносились белые и желтые автобусики «скорой помощи». На развалинах копошились живые из муниципальной страж-команды, из волостной дружины и несколько неопознанных, видимо, добровольцев. Угрюмый невыспавшийся вирг в мундире дружинника пытался выставить оцепление; из толпы кто-то зло орал: «А где губернатор? Губернатор где?» Толпа то, казалось, готова была смять жидкое оцепление, то вдруг соизволяла нехотя отхлынуть. Пухлый муниципал-половинчик, периодически кашляя в кулак, требовал по мобильнику хотя бы один экскаватор, хотя бы один бульдозер и сколько возможно самосвалов. В толпе много где слышались женский плач и завывания, особенно когда из-под развалин удавалось извлечь кого-нибудь из пострадавших.

Пахло белой.

Сход Развалыч и Семен, угрюмо переглянувшись, попытались подойти поближе, но ввинтиться в плотную толпу зевак и сочувствующих было не так-то просто. То и дело приезжал кто-нибудь из непростых: наблюдатель от Центра (худой, будто жердь, эльф, как и все эльфы — категорически неопределенного возраста), техник Донецка, неведомо как оказавшийся тут (вальяжный гном в умопомрачительном костюме-тройке; вместе с окладистой угольно-черной бородищей костюм смотрелся феноменально), официальный представитель президента (метис-полуэльф, безликий, как и все прихвостни из президентского окружения). Все эти важные персоны находились на месте нападения очень недолго, от обращений к живым воздерживались, с угрюмым техником из киноцентра перебрасывались буквально парой слов и вскорости уезжали. Потом прикатили заводчане во главе со здоровенным черным орком, одетым в цветные шелка. Эти просто тихо принялись выжидать в сторонке, даже не выходя из автомобилей. Их побаивались — местные живые явно старались оказаться подальше от заводчан.

Часов в десять утра показался губернаторский лимузин с флажками на капоте и, понятно, соответствующей свитой. Губернатора, как ни странно — человека, быстро ввели в курс дела расторопные субъекты сплошь в темных очках и с бэйджами на пиджаках, после чего губернатор уже было собрался обратиться к толпе.

Но тут появился ведьмак. Геральт.

Странно, но лысина его выглядела как новенькая — никаких следов от порезов, никаких свежезатянутых шрамов. Гладкая загорелая кожа и татуировка во всей красе. Зато одежда хранила однозначные следы недавних передраг, хотя была тщательно вычищена и отстирана, да и портной явно над ней постарался. Заштопал все, что полагалось.

Ведьмак перехватил губернатора на полпути к переносному помосту для речей; помост только что установили все те же субъекты с бэйджами и в темных очках.

— Господин губернатор? — обратился ведьмак, вынырнув непонятно откуда.

Семен Береста немедленно заехал Сход Развалычу локтем в бок и восторженно подмигнул с видом: «Ну? Что я говорил?»

— Да? — отозвался губернатор, приостанавливаясь. Парочка его охранников тут же приготовилась взять ведьмака за шиворот.

— Если вас интересует реальная информация о произошедшем, выслушайте меня.

— А кто вы такой?

— Свидетель.

Губернатор явно колебался. С одной стороны, собеседник выглядел странновато. С другой — в подобных случаях никакая информация не бывает лишней.

Любопытство и осмотрительность все же победили. Да и к тому же лощеный советник по левую руку еле заметно кивнул в ответ на вопросительный взгляд губернатора.

— Говорите, только коротко, — предложили ведьмаку.

— Я думаю, не стоит это делать здесь, где достаточно посторонних ушей.

— Даже так?

— Именно так.

— Хорошо. — Губернатор держался неплохо. — Прошу в мою машину. Приношу извинения, но вас прежде обыщут. Сами понимаете...

— Я не в претензии. — Ведьмак пожал плечами и отдал ребятам с бэйджами ружье, два ножа и выдавший виды рюкзачок. — Больше у меня ничего нет.

Перед губернатором предупредительно распахнули дверцу лимузина. Ведьмака тщательно и профессионально обшарили.

Разговор не затянулся. Уже спустя несколько минут дверца снова открылась, и ведьмака чуть ли не вытолкали наружу. Ружье и рюкзачок вернули только после того, как он отошел на приличное расстояние. Губернатор тем временем отправился толкать речь перед местными живыми и зеваками из окрестностей.

Геральт, храня на лице непроницаемое выражение, шагал прямо к джипу, рядом с которым ожидали Семен и Сход Развалыч.

— Привет, — невозмутимо поздоровался ведьмак, приблизившись.

Он явно заметил знакомый джип загодя, просто не подавал виду. Вполне в его духе.

— Ну, что ты ему сказал? — даже не поздоровавшись, выпалил орк.

Сход Развалыч слабо поморщился. Его, признаться, куда больше интересовал ответ губернатора. «Эх, молодость-молодость», — очень хотелось пробормотать пожилому кобольду, но он, конечно же, сдержался.

— Все сказал, — равнодушно сообщил Геральт. — Что на заводе запустили технологическую линию, что родился монстр и что причастны к этому местный техник и заводской клан.

Равнодушие его не выглядело напускным.

— И? — не терпелось Семену.

— Естественно, мне посоветовали убираться и меньше фантазировать.

— А ты? — все не унимался Семен.

— А я, как обычно, посоветовал вспомнить о ведьмаке, когда губернатору крепко припечет жопу. Так что все в порядке. Никаких отклонений от стандарта. Будем ждать.

Ведьмак умолк, а Сход Развалыч медленно-медленно обернулся к разрушенным зданиям, из-под останков которых до сих пор вынимали трупы. Над горами покореженного бетона вилось темно-серое марево. Гарь и пыль. Спутники горя.

— Ты прав, — тихо сказал Геральт. — Истинным чудовищам незачем прятаться на заводах. Их охраняют ребята с бэйджами, а возят истинных чудовищ в потрясных лимузинах. Можешь мне поверить: никто из родственников губернатора не жил в домах, которых больше нет.

После первой результативной вылазки твари Геральт почему-то перестал опасаться козней со стороны районного техника. Ведьмак вернулся вместе с Семеном и Сход Развалычем в гаражи и дни с ночами напролет просиживал перед экраном ноутбука. То по сети шастал, то чатился с кем-то так, что клавиатура стонала, то разглядывал какие-то замысловатые топографические планы, то часами читал занудную документацию. Когда ведьмак умудрялся отоспаться — непонятно. Казалось, он вообще не спал, все неполные трое суток.

Вторую вылазку тварь сделала на проспект. Ранним утром. Невзирая на раннее утро, машин на дороге тварь покaleчила изрядно. Живых погибло меньше, чем прошлый раз, — семнадцать против ста двадцати восьми.

К месту грандиозной пробки с эпицентром из груды покореженного металла снова собралась толпа зевак, стражкоманда муниципалитета, волостная дружина чуть ли не в полном составе... Губернатор снова приехал.

Геральт умышленно встал так, чтобы губернатор при осмотре места происшествия вынужден был пройти мимо него. Ни единого слова не было произнесено во время

молчаливой дуэли на взглядах, но спутникам ведьмака, орку и кобольду, показалось, что попали меж Геральтом и губернатором ледяная глыба — она неминуемо расплавилась бы.

Толчея на проспекте снова закончилась будто бы ничем: ни на шаг к поимке твари районные власти не приблизились. Ничего нового не узнали. Что касается ведьмака, то если он и делал какие-нибудь выводы, то все равно ни с кем ими не делился.

Но уже к вечеру стало ясно, что намечаются сдвиги. Прошел слух, что в Харьков выехали Техник Большого Киева и магистр приручения с Выставки эльф Халькдафф, личность известная во всей Евразии и даже за ее пределами. Техника Семен и Сход Развалыч в этот раз так и не увидели, но зато свершился поразительный и на первый взгляд невозможный факт: после встречи с губернатором Харькова Халькдафф немедленно приехал в облюбованные кобольдом Сход Развалычем гаражи. Вместе с губернатором. И разумеется, свитой губернатора.

Они приехали к Геральту.

Когда припыленный кортеж запрудил все пространство перед пристанищем Сход Развалыча, старый кобольд не поверил собственным глазам. Да и Семен Береста совершенно растерялся: ему вдруг стало мучительно стыдно за свою мятую и испачканную солидолом одежду.

Зато Геральт, казалось, только и делал, что встречал персон из заоблачных высей, из технической элиты самого Центра Большого Киева. Невзирая на то что обретаться ведьмаку чаще всего приходилось отнюдь не во дворцах — в основном по всевозможным берлогам, куда высший свет сроду не захаживал.

Халькдафф, совершенно седой, что среди эльфов редкость, покинул свой черный «Кинбурн» самостоятельно. Губернатору же дверцы снова отворяли его бесчисленные не то референты, не то охранники.

Ведьмак встречал их как капитан на мостике: стоя на приступочке-козырьке над гаражными воротами, снисходительно прищурившись.

— Здравствуй, Геральт.

— Здравствуйте, Халькдафф.

Они поздоровались словно ровня, и даже вежливый отклик Геральта выглядел скорее как дань возрасту, нежели дань положению. В пору было округлять глаза и даже разевать рот. Магистр с выставки и ночующий среди крыс ведьмак...

- Что здесь творится, Геральт?
- Бардак, Халькдафф.
- Рассказывай.
- Поднимайтесь.

Полчаса они беседовали в комнате Сход Развалыча; за это время Халькдафф выглянул лишь один раз, когда потребовал свой ноутбук. Когда они вышли, Сход Развалыч услышал окончание произнесенной ведьмаком фразы:

— ...любой серьезный источник техники, потому что заводских мощностей ему уже не хватает. Подстанция, электростанция, что-нибудь еще...

— Я понял, — отозвался Халькдафф, спустился к губернатору и замер в нескольких шагах от него, пристально глядя прямо в глаза первому чиновнику Харькова.

— Ну что? — поинтересовался губернатор; Сход Развалычу показалось — робко.

— Договаривайтесь. И я не советую вам торговаться, любезнейший.

Кто-кто, а эльфы, особенно старые, умеют составлять фразы из концентрированного холода. Будь Сход Развалыч на месте губернатора — точно провалился бы сквозь землю или упал бы замертво с разрывом сердца.

«Шахнуш тодд! Высокие посты — тоже не мед да патока... Никаких нервов ведь не хватит...»

— Сколько? — хмуро осведомился губернатор у ведьмака.

— Двести пятьдесят тысяч, — ответил Геральт не моргнув глазом. — Включая расходы, страховку и медобслуживание последней недели.

Губернатор, казалось, готов был задохнуться. От возмущения, ясное дело.

— С... Сколько? — переспросил он нервно.

— Двести пятьдесят, — повторил Геральт. — Кстати, торговаться вам не рекомендовано.

— Подписывай, Виктор, — велел Халькдафф. — Или не быть тебе больше победителем.

Услужливый референт (или охранник) тут же поднес и раскрыл вишневую сафьяновую папку. И ручку подал. Разумеется, «Вентал» с платиновым пером.

Договор между Харьковом и ведьмаком Геральтом был подписан спустя минуту. Губернатор сделался мрачнее грозовой тучи.

— Надеюсь, вы знаете, что ведьмаки работают только с полной предоплатой? — тактично осведомился Геральт.

Губернатор умудрился сделаться еще мрачнее, чем раньше.

— Халькдафф, где я возьму столько налички? — хмуро и почти безнадежно спросил он.

— Мне-то какая разница? — пожал плечами эльф. — Начинать нужно немедленно, времени в обрез. В следующий раз ваш гомункул может половину Харькова обратить в руины.

— Он не мой, — огрызнулся губернатор. — Он техника Римаса.

Один из советников что-то коротко шепнул губернатору на ухо. Тот выслушал, с сомнением покосился через плечо, а потом с некоторым сомнением справился у Геральта:

— А банковский чек пойдет?

Ведьмак задумчиво поглядел в небо, словно и не у него спрашивали.

— Соглашайся, Геральт, — попросил Халькдафф. — Я уверен, тебя поймут в Арзамасе.

Магистр именно просил, а не советовал, и это почему-то показалось Сход Развалычу очень важным.

— Выписывайте чек, — буркнул ведьмак.

Губернатор выписал. Даже гримасы не соорил при этом, хотя было видно, насколько ему тяжело.

— Вот так-то лучше, Виктор, — одобрительно кивнул Халькдафф. — И запомни: если ведьмак говорит, что дела плохи, значит, они действительно настолько плохи, что без ведьмака не обойтись. Запомни крепко, без этого не стать тебе настоящим... хм... правителем территории.

— Запомню, — сухо пообещал губернатор и повернулся к Геральту: — Итак, свои деньги ты получил...

— Пока только чек, — уточнил Геральт.

— Хорошо. Ты получил чек, по которому сможешь снять деньги в любое время. Изволь теперь попахать на благо Харькова. Что тебе нужно в первую очередь?

— Живые, — сказал ведьмак. — Не обязательно смышленные, но обязательно исполнительные.

— Сколько?

— Душ пятьдесят. И еще — свободный доступ на хэ-тэ-зэ, причем улаживать этот вопрос с кланом придется не мне. Присылайте живых к центральной проходной. Я отправляюсь туда немедленно.

— Подвезти? — хмуро предложил губернатор.

— Спасибо, меня подвезут, — отказался Геральт и взглянул на Семена Бересту: — Ведь подвезешь, Семен?

Орк торопливо кивнул.

— Тогда заводи.

Семен метнулся к «Хортице», услужливо распахнувшей дверцы.

«Шахнуш тодд! — подумал Семен. — Она точно считает хозяином ведьмака, а не меня!»

Через полчаса джип затормозил у проходной завода. Губернаторский лимузин уже стоял, прижавшись к тротуару; халькдаффовского «Кинбурна», напротив, видно не было. Сход Развалыч, откровенно говоря, предпочел бы обратную ситуацию. Но...

У единственной незапертой вахтерской будочки за длинным рядом вращающихся турникетов ждала ватага встречающих. Живые заводского клана, преимущественно орки. В том числе и черные. Демонстративно вооруженные, но вид имеющие довольно смирный.

— Кто из вас ведьмак? — спросил один из заводчан, делая несколько шагов вперед.

— Я, — сухо сказал Геральт.

— Нам велено помочь тебе. Провести по заводу и все такое. Приказывай.

— Где губернатор?

— Здесь, в управлении, в директорском кабинете.

— Туда можно позвонить?

— Можно. Матвей, проводи.

Геральт прошел через ближайший турникет, на миг задержался и махнул рукой в сторону Семена и Сход Развалыча.

— Эти со мной, — сказал он заводчанам, и те не возражали.

С губернатором Геральт говорил недолго, справился только, когда придут обещанные живые из вспомогательной команды. Живые прибыли минут через десять, все из волостной дружины, народ разномастный и пестрый. Люди, орки, вирги, один гоблин, несколько хольфингов, несколько половинчиков, молодой эльф, разнообразные метисы... Нормальный для Большого Киева контингент. Геральт велел всем проходить на территорию завода и строиться на асфальтовой площадке перед управлением. Дружинникам строиться было явно не впервой, заводчане же попереглядывались и безмолвно подчинились.

Минут пять Геральт объяснял, что, собственно, предстоит искать на омертвевшем заводе. Омертвевшем, потому что техник Харькова распорядился отключить

хэ-тэ-зэ от всех источников техники. На огромном заводе не горела ни единая лампочка, не теплилась наука ни в едином станке. Продолжали работать лишь проводные телефоны, автомобили, локомотивы местной железки, трактора и еще электрокары с автономными источниками техники.

Договорив, Геральт скомандовал: «Пошли!» — и облава началась.

Они ничего не нашли. Ничего подозрительного, хотя обшарили огромную территорию завода до последнего закутка. Каждый цех, каждый ангар, каждый бокс. Геральт то и дело сверялся со своим ведьмачьим медальоном-датчиком, болтающимся под курткой и рубашкой на перевитых цветных проводках.

Тщетно. Обнаружили пропасть машин, но все до единой мирные — автомобили, погрузчики, конвейеры, вагоны, станки, котлы, цеховые краны...

Ведьмак выглядел озадаченным и уставшим. Команда его тоже валилась с ног — прочесывать завод пришлось больше суток, причем темнота помехой не стала, несмотря на отсутствие техники в заводских осветительных сетях. Большинство живых неплохо видели в темноте, особенно орки. Конечно, с освещением и оркам поприятнее, поэтому, как стало смеркаться, Геральт вытребовал у губернатора несколько десятков мощных фонарей.

Не помогли фонари. Ничего не помогло. Тварь либо бесследно растворилась на территории завода, либо укрылась где-то в другом месте. Со скребущими в груди кошками Геральт велел команде отсыпаться.

В гаражи они вернулись под вечер следующего дня, уже в сумерках. А утром приехал Халькдафф.

На этот раз разговор состоялся в присутствии Сход Развалыча и Семена. То ли ничего секретного ведьмак и магистр не собирались обсуждать, то ли надеялись, что их все равно не поймут, то ли сочли пожилого кобольда и бывалого орка достойными участия в деле.

Сход Развалыч торопливо оделся, наскоро покрыл диванчик клетчатым одеялом, поставил чайник. Извинился, предложил Халькдаффу присесть и подождать. Эльф устроился на стуле между горелкой и столом, благосклонно махнув рукой: не переживай, мол, не суетись, все в порядке.

Геральт явился сам, Семена привел Сход Развалыч. Когда орк с кобольдом вошли — чайник как раз

закипал, а ведьмак с магистром уже обсуждали вчерашний поиск.

— ...ничего не мог пропустить. На заводе его нет, это несомненно. Точнее, нет на территории и в общедоступных помещениях. Но кто поручится, что на хэ-тэ-зэ нет схрон-нов? Я думаю, даже заводской клан знает далеко не обо всех. Впрочем, меня насторожило совсем не это.

— А что?

Сход Развалыч налил неизменного чаю, Семен высыпал из пакета в металлическую миску привезенное накануне печенье «Дорожный завтрак».

Геральт взял в руки стакан в металлическом подстаканнике — чашек на всех не хватило. Задумчиво подержал его в ладонях, грея руки, и почти нараспев пояснил:

— На заводе единственная рабочая технологическая линия. Единственная. И рождает она обыкновенные рельсовые краны, а вовсе не чудовищ.

Халькдафф отхлебнул чаю. Не поморщившись, хотя Сход Развалыч опасался, что высокопоставленный эльф останется недоволен незамысловатым питьем простого механика.

— Тварь могла родиться и не на хэ-тэ-зэ.

— А где? — возразил Геральт. — Не забывайте, она делает лишь первые шаги. Нападение на дома — ее дебютная акция. Она и забор-то преодолевать научилась лишь недавно. Нет, Халькдафф, тварь родилась именно на заводе. Мы просто не все знаем о заводе. Там наверняка есть подземные ярусы. Со своими цехами, со своими машинами. Со своими ангарами и боксами, где тварь наверняка и прячется. Нужно только получить туда доступ.

— Как?

— Надавить на заводской клан. Точнее, на их предводителя.

— Он ничего не знает о закрытых цехах, Геральт. Ты думаешь, мы этим не интересовались?

— Не знает или не говорит?

— Не знает, — мягко уточнил Халькдафф. — И я ему верю. Не потому что магистр Халькдафф такой доверчивый, отнюдь. Просто в данной ситуации Даркину выгоднее сдать припрятанные козыри, чем по-прежнему хранить их в рукаве.

— Даркин — это глава заводского клана? Попугаистый такой?

— Он самый.

— Вы давно с ним знакомы?

— Давно. И весьма тесно. В эту сторону можешь не копать, Геральт. Проблема кроется не здесь.

— Ладно. — Ведьмак кивнул и аппетитно захрустел печеньем.

А Халькдафф, улучив момент, повернулся к Сход Развалычу.

— Коллега! — обратился он (снова на равных, как к Геральту). — Я знал одного кобольда, близкого к ведьмакам. Правда, заочно и с чужих слов. Скажите, пожалуйста, не вы ли...

— Я, — прервал Сход Развалыч; как показалось Семену Бересте, привычно и сознательно не позволяя задать вопрос полностью. — Это был я.

— Понятно, — кивнул Халькдафф. — Извините, я больше не стану расспрашивать. Просто нужно было убедиться.

Сход Развалыч благодарно склонил голову.

«Шахнуш тодд! — заинтригованно ругнулся про себя Семен. — Во что же Развалыч умудрился вляпаться семьсот с гаком лет назад? Даже Халькдафф о нем слышал!!!»

Тем временем магистр снова переключил внимание на Геральта:

— Что ты намерен предпринять?

Тот пожал плечами:

— Пошастаю еще по заводу... Погляжу. Что-то ведь мы упустили. Мне ужасно жаль, но боюсь, что вплоть до очередной вылазки твари мы не много пойдем.

— Установи наблюдение за периметром, — посоветовал Халькдафф. — Этим ничего не предотвратишь, но пищи для размышлений единственный свидетель вылазки даст очень много.

— Разумеется, — пообещал ведьмак. — Установлю.

Здесь ничего не изменилось — почти ничего. Только стены украсились свежими отметинами от пуль да снова выросла на поверхности воды мерзкого вида пленка.

Та самая котельная, откуда Геральт удирает от преследователей через трубу.

Ведьмак стоял у люка, ведущего на затопленный ярус. За спиной маялись четверо провожатых, орки из заводского клана.

— Говорю, нет там ничего. Просто бетонная яма под котельной. С водой яма.

— А другие входы-выходы есть?

— Нет, — замотал головой орк. — Только этот. Я еще помню, когда воды там было еле по колено. Это потом системе прорвало и вода хлестала почему зря месяца два. Тогда и здесь воды по колено было, аж котлы залило.

— Давно это случилось?

— Лет семьдесят назад. Может, восемьдесят... Не помню точно. Кажется, за пару лет до того, как Драйцеля болванкой придавило и директором стал Даркин.

Геральт угрюмо кивнул. Потом скосил глаза: сверху, на котлах, ему почудилось какое-то движение. Головы Геральт не поворачивал, поэтому неведомый наблюдатель сразу не насторожился.

— Откачать бы эту воду... — вздохнул Геральт.

— Куда? — фыркнул орк. — Ведьмак, а формул простейших не знаешь! Вода ж снова вниз потечет, а щелей в кладке и фундаменте навалом.

Геральт досадливо покачал головой; потом извлек из кармашка на поясе маленький мобильник без антенны и приложил к уху. При этом он как бы невзначай вышел из будочки с люком и приблизился к котлам. Наблюдатель, конечно же, распластался там, сверху, как лягуха на листе кувшинки. Спрятался.

— Але? — сказал Геральт в трубку и вдруг в два движения взобрался на котел. Мгновенно, как кот. Оркам вообще показалось, что ведьмак подпрыгнул и растаял в воздухе. Но он вдруг материализовался на котле, одной рукой по-прежнему прижимая к уху телефон, а второй придерживая за шиворот тщедушного чумазого живого. — Але, господин губернатор? Мне нужен акваланг. Немедленно. Баллон? Полчасового хватит. Цех? Номер не помню, тот, где фрезер недавно заводчанина зарезал. Да, в котельную. Спасибо, если можно — побыстрее.

Трубку ведьмак невозмутимо спрятал в кармашек, а добычу свою перехватил поудобнее и слегка встряхнул.

— Ба! — сказал он, вглядываясь. — Знакомое лицо!

Чумазая девушка, та самая, которая несколько дней назад выдала погоне, где прячется Геральт, испуганно таранилась на ведьмака, даже не пытаясь освободиться. В глазах ее цвел только немой страх. И никаких намеков на надежду.

— Ну привет.

Девушку мелко трясло. Она не отрываясь глядела то на притороченное к боку Геральта помповое ру-

жье, то на здоровый нож у него на поясе, как раз рядом с телефонным кармашком.

Коротким выверенным движением ведьмак столкнул пленницу на пол котельной и прыгнул сам. Девушка взвизгнула, приземляясь на четвереньки, но ведьмак тут же поднял ее на ноги. Несколько мгновений внимательно изучал взглядом лицо, одежду, угольную пыль, въевшуюся в кожу. Потом обернулся к заводчанам:

— Это у нас кто?

Разговорчивый орк охотно пояснил:

— Да дикарка местная. Тут обитает, в котельной. Мы ее как-то поймать пытались — да куда там... Она тут каждую шель знает, не то что мы.

— А зачем ее ловили? — поинтересовался Геральт.

— Как зачем? — удивился орк. — Трахнуть! Она ж девка!

Геральт снова поглядел на девчонку.

— Рановато ее трахать, пожалуй. Хотя, можно, конечно. Только грязная она какая-то...

— А ее такие же грязнули и ловили. Что им грязь — они в грязи живут!

Орки довольно заржали хором. По их мнению, происходящее было очень веселым.

— Что ж ты, стерва, меня тогда выдала? — спросил Геральт и слегка встряхнул девчонку. — А?

Девчонка молчала. Только беззвучно, словно рыба, развала рот, да градом катились из глаз слезы, промывая на щеках две светлые дорожки.

— Ладно, забыли, — вздохнул Геральт. — Лучше скажи, раз ты тут каждую шель знаешь. Чудовище где прячется — видела?

Девчонка мелко затрясла головой. Отрицательно.

— А что здесь под водой? Знаешь?

Снова затрясла.

— Не знаешь... — разочарованно протянул Геральт. — Проку с тебя...

По лестнице как раз кто-то спускался — оказалось, уже доставили акваланг и синий пластиковый баллон со сжатой дыхательной смесью. Наверное, акваланг нашелся у Даркина, у главы заводского клана. Потому что времени, чтоб привезти его, как раз хватало на автомобильный бросок от управления до цеха, не дальше.

Акваланг считался довольно сложной машинерией; во всяком случае, обращаться с аквалангами в Боль-

шом Киеве умели даже не всякие техники. Но ведьмак явно видел эту научную машинку не впервые. И удивления от такого скорого исполнения заказа никак не высказал.

Он выпустил ворот девчонки, которая торопливо вскарабкалась на котел, метнулась куда-то к стене и пропала. На нее никто не обратил внимания.

А Геральт тем временем раздевался. Сбросил рюкзачок, отстегнул ружье. Снял куртку, штаны, ботинки — остались только просторные семейные трусы в крупный розовый цветочек. Вещи он сложил аккуратной стопочкой у ног Семена и Сход Развалыча, тихонько шепнув им: «Приглядите!» Потом надел на спину баллон, проверил загубник, поманипулировал крантиком. Какие-то малопонятные приборы, которые должно было пристегивать к рукам выше запястий, Геральт просто отсоединил и отпихнул ногой в сторону. Приладил к поясу специальный подводный нож. Маску надел на голову, но еще не на лицо, оставил на лбу. Взял протянутый Сход Развалычем фонарь. В другую руку — ласты.

Подошел к самой воде, поплевал зачем-то в маску, протер стекла изнутри и надел как положено. Потом ласты на ногах застегнул. Неуклюже ступая, подошел к воде. Брезгливо разогнал ластой пленку на поверхности.

А потом сделал окружающим ручкой и шагнул в воду.

Погрузился он с легким всплеском и сразу с головой. Светлое пятно от горящего фонаря еще некоторое время прорывалось сквозь мутную толщу, но потом свет ушел вниз и в сторону, а в люке осталась только потревоженная темная вода.

Все смотрели на нее — и орки-заводчане, и Семен со Сход Развалычем, и даже чумакая девчонка с площадки на дальнем котле.

— Шахнуш тодд! — впечатлился разговорчивый орк. — Да меня туда под пистолетом не загнали бы!

— Что с него взять, он ведьмак, — буркнул другой. — Отродье...

Никто ему не возразил.

Лишь спустя минут десять вода в люке заволновалась и голова ведьмака показалась над поверхностью. Маска и загубник обращали лицо Геральта во что-то мистическое и страшноватое.

Он поставил погашенный фонарь на пол котельной, уперся ладонями в край люка, выпрямил руки, полуобернулся и сел, оставив ноги в воде.

Первым делом он вынул изо рта загубник и несколько раз смачно сплюнул в сторону. Потом снял маску, ласты и наконец встал.

— Ну и тьма там, шахнуш тодд! — сообщил ведьмак. — Вода мутная, фонарь совершенно до задницы. Пришлось выключить.

— И что ж ты там рассмотрел? — недоуменно спросил разговорчивый орк.

— Все, — сказал Геральт, стаскивая баллон и роняя его на пол. — Ты был прав, там просто замкнутый ярус. Хлама на дне навалом, но это не более чем хлам.

— погоди, — не унимался орк. — Как ты там без света-то?

Геральт поморщился.

— Вот заладил... Я не только глазами вижу, понял? Я же мутант, отродье, как изволил выразиться твой дружок.

Хмурый орк, не так давно обозвавший Геральта отродьем, потемнел лицом — смутился. В той, разумеется, мере, в какой был на это способен.

— Да-да, и слышу я тоже получше вашего. Даже под водой. — Геральт извлек из пакета, в котором принесли акваланг, зеленое махровое полотенце и принялся брезгливо вытираться. Брезгливо, потому что вода была действительно грязная, и сейчас ведьмак стал живо напоминать чумазую аборигеншу котельной. Потом, ничуть не стесняясь, Геральт снял и отжал трусы с теперь грязно-розовыми цветочками.

Ничего нового окружающие не увидели, хотя кое-кто ожидал, что у мутанта-ведьмака может оказаться что-нибудь не так, как привыкли живые.

Ведьмак оделся. Неторопливо, но при этом все равно быстро. Небрежно пнул акваланг:

— Соберите это... Вернете потом губернатору, он потребует.

И направился к лестнице, ведущей вверх. В цех.

В этот день снова ничего не нашли. Никаких следов чудовища.

Уже вечером, когда Геральт заводил престарелый будильник Сход Развалыча, а сам кобольд по традиции заварил и предложил всем чаю, Семен Береста словно бы невзначай обратился к ведьмаку:

— Слышь, Геральт... А что, та девка действительно чуть не сдала тебя погоне, когда ты вернулся весь побитый?

— Почему — чуть? — удивился Геральт. — Сдала с потрохами. А «чуть» — это уже я сам себе организовал.

— И ты ее не придушил? Мне тут соплеменники с завода много понарассказали о ведьмаках. Если хоть десятая часть сих рассказов — правда, ты девуку должен был убить, изнасиловать и съесть. Именно в такой последовательности.

Геральт неожиданно запрокинул голову и гулко захохотал. Потом так же внезапно умолк.

— Н-да. Сначала съесть, а потом насиловать мне было бы очень неудобно. — Ведьмак вздохнул и добавил: — Хорошего же мнения о нас твои родичи-орки.

— И все-таки, — продолжал допытываться Семен, — мне интересно, почему о ведьмаках ходит такая жуткая молва и почему ты вовсе не кажешься мне таким отродьем, как эта молва гласит. Объясни, почему ты ее не тронул, девчонку эту злополучную?

— Если бы я умирал с голоду и не видел другого пути выжить — я бы ее убил и съел. А вернее, даже убивать не стал бы. Отнял бы руку. На первое время хватило бы. Насиловать... Извини, я, конечно, не пай-мальчик из подольского приюта, но трупы меня как-то не возбуждают. Она и вживе-то меня не возбуждает — селедка селедкой, да вдобавок грязная, как будто живет в кочегарке. Впрочем, чего это я — она ведь и впрямь живет в кочегарке, поэтому она грязная, как ей и положено.

Ведьмак сделал паузу.

— Ты это хотел услышать? — жестко спросил он Семена. Тот вздохнул:

— Не знаю... Скажи, Геральт, а если бы ты умирал с голоду, а рядом оказалась бы не эта краля, а я? Мне бы ты тоже отнял руку?

— Можешь не сомневаться, — процедил Геральт и отвернулся.

Семену почему-то показалось, что в голосе ведьмака вдруг прорезалось слишком много цинизма. Чересчур много, до неправдоподобия. И Семену моментально расхотелось продолжать расспросы. Он насупился и уткнулся носом в чашку с чаем, так и не заметив долгий и напряженный взгляд Сход Развалыча.

Кобольда, который подозрительно много знал о ведьмаках. Знал и молчал.

Будильник зазвонил в полтретьего ночи. За стеной, у ведьмака. Семен вскинулся на раскладушке;

проснулся и Сход Развалыч. Не прошло и десяти секунд, как в комнатушку заглянул Геральт, уже полностью одетый. Будильник он, верно, ставил просто для самоуспокоения: те же родичи-орки уверяли, что ведьмак всегда знает, который час, без всяких часов и никогда не проспит положенное время. Часы и будильник у ведьмаков в голове, причем ни то, ни другое невозможно ни сломать, ни выключить.

— Я на завод, — буркнул ведьмак. — Подкинешь до материальных ворот? Это поближе, чем к управлению...

— Конечно, подкину, — заторопился Семен, одеваясь. — А чего среди ночи-то?

— А того, что еще часик, если я все правильно рассчитал, и тварь полезет через стену. Я хочу это видеть. Причем именно с территории завода, а не снаружи.

— А не спугнешь?

— Не спугну. Главное — не опоздать.

— Все, я готов. Пошли.

— Пошли...

На этот раз Семен не задумался, на кого радостнее реагирует разбуженный джип. Похоже, машина здорово истосковалась по дорогам. Сколько ей пришлось торчать в боксе безвылазно? Это дикие имеют обыкновение шастать напропалую, а потерявшие хозяина впадают в тоску и меланхолию, которые заставляют одиноко коротать дни в тесных и темных каменных коробках.

Никто не выдерживает одиночества — ни живые, ни машины. Лишь чудовища.

И еще — ведьмаки.

Фары взрезали безлунную темень нежилого района. Джип, переваливаясь на неровностях дороги, катил вдоль заводского забора. Ведьмак нахохлился и застыл на переднем сиденье. Ружье он держал между колен стволом вверх, к пористой обивке салона «Хортицы».

Перед материальными воротами скупое тлело на столбе фонарь под жестяной нашлапкой, похожей на мятое канотье. Ворота, понятно, были заперты наглухо. Окно пристройки темное, дверь на проходную закрыта. Но замков дополнительных не навешено, это видно, причем сразу.

— Езжай назад, — приказал Геральт. Именно приказал. — Я долго. Наверное.

Семен кивнул, потом набрался храбрости и выпалил вослед почти уж вылезшему из машины ведьмаку:

— А можно... с тобой?

Геральт порывисто обернулся, держась рукой за полуоткрытую дверь. Кажется, он был удивлен, хотя удивление на его лице не отразилось.

— Зачем? — спросил он бесстрастно и сам же себя преврал: — Впрочем, понятно зачем.

Он замолчал, поэтому Семен осмелился повторить вопрос:

— Так что? Можно?

Ведьмак остался бесстрастен.

— Конечно же, нет.

Орк огорченно опустил взгляд и весь как-то сразу пожух, съежился, будто высохший гриб.

— Почему? — тихо и чуть-чуть жалобно спросил он.

Геральт скептически покачал головой:

— А я обязан объяснять? Прости, я спешу.

«Прости» ведьмак сказал исключительно ради проформы. Ни малейшего раскаяния или сожаления в нем не ощущалось. На чувства и желания Семена ему было откровенно наплевать, и даже спиной ведьмак сумел это продемонстрировать.

Семен развернул джип, хмуро и неотрывно глядя, как Геральт приближается ко входу. Сначала орку казалось, что ведьмак постучится в дверь или в зарешеченное окно рядом. Но тот присел перед порогом на одно колено, некоторое время поковырялся в замочной скважине и толкнул дверь. Та покорно приоткрылась, и ведьмак протиснулся в темное нутро пристройки.

Досадливо втянув голову в плечи, Семен подстегнул джип педалью акселератора и сердито погнал его по разбитой дороге к гаражам.

«А Сход Развалыч мудрее меня, — подумал орк. — Даже и не просился. Или он просто лучше знает ведьмаков? Но с другой стороны, Геральт же никогда не садился вместе со мной за руль и не учил меня водить машину...»

В маленьком зале перед парой ставших уже привычными турникетов было темно, хоть глаз коли, но Геральту это не очень мешало. Стылой серостью отдавал каменный пол под ногами, тускло-синими вертикальными штрихами обозначились вертушки турникетов, коричневой завесой казалось стекло караульной будки. Немного непривычно было, что не полнятся бордово-красным провода на стенах, но

Геральт помнил: завод недавно отключен от источников техники.

Слева, из черного коридорного провала, доносился приглушенный храп. Другой на месте ведьмака мог бы головой покачать или злорадно хмыкнуть.

Геральт не сделал ничего. Вместо этого он мягко перемахнул через ограду и турникеты, тем же манером вскрыл дверь на территорию и выскользнул в вязко-темную заводскую ночь.

Обыкновенно даже ночами на заводах и фабриках не бывает тихо. Гудит где-нибудь освещение или охранка, доносится отдаленный гул компрессора, локомотив свистнет или затарахтит двигатель вздумавшего отправиться по своим делам автомобиля, застонет в цеху станок-полуночник...

Сегодня было тихо, как в могиле.

Для Геральта это был не просто образ. Минимум дважды он уже думал, что похоронен заживо. В абсолютном мраке, в тесноте обвалившегося тоннеля, и вторично — в яме рядом с одесским карьером, под доброй тонной земли. В первый раз сам вывернулся и прогрызся сквозь твердокаменную породу к вентиляционной шахте, во второй раз Весемир откопал. Через двое суток. Геральт почти уже не дышал к тому времени.

Полагаясь скорее на интуицию, чем на реальные чувства (зрение вообще можно было в расчет не брать), Геральт довольно быстро добрался до памятных складов рядом с отметинами на асфальте. Здесь он совсем недавно забирался в багажник к подручным техника Римаса. Сегодня ведьмак ничего нового придумывать не стал — снова вскарабкался на козырек-навес, отполз на крышу и затаился.

Ветер гнал первые осенние холода. Ночные. Тихо завывало в близкой трещине — шифер был старый, кое-где поросший неприятным на ощупь сухим не то мхом, не то лишайником — Геральт плохо разбирался в растениях. Еле слышно пела, колыхаясь, близкая проволока заграждения. Стремительными тепло-коричневыми точками носились запоздавшие летучие мыши — голодно им стало в наступивших холодах.

Колючку, поврежденную локомотивом во время бегства Геральта с завода, уже успели восстановить, а вот курган с полосатым тупичком не успели. Рельсы просто обрывались во взрыхленную и развороченную кучу земли со следами, которые стороннему живому мало о чем скажут.

Геральт вслушивался и всматривался во тьму. Всматривался — не глазами.

Он искал наблюдателя, одного из тех, кого по его рекомендации и приказу губернатора должны были разослать и расставить чуть ли не по всему периметру завода. Где губернатор отыщет такую прорву народу, ведьмака нимало не волновало. Хочет, чтобы больше никто не погиб, — найдет. А губернатор хочет, потому что еще парочка катастроф — и не видать ему больше губернаторского кресла. Вкупе с губернаторским особняком, губернаторской прислугой и губернаторским жалованьем, ясное дело. А кто же добровольно согласится все это потерять?

Человек, сумевший вскарабкаться на столь высокий пост, из штанов выпрыгнет, а не позволит себе упасть из-за собственной лени или нерасторопности. Отчасти и поэтому на ответственных постах с некоторых пор стали появляться короткоживущие: долгожители купились на исполнительность и пробивную силу, а что менять исполнителей придется каждые лет десять — двадцать (редко когда больше) — так то издержки, причем издержки терпимые.

Людей и терпели.

А вот и наблюдатель! Слева от себя, за ржавым (если верить доносимому ветром запаху) каркасом какой-то циклопической штуковины, ведьмак уловил слабое движение, еле заметный теплый оранжевый отсвет и почти сразу — видимый темно-серый сигаретный дымок. Запах подтвердил — раскурили дешевку без фильтра. Кажется, «Конвалию», в народе именуемую коленвалом. Видимо, за сходный вкус — солидол солидолом.

«Вот урод! — не на шутку обиделся Геральт. — Самое горячее место, а он так себя рекламирует! На всю, можно сказать, округу!»

Сие надлежало немедленно пресечь. Не-мед-ля.

Геральт потихоньку спустился с козырька; длинный складской ряд отделял его при этом от беспечного наблюдателя. Прошмыгнул у торца складов, миновал площадку перед крытой рубероидом большой беседкой, открытой всем окрестным ветрам и тем не менее заросшей каким-то нахрапистым вьюном чуть не до верха. От беседки до дальнего от наблюдателя и ближнего к Геральту угла циклопического остова осталось метров сорок голого пространства, лишь кое-где усеянного рассыпным металлом.

Эту проплешину пришлось одолевать ползком, благо наблюдатель прятался от ветра за полуметро-

вым уступчиком в основе каркаса. Ну а вдоль самого каркаса красться оказалось еще удобнее.

Геральт подобрался почти вплотную, с отвращением чуя носом все ту же ржавчину и противный коленвал. Наблюдатель никак не реагировал, дымил себе, пряча огонек в ладони.

«Урод! — Геральт окончательно рассердился. — Придуть его, чтоб не мешал...»

Он прикрыл глаза, определяя местонахождение живого с точностью до миллиметра, запоминая, как расположены препятствия — ветхое до хрупкости ребро и Т-образный стык соседнего ребра с уступчиком. Прыгнуть нужно вон туда, в свободную щель, но в полете развернуться, потому что если не развернуться, жертва окажется точнехонько за спиной.

И ведьмак прыгнул, скрупулезно рассчитав усилие и выверив каждое движение.

Лишь когда Геральт падал на дурня-курилку, тот заметил неладное: пискнул и попробовал откатиться в сторону. Конечно же, не успел.

Геральт рубанул идиота по неожиданно тонкой шее ребром ладони, и горе-наблюдатель сразу обмяк, как пробитый аэрозат.

Понятно, что все это происходило не совсем беззвучно, хотя и очень тихо. Самым громким из звуков был предсмер... то есть предобморочный писк наблюдателя.

В последний момент Геральт все-таки поумерил силу и сдержал руку.

А теперь первым делом ведьмак прислушался — не всполошится ли кто? Нет ли вокруг живого или машины, могущих заинтересоваться возней у ржавого каркаса?

И, как оказалось, не зря прислушался. Вдали родился звук катящегося по рельсам поезда. Вернее, не поезда, а маленькой сцепки, потому что вагон был скорее всего лишь один. В ровный металлический звук движения вплетался рокот мотора, работающего на пониженных оборотах.

«Вовремя я...» — подумал ведьмак и вскользь взглянул на свою невольную добычу.

И едва не выругался в полный голос.

Девчонка из котельной. Снова она!

«Жаль, что не убил! Наблюдатель, шахнуш тодд!!!»

Вагон приближался, расслаиваться не осталось ни малейшего времени. Но и лезть вторично на крышу склада тоже не стоило — опасно. Геральт, матерясь в душе,

отпихнул недвижимую девчонку в сторону, а сам плюхнулся на ее место.

Надо сказать, место оказалось куда перспективнее, чем представлялось с самого начала. Уступчик очень удачно скрывал Геральта от любопытных взглядов со стороны завода, а с противоположной стороны и смотреть-то было некому. Разве кто поперся бы по полосе между колючкой и стеной... А благодаря тому, что каркас лежал не перпендикулярно стене, а несколько вкось, то и за точкой, где тварь (предположительно) сигала через стену, наблюдать было очень удобно.

Геральт затих, до предела обострив все девять чувств, включая совершенно бесполезные сейчас зрение, осязание и вкус.

Локомотив с вагоном притормозили у самого торца склада, стал виден даже конец крановой стрелы и самый край железнодорожной платформы. Стрелу Геральт узнал сразу — злополучный новый кран от восстановительного поезда, единственный доросший из заложенных четырех.

«А ему-то что тут понадобилось?» — удивленно подумал Геральт.

Это место во время глобального поиска по территории ведьмак осматривал лично. По складам шастал, вокруг; упорно искал какой-нибудь схрон, подземное убежище. Ведь если тварь всегда перебирается через заводской забор в одном и том же месте, это что-нибудь да значит? Не то ли, что она просто хоронится от постороннего взгляда где-то тут, неподалеку? А кран нужен для того, чтобы, например, тварь поднять из-под земли наверх. Хотя создание такого типа и такой мощи обязано подниматься самостоятельно, но... бывают странности и похлеще.

За складами лязгнуло раз, другой, платформа дернулась, и сразу вслед за тем послышался звук отъезжающего локомотива. Локомотив явно торопился, потому что двигатель теперь работал в обычном режиме. Пару минут — и нет маленького тепловозика, растворился в бескрайней заводской ночи.

Все происходило в полной темноте, огней локомотив не включал. Однозначно это ни о чем не говорило, но наводило на мысль, что все протекает без участия живых.

А потом кран неожиданно дернулся и соскользнул с платформы. Вперед, к асфальтовой стартовой площадке со вмятинами, к стене.

Теперь лязгнуло не в пример громче и... басовитее, что ли? Не какая-то жалкая вагонная сцепка — тонны металла пришли в слаженное движение.

С некоторой оторопью Геральт глядел, как решетчатая стрела перестает быть прямой, ломается в нескольких местах, словно складная линейка-метр, как проседает вниз кабина, как оттопыриваются в стороны дверцы и борта, как выворачивается в разные стороны днище, похожее на вдруг оживший цветок и немного — на стягиваемую с руки перчатку...

Кран на глазах превращался во что-то иное. Во что-то цилиндрическое, обтекаемое и угрожающее. Металл стонал и скрежетал, но плыл, будто размякшая на жаре смола. Плыл довольно быстро.

«Оборотень! Трансформер! — оледенел Геральт. — Шагнуш тодд, действующий трансформер!!! Чтоб я сдох на месте — действующий!!!»

Еще с минуту скрежетало; потом все разом смолкло. И только тут Геральту пригодилось обычное зрение. Тварь — ибо кто это мог быть, кроме твари? — бесшумно зажгла три огонька: зеленый в носовой части, ближней к забору, и два красных в обращенном к складу хвосте. А потом на площадке коротко грохотнуло, взметнулось тусклое багровое пламя, моментально растворившись в клубе дыма, в единократном рыке утонул звук удара невидимых лап-толкателей об асфальт (Геральт ощутил, что почва под ним вздрогнула), и тварь косо взметнулась в воздух. Как исполинский механический кузнецик.

Похоже, она ослабла — не зря завод отключали от источников техники. На этот раз она задела кормой забор, сметя с кромки колючку и оставив полукруглую двухметровую щербину. На невидимой Геральту дороге в очередной раз лязгнуло, а потом раздался вообще мало на что похожий звук, и звук этот удалялся.

Но не налево, как рассчитывал Геральт, не к проспекту.

Направо. В сторону пострадавшего недавно жилмассива.

Геральт вскочил и выругался. Что не помешало ему выдернуть из кармашка мобильник.

— Халькдафф? Она прыгнула! Но пошла не к электростанции, а туда, где уже разрушила два дома! Присылай всех, жизнь заберит!

Водворив телефон на место, ведьмак, не обращая внимания на взывшую вдаль сирену и не жалея ла-

донец, раздвинул колючку, помогая ногой в грубом ботинке, протиснулся в щель; потом в прыжке взобрался на поврежденную стену, радуясь, что хоть на стене проволоки уже нет. Попутно он отметил, что раз воеет сирена охранной системы, значит, она независима от централизованного источника техники. Это стоило запомнить.

Трансформер успел убраться довольно далеко, Геральт его почти не слышал. Но след пока чувствовал очень отчетливо. Беда заключалась в том, что все ловушки и всех живых-охотников со всем оружием ведьмак расставил на пути к самому близкому и самому очевидному источнику техники — тепловой электростанции в шести километрах от ХТЗ. Именно там имелись мощности, способные быстро удовлетворить потребность твари в технике, в энергии.

Чего-то Геральт не учел.

Совсем рядом вдруг ослепительно вспыхнули фары; Геральт машинально заблокировал зрачки. Обычного человека эта вспышка неизбежно ослепила бы на минуту, не меньше. Ведьмак лишь недовольно прищурился и взглянул на серебристый джип «Хортица», притаившийся на обочине.

Джип взревел, ринулся с места и затормозил рядом, едва не задев гнутым бампером. Геральт рванул дверцу и молча забрался в кресло рядом с водителем. Орк Семен Береста, хмурый, как октябрьская туча, покосился на него и энергично крутанул баранку. Джип вырулил на дорогу и понесся, не жалея трансмиссии.

— Все-таки я пригодился, — удовлетворенно заметил Семен через какое-то время.

Геральт молча вглядывался во тьму.

— Ты не мог бы открыть окно? — попросил вдруг он.

Семен с непониманием покосился на ведьмака и предложил:

— Приоткрой у себя.

— Тварь слева от нас, — раздраженно пояснил Геральт. — Я не чувствую следа через стекло.

Семен послушно опустил боковое стекло и подтянул воротник к левому уху. Ветер, понятное дело — холодный, ворвался в салон, закружил позади пластиковые пакеты, зашуршал ими. Геральт прикрыл глаза, подставив лицо ветру.

— Ага, — удовлетворенно сказал он через пару секунд.

— Что, снова на дома пошла? — сочувственно поинтересовался орк.

— Не думаю, — буркнул ведьмак. — У нее техники не хватит. Стену и ту еле перепрыгнула, сам ведь видел.

— Видел, — довольно подтвердил Семен. — Так и знал, что пригодимся мы тебе с «Хортицей»-умницей...

— Дурак, — холодно сказал Геральт. — Будь тварь в силе — прожарила бы тебя вместе с джипом, как таксюху твою...

— Ну вот, — философски, обращаясь даже не к ведьмаку, а куда-то в пространство, пожаловался Семен. — Мы его ведем, а он вместо «спасибо» еще и недоволен.

— Спасибо? — Ведьмак иронически прищурил глаз. — Раз уж влез в это дело добровольно, не жди теперь благодарности, понял?

— Я и не жду... — вздохнул орк. — Куда едем-то?

— Пока — прямо.

В темноте незаметно докатили до дальней оконечности заводской территории: забор справа кончился, пошли какие-то подозрительного вида домишки без единого огонька. Слева тянулся пустырь, плавно сваливаясь в овраг, заросший ивняком. За оврагом угадывались высотные дома.

— Вдоль оврага чешет, — пробормотал Геральт. — Куда? Шахнуш тодд, я даже толком не смотрел, что в этой стороне расположено!

Вскоре дорога вильнула и вывела ко вполне пристойному шоссе. На перекрестке замерло несколько машин, меж них сновали озабоченные живые. Ближе всех стоял Халькдафф и нервно курил длинную коричневую сигарету.

Впрочем, то, что сигарета коричневая, различал только Геральт.

— Ты видел ее? — спросил эльф, отшвыривая окурок.

Ведьмак даже не успел выйти из машины, только дверь открыл.

— Видел, — сухо сказал Геральт. — Это оборотень. Трансформер.

Халькдафф замер, словно нос к носу столкнулся с призраком.

— Д... Действующий? — пробормотал он недоверчиво.

— Увы. Я присутствовал при трансформации.

— А... пассивная форма?

— Кран, — зло сказал Геральт. — Кран на железнодорожной платформе! Платформу, кстати, он не использует, отстегивается...

Халькдафф схватился за голову. Чуть поодаль, боязливо сбившись в тесную кучку, ожидали губернатор с обязательной свитой из ребят при бэйджах.

Семен притих в водительском кресле, затаил дыхание, вслушивался.

— Мать-земля... — Халькдафф покачался из стороны в сторону, по-прежнему обеими руками держась за голову. — Представляю, что тут вскоре начнется...

— Не наша это забота, — буркнул Геральт и обернулся к ожидающим в стороне: — Губернатор! Вы мне нужны.

Говоря это, ведьмак сбросил рюкзачок с одного плеча и ловко вынул потертый заслуженный ноутбук. Откинул крышку-матрицу, коснулся старт-сенсора, выдвинул короткую антенну, раскрыл восьмилепестковую чашу у основания антенны и дождался, пока можно будет войти в сеть.

Ловко манипулируя одной рукой, он загрузил план Большого Киева, выставил масштабирование и впился взглядом в экран.

— Так! — выдохнул он. — Мы здесь. Вот завод... Вот массив с киноцентром, вот шоссе. Тварь направляется в эту сторону. Что ее может интересовать в ближайших районах? Вот тут, тут, тут или тут?

Все сгрудились рядом с ведьмаком, сдвинули головы, сясь разглядеть изображение на экранчике.

— Ну, — протянул губернатор, потому что просто обязан был выдать хоть какую завалящую идею, — тут недалеко еще один завод есть...

— Дальше смотрите, — вдруг сказал кто-то стоящий позади всех, шагах в пяти. — Дальше. То, что вы ищете, — за рамкой.

Геральт порывисто обернулся, отстранив всех, кто мешал увидеть обладателя негромкого, но уверенного голоса. Семен украдкой выглянул и с изумлением опознал в говорившем Сход Развалыча.

Протиснувшись сквозь толпу, Геральт приблизился и потребовал:

— Показывай!

Кобольд послушно поманипулировал тачпедом, сдвинул план в активном окне и желтоватым заскорузлым ногтем постучал по мягкой поверхности матрицы:

— Вот...

Ведьмак, а вместе с ним и подошедший Халькдафф с ужасом и замешательством глядели на красный квадратик с молнией наверху и на притулившуюся рядом надпись:

— Шагнуш тодд! Оборотень-трансформер на атомной электростанции!!! Конец Киеву!

Халькдафф пожелтел, как тысячелетний пергамент, представляя взметнувшийся в небо огненно-дымный гриб.

Ведьмак хищно пошастал по карте — недолго, секунд двадцать.

— Хрен с ним, не придет на АЭС — только к лучшему... Где арсенал?

— Вон, — подсказал кто-то из губернаторской свиты.

— Лучшего водителя! Живо!

На бегу упаковывая ноутбук в шмотник, Геральт поспешил к указанному автомобилю — приземистому и обтекаемому полугрузовому микроавтобусу «Ворскла», машине очень редкой, скоростной и, естественно, отменно прирученной.

— Там и так лучший водитель... — с готовностью подсказал кто-то.

Геральт уже впрыгивал в салон.

— Змиевская АЭС! — рывкнул он краснощекому половинчику за рулем. — Быстро! Как можешь быстро!

— Ща, — невозмутимо пообещал половинчик, и автобус сорвался с места. При развороте Геральта едва не размазало по дверце, а потом вдавило в кресло с превышающей всякие ожидания силой. Позади, в грузовом отсеке, что-то солидно громыhalo и ерзало. Присмотревшись, Геральт заметил: к ногам половинчика пристегнуты специальные подошвы-накладки, потому что коротконогий шофер без них просто не доставал до педалей.

«Пятьдесят километров, — подумал Геральт. — Если успеем за двадцать пять минут — будет чудо. Хоть бы не опоздать...»

Плохо он думал о водителе и его обтекаемом собрате... Дома мелькали за окнами, сливаясь в пеструю черно-белую ленту.

Восемнадцать минут с секундами. Восемнадцать двадцать одна — и «Ворскла» затормозила у семиметровой стеллы перед главным зданием и огромными металлическими воротами. Геральт немедленно выскочил и сунулся к грузовому отсеку.

— Где оружейник? — рывкнул он зычно.

— Внутри, — отвечал невозмутимый половинчик.

Ручка, кнопка, нажатие, рывок — дверца распахнулась.

— Расчехляй! — скомандовал Геральт, отстегивая ружье и снимая рюкзачок.

Внутри обнаружился дебелий гном, естественно, заросший бородищей едва ли не по глаза. Темпераментом он сильно напоминал половинчика-водилу, только был еще менее разговорчив. Кивнул, сграбастал лапищей длинный темно-зеленый ящик и подтолкнул к краю, одновременно откидывая крышку и слегка опрокидывая сам ящик. В руки Геральту услужливо прыгнула толстая метровая труба с двумя рукоятками и откидывающимся экранчиком целеуказателя.

Вторым подоспел лимузин Халькдаффа, потом, как ни странно, Семен со Сход Развалычем на гордом и очень довольном собой джипе «Хортица», и только после всех — губернаторская кавалькада.

А следом явился и трансформер.

Он внезапно вынырнул из-под моста через Донец. Словно сом из омута. До корпуса и двух ближайших куполов-энергоблоков ему оставалось протянуть чуть меньше полукилометра.

— Боеприпас! — повелительно рывкнул Геральт и побежал.

Гном с большим плоским ящиком в руках без колебаний ринулся следом, являя собой поразительную для живых его расы резвость.

Трансформер, похожий на гигантского механического сверчка, заметил Геральта, когда отмахал треть расстояния до электростанции. Он замер, повернув к ведьмаку уродливую рогатую голову на подвижной двухшарнирной шее.

— Ща плюнет! — против воли ахнул Семен и вцепился в плечо Сход Развалыча.

Орк с кобальдом, да и все остальные, повылезали из автомобилей и шеренгой растянулись по краю асфальта перед зданием. Облик оборотня-трансформера внушал иррациональный глубинный страх, принуждая к гулкому нытью во внезапно опустевшей груди, заставляя переминаясь с одной внезапно ослабевшей ноги на другую.

Ведьмак на полушаге упал на одно колено и как мог быстро взгромоздил трубу на плечо. Гном еще бежал, отстав метров на тридцать.

«Шш-шши-и-хххх!»

Труба плюнула огнем, но почему-то не из переднего конца, а с заднего. Зато из переднего протянулся тоненький еле заметный дымный шнур. Протянулся прямо к «сверчку».

«Пухх!»

Взрыв не показался никому ужасным, напротив, он выглядел сущим уколom для чудовища, но тем не менее опрокинул оборотня набок. Правда, броня у того выдержала.

Гном-оружейник как раз подоспел со своей неудобной ношей. С размаху впечатал ящик в чернозем, сбил крышку, ухватил что-то продолговатое и хвостатое, приладил к трубе... Геральт сидел почти неподвижно.

— Готов... — пробасил гном, отшатываясь в сторону. Не назад, а именно в сторону.

Сверчок тем временем выровнялся и даже слегка приблизился к ведьмаку.

«Шш-шши-и-хххх!»

Вторая дымная струя уперлась в броню трансформера. Целил ведьмак, похоже, в грудь, туда, где шея соединялась с массивным туловом.

Взрыв. Заминка у твари, перезарядка у гнома с ведьмаком...

«Шш-шши-и-хххх!»

В ящике оказалось четыре ракеты, плюс одной изначально было снаряжено чудовищное оружие в ведьмачьих руках. Ни единого промаха ведьмак не допустил. И все же не смог пробить броню оборотня.

Второй ящик с ракетами призывно выставял бок из багажника «Ворсклы»; Семен уже хотел, преодолевая морозную оторопь, хватать его и мчаться на помощь ведьмаку, но тут трансформер неожиданно развернулся и быстро двинулся прочь, к реке. Исчез он снова под мостом, по которому пяток минут назад промчались все стоящие перед АЭС машины.

Шеренга зрителей с чувством облегчения выдохнула, чуть вразнобой, как зрители на ярмарочном шоу.

— Испугался!

Халькдафф утирал совершенно сухой лоб, словно человек-однодневка, а не тысячелетний эльф.

Ведьмак уже бросил трубу и со всех ног несея назад, к автомобилям. Ничего никому не объясняя, он обогнул «Ворсклу» сзади, попутно захлопнув дверцу багажного отсека, и вторично за эту ночь плюхнулся в кресло рядом с невозмутимым («незворушным» на собственном наречии) половинчиком.

— За ним!

Стремительный автобус развернулся (Геральта опять шмякнуло о дверь) и рванулся к мосту. Уже через минуту, благо домишки вдоль дороги попадались сплошь низенькие, одноэтажные, они заметили оборотня: тот, неожиданно быстро перебирая короткими лапами, тянул по боковой улочке от излучины Донца по касательной к дороге. Презрев скорость, Геральт выбрался из кресла и на четвереньках прополз назад, в багажник. Там он нашарил у стены оставленную помповуху, схватил ее и, подняв ствол к крыше, несколько раз передернул затвор. Со звоном посыпались патроны, раскатились по отсеку.

В одном из многочисленных карманов Геральт нашарил плоский запаянный в пластик брикетик, напоминающий упаковку крабовых палочек. Но внутри была отнюдь не безобидная закуска к пиву, до которого многие весьма охочи — и ведьмак тоже.

Восемь патронов с гранеными головками, окрашенными в кроваво-красное. Зубами вскрыв пакет, Геральт принялся торопливо, но без дрожи в руках заряжать их в свое пугающее ружье.

— Он далеко? — крикнул ведьмак шоферу.

— Метров сто, — ответил как ни в чем не бывало половинчик. — Сейчас выползет на дорогу.

Геральт прижался к правому борту и глянул в лобовое. Свет фар выхватывал из мрака пустынное шоссе, шеренгу домишек и подвижную тушу оборотня совсем рядом.

— Стой!

«Ворскла» затормозила так резко, что ведьмак не удержался на ногах и упал. Но зато когда микроавтобус встал, Геральт с размаху толкнулся в заднюю дверь, и она послушно распахнулась.

— Он нас видит, — бесстрастно сообщил половинчик, отстегнулся от кресла, открыл дверь, но наружу не полез.

«Далеко ты убежишь на своих колодках», — сердито подумал Геральт, выпрыгивая из автобуса с ружьем наготове.

Трансформер подобрался почти вплотную. Он был гораздо выше «Ворсклы», но казался больше, чем на самом деле.

Ведьмак выстрелил три раза подряд.

То, что не смогли сделать ракеты, делали чудо-патроны к ведьмачьему ружью. Они пробивали броню оборотня, но взрывались только внутри металлической туши.

Вместе с одной из коротких лап отвалился целый сегмент днища. Открылась дыра на боку. Внутри твари что-то заискрило с отчаянным треском.

Оборотень споткнулся и замер. Геральт ожидал крика, скрежета, какого-нибудь отклика на боль и увечья, но трансформер не издал ни звука. Только внутри, в паре близких к оторванной лапе узлов, продолжало искрить и трещать.

И Геральт выстрелил еще трижды, метя в пробоины. Теперь разрывные чудо-пули проникали гораздо глубже в тело трансформера, прежде чем взорваться. Ведь им не приходилось прожигать сверхпрочную броню.

Три выстрела. Больше ведьмак не успел: у головы «сверчка», как раз между рогами, стремительно сгустился алый шар, а потом по «Ворскле» шарахнул толстый алый луч. Автобус подбросило взрывом и безжалостно швырнуло через тротуар; шофер выпал на высоте метров четырех. Одежда его горела.

Геральта свалило взрывной волной, а спустя секунду там, где он стоял, пронесся, кувыркаясь, стремительный огненный болид. Охваченный пламенем бывший автобус, быстро обращающийся в груды обгорелого металла, пронесся, грохоча и подпрыгивая, сметая все на своем пути, словно футбольный мяч в матче с самим дьяволом.

Спиной в землю между дорогой и тротуаром, с лету, так, что на какое-то время остановилось дыхание, а глаза заволокло слезами — и ведьмак завершил короткий, как вздох, полет.

Было очень больно, казалось, что позвоночник сломан, а легкие смяты и пробиты в нескольких местах, что сердце сейчас не выдержит и разорвется, но ведь в ружье еще оставалось два чудо-патрона, а значит, нужно собраться и встать...

На нервах и железной воле ведьмак заставил себя глотнуть горячего и сухого воздуха.

Вдохнул, как наждачку проглотил.

Но встал.

Справа в развалинах торговых палаток догорал автобус, уже ничем автобус не напоминая. Слева усердно катался по кстати подвернувшейся клумбе шофер-половинчик, сквозь зубы матерясь. Одежда его уже не горела, но еще дымилась.

«Ага, проняло тебя таки, невозмутимый... — с неожиданной смесью симпатии и злорадства подумал Геральт, попутно озираясь в поисках трансформера.

Трансформер обнаружился метрах в ста впереди. Он удирал по трассе и, прежде чем Геральт успел что-либо принять, свернул направо, в переулочек.

От внимания ведьмака не ускользнул тот факт, что движения оборотня стали неравномерными: оборотень пошатывался, словно прихрамывал. А значит, ему досталось. При чем крепко досталось.

Обессиленно подволакивая ноги, Геральт направился к проезжей части: как раз накатывался свет мощных фар.

Лимузин Халькдаффа притормозил напротив пожарища; джип Семена и Сход Развалыча протянул чуть дальше и тоже притормозил. Ведьмак не раздумывая поспешил к джипу. Сход Развалыч предупредительно пересел назад, по собственной инициативе. Благодарности от ведьмака он, разумеется, не дождался. Да и не ждал кобольд никакой благодарности.

— Жми! — велел Геральт Семену, и Семен поднажал. Джип понесся по пустынной дороге лишь немногим медленнее покойной «Ворсклы». Подавшись вперед, Геральт разглядел в зеркальце заднего вида свет галогенок лимузина. За лимузином тоже кто-то пристроился.

Хорошо, что ночью трасса пустынна. Геральт скосил глаза на спидометр — фосфоресцирующая стрелка вплотную подползала к фосфоресцирующей отметке «150».

«Полтора ста, — подумал Геральт. — Неплохо для джипа. «Ворскла» разгонялась почти до двухсот, а уж сто семьдесят держала железно».

Ночь проносилась мимо, шелестя под колесами.

Геральт чуть приспустил стекло — после полученных повреждений оборотень стал оставлять густой и очевидный воздушный след. Маслянистый и чуть едкий.

«Кажется, он испугался, — решил ведьмак. — Домой спешит. На завод. Спрятаться, затаиться, зарастить раны...»

Несколько последовательных трансформаций гарантированно излечили бы тварь, свели бы поломки на нет. Но трансформации требовали много, очень много энергии, которой оборотню сейчас катастрофически не хватало. И присосаться к первому попавшемуся осветительному столбу он не мог — от столба пришлось бы заряжаться неделю, а то и больше.

Нет. Ему нужен мгновенный заряд... Но не сейчас. Сейчас трансформеру, совсем молодому и неопытному, страшно и больно. И именно сейчас его нужно постараться умертвить.

Превратить в груды покореженного бессмысленного металла, неспособного себя контролировать, неспо-

собного передвигаться и, уж конечно, неспособного трансформироваться.

Поворот на худую разбитую дорогу вдоль ХТЗ. След ощущается вполне четко. Даже кормовые огоньки оборотня видны далеко впереди — он чесал напрямик, спустившись от трассы к оврагу по переулку, а потом разогнавшись на пустыре. Трасса же описывала широкий полукруг, но все равно оставалась самым быстрым путем для автомобилей, хоть и не самым коротким.

Семен без устали орудовал рулем, помогая джипу юлить среди ям и выбоин. Жалобно постанывали амортизаторы. Серебристая машина съедала расстояние, а ночь скрадывала его.

Оборотень так обессилел, что не стал даже по обыкновению прыгать через забор. Он проломился сквозь стену, словно нападающий чемпионской команды сквозь защитные заслоны аутсайдера. Пыль в свежем проломе еще не успела как следует осесть.

— В сторону! — прошипел Геральт и вывалился из машины на ходу.

Семен послушно вильнул вправо, едва не задев открытой дверцей остов сгоревшей таксюхи. А Геральт кинулся в пролом. Один. Навстречу неизбежной ярости подбитой машины, которую пытаются настичь в ее собственном логове.

Оборотень ворочался перед самой платформой, не то собираясь с силами, не то занимая подходящее для трансформации положение. Огни он уже погасил — либо энергии не хватало, либо начал трансформацию.

Взведенный до предела, опьяневший от адреналина ведьмак шел прямо на него. Не кроясь, с ружьем в руке. И с приговором в глазах.

«Эх, — с тоской подумал Геральт. — В дыры бы от красноголовов да гномьи ракеты вогнать... На части бы гадину расшматовало...»

Патроны с красной граненой пулей были достаточно мощны, чтобы прожечь броню, но слишком малы для серьезного взрывного заряда.

Зато у Геральта имелось несколько гранат. Правда, ручных. И стало быть, в пробоины их забрасывать придется именно вручную. А оборотень все еще смертельно опасен... даже ведьмаку. Не оближет смертельным красным лучом по нехватке энергии, так просто раздавит — вон дура какая многотонная!

Тяжело перевалившись с боку на бок, трансформер окончательно развернулся кормой к платформе, головой — к забору.

И к Геральту. Уже поднявшему ружье.

Похоже, оборотня до такой степени заездили, что появление ведьмака он попросту прозевал. До самого выстрела он не пытался сопротивляться.

Выстрелов прозвучало два — кончились чудо-патроны. Еще две дырищи (кулак можно просунуть) в грудной броне да интенсивное искрение в глубинах корпуса твари.

Геральт, не теряя времени, уронил бесполезное ружье на взрыхленную землю и сдернул с пояса первую гранату. Отшвырнул в сторону кольцо...

Оборотень сделал стремительный выпад; будь на месте ведьмака кто другой — его смело бы титановой шипастой лапой. Удар такой лапы и жизнь — вещи плохо совместимые.

Но ведьмак был ведьмаком, а не кем-то другим. В последний момент он увернулся, а трансформер лишь впустую зачерпнул пустоту. А мгновение спустя первая граната влетела в самую большую дыру на месте оторванной и потерянной еще у АЭС короткой лапы.

Ничтожно малый остаток времени до взрыва Геральт использовал на все сто: успел выдернуть кольцо из второй гранаты и всадить ее в соседнюю пробойну расчетливым баскетбольным крюком.

Внутри оборотня полыхнуло смертельное пламя. Раз, второй. Сдвоенный грохот, свист, скрежет раздираемого корпуса... Гранаты, по-видимому, вызвали взрыв напичканного наукой и техникой нутра твари, ее энергетического сердца.

Громыкнуло в третий раз; корпус трансформера вдруг пошел мириадам змеистых трещин, а миг спустя развалился на бесчисленное количество осколков не крупнее пятидесятикопеечной монеты. Обнажился искореженный скелет-рама с остатками тяг, сочленений, керамических схем, оплавленных, но все еще собранных в жгуты проводов...

Даже умирая, оборотень не затих — продолжал биться в конвульсиях.

Зато ведьмак лежал неподвижно, как упал — так и остался лежать без движения, и нельзя сказать, что поза его выглядела естественной.

Трансформер-«сверчок» дергался еще минуты три.

334 А потом все же затих. Дернулся напоследок раз, дру-

гой, третий, все слабее и слабее, и затих окончательно. Наука улетучивалась из непостижимого создания незаметно для живого глаза, но неотвратимо.

Недолго царила тишина над полем недавней схватки. В проломе скоро зашевелились фигуры парней из губернаторской свиты, Халькдафф с ассистентами, Семен со Сход Развалычем — живые оставляли на взрыхленной и во многих местах примятой полосе земли еле заметные следы. Кто-то притащил пару прожекторов, укрепил их на заборе и включил, а ведьмак продолжал неподвижно лежать в стороне.

— Добил-таки, — прокомментировал губернатор, опасно взирая из-за чужих спин на останки трансформера. — Я уж сомневаться начал, что его возможно убить.

Взгляды большинства были прикованы к поверженному чудовищу. Лишь орк-доброволец и старый кобольд поспешили к не подающему признаков жизни Геральту.

Сход Развалыч присел, осторожно коснулся ведьмачьего плеча; рука Геральта бессильно сползла на землю.

— Геральт? Ты жив? — прошептал кобольд.

Ведьмак не реагировал.

Сход Развалыч как мог осторожно перевернул его на спину — черты лица Геральта показались ему странно заострившимися.

Невдалеке уже были сирены машин волостной дружины, всюду замелькали оранжевые комбинезоны муниципальных, губернатор уже с неизъяснимо важным видом втолковывал что-то рослому виргу с микрофоном в руках; двух метисов-полуэльфов — одного с любопытным до невозможности фотоаппаратом, второго с видеокамерой — дружинники без ненужных церемоний выпроваживали за пролом в заборе; из-за складов один за другим выползали синие микроавтобусы заводского клана... Пожаловал техник Римас со своими жлобами-охранниками; этот хранил на лице надменно-злое выражение, но еще злее на Римаса зыркал губернатор.

— Жив? — с нескрываемой дрожью в голосе спросил Семен Береста.

Сход Развалыч не ответил.

— Мертв? — Голос орка враз стал глухим и крох-ким, как ржавая жесь.

И в этот момент ведьмак судорожно согнулся, держась за живот, опрокинулся набок и длительно закашлялся.

Напряжение медленно сползло с лица Семена; он прикрыл глаза, расслабился и протяжно вздохнул.

Откашлявшись, Геральт зло прохрипел:

— Мертв? Хренушки! Не дождетесь!

— Ну, молоток! — Семен с большой охотой пришел в восторг и старательно заулыбался.

Суэта у тела мертвого трансформера стремительно разрасталась. Поначалу вплотную приближаться боялись, но постепенно смелели все больше и больше.

Геральт тоже поглядел на дело рук своих. На дело ружья своего и гранат своих. Скорчив болезненную гримасу, он протянул ладонь к толпе, но снова мучительно закашлялся.

— Нельзя, — сипел он сквозь кашель Сход Развалычу. — Нельзя так близко!

Кобольд уже собрался поручить потрепанного боем ведьмака Семену и не мешкая передать кому-нибудь — да хоть вот Халькдаффу — слова ведьмака.

Не успел. Кто-то шибко храбрый и не шибко умный догадался влезть на трансформер и встать на нем в полный рост. Полуэльфы из-за забора немедленно навестили свои объективы, коротко моргнула вспышка.

И тут вроде бы мертвый уже трансформер дернулся еще раз.

Щуплый смельчак пошатнулся, нелепо замахал руками и стал падать. Под брюхо, прямо к медленно воздетой обрубленной взрывом культе — остатку передней лапы.

Непонятно откуда у ведьмака силы взялись — тело сработало само. Забылась боль, растаяла слабость, остаток сил собрался в комок и швырнул двужильного лысого парня, так похожего на человека, вперед.

Уже в полубезнадежном прыжке Геральт узнал щуплого покорителя бока поверженного чудовища. Точнее, покорительницу. Чумазую девчонку из котельной, дважды досадившую ведьмаку.

Успеть?

Не успеть?

Обрубок опускался прямо на падающую девчонку.

Ведьмак успел встретить ее в воздухе; от этого столкновения девчонка отлетела чуть в сторону и упала вне

336 пределов досягаемости агонизирующего монстра, хотя

и совсем рядом. А Геральта накрыло железом. Последней судорогой трансформера-убийцы.

Почти сразу ведьмака оттащили в сторону. За ноги. Кровь хлестала фонтаном — посмертным объятием оборотня Геральту оторвало правую руку. Выше локтя. У Семена потемнело в глазах — ему показалось, что из отороченного безобразной бахромой рукава-обрывка льет почище, чем из пожарного шланга.

— Рюкзак! — отчетливо сказал Геральт; глаза его быстро стекленели.

Кто-то послушно полоснул ножом по лямкам, сдернул рюкзачок с ведьмачьих плеч, шелкнул застежками и протянул хозяину.

Геральт успел запустить руку внутрь и мертвой хваткой вцепиться в баллончик с не ведомым почти никому ведьмачьим аэрозолем. И даже успел взглянуть, как Сход Развалыч, отодрав оцепеневшие пальцы ведьмака от баллончика, обильно пшикает на рану. На воздухе аэрозоль мгновенно густела, обращаясь в вязкий крем, который собирался вокруг раны темным комком, надежно залепляя ее. Кровь сразу перестала хлестать, а ведьмак блаженно улыбнулся и позволил себе потерять сознание.

Сход Развалыч перестал давить на кнопку распылителя, лишь когда из короткого расширяющегося раструба прекратил лезть «крем» и шипение стало едва слышным.

Казалось, что ведьмак, перед тем как лишиться памяти, сунул руку в большой шар сладкой ваты. Да так и упал.

Ведьмак пришел в себя ближе к следующей ночи, проспав почти пятнадцать часов кряду. Выглядел он бледным, но неожиданно бодрым для живого, которому меньше суток назад оторвало руку. После того как ведьмака со всеми мыслимыми и немыслимыми осторожностями перевезли в гаражи к Сход Развалычу, кобальд был занят в основном тем, что гонял с территории зевак и вездесущих пацанов. Семен догадался позаботиться о ружье и рюкзаке Геральта: ему показалось, что ведьмак очень привязан к своим вещам, какими бы потертыми и старыми они ни казались.

Семен угадал: едва открыв глаза, Геральт окинул комнату чумовым взором, но, заметив у стены и ружье, и свой ненаглядный шмотник, сразу расслабился и даже слегка улыбнулся.

А потом попытался сесть.

— Лежи! — всполошился Семен. — Ты много крови потерял!

Ведьмак только досадливо поморщился. Отмахнуться, похоже, у него не нашлось сил.

— Дай-ка рюкзачок... — выдавил он и тяжело задышал. Семен подал.

Видно было, что каждое движение стоит ведьмаку определенных усилий, но он борется, борется за каждый отвоеванный у действительности миллиметр.

— Давай помогу. — Семен присел рядом с раненым и мягко отобрал рюкзачок. — Что нужно?

Ведьмак сдался — разжал белые, словно восковые пальцы и ответил:

— Там бульонные кубики должны быть... Особые. Добудь парочку. Кипяток есть?

— Сейчас будет... Ага, вот твои кубики. Сколько заправить?

— Два. По одному на стакан. И размешай получше.

Семен кивнул и встал. Рюкзачок вновь улегся у стены, разметав в стороны перерезанные у горловины лямки. Пока орк хлопотал у горелки, Геральт склонил лысую голову вправо и внимательно осмотрел все, что осталось от его руки.

Осталось немного: короткая, не больше ладони культи с затвердевшим шаром аэрозоли на конце. Шар имел цвет лежального зефира. Из-под него торчали неровно отхваченные ножом остатки ткани — некогда рукав ведьмачьей куртки.

Было слышно, как Сход Развалыч ругается на приступочке с неугомонными зеваками, которых не пускали за пролом в заводской стене и которые весь день норовили устроить на заборе, опоясывающем гаражи, наблюдательные пункты. Приходилось гонять их, как ворон с элеватора.

Потом Сход Развалыч вошел. Вид сидящего Геральта его, казалось, ничуть не удивил.

— Какая сейчас ночь? Следующая? — тихо справился ведьмак.

— Да. Только не ночь еще, вечер.

— Сколько времени?

— Полдевятого.

Ведьмак слабо кивнул.

Семену очень хотелось как-нибудь подбодрить его, утешить. И орк, поставив чайник греться, нарочито громко заявил:

— Выживешь, Геральт! Кровь быстро остановили... лишь бы заражения не было. А не похоже, чтобы было.

Ведьмак поморщился:

— Ты что, лекарь?

— Нет, — беспечно отозвался Семен. — Но ведь и так видно!

— Видно, — проворчал Геральт. — Что тут видно? Хотя ты прав, заражения действительно не будет.

Отчего ведьмак так в это верил — непонятно.

Вскоре поспел чайник. Геральт жадно, чуть ли не залпом выпил оба стакана своего особого бульона (бульон имел бурокрасный цвет), умудрился при этом не обжечься и снова лег.

— Я еще посплю, — сказал он. — Руку не трогайте, оболочку не снимайте. И никаких врачей звать не нужно, ладно? Ведьмаков никто не лечит, кроме тех же ведьмаков.

— Я знаю, Геральт, — заверил Сход Развалыч. — Не беспокойся.

«Ага, — мрачно подумал Семен. — Заманишь сюда доктора, как же... Тот скорее к подыхающей дворняге поспешит, чем к раненому ведьмаку...»

— Оставьте меня одного в комнате, если можно...

— Хорошо, ведьмак.

Кобольд и орк обменялись понимающими взглядами и направились к выходу. Скрипнула, отворяясь, дверь, и в комнату на миг заглянула осенняя ночь — очередная в бесконечной ведущей к зиме череде.

— Семен! Сход Развалыч! — позвал вдруг ведьмак.

Оба задержались у порога и обернулись.

— Что? — спросил Семен.

— Спасибо вам.

«Ишь ты! — поразился Семен. — Я таки дождался благодарности от ведьмака!»

А Сход Развалыч не поразился. В очередной раз.

Наутро ведьмак выпил еще два стакана бульона, неловко орудуя вилок, которую держал левой рукой, съел приготовленную Сход Развалычем яичницу с гренками. Комок на култе потемнел и вроде бы уменьшился в размерах. Ссохся, что ли? Геральт оставался бледен, но ему явно похорошело со вчерашнего дня, а сил прибавлялось чуть ли не с каждой минутой.

Встретив очередной удивленно-недоверчивый взгляд Семена, Геральт чуть искривил губы и пояснил:

— Я живучий, Семен. Очень живучий. Потому что нежить, чудовище. Мутант, а не живой. Понятно?

— Понятно, — поспешно отозвался орк. — Ты ешь, ешь... Ведьмак снова взялся за вилку.

А у Семена не шел из головы недавний разговор: «А мне ты тоже отнимешь руку, если не останется другого выхода?» «Отниму, можешь не сомневаться...»

Когда на злосчастную девчонку опускалась убийственная лапа трансформера, у Геральта был другой выход. Безопасный.

Не вмешиваться.

Однако он вмешался, девчонку оттолкнул и тем самым спас. Но остался без руки сам.

«Почему?» — раз за разом спрашивал себя Семен — и не находил ответа.

Орк ведь не сомневался, что ведьмак на самом деле способен отнять руку у кого угодно и съесть ее, если голодная смерть вдруг протянет костлявые длани и крепко схватит за горло — ведьмаки попадают еще и не в такие передряги. Точно способен.

Но сделает ли он это?

Теперь Семену казалось — ни за что.

Попив обязательного чаю, ведьмак угрюмо осмотрел свою одежду, как попало сваленную у продавленного дивана Сход Развалыча. Все, что осталось от куртки, было покрыто застывшей кровью и грязью. Штаны и рубашка остались более или менее целыми, но тоже были грязны до твердости. Досталось и ботинкам, но ботинки Сход Развалыч кое-как привел в пристойный вид на мойке — привязал их к металлическому штырьку и окатил водой из шланга под приличным давлением. А потом просушил у компрессора в котельной.

Ведьмачью одежду стирать было бессмысленно — Сход Развалыч не выбросил ее только потому, что в бесчисленных карманах Геральт хранил уйму всякой всячины, а шарить по карманам, пока хозяин валяется без сознания, кобольд не захотел.

— Вот держи. — Сход Развалыч встал и принес со стола продолговатый сверток.

Геральт неловко принял сверток левой рукой, положил на постель и только потом сумел развернуть.

«Бедняга, — подумал Семен. — Как же он теперь без руки? Кому нужен? Как жить сможет? Ведьмачить, понятно, ему теперь не светит...»

Под газетой обнаружилась новенькая заводская роба и почему-то две пары носков.

— А куртка вон на вешалке висит, от сына моего осталась... Можешь забирать.

На крайнем крючке у входа и впрямь висела коричневая кожаная куртка, порядком потертая, но все еще вполне приличная. Если ты, конечно, не аристократ...

— Карманов на ней, извини, поменьше, чем на твоей...

— Спасибо, — тихо поблагодарил ведьмак. — Спасибо вам...

— Тебе спасибо, ведьмак, — серьезно отозвался Сход Развалыч. — Я боюсь подумать, что произошло бы, доберись оборотень до атомной электростанции...

Одевался Геральт долго — понятно почему. Помощи он не просил, а предложить ни Семен, ни Сход Развалыч не решились. Орк представил себя без правой руки и тихо ужаснулся.

Что бы ни творилось на душе у Геральта — убиваться он не собирался. Упорно пытался при помощи одной левой сделать все, что совсем недавно делал двумя руками. И надо сказать, у него получалось лучше, чем можно было ожидать.

Когда Геральт встал и облачился в куртку — в один, понятно, рукав («насадка» на культе во второй просто не пролезла бы), — Семен деловито побренчал ключами от джипа:

— Куда едем? — и постарался беззаботно подмигнуть.

— В банк, — ответил ведьмак, роясь в карманах прежней, пришедшей в негодность одежды. — А где мой телефон?

— Я его с утра на подзарядку поставил... — сказал Сход Развалыч. — Вон, на окне...

Мобильник и впрямь лежал на подоконнике, соединенный гибким шнуром с источником техники посреди стены. Наполнившись техникой, он потом сможет довольно длительное время работать автономно. Обыкновенно телефон дремал в узком кармане на поясе хозяина; сейчас он блаженно притих, насыщаясь.

Геральт потянулся к мобильнику уцелевшей рукой; было видно, как подрагивают и не хотят сразу слушаться пальцы.

Некоторое время Геральт манипулировал кнопками и что-то просматривал на маленьком экранчике. Потом вздохнул, отсоединил шнур и сунул телефон в карман куртки.

— Ладно, — сказал он глухо. — Поехали... Только по дороге нужно будет купить какую-нибудь сумку или чемодан.

Сумку купили в хозяйственном на Сумской. Кожаную, с длинной лямкой, чтобы можно было носить через плечо. Мелочь, в одночасье ставшая для Геральта очень важной.

Всю дорогу ведьмак был молчалив и замкнут. Впрочем, он и до увечья не отличался разговорчивостью, а теперь и вовсе стал похож на манекен или изваяние.

Что-то его грызло изнутри. Семен догадывался — что. Да и нетрудно было догадаться.

Они припарковались у банка; здоровый бугай-смотритель в синей униформе, состоящий в основном из плеч и надбровных дуг, сразу вознамерился их турнуть со стоянки, но Геральт небрежно сунул в лопатообразную ладонь крупную кредитку и, пока здоровяк соображал что к чему, направился ко входу. Стеклопакетные двери разъехались сами собой, подчиняясь хитрой невидимой машинерии.

Охранники на входе тоже смерили троицу неодобрительными взглядами. Но ружье и ножи Геральт оставил в джипе; Семену также посоветовал пистолетик свой выложить, а у Сход Развалыча оружия вообще не было. Поэтому все трое прошли через рамку без эксцессов, и охрана смолчала. Худой клиент — тоже клиент.

Геральт направился к ближайшему свободному окошку; выглядел он по-прежнему неестественно бледным.

Клерк, зеленомордый до пятнистости гоблин, поднял на клиента ничего не выражающий жабий взгляд.

— Я вас слушаю, — скучным голосом сказал гоблин и, не скрываясь, зевнул.

— Я хотел бы получить деньги по этому чеку, — сухо проговорил Геральт и подал белый прямоугольничек зеленомордому. — По возможности быстрее.

Разглядев цифру, клерк в первый момент даже растерялся. Для банка двести пятьдесят тысяч в общем-то не деньги. Но обращать в наличные такую сумму в Большом Киеве редко кто решался — возникал вполне оправданный риск прожить после визита в банк очень недолго. До ближайшего угла, например.

— А-а-а... — протянул клерк. — Простите, я должен проверить подлинность чека и посоветоваться с менеджером... Не будете ли вы так любезны подождать во-он там? Надеюсь, вам будет удобно. Мы постараемся уладить ваше дело как можно быстрее.

Клерк указал на неприметный диванчик в углу холла за развесистым южным кустом в необъятной кадке. Перед диванчиком располагался стол с подборкой красочных журналов. Ни пылинки невозможно было разглядеть на листьях куста — убирали в зале регулярно и тщательно.

Едва троица уселась, откуда-то вынырнула миловидная метисочка с явной примесью эльфийской крови и предложила кофе. Выглядела она любезно, но чувствовалось, что к подобной клиентуре она питает глубоко скрываемое презрение и предпочитает вертеть задом перед хорошо одетыми толстосумами, у которых бумажники набиты туго, а мысли вращаются вокруг всего лишь нескольких незатейливых тем.

От кофе Геральт отказался, а Семен со Сход Развалычем осмелели и попросили чаю. Метисочка белозубо улыбнулась и ушла, пообещав вскорости вернуться. С чаем, надо полагать.

Но прежде чем она вернулась, к столику пожаловал менеджер с чеком в ладони и с зеленомордым клерком по правую руку. Оба выглядели озабоченными.

— Господин?.. — вопросительно начал менеджер, обращаясь к Геральту.

— Иванов, — подсказал Геральт, предчувствуя, что не все в порядке.

— Господин Иванов, у вас чек на предъявителя, выданный губернатором Харькова, я правильно понял?

— Правильно, — подтвердил Геральт, машинально принимая белый прямоугольничек из холеных пальцев менеджера.

— К сожалению, мы не можем выдать деньги по этому чеку. Дело в том, что плательщиком указано Тамовское отделение банка «Равновесие». Со вчерашнего дня банк «Равновесие» заморозил счета и прекратил платежи. Боюсь, что имеет место банкротство.

— И что же мне делать? — сквозь зубы спросил Геральт. Менеджер развел ладони в стороны:

— Возможно, есть смысл подъехать в отделение банка «Равновесие», но, если говорить начистоту, я полагаю, что денег вам не выплатят. Вот если вы обратитесь к губернатору и он выпишет чек на другого плательщика, платежеспособного, — милости просим, выдадим вам все в лучшем виде, процент у нас невысокий...

— Спасибо, — мрачно перебил Геральт и встал. — Я могу от вас позвонить?

— Губернатору?

— Да.

— Ну, если у вас имеются нужные номера телефонов...

— Не смешите, — фыркнул Геральт. — Чтобы у крупнейшего банка Харькова не было выхода на губернатора?

Менеджер холодно улыбнулся:

— Простите, но служащие банка не обсуждают подобные вопросы с клиентурой, а банк не предоставляет подобных услуг.

Геральт поиграл желваками на щеках, хмуро убрал чек в карман, отодвинул с дороги клерка и направился к выходу. Семен со Сход Развалычем переглянулись и поспешили за ним.

Пройдя половину расстояния до дверей, Семен спохватился, трусцой вернулся к дивану и забрал позабытую Геральтом новенькую сумку.

Менеджер и клерк провели странную компанию долгими внимательными взглядами. Можно было не сомневаться, что губернатору о необычных визитерах банк сообщит очень оперативно.

На улице Геральт первым делом схватился за мобильник.

Набрав номер, он принялся нервно расхаживать около джипа. Тип в униформе тарашился издали, но предпочел не вступать.

— Халькдафф? — наконец дозвонился Геральт. — Поговорить нужно. Куда подъезжать? На завод? А губернатор где? Там же? Отлично, сейчас буду!

Геральт стал несколько менее мрачным. Даже наоборот, в нем народилась здоровая злость, как перед дракой за правое дело. Хотя еще совсем недавно казалось, что расшевелить потухшего ведьмака вряд ли удастся.

«Трудности, — подумал Семен. — Наверное, это даже хорошо, что они есть. Отвлечется, побеждает... Как ни крути — жизнь-то продолжается. Рука — это, безусловно, много, но еще не все».

— Едем! — скомандовал ведьмак. — На хэ-тэ-зэ, к управлению!

Семен с готовностью уселся за руль, джип с меньшей готовностью устремился вперед.

— Гады они; — неожиданно прокомментировал ситуацию Сход Развалыч, когда проехали примерно половину дороги. — Заварили, понимаешь, кашу, расхле-

бал ее чуть ли не в одиночку ведьмак, а платить, как всегда, некому.

Геральт не отозвался, судорожно вцепившись единственной рукой в поручень на торпедке.

До самого завода он не проронил ни слова.

Стоянка, проходная. У будочки скучали бандитского вида орки, по случаю визита хозяйских гостей облаченные в новенькую вахтерскую форму и даже нахлобучившие фуражки с зелеными околышами, чего вахта клана ни на одном заводе сроду не делала даже в самые чудные времена.

— Куда? — Один заступил дорогу Геральту, но ведьмак бешено взглянул на орка, и тот отшатнулся, узнавая.

— А... Это ж ведьмак, — пробормотал второй орк. — И вы с ним?

Семен важно кивнул, стараясь держать заданную Геральтом марку.

— Сенья, проводи... — буркнул старший орк коллеге и лениво потянулся к телефону в будочке при турникетах.

Самый молодой из орков призывно махнул рукой, направляясь к лифту.

Геральт, Семен и Сход Развалыч последовали за ним.

В управлении повсюду горел свет, исправно работали лифты и кондиционеры — завод опять подключили к источникам техники. Наверное, и безобразный пролом в стене начали заделывать, и проволочную систему восстанавливать... Завод есть завод. Жизнь здесь трудно остановить даже бесчинствами действующего трансформера.

На третьем этаже коридоры были устланы коврами. Мгновенно почувствовалась начальственная роскошь, во всем — в отделке стен, в обитых кожей дверях кабинетов, во многочисленных вазах с цветами, в чистоте...

Директорский кабинет располагался рядом с залом для совещаний. За первой дверью открылась общая приемная, где скучали уже надоевшие взору охранники. На этот раз не в униформе, не в строгих костюмах, а по заводскому обычаю разряженные в цветастые рубашки и просторные куртки-толстовки с капюшонами, в пестрые свободные штаны и туфли с квадратными носами. Не обращая внимания ни на кого, Геральт пересек приемную и бесцеремонно врезал по двери здоровой рукой. Несмотря на чувствительный удар, дверь распахнулась почти бесшумно.

— ...все видели ржавый остов рядом со складами? Это останки точно такого же механизма, толь-

ко более крупного! — горячо втолковывал присутствующим незнакомый безусый заводчанин, явно техник, хоть и молодой.

Геральт вошел.

Халькдафф, остановив взгляд на пожаловавшем ведьмаке, тем не менее не прекратил разговора:

— Ты полагаешь, что молодой трансформер не случайно избрал это место в качестве отправной точки для набегов? Полагаешь, он пытался отомстить за предка или по-своему продолжить его дело?

— Не обязательно! — ответил молодой. — Возможно, есть нечто, что тогда притянуло внимание того трансформера, а сейчас — нашего.

— Секундочку! — прервал спор губернатор. Встать он, естественно, и не подумал.

Губернатор сидел по правую руку от эльфа со смутно знакомыми Геральту чертами лица. Эльф, в свою очередь, сидел во главе стола. По левую руку от него расположился Халькдафф, еще дальше — техник Харькова, а глава заводского клана Даркин на правах хозяина облюбовал перекладку Г-образного отростка от основного стола. Остальные живые в количестве семи заняли стулья напротив Даркина. Одним из этих семи был техник Римас, сидящий чуть обособленно от остальных. Особняком держались несколько групп охранников — заводские, Халькдаффа, второго эльфа, техника Римаса...

— А вот и наш герой, — насквозь фальшиво провозгласил губернатор. — Что привело тебя в нашу скучную компанию?

— Деньги, — без обиняков открылся Геральт. — Мне отказались платить по чеку.

— Ай-ай-ай, — всплеснул руками губернатор. — Какое безобразие! Эй, Римас, что происходит? Может, пояснишь?

Техник из киноцентра соизволил оторвать тяжелый взгляд от столешницы.

— Ты еще спрашиваешь? — угрюмо отозвался он. — Сам меня разорил, да еще и ведьмачий гонорар на мое отделение повесил?

— А ты чего ожидал? — Губернатор недоуменно пожал плечами. — Расшевелил этот ужас, так плати, жизнь тебя побери!

— Господин губернатор! — встрял в перепалку Геральт, понимая, что в данную минуту препираться с техником Римасом совершенно бесперспективно. Благородное со-

брание сейчас занималось тем, что методично поедало техника Римаса. И по лицам присутствующих становилось очевидно, что если жизнь Римаса, может, и сохранит, то местечко свое теплое — однозначно нет. — Господин губернатор, не могли бы вы выписать другой чек? А прежний я верну.

Лицо губернатора вмиг стало скорбным, но непоколебимости при этом не потеряло.

— Увы, мой друг! В момент выписки чека Тамовское отделение «Равновесия» было еще вполне платежеспособным.

— Но тогда мне отказались выплачивать деньги вплоть до вашего распоряжения! Которого, увы, не последовало! — Геральт злился, но старался сдерживать себя. — Я согласился сначала выполнить работу, против всех ведьмачьих правил, согласился только из-за грозящей городу опасности! И что теперь? Обман?

— Почему обман? — удивился губернатор, с виду совершенно искренне. — Забирай свои деньги, пожалуйста, если сможешь! Я, губернатор Харькова, выделил тебе оговоренную сумму из местных средств. А именно — из средств отделения банка «Равновесие». Банк должен тебе денег, а не я! Какие могут быть претензии к губернатору? Ты понимаешь, ведьмак?

— То есть вы отказываетесь платить? — напрямую спросил Геральт.

— Я? Да ни в жизнь! Если кто и отказывается, так это техник Римас, владелец Тамовского отделения банка.

— Я банкрот, — устало уточнил Римас, растерявший всю свою важность перед лицом более могущественных, чем сам, персон. — Я бы заплатил, если б было чем.

Геральт взглянул на Халькдаффа. С надеждой. Но тот лишь беспомощно мигнул: мол, ничего не могу сделать! Я всего лишь магистр с выставки... Пока трансформер был жив и угрожал не только Харькову, но и окрестным районам — я мог давить на губернатора, а теперь...

— Господин губернатор! — чеканя каждое слово, промолвил Геральт. — Отказав в гонораре ведьмаку, в виде исключения выполнившему работу без предоплаты, вы навлекаете на себя большие неприятности.

Губернатор широко улыбнулся:

— Ба! Да мне, кажется, угрожают! И кто? Ведьмак-калека? С ума сойти.

Халькдафф спрятал взгляд за поднесенной ко лбу ладонью. Зато эльф со знакомым лицом повернулся в сторону губернатора:

— Хорошо подумай, прежде чем так поступать, — сказал он отстраненно и снова умолк.

— Господин Техник! — Губернатор враз исполнился вежливости и даже чуть склонил голову. — Я справлюсь с этой проблемой своими силами. Ручаюсь.

В этот момент Геральт сообразил, кто сидит во главе стола.

Техник Большого Киева. Живой, не имеющий формальной власти, но имеющий огромное влияние в самых высших кругах. Главный Техник гигантского города-мегаполиса.

— Ты сказал, — равнодушно заметил Техник.

Геральт повернулся, чтобы уходить — зачем же еще? Семен и Сход Развалыч, так и не осмелившиеся отойти от дверей, невольно шевельнулись. Но тут из приемной донесся неясный шум, низкие орочьи голоса, а затем дверь снова распахнулась. На пороге возник один из охранников Даркина, держа за шиворот снова ее — злосчастную девчонку из котельной, на этот раз отмытую, причесанную и одетую в чистое, а не в засаленный полукомбез.

Геральт замер, встретившись с нею взглядом. И девчонка под этим взглядом обмякла, как тряпичная кукла, перестала упираться. Охранник легко вытащил ее на центр и пробасил, обращаясь к главе клана:

— Босс! Вот она.

— Можешь идти, Толян, — отослал его Даркин.

Охранник с достоинством удалился, плотно затворив за собой дверь.

Даркин кашлянул, покосился на присутствующих высокопоставленных гостей и обратился к Геральту:

— Ведьмак! Я не знаю, кто и сколько тебе должен за смерть оборотня. Но я знаю одно: ты пострадал из-за этой девки, а она вроде как с моего завода. Она твоя, ведьмак. Можешь ее убить, можешь отпустить, можешь забрать с собой, твое дело. Я сказал.

Воцарилась странная тишина — именно странная.

Семен мучительно ждал реакции Геральта — почему-то он был уверен, что ведьмак девчонку отпустит. Иначе все его действия за последние дни теряли смысл, тот высший смысл, который вопреки всему существует в жизни, существует наряду с такими неудобными и неблагодарными понятиями, как честь, долг, доброта и справедливость...

— Моя, говоришь? — переспросил Геральт, оценивающе глядя на девчонку. — Очень кстати.

Семен ждал. Затаив дыхание.

— Господин Техник, — обратился Геральт к эльфу во главе стола. — Я прошу санкции на обращение этой девушки в рабство на том основании, что по ее вине я лишился руки, правой руки. Мне трудно теперь обиходить себя и почти невозможно зарабатывать на хлеб... пока. Я нуждаюсь в ее руках и нуждаюсь в праве приказывать ей.

— Да будет так, — без колебаний согласился Техник.

Девчонка смертельно побледнела, став такой же полупрозрачной, как последние пару дней Геральт.

Недвижимый Семен переваривал услышанное.

Рабство. Искключительное в Большом Киеве состояние некоторых живых. Собственно, теперь эта девчонка становится собственностью Геральта. Как вещь. Ведьмак действительно может ее убить, может заставить делать что угодно, и ни единая душа на всем белом свете не вправе упрекнуть его.

Потому что в рабство просто так не попадают.

Мимолетная суета в кабинете ускользала от внимания Семена. Секретарь с папиллятором, снимающий с девчонки отпечатки пальцев; хмурый орк с паяльником-клеймителем, выпрашивающий у Геральта внешний вид его личного знака; вопль девчонки, когда горячее железо навсегда ставит отметину на ее щеку...

Семен ожидал от ведьмака совсем не этого.

Запомнил только, что, покидая кабинет, Геральт пристально поглядел в глаза губернатору. И во взгляде этом читался приговор.

К джипу они спустились в полном молчании. Девчонка с пунцовым ожогом на щеке, злой Геральт, ничего не понимающий Семен и все понимающий Сход Развалыч. Семен не знал, что говорить Геральту и нужно ли ему что-либо говорить. Орк был совершенно, совершенно растерян.

Рядом с серебристой «Хортицей» успел припарковаться пошарпанный внедорожник «Случь». Завидев его, Геральт запнулся и остановился, не дойдя до стоянки десятков-другой шагов.

Встали и остальные.

А из внедорожника неторопливо выбрались двое. Оба были крепкими, худощавыми и производили впечатление очень сильных живых. Кроме того, оба были абсолютно лысыми, и обритую голову каждого украшала затейливая татуировка.

— Здравствуй, Геральт, — поздоровался один.

В его голосе не читалось ничего: ни приязни, ни угрозы.

— Здравствуй, Койон...

Второй просто коротко кивнул.

— Как твои дела, Геральт?

— Плохо, Койон. Денег я, как и опасался, не получил. Чек был выписан на банк, принадлежащий технику Римасу. Вчера банк успешно лопнул.

— Это действительно плохо, Геральт.

— Я знаю, Койон.

— Кто это с тобой? — поинтересовался второй незнакомец.

— Это — живые, которые зачем-то помогали мне. А это — моя рабыня.

Взгляды лысых коллег Геральта скользнули по свежему ожогу на щеке несчастной девчонки.

— Старый кобольд, — промолвил тот, которого Геральт называл Койоном. — Здравствуй, старый кобольд.

— Здравствуй, ведьмак, — поздоровался Сход Развалыч.

Койон пару секунд глядел на него, потом перевел взгляд на Геральта:

— Поедешь с нами. В дороге и поговорим. Ты уже отрезал своей рабыне язык?

— Нет еще, — нехотя ответил Геральт.

Девчонка охнула, закатила глаза и наладилась шлепнуться в обморок. Геральт еле успел подхватить ее здоровой рукой.

Второй ведьмак тут же помог ему.

— Семен, — попросил Геральт, — открой машину. Я возьму ружье.

«И рюкзачок», — мысленно добавил орк.

Действовал он как в тумане. Вынул ключи из кармана, открыл дверцу, подождал, пока Геральт заберет свое, старательно орудуя одной левой.

— Сумка! — напомнил он, спохватившись.

Пустую сумку взял Койон, неторопливо приблизившись к «Хортице».

Семен ожидал любого финала этой истории, но не такого чудовищного в своей неправильности.

Ведьмаки и девчонка давно забрались в «Случь» и умчались куда-то на восток, растворившись в нескончаемом автомобильном потоке проспекта. А орк и кобольд все стояли у управления ХТЗ и таращились вдаль, Семен — потерянно,

Сход Развалыч — просто задумчиво.

— Его убьют? — мрачно поинтересовался Семен.

— Не знаю, — ответил кобольд. — Правда не знаю. Он ведь действительно нарушил ведьмачий кодекс. Отработал без предоплаты... И денег в итоге не получил.

— А с этой что будет, если его убьют? — Семен, несомненно, имел в виду рабыню.

— Не знаю, — вздохнул Сход Развалыч. — Правда не знаю. Я не настолько близок к ведьмакам. — Впрочем, — добавил он пару секунд спустя, — даже если бы и знал, ничего бы я тебе не сказал, Семен. Уж прости за прямоту.

— Шагнуш тодд, — выругался орк. — Совсем недавно я возил клиентов на своей «Деснухе» и был уверен, что в этом мире есть настоящие живые, для которых честь и порядочность — не пустые слова... А теперь?

— Ты не переживай, — неожиданно улыбнулся Сход Развалыч. — Они действительно есть, эти живые. Просто не всем об этом нужно знать.

Семен с удивлением поглядел на кобольда и вдруг понял, что тот говорит совершенно искренне.

«Случь» мчалась по крайнему левому ряду, то и дело сигналя фарами разнообразной роскошной четырехколесной братии. Некоторые пропускали, некоторые пытались не пустить, но Койон за рулем все равно быстро обходил упрямцев и оставлял их далеко позади. Дома так и мелькали за чуть затененными стеклами дверей.

Обожженная щека девчонки уже была спрыснута чудодейственным ведьмачьим аэрозолем, а Ламберт миролюбиво втолковывал ей:

— Никто тебе отрезать язык не собирается. Это так, всего лишь иносказание. Тебе неизбежно придется научиться молчать, хочешь ты этого или нет, ибо все, что связано с ведьмаками, совершенно не предназначено для посторонних ушей. Молчать все время, пока у нашего друга не отрастет рука и покуда твоя помощь не станет ненужной. И дальше тебе придется молчать. Научишься, никуда не денешься — у тебя просто нет другого выхода.

— А потом? — робко поинтересовалась девчонка.

— А потом, как твой хозяин решит — так и будет. Ты ведь на самом деле угодила в рабство.

Девчонка несмело взглянула на Геральта, откинувшегося на спинку переднего кресла.

— А... у него правда вырастет рука? Новая?

— Правда, — серьезно подтвердил Ламберт. — Сколько тебе раз калечило руку, а Геральт?

— Правую? — сонно переспросил Геральт. — Это четвертый.

— А левую?

— Левую два раза. И оба раза только кисть.

Девчонка протяжно вздохнула.

— Даже не верится...

— Можешь не верить. Но это так. Ведь мы — ведьмаки. Чудовища. Мутанты. Все, что болтают о нас живые, — правда... для живых. А как обстоят дела на самом деле — это вопрос отдельный.

Покачав головой, девчонка тихо сказала:

— Странно это... Выглядеть в глазах всех горожан чудовищами... Не слишком ли велика цена за спокойствие города?

Ламберт неожиданно улыбнулся.

— Наивная ты. Никакая цена не высока, если речь идет о спокойствии города. Любого города. Да и не считаю я такую цену излишне высокой. И вопрос цены — действительно отдельный вопрос. Поверь.

— Кстати о цене, — встрял Койон, на миг отвернувшись от дороги: он вполне доверял верному внедорожнику. — Не поднять ли цену губернатору Харькова, когда вернемся. Например, вдвое?

— Поднять, — сквозь зубы подтвердил Геральт. — Вот поправлюсь, вернемся, тогда и поговорим о новой цене. Думаю, война за заводские линии между техниками уже утихнет. Тут-то мы о себе и напомним.

— Да, вот еще что, — обратился к Геральту Ламберт. — Мы тут посовещались намеренно... Думаю, тебе даже не придется менять имя и внешность. Весемир тоже не против.

— Это хорошо. — Геральт веселел на глазах. — А то я, знаешь ли, привык уже...

Пошарпанный внедорожник неся на восток, к границе Большого Киева. Далеко-далеко, в стороне от трасс, ведьмаков ждал закрытый городок Арзамас-16. Единственное место на Земле, где они осмеливались быть самими собой и где из-за этого не приходилось вспоминать о ценах.

Не приходилось.

Совсем.

*Октябрь — декабрь 2000 г.
г. Николаев*

РАССКАЗЫ

Александр Громов

ГЛИНА ГОСПОДА БОГА

Нет участи хуже, чем подавиться за обедом. Это я вам точно говорю.

Почему?

Потому что знаю.

Само собой разумеется, на свете существует великое множество иных опасных неприятностей, на своем мегавеку я повидал их предостаточно. До сих пор вздрагиваю, вспоминая, как во время Большого землетрясения прямо под моими ногами разверзлась трещина — та самая, которая позднее превратилась в Атлантический океан, — так что мои задние ноги остались попить большой из кусков разломившейся Лавразии, а передние конечности устремились на запад вместе с Новым светом... словом, не обхвати я тогда хвостом ближайшую секвойю, худо бы мне пришлось. В ту эпоху хвост был полезным эволюционным приобретением, в чем я неоднократно убеждался на практике. Теперь-то, конечно, все иначе.

Но я отвлекся.

Помимо землетрясений, мало радости доставляют также ураганы, удары молний (для очень высоких существ), лесные пожары, ледниковые периоды, всемирные потопаы, а также падения астероидов и кометных ядер более десяти километров в поперечнике. Трудно рассчитать так, чтобы не оказаться в ненужном месте в нужную минуту. Что до войн новейшего времени, то есть начиная примерно от Рамзеса Великого, то они хуже всех пережитых мною вулканических извержений, вместе взятых. Я уже не гово-

про о современных самодавящих и саморасчленяющих транспортных средствах и иных новомодных напастях, к которым не успеешь толком приспособиться, как — р-раз! — и приспособляться уже не надо, да и некому. Но хуже всего, повторяю, подавиться за обедом, особенно если поблизости нет никого, готового хлопнуть тебя по спине. С одной стороны, эта смерть далеко — и очень далеко! — не мгновенная, с другой стороны — природное естество не успеет прийти тебе на помощь. Ему, естеству, для этого требуются не секунды и даже не минуты — дни и недели.

Само собой, только для мелких трансформаций. Для крупных — больше.

Побувал бы тех, кто любит болтать за обедом да еще обращается при этом ко мне! А уж любителей рассказывать за столом анекдоты, особенно смешные, я бы судил по всей строгости за покушение на убийство при отягчающих обстоятельствах и приговаривал бы к ампутации языка. «Когда я ем, я глух и нем!» — думаете, с чьей подачи придумано и пошло гулять по свету? С моей! А много ли толку? Очень жаль, что нельзя заставить болтунов принимать пищу с клепом во рту.

Один из таких типчиков, достойный того, чтобы к его языку привязали пудовую веригу, как раз сидит напротив меня с супругой и переводчиком и не столько жует, сколько расточает комплименты еде, напиткам, обстановке, русскому гостеприимству и черт знает чему еще, переводчик уже вспотел, попевая за ним, а мне каково? Не всякий раз можно отделаться обаятельной улыбкой, иногда надлежит ответить, а то и предложить тост. Не-на-ви-жу!

Не то беда, что мне приходится скрывать свое знание ста семидесяти языков и наречий, признаваясь во владении лишь двумя-тремя, а то беда, что я боюсь за свою жизнь. Двухногим эфемерам, обильно расплодившимся за последние несколько тысяч лет, и то случается задохнуться, отправив не в то горло кусок пищи, — это с их-то ничтожным периодом жизни! Попробуйте пожить с мое — я очень удивлюсь, если страх подавиться пищей не вытеснит из вашего подсознания все остальные страхи после миллиона-другого прожитых лет. Землетрясения и покушения на президентов случаются куда реже, чем застолья. Теория вероятностей против меня. Иной раз и хотел бы уклониться, да нельзя — регламент.

Слушаю с любезной миной. Кусочек севрюжьего бока великолепен — но обожду жевать. Пусть сам подтает во рту, а потом я его сглотну быстренько.

Главное — улучшить момент.

Оп! Сглотнул. Вовремя. Пожалуй, повременю втыкать вилку в следующий кусок...

Нет, все-таки человек — парадоксальное существо. Если он, как я думаю, всего лишь желудок, который в процессе эволюции обзавелся руками, ногами и мозгами с целью облегчить свое наполнение пищей, — так и наполнял бы на здоровье! Но молча. Не-е-ет... Мозг мешает. Избыточен. Кто много о себе понимает, тот всегда мешает другим.

А ведь было, было счастливое время одних только желудков! Сам-то я, понятно, этого не помню, поскольку и у меня тогда не было мозгов, а были лишь две клеточные стенки — внешняя и внутренняя. Мешок. Желудок в чистом, неиспорченном виде. А с ресничками, нагнетающими воду, — уже примитивное кишечно-полостное существо, не хуже и не лучше других. Вот с ресничек-то, боюсь, все и началось... Но разве я виноват, что они выросли?! Разве я хотел этого? В то время мне и хотеть-то было нечем...

Признаться, не я додумался до мысли о том, что у Господа Бога было под рукой два сорта глины, — это сделал один из моих родственников еще во время, впоследствии прозванное эфемерами пермским периодом. Распустив на утреннем солнышке колючий наспинный веер и неодобрительно косясь на приближающуюся тень от гигантского хвоща, родственник изложил мне свою теорию.

— Самосохранение живой материи — величайшее из эволюционных приобретений, не так ли? — лениво размышлял он вслух, а я соглашался, брезгливо рассматривая других греющихся диметродонов, явных эфемеров и нам не конкурентов. — Теперь рассмотрим два пути, которыми могла пойти природа. Путь первый: наделить живое существо практическим бессмертием и пластичностью, позволяющей существу изменяться в течение всей жизни, в идеале бесконечной, приспособляясь к давлению внешних обстоятельств. Таким образом, самосохранение обеспечивается тут на уровне особи. Путь второй: ограничить срок жизни существа ничтожной величиной, — тут и он покосился на эфемеров, — зато обеспечить им случайную и сугубо избыточную изменчивость в потомстве. Случайную, понимаешь! Я уже не говорю об их идиотском половом размножении и

совершенно безумной плодовитости. Тут самосохраняется не особь, а племя, вот потому-то эфемеры столь многочисленны, не то что мы...

И он рывкнул на эфемерную мелюзгу, совершавшую робкое поползновение заползти погреться на солнечный склон дюны, уже занятый нами. Обрушивая песок, мелюзга в панике ссыпалась вниз и булькнула в болото.

Родственник долго молчал. Затем обвел ироническим взглядом окружающий ландшафт.

— Эфемеры! — изрек он с презрением. — Любой из нас шутя задавит десяток таких, как они. Мы крупнее, проворнее, у нас больший наспинный веер, мы скорее обретаем подвижность после ночной прохлады. А главное — мы умнее. В сущности, мы похожи на них только потому, что в этом облике нам легче живется. Сиюмоментный оптимум, понимаешь? Ты знаешь, что такое оптимум? Это то, что позволяет нам существовать вечно при неизменности условий нашего существования. Например, способность думать. Но я думаю и не могу себе представить: кем я стану впоследствии, очень нескоро, словом, когда у меня исчезнет этот дурацкий теплообменник на спине? Что я приобрету вместо него? А ты? Будем ли мы по-прежнему похожи друг на друга, или наши пути разойдутся?

Я лишь пробурчал в ответ что-то нечленораздельное и погрузил лапы в песок, потому что как раз в эту минуту порыв ветра, ударив в мой колючий парус, сделал попытку сбросить меня со склона дюны. Но родственник и не ждал от меня реплики.

— Кто в ответе за нас? — риторически спросил он и сделал попытку хапнуть пастью гигантскую стрекозу, пролетавшую чересчур низко. — Если мы изменяемся, оставаясь телесно и духовно оптимальной формой жизни при любых изменениях этого мира, — продолжал он, следя за суматошным полетом увернувшейся от челюстей стрекозы, — значит, это кому-нибудь нужно. И если эта мысль верна, а я думаю, что она верна, возникает любопытнейший вопрос: Он, который дал нам разум и память, — Он понимал, что когда-нибудь мы осознаем Его существование? И попытаемся постигнуть Его сущность? И я спрашиваю себя: зачем Ему это нужно? Для чего Он вообще отделил одну глину от другой?

Признаюсь, вопрос, на сей раз обращенный ко мне, поставил меня в тупик. О таких материях я как-

то не задумывался. Сам-то я помнил себя еще с тех времен, когда ползал по дну лагуны панцирной рыбой, причем далеко не кистеперой, но никогда не считал этот факт достаточной причиной для философствований. Появилась соображалка — и очень хорошо. Соображай. И, поднатужившись, прими как факт, что не все на этом свете от тебя зависит.

Например, то, кем ты станешь через столько лет, сколько чешуек на твоих боках. А то и через год — бывали случаи! Царем природы и грозой эфемеров — это понятно. Иначе и быть не может. Но каким?

— Наша глина лучше, — указал я на очевидное, нежась под ласковыми лучами солнышка, поднявшегося уже высоко и начинавшего припекать.

Мой родственник посмотрел на меня со снисходительным сожалением, как на несмышленика. Он был умнее, и я это признавал. В те давние годы, когда я, по его словам, имел еще не мозг, а какой-то неудобопонятный ганглий, ему уже повезло стать большим головоногим моллюском с навороченным мозгом последней модели. Он просто раньше меня начал мыслить, вот и все. Если не врет, конечно.

— Ты не понял, — сказал мой родственник. — Необходимы оба пути, обе глины. Не будь второй, где бы мы брали пищу?.. Кстати, вон там, по-моему, очень подходящий растительный... ты не находишь? Вон, вон, к водопою пошел... Ты как, уже прогрелся? Тогда побежали, как раз перехватим...

И мы побежали.

Царь навеки — вот как я называл себя, когда уже стал человеком и посмотрелся на разных царей (а некоторыми был и сам, что греха таить). Цари навеки — таковы были и мои родственники. Глина высшего сорта. Вершина пищевой пирамиды всегда и везде. Существа, уязвимые разве что для слепой стихии, но не для зубов эфемеров, напади они хоть целой стаей. И притом, что любопытно, зачастую копирующие внешний облик тех же эфемеров!

Точнее, они копировали нас. Взять хотя бы тех же диетродонов или, скажем, зверозубых горгонопсов... Все-таки цель у нас и эфемеров была общая, вот только достигали мы ее разными путями. Почти всегда мы успевали раньше, ну и, естественно, пировали на отходах эволюции второсортной глины. При прочих равных мы зачастую были сильнее эфемеров одного с нами облика, а умнее —

всегда. Если бы мы размножались, как они, то еще в карбоне подъели бы их всех без остатка, а дальше, боюсь, принялись бы друг за друга — тут мой родственник был совершенно прав.

Века полтора назад я хохотал над спорами ламаркистов и дарвинистов — этим чудикам так и не пришло в голову, что правы (в первом приближении) обе стороны! Зачем навязывать природе (или Ему?) примитивные ремесленные навыки — мол, делай то, не смей делать этого?.. Да что понапрасну обижать ремесленников! Любой гончар времен Хеопса, и тот знал, что к глине каждого сорта необходим свой, особый подход.

Кстати о Хеопсе... Все-таки зря я тогда приказал выстроить ту пирамиду. Ненужное баловство, и только. Презрение к эфемерам — еще не повод для сомнительных экспериментов над ними. Хорошо еще, что египтяне исстари были народом терпеливым и законопослушным — не убили не только меня, но и почти никого из моих подражателей, которых развелось несчетно! А ведь никто из них меня так и не переплюнул... Куда им, второсортным!..

О чем это я? Гм, отвлекся... Да, об особом подходе!

Так вот. Взять хотя бы меня. Не спорю, быть клыкастым горгонопсом приятно во всех отношениях, но лишь до тех пор, пока вокруг хватает упитанной и неповоротливой дичи. Чума на этих эфемеров! Не прошло и миллиона лет, как самые ушлые из них видоизменились вслед за нами точно так же. Плагииаторов во все времена было пруд пруди. Понятно, до наших статей им было далеко во всех отношениях — и клыки у них были короче, и бегали они немногим лучше крокодилов, а главное, не блистали интеллектом, — но все же дичи стало так мало, что мы уже не брезговали нападать на невкусных зверозубых плотоядов, да и они на нас тоже пытались — какой глупости с голодухи не выкинешь! Вот тут-то я безошибочно почувствовал, что долго мне горгонопсом не быть... да и не первый раз почувствовал, кстати. Когда я пребывал в облике стегоцефала, случилась та же история. Ну и предчувствие, как водится, не обмануло...

А кем быть? Каким быть? Господи, да разве это можно узнать заранее! Кто ж меня будет спрашивать! Высшая форма живой материи, наиболее приспособленная к индивидуальному выживанию в данной среде, — и точка.

Кем я был в середине триаса, вам не понять, в палеонтологических музеях таких скелетов нет, да и

не может их быть — я-то жив! Разве что кто-то из моих родственников случайно пошел по тому же пути и столь же случайно погиб — но тут, во-первых, его останки надо еще найти, а во-вторых, разбросало нас в ту пору сильно, очень сильно...

Сейчас, когда я стараюсь не пропускать ни одной палеонтологической новинки, касающейся крупных позвоночных, мне совершенно ясно, что одна-две кости, в лучшем случае полскелета, раскопанные однажды и не найденные во втором экземпляре, сколько их ни искали, — почти несомненно останки того или иного моего родственника. Просто им меньше повезло, чем мне. Мы ведь тоже смертны, хотя и не дряхлеем с течением времени.

Нет, нам не были страшны хищники — куда им! Любой из нас мог бы переломать тираннозавру кости одним ударом хвоста. Когда континент разломился и я остался в Евразии, плюнув вслед неспешно удаляющейся Америке, мы с одним моим родственником (не с тем философом — его я не встречал с верхнего триаса) какое-то время прекрасно себя чувствовали в облике десятиметровых рукастых ящеров и очень лихо сворачивали шеи безмозглым тарбозаврам, если те начинали слишком уж нагло приставать. Признаться, они нам порядком надоели, и я был рад, когда эти бегающие пасти исчезли с лица планеты. Туда им и дорога. Глупо растить пасть за счет мозгов.

Совсем недавно моего родственника раскопали палеонтологи — вернее, раскопали то небольшое, что от него осталось. Я чуть было не всплакнул. Назвали дейнохейрусом — выдумают же имечко! Теперь эти наивные ищут второй экземпляр и, конечно, не понимают, что никогда его не найдут. Нас было только двое, и второй экземпляр — это я.

Голод был серьезнее хищников, но и он нас не страшил: если не ладилась охота, мы успевали видоизмениться прежде, чем погибали от бескормицы, и добыча вновь чуть ли не сама лезла под клыки. Стихийные бедствия — это уже серьезнее. Трудно за сотню миллионов лет ни разу не попасть под молнию, если ты возвышаешься над окружающей природой подобно колокольне — а попробуй-ка сверни тарбозавру шею, если ты меньше! А как мне приходилось спасаться от лесных пожаров! О камнепадах, селях, прорвавшихся озерах лавы и топких асфальтовых озерах я уже и не говорю. Но сколько их, моих родственников, погибло

в мезозое, подавившись куском гадрозавра или диплодока, — это же уму непостижимо!

Да, мы размножались. Что до меня, то я в мезозое почковался трижды — один раз в триасе и два раза в нижнем мелу. Не знаю, что случилось с моими отпрысками. Некоторые из нас гибли, но все же мы медленно, но верно наращивали численность, и я, вспоминая слова моего родственника-философа, начинал уже задумываться о том, что когда-нибудь на наше пропитание не хватит эфемеров...

Наивный! Грянул кайнозой, крупная пища повымерла, и мы стремительно начали мельчать. Обиднее всего было удирать что есть духу от последнего тарбозавра — месяцем раньше от одного моего апперкота он гарантированно получил бы сотрясение мозга, даром что там сотрясаться почти нечему! Но я спасся, а тарбозавр вымер, наглядно продемонстрировав ущербность глины второго сорта.

Вообще-то и в креодонтах можно было неплохо жить, если знать как. Странно, конечно, видеть высоко над головой ветви, которые ты еще недавно ломал бедром, пробираясь по лесу, — но можно привыкнуть. Хуже, что и тут у нас мигом появились подражатели из эфемеров — знаете, шустрая такая, зубастая мелочь. От нее мне пришлось спастись в эндрюсархи, да и не мне одному, если судить по некоей ископаемой челюсти. А еще неприятнее было то, что и подражатели, и дичь умнели с каждым миллионом лет!

Словом, кайнозой не стал для нас золотым веком, но все же мы жили сносно, хотя и не процветали. До появления этих прямоходящих...

Стыд сказать: они обогнали меня! Они обогнали всех нас! Когда в мой бок (тогда я имел вполне выигрышное обличье саблезубого тигра) ни с того ни с сего впился острый камень, примотанный к длинной палке, я уцелел только потому, что, бросившись на обидчиков, показавшихся мне довольно хлипкими, оступился и кубарем покатился в овраг. По дну оврага я и удирал, а эти двуногие чем только не швыряли в меня с высоты!

Удрать-то я удрал, но был унижен. Эфемеры одержали надо мной верх! Несколько осторожных экспериментов наглядно показали мне, что с двуногими лучше вообще не связываться. И самое главное: я не нашел среди них своих сородичей! Вы понимаете? Не нашел! Второсортная глина опередила нас!

Какое-то время я мстил им, нападая на одиночек, а потом... ну да, правильно. Я стал похож на них. Не сразу, правда, — пришлось пройти стадию гигантопитека и, стыд сказать, питаться плодами. Тогда-то и подавился в очередной раз диким яблоком — честное слово, тут и умер бы, если бы от удушья не грянулся оземь, отчего кусок счастливо проскочил в нужное горло.

Но человеком я стал. Пришлось только научиться жить среди двуногих эфемеров, притом называя их дорогими соплеменниками. Противно, конечно, но тот, кто хочет жить вечно, не должен быть особенно брезглив.

Гораздо хуже то, что эфемеры короткоживущи. Правда, пока они были троглодитами, их изумление моим долгожительством можно было запросто игнорировать: в одном племени я был вождем на протяжении трех тысяч лет без всякого перерыва! Чудовищный срок для них — смешной для меня. И все же впоследствии я так и не приблизился к этому рекорду, даже когда звался Мафусаилом. Не те пошли времена, и я твердо уяснил себе: удивляй людей — но в меру! Тысячелетиями водить племя на охоту и на войну, уничтожать соперников и определять в котел состарившихся жен — это одно, а позволить себе прожить, не меняя обличья, хотя бы несколько столетий в довольно диком, но уже отнюдь не пещерном племени — это, согласитесь, совсем другое. Не поймут.

Пришлось изобретать способы ухода. А хуже всего было то, что жизнь пошла очень уж нервная: меня запросто могли удушить, отравить, зарубить или утопить всякий раз, как я, сменив личину, вновь карабкался наверх. Скажете, наверху опасно? Верно. Но внизу еще опаснее, это я вам точно говорю. Крестьянину куда труднее выжить, чем монарху, да и некомфортно к тому же. Солдату — тем более. Купцу, ремесленнику, чиновнику? Тоже не лучшие профессии в смысле сохранения шкуры. Мудрецу? Пробовал, но это хорошо далеко не во все эпохи. Мудреца всякий гопник норовит обидеть. Архимеда помните? Этот мой родственник открыл свой закон гидростатики еще в облике мозозавра, когда его однажды заперло отливом в мелкой лагуне, а как только он решил поделиться знанием с эфемерами — что вышло? Шел бы лучше в цари сильной державы, ей-ей!

Рамзесом Великим я не был, врать не стану, и Киром Великим тоже, а вот Соломоном, Юстинианом и тремя китайскими императорами — был. Словом, где уви-

дишь долгое устойчивое правление — ищи меня и с большой долей вероятности найдешь. Мне-то потрясения ни к чему.

Думаете, быть Соломоном и иметь семьсот жен оказалось хлопотнее всего? Ничуть. Главное, не допускать их к себе во время трапезы, а если и допускать, то не слушать. Шарики из воска всегда были при мне: заткнул уши — и пусть себе щебечут, а ты не реагируешь и не рискуешь подавиться. Да они, то есть жены, по правде говоря, и без меня убалтывались до такой степени, что при мне уже почти ничего не могли сказать. А что до неперенной царской обязанности продолжения рода, так ведь есть же для чего-то евнухи! Небольшой тщательно организованный недосмотр хирурга — и все в порядке, дети носят по двору стаями, да и жены довольны.

Разработать подходящую легенду для внедрения в цари, обзавестись надежной «родней» из эфемеров — о, на это иной раз уходили десятилетия! Незаметно, по-английски уйти, когда твоя долговечность на троне начала удивлять и раздражать современников, — это труднее, но при царских возможностях вполне осуществимо. Согласитесь, имея многочисленных подданных, сыскать похожий на правителя труп — не проблема.

Один только раз вышла накладка — с солдатом Масловым в Таганроге. Кто-то что-то заподозрил, и пошла гулять легенда об Александре Благословенном, инкогнито подавшемся в странники. Было дело, не отрицаю. А как мне иначе было скрыться для очередной метаморфозы?

Откровенно говоря, я с удовольствием процарствовал бы еще лет пятнадцать—двадцать, но что-то во мне, а может, наверху, вовремя почуяло: убьют. Не справа, так слева. От правых я, положим, отбоярился, загнав Сперанского туда, куда Макар телят не гонял, — а что было делать с меланхолическим Якушкиным и иже с ним? Как уберечься? Казнить направо и налево правых и виноватых эфемеров? Последний из моих родственников, подвизавшийся в качестве Иоанна Васильевича, попробовал было — и чем дело кончилось? Удушили подушкой в опочивальне. Что поделать, Россия вообще скверное место для самодержцев, будь они даже из первосортной глины. Второсортных — тех давили пачками.

Кто как, а я в двадцатом веке зажил спокойнее. При Иосифе Виссарионовиче не рыпался — тот эфе-

мер эфемером, скороспелый самоучка без всякого опыта, но каков был самородок! Иной раз прямо думаешь, что он тебе родственник, до того умелый! Приглядишься — ан нет, эфемер! Вот и говори после этого, что из дерьма не слепишь пулю. Я перед ним просто щенок, несмотря на опыт Хеопса, Соломона, Юстиниана и трех китайских императоров, вместе взятых. Только вынет трубку изо рта, скажет неторопливо: «Лазарь, что там у нас со строительством московского метро?» — так докладываешь ни жив ни мертв, а тут и Ежик сидит с таким видом, будто сейчас в горло тебе прыгнет, как мелкий креодонт. Как раз дурацкие стишки пошли в прессе: «А товарищ Каганович был все время впереди...» Впереди Хозяина? Ох, думаю, припомнят мне того «подземного командира»! А ну как возьмут меня тут же по выходе, в приемной? Лагерь еще не так страшен, в лагере бы я быстро приспособился, — но разве лагерь для меня? К пуле в коридоре не приспособишься, вот в чем штука; она, пуля, нисколько не лучше куска, пошедшего не в то горло.

А какие застолья бывали у Хозяина! С тостами, разговорами, хохотом! Гопака заставлял плясать с Никитой на пару! Того и гляди подавишься, не прожевав кусок, и опрокинешься с сизой физией, а там гадай: спасет тебя медицина или рассеется лагерной пылью. Положим, до судеб эфемеров мне не было дела и нет, но себя-то жаль, я-то теоретически вечный! Вечный, но смертный. Притом подозреваю, что последний из глины высшего сорта...

Уйти? А как? Куда? Оттуда, куда я забрался, своими ногами не уходят. Добро, что Хозяин — эфемер, а значит, когда-нибудь помрет, хоть и кавказец. Терпеть, ждать...

Дождался. Думаете, легче стало? Да ничуть! Вдруг вижу — старею усиленно, чуть было не испугался. Потом сообразил: не просто так дряхлею, а по делу — естество приспособливается. Ну, намек я понял и окончательного маразма ждать не стал — пятьдесят седьмой год, антипартийная группировка, «ненавидим враждебные силы», с Шепиловым срифмованные, и тому подобное. Что ж, ему, естеству, виднее, как мне себя вести...

На этот раз очень долго ждать пришлось, чтобы обо мне все забыли, — вообще-то эфемеры редко доживают до девяносто восьми. И вот что интересно: впервые меня пнуло вниз, не дотавив до самого верха! Частный случай, конечно, но тогда я был всерьез обеспокоен деформациями в нашем мире. Это что же получается: наиболее безопас-

ное место — уже не на вершине пищевой пирамиды? А где же тогда? Быть простым гражданином, не защищенным от войн, болезней, транспорта, бытовой преступности, экспериментов правительства? Конечно, и правителей время от времени убивают, но не так же усиленно... Олигархом? Можно попробовать лет через сто, никак не теперь. Или естество вновь потащит меня в животный мир — скажем, зубром в охраняемый заповедник? Так ведь на каждый заповедник найдется браконьер, да и егеря себе отнюдь не враги...

Глупые мысли, верно? Так оно и оказалось. Деформации этого мира существовали лишь в моем воображении. Организация собственных похорон, новая метаморфоза и новая личина, осторожное внедрение — и вот я уже снова там, где мне сидеть два срока. Потом уйду, дам себе «состариться и умереть всеми забытый» на даче с надежной охраной, а потом опять... Если ничто не нарушит регламент, то через час я покину этот позолоченный каменный сундук работы архитектора Тона, а вечером выступлю по телевидению с краткой речью и начну ее так:

— Уважаемые соотечественники! Россияне!

Вершина пирамиды — да-да, и пищевой тоже. В первую очередь пищевой. А этот английский премьер из второсортной глины, захавший сюда с неофициальным визитом, опять болтает — не дает как следует закусить!

Терпение, только терпение... Ну вот, дождался. Обед в честь высокого гостя (провалился бы он в юрские слои!) окончен, и мы переходим в парадную гостиную, где побеседуем с глазу на глаз. Переводчиков можно отпустить — все знают, что я владею английским.

Премьер пробует задом кресло и остается доволен. Хитренько смотрит на меня и вдруг произносит на чистом русском:

— Не наелся, да? Сочувствую... А помнишь, как мы с тобой того растительоядного завалили?..

2000 г.

Дмитрий Громов

ТОЧКА ОПОРЫ

*Я оттуда, где реки водою полны,
Где пшеница в полях колосится всегда.
Там все люди имеют, что надобно им.
Но зачем я оттуда вернулся сюда?*

(«Марсианский пейзаж», группа UFO.
Пер. с англ.)

Игорь Симанков в очередной раз взглянул на часы. Без двадцати девять. Пора было выходить. На ходу дожевывая бутерброд с сыром, он сунул ноги в растоптанные львовские кроссовки на финской подошве, проверил, с собой ли пропуск, подхватил стоящий в прихожей «дипломат» и хлопнул дверью. Каждый раз ему казалось, что он опаздывает, и каждый раз он приходил за четыре минуты до звонка. Вот и сейчас Симанков спешил, хотя знал, что успеет вовремя. А купить сигарет все равно не успеет.

Правду говорят, что понедельник — день тяжелый. И что он начинается в субботу — потому что уже в субботу начинаешь с тоской думать, что в понедельник — снова на работу. Симанков не был лентяем или тупицей — он был вполне грамотным инженером, и работать он хотел — именно работать, а не создавать видимость, как почти все в его организации. То есть что-то эти люди все-таки делали, но результаты их труда потом аккуратно подшивались в папки, складывались на полки, пылились там лет десять или больше и в конце концов сдавались в макулатуру более молодым и предприимчивым сотрудникам.

При всем при этом (и это больше всего удивляло Симанкова) институт регулярно выдавал экономический эффект, сотрудники получали премии, ездили в коман-

дировки, защищались, и со стороны могло показаться, что институт и впрямь приносит немалую пользу.

Но Симанков-то знал, что это не так. Знали и другие, но молчали. И Симанков молчал.

Игорь свернул за угол, поднялся по ступенькам и толкнул дверь, на ходу доставая пропуск. На часах было без четырех девять. Как обычно. Он показал вахтеру пропуск и не останавливаясь прошел через проходную. Вахтер посмотрел на Симанкова с таким видом, будто он, Симанков, был шпионом иностранной разведки и вахтер это знал, но не имел доказательств, чтобы тут же его арестовать. Впрочем, он на всех так смотрел. Кроме директора. На директора вахтер смотрел, как на шпиона, только со спины. А при встрече вскакивал и отдавал честь. А директор всякий раз добродушно хлопал вахтера по плечу и шел дальше.

Симанков поднялся на третий этаж, расписался в журнале, поздоровался с сотрудниками и уселся за свой стол. Прозвенел звонок. Рабочий день начался.

На столе лежала записка от шефа. Шеф уехал на неделю в командировку и на это время оставил ему задание. Задание было пустяковое — дня на два, не больше. А потом до конца недели опять будет нечего делать.

Игорь со вздохом достал последнюю оставшуюся в пачке сигарету и отправился курить. Он неоднократно пытался бросить, но в институте некурящие были обречены на вымирание — от скуки.

...Симанков в последний раз затянулся, метко бросил окурок в урну и поплелся обратно на третий этаж, мимо таблички с перечеркнутой сигаретой. Настроение было тоскливое, работать не хотелось.

«Задание ерундовое, шефа нет, времени вагон, — думал он, снова усаживаясь за свой стол. — Можно часик и книжку почитать. Фантастику. Как раз с собой прихватил. Как чувствовал, что шефа не будет».

Игорь открыл «дипломат», достал оттуда аккуратно завернутый в газету небольшой томик, забаррикадировался тремя толстыми томами «Пособия по инженерной деятельности» Д. Н. Дубоглавского и раскрыл книгу.

Это чувство овладевало им каждый раз, когда он открывал новую книгу. Это было не чувство даже, а радостное предчувствие чего-то нового, неизведанного, захватывающего, чего-то такого, что в реальной жизни не

бывает. А зря. Зря не бывает. Симанкова вдруг охватило непреодолимое желание очутиться где-нибудь за тридевять земель отсюда, в какой-нибудь сказочной стране, где все не так, как здесь. Где еще не перевелись благородные рыцари, прекрасные дамы, бородатые пираты с ножами в зубах, космические пришельцы, великие ученые, гениальные сыщики и другие персонажи, которые на сегодняшний день в природе вымерли и встречаются только в книгах. И где нет столов, заваленных бумагами, пыльных томов в шкафах и безнадёжной канцелярской скуки.

В комнате что-то вспыхнуло. Все вокруг озарилось мягким, теплым розовым светом.

«Озонатор, что ли, опять шалит?» — мимоходом подумал Симанков.

Свечение начало меркнуть. Игорь хотел обернуться, но вдруг почувствовал, что этого делать нельзя.

«А ведь это не озонатор. Это...» — додумать он не успел. Свечение мгновенно усилилось, раздался громкий треск, как от высоковольтного разряда, и все вокруг померкло...

...Симанков пришел в себя почти сразу. С интересом огляделся по сторонам. Он сидел в песке, и вокруг, сколько хватал глаз, простирался песок. Сплошной песок. Но песок был голубым. А небо — зеленоватым.

Игорь почти не удивился. Он ждал чего-нибудь в этом роде. Он понял это еще тогда, когда по комнате распространился этот мягкий розовый свет. Он был там, куда хотел попасть. На другой планете, в другом измерении, в параллельном мире — какая разница? ЭТО — произошло! Свершилось! Теперь у него будет другая жизнь, полная приключений и опасностей, о которых он всегда мечтал.

Игорь улыбался все шире и шире по мере того, как до него доходила суть происшедшего. Наконец он вскочил и издал крик птеродактиля, впервые увидевшего паровоз, — здесь он не был связан никакими условностями.

Затем он снова сел и проверил содержимое своих карманов. Полкоробки спичек Борисовской фабрики, расческа, носовой платок, авторучка и записная книжка. Не густо. И солнце припекает. Симанков встал и внимательно осмотрелся по сторонам. На северо-западе на горизонте виднелось какое-то темное пятно. То ли горы, то ли город. Надо было идти. И Симанков зашагал на северо-за-

пад, поднимая за собой фонтанчики песка и оставляя цепочку неровных следов.

Желто-зеленое светило висело уже над самым горизонтом, когда Игорь наконец подошел достаточно близко, чтобы рассмотреть, что перед ним.

Это была скала. Огромная, черная, как казалось вблизи, подпирающая небо, скала. А вокруг — все тот же голубой песок.

Симанков медленно, все еще не теряя надежды, пошел в обход. Губы растрескались, во рту пересохло, сильно хотелось пить. Он шел как заведенный. Негнущиеся одеревеневшие ноги двигались сами собой, помимо его воли. Он хотел присесть отдохнуть, но ноги упрямо несли его вперед.

«Однако это не совсем тот мир, куда я хотел попасть», — невесело усмехнулся про себя Симанков. Он постепенно огибал скалу, одновременно приближаясь к ней. И тут, в последних лучах заходящего солнца, он увидел вход. Несколько грубых ступеней, высеченных в скале, вели к темному провалу, почти незаметному на общем черном фоне скалы.

Ноги сами понесли Симанкова вперед. Как в трансе, он поднялся по ступенькам, на секунду задержался и шагнул внутрь. Мрачный узкий коридор вел в недра скалы. Через несколько шагов Игорь оказался в абсолютной темноте, но продолжал идти вперед, не оглядываясь, ведя рукой по шершавой стене.

Он не знал, сколько ему пришлось идти. Показалось, что прошло минут десять, прежде чем впереди забрезжил свет. Игорь хотел ускорить шаги, но не смог — силы были на исходе. Он дошел до выхода и остановился. В голубом небе над горизонтом вставало нежно-розовое солнце. Утренний ветер приятно обдувал лицо. А внизу простиралась цветущая долина, которую он не раз видел во сне еще в детстве. Но тут в глазах у него потемнело, и он медленно осел на землю — это было что-то среднее между сном и обмороком.

Очнулся он от того, что кто-то лил ему на лицо холодную воду. Не открывая глаз, Игорь попытался поймать ртом плещущую на него струю. Поперхнулся, закашлялся и открыл глаза. Над головой было безоблачное голубое небо, и откуда-то оттуда, как показалось ему, прямо с неба, тонкой струйкой все еще сочилась вода, падала ему

на лоб, на лицо, разбиваясь на сверкающие радужные шарики капель, разлетающиеся во все стороны. Игорь встряхнулся и сел.

Над ним, на широком уступе скалы, в ленивой позе лежал тигр; передними лапами он придерживал ржавое жестяное ведро, из которого капала вода.

Симанков несколько удивился, но не испугался: в этой чудесной стране некого было бояться — он это чувствовал. Надо было что-то сделать, и Игорь сделал первое, что пришло ему в голову.

— Спасибо, — сказал он.

— Не за что, — ответил тигр.

Вот тут-то Симанков удивился по-настоящему. Видимо, у него был очень растерянный вид, потому что на морде у тигра появилось что-то вроде улыбки.

— Не удивляйтесь. Это техника. Преобразователь биотоков.

Только тут Игорь заметил на шее у тигра маленькую серебристую бляшку, напоминавшую медальон. Голос шел из нее, тигр лишь слегка приоткрывал пасть, не произнося ни звука.

— Я вижу, тут вам все ново. У нас будет время поговорить. А пока давайте знакомиться. Тэрри.

— Игорь.

— Очень приятно. Для начала предлагаю спуститься к ручью. Вам необходимо помыться. Вы пришли из радиоактивной пустыни.

— Как?! — Игорь даже подскочил.

— Да. Та пустыня — это Земля после ядерной войны. Не бойтесь, фон там небольшой. Но помыться все же стоит.

Игорь и Тэрри начали спускаться вниз, к ручью. Тэрри двигался бесшумно, его мощные, но мягкие лапы как бы обтекали все неровности почвы, сливаясь с ними. Игорь видел, как играли мускулы под полосатой шкурой — Тэрри это явно доставляло удовольствие. Игорь перевел взгляд на долину, раскинувшуюся внизу. Оттуда тянуло тонким ароматом свежести, цветов и яблок. Что-то было в этой долине от саймаковского «Кольца вокруг солнца», что-то от уэллсовской «Двери в стене», но было и что-то еще, неуловимо знакомое и родное.

— Что это за долина? — спросил он у Тэрри.

— Рай, — коротко ответил тигр.

Они подошли к ручью.

— Сперва искупайся сам, потом постирай одежду, — посоветовал Тэрри.

— А ручей?

— С ним ничего не сделается.

— Как это?

— Вот так. Его нельзя испортить. Ни химией, ни радиацией, ни грязью — ничем. Он восстанавливается.

— И здесь все такое?

— Кое-что.

Игорь поспешно стянул с себя одежду и прыгнул в воду. Вода была обжигающе холодной, и пару раз окунувшись, он быстро выбрался обратно. Выложив на камень все, что было в карманах, прополоскал одежду.

— Высохнет быстро, — заметил Тэрри, — а пока можем поговорить. Люблю потрепаться с новым человеком.

— А здесь кто-нибудь живет?

— Мы с Эмлин и две пары черных пантер.

— А из людей?

— Никого.

— А откуда тогда у вас этот... преобразователь?

— О, это длинная история. Вообще-то мы с Эмлин из романа ужасов.

— Не понял...

— Из романа ужасов. Чего тут непонятного? Здесь все из разных книг.

— Как?! Не может быть... Хотя... Да, и эта долина мне показалась знакомой. Что-то от Саймака, что-то от Уэллса.

— Совершенно верно. И еще от десятка авторов. А сами-то вы откуда?

— Я? Я вообще не из книги. Я из реального мира.

— Значит, вы просто не знаете, из какой вы книги.

— Да нет же, я не из книги. Я это точно знаю.

— Мы тоже думали, что наш мир — единственно реальный, пока не узнали, что все мы — герои книг, что наших миров множество, и при желании мы можем относительно легко перемещаться из одного в другой.

Игорь был совсем сбит с толку. Ему нужно было время, чтобы собраться с мыслями.

— Я понимаю, как вы ошарашены, если не знали всего этого раньше. Пока могу рассказать вам нашу с Эмлин историю, а там видно будет.

Тэрри явно хотелось потрепаться.

— Как я уже говорил, мы с Эмлин из романа ужасов. Называется он «Демоны ночи», и написал его Джон Стинфилд, американец. Там нас еще тиграми поймал профессор Дейси, вырастил в своей лаборатории, обучил всем обычаям и привычкам людей, снабдил нас преобразователями — и одновременно внушил ненависть к людям. Фильмы, записи, беседы, книги — все было сделано для того, чтобы мы возненавидели род человеческий. А когда профессор решил, что добился своей цели, — он нас выпустил.

Первой нашей жертвой стал сам профессор.

Это продолжалось долго. Мы были неуловимы, потому что знали привычки и психологию людей, ваше оружие, технику. Нас считали дьяволами, злыми духами. За нами охотились, но — безрезультатно. Но один раз, как это всегда бывает в романах, нас обложили со всех сторон; мы уходили от погони несколько дней, а они все время висели у нас на хвосте... Извиняюсь за каламбур. — Тэрри помахал хвостом. — И вот — впереди отвесная скала, забраться невозможно, а преследователи уже близко. И тут Эмлин находит пещеру. Точнее, тоннель. Мы — туда. Бежим. И вдруг попадаем в другую страну! Там, у нас, был день, а тут — ночь. Там были джунгли — а здесь город. Мы растерялись. Примерно как вы сегодня. Первой мыслью было спрятаться. Мы спрятались в каком-то заброшенном доме. Отсиживались трое суток, присматривались к городу. Ведь логика у нас благодаря профессору почти человеческая. И все это время мы читали. Профессор научил нас читать, а в том доме были книги. Целые груды книг. И там мы нашли книгу о нас. «Демоны ночи» Стинфилда. Там все было очень похоже на нашу жизнь, хотя и не совсем так. И в книге нас убивали. Возле той скалы.

И еще там было много других книг. Совсем не таких, как у профессора. Мы прочли их почти все и поняли, что зря убивали людей. Да и сама жизнь все больше убеждала нас в том, что профессор внушил нам ложное представление о людях.

Он был просто маньяком из романа ужасов.

А еще недалеко от дома, где мы прятались, был летний лекторий. До него было метров сто. Для человека многовато, но у нас-то слух лучше. Короче, мы слышали все лекции. И вот из них-то мы и узнали, что все мы — герои книг. Это определили несколько человек из разных книг почти одновременно. Потом они нашли выходы в миры со-

седних книг, стали общаться, даже создали нечто вроде Совета для управления нашими мирами.

— Но кто же первый об этом догадался?

— Точно неизвестно, но, по-видимому, Шерлок Холмс. Один из преступников сбежал от него в соседний мир, Холмс с Ватсоном последовали за ним и там наткнулись на книгу о самих себе. А дальше пошел чистый дедуктивный метод.

— А вы и Конан Дойля читали?

— Разумеется! Один из моих любимых авторов. Но я не закончил. Через несколько дней мы с Эмлин решили отправиться дальше и вскоре попали сюда. Здесь мы и решили поселиться. Мы больше не хотели жить так, как в романе.

— Да, как-то не укладывается все это в голове.

— Согласен, звучит непривычно. А вот и Эмлин.

Рядом бесшумно возникла красивая бенгальская тигрица. На шее у нее блестел точно такой же «медальон», как и у Тэрри.

— Я вижу, вы хороший человек, — улыбнулась Эмлин. — Так что добро пожаловать в наш рай.

— Спасибо. Но почему вы решили...

— Очень просто. Вы не утонули в ручье. Для людей с черной душой это непреодолимая преграда. И давайте на «ты».

Игорь медленно брел по этому действительно райскому саду, вдыхая аромат цветов и время от времени срывая с деревьев спелые плоды. Было тихо, только негромко звенели цикады да щебетали птицы. Где-то в отдалении журчал ручей.

Тропинок в саду (или лесу?) не было, но идти было легко и приятно. Игорь давно скинул кроссовки и шел босиком. Ноги по шиколотку зарывались в упругую траву, влажная почва приятно холодила ступни. Игорь утолил первый голод и теперь постепенно приходил в себя после своего неожиданного появления в этом мире, изнурительного путешествия по пустыне и лавины невероятной информации, обрушенной на него тигром. Ему не хотелось думать обо всем этом — ему просто было хорошо.

Игорь раздвинул ветки кустов, и перед ним открылась небольшая поляна, пестревшая желтыми одуванчиками. На поляне четыре черные пантеры играли в мяч. «Это же из «Двери в стене», — невольно подумал Игорь. Мяч был большой и разноцветный, и пантеры ловко посылали его

друг другу точными движениями лап и головы. Не-

сколько минут Игорь любовался этим зрелищем, поражаясь изяществу и точности движений огромных кошек. Потом не выдержал и присоединился к играющим.

Пантеры приняли его как своего, одобрив «улыбками» на мордах. Игорь играл с ними с полчаса. Вообще он неплохо играл в волейбол, но здесь у него создалось впечатление, что пантеры специально замедлили темп, чтобы он успевал следить за мячом и отдавать пасы. Но все равно это было здорово!

Через полчаса, слегка уставший, Игорь махнул рукой своим новым знакомым и пошел дальше.

— Я еще вернусь, — пообещал он.

Пантеры дружно помахали ему лапами и тут же перешли в привычный для них темп игры.

Под вечер Игорь снова встретился с Тэрри и Эмлин. Они немного поболтали. Рассказывали в основном тигры, а Игорь больше слушал. Да и что он мог рассказать?

— Здесь по ночам холодно? — спросил Игорь, поднимаясь с земли.

— Нет. Чуть прохладнее, чем днем. Выбирай место посуше и спи прямо на земле.

Игорь так и сделал. Собрал охапку сухой травы и улегся прямо под открытым небом.

Посреди ночи он проснулся от какого-то движения. Открыл глаза. Две черные пантеры устраивались на ночлег рядом с ним. Игорь погладил обеих и снова заснул.

Неделя пролетела незаметно. Игорь уже успел привыкнуть к этому чудному месту, к беседам с Эмлин и Тэрри, к черным пантерам. Дважды он выбирался в соседние миры — тигры показали ему выходы. Он послушал лекции в том мире, о котором рассказывал ему Тэрри, — там все время читали лекции; побывал в будущем Азимова — теперь он окончательно убедился, что попал в мир книжных героев. Он обнаружил библиотеку, собранную Советом. Здесь каждый, назвав себя, мог получить информацию, из какой он книги, и прочитать ее. Симанковых там было несколько, но ничего похожего на описание своей судьбы Игорь не нашел и облегченно вздохнул — он уже начал сомневаться, действительно ли он из реального мира?

Но вот через неделю Игорь впервые всерьез задумался о своей дальнейшей судьбе. Как жить дальше? Остаться здесь, в этой райской долине? А ведь, пожалуй,

когда-нибудь надоест. Можно, конечно, перебраться в любой из соседних миров, выбрать, какой понравится. Да, это здорово! Побывать в будущем, в прошлом, слетать к звездам, сражаться с космическими пиратами, побродить по другим планетам — ведь это огромный увлекательный мир! Или просто устроиться на работу в НИИЧАВО из «Понедельника, начинающегося в субботу». Уж там-то скучно не будет! Хочется, очень хочется. Но ведь это книжный мир. Его придумали другие. А что придумал, что сделал он сам?

Надо возвращаться назад, в свою реальность.

Как?

Прийти в тот же НИИЧАВО — там что-нибудь придумают. Опять «придумают».

Другие.

А сам?

И вдруг Симанков почувствовал, что может сам, без посторонней помощи, вернуться назад. И снова сюда. Может, и все. Обладает такой способностью. То, что получилось раз, получится и в другой, и в третий.

Ну что ж, это хорошо. Значит, что? Работать там, а сюда переноситься на отдых?

Но почему его жизнь, его реальная жизнь, скучнее и однообразнее этой, книжной? Нигде и никогда он так хорошо и свободно себя не чувствовал, как здесь.

А может, открыть сюда дорогу людям? Симанкову казалось, что и это ему под силу.

Но нет. Это — мечта. Ее нельзя трогать грязными руками. Ведь ее так легко разрушить! И не спасет даже самовосстанавливающийся ручей, непреодолимый для «черных душ». Построят мост, перелетят на вертолете, просто зароят, наконец. Игорь тут же представил себе срубленные деревья, горы ржавых консервных банок и бутылок из-под пива, окурки, куски бумаги, корки хлеба — все, что оставляют после себя «любители природы». Или повсюду — таблички: «Конан Дойл — налево», «Буфет — направо», «Наполеон принимает по пятницам с 14.00 до 18.00», «Осторожно, опасная зона — роман ужасов». Ему с трудом удалось отогнать от себя это видение.

Нет, не дам!

Тогда другой вариант — сотрудничество. Хотя, что им может быть от нас надо? У них есть все — от звездолетов и синтетической пищи до воплощенной мечты. Есть свои великие ученые, писатели, композиторы, свои

города, горы, леса, реки, своя Вселенная, даже свой рай! Они уже встретили братьев по разуму, проникли в глубины нейтрино, нашли секрет бессмертия. Это только мы сможем брать у них, а не они — у нас. И еще вопрос, согласятся ли они с этим. А даже если и согласятся — не разленимся ли мы, придя на все готовое, не выродимся ли? Ведь вещи все еще довлеют над нами, даже над лучшими из нас.

Да, проблема сложная. Но, впрочем, есть еще один выход. Пустить ИХ к НАМ. Это должно получиться.

Пусть люди увидят живого Шерлока Холмса, Соколиного Глаза, Паганеля, Горбовского. А какую радость доставят детям Карлсон, Винни-Пух, крокодил Гена! Мечта превратится в жизнь, а жизнь — в мечту. А когда им надоест, они будут возвращаться обратно, а им на смену — приходиться другие. Ведь это же будет огромный творческий стимул! Жизнь станет ярче, люди будут стремиться догнать этот мир — и не только в технике... Да, это выход. Архимед говорил: «Дайте мне точку опоры — и я переверну Землю». И я нашел такую точку. Она здесь. Надо только все как следует обдумать и договориться с этим их Советом. Они должны пойти навстречу. Они поймут.

Ну, держись, Земля! Переворот начинается!

1987, 1995 гг.

Святослав Логинов

ЗЕМЛЕПАШЕЦ

Ой мороз, мороз, не морозь меня!
Не морозь меня, моего коня!..

На Земландии стоял прохладный сезон. Даже на солнце-пёке температура не поднималась выше двадцати пяти по Цельсию. Вот летом будет жарко, а сейчас — благодать. Жаль, морозы тут бывают только в песне. И кони тоже, только в песне, не прижились кони в этих местах.

Моего коня-а... белогривого!..

Диковинное существо, на котором скакал Сагит, называлось копытенъ и напоминало никак не коня, а скорее барана-переростка. Волны грязно-жёлтой шерсти, крутые рога, за которые удобно держаться во время скачки, даже подобие курдюка, трясущееся сзади, роднили копытня с овцами. Но если взглянуть на морду... Четыре узких глаза, защищённых от попадания мошки, но дающие круговой обзор — подобного ни у какого барана не сыскать. А ещё пасть, здоровенная, бегемоту впору, перегороженная решёткой тонких роговых пластинок, заменяющих копытню зубы. Как и все крупные животные на Земландии, копытенъ был насекомоядным и даже на бегу не переставал кормиться. Рои гнуса, тучи белых бабочек, облака мошкары исчезали в бездонной глотке. Чем быстрее мчится копытенъ, тем больше достанется ему порхающих харчей, а что на спине сидит человек, так на это копытню наплевать.

Скакун приостановился и сплюнул комок непереваренного хитина.

— Но!.. — поторопил Сагит.

До посадочной площадки оставалось почти двадцать минут хорошего хода. Копытень разинул ртище и припустил рысью.

Посадочная площадка, выстроенная ещё первопоселенцами, располагалась на вершине крутого холма, где ветер, по задумке строителей, должен был сносить кровососущих насекомых. Осенью здесь и в самом деле легче дышалось, а в иное время заметной разницы не было.

Сагит спрыгнул на землю и отпустил копытня, хлопнув его ладонью по мохнатому боку. Целый выводок моли взлетел от хлопка и закружил вокруг зверя. Сагит недовольно поджал губы: опять вся шерсть будет испорчена, ничего не удается состричь...

Копытень, почуяв волю, распахнул пасть и помчал пас- тись в комариную низинку, где было больше кормов. Сагит подошел к флайеру, заперся в кабине, задал машине курс и лишь потом стащил с лица москитную маску. В кабине было прохладно и пахло репеллентами. Флайер поднялся в воздух и, набирая скорость, полетел в сторону океана. Лететь предстояло на материк, где располагались биостанция и центральная сельскохозяйственная усадьба.

Континент встретил Сагита сотообразными шестиугольниками распаханых полей. Пахота была в разгаре, а сев покуда не начинался, так что поля казались с высоты серыми проплешинами. Однако тому, кто понимает, открывалась совсем иная картина. Не было во вселенной чернозёмов плодороднее земландских и не было места, где бы урожай давался с таким трудом и издержками. Зерно ещё лежит в почве, а червец и нематода, кузька и хлебная моль уже портят его. И едва под жарким солнцем проклюнутся первые ростки, как начнётся небывалый жор, пиршество тлей и гусениц, всевозможных личинок, нимф и имаго. Земландия — планета насекомых, и уж вредители постараются, чтобы никто, кроме них, не собрал здесь урожая.

На полях континента борьба с насекомыми была поставлена на широкую ногу. В каждом узле, где края шестиугольников соприкасались вершинами, возвышались башенки излучателей, которые должны отпугивать и убивать зерноядных вредителей. Поговаривали, что инсектициды, строго запрещённые к применению, потихонечку распылялись на здешних полях. Ничто не помогало, жадные инсекты сжирали девяносто процентов будущего урожая.

Местные растения с горем пополам сопротивлялись нашествию вредителей. В любой травинке собирался такой комплекс ядов, что воинственный индеец умер бы от стыда за своё кураре. Смолка и латекс заливали гусениц и травоядных клещей, галлы превращались в гробницы для неловко отложенной кладки, росянки мстили листорезам, напоминая, что не только насекомые едят траву, но и трава порой питается насекомыми.

Удивительным образом сами насекомые не враждовали друг с другом. Не было на Земландии хищных клопов, не роились осы, божьи коровки не уничтожали тлей, карапузики не пожирали чужие личинки. Впрочем, как сказал мудрый итальянец Сандро Торричелли: «Природа не терпит пустоты». Все крупные земландские животные были насекомоядными. Гигантские муравьеды и склизкие жабы, кроты и землеройки, буравящие чернозём, слепая червяга и зоркий осоед. Спасаясь от комаров и москитов, они одевались в густую шерсть и перья или покрывались липкой слизью, но упорно следовали за своими вкусными врагами. Тучи птиц пировали, словно розовый дрозд во время нашествия саранчи. Яды, которыми насквозь пропитались насекомые, ничуть не вредили хищникам.

Насекомыми питались и звери, подобных которым нигде во вселенной больше не встречалось. Только здесь зверюга размером со слона могла прокормиться москитами. Разумеется, уникальный животный мир Земландии находился под строгой защитой, что ещё больше затрудняло земледелие.

Так и получилось, что зерно, собранное на тучных пахотях Земландии, по себестоимости превосходило изысканные фрукты Эдемии, а по качеству уступало тому убожеству, что собиралось на рекультивированных делянках старой Земли. Годилось оно только для технических целей, ибо никто не мог гарантировать, что вместе с зерном не будет размоло-то ядовитое семечко земландского сорняка или бирюзовые надкрылья жука.

Один за другим разорились фермеры, соблазнённые некогда слухами о сверхъестественных чернозёмах; теперь на Земландии оставалось всего два хозяйства: принадлежащая государству центральная усадьба и ферма Сагита. Усадьба приносила огромные убытки и держалась лишь благодаря ежегодным субсидиям. А вот Сагит, судя по всему, благоденствовал и хотя не сдавал на приемный пункт ни единого зёрнышка, но и протекционистскими зако-

нами пользоваться не желал, говоря, что вполне может прокормить себя сам.

Конечно, это казалось подозрительным всем, а особенно инспектору по охране окружающей среды Аниэлю Гоцу.

В директорском кабинете, как и во всяком помещении, где приходится бывать людям, царила прохлада и витал чуть заметный запах репеллентов. Директор хозяйства Роберт Никифоров, неулыбчивый коренастый мужчина, какие только и могут быть директорами госпредприятий, сидел в кресле и изучающе разглядывал Сагита.

— Семена, говоришь? — переспросил он.

— Двенадцать тысяч тонн, — подтвердил фермер.

— Посадочный материал?

— Ну конечно... На еду я покупаю отдельно, да и сколько мне надо на еду-то? Я же сейчас, считай, один, дети в институтах учатся, жена по пансионатам мотается, скучно ей в деревне.

— Это я понял, что ей скучно... Я другого не понял. Получается, что в прошлом году ты и семян не собрал, так?

— Ну, не собрал, так и что с того?

— А на кой тогда посевы расширяешь? На десять процентов, если мне глаза не изменяют.

— Ну расширяю... Что ж я за хозяин буду, если посевы не стану увеличивать? А под паром землю держать не годится. Техника есть, средства есть, значит, надо пахотный клин расширять и сеять.

— Так откуда у тебя средства, если ты и семян не собрал? То есть откуда они у тебя, это все догадываются, но клин-то зачем наращивать?

— Я чего-то не понял, — сказал Сагит, — ты семена, что ли, продавать не хочешь?

— Как это — не хочу? Да кто ж ещё у меня купит не по бросовой цене, а для посева? Ты, можно сказать, благодетель. У меня в хозяйстве двадцать человек трудятся, так теперь все с премией будут. Мне просто любопытно, зачем это тебе? Я бы на твоём месте пахал только для виду и сеял бы тоже для виду — песком.

— От песка сеялки портятся.

— Ну, тогда — мякиной. Хочешь, я тебе мякины продам? Со скидкой.

— А премию пахарям с чего платить будешь?

— Это верно. Семена в ассортименте отгружать?

— Да как сказать... Половину — кукурузы, по два гороху и овса, а на остаток — ячмень и просо.

— Пшеницы чего не берёшь? У меня хорошая пшеница в этом году, хоть на мельничный комбинат сдавай.

— Что-то мне пшеница разонравилась. Не оправдывает она себя, кукуруза лучше.

— Кукуруза, значит, оправдывает? То-то ты семян в этом году не собрал... Ох темнишь ты, друг ситный. Ну давай заявку-то, пока Римма домой не ушла, пусть оформит, а там команду выдам на склад, чтобы отгружали. Тебе ведь сразу семена нужны?

— Конечно, сразу. У меня на острове посевная позже начинается, чем у тебя, но всё равно пора за дело браться.

— Ох темнишь ты... — повторил Никифоров, глядя, как Сагит извлекает из сумки бутыль тёмного стекла и промасленный свёрток. Пряный запах мгновенно заполнил кабинет, перекрыв синтетический аромат репеллентов. — Вот он, твой заработок, а зачем тебе кукуруза, ума не приложу.

Сагит развернул свёрток и принялся нарезать тонкими ломтиками продолговатый кусок копчёного мяса.

— Между прочим, — задумчиво сказал Никифоров, — этот балычок стоит больше, чем месячная зарплата всего коллектива вместе с премиальными. Но когда Гоц поймает тебя на браконьерстве, мне даже страшно подумать, что он с тобой сделает...

Сагит поднял невинный взгляд.

— Это бастурма, — поправил он. — Балык делают из рыбы — и то не из всякой. Здешние рыбы не годятся.

— Зато бюфтон на бастурму годится, — не стал спорить директор. Он осторожно взял тончайший ломтик и, закрыв глаза, надкусил. Лицо стало мечтательным и отрешённым. — Поймает тебя Аниэль — и всё, больше такого не попробуешь...

— Зачем ему меня ловить? — спросил Сагит, разливая по стаканчикам самогонку. — Я же не охочусь, только если зверь сам на моё поле влезет. А в горы я ни ногой, Аниэль уже проверял. Автопилот у моего флайера опечатан, копии маршрутов сохраняются. Я и не летаю никуда, только к тебе и на космодром.

— Я думаю, ради такого дела скупщики могут тебе и запасной флайер доставить, и потайной ангар организовать. Только учти, Аниэль тоже не лыком шит. Я

слышал, он собирается над твоим ранчо спутник повесить и наблюдать, летаешь ты куда или нет.

— Знаю, — кивнул Сагит. — Этот спутник над моим домом уже полгода висит. Только ведь если у меня потайной ангар есть, то скупщикам нетрудно и подземный ход к нему прорыть, а то и напрямиком в горы. Пустить по тоннелю вагонетку, и вся недолга — проблема транспортировки туши решена. А то ведь хороший бюфтон тонны полторы весит, на флайере его не свезешь, грузовик нужен.

— Да ну тебя, — очнувшись, возразил Никифоров, — скажешь тоже — тоннель! Как бы ты такие работы скрыл? Да и дорого это, никакие копчёности не окупят...

— Вот и я о том же. — Сагит поднялся, перевернул пустой стаканчик кверху дном. — Не занимаюсь я браконьерством, не приучен. Так что зря Аниэль старается.

— А его сейчас и в посёлке нет, — объявил Никифоров, звонко прихлопнув комара, сумевшего прорваться в кабинет сквозь все фильтры и ловушки. — Упорхнул куда-то... Флайер взял одноместный, на таком через океан не полетишь, так что — не к тебе. Хотя, если подумать, сколько того океану, можно и на одноместном перелететь...

— Я и это знаю. — Сагит кивнул головой. — Могу даже сказать, куда Аниэль отправился. По ущельям бюфтонов выслеживать. У них гон скоро, так он фильм хочет снять для Зоологического общества.

— Все-то ты знаешь... — Никифоров неодобрительно покачал головой.

— Он за мной следит, а мне за ним — нельзя? — поинтересовался Сагит. — Только с фильмом у него не получится, зря зверей распугает. Знаешь, что случится, если в ущелье среди бюфтонов паника начнётся? Туда только сунься, беды не оберёшься. Они флайера как чумы боятся. А если без машины, пешим ходом, то и самого затоптать могут.

— А ты как же?

— Я в ущелья не хожу, — отрезал Сагит. — Заповедник. И Гоца если поймаю у себя на острове хотя бы в предгорьях — шкуру спущу. Хочет, пусть по Зейскому хребту лазает, там и без того бюфтонов, почитай, не осталось, тысяч пять от силы.

Никифоров тоже поднялся, звонко шлёпнул себя по виску, размазав очередного спикировавшего комара, и, уходя от скользкой темы, сказал:

— Сегодня Римма на завтрак яичницу приготовила, глазунью, так я подхожу к столу и вижу, как комар на неё кидается. Возле желтка пристроился, хоботок запустил и давай сосать. Раздулся, что бомбовоз, только брюшко не красное, а жёлтое. Едва улетел. Я так удивился, что даже бить его не стал.

— Запросто, — согласился Сагит. — Если глазунья теплая, так он мог броситься, а там, как распробовал, что чистый белок сосёт, так его уже и не оторвать.

Сагит отшагнул в немного в сторону, Никифоров, понимая, что беседа окончена и откровенности ему не дожидаться, поднял трубку внутренней связи, выслушал, что ему сказали, и сообщил ждущему фермеру:

— Там уже отгружают. Спасибо тебе за беседу...

Сагит попрощался и вышел, деликатно забыв на столе промасленный свёрток.

Брошенный в лощинке копытенёв хозяина не дождался. Это было по меньшей мере странно, ездовой зверь был отлично вышколен, да и просто никуда не должен был исчезнуть из таких кормных мест... Сагит повертел головой, достал ультразвуковой манок и неслышно свистнул. Манок, разумеется, был устроен так, чтобы в него не приходилось дуть, ибо скинуть здесь маску, гордо именовавшуюся накомарником, мог лишь очень мазохистски настроенный человек.

Сагит маленько подождал и уже хотел засвистать вновь, как за холмом раздался упругий топот и копытенёв вылетел на вершину. Он вскидывал задом, тряс головой и вообще вёл себя ненормально.

— Бень-бень-бень! — призывно закричал Сагит, спешно вытаскивая аптечку, флакон репеллента и небольшой баллончик явно кустарного производства.

Стоило копытню приостановиться, как жужжащее, стрекочущее, колышущееся облако окутало его голову. Копытенёв взмекнул, выделявая дурные курбеты. Сагит поднял аэрозольный баллончик и плавно повёл убийственной струёй. Сшибленный гнус посыпался траурными хлопьями. Такого рода инсектициды были строжайше запрещены на Земландии, однако каждый, выходящий из-под купола, имел при себе запретный аэрозоль. А иначе, случись что с комбинезоном, — заедят в пять минут. Жизни Сагита

ничто не угрожало, но и отдавать на съедение любимую животину фермер не собирался.

Беглого взгляда хватило, чтобы понять, в чем дело. Круглое, похожее на шерстяной колтун ухо копытня было в крови. Привлечённая желанным запахом недавняя добыча теперь ринулась запасаться кровью. Ещё бы немного — и пищащая напасть зажала бы насекомоядного насмерть. Сагит подоспел вовремя.

Обрабатывать рану на открытом воздухе было бы безумием, так что Сагит лишь фыркнул на ранку быстро схватывающимся клеем, вскочил в седло и погнал к дому. Песен петь не хотелось.

Теперь ещё придётся разбираться со складами, объяснять, почему сорвал график поездок. Беда невелика, но никифоровская Римма, заправлявшая на складах фактории, умела зудеть не хуже ночного комара.

К усадьбе доскакали за сорок минут. Там Сагит загнал копытня под крышу и смог наконец рассмотреть странную рану.

Вообще копытень так густо покрыт шерстью, что ни одно здравомыслящее насекомое не может добраться до кожи. И не стригут, конечно, копытня никогда, а лишь вычёсывают в период линьки. Стригали с ножницами копытень поди и не подпустит. Но ежели вдруг появится на укутанном теле хоть небольшая кровящая ранка, то зверь обречен: все, что есть в округе кровососущего, потерявши всякую осторожность, рванётся на сладкий запах подранка. А тут вдруг — ухо порвано! — самое уязвимое место... и как только угораздило?

Сагит внимательно осмотрел ранку и почти сразу сыскал причину. Крошечный, чуть более булавочной головки паучок сидел, вцепившись в кожу широко раскинутыми металлическими лапками. Настоящий клещ ни за что не пробился бы сквозь здоровую шерсть к телу, а этот был механическим и с лёгкостью простриг дорогу туда, где смог укорениться. К сожалению, конструктор электронного шпиона не принял во внимание, что копытень, почувствовав укол, начнёт драть и тереть поражённое место, открыв тем самым путь для настоящих врагов.

Сагит вырвал жучка из раны, внимательно осмотрел. Да, это не просто маяк, это настоящий шпион, умеющий не только подслушивать во всех диапазонах, но и под-

смаатривать. Так что вовсе не копытень нарушил свою защиту, а кибершпион, обустроивая сектор обзора, выстриг всю шерсть на кончике уха. А ведь должен был тот, кто подкинул жучка, понимать, что на живом эта пакость не усидит. О моральной стороне дела лучше и не вспоминать.

Сагит скорбно поджал губы. Вот они, исполнители законов! Нетрудно догадаться, кто здесь похозяйничал: даже тавро АГ, выжженное на боку копытня, не было бы столь явной уликой. Что же, Аниэль Гоц, вот на какие съемки ты летал? Теперь жди ответных санкций...

Сагит вызвал центральную усадьбу и принялся объяснять разгневанной Римме, почему не прислал вовремя грузовой флайер. О жучке он предусмотрительно умолчал.

Аниэль Гоц привычно задержал дыхание, потом резко выдохнул и в самый момент выдоха переключил фильтр. Несложная эта операция занимала долю секунды, но всё же десяток мошек успел проскользнуть под маску. Одна немедленно впиалась в уголок рта. Руками, затянутыми в плотные перчатки, Гоц принялся обжимать маску, стараясь раздавить кровососов. Потом, когда маску удастся снять, всё лицо окажется в разводах и пятнах от размазанной мошки и комаров.

Человек беззащитен перед этой воющей напастью, вся его химия бессильно пасует, и отпугивающие излучатели жужжат без толку. Вот и приходится на благодатнейшей из планет укутываться в противомоскитные костюмы, так напоминающие скафандр. Особенно в заповеднике, где нельзя пользоваться ни химией, ни излучателями. Хорошо ещё, что вся эта кусачая пакость — травоядна, а кровью старается запастись лишь раз в жизни, чтобы вывести полноценное потомство. Потому и кружит мошкара вокруг копытней, бариусов и бюфтонов и едва ли не сама бросается в разинутые рты. Во что бы то ни стало добыть каплю крови, а там — стремглав лететь к ближайшей луже или просто к влажной ложине, чтобы дать жизнь новым тучам жужжащих тварей.

В свою очередь, крупные позвоночные хотя и страдают от нашествия слепней и комаров, но не могут без них жить, ибо летающие насекомые — их единственная пища. Носятся по равнинам стремительные копытни, чтобы на бегу заглотить облако мошки, а самому не быть ужаленным. Бариусы и вся их родня покрываются густой слизью, на которую налипают жадные комары, после чего зверюги выливают друг дружку, жирнея на глазах. Но самые уди-

вительные земландские существа, несомненно, бюфтоны. Закованные в броню рогатые красавцы обживают узкие ущелья, где день и ночь, не переставая, дует ветер. Насекомоядный гигант поворачивается против ветра и, разинув пасть, которой позавидовал бы финвал, ждет, когда ветер нанесёт в глотку побольше чешуекрылой вкуснятины. Тогда следует один титанический глоток, и вновь бюфтон замирает, услужливо подставив рот летящей пище.

Ветра дуют на Земландии постоянно, и мириады кочующих бабочек пролетают сквозь ущелья, однако никакое изобилие не может прокормить слишком больших зверей. Есть даже теория, согласно которой бюфтоны вымерли бы безо всякого вмешательства людей, просто от хронического недокорма. Но, к сожалению, люди вмешались.

Земландские растения противостояли вредителям, вырабатывая сложный комплекс ядов. Гусеницы и тли, питаясь отравленной зеленью, сами становились ядовитыми. Копытны, землеройки и муравьеды, бариусы, кроты и земландские ехидны, питаясь насекомыми, постепенно привыкали к ядам, но и сами пропитывались отравой. Единственным исключением оставались бюфтоны. Мясо их было не просто съедобным, во всех обитаемых мирах оно считалось деликатесом из деликатесов. Тончайшая примесь алкалоидов, одно перечисление которых заставило бы упасть в обморок токсиколога, придавала блюдам из мяса бюфтона удивительный вкус, описать который не взялся бы ни один гурман. Кое-кто пытался сравнивать вырезку бюфтона с японской рыбой фугу... хотя что такое фугу — рыба и есть рыба, только что с легким наркотическим действием. Бюфтон это нечто иное — поэма вкуса, феерия ощущений! Неудивительно, что число бюфтонов в ущельях Земландии начало катастрофически уменьшаться.

Увы и ах, приручить чудовищных жукоедов покуда никому не удалось. Словно провидя свою печальную судьбу, неуязвимые чудовища были до невероятия пугливы. Вид пролетающего флайера вызывал у них панику, а паника в горных теснинах чревата камнепадами и оползнями.

Поэтому оставалось объявить заповедными все горные районы планеты и не соваться туда без самой крайней необходимости. Но сейчас необходимость была очевидной и несомненной. Невозможно сохранять исчезающий вид, если о нём практически ничего не известно. Первопоселенцы рассказывали, что по весне у бюфтонов бывает

гон, когда громадные звери покидают свои теснины и собираются вместе для любви и брачных турниров. В это было нетрудно поверить, если вспомнить, что хищников на Земландии нет, а рога у насекомоядного великана имеются. К тому же, бывало, хоть и очень редко, в предгорьях отыскивались трупы бюфтонов, обязательно — самцов, до неузнаваемости изгрызенные личинками трупоедов. А вот самого гона никто из натуралистов не видел, на плёнку не заснял и научной общественности не представил.

Именно поэтому Зоологическое общество заказало Аниэлю Гоцу фильм о жизни бюфтонов. Не совсем, конечно, заказало, объявило конкурс, но кому еще снимать-то? Кроме него — некому... То, что можно было снять с орбиты, Гоц отснял, а теперь приходилось ползать по скалам, выслеживая пугливых великанов. К сожалению, с орбиты гипотетический гон было не отснять, поскольку дожди на Земландии были делом обычным, особенно по весне, когда обложные тучи не давали следить ни за миграцией животных, ни за передвижениями ненавистного Сагита. Но ведь где-то бюфтоны встречаются и как-то справляют свои свадьбы... Жаль, что это происходит в дождливый сезон, когда спутниковое слежение ничем не может помочь натуралисту. Зато для браконьера нет желаннее времени. Немудрено, что именно весной Сагитовские закрома наполнялись мясом замученных животных.

Аниэль Гоц был из тех энтузиастов зелёного движения, чей энтузиазм напоминал скорее мрачные чувства луддитского фанатика. Хозяйство Никифорова Гоц терпел, поскольку государственная ферма обеспечивала инспектора средствами существования, а вот Сагита ненавидел со всей страстью собственника, в чьи владения забрался вор. Вот только поймать вражину никак не удавалось, очевидно, фермер знал о бюфтонах что-то такое, о чём Гоц и не догадывался.

Тем охотнее инспектор ухватился за возможность снять фильм о насекомоядных чудовищах; привлекало не только обещанное вознаграждение, но и тайная надежда, что удастся, не вылетая с материка, раскрыть тайну, позволяющую браконьеру оставаться непойманным.

К сожалению, попытка напрямую проследить за Сагитом с треском провалилась. Заказанный в региональном отделении Гринпис жучок не только выдал себя, но и чуть не погубил скакового копытня, дав Сагиту повод обвинить Гоца в незаконных методах работы. Впрочем,

ещё надо доказать, что именно Гоц подкинул жучка. Сагит, конечно, ни минуты в том не сомневался, но для суда требуются доказательства, а не личная уверенность. И все же ценный прибор был потерян, последнее, что принесла запись, были не слишком грамотные, зато эмоциональные слова Сагита: «Ваша гринписовская!..» Порой Гоц гадал, к кому относились эти слова: к жучку или его владельцу.

Опасаясь встречи с разгневанным фермером, Гоц поспешил уйти в горы, но, как обычно бывает в таких случаях, столкнулся с недоброжелателем мордой к лицу прямо на стоянке флайеров. Инспектор готовил к полёту лёгкий аппарат, когда приземлился Сагитовский грузовик, присланный за семенным зерном, и оттуда вылез браконьер.

Внутри у Аниэля Гоца нехорошо замерло, однако Сагит, довольный, видать, что так ловко ушучил врага, ни в драку не полез, ни ругаться не стал, а избрал язвительную манеру разговора.

— Здорово, браток! — развязно воскликнул он и хлопнул Гоца по плечу. — Как твое дражайшее? В ухе не свербит? Как делишки? Всё преступников выслеживаешь? Давай, дело хорошее, ежели им честно заниматься. Ты же у нас честный малый, Аниэль, законник, ничего такого себе не позволяешь!..

Аниэль Гоц не выносил амикошонства, особенно такого, с хлопками по плечам и спине, однако пришлось терпеть, делая вид, будто ничего особенного не происходит. Немудрено, что на съемки Гоц вылетел в самом скверном расположении духа.

Пасмурная погода держалась уже полмесяца, и Гоц не слишком хорошо представлял, где следует искать бюфтонов. Звери, неделями стоявшие в одной теснине, могли вдруг сняться с места и за один день умотать километров на сто. Оставалось надеяться, что группа в полсотни голов, высмотренная с высоты, никуда не переместилась и позволит заснять себя на камеру с широкофокусным объективом.

У самой горловины ущелья Гоцу попалась разрытая навозниками куча, почти сплошь состоящая из перемятых крыльев кочующих бабочек. Возможно, Гоц и прошёл бы мимо, ничего не заметив, но бронзовые надкрылья пирующих онтофагов, афодиев и огромных геотрупов даже в пасмурный день сверкали так празднично, что мимо навозной кучи было просто невозможно пройти.

— Если нет иных помет, то сойдёт и помёт, — повторил Аниэль охотничью присказку и поворошил кучу палочкой. Сомнений не было: совсем недавно здесь прошёл бюфтон. Несколько царепин на камнях подсказали, что он направлялся в глубину ущелья. Возможно, ему не понравилось что-то на прежней кормёжке, а быть может, бюфтоны, предчувствуя весну, уже начинали собираться в группы для грядущих свадеб.

Аниэль удовлетворенно кивнул и двинулся к невысокому покуда обрыву, где начинался карниз, по которому предстояло пройти, чтобы устроить засидку прямо над головами ничего не подозревающих зверей.

Карниз тянулся метрах в тридцати над дном котловины и, судя по азросьёмкам, был вполне проходим даже для такого ахового скалолаза, как Аниэль. А в конце должна быть площадочка, где Гоц намеревался установить кинокамеру.

Громоздкую камеру инспектору пришлось волочить на горбу. Оно, конечно, не тяжело, ибо весила камера сухие пустяки, но до предела неудобно, поскольку не было такого выступа, за который она не зацепилась бы. Отрицательный траверс, нависавший над карнизом и ужасно мешавший когда-то орбитальной съёмке этих мест, наконец кончился, и Аниэль увидел вожака площадку. Все как предполагалось, вот только была она не горизонтальной. Уклон к обрыву составлял градусов тридцать, а то и больше. Камеру можно установить, она — штука цепляющая, а самому деваться некуда. Впрочем, Гоц и не собирался сидеть на площадке, наблюдая происходящее. Техника должна справиться самостоятельно, а ему лучше отправиться к дому и решить, как все-таки выследить Сагита и взять его с поличным.

Улегшись на живот, Гоц вытянулся во весь рост и принялся пристраивать камеру на уступе. Ветер, дующий по ущелью день и ночь, нёс белую мотыльковую метель; кочующие бабочки совершали своё извечное паломничество через горы.

Тонкий стонущий звук донёсся снизу, дрожащий, жалобный и пронзительный. Аниэль поднял голову и сам задрожал от волнения. Огромнейший бюфтон устроился на кормёжку как раз у него под ногами. Должно быть, это был тот зверь, чьи следы Гоц видел у входа в ущелье, вряд ли ещё один бюфтон решил переменить место кормёжки именно сегодня. Тело страшилища покрывал асфальтово-серый панцирь, кожа в незащищённых местах лосни-

лась ядовитым выпотом, спасающим от клещей. Костяной воротник, делавший бюфтонов чем-то похожими на древне-вымерших трицератопсов, отсутствовал, а вместо рогов бугрились тупые шишки, какими щеголяли безрогие самки. Зверь лежал на камнях, во всяком случае, нижняя массивная челюсть касалась камней, а верхняя была вздернута на высоту едва ли не двух с половиной метров. Круговертъ несомых ветром бабочек, не замедляя хода, пропадала в бездонной глотке.

Бюфтон кричал громко и требовательно. Гоц сразу вспомнил, что кто-то из старых натуралистов утверждал, будто бюфтоны кричат не выдыхая, а втягивая воздух, чтобы заглотить побольше насекомых. Потому и крик у них тонкий и вибрирующий. На глаз было невозможно определить, на вдохе или выдохе кричит бюфтон, но съёмка, несомненно, покажет, ускоряют бабочки свой полёт перед пастью или крик позволяет самым сильным избежать ловушки.

Не закончив установки, Гоц трясущимися руками начал готовить камеру к съёмке. Скорее!.. Какие кадры пропадают!

Бюфтон резко вздёрнул голову, захлопнул пасть, но крик не смолк, а перешёл в хриплое клокотание. Мышцы на толстой шее напряглись, проталкивая улов в желудок, затем нижняя челюсть с костяным стуком ударила о камни, верхняя поднялась, растягивая ловчую сетку усов. Бюфтон вновь затянул переливчатую песню кормёжки.

Вот он каков, знаменитый глоток бюфтона! При съёмках с орбиты зрелище это вовсе не так впечатляет... а если добавить ещё и звук... зрители с ума свихнутся!

Гоц приник к камере, стараясь одновременно заснять всё разом: и пургу белянок, и зверя, замершего в теснине, и сами горы... В следующий миг локоть инспектора проскользил по сдизи, оставленной каким-то мелким хищником, и Гоц понял, что падает. Вскрикнув, он выпустил незакрепленную камеру и вцепился пальцами в сопливый камень. Ему чудом удалось удержаться на самом краю обрыва, а вот широкофокусная камера, купленная специально для съёмок вожделенного фильма, кувырнулась вниз и забрякала по камням. Камера была сделана на совесть, и падение не могло бы повредить ей, но в конце пути, описав дугу, камера вцепилась как раз между роговыми наростами жирующему бюфтону. Вся гоцева маскировка пошла насмарку,

зверь немедленно обнаружил человека, цепляющегося за обрыв прямо над его головой.

Ужаснее мог быть лишь вид пикирующего флайера! Зверь фыркнул так, что поток бабочек взвихрился снежной круговертью. Пасть захлопнулась, напуганное чудовище ринулось в бегство. Обычно бюфтоны двигаются неспешно, пробуя на прочность каждый камень и сохраняя важную невозмутимость. Но сейчас объятый ужасом великан сослепу ринулся штурмовать противоположный склон. Обрыв был крут, а выветрившийся камень — хрупок. Камнепад не заставил себя ждать, камни, каждый из которых с лёгкостью раскроил бы голову неудачливому инспектору, с глухим стуком отскакивали от костяной брони. Бюфтон издал трубный звук, полный страха и отчаяния, с трудом развернулся в теснине и рванул к выходу из ущелья. Разбуженное эхо грохотало камнепадами, под конец где-то сошла настоящая лавина.

Аниэль Гоц ухватился за неровный край, прилагая все силы, чтобы не сползти по наклону к самому обрыву, где не было бы уже никаких шансов удержаться. Руки в перчатках мёртво впились в камень, если бы не противомосkitная маска, Гоц вцепился бы в стенку зубами.

Медленно, очень медленно Гоц отполз с проклятой площадки на карниз, узкий, но зато ничуть не покатый, даже задранный к краю. Здесь инспектору удалось встать и потихоньку отправиться в обратный путь. На место так неудачно выбранной засидки Гоц даже не оглянулся. Осторожно переступая, Гоц обогнул выступ скалы и в растерянности остановился. Дороги не было. Карниз был начисто сметён прошедшей минутой назад лавиной. Дно ущелья скрывалось в густой пыли, и лишь перелётные бабочки безучастно с механической неумолимостью продолжали своё течение, скрываясь в пыльном облаке, как до этого исчезали в глотке жирующего бюфтона.

Гоц почувствовал, как крошится под ногой выветрившийся камень, и поспешно сделал несколько шагов назад. Он ещё не испугался и покуда всего лишь недоумевал, как будет выпутываться из неприятной истории. Вперед дороги нет, назад — тоже. Остаётся сидеть и ждать, когда тебя хватятся и придут на помощь. Флайер отыщут по маяку, дело нехитрое, а потом?.. Да и когда еще хватятся, что инспектора нет на месте. Это ежели Римма Никифорова со складов исчезнет, все сразу возопят, а что инспектор по охране природы пропал, так они только рады будут. Гоц

представил ехидную усмешечку Сагита и от бессилия закрипел зубами. Надо же, так бездарно влипнуть!

Возле уступа, разделяющего уцелевший участок тропы на две неравные части, карниз расширился настолько, что Аниэлю Гоцу удалось сесть, спустив ноги в пропасть. Конечно, не такая уж и пропасть, с десятиэтажный дом, но почему-то очень не хотелось падать туда, и Гоц держался за карниз, словно не было в мире места желаннее.

Пыль внизу постепенно оседала, вернее, её выносило ветром. Вскоре различимым стало дно котловины. Аниэль Гоц глянул вниз и скривился, как от зубной боли. Внизу, придавленный рухнувшей глыбой, лежал убитый бюфтон.

Дурак! Скотина безрогая! Ну какого черта тебя понесло стены рушить? Подумаешь невидаль, кинокамера сверху свалилась? Кормился бы себе и кормился... Нет, ему паниковать взбрело в дурацкую башку! Вот, пожалуйста, и сам убили, и я тут теперь, как скворец на шестке! Как я об этом в отчете напишу, меня же с потрохами сожрут, если узнают, что тут случилось...

Гоц замолк, пораженный холодной мыслью, что никто ничего может и не узнать: ни как погиб глупый бюфтон, ни куда делся самонадеянный инспектор по охране природы. На станции ни единая душа не в курсе, куда он отправился, и хватиться его могут дня через три, когда все фильтры будут забиты мошкой и придется дышать без защитной маски. Да его же здесь заедят в лучшем виде! И как назло, никаких репеллентов не захвачено, не полагается в заповеднике. Правда, на малоосвоенных планетах, когда выходишь со станции, предписано брать с собой тревожный маячок, но Аниэль Гоц не считал это для себя обязательным. Сагит же не берет маячок, когда отправляется на охоту. Если на полях возится, то маяк попискивает, но ни разу его сигнал не донёсся со стороны гор. Значит, тоже оставляет дома, хотя за такие вещи можно заплатить изрядный штраф.

Теперь Гоц не умом, а сердцем понял, что тревожный маячок существует вовсе не для того, чтобы инспектор мог следить, где шатается человек, затесавшийся в заповедную зону. Был бы сейчас маячок с собой, в полминуты можно было бы активизировать аварийный сигнал, и услужливая автоматика немедленно взбудоражит всю колонию. Только кто мог подумать, что здесь, в собственной вотчине, ему может понадобиться помощь спасателей? Гоц подозрительно захлюпал носом, поднялся, кроша непроч-

ный сланец, и вновь двинулся по карнизу, выискивая место, где оставалась хотя бы малейшая возможность спуститься вниз. Не было такого места, и верёвки с собой не взято, и крючьев, о которых Гоц лишь в книжках читывал... а позади наклонной площадки тропа постепенно сходила на нет, так что даже вперед вслепую было бы не пройти.

Бесцельно побродив по карнизу, Гоц вернулся на прежнее место, снова уселся, глядя вниз, где валялась туша виновника всех неприятностей. И ведь в отчете придется писать, что в ущелье погибла самка бюфтона... попала под камнепад. Ой неловко-то как!..

Время ползло издевательски медленно, выматывая душу и испытывая на прочность терпение. Хотелось пить, мучительно казалось, что фильтр уже забился слюдянистыми крылышками мошкары и дышать становится всё труднее. Есть тоже хотелось, хотя обеденное время прошло только-только, а в обычной жизни Аниэль Гоц не страдал избытком аппетита. Это всё от ожидания: сидишь без дела, вот и мерещится чёрт знает что... Интересно, когда его хватятся? То есть не его, конечно, а флайер. Никифоров мужик хозяйственный, он живо заметит, что аэроплан не в ангаре стоит, а брошен у входа в ущелье. На следующий день — встревожится и попробует вызвать инспектора по местной связи. Потом запросит данные спутниковой разведки и, когда узнает, что в горах совсем недавно сошла лавина, может быть, встревожится. А может, и нет, решит, что инспектор ушел в заповедник дня на три-четыре, как и положено — пешком. А рацию, вопреки уставу, не захватил. Было уже такое, что Гоц уходил надолго и без связи. Тогда Никифоров бросился его искать, а потом был оштрафован Гоцем за несанкционированные полёты над заповедником. Так что не полетит Никифоров на выручку, нет... И никто не полетит, у них сейчас посевная идет, не до того, чтобы обсуждать, а не случилось ли беды с пропавшим человеком. Вот через неделю да — они забегают! Только Гоца к тому времени жуки сгрызут. Уже сейчас над телом погибшего бюфтона темно от налетевших мух. Откуда только взялись — вроде бы в горах их не так много. Потом за дело возьмутся жуки-могильщики, красно-чёрные солдатики, стафилины и мясные мухи, а под конец троксы и кожееды, которые сгрызут сухожилия и роговой панцирь.

Огромная зелёная, как фамильный изумруд, муха уселась прямиком на колени Гоцу, забежала, словно

выбирая место, куда отложить отвратительную свою кладку. Падальная муха, люцилия! Она способна за несколько километров учуять свежий труп и первая прилетает на поживу. Но он-то покуда не собирается подышать!

— Кыш! — закричал Аниэль, отмахиваясь от трупоедки и едва не сорвавшись при этом с карниза. — Пошла вон, дрянь!

С неумолимой ясностью представилось, что ждёт его в ближайшие три-четыре дня. Жажда станет нестерпимой и погонит его на авантюрную попытку спуститься с обрыва. Короткое падение, кровь на камнях и воющая туча крылатой нечисти, которая за сутки обгложет его до костей. Хорошо, если доведется разбиться насмерть, а если только покалечишься и достанешься шпанкам и жигалкам ещё живым и чувствующим боль? И даже если он сможет терпеть жажду, через несколько дней придётся снимать маску, поскольку фильтр откажет окончательно. Тогда кровососы облепят лицо, полезут в глаза и ноздри, вгрызутся в уголки губ. Вряд ли кто сумеет усидеть на приступочке в такой ситуации. Лучше уж сразу нырять вниз головой.

Что же это получается? В наше время, на почти освоенной планете человек, специалист, можно сказать, единственное официальное лицо на весь этот мир, должно погибнуть столь жуткой смертью, и никто, ни единая душа, не придёт на помощь? Беспольны станции слежения, надзирающие, чтобы никакой посторонний корабль не приблизился к заповедному миру, не помогут егеря, готовые вылететь по первому сигналу, не спасёт высокое начальство и коллеги из Гринписа. Сдохнет Аниэль Гоц на боевом посту, пополнив собой список мучеников науки...

Басовитое гудение прервало танатоидальные мысли. Вдоль ущелья, держась в нескольких метрах от обрыва, медленно летел грузовой флайер. Сквозь прозрачную лобовую броню Аниэль Гоц разглядел лицо Сагита.

Увидав недруга, Аниэль так удивился и возмутился, что на долю секунды даже забыл о своём бедственном положении. Вот оно как?! Этот браконьер запросто болтается на казённом грузовике в самых заповедных местах, где даже охране нельзя появляться иначе как пешком! Ну, этого он так не оставит... с поличным взять Сагита не удалось, так что от тюрьмы он открестится, но уж фермы лишится наверняка и будет выслан с Земландии без права возвращения.

Гоц поспешно поднялся и принял максимально внушительный вид. Затем повелительно махнул рукой, требуя остановиться.

Флайер завис метрах в пяти от карниза, Сагит откинул колпак, высунулся наружу и принялся внимательно разглядывать Гоца.

«Вот оно! — галопом неслись мысли. — Значит, он не по своим горам шастает, а сюда летает! Как же я его раньше не углядел? Ну ничего, сколько веревочке ни виться, а кончик сыщется!»

— Сидишь? — неласково спросил Сагит. — Ну, посиди ещё чуток, пока я с делами управлюсь.

Спасительный флайер медленно отплыл в сторону и опустился у самого завала. Сагит выскочил из кабины, подошёл к туше бюфтона, принялся придирчиво осматривать ее. У флайнера откинулся грузовой люк, погрузчики деловито принялись разбирать завал. Через четверть часа освобождённая от камней туша была втянута внутрь, и люк захлопнулся. Все это время Аниэль вьюном вертелся на карнизе, рискуя сорваться и загрохотать вниз. Происходящее не укладывалось ни в какие рамки. Преступник даже не пытался скрываться, он действовал столь нагло и открыто, словно в кармане у него лежала лицензия на отстрел. Хотя какая тут может быть лицензия, здесь же заповедник, к тому же скоро гон, а это — самка, которых вообще трогать нельзя ни при каких условиях! Теперь мерзавец не отделается ни штрафом, ни высылкой!

Сагит закончил работу, вновь взлетел на уровень карниза и откинул колпак, пристально разглядывая Аниэля.

— Ваши действия неправомочны! — гневно заявил Гоц. — Полёты над заповедником, и потом... кто вам дал право забирать тело погибшего животного? Я буду писать рапорт в региональное управление по охране окружающей среды!

— А ты скотина, Гоц, — раздельно произнес Сагит, разглядывая инспектора. — За бюфтона тебя совесть не мучает? Ведь самку угробил.

— Несчастный случай! — быстро произнёс Аниэль. Его вдруг осенила элементарнейшая в своей чудовищности мысль, что сейчас Сагит столкнет его с обрыва или просто улетит, бросив тут на верную гибель. В старых книгах подобные вещи встречались сплошь и рядом, так почему бы такому не произойти и сегодня? Тут не Земля, а дикий мир, на всей планете и полсотни человек не проживает... рассле-

дования проводить некому, да и незачем, спишут на нелепую случайность — и вся недолга.

— Значит, не мучает... — задумчиво произнёс Сагит. — Только когда рапорт сочинять станешь, не забудь указать причину, с чего бы вдруг лавина сошла. А я доказательства предоставляю. — Сагит поднял руку и повертел перед Гоцем крошечным пёстрым параллелепипедом, в котором инспектор узнал кассету, специально купленную для съёмок злополучного фильма.

— Отдайте! — потребовал Гоц. — Это чужое имущество!

— Копытень тоже чужое имущество, — веско возразил Сагит, — к тому же он живой, а ты его чуть не убил. Припозднись я на пару часов — и всё, заели бы зверя. Или ты только диких животных охраняешь, на остальных тебе плевать с присвистом?

— Какой копытень? Я ничего не знаю! Это тебе придётся объясняться, каким тебя сюда ветром занесло. Тут заповедная зона.

Сагит притер флайер к самому обрыву, протянул руку. Гоцу на мгновение показалось, что его собираются схватить за шкурку, чтобы рывком... скинуть вниз или втащить в машину? — этого Гоц не понял. Однако Сагит всего лишь ухватил двумя пальцами за край воротника и выдернул оттуда крошечный пеленгатор, пропажу которого Аниэль успел оплакать.

— Вот как меня сюда занесло, — учительским тоном произнес Сагит. — Прибыл для спасения гибнущего человека. Летел за очередной партией зерна, а тут вдруг сигнал... Кстати, будешь писать рапорт, не забудь указать, каким макаронным изделием эта штучка оказалась в ухе моего копытня. Насколько я разбираюсь, это имущество экологического общества, редких животных кольцевать... Только не здесь, не на Земландии... тут с жучками, сам понимаешь, аккуратнее нужно.

Гринписовец позеленел.

— А бюфтона я сдам, — соловьём разливался Сагит. — Доложу, каким образом я его нашёл, доказательства представлю — и сдам. Мне и десяти процентов комиссионных хватит. А штраф и всё остальное, чем ты меня пугал, это с виновника. Ну что, полетели рапорт писать?

— Подавись ты своим бюфтоном, — через силу выдавил Гоц.

— Вот видишь, бюфтон уже мой, — доброжелательно сказал Сагит. Он вытащил откуда-то лист бу-

маги и протянул Аниэлю, по-прежнему стоящему над обрывом. — Давай-ка, во избежание, актик подпишем, мол, бюфтон достался мне по праву, поскольку выполз на моё поле и посеы травил. Не жрал, конечно, бюфтон кукурузы не ест, а просто вытапывал. Так, мол, и так, при осмотре места происшествия... тут всё стандартно... разрешение на вывоз и продажу... фотографии я потом приложу, у меня их есть. Сам понимаешь, на моём острове бюфтонов больше, чем на всей остальной планете, вот и лезут на поля почём зря.

— Сволочь ты, — тоскливо сказал Гоц.

— Ну вот, чуть что, так и сволочь. Я же тебя спасаю. Не хочешь, не подписывай, — полетели рапорт составлять.

— А почему тут написано, что бюфтон — самец?

— Тебе нужны разбирательства из-за убитой самки? Мне — нет. Самку я даже с твоим разрешением убивать не стану.

Аниэль Гоц вздохнул, прижал лист к прозрачной лобовой броне флайера и, проклиная всё на свете, подписал бумагу услужливо поданной ручкой.

— На каждой странице распишись, — напомнил Сагит.

— Всё равно я тебя поймаю! — истово пообещал Гоц.

— Лови, — согласился Сагит, распахивая дверцу. — Только смотри, как бы снова где-нибудь не завязнуть. Второй раз могу и не успеть вовремя.

Яичницу Сагит накрыл колпаком из частой стальной сетки и с тарелкой в руках вышел на улицу. Его слегка пошатывало после бессонной ночи, но всё же Сагит был доволен: он успел сделать всё, и теперь можно было не торопясь проверить пару предположений. Одно предположение касалось насекомых, а второе — души человеческой.

Тарелку Сагит поставил на приступку крыльца, а сам уселся рядом. Привлечённые вкусным запахом немедленно слетелись слепни, стрекалки и всякие иные мухи. Но больше всего в этот ранний час было комаров. Насекомые облепили сетку густым шевелящимся слоем, но частая сеточка не пускала их к пище. Сагит терпеливо ждал, поглядывая в смотровой глазок, без которого, пожалуй, сквозь сетку и не заглянуть было бы. Вот наконец один особо тощий комаришка, сложившись чуть не вчетверо, протиснулся сквозь ячейку, расправил крылышки и уселся на край глазуньи. Тщедушное брюшко раздавалось на глазах, ощутимо отсвечивая желтым.

«Хорошо, — размышлял Сагит, — идёт он явно на тепло... а вот как сосать умудряется? Комар ведь сосать не умеет, ему кровь самотёком должна идти. Возможно, свою роль играет поверхностное натяжение. Надо будет потом предложить им лопнувший желток, любопытно, сможет ли комар им питаться? Не исключено, что тут свою роль играют капиллярные процессы...»

К тому времени, когда первый комар отвалился от пиршественного стола, рядом сидело ещё с десяток дудкомордых тварей. Раздувшийся желтобокий обжора, спотыкаясь, бродил по тарелке, несколько раз порывался взлететь, но частая сетка не пропускала огрузневшее тельце. Ловушка работала идеально, отсортировывая яйцеедов. Потом будет легко проверить, дадут ли они полноценное потомство, или же чистый белок не годится для комариных самок.

Негромкий гул заставил Сагита поднять голову. Большой пассажирский флайер выскользнул из-за холма, резко тормознул и опустился у самого дома. Из флайера выпрыгнул Аниэль Гоц, следом вылезла чета Никифоровых и Пювис Пюже — агроном центральной усадьбы. Даже сквозь маски было видно, что свидетели, притащенные Гоцем, чувствуют себя неловко.

— Над заповедником, значит, летать нельзя, а над моей усадьбой — можно? — спросил Сагит, шагнув навстречу гостям. — Скаковой копытенёк к флайерам приучен, а где я теперь остальных искать буду?

— Нам стало известно, — произнёс Аниэль Гоц, глядя Сагиту поверх головы, — что вами вчера незаконно убит бюфтон.

Гоц ткнул рукой в сторону коптильни, которая у Сагита вызывающе стояла возле самого дома.

— Есть бюфтон, — признал Сагит. — Вы же сами вчера акт подписывали. Если память заклинило, могу показать и вам, и свидетелям.

— Речь идёт о другом бюфтоне, — повысил голос Аниэль. — Причём о самке! Вы застрелили самку и должны отвечать по всей строгости закона! Мне необходимо провести досмотр этих помещений!

— Ордера на обыск у вас, конечно, нет, — произнес Сагит ледяным тоном, — однако не будем формалистами. Прошу, господа.

Вход в коптильню, как и всюду на Земландии, осуществлялся через специальный тамбур, однако репеллентами тут, в самом прямом смысле слова, и не пахло, так

что гости, не особо надеясь на дым, не стали скидывать накомарники.

Разделочные столы оказались пусты и выскоблены, а вот сами копильни загружены.

— Процесс ещё не закончен, — сказал Сагит, — однако кто умеет дифференцировать копчёное мясо бюфтона по половому признаку, может открыть один из аппаратов и отобрать пробу.

— Внутренности где? — отрывисто спросил Гоц.

— Выкинул. На улицу. Прямо здесь, около стенки.

Аниэль представил, что за сутки сделает с требухой саркофага и синяя мясная муха, и помрачнел. На Земландии отходы можно выбрасывать на любом месте, не залежатся. Разве что крупные кости останутся, но и те через пару месяцев будут источены жучками и крошечными клопиками — алидами.

— Голову тоже на улицу выкинули?

— Нет. — Сагит указал на большой автоклав, от которого волной шёл жар. — Голову не выкинул, вон она вываривается. Череп хочу сделать.

— Откройте! — приказал инспектор.

Сагит глянул на таймер.

— Вообще ей ещё три минуты вывариваться, но, полагая, это не принципиально.

Загудел насос, зажурчала вода, автоклав быстро начал остывать. Через несколько минут крышка автоматически откинулась, глазам свидетелей предстал очищенный от мягких частей череп огромного бюфтона. Острый пар и вода пощадил только кости и роговые пластины усов. Пасть была разинута словно во время кормёжки, на сложных сочленениях челюсти ещё оставались следы сухожилий. Костяные пластины большей частью осыпались (их придётся потом укреплять проволокой), и две пары рогов, выпирающие из белой кости, смотрели прямо на присутствующих.

— Это похоже на череп самки? — спросил Сагит. — Кстати, прошу обратить внимание, на правом нижнем роге имеется скол. Так вот, он хорошо виден на той фотографии, что приложена к акту. Ещё вопросы будут?

— Где самка? — закричал Аниэль. — Самку куда дел, ворюга?

— Послушай, Гоц, ты что, с обрыва рухнул? Какая самка? По документам числится один бюфтон. Самец.

Вот голова этого бюфтона. Вот его рога, так что это

никак не может быть самка. Вот тут коптится мясо, надеюсь, все понимают, что двух бюфтонов туда не засунешь при всем желании. Если угодно, я могу поклясться здоровьем детей, что никакой самки бюфтона я не убивал. Ни вчера и никогда прежде. А вот ты можешь дать такую клятву?

Инспектор развернулся и, не ответив, пошел прочь. Смущённые понятия двинулись следом, лишь Роберт Никифоров приотстал и, извиняясь, сказал:

— Ну что поделаешь с заразой? Ты вот с ним воюешь, а мы люди зависимые. Не будет дотаций — враз в трубу вылетим, а он тут единственное официальное лицо.

— Всё в порядке, — успокоил директора Сагит.

Представитель Гринписа шёл молча, обычно говорливая Римма тоже помалкивала, видимо, чувствуя себя неловко, зато агроном разворчался не на шутку.

— Мне с самого начала было неясно, — сердито выговаривал Пюже, — откуда вы взяли свою «проверенную» информацию. Что вы скажете теперь? Вы заставили нас, словно мальчишек, лететь через океан, за десять тысяч километров, только для того, чтобы выставить в идиотском свете! Да-да, извольте объясниться!

Аниэль Гоц молчал, вид у него был такой кислый, что мухи, кружащие вокруг головы, падали замертво.

— К тому же, если у вас вчера были какие-то подозрения, вы должны были тогда же их и проверить, а не подписывать акт на одного бюфтона и тут же вызывать нашу комиссию. Мне это сильно напоминает какую-то нечистоплотную интригу. Да-с! Что вы молчите, забодай тебя комар?!

Должно быть, этой популярной на Земландии присказки и недоставало Гоцу, чтобы окончательно впасть в истерику.

— Была самка! — заорал он, топая ногами. — Точно знаю, что была! И пусть он кланётся, чем хочет, но я её найду и доказательства предоставлю!

Окончательно потеряв голову, Гоц ринулся к Сагитовой тарелке и сорвал с неё защитный колпак. Неизвестно, какие доказательства собирался он там найти, вряд ли замученную самку бюфтона весом в полторы тонны. Обнаружил он тарелку с яичницей, обсиженной пирующими комарами. Дорвавшееся до угощения мушиное племя мгновенно облепило остывшую глазунью. Пленённые жёлтобокие комары один за другим тяжело подымались на крыло и спешили убраться подобру-поздорову.

— Ты что делаешь? — закричал Сагит. — Я у тебя по тарелкам не лазал!

— Ерунда, — отмахнулся Гоц. — Это всё равно уже есть нельзя. Нашёл место, где завтракать...

— Вот что, — звенящим от бешенства голосом пропел Сагит, — вали отсюда, пока цел! И учти, я собираюсь зенитную установку поставить, тучи расстреливать. Вздумаешь ещё раз сюда по воздуху заявиться — не обессуди, если тебя за градовое облако примут. И вообще лучше тебе ближе тысячи километров от меня не появляться. Всё понял, скалолаз?

— Ничего, — пообещал Гоц, — я ещё сюда вернусь. Сейчас твоя взяла, я улетаю, но ты у меня тоже улетишь прямо в камеру, лет на десять, так что дорогу на Земландию забудешь.

Этого оказалось слишком, и терпение Сагита лопнуло. Фермер подхватил упавший проволочный колпак и с размаху надел его Аниэлю на голову.

— Вон отсюда!

— Нападение на инспектора! — завопил Аниэль Гоц, стаскивая стальное сооружение вместе с противомоскитной сеткой. Те слепни, которым не хватило места на почти уже съеденной яичнице, радостно облепили физиономию защитника природы, лишив его возможности как нападать, так и защищаться.

— Мужики! — командирским басом крикнула Римма. — Ишь что вздумали! Я вас вмиг обоих взгрею!

Аниэль взвыл дурным голосом и ринулся к флайеру. Римма и Пювис Пюже побежали за пострадавшим, на ходу вытаскивая какие-то флаконы. Рядом с Сагитом остался только Роберт Никифоров.

— Зря ты так, — медленно произнес Роберт.

— Достал он меня, — коротко объяснил Сагит.

— Я не о том. Гоц дурак, а что с дурака взять? Я про самку. Думаешь, я не понял, что ты старый череп вываривал? Кость разбухла, но ведь экспертиза такие вещи определяет на раз. Так что сейчас тебе просто повезло, но ведь Гоц прав, доиграешься ты с такими делами.

— Не убивал я самки, это Гоц ее угробил, а я подобрал. У меня это дело на пленку заснято, если хочешь, потом покажу. Будь иначе — как думаешь, позволил бы мне Гоц тушу забрать и стал бы подписывать все эти бумаги? Да он бы удавился раньше. Конечно, я пожадничал, надо было всё по закону делать. Бегал

бы сейчас Гоц по начальству, писал бы объяснительные, а я бы и горя не знал. Я это потом понял, когда мы расставались, уж больно глазёнки у него посверкивать начали, сразу видать — пакость задумал.

— Понятно... — Никифоров поднял сетчатый колпак, бесполезно накрыл им тарелку. — А это ты решил мою байку проверить?

— Ага! — улыбнулся Сагит. — У меня по этому поводу кое-какие мыслишки появились. Мы тут все, хочешь не хочешь, малость энтомологи. Один Гоц... эколог.

Посевную страду Сагит избыл в одиночестве, жена всё ещё отдыхала на курорте, а у сыновей, которые учились на старой Земле, была сессия.

Хотя это только говорится — страда, а пахут машины, радиоуправляемые трактора системы Немцова. Оператору только и есть заботы следить, не сбоит ли где автоматика. И, конечно, метаться от одного излучателя к другому, поскольку сейчас башенки работают в запредельном режиме, чтобы не просто отпугивать вредителей, но убивать куколки и кладки яиц, оставшиеся с прошлого года. Вообще-то не полагается так поступать, но иначе урожая не соберёшь. Да и вообще мелкий сельскохозяйственный вредитель — не то существо, которое требует охраны. Их и без того слишком много, так что инспектор по охране природы смотрит на такие вещи сквозь пальцы.

Кстати, с самим инспектором за последние две недели Сагит сталкивался всего однажды. Прилетел на базу получать купленный по случаю цех биосинтеза и был перехвачен мстительным Аниэлем Гоцем.

— Вы в курсе, — заявил инспектор, старательно не называя врага по имени, — что приобрели запрещённое технологическое оборудование?

— Нет, — искренне ответил Сагит. — А что, оно окружающую среду загрязняет?

— Не в том дело. Вот поинтересуйтесь! — Аниэль протянул толстенный «Перечень пищевых добавок, запрещённых к применению в животноводстве».

Сагит добросовестно перелистал заложенные страницы.

— Ничего не понимаю, — сказал он. — Тут написано что-то о телятах, бройлерах, ганимедских шуярах — и ни слова о запрещённом оборудовании. Я же не собираюсь шуяров разводить, они у нас не приживутся.

— А зачем вам тогда участок по производству жидких белковых кормов, уже десять лет как запрещённых, понимаете, запрещённых в производстве мясопродуктов!

— Знаю я, что такие прикормки запрещены, — миролюбиво сказал Сагит. — А кто бы иначе продал мне этот цех по цене металлолома? Так ведь я и не собираюсь пищевыми добавками торговать, я хочу копытней разводить. Выкармливать буду через форсунку. А что добавки запрещены, так копытень и без того несъедобен.

— Зачем вам это? Шерсти с копытня начесать можно — кот заплакал, а больше его — куда?

— На экспорт, — ни секунды не замешкавшись, ответил Сагит. — Беговой копытень подороже любого иноходца будет. Особенно если в моду войдет. Скачки организую, тотализатор...

— А чем их кормить на других планетах? Пакость вашу белковую санитарный контроль не пропустит, будьте уверены! К тому же, чтобы зверь в форме был, ему настоящие насекомые нужны, с хитиновыми оболочками, иначе отжимной желудочек работать не будет. Заболеют ваши копытни и передохнут!

— Комаров буду вывозить сушёных, а кормить при помощи вентилятора. Знаешь, сколько на Земле стоит килограмм сушеных комаров? О-го-го!

Аниэль Гоц ушёл в полной уверенности, что Сагит повредился разумом.

Оборудование Сагит успел получить, а вот заняться им времени не было. Хотя ни по каким башенкам землепашец не мотался, энергию не распределял и вообще словно забыл о существовании лучевой защиты. Башенки работали вполсилы, не убивая насекомых, а лишь отгоняя их и не задерживая до поры развитие кладок и куколок, которыми была напичкана земля. Ведь по осени Сагит не проводил ни пахоты, ни вообще какой-либо обработки земли, дозволив вредителям беспрепятственно плодиться.

С неба беспрестанно сыпал мелкий тёплый дождик, под которым в неудержимый рост пускалась всякая травинка. Такова земландская весна, которая скоро сменится жарким и солнечным летом с грозами и зарницами в полнеба.

С курорта вернулась Марина, досрочно сдав сессию, прикатили двое сыновей. Средний — Михей прислал отчаянное письмо. Похоже, парень не на шутку влюбился и не мог приехать домой даже в такую жаркую пору. Сагит

поворчал для порядка и позволил не приезжать. Марина, непревзойденный спец по части ветчины, шинки и карбонада, спешно занялась приведением в порядок коптильни. Сыновья готовили технику и приводили в порядок оружие. Распаханные поля густо зеленели. Конечно, у Никифорова на материке всходы еще лучше, но если учесть наплевательское отношение Сагита к посевам — следует сказать, что земландские чернозёмы недаром считаются лучшими во вселенной.

С вечера Сагит спустился в подвал, где располагалось энергетическое хозяйство фермы, и, повернув рубильник, разом обесточил все излучающие башни. Нежная зелень осталась беззащитной перед ордами вредителей.

Рассвет Сагит встретил в поле. Казалось, вся пашня ожила и движется, ворочаясь и перемешиваясь небывалым водоворотом. Никакое нашествие саранчи, ни исход червеца, ни хищное кочевье муравьёв Лонгуса не могли сравниться с тем, что творилось на полях. Никем и ничем не сдерживаемое половодье насекомых захлестнуло посевы. Всё, что могло летать, рыть или ползать, покинуло привычные места обитания и алчно устремилось на сладкую земную траву. А из-под земли, не тронутые ни хищниками, ни ядохимикатами, лезли ещё большие орды листогрызов. Земли уже не было видно, не было видно пожранной в мгновение ока зелени, всюду сплошное кишение насекомых. Словно воплотилось в жизнь бредовое видение биолога-популяризатора, живописующего, каким станет потомство одной мухи, если дать ей возможность размножаться беспрепятственно.

Копытень, на котором Сагит приехал сюда, всхрапнул и, взбрыкивая, задом умчал прочь. Такое количество еды уже не казалось ему едой, зверь не на шутку перепугался. Ничего, к вечеру он вернётся, усталый и обожравшийся, так что будет сплёвывать не хитин, а лишь слегка помятых капустниц, пружиков и всякую мушиную мелочь.

А потом со стороны синеющих гор, перекрывая громогласный стрёкот насекомых, донёсся певучий вопль бюфтонов. Покинув зимние кормилица в узких бесплодных теснинах, бюфтоны шли на равнину. Этих зверей не пугало никакое количество еды. Отсидев целый год на скудном пайке, они стремились отожраться на весеннем раздолье. Тупорогие самки торопились, подгоняя грациозно-неуклюжих детенышей. По сторонам шли самцы, взгорбленные, страшные, готовые обрушить свой гнев на всякого,

вставшего на пути. Хлипкие заграждения, способные остановить разве что дикого копытня, были сметены единым движением. Начался чудовищный жор. Вздёргивались головы, со смачным хлопаньем захлопывались пасти, всякий стонущий, певучий вздох уносил в необъятную утробу несчётное количество насекомых — рои, тучи, облака, бездны...

Сагит приник к кинокамере, выбирая наиболее удачный ракурс. Зоологическое общество, объявляя конкурс на фильм, и помыслить не могло, что получит столь раблезианское зрелище!

Камера была чужая, подобранная в ущелье и отремонтированная. Сагит мельком подумал, что потом надо будет вернуть ее Аниэлю Гоцу.

Постепенно в жирующем стаде объявлялось подобие порядка. Бюфтоники оттеснили детёнышей подальше от разошедшихся самцов, а те всё реже сглатывали жратву и всё чаще угрожающе ворчали, когда кто-то из соперников оказывался слишком близко. И наконец над замершей равниной прозвучал не пиршественный вздох, а настоящий крик, вызов на дуэль, на честный бой. Начались брачные битвы.

Малыши были окончательно оттеснены на периферию, а в центре очутились два самца. Один — матёрый гигант, переживающий второй или третий период гона, другой помоложе, явно впервые вздумавший попробовать свои силы в брачных играх. Соперники встали друг напротив друга, на мгновение замерли, затем разом распахнули страшные пасти и издали трубный клич. Вопль длился не смолкая, терзая нервы и выматывая душу. Остальное стадо замерло, наблюдая за поединком, лишь самые крохи продолжали чавкать, старательно затягивая полуметровыми ротиками обильную пищу.

Минуту, две, три длился нескончаемый крик. Казалось, так может продолжаться вечно, но Сагит, не в первый раз наблюдавший подобную картину, знал, что исход давно предreshён. Один из бюфтонов, тот, что помоложе, оказался ниже ростом, и как ни тянул он к небу усатую челюсть, его более массивный противник постепенно нависал над ним, угрожая ринуться сверху и пронзить рогами. Понял это и молодой бюфтон. Его крик смолк, неудачник начал отползать, по-прежнему разинув пасть и бороздя землю нижней челюстью. В голосе матёрого самца загремели победные ноты.

Отойдя на безопасное расстояние, сломленный противник захлопнул пасть, развернулся и побежал.

Победитель направился было к ждущим самкам, но на его пути встал новый соперник. Это тоже был матёрый бык, ничуть не уступавший врагу ростом. Уставившись крохотными глазками на недавнего победителя, он разинул свой ртище и, не дожидаясь, пока противник станет в стойку, завел брачную песнь. Первый бюфтон без колебаний принял вызов.

Чем-то это напоминало мартовский орёж уличных котов под благосклонным присмотром сбежавшей во двор домашней кошечки. На всю схватку давался один-единственный вдох: у кого первого не хватит воздуха, тот должен или слиться, или перейти в атаку. Первый из бюфтонов только что оторал изрядное время, так что именно ему не хватило дыхания. Однако уступать самозванцу бюфтон не желал. Неожиданно он приподнялся и ткнул рогами, стараясь ударить сверху. На смену крику пришёл сухой костяной стук. Морды обоих зверей обагрились кровью. Вzbесившиеся от призывного запаха мухи серой кисеей заволокли сражающихся, стараясь урвать своё прямо посреди битвы.

Один наскок, второй, третий!.. Ни о каких правилах больше не могло быть и речи, сражение шло насмерть. Оба бойца были покрыты глубокими ранами, но и не думали отступать. И наконец старик, хозяин гарема, одолел самозванца. Четыре рога вспороли гостю брюхо, залив кровью взрытую землю. Поверженный завалился набок. Он ещё пытался встать, хотел даже продолжать бой, но несколько безжалостных ударов вновь опрокинули его. Стонущий бюфтоний крик сменился хрипом.

Победитель повернулся и на этот раз без помех отправился к самкам. Больше никто не осмелился преградить ему дорогу, молодые бойцы понимали, что на этот раз распалённый бюфтон сразу возьмёт их в рога, не позволив наглецу уйти живым.

Побеждённый бюфтон ворочался, волоча по земле разорванные кишки. Сагит перевел камеру на победителя и поднял винтовку. На беззвучный выстрел никто не обратил внимания, ослеплённые весной и любовью, звери сейчас не испугались бы даже и флайера.

Титаническая любовь огромного зверя... только тот, кто видел брачные игры слонов или кашалотов, знает, что такое настоящая страсть. Неповоротливые громады двух тел обретают вдруг небесную грацию, не слышно скрипа костяных пластин и шумного дыхания, всё заполняет

любовь. И нет дела до кровоточащих ран, облеплённых вгрызающимся в живое гнусом. Какая боль? Какой гнус? Есть только счастье жизни.

За несколько часов победитель под ревнивыми взглядами молодых самцов оплодотворил всех взрослых самок. Ему незачем было беречь себя и нечего оставлять на потом, сегодня был его последний день. День смерти и день продления рода.

Усталое стадо уходило с поля боя, оставив на земле два тела: побеждённого и победителя. Большой бюфтон был ещё жив, он тряс башкой, разевал пасть, показывая необъятную глотку, утробно стонал. А мошкара продолжала жрать его живьём. Тут не Земля, тут невозможно залечить даже самую небольшую ранку. В этом и заключается закон жизни, который не мог понять Аниэль Гоц и подобные ему любители крупных зверей. Если бюфтоны хотят процветать, они должны расплачиваться кровью со своей будущей пищей.

А люди должны землепашествовать на земландских равнинах только лишь для того, чтобы больше было насекомых.

Сагит снял крупным планом бюфтонов — мертвого и умирающего, потом — панораму уходящего стада, затем поднял винтовку и прекратил мучения старого самца. Лазерным резаком вскрыл вены убитого — как ни вертись, а кровь должна пролиться, — отснял еще минуты полторы кадров, во время которых будут идти титры: мертвые тела бюфтонов среди пляски ликующих кровососов, облака, из которых прекратил сеять дождь, взрытую, политую кровью пашню.

В кармане звякнул телефон.

— Как у вас там? — Голос старшего сына.

— Все в порядке. Отснял.

— Да я не о том. Зверей сколько?

— Два.

— И у меня два, — врезался в разговор Гарик, младший сын.

— Эх вы, бездельники! У меня пять!

— Все на одном месте?

— На двух.

— А!.. — Гарик сразу успокоился. — У меня тут ещё одно токовище неподалеку должно быть, так я, может, тебя и догоню...

Из сгущающегося сумрака вынырнул пришедший на автоматике грузовой флайер. Сагит занялся погрузкой туш. Оставлять здесь нельзя, за ночь туши будут из-

рядно попорчены. А днём не летаешь, завтра бюфтоны продолжат кормёжку на разорённой пашне, и, поскольку скоротечный гон кончился, появление машин вызовет у них припадок ужаса.

Дела, дела...

Дела текущие: собрать погибших бюфтонов, добить, если кто ещё жив. Иной раз до полутора десятков зверей остаётся на его полях... Успеть всё переработать, ибо вслед за кровососами приходят трупоеды. Потом прилетят перекупщики, тоже считающие его дерзким и удачливым браконьером. Интересно, почему Аниэль Гоц ни разу не попытался перехватить и досмотреть корабль перекупщиков? Обычно Сагит выправлял справку на одного застреленного бюфтона, предоставляя в комитет по охране природы снимки, на которых четко видно, что зверь бредёт не где-нибудь, а по кукурузному полю. А вот если провести таможенный досмотр, то очень легко было бы доказать, что на борту корабля-холодильника копчёностей в десять раз больше, чем можно изготовить из одного животного. Судя по всему, гринписовец четко знает, где можно дать волю принципам, а где следует молчать в тряпочку и делать вид, будто ничего не происходит.

Дела будущие: смонтировать фильм, показать миру, отчего на самом деле гибнут бюфтоны, добиться права заниматься своим делом в открытую. Нужно поставить на поток производство жидкого белка и организовать подкормку кровососущих насекомых. Здесь тоже придётся схлестнуться с гринписовцами, они немедленно попытаются запретить искусственный белок и для комаров. Почему — только из неумного снобизма, или за демонстрациями зелёных маячит чья-то крупная прибыль? Ведь на самом деле искусственная смесь полипептидов ничем не хуже натурального белка, по крайней мере в натуральном белке мутагенных примесей гораздо больше, чем в искусственном. В любом случае придётся драться, не яичницей же кормить комаров... А для того чтобы восстановить популяцию бюфтонов, на материке насекомых потребуется очень много. Странно, почему никто не догадался подумать, что раз на планете столько кровососов, то, значит, они должны эту кровь где-то регулярно брать. Нет, человек в ослеплении полагает, будто миллионы лет земландийские комары вегетарианствовали, дожидаясь того часа, когда прилетят вкусные человеки!

Потом придётся помогать Никифорову перестраивать его хозяйство на разведение комаров и опять

драться с идиотами из природоохранных обществ, которые дико воют, если речь идет о нормальном использовании природы, но не умеют понять, что природа жива только целиком. И значит, человек должен либо уйти вообще, либо вписаться полностью, а не уничтожать комаров, глупо надеясь, что при этом уцелеют красивые бабочки и редкие звери.

А ещё говорят, в западных хребтах материка шастают-таки браконьеры. Ничего, эти сами вымрут, как только будут налажены регулярные поставки неконтрабандного мяса. И все-таки охрану придется организовывать как следует. Жаль, немногие согласятся жить в комарином заповеднике, так что дела каждому будет выше головы...

Сагит на минуту прекратил работу и, глядя на пелену обложных туч, мстительно сказал:

— А Гоца я не возьму даже ночным сторожем.

Евгений Пудин

ЗА ЖЕЛЕЗНОЙ ДВЕРЬЮ

— Не по-нял... — сказал Кирилл и, туго наморщив лоб, тронул кончиками пальцев замочную скважину. Точь-в-точь усомнившийся апостол Фома с той известной картины, где он влагает перст в одну из Христовых ран.

Собственно, дверь была как дверь — с глазком, железная, на массивных петлях. В любом подъезде, на любой лестничной площадке обязательно столкнешься с подобным страшилищем. Времена тревожные — бережется народ, грабежей опасается...

Однако в данном случае гулкий траурно-черный пласт железа защищал не квартиру в целом, а лишь одну из двух ее комнат. На общем же входе было навешено вполне заурядное древесное полотно, обитое снаружи дерматином. Вышибить пинком — раз плюнуть.

— Вы там что, брильянты храните?.. — спросил Кирилл, вновь обретая дар более или менее связной речи.

Олежка Волколупов насупился, неприязненно покосился на железное чудовище, и Кирилл сообразил наконец, что и впрямь вложил персты в рану.

— Дура... — обиженно буркнул Олежка. — Месяц назад взяла и навесила. Дескать, жить уже со мной боится...

— А-а... — Кирилл ошарашенно покивал. Мало того, что угрюмая железная дверь, разделяющая законных супругов, сама по себе представляла завораживающее зрелище, она еще и хранила следы недавнего взлома. Замок — разворочен, край листа — приотогнут. Не иначе — ломиком вскрывали. То есть при всей своей внушительности эта броня даже и защитить никого не могла, поскольку запереться в комнате изнутри было теперь просто невозможно.

— Ключ посеяла... — не дожидаясь вопроса, хмуро пояснил Олежка. — Мне же и ломать пришлось...

Не зная, как себя вести в таких случаях, Кирилл покачал головой и, соболезнующе побрякивая, проследовал за хозяином в большую комнату. Кажется, дела у Маринки с Олешкой шли к разводу... Жаль. Хорошие ребята, а вот поди ж ты...

Маринка ему нравилась еще в институте. И не ему одному. Гладкое крепкое личико, высокая шея, осанка... Помнится, Кирилл изрядно был удивлен, а то и обижен, когда она вдруг взяла и выскочила на последнем курсе замуж за этого увальня. Но Олешка, Олешка! Вроде никогда буянном не был...

— Садись, чего стоишь? — с досадой оглядев собственное жилище, бросил хозяин. — А я пока пойду по сусекам поскребу...

Кирилл, однако, предложением его не воспользовался и, пока друг Олешка скреб по сусекам, с нездоровым любопытством исследовал комнату. Впечатление складывалось странное... Вот, например, кресло. Прекрасное кресло — несомненно, часть гарнитура, а где же сам гарнитур? За железной дверью?

— Что пить будешь? — сердито крикнул из кухни Олешка, выгружая из холодильника обильную, судя по звяканью, выпивку и закуску.

— А что нальешь, — машинально отозвался Кирилл, изучая содержимое посудной горки. — Кроме цукуты, конечно...

Горка была новенькая, только что приобретенная. В посуде же наблюдался явный недочет и разноречивость... Кирилл неуверенно хмыкнул и попытался вообразить следующую сцену: пьяный хозяин стоит с перекошенной мордой посреди комнаты, ворочая налитыми кровью глазами. «Мое... — с ненавистью хрипит он. — Все мое... На мои деньги куплено...» С натужным стоном отрывает кресло от ковра — и вдребезги крушит хрусталь... А в это время зареванная супруга, отгородясь от беды железной дверью, лихорадочно набирает номер местного отделения милиции...

Картина, конечно, колоритная, в духе Шмелькова... Однако в том-то все и дело, что ни Маринка, ни Олешка в роскошное это полотно решительно не вписывались... Или уже вписались?

— Да бери какие попало... — ворчливо произнес за спиной вернувшийся из кухни Олег.

Кирилл нашел пару одинаковых стопок и два более или менее похожих фужера.

— А Мишка Локис в патриоты подался, слышал? — сказал он, водружая посуду на стол.

Олежка обернулся, уставился.

— С ума сошел? — испуганно осведомился он, непонятно кого имея в виду: то ли Мишку Локиса, то ли самого Кирилла. — С такой фамилией — в патриоты?

— Доказал, что русский, из крепостных, — ухмыляясь, пояснил Кирилл. — Дескать, прапрадед у него то и дело баб в рощу увлакивал, ну а помещик начитанный — Локисом прозвал. С тех пор и пошло...

— Оборотни... — угрюмо сказал Олежка и вскрыл коньяк.

Кирилл засмеялся.

— Не принимай близко к сердцу, — посоветовал он. — Каждый устраивается как может...

Они выпили за встречу и закусили фаршированными оливками.

Несмотря на сверхкороткую стрижку в сочетании с ширящейся лысиной, Олежка Волколупов был и внешне вполне еще узнаваем: тот же толстячок с медвежьими ухватками и лицом обиженного ребенка.

— А Томка на рынке мясом торгует, — расстроено сообщил он.

— Какая Томка?

— Савина.

— Хм... — неопределенно отозвался Кирилл. Томку Савину он, честно сказать, помнил плохо. Кажется, такая головастая, коренастенькая. — И что?..

— Ничего... Глаза прячет, боится, как бы кто знакомый не узнал... Ну, понятно: из редакторов — и вдруг в торговки! Подошел я к ней, поздоровался... «А Игорь, — спрашиваю, — что делает?..»

— Игорь?.. Позволь-позволь... Напомни...

— Да муж ее!.. — Олежка недовольно мотнул головой. — Подручным сталевара был. Спрашиваю: «Чем он занимается-то?» Смотрю: а у нее улыбка какая-то... Не знаю, беспомощная, что ли?.. «Людей, — говорит, — уби-

вает». Я: «Как?» «А вот так, — говорит. — В киллеры подался...»

Муж — киллер, а жена мясом торгует? Шуточка о совместном предприятии напрашивалась сама собой, но, взглянув на мрачное лицо хозяина, Кирилл от хохмы решил воздержаться. Надо полагать, чувством юмора Олежка Волколупов с годами так и не разжился.

— Бывает, — с серьезной миной утешил Кирилл, увенчивая бутерброд парой оливок. — По нынешним временам... Еще и не то бывает...

— Вот и благоверная моя так же говорит... — буркнул в ответ Олежек и потянулся к бутылке.

Ага... Кирилл еще раз украдкой осмотрел комнату. Нет, все равно непонятно... У жены — одни взгляды на жизнь, у мужа — другие, но чтобы железную дверь из-за этого навешивать?.. Может, просто спился Олежек?..

С угрюмым сопением хозяин разлил коньяк по стопкам — и вдруг настороженно повел ухом. В замке входной двери шуршал ключ.

— Ну вот... Легка на помине... — недружелюбно известила Олег, но встречать не пошел — даже со стула не поднялся.

Глядя на него, Кирилл тоже повременил вставать — просто обернулся, готовя улыбку.

Маринка поразила его нервным сухим блеском глаз. Конечно, возраст и ей не пошел на пользу, и все же, встретиться они с Кириллом на улице, прежнюю Маринку в этой деловой даме он бы признал без колебаний.

— Кирюша? — несколько озадаченно проговорила она.

Кирилл вскочил, молодцевато кивнул, щелкнул каблуками — и был допущен к ручке.

— Ну ты, мать, вообще не меняешься!.. — молвил он с удовольствием. — Молодец...

Ответив на комплимент беглой улыбкой, Маринка тут же ее пригасила и взглянула испытующе на супруга.

— Ну чего, чего?.. — немедленно заныл тот. — Тыщу лет не видались, случайно встретились...

Ого! Кирилл мысленно присвистнул. Вот это она его держит! Хм... Спрашивается: кто же от кого прячется во дни скандалов за железной дверью? Как там в пословице: не то диво, что жена мужа бьет, а то диво, что муж плачет?..

Ну-ну...

— Ты его не ругай! — комически заломив брови, вскричал Кирилл. — Я ж наглец, забыла? Сам напросился...

Маринка смерила его оценивающим взглядом.

— Ну сам — так сам... — загадочно изронила она и вышла из комнаты. В коридоре тихонько лязгнула железная дверь.

Олежка понял, что оплошал, начав оправдываться при госте, и поспешно насупился:

— А Ленку где оставила?..

— У дедов заночует... — последовал равнодушный ответ, и вскоре Маринка появилась вновь. Широкоплечий белый пиджак с металлическими пуговицами она сменила на долгополый домашний халатик с глубоким вырезом. — В компанию-то принимаете?

Так кто же из них, черт возьми, навесил в дверном проеме эту железяку? По всей видимости, Маринка — но зачем? Вроде бы Олежек вполне безобиден, вдобавок явно заискивает перед супругой... Да оно и понятно: как выяснилось, глава семьи третий месяц болтался без работы... То есть сцена с пьяным хозяином-самодуром, крушащим хрусталь мебелью, отпадала напрочь...

Оставалось предположить, что за истекшие годы Маринка стала окончательной стервой и хладнокровно подготавливается к разводу. У судьи даже вопросов не возникнет: ясно же, что от хорошей жизни броню между комнатами не устанавливают...

А с другой стороны, кто тебе, лапонька, виноват? Столько было вокруг рослых, остроумных, удачливых... Нет, выбрала себе какого-то, прости господи, недотыкомку...

— По-прежнему в газете? — спросила Маринка.

— Не-а... — с дурашливой ухмылкой отвечал Кирилл. — Круто ввысь пошел... Ты, мать, не поверишь, но я теперь в команде у одного депутата. Пресс-центром заведую...

— У которого? — с подозрением вскинулся Олежек.

— У Каторжанского.

— Ты ж демократов терпеть не мог!..

— Я их и сейчас терпеть не могу...

— Начнете про политику — укушу обоих... — агрессивно предупредила Маринка. — Босяки! Вы когда правилам хорошего тона выучитесь?.. Ну кто же это глушит коньяк из водочных стопок?

Стол был немедленно сервирован заново, вместо хрустальных наперстков возникли широкие и довольно объемистые бокалы.

— Эй! — всполошился Кирилл. — Куда такие здоровые?

— Тебя ведь никто не принуждает по самый край наливать, правда?.. — с холодком отозвалась Маринка и тут же плеснула супругу коньяка чуть ли не до половины. А тот, будучи погружен в тяжкое раздумье, машинально принял бокал.

Так... Чем дальше, тем интереснее! Она его что же... нарочно спаивает?

Не забывая приветливо улыбаться, Кирилл с любопытством изучал бывшую сокурсницу. Да, постарела... На высокой шее напряглись, натянулись жилы. Каждую шутку встречает надтреснутым и каким-то, воля ваша, тревожным смехом... Да еще этот сухой нервный блеск в глазах...

— По ящику вчера декана нашего показывали... — с тоской пожаловался вдруг Олежек. — Ну, Витютнева, Витютнева!.. Сергей Палыча... Так знаете, что говорит? «Эти, — говорит, — художники-модернисты наш православный крест правильно нарисовать не могут... Вечно он у них перекошенный какой-то получается. «Мы, мол, так видим». Это не они так видят, это им дьявол глаза отводит...» — Олежек поставил на край стола кулаки, скрипнул зубами и вновь замотал лысеющей, коротко остриженной головой. — Тварь поганая!.. — рыдающе произнес он. — Ты же научный коммунизм преподавал! Как же ты можешь? Память отшибло?..

Кириллу стало неловко.

— Н-ну... — разочарованно протянул он, с укоризной глядя на бывшего сокурсника. — Ты чего? Олежк! Все помнить — это с ума сойдешь...

— Оборотни... — хрипло произнес Олежек и залпом оглушил свой коньяк. — Куда ни глянь... Одни оборотни...

— Смешной ты, ей-богу... — начал было Кирилл — и вдруг обратил внимание, что Маринка уже не сидит, а стоит. Секунду супруги Волколуповы пристально смотрели друг на друга. Потом напряжение спало. Олежек отвел глаза и обиженно нахохлился. Маринка помедлила и вновь опустилась на стул.

Решительно не понимая, что происходит, Кирилл осторожно прокашлялся.

— Я, собственно, о чем?... — с запинкой продолжил он. — Мало ли, что было раньше... Было, да прошло... Настоящим жить надо...

Почувствовал, что порет лютую банальщину, и, устыдившись, выпил. Пора было спасать репутацию.

— Нет, разбаловались мы в застой... — небрежно заметил он, заходя на старую, надежную, бог знает когда придуманную шутку. — Во жизнь была!.. Очевидное — невероятное. Куда бы ты ни шел, ты идешь навстречу очередному съезду КПСС...

Маринка засмеялась и с восхищением взглянула на гостя. Ободренный Кирилл повернулся к Олегу:

— Так что, Олежек, это не мы оборотни, это время — оборотень. Кстати, историей своей про сталевара ты меня не удивил нисколько...

— Сталевара? — не поняла Маринка. — Какого сталевара?

Олежек помялся, заглянул в пустой бокал, немедленно ставший полным, и нехотя повторил свой рассказ о встрече с Томкой Савиной. Маринка слушала с нескрываемым сомнением.

— Станет тебе жена киллера мясом торговать! — резонно возразила она. — Ты вообще заработок киллера представляешь?

Олежек хотел ответить, но не смог — хмелел на глазах. Да что же это она делает? Себе и гостю — по двадцать капель, а мужу — полной мерой. Кирилл всполошился и, сделав вид, что по-прежнему ничего не замечает, принялся пересказывать особо идиотические казусы предвыборной кампании. Олежка клевал носом. Маринка нервно смеялась и лукаво поглядывала на Кирилла...

Чего же она все-таки добивается? Мужа — под стол, гостя — в койку?.. Предположение было настолько ошеломительным, что Кирилл запнулся на полуслове. «Ну это уже вообще ни в какие ворота не лезет...» — хотел было возмутиться он, но вместо этого с новым внезапным интересом оглядел хозяйку. Хм... В койку, говоришь?..

Следует заметить, что к своему прошлому Кирилл относился нежно и бережно. Он никогда, например, не упускал случая исправить ошибку молодости, иными словами — переспать с бывшей одноклассницей, сокурсницей, сослуживицей — не важно, как она выглядит в данный момент и насколько у нее успел испортиться характер.

Вступал, короче, в интимную связь не столько с ней самой, сколько с собственными воспоминаниями.

Тем временем Олежек (еще один кусочек прошлого!) качнулся вправо, влево и, промывав что-то невнятное, мягко ополз со стула на пол.

— Слава богу... — тихонько выдохнула супруга.

В горле у Кирилла стало сухо. Обезоруженный бесстыдством Маринки, он уже мысленно раздевал ее. Потом через силу перевел взгляд на поверженного коньяком друга. «Хотя бы на диван его перенести...» — с последней спазмой неловкости подумал Кирилл. Поднялся, сделал шаг к недвижному телу, но, как выяснилось, списывать Олежку со счетов было рановато: ожил, самостоятельно перевернулся на пузо и, утвердись на четвереньках, с низким горловым урчанием двинулся к гостю. Явно изображал цепного пса.

— Ну, хорош, хорош... — с досадой сказал ему Кирилл. — Чего дурака валяешь?..

Олег шел на четвереньках, и глаза его коньячного цвета были и впрямь круглые, как у собаки. Далее почудилось, что лысина Олежека съеживается, стремительно покрываясь жестким коротким волосом, и лишь потом слуха достиг отчаянный вопль Маринки: «Беги! Беги, дурак!..»

Каким-то образом очутившись рядом с Кириллом, она рванула его за локоть, и оба оказались в коридоре, затем — в малой комнате. Лязгнула, затворяясь, железная дверь, а в следующий миг что-то тяжко и глухо ударило снаружи в металлический лист.

Олежек? Не может быть! Физические возможности курсника были хорошо известны Кириллу. А тут такой удар, что кирпичи захрустели! Как будто кабан грянул с разбегу всей тушей...

— Дверь!.. — вскрикнула Маринка. — Дверь держи!..

Кирилл в недоумении глядел, как она, вцепившись обеими руками в длинную вертикально приваренную скобу, упирается босой ногой в железный косяк. Нет, Маринка не притворялась — ни одна женщина не примет добровольно столь вульгарную, а главное — несоблазнительную позу... Да черт возьми! От кого они вообще тут затворились? От Олега? От этого жировичка?.. Дать ему в лоб по старой памяти — и все дела... Или у него там оружие?..

— Дер-жи... — простонала Маринка, и Кирилл, чувствуя себя последним идиотом, неуверенно взялся за верхнюю часть скобы.

Далее между косяком и краешком стального листа втиснулись волчьи... нет, скорее медвежьи когти и рванули полотно с такой силой, что у Кирилла едва не лопнули мышцы. Еще секунда — и он бы выпустил скобу, но когти соскользнули с мерзким скрипом, и дверь гулко захлопнулась.

Боже... Да что же это творится?..

— Хотела ведь... хотела сегодня новый замок поставить... — захлебывалась Маринка. — Утром зашла... заявку сделать... а у них перерыв...

Кирилл изо всех сил стискивал четырехгранный железный прут, чувствуя, что еще немного — и руку сведет судорогой по локоть... Когти... Что за когти? Откуда?.. Может, он там снаружи чем-нибудь таким зацепил... вроде культиватора?.. Да, но дернуть с такой силой...

— Обрадовалась! Все, думаю, отрубился... — всхлипывая, причитала Маринка. — Овца! Знала же, какой сегодня день... Сама по календарю высчитывала... — Тут она рискнула оторвать одну руку от железа и, наскоро утерев мокрый от слез подбородок, снова вцепилась в скобу. — И черт меня дернул спросить... про киллера этого...

Кирилл ошалело оглядел на диво загроможденное помещение. Комната напоминала склад. Такое впечатление, что сюда было заблаговременно снесено все наиболее ценное из совместно нажитого имущества.

В отдалении заскрежетало, захрустело, затем раздался звон стекла. Слон в посудной лавке... Горку он там, что ли, своротил?.. Оба с замиранием ждали, что будет дальше. Вскоре за дверью жалобно заскрипел разошедшийся паркет, послышалось тяжелое стонущее дыхание — и шкура у Кирилла вновь пошла мурашками. Не мог Олежка Волколупов так ровно и мощно дышать.

Клацнули, шаркнули по металлу когти. Потом еще раз... Вне всякого сомнения, тот, снаружи, пытался подцепить край железного листа. Оба откинулись, всем весом оттягивая скобу. Паркет заскрипел снова. Кажется, отошел...

За окном по содрогнувшейся улице проехало что-то очень тяжелое, заголосило противоугонное устройство — и Кирилл словно очнулся. Взгляд его упал на телефон, смутно белеющий на полу в двух шагах от двери.

— Позвони... — выдохнул Кирилл. — Подержу...

Маринка повернула к нему искаженное залитое слезами лицо. Уставилась с ненавистью.

— Куда?

— Н-не знаю... В милицию...

— Ага... Чтоб застрелили?..

При слове «застрелили» Кирилл на секунду замер — и вдруг заматерился шепотом. В правом боковом кармане его щегольской кожаной куртки, которую он, придурок, оставил на вешалке в прихожей, лежал «Удар» — изящная безделица, смахивающая на рукоятку от пистолета. Пять баллончиков в одной обойме... «Си-Эс» плюс кайенский перец. Стреляй хоть против ветра, хоть в помещении — кинжальная капельная струя, тут же все и осядет... «Черемуха» — она ж только против трезвых хороша, а тут такая смесь, что и пьяного уложит, и собаку...

А оборотня?..

Негромкое рычание бродило за железной дверью. Поскрипывал паркет.

И Кирилл поймал себя на том, что истерически хихикает. Да нет, это даже не анекдот, это... это черт знает что такое! Олежка Волколупов — оборотень...

За плечом в оконном проеме сияли синие апрельские сумерки и всплывала полупрозрачная округлая луна... Шестой этаж. Вот если бы первый... Хотя бы второй...

— Слушай... — произнес шепотом Кирилл. — И-и... давно он так?..

— Месяца два, — сквозь зубы отозвалась Маринка. — Как с последней работы выгнали, так и началось... И накручивает себя, и накручивает!.. Я у него оборотень... Все у него оборотни... А потом — видишь что...

— Как же вы так живете?..

— Так вот и живем... Д-дура, дура! Вчера еще надо было замок сменить!..

Противоугонка под окном смолкла. Не снимая рук со скобы, Кирилл подался вправо и приткнулся к дверному глазку. Вроде бы коридор был пуст. Потом внизу смутно шевельнулось нечто темное и округлое. Ну правильно, он же на четвереньках... Ч-черт, не могла глазок пониже установить!.. Впрочем, дверь-то, наверное, типовая...

— Надолго это?.. — отрывисто спросил он.

— Когда как...

Весело... То есть можно и до утра тут просидеть... Ладно бы еще замок не был сломан, а то ведь всю ночь не спать, за скобу эту дурацкую держаться... Да уж, что овца — то овца! Ну как это можно было ключ посеять?.. А с замком, конечно, милое дело... И телефон рядом... В крайнем случае позвонить жене, соврать, что у друга заночевал. Хотя... Почему, собственно, соврать? У друга и заночевал...

Вскоре в комнате стало совсем темно. Потом посветлело, на потолок легло смутное косое полотно волокнистого света — город зажег фонари.

— Блин... но я-то здесь при чем?.. — сдавленно выдохнул Кирилл.

— Сам напросился... — злобно напомнила Маринка, даже не повернув головы.

Да, действительно...

Может, и впрямь рискнуть? Выждать, когда зверь, совсем еще недавно бывший Олежкой Волколуповым, отойдет подальше — в комнату или на кухню... До прихожей, где висит куртка, два шага... «Удар» — в правом кармане... Кстати, если на то пошло, там и входная дверь рядом... Стоп! А вот этого не надо. Во-первых, неизвестно, в какую сторону крутить головку замка, а во-вторых — Маринка... Если он ее оставит здесь, а сам сбежит... Нет, неловко...

Кирилл еще раз припал к дверному глазку — и сделал это зря. Должно быть, тот, снаружи, нечеловечески чутким своим слухом уловил его движение и, снова подцепив лист, рванул. Кирилла бросило плечом на косяк, Маринка со вскриком выпустила скобу и отлетела к боковой стене.

— Дер-жать!.. — натужно прохрипел Кирилл, понимая уже, что не удержит.

В темной неуклонно увеличивающейся щели между косяком и дверью воссияли два совершенно волчьих глаза и послышался злобный ликующий рык, похожий на отдаленный рев немыслимо громадной толпы. «Русский бунт... — вспомнилось напоследок ни с того ни с сего. — Бессмысленный и беспощадный...»

Далее возник легкий, быстро усиливающийся звон, пылающие изжелта-зеленые глаза в черной щели дрогнули, расплываясь, — и Кирилл Скрипицын, здоровый мужик, потерял сознание. Ненадолго, на долю секунды... Дверную скобу он, во всяком случае, из рук так и не выпустил. Чуть позже, впрочем, выяснилось, что Кирилл и не смог бы этого сделать — пальцы свело...

В чувство его привел железный гул захлопнувшейся двери. Кирилл попробовал вновь напрячь мышцы, но они были теперь как из ваты. Маринка (темный прямой силуэт) стояла рядом.

— По-мо-ги... — изнемогая, просипел Кирилл.

Мольба его осталась без ответа. Некоторое время Маринка напряженно прислушивалась к тишине в коридоре, потом молча протянула руку и включила свет.

— Все, — безразлично сказала она. — Быстро сегодня...

Лицо у нее было изможденное и словно бы покоробившееся — особенно вокруг глаз. Губы сложены горько и брезгливо — как у старой алкоголички.

Отодвинула Кирилла от двери, что удалось далеко не сразу, и, нажав на скобу, протиснулась в коридор.

Олежка Волколупов лежал в полуметре от железного порожка. Вдвоем они подняли его и перенесли на диван.

— Слушай... — обессиленно сказал Кирилл. — А чего ты с ним не разведешься?

Маринка сделала вид, что не расслышала, и отвернулась.

— Что?.. Проспится — человек?.. — спросил он с усталой издевкой.

Зря он это сделал. Очевидно, слова его явились той самой последней соломинкой, что переламывает хребет верблюда.

Маринка запрокинула искаженное лицо — и тихонько завывала, раскачиваясь. Потом медленно стала оседать на пол. Опомнясь, Кирилл кинулся подхватить — и вдруг понял, отпрянул...

Продолжая завывать, Маринка шла к нему на четвереньках, и радужки обезумевших глаз ее увеличивались, вытесняя белки.

Сергей Лукьяненко

ПЕРЕГОВОРЩИКИ

Планет у этой звезды не было. Ни одной. Зато имелся роскошный пояс астероидов и две группы гипертоннелей — по и над плоскостью эклиптики. Поэтому звезда G-785 и служила общепринятым местом ведения переговоров. В случае опасности можно было попытаться отступить, скрываясь за поясом астероидов.

— Сегодня что-то решится, Давид.

Это сказала Анна Бегунец, главный экзопсихолог Флота. Должность ее, много лет бывшая синекурой, последний месяц оказалась востребована в полной мере. В глубине души Давид восхищался тем, как держится эта маленькая немолодая женщина, на чьих плечах ныне лежала ответственность за судьбу человечества.

— Да? — кратко спросил Давид. Гримёр, занимавшийся раскраской лица, неодобрительно покосился на пилота, но ничего не сказал. Он тоже был профессионалом — лучшим голливудским гримёром из числа немногих прошедших медкомиссию. Ему приходилось заниматься макияжем капризных кинозвезд, ни на минуту не закрывавших рта... только это было на Земле.

— Вы же знаете, Давид, какое сакральное значение придают д-дория числу шесть. Сегодня шестой тур переговоров.

Самоназвание чужих прозвучало из уст Анны очень чисто. Д-дория. Комки разноцветных щупальцев. Сухопутные осьминоги...

Гримёр полюбовался разукрашенным лицом, отступил на шаг, кивнул. Потом присел на низенький стульчик и занялся паховой областью.

— Сегодня гениталии должны быть белыми, — сказала Анна. Голос ее был невозмутим и лишен даже тени иронии. — Это знак добрых намерений и надежды на скорое завершение спора. Меня не оставляет ощущение, что д-дория почему-то не доверяют нам.

Гример покосился на Анну. Несмотря на молодость, этот импозантный негр не боялся высказывать свою точку зрения.

— Белые? А как же красные ободки? Вспомните дополнительное толкование к кодексу цветов, мисс Бегунец!

— Один ободок, — согласилась Анна, поколебавшись. — И не больше!

Давид тоскливо смотрел в зеркало. Примерная на космическом корабле! Боже мой... И он — голый мужик, раскрашенный в немыслимые цвета, должны что-то символизировать. Пять дней назад, после первого тура переговоров, Бегунец рассказала ему русский анекдот про ковбоя и зеленую лошадь. Анекдот не показался Давиду смешным, но запомнился.

И ничего нельзя поделаться. Переговоры должны вести те, кто осуществил первый контакт. На переговоры надо приходиться обнаженными и в символической раскраске.

Можно, конечно, отказаться. Заявить, что люди не приемлют подобных условий. Но не станет ли это поводом к войне?

Как бы ни старались сейчас на Земле правительства и корпорации, строящие Глобальную Сферу Обороны, но у Земли лишь один межзвездный корабль. Первый, экспериментальный, так легко и так не вовремя встретивший чужую разумную жизнь...

У одних лишь д-дория — сотни космических кораблей.

И вот он, прославленный пилот и немолодой, кстати, человек, ветеран НАСА и участник первой марсианской, идет на переговоры, посверкивая ягодицами. Согласно этикету Чужих — то, на чем сидишь, должно блестеть!

Позор. Стыд. Унижение.

Но лучше унизиться, чем погубить человечество.

— Вы не переживайте так, Давид, — сказала Бегунец. — В одном из первых русских фантастических романов при первом контакте с Чужими люди раздевались догола... демонстрировали красоту человеческих тел.

— Как может оценить человеческую красоту сухопутный осьминог? — тоскливо спросил Давид. Покосился на гримера. Тот трудился безропотно и отрешенно. Профессионал... все мы профессионалы.

— Вспомним нудизм и боди-арт, распись по телу, — продолжала Анна. — Опять же — североамериканские индейцы...

— Я старый волосатый мужик с отвислым брюхом и кривыми ногами! — не выдержал Давид. — Мусорная урна — и та красивее меня.

Анна суховаато улыбнулась, будто давая понять — «разговор закончен». Сказала:

— Вы должны быть уверены в себе, Давид. Насколько нам известно, девять разумных рас мирно сосуществуют в космосе. Девять рас! Они не воюют, они уважительно отзываются друг о друге. Неужели мы не сумеем войти в их число?

— Какой из меня дипломат, Анна? Я и с женой-то с трудом общий язык нахожу. — Давид не удержался от ехидства и добавил: — Вот если на переговоры позволят прийти вам... уверен, все сразу наладится.

— Как только это станет возможно, я разденусь догола, намажусь краской и пойду на переговоры, — серьезно ответила Анна. — Смотреть на меня будет не так приятно, как лет сорок назад... но что поделать. Рональд, время!

— Все, все... — забормотал гример, быстрыми взмахами кисточки нанося на колени бесформенные желтые пятна. — Последний штрих...

Давид еще раз глянул на себя в зеркало. Вздрогнул и отвел глаза.

Если проклятые журналисты сумеют раздобыть видеозаписи переговоров — его весь мир осмеет.

Конечно, если мир еще будет существовать.

«Колумб» занимал полнеба. Длинные топливные баки, вынесенные на консолях реакторы, медленно вращающееся кольцо жилых палуб, решетчатая антенна гипердвижка. Давид последний раз оглянулся на единственный звездный корабль человечества — и у него защемило сердце. Всего двадцать лет понадобилось Соединенным Штатам, чтобы при посильном участии остального мира построить этот чудесный звездолет. Энтузиазм, охвативший амери-

канцев после открытия принципа туннельного гиперперехода, ничуть не схлынул за два десятилетия. Словно вернулись времена Дикого Запада, фронта, отважных переселенцев... Уже не казались фантастикой «Звездные войны» и «Вавилон-5». Будущее стучалось в двери. Даже сам Давид, лучше других понимавший, как долг будет путь от первых кораблей к завоеванию Галактики, ловил себя на совершенно диких фантазиях. Вот он вместе со старшим сыном странствует инопланетными джунглями... вот, плотно пообедав расплотившейся в прериях чужой планеты индейкой, едет на джипе к космопорту... чтобы пропустить стаканчик-другой в компании знакомых пилотов и смешных, отсталых, плохо цивилизованных аборигенов...

И вдруг — такая беда... голый разукрашенный человек в тесной кабине космошлюпки. А впереди — причудливые формы корабля д-дория, гораздо меньшего размером, но при этом куда более совершенного...

Зал переговоров построили д-дория. Десятиметрового диаметра прозрачный купол на металлической платформе. В куполе была пригодная для дыхания атмосфера. Еще там была гравитация. Настоящая, а не тот суррогат, который создавало вращающееся жилое кольцо «Колумба». Человечеству оставалось надеяться лишь на доброту Чужих. Ну... и на умение пятидесятилетнего пилота блефовать.

Шлюпка мягко коснулась металлического диска. Скользнула, втыкаясь носом в прозрачный купол. Неведомый материал расступился, обтекая нос шлюпки, герметизируя люк. Появилась сила тяжести.

Давид тяжело поднялся, открыл люк и ступил на теплый пол купола.

Д-дория сидел напротив. Его шлюпка тоже наполовину вползла в купол. Земной и чужой звездолеты болтались в отдалении, над головой искрился пояс астероидов. Случайных метеоров Чужие словно бы и не боялись. Наверное, у них есть силовое поле...

— Сколько можно ждать? — раздраженно спросил д-дория. Устройство перевода было встроено в купол. Еще одно напоминание о технологической пропасти...

— Я опоздал меньше чем на минуту, — сказал Давид, усаживаясь на корточки перед инопланетянином. Д-дория обладал горизонтальной симметрией — бочонкообразное тело с кольцом зрительных и обонятельных ре-

цепторов, шесть мощных щупальцев сверху, шесть — снизу... Верх и низ, как Давиду уже доводилось убеждаться, был понятием условным.

— Мы заняты серьезным делом, мы закладываем основы мира и процветания наших народов! — продолжал возмущаться д-дория. Устройство перевода либо было безупречным, либо казалось таким. Ни малейшей задержки, ни одной корявой или непонятной фразы...

Давид вздохнул. Самым обидным было то, что раса д-дория вовсе не страдала излишней пунктуальностью. Чужому ничего не стоило опоздать и на пять минут, и даже на четверть часа, после чего бросить пару слов о трудностях с церемониальной окраской, интересной информационной передаче с родины или любопытном споре с товарищами. Это можно было счесть издевательством, высокомерием... но почему-то Давиду казалось, что причина совсем иная.

— Давай же займемся этим делом? — предложил он, уходя от спора. От д-дория шел густой растительный аромат, чем-то даже приятный. Может быть, так пахло тело Чужого. Может быть, краски, которыми было разрисовано тело.

— Нет, ну ты всегда будешь опаздывать? — возмутился д-дория.

— Больше опозданий не будет, — сказал Давид.

Как ни странно, но этого вполне хватило, чтобы закрыть тему.

— Все разумные расы с тревогой следят за переговорами, — изрек д-дория. — Друг мой, ты должен понимать — космические войны невыгодны и опасны. Выходя в Галактику, мы поневоле становимся миролюбивы...

— Земляне совершенно согласны! — с готовностью подтвердил Давид. — Вчера правительство моей страны...

— Ты можешь выслушать не перебивая? — возмутился д-дория.

Давид замолчал.

— Так вот, все мы жаждем мира! — продолжил Чужой. — Пусть д-дория непохожи на кульх, пусть атенои дышат хлором, а зервы вообще не дышат...

Крохи драгоценной информации. Давид надеялся, что установленные в шлюпке микрофоны записывают все откровения Чужого.

— Но все мы боимся того, что в космос вырвется раса слишком молодая и энергичная, чтобы принять

принципы мирного сосуществования. Вот почему знакомство с каждой новой расой — процесс трудный и болезненный. Мы знаем, на нашем корабле есть лазер и три ракеты с термоядерными боеголовками!

Поставленный перед фактом, Давид не стал спорить.

— Да, есть. Неужели ваши корабли не вооружены?

— Вооружены! — признал д-дория. — Но только для защиты от неведомой опасности!

— Наши — тоже.

Д-дория развел щупальцами. Горестно произнес:

— Вопрос веры! Что может означать наличие у вас столь примитивного оружия? Возможно — знак миролюбия. Но, может быть, это коварная попытка утаить оружие вообще!

«Это значит, что мы отстающие дикари, дурак!» — подумал Давид. Но смолчал.

— Не знаю... — вдруг пролепетал д-дория. В голосе появилась печаль. — Вопросы переговоров так трудны. Я простой пилот! Я не умею общаться с Чужими!

— Я тоже, — признался Давид. — Но если мы поручим общение специалистам...

— Нельзя, — грустно сказал д-дория. — Мы не можем ставить вас в невыгодное положение. Ведь наши переговорщики имеют опыт общения с чужими расами. У вас таких специалистов нет. Правило справедливо — договариваются те, кто осуществил первый контакт. Мы должны принять решение. Мы должны объявить, опасны ли наши расы друг для друга.

Оба они замолчали.

Проклятые правила! Давид готов был согласиться, что в словах Чужого имеется здоровое зерно. Подобная щепетильность даже умиляла...

— Сегодня у тебя замечательная окраска, — пробормотал он, пытаясь занять неловкую паузу. В отличие от русской женщины-психолога и голливудского гримёра пилот так и не разобрался во всех тонкостях цветовой азбуки. Но надо же было хоть что-то сказать...

— Правда? — спросил д-дория.

— Очень красиво, — сказал Давид. — Синие щупальца и эти зеленые пятнышки...

— Я очень переживал перед встречей, торопился, второпях все делал... — Чужой досадливо покачал верхними щупальцами. — Ты просто высказываешь комплимент, да?

На самом деле так оно и было. Давид ляпнул первое, что пришло в голову, как порой поступал, отправляясь с женой на скучный, но обязательный светский раут.

И ответил он по тому же наитию:

— Я совершенно искренен. Блестки вокруг дыхалец — восхитительны.

Пряный запах от д-дория стал сильнее.

— Спасибо, это была импровизация... действительно красиво?

— Очень... — Давид едва сдержал волнение.

Мысль была чудовищной.

Мысль была гениальной!

Неужели перед ним — женская особь д-дория? То немногое, что людям было известно о Чужих, ничуть не противоречило подобной гипотезе. Все Чужие были двуполы — наиболее удобный способ размножения, обеспечивающий обмен генетическим материалом и легкость рекомбинации генов. Все Чужие не страдали предрассудками, и оба пола были равноправны — в разговоре о своих товарищах на корабле д-дория использовал местоимения «он» и «она» одинаково часто.

Но ведь о себе д-дория всегда говорил «он»!

— Не будет ли нарушением протокола поговорить немного о нас, переговорщиках? — спросил Давид.

— Не будет, — согласился д-дория.

— Есть ли у тебя семья, уважаемый друг?

— Да, дома у меня осталась жена и трое детей.

Гениальная догадка рассыпалась в прах.

— А я был женат дважды, — грустно сказал Давид.

— Ничто не вечно, даже любовь, — высокопарно, но с пониманием отозвался Чужой. — Как бы хотелось мне вернуться на корабль и сказать: «Наши расы близки и могут жить в мире!»

— Что же мешает тебе?

Д-дория заколебался. Но все же ответил:

— Подозрение, человек. Страшное подозрение о сути человечества.

Давида охватила паника. Неужели просочилась информация о войнах, революциях, голоде, религиозных разногласиях? Неужели Чужие сочтут людей кровожадными и опасными?

— Говори, друг мой, — сказал Давид. — Я отвечу на все вопросы. Чем мы обидели вас?

— Вы слишком хорошо ведете переговоры, — выпалил д-дория. Слегка привстал на кончиках щупальцев — это был знак предельного волнения.

— Слишком хорошо? — растерялся Давид.

— Между нашими расами — пропасть, — грустно сказал д-дория. — Физиологическое и психологическое несходство. Разные среды обитания. Значительная культурная несовместимость... ты ведь сам говорил, что обычай эмоциональной раскраски считаешь архаичным... Нет, не перебивай! Хотя иногда можешь выслушать нормально? Так вот... любая раса, входя в первый контакт, испытывает ужасающий социокультурный шок. Никакие догадки ученых, никакое искусство фантастического вымысла не способны подготовить к контакту с Чужим. Я дружен со многими кульх, я общался с представителями всех девяти рас. И потому твой облик не вызывает у меня отторжения. Но ты, ты, человек! Как можешь ты сидеть рядом с существом столь непохожим, общаться с ним, говорить о семейных ценностях и тайнах макияжа?

— Возможно, дело в том, — начал Давид, волнуясь, — что наша родная планета населена различными формами жизни. Мы привычны к любому внешнему облику...

Щупальца сжались в жесте сомнения:

— Животные твоей планеты разумны?

— Нет... насколько нам известно.

— Тогда это не объясняет странности.

— Люди и сами бывают разными. Цвет кожных покровов у людей...

— Явление цветового диморфизма имеется у всех рас, — отмел его возражения д-дория. — Но оно не спасало от социокультурного шока. Нет! Мы боимся другого!

— Чего? — обреченно спросил Давид.

— Мы подозреваем... — д-дория даже запнулся от волнения, — что люди уже встречались с иными расами. Но в силу чудовищной извращенности своей психики уничтожили их или низвели до положения бесправных рабов!

— Неправда! — Давид почувствовал себя по-настоящему оскорбленным. — Такого не было! Да, люди воевали между собой, объединяясь по признаку общего языка...

— Бывало у всех.

— Общей территории...

— Бывало у всех.

— Цвета кожи!

- Бывало...
- Религии!
- Еще как.
- По экономическим причинам...

Д-дория лишь горько вздохнул.

— У людей раньше была дискриминация по национальному, половому, возрастному признаку...

Д-дория печально произнес:

— Мы изучили все материалы, которые вы сочли возможным предоставить. В них нет ответа. Ваша цивилизация идет обычным путем разумных рас. Но почему-то не испытывает удивления от контакта с нами. Даже ты, рядовой пилот, великолепнейший переговорщик! Вывод печален — вы уже сталкивались с иной формой разумной жизни. Раз вы не говорите об этом — значит судьба этой расы печальна. Мне очень хочется дать благоприятный отзыв, друг. Но я боюсь!

Наступила тишина. Сквозь едва заметные щели в полу сочился прохладный чистый воздух. Сияло астероидное кольцо, висели вдали корабли. Давид пробормотал:

— Оказаться бы сейчас дома... махнуть на рыбалку...

— Ага... — тоскливо отозвался д-дория. — Тихая речушка... сидишь рядышком с женой на берегу, остроги наготове...

— Мы удочками ловим...

— Азарта мало. А спортивные состязания у вас развиты?

Давид кивнул.

— У нас хорошая ложа на центральном стадионе города, — похвастался д-дория. — Если за ближайшие сутки придем к какому-нибудь решению — я еще успею на финал. Жена очень надеялась, что посмотрим вместе.

— Мою супругу ни на рыбалку, ни на футбол не затащишь... — пожаловался Давид. — Вот какой-нибудь прием или благотворительный вечер...

Д-дория пошевелил щупальцами — жест сочувствия. Сказал:

— Любовь — загадочное чувство у всех разумных рас. Печально, когда она возникает при несходстве интересов.

— Нет, у нас много общих интересов, — проклиная себя за то, что взялся посвящать инопланетного осьминога в вопросы семейной жизни, сказал Давид. — Но рыбалка, спорт... не женское это дело.

— Почему? — удивился д-дория. — Друг мой, в вас говорит неизжитый половой шовинизм! Нехорошо запрещать женщинам занятия охотой или спортом...

Давид поднял голову. Посмотрел на д-дория. И заговорил...

Ему едва дали вымыться. Проклятая краска оттиралась с трудом, Давид израсходовал тройную норму воды, прежде чем рискнул выйти из-под душа. Оделся и вернулся из санитарного блока в свою каюту.

Капитан — старый славный Эдд Куверт — и загадочная русская женщина Анна Бегунец ждали. Напряжение уже покинуло их лица, теперь там осталось лишь любопытство.

— Итак? — первой, вопреки субординации, заговорила Анна.

— Все в порядке. — Давид уселся в кресло, поколебался, но все-таки вытащил из чемоданчика с личными вещами флажку виски. Эдд покачал головой, но потом достал свою.

Бегунец молча приняла от Давида стаканчик.

— Ну? — спросил Эд.

— Они нас боялись, — объяснил Давид. Глотнул, блаженно закрыл глаза. Первая капля алкоголя за последний месяц. И первая спокойная минута. — Они нас ужасно боялись. Знаете почему? Мы слишком хорошо вели переговоры! Слишком легко адаптировались к их облику, к их обычаям.

— Что же в этом могло не понравиться? — удивился Эдд.

— Д-дория решили, что у нас уже есть опыт контактов с чужими разумными расами. Но поскольку мы это отрицали — Чужие заподозрили нас в обмане. В том, что мы уничтожили тех, с кем встречались.

Капитан единственного земного звездолета Эдд Куверт засмеялся, схватившись за голову. Бегунец саркастически улыбнулась.

— По их мнению, никак иначе мы не могли приобрести достаточную гибкость сознания, — пояснил Давид. — Расовые, религиозные различия — недостаточная причина. Д-дория стремились к налаживанию контактов... они ведь очень убедительно объяснили, почему война в космосе невозможна и не нужна, почему полезнее всего — мир и торговля технологиями. Но им нужно было хоть какое-то объяснение нашей... как это сказать... контактности?

Именно контактности! Поэтому я позволил себе вспомнить какую-то научную гипотезу... о том, что кроманьонцы и неандертальцы длительное время существовали вместе, порой воевали, а порой мирно сосуществовали... пока не слились в одну расу. Я предположил, что с тех пор у человечества и сохранилась повышенная контактность. Вы бы видели, с каким энтузиазмом д-дория согласился!

— Эта гипотеза не выдерживает критики. — Бегунец покачала головой.

— А я и не утверждал, что она верна. Предположил. — Давид плеснул себе еще немного виски. — Все! Мы признаны вполне достойными равноправного общения!

— Давид, я тебя знаю двадцать лет. — Эдд покачал головой. — Хорошо, с д-дория ты разобрался. Но я же по лицу вижу, у тебя еще одна гипотеза. Настоящая. Которую ты считаешь верной.

Давид торжествующе улыбнулся.

— Да. Понимаете, в разговоре возникла пауза... и я похвалил церемониальную раскраску Чужого. Просто чтобы хоть что-то сказать! А он так оживился... ну, вроде как когда заметишь, что у жены новая губная помада, и похвалишь цвет...

— Д-дория была самкой? — воскликнула Бегунец. — Прошу прощения... женщиной?

— Да нет же! — Давид покачал головой. — Вовсе нет. Самец. Но потом мы стали говорить о семьях... он вспомнил, как ходит с женой на рыбалку, на какой-то их инопланетный футбол... Понимаете?

Лицо Анны помрачнело. Эдд крикнул.

— Мужская и женская психология разная, — торжественно сказал Давид. — Маленьких детишек возьми: мальчики возьмется с машинками, дерутся, лягушек разных ловят, а девочки крутятся перед зеркалом, сплетничают, хихикают невпопад. Мы к этому привыкли. Нам кажется, что только так и может быть. А у них различие мужчин и женщин — только физиологическое! Психология одинаковая! Психологически — они одна-единственная раса! А мы, люди, фактически — две расы, живущие в симбиозе! Мы с младенчества привыкаем контактировать с Чужими! Мы идеальные переговорщики, нас ничем не удивить — ни цветной раскраской, ни беспочвенными спорами, ни непониманием партнера! Мы с кем угодно во Вселенной найдем общий язык!

Бегунец встала. С негодованием посмотрела на Давида. Возмущенно выпалила:

— Неандерталец!

Ошеломленный Давид молчал. Главный экзопсихолог земного космолота пулей вылетела из его каюты. Эдд Куверт иронически улыбнулся.

— Ну... или почти с кем угодно... — пробормотал Давид.

КРИТИКА, ПУБЛИЦИСТИКА

Андрей Шмалько

КТО В ГЕТТО ЖИВЕТ?

(Писатели-Фантасты в джунглях современной словесности)

*Доклад был зачитан 15 сентября 2000 г. в Харькове, на
Международном фестивале фантастики
«Звездный Мост-2000», на секции ТМ «Второй блин».*

Профессия писателя требует весьма толстой кожи. Не сразу, но постепенно приучаешься не обижаться на порой совершенно нелепые выпады критиков и критиканов, учишься даже любить критику — с весьма переменным успехом. Но иногда даже самая прочная (динозаврова!) шкура не помогает — особенно если обижают не за дело, причем не только тебя, но и всех твоих коллег сразу. Такой случай произошел со мной где-то полгода назад. В одной очень почтенной газете было напечатано интервью с поэтом К., в годы перестройки прославившимся непотребными стишками, от которых способен покраснеть даже прусский гренадер. Сей поэт-барковец, говоря о чем-то высоком (кажется, о своей любви к Слову), проходя заметил, что не читает и читать не собирается «сюжетную», по его выражению, литературу, ибо для него, матерщинника, главное — «словопись». Приводя примеры того, чего не приемлет, поэт К. упомянул детектив и фантастику — «низкие» для его утонченного вкуса жанры.

Признаться, я обиделся — и сильно. Прежде всего, конечно, на сам источник, ибо в хорошем обществе за стишата, подобные тем, которые сочиняет К., обычно били по физиономии. Но затем пришлось задуматься, ибо

матерщинник К. высказал очевидную истину — фантастика и ныне находится в своеобразном литературном гетто. Не только она, конечно. Все три наиболее массовых жанра художественной литературы — женский роман, детектив и фантастика — упорно отодвигаются на задворки словесности.

О причинах этого уже приходилось писать — и мне, и другим. Сейчас интересно поговорить о следствиях. А они весьма разнообразны. В частности, многие писатели-фантасты уже не один год пытаются уверить мир, что они не имеют к фантастике никакого отношения. Всем известна эпопея с так называемым турбореализмом, когда группа тогда еще относительно молодых авторов — Пелевин, Лазарчук, Столяров и некоторые их коллеги — поспешили отречься от фантастики ради выдуманного ими же метода «турбореализма». Результаты известны. В «большую» литтусовку сумел пробиться только Пелевин — и то не до конца. Несмотря на то, что он умудрился стать (на какое-то время) модным писателем, за своего автора «Чапаева и Пустоты» все же не признали. Достаточно вспомнить историю с присуждением Антибукера, когда Пелевина буквально выкинули из списка номинантов за то, что пишет... разумеется, фантастику. Известны также иные попытки. Вспомним Максов Фраев, которые ныне, после воспевания эскадронов смерти, решили удариться в эстетство, — и пожелаем им всяческой удачи.

Итак, гетто. Достаточно просторное и комфортабельное, конечно. Поневоле вспоминается старый фантастический рассказ о некоей планете, президент которой решил арестовать всех ее обитателей, в результате чего был вынужден оградить свою резиденцию колючкой — и сам оказался в микро-ГУЛАГе. Фантастам не приходится печататься в могучих журналах с тиражом тысяча экземпляров и выпрашивать гранты у зарубежных «дядькив». Тем более третий по издаваемости жанр, наша фантастика, представлен на весь СНГ всего шестью десятками авторов, что позволяет не особенно толкаться локтями. Режим гетто привел к тому, что фантасты — народ в целом дружный и сплоченный, о чем свидетельствуют регулярные встречи на конвентах. Коллеги матерщинника К. таким похвастаться не могут.

Но все-таки гетто, «низкий жанр», литература за эстетской «колючкой». Как выражался персонаж Михаила Булгакова: «Не нам, не нам достанется холодная кружка с пивом» — в виде Букеров с Антибукерами и прочих госпремий. По мне, так оно и лучше, ибо милостыню следу-

ет подавать тем, кто в ней нуждается. Речь о другом — если фантастику заперли в гетто, то первая реакция любого, туда попавшего, — осмотреться. Кто за проволокой? И вот тут начинаются сюрпризы.

Все мы фантасты — именно это написано на наших арестантских робах. Большинство из нас в этом охотно признается. Фантастами считают нас издатели, читатели и критики. Но!

Но что общего, к примеру, между романом Андрея Лазарчука «Опоздавшие к лету» и «Алмазным-деревянным мечом» Ника Перумова? На первый взгляд — ничего. На второй — тоже ничего. Остается либо признать, что общим является только конвент «Странник», на котором авторы иногда встречаются — и арестантская роба с надписью «Осторожно — фантастика!», либо искать какой-то третий взгляд.

Надо ли говорить, что сей пример не единичен. Фантастом считаются, с одной стороны, Марина и Сергей Дяченко, мастера авантюрно-сказочного жанра, с другой — Александр Громов, последний паладин классической НФ. А есть еще «философский боевик» Генри Лайона Олди, «крипто-история» Лазарчука и Успенского и... и много, много иного разного.

Так по каким же критериям определяется нынче фантастика?

Как-то очень хороший писатель В., тоже фантаст по определению, но пишущий также блестящие исторические романы, пожаловался мне, что издательство не очень охотно оные романы печатает, ибо историческая беллетристика не столь популярна у читателя. Оставалось посоветовать коллеге превратить исторический роман в историко-фантастический. К примеру, ведет Александр Македонский свое войско мимо глубокого ущелья, а оттуда слышен голос: «Я, могучий бог Ахура-Мазда!...» Все, перед нами самая настоящая фантастика. Смех смехом, но это порой помогает.

Итак, удалось нащупать первый, очень ненадежный критерий: наличие в тексте элементов нереального — или мало-реального. Это может быть имперский звездолет, машина времени или эльфы с русалками. Многие мои коллеги так и определяют жанр (или скорее метод) фантастики. В этом случае писателями-фантастами могут считаться Булгаков, Гоголь, Данте, Гомер, а также сказители былин и рун. Такой подход обнадеживает (две трети мировой литературы не что иное, как фантастика!), однако беда в том, что

этот взгляд не признается никем — кроме самих фантастов, и то не всех. Почему? Если отбросить нелюбовь к фантастике как таковой, то можно вычленить несколько весомых аргументов. Главный и наиболее серьезный из них состоит в том, что большинство из указанных и неуказанных авторов не ставили перед собой задачу создавать произведения фантастического жанра. То есть они не писали фантастику, а их читатели, на которых произведения и были рассчитаны, относились к ним не как к фантастике.

Возьмем в качестве примера поэмы, приписываемые Гомеру. Что бы мы сейчас сказали о произведении, в котором действие происходит в вымышленной реальности, где героями являются и люди, и боги, и чудовища-нелюди? Более того, это произведение написано на искусственно созданном, стилизованном под старину наречии? Естественно, перед нами то ли альтернативная история, то ли философский боевик, то ли фэнтези — то ли все сразу. Но сложность в том, что и авторы «Илиады» и «Одиссеи», и те, для чьего слуха эти поэмы предназначались, воспринимали созданный авторской фантазией мир с богами, чудовищами и далекими чудо-странами как свой собственный, разве что существовавший не в их дни, а несколькими столетиями раньше. Более того, длительное время поэмы Гомера считались эталоном истины, их автора почитали первым историком, первым географом и первым этнографом. Вера в подлинность фактов, приводимых в поэмах, пережила античность и просуществовала до XIX столетия, когда Шлиман, опять-таки благодаря вере в Гомера, нашел и раскопал Трою и Микены.

Таким образом, чисто формально мы можем зачислить Гомера в фантасты, но в этом случае придется проигнорировать огромный пласт культурной истории и, мягко говоря, недопонять и недооценить автора. Ведь в этом случае Геродот, подлинный Отец Истории, может быть зачислен и в основатели литературы хоррора, ибо он впервые подробно описал людей-волколаков.

Еще более наглядный пример — Данте. С нашей точки зрения, его «Божественная комедия» — чистая фантастика. Даже не стоит пояснять почему. Но автор и его читатели жили в эпоху, когда мироздание воспринималось именно по-дантовски. Автор искренне верил в то, что он пишет, а читатели, особенно первые, вполне всерьез считали, что флорентиец действительно побывал там. А если и не побывал, то воспользовался рассказами тех, кто загля-

нул *туда*. Можно привести некорректное сравнение: для современников «Божественной комедии» эта поэма была нечто вроде «Архипелага ГУЛАГа» Солженицына. Впрочем, не исключено, что через несколько столетий и «Архипелаг» сочтут фантастикой.

Несколько сложнее с другим примером — с Гоголем. Говоря о Гоголе, требуется, само собой, вспомнить и всех прочих романтиков, поднявших огромный пласт фольклора с его нечистой силой, колдунами и ведьмами. Это уже ближе к нашему пониманию фантастики. Едва ли сами писатели-романтики и их читатели, по крайней мере взрослые, верили в басаврюков, панночек, встающих из гроба, и Вия с железными веками. Диканьку и Миргород Гоголя вполне можно сравнить, скажем, со Средиземьем Толкина, и с чисто литературной точки зрения — сходство почти абсолютное. Но... Но в этом случае приходится игнорировать всю идеологию романтизма. Хочу напомнить, что романтики, исходявшие из самоценности каждого этноса, ставили своей целью воскресить мир фольклора и напомнить о нем образованному читателю. Таким образом, перед нами, так сказать, Гомер из вторых рук. Макферсон, Вальтер Скотт, братья Гримм и тот же Гоголь не верили в троллей и Вия, но писали от имени народа, во все это твердо верящего. То есть воссоздавали вполне реальные миры, те, что веками существовали в народной ментальности. Можем ли мы считать фантастикой, скажем, «Сказки восточных славян» Петрушевской, в которых воссозданы современные мифологические представления советского обывателя? Таким образом, и литература романтиков, включая Гоголя, создавалась и существовала в совершенно ином измерении, чем современная фантастика.

Не стоит подробно останавливаться на том, почему фантастикой не являлись сами фольклорные произведения: былины, руны, эпос о Манасе и все подобное. В силу сказанного выше сие очевидно.

Сложнее с Михаилом Булгаковым. Автор работал уже в XX веке, был профессиональным писателем и хорошо разбирался в жанрах литературы. В некоторых его произведениях фантастика вполне сознательно использовалась как метод. Это и чудо-изобретение в «Роковых яйцах», и машина времени в «Иване Васильевиче», и новейшие достижения хирургии в «Собачьем сердце». Тут автор выступает именно как фантаст и наш коллега. Но вот относительно «Мастера и Маргариты» такой ясный-

ти нет. Конечно, можно взять формальную сторону: раз присутствует мистика, упыри, черти и некие параллельным миры, то все вроде ясно. Но, как представляется, перед нами несколько иной метод — метод литературной игры. Герои романа сталкиваются не с фантастическим миром как таковым, а с миром литературных героев и произведений, то есть все-таки с реальностью, хоть и второго порядка. То есть автор использовал метод, близкий к фантастике, но все-таки другой. Скажем, я пишу роман про новых русских, в котором откуда ни возьмись появляется Нагульнов из «Поднятой целины» Шолохова с большим черным револьвером и устраивает среди оных новых русских заваруху. По сути, перед нами метод, чем-то похожий и близкий к поминаемому ныне на каждом шагу постмодернизму. Как представляется, это все-таки не фантастика.

Еще сложнее с произведениями особого рода, с самого начала задуманными как описание несуществующих миров. Я имею в виду жанр утопии. «Золотая книга» Томаса Мора и «Город Солнца» Томазо Кампанеллы написаны как художественные произведения о несуществующих странах. Это было ясно и авторам, и большинству читателей современников, кроме разве что самых наивных. Но... И тут есть «но». Эти книги писались в принятой тогда манере — с вымышленными героями, диалогами и даже интригой, — но задумывались все-таки как научные трактаты. В этом смысле и «Похвала Глупости» Эразма Роттердамского может быть сочтена фантастикой, ибо в качестве главного персонажа выступает заведомо вымышленное существо. Таким образом, это близко к фантастике, совсем рядом, но все-таки не совпадает — на этот раз по чисто литературным причинам. Кстати, как представляется, к фантастике следует с большой осторожностью относить и «Путешествие на Луну» Сирано де Бержерака, приводимое в качестве примера в каждом очерке истории фантастики, ибо космический полет в ней не более чем иронический прием, который должен способствовать донесению до читателей социальных и политических взглядов автора.

Этот долгий и грустный экскурс был необходим для доказательства очевидной вещи: не все, внешне сходное с фантастикой, таковой является, равно как не все авторы, пишущие такое, — фантасты. Не обязательно ссылаться на Гомера. Скажем, к фантастам никто не относит наших современников Чингиза Айтматова и Петра Проскурина, хотя в ряде

произведений они вполне сознательно использовали метод фантастики (полеты в космос). Некая грань, не всегда даже могущая быть точно обозначенной, все-таки ощущается. Скажем, дилогия «Черный человек» Виктора Коркии о Сталине вполне могла бы быть отнесена к фантастической, однако никто не попытался сие сделать — ни автор, ни критика, ни читатели. И в целом правильно.

Так что же остается? Вопрос, как видим, очень непростой. Современная фантастика реальна, как реальны те шесть десятков авторов, те два взвода, которые эту фантастику пишут и публикуют. Что же их объединяет, кроме конвенгов и книжных серий?

Попробуем, по завету великих, пойти другим путем. Поэт в России (и в бывшем СССР), как известно, больше чем поэт. Он прежде всего чиновник, литератор на должности. Иначе и быть не могло. Достаточно вспомнить трагикомический диалог на суде над Иосифом Бродским. Судья, получившая указание засудить молодого литератора, грозно спросила: «Кто вам сказал, что вы поэт?» Вопрос не такой идиотский, как может показаться, ибо в тоталитарном обществе поэт — должность, а не род занятий и не призвание. Например, Юрий Андропов писал неплохие сонеты, но в литераторы его никто и не думал зачислять. Ответ Бродского («Я думал, это от Бога!») в этом смысле абсолютно неверен. Но трагикомизм ситуации в том, что прав был Бродский, а не судья, ибо у подсудимого имелись справки, что поэт заключил соответствующие договоры с издательствами. Он все-таки имел право быть поэтом, пусть даже, так сказать, исполняющим обязанности, ибо не состоял в Союзе писателей.

С фантастами история абсолютно сходна. Ленъ в сотый раз повторять, какие задачи ставила перед фантастами власть и какое место в литсистеме она им отводила. Достаточно напомнить — место сугубо подчиненное, вспомогательное. Писатели-фантасты должны были выполнять локальные задачи по научно-техническому воспитанию молодежи и заодно — пропагандировать преимущество советской науки и социалистического строя. Отсюда и похлопывание по плечу — весьма снисходительное. Достаточно вспомнить еще одну историю, на этот раз чисто комическую, но оттого не менее поучительную. К юбилею Александра Казанцева, тогдашнего мэтра НФ, власть оказалась в сложном положении.

Писателю полагался орден — все-таки заслужил! —

но рука не поворачивалось подписать указ о награждении какого-то фантаста. Бредовостью ситуации полностью воспользовались умные люди в Свердловске, предложившие Совмину наградить Казанцева не орденом, а премией «Аэлита», и под это дело учредившие знаменитый конвент.

Изменились ли подобные традиции? Нет, конечно. Система литноменклатуры полностью сохранилась в странах СНГ, даже разрослась. А значит, живы и традиции отношения к фантастике. Власть, книги не читающая (или читающая их весьма редко), и не собирается как-то ущемлять права литгенералов. Всем удобно: имеется «своя», вполне официальная литература, которую положено награждать и замечать, — и власть-заказчица. Правда, и тут не обходится без юмора, порой весьма черного. Средств не хватает, и литчиновники начинают оные средства просить и кланчить (как случилось на прошлом съезде украинских писателей, когда все доклады были посвящены недостатку путевок в санатории). Со стороны подобное порой очень смешно, но юмор ситуации не может скрыть сути — для власти, а значит, для официальной критики, официального литературоведения, а также для большинства СМИ по-прежнему существует Большая литература с Большими писателями — и, так сказать, прочие, «низкие», жанры.

Итак, вывод первый: ниша (гетто) для фантастов осталась, по сути, прежней, с советских времен. Писателей-фантастов никто не спрашивал, желают они быть вместе или не желают. Сама литературная политика упорно сгоняет всех, кто пишет фантастику (или то, что считается фантастикой), в единую толпу. К возмущению импотентов от литературы, вместо толпы возникло войско — что не прибавило любви к фантастике со стороны поэта К. и прочих литераторов на должности.

Остается поглядеть, по каким принципам заполнялось это гетто. Имеется в виду именно сегодняшняя тусовка фантастов, те самые два взвода, которые успешно держат фронт отечественной фантастики. Хочу еще раз отметить, что в упомянутом гетто не просто проживают, но и регулярно встречаются, то есть так или иначе координируют свою деятельность практически все, кого можно с большей или меньшей достоверностью отнести к фантастам — или кого к этому жанру отнесли без всякого спросу. Кого мы НЕ встретим на наших многочисленных «конах»? Только некоторых предста-

вителей старшего поколения, уже не пишущих, да Пелевина. Даже Фрай, в тусовке лично не участвующие, регулярно общаются виртуально — через Интернет.

Итак, кто-то в теремочке живет?

Прежде всего мы видим мэтров, представителей старшего поколения фантастов. Увы, их осталось немного. Кир Булычев, Владимир Михайлов, Борис Стругацкий и их коллеги были приписаны к фантастике в незапамятное время — и в оной фантастике остались, хотя наиболее грамотные и дальновидные литературоведы давно подметили, что значительная часть литературного наследия тех же братьев Стругацких может быть отнесена к фантастике сугубо формально. То же можно сказать и о многих книгах Кира Булычева. Но прописка — великая сила, и наши мэтры прочно заняли нишу именно в жанре фантастической литературы. Заняли — и в ней остаются.

А далее начинаются весьма забавные обстоятельства. Следующее поколение из ныне пишущих и издающихся — это знаменитая «третья волна»: Андрей Столяров, Андрей Лазарчук, Вячеслав Рыбаков — и тот же Виктор Пелевин. Сразу можно заметить, что только первого из них можно считать более или менее «чистым» фантастом. Все остальные писали и пишут произведения, которые лет полста назад никто бы и не думал отнести к фантастике, да и сейчас «Генерейшен П» или «Опоздавшие к лету» вписываются в фантастику с немалым трудом. Но! И опять-таки «но». «Третья волна» выросла в творческих семинарах Малеевки, числившихся как семинары фантастов. В дальнейшем началась знаменитая война представителей этой волны с издательством «Молодая гвардия». Результат оказался парадоксальным: в сознании критиков — да и читателей — борцы с бездарной фантастикой, представители, так сказать, творческой оппозиции сами стали считаться фантастами. А кем же еще? Ежели борются с генералами от фантастики, то, стало быть, и сами такие же. Лучше, талантливее, моложе — но такие же, то есть фантасты. И никакой турбореализм не помог.

Именно ветераны фантастики и представители «третьей волны» стали издаваться в начале 90-х годов. Однако в силу живучести прежних представлений и градаций они стали печататься в соответствующих сериях фантастики (а где же еще?), выпускавшихся соответствующими отделами издательств. Деваться было некуда, ибо под турбореализм вакансий, в том числе книжных, не предусматрива-

лось. То же и с немногочисленными журналами и фэнзинами. В результате очень быстро сложилась тусовка, подкрепленная совместными конвентами. Со стороны все выглядело очень просто: приехал на Интерпресскон — уже фантаст.

Представители «четвертой волны» пришли уже в готовые структуры и были вынуждены в них влиться, поелику вливаться было больше некуда. Рассмотрим в качестве примера наиболее известных авторов этого поколения: Марину и Сергея Дяченко и Генри Лайона Олди.

Первые изданные произведения Марины и Сергея («Привратник», «Ритуал»), по сути, сказки для взрослых, а точнее — для тех взрослых, которые в душе остаются детьми. Но в качестве чего все сие можно было напечатать? Прежние, сохранившиеся рамки (большая литература, детектив, фантастика, детская литература плюс нечто новое — женский роман) давали очень небольшой выбор. В большую литературу не пускают, ибо там нужно очень плохо и очень непонятно писать, в детскую разве что? или в женский роман?

Смех смехом, а одна из повестей Юлия Буркина, автора этой же волны («Королева полтергейста»), все-таки вышла в серии женского романа.

В результате Марина и Сергей оказались среди фантастов и, надеюсь, не жалеют об этом. Иное дело, что ноблес, как известно, облич, и авторы, оказавшиеся среди фантастов, начинают постепенно более или менее соответствовать общим представлениям о жанре, хоть и не всегда. Но это — иной разговор.

Генри Лайон Олди, сиречь Олег Ладыженский и Дмитрий Громов, довольно рано выделили свои книги в отдельный жанр: философский боевик. И действительно, достаточно сравнить любой НФ-роман 60-х годов хотя бы с «Бездной голодных глаз» (не говоря уже о «Герое...»), чтобы, мягко говоря, почувствовать разницу. Но... Первые публикации авторов прошли как фантастика, были оценены как фантастика (премия «Великое Кольцо»), и... деваться оказалось просто некуда. В результате войско фантастов выросло, а для тех, кто издается в журнале «Новый мир» и кланит английские гранты, Генри Лайон Олди оказался навечно приписан к «низкому жанру», как крепостной при Екатерине.

Что говорить об Андрее Валентинове, который писал и пишет исключительно историко-авантюрные романы?

Однако такие романы не соответствовали общепри-

нятым традициям Шишкова и Костылева — и писатель не успел моргнуть, как оказался опять же среди фантастов.

Вывод второй: нынешнее фантастическое сообщество сложилось оттого, что в фантастику выталкивали — и сейчас выталкивают — все непохожее, не влезающее в прежние рамки. Авторам и читателям от этого, надеюсь, хуже не стало, а вот критикам и литературоведам приходится ломать голову, дабы определить, что именно ныне является фантастикой.

Все, кто вступил в литературу уже после великого книжного бума 1996 года, практически уже не имели выбора. Сложилась традиция *новой* фантастики, в которой благополучно сплелись несколько жанров и направлений: турбореализм, философский боевик, литературная сказка, криптоистория и только отчасти — НФ и фэнтези. Ниша фантастики стала необыкновенно широкой и глубокой, но осталась фактически той же нишей, тем же гетто. Но прежней фантастики и прежних фантастов в этом гетто уже нет. Сложился удивительный сплав, который ныне по традиции продолжают именовать фантастикой, она же НФ или фэнтези. В результате мы искренне удивляемся, когда приходится сталкиваться с каким-то иным ее, фантастики, пониманием. Например, многих из моих коллег позабавило и умилило, что в Америке, сиречь в США, фантастика должна быть либо звездолетной, либо бароно-драконовой и никак не иной. Смешивание жанров там не только не поощряется, но отвергается в корне — равно как и любые литературные изыски. И герои, и сюжеты должны напоминать если не швабру, то рельс. Можно посмеяться над недалекими янки с подростковой культурой — а можно вспомнить нашу собственную НФ полувековой давности. Как ни странно, именно американцы куда ближе к пониманию того, что такое традиционная фантастика (развлекательно-поучительное чтиво для молодежи и домохозяек), чем мы с нашими литературными претензиями.

Итак, рискну сделать вывод, что современная русскоязычная фантастика не жанр, даже не метод, а очень непростой конгломерат жанров и методов, с одной стороны, и собрание совершенно непохожих в творческом отношении авторов — с другой. Они оказались вместе благодаря обстоятельствам не столько творческим, сколько историческим и отчасти случайным. Однако, оказавшись вместе, они создали нечто вроде параллельной, весьма сложной литературы, временами достаточно высокого

уровня, которая дублирует, а порой и успешно заменяет «Большую литературу», переживающую ныне состояние полного маразма.

И действительно! Несмотря на то что авторов-фантастов (то есть числящихся фантастами) очень немного, мы можем нащупать среди них представителей практически всех существующих жанров литературы. Вспомним: социальная проза — Вячеслав Рыбаков, сатира — Евгений Лукин, юмор — Михаил Успенский, остросюжетный боевик — Василий Головачев, философский роман — Олди, историческая проза — Вершинин и Валентинов, женский роман — Трускиновская, литературная сказка и авантюрный роман — Марина и Сергей Дяченко. Имеются даже свои претенденты на эстетский авангард (последние публикации Фрая) и заодно — очень неплохие поэты.

Примеры нашего, фантастического, масскульта приводить не буду, дабы никого не обидеть, но он (масскульт) тоже в явном наличии.

Желающие могут подвергнуть подобному анализу иные «низкие», с точки зрения поэта К., жанры, например, современный детектив. Уверен, картина будет аналогичной.

Таким образом, в гетто, над которым висит объявление «Осторожно! Фантастика!», собрался настоящий Ноев Ковчег Литературы, что позволяет и авторам, и читателям, и жанру (в очень широком и формальном смысле этого слова) чувствовать себя весьма уверенно. Изменится ли ситуация в ближайшее время? Думаю, нет. Новая русскоязычная литература, образовавшаяся после крушения СССР, уже устоялась, в том числе структурно. На смену одним литгенералам, в прежние годы воспевавшим БАМ, пришли новые, изобретающие сонеты без единой гласной. Для этих новых русских писателей мы, фантасты, столь же чужды, как и для их предшественников. Вместе с тем относительно свободное книгоиздание в России позволило сформироваться и окрепнуть нескольким новым, уже не зависимым от всяческих Союзов, полностью самостоятельным течениям (или скорее кланам), которые и в дальнейшем будут вести самодостаточную и вполне счастливую жизнь, завися только от читателей. Период абсолютизма сменился феодальной раздробленностью, и в этом смысле наше гетто вполне может восприниматься как сильное и независимое княжество. И это княжество не одно. По сути, на обломках номенклатурной литературной Империи возникло несколько параллельных литератур, каждая из которых

содержит целый комплекс жанров и направлений. В их число входит и то, что мы сейчас называем фантастикой.

Итак, нынешняя фантастика — не часть литературы. Она и есть литература — одна из нескольких, ныне существующих. Чем мы, фантасты, имеем полное право гордиться.

Что касается поэта К., с излияний которого я начал свой доклад, то он, если не ошибаюсь, уже успел получить своего Букера и теперь может вволю курить «Кэмел», вместо того чтобы подбирать окурки. Таким образом, мы можем быть спокойны не только за нашу фантастику, но и за Большую Литературу.

Кирилл Еськов

НАШ ОТВЕТ ФУКУЯМЕ

(«Конец истории?» — «Не дожидетесь!..»)

Все попытки как-то детализировать облик грядущего выглядят aposteriori смехотворными, если не жалкими.

Борис Стругацкий

Нет, удивительно все-таки, как магия подкравшейся на мягких лапках круглой даты воздействует на умы вполне вроде бы здравомыслящих людей, вроде вашего покорного слуги, понуждая их к поистине странным поступкам. Вот уж никогда бы не подумал, что сподвигнусь на печатное изложение своих взглядов на будущее человеческой цивилизации; эдакие, извиняюсь за выражение, «soziologische-futurologischen Uebungen»...

«Дураки бывают разные. Нет, прошу не вставать с места, вас пока не вызывали! Я бывал дураком всех разновидностей, кроме одной...» — но на этом месте справедливость требует прервать цитату. Ибо отнюдь не кладоискательство (коим надумал заняться герой О'Генри), а именно прорицание будущего заслуженно числится крайним в ряду тех поприщ, где в качестве спецодежды потребен колпак с бубенчиками.

Любого, кто отправится на ознакомительную экскурсию по маршруту незабвенного Луи Седлового, поразит не столько даже несуразность буквально всех картин (и набросков) Описываемого Будущего, сколько авторство некоторых из них. Менделеев, полагавший самой сложной технической проблемой следующего, двадцатого, века утилизацию огромного количества навоза (ведь поголовье лошадей,

ясное дело, будет и дальше прирастать прежними темпами); Эйнштейн, заявивший буквально за дюжину лет до Хиросимы, что до практического использования атомной энергии дело дойдет лет через сто — никак не раньше; Бернард Шоу, видевший политическую карту будущей Европы так: «Франция и Германия? Это устарелые географические названия... Под Германией вы, очевидно, подразумеваете ряд советских или почти советских республик, расположенных между Уральским хребтом и Северным морем. А то, что вы называете Францией — то есть, очевидно, правительство в Новом Тимгаде, — чересчур занято своими африканскими делами...» Список этот при желании можно продолжать до бесконечности. И уж если в своих попытках предугадать будущее постоянно попадают пальцем в небо даже самые блестящие умы своего времени — на что тут рассчитывать дураку вроде меня?

Ну, прежде всего дураку не стоит играть с умными на их поле и по их правилам — это дело заведомодохлое; а вот учудивши что-нибудь свое, дурацкое, можно порой достичь весьма любопытных результатов... Помните, например, классический анекдот про пьяного, искавшего потерянный ключ от дома лишь под фонарями — поскольку «там светлее»? Если вдуматься, интуитивно избранная им стратегия поиска вовсе не так глупа, как кажется на первый взгляд: ведь в кромешной темноте, куда не достает свет фонарей, ключика-то все равно не найти, даже если он там и есть... Итак, давайте для начала, основываясь на печальном опыте предшественников, оконтурим зоны «неосвещенные» (где искать просто бесполезно) и «освещенные» (где результат — дело везения).

ПОПЫТКИ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОГНОЗА

*Плох тот митрополит,
что не был замполитом
и плох тот замполит,
что не митрополит.*

Е. Лукин

Приходится констатировать, что как наука, так и беллетристика продемонстрировали полнейшую неспособность предугадать сколь-нибудь существенные

черты общественного устройства нашего века. Да, порой совпадают кое-какие детали — однако совпадения эти лишь оттеняют разительное несоответствие общих картин прогнозируемого и реального будущего. Помните изрядно нашумевшую в свое время, а ныне почти забытую антиутопию Кабакова «Невозвращенец»? Саперные лопатки и причисление авангардиста Шнитке к лику официозных классиков автор предугадать сумел, а вот по всем более серьезным пунктам прогноза — полный облом...

Чем останется двадцатый век в учебниках истории? Прежде всего — это время *реализации социалистической идеи в форме тоталитарных режимов*. Тоталитаризм возникал многократно и независимо, на совершенно разной национальной и экономической основе — от высокоразвитого капитализма в Германии до чистого феодализма в Корее (то есть ни о какой такой «трагической случайности», прикатившей на нашу голову в plombированном вагоне, и речи быть не может — существовал объективный общемировой тренд). Все эти режимы пережили бурный расцвет, а затем очень быстрый — по историческим меркам — крах. Так вот, ни первого (самого возникновения тоталитаризма), ни второго (стремительности его крушения) предугадать не смог *никто*...

Предвижу на этом месте возмущенный гомон: «А как же Замятин?! А Оруэлл?... А...» А никак — все это просто не имеет отношения к делу. Точнее говоря, имеет, но лишь в той части, что выходит за рамки конкретного социологического прогноза. И если история Цинцинната Ц. будет волновать людей, куда существует художественная литература, то оруэлловскую агитку наверняка ждет такое же забвение, как и другой «бестселлер века» — «Что делать?»: по прошествии трех десятков лет — когда вымрет поколение европейцев, принужденное *проходить* «1984» в рамках школьной программы, — о Великой Антиутопии и не вспомнит никто, кроме библиографов... Впрочем, давайте по порядку.

Вполне очевидно, что антиутопии двадцатых годов (вроде замятинской) только постфактум кажутся нам «романами-предостережениями». На самом деле это была лишь затянувшаяся сверх всякой меры полемика с технократическими утопиями ушедшего, девятнадцатого, столетия. Ну какое, скажите, имеют отношение те автоматизированные, хирургически-стерильные миры холодного радио (вроде того, которым повелевает

Благодетель) ко всему этому сталинско-кимирсеновскому убожеству с крепостными-колхозниками и талонами на

сапоги? Замятин и Хаксли продолжали свою — вполне виртуальную — дискуссию с Уэллсом, никак не соотнося ее с общественными процессами вокруг себя; это никакой не упрек — они решали свои собственные задачи, и социологическое анатомирование реальных тоталитарных режимов *in statu nascendi* в список этих задач просто не входило.

Лейтмотивом же следующей генерации антиутопий (от Оруэлла до Зиновьева и Войновича) стала *абсолютная нескрушимость тоталитаризма*. «Сапог, топчущий лицо человека — вечно». Попытки же одолеть тоталитаризм при помощи «бога из машины» (как в «Часе Быка») лишь усиливали ощущение безнадежности: «Да, ребята, это — навсегда...» Были тут, однако, и важные нюансы.

«1984» впервые попался мне в руки в студенческие времена — в середине семидесятых; до обозначенного в нем срока оставалось меньше десятка лет, и было яснее ясного, что автор в своем прогнозе крупно промахнулся. Вообще, по моим воспоминаниям, роман впечатлял в основном барышень: камера № 101 и невозможность трахнуться без разрешения парткома — на них этот набор ужасов действовал безотказно. Скептикам же и прагматикам вроде меня было очевидно, что гомункулус по имени «Ангсоц», заботливо выращенный Оруэллом в колбе *западных* стереотипов, — существо абсолютно нежизнеспособное; будучи ввергнут в грубую реальность, он сдохнет точно так же, как ужасные уэллсовские марсиане.

Это ведь только западник может упустить из виду, что телескрины — основополагающий элемент системы тотального контроля — будут бесперечь ломаться; и купить их за нефть на «загнивающем Западе» тоже нельзя — за отсутствием такового, вот ведь в чем ужас-то... Как будет работать в условиях социализма (хоть английского, хоть какого) служба «телеремота», объяснять, надеюсь, не надо: приедут на аварию, разломают стену — а потом поминай как звали. Конечно же, нормальный обыватель начнет отслюнять им на лапу, чтоб перегоревший телескрин в его квартире просто пометили в отчете как починенный, а поскольку запчастей для ремонта все равно нету, а отчитываться наверх надо — будут брать, к обоюдной пользе; ну а народные умельцы из этой конторы станут за доступную плату подключать желающих к закрытым телескринным сетям для начальства, по которым ночами крутят порнуху Ма-лабарского производства (или где они там воюют).

Дальше наверняка выяснится, что и те запчасти к телескринам, что есть, производят (для всех трех империй!) все в том же Малабаре; никакой «войны» там, конечно, нет и в помине — зато есть посольства, резидентуры и прочие «загранучреждения», всосавшие всех поголовно начальственных отпрысков. (Сюжетик: идейный — скажем так — чудак старой закалки подает начальству проект усовершенствования телескринной сети, позволяющий сократить закупки импортной техники и сэкономить для Родины валюту; а у начальника есть племянник, он как раз и сидит в Малабаре на этих закупках... Товарищ Гельман, товарищ Липатов, ау-у!)

Иное дело — «Зияющие высоты» и продолжающая их серия зиновьевских антиутопий. Это да, здесь вам не тут... Не скажу за «Фауста» Гете, но что «эта штука будет посильнее» (на порядок), чем всепланетно разрекламированный ужастик английского социалиста, — нет вопроса; более всесторонней и исчерпывающей анатомии «реального тоталитаризма» мне не встречалось ни до, ни после. Стена, которую Зиновьев в своих книгах бесстрастно воздвиг на пути всей прежней мировой истории — дабы та «прекратила течение свое», — выглядела абсолютно несокрушимой; кладка ее были подогнана столь тщательно, без малейших зазоров, что даже не нуждалась в растворе; на совесть было построено — чего там говорить...

Самое же любопытное произошло, когда стена эта обвалилась прямо у нас на глазах — внезапно и вроде бы безо всяких видимых причин. Автор настолько разобиделся (на историю? на Гомеостатическое Мироздание?) за свое порушенное творение, что повел себя явно неадекватно: принялся предрекать, что это лишь маневр (вот погодите, скоро коммунизм станет круче прежнего!), сделался завсегдаем всех коммунистических тусовок... Он ведь так убедительно обосновал, почему этот кошмар неминуемо станет «светлым будущим» всего человечества, — а тут такой облом... обидно, понимаешь! Ей-богу, создается впечатление, что сегодняшний Зиновьев отдал бы правую руку (а то и более важные части тела) за то, чтобы завтра поутру мы все проснулись под звуки советского гимна из радиоточки — причем не из любви к этому самому Ибанску, возглавляемому Заведующим-Зайбаном (какая уж там любовь!), а лишь бы только не признавать ошибочность своего суперубедительного прогноза...

Итак: покуда тоталитаризм (как общественная модель) лишь складывался, его не замечали в упор; когда же он оформился во всей красе — стали считать его вечным. Но ведь то же самое — буквально с любыми социально-политическими ожиданиями! Ну кто бы мог подумать, что именно Британия — живое воплощение максимы «Пусть рухнет мир, но свершится правосудие!» — окажется в авангарде строителей нового миропорядка, в коем все основы международного права похерены ради «прав человека», трактуемых при этом весьма и весьма избирательно, по двойному стандарту. И дело вовсе не в закидонах конкретного социал-демократического правительства, которое сперва арестовывает легально въехавшего в страну иностранного сенатора, защищенного дипломатическим паспортом, а затем начинает интервенцию против европейского государства с международно признанными границами и законно избранным правительством, дабы поддержать мятеж тамошних сепаратистов. Важнее иное: 90% англичан, вроде бы воспитанных — не в пример нам, грешным — на *Dura lex, sed lex* и *Pacta sunt servanda*, полностью одобряют это беззаконие: а че такого, ведь Пиночет и Милошевич — *плохие парни!*.. Англия, пожелавшая жить не по закону, а по понятиям, — что тут еще скажешь? (Это ведь именно натовская агрессия против Югославии выдала российской власти карт-бланш на «окончательное решение чеченского вопроса»; и нынешнее возмущение Запада российскими действиями на Кавказе смотрится вполне анекдотично: «И эти люди запрещают мне ковыряться в носу!»)

Или — чуть из иной области. В первой половине века мало кто сомневался, что если в будущем и сложится новый экономический центр цивилизации, сопоставимый с Западной Европой, США и СССР, то им станет Латинская Америка (эти ожидания отразил, например, Цвейг в книге «Бразилия — страна будущего»). Аргентина и другие ведущие державы континента и вправду развивались в те годы поистине фантастическими темпами. Ну кто мог предвидеть, что после Второй мировой войны (от которой они объективно лишь выиграли) все они вдруг впадут в полувековую экономическую летаргию?.. Новый, «внеатлантический», центр цивилизации (как нам *теперь* стало ясно) действительно возник, но совсем не там, где ожидалось: на Тихоокеанском побережье Азии. Именно восточно азиатские страны совершили блистательный рывок в двадцать первый

век, и помешать этому не смогли никакие «объективные препятствия»: ни то, что Японии пришлось подниматься из радиоактивного пепла, ни чудовищные социально-экономические эксперименты, на долгие годы обескровившие Китай, ни затяжные гражданские войны почти по всему региону, ни даже отсутствие сколь-нибудь заметных запасов минерального сырья — и особенно нефти.

Ладно, бог с ними, с глобальными прогнозами — но ничего путного, как выясняется, нельзя предвидеть даже в своей, сугубо профессиональной, области. Помните, у Стругацких в «Хромой судьбе» писатель Феликс Сорокин, хранящий в глубине письменного стола сокровенную Синюю Папку с главным своим романом, встречает Михаила Афанасьевича (реинкарнацию того самого); тот способен при помощи созданной им машины (вариант Мензуры Зоилии) предсказать грядущую судьбу любого художественного текста по некоему простенькому интегральному показателю, а именно по цифрам «НКЧТ» — наивероятнейшему количеству читателей текста. Михал Афанасьич сперва отрицает свое тождество в таких вот словах: «...Как я могу быть им? Мертвые умирают навсегда, Феликс Александрович. Это так же верно, как то, что рукописи сгорают дотла. Сколько бы ОН ни утверждал обратное», — а затем открывает Сорокину самый ужасный, даже не приходивший тому в голову вариант судьбы его рукописи:

«...Проклятая машина может выбросить на свои экраны не семизначное признание моих, Сорокина, заслуг перед мировой культурой и не гордую одинокую троечку, свидетельствующую о том, что мировая культура еще не созрела, чтобы принять в свое лоно содержимое Синей Папки, а может выбросить машина на свои экраны крепенькие и кругленькие 90 тыс., означающие, что Синюю Папочку благополучно приняла, благополучно вставили в план, и выскочила она из печатных машин, чтобы осесть на полках районных библиотек рядом с прочей макулатурой, не оставив по себе ни следов, ни памяти, похороненная не в почетном саркофаге письменного стола, а в покоробленных обложках из уцененного картона».

Ну, насчет того, что в нынешнюю, компьютерно-сетевую, эпоху рукописи — таки да, категорически не горят (уж к добру или к худу — это отдельный вопрос), я долго распространяться не стану. (Замечу лишь, что по сию пору бережно храню, как памятник эпохи, эвээмов-

скую (слово «компьютер», если кто запомнил, в ту пору в обиходе отсутствовало) распечатку «Сказки о тройке», сделанную аккуратно в том же 1982 году, когда писалась «Хромая судьба»; так что о потенциальной неистребимости рукописей в принципе возможно было догадаться уже тогда.) Гораздо интереснее смотреть по нынешнему времени «крепенькие и кругленькие 90 тыс.». Дело ведь не только в том, что канула в небытие «самая читающая в мире страна» с ее ни с чем не сообразными тиражами. Сама эта цифра — память о той прежней трогательно-наивной эпохе, когда понятия «бестселлер» (ведь исчисление НКЧТ — именно об этом) и «шедевр», как ни странно, и вправду были связаны пусть не стопроцентной, но вполне значимой корреляцией. Стругацким, воспитанным (как и все мы, тогдашние) на Великой Русской Литературе, и в голову прийти не могло, что по прошествии буквально десятка лет Книга обратится в такой же точно товар, как сникерсы-памперсы и истребители-бомбардировщики СУ-27; что, вложив должные суммы в рекламу, можно «раскрутить» в бестселлер (с охрененным НКЧТ) все что угодно — хоть какой-нибудь «Корявый против Припадочного-2», хоть воспоминания Моники Левински о вкусе клинтоновых выделений... Кстати, любопытно: а кто из сколь-нибудь приличных российских писателей может в наши дни похвастаться 90-тысячной аудиторией? Ну, Пелевин, ну, может быть, Веллер... третий-то сыщется?

Да, конечно, изредка случаются совпадения прогноза — и они по-своему любопытны. Вот, например, Войнович в сатирической антиутопии «Москва-2042» блистательно предугадал и вполне знаковую фигуру отца Звездония — генерал-майора религиозной службы в рясе с лампасами, и столь чаемую нынешними «государственниками» *национальную идею*: «Составные нашего пятиединства: народность, партийность, религиозность, бдительность и госбезопасность». И ведь писано это было задолго до того, как коммунисты зачастили в церковь, не зная, какой рукой надо креститься (как тут недавно отлил в бронзе товарищ Лукашенко, получая в Иерусалиме церковный орден: «Я — православный атеист»; не, в натуре — Пелевин с Лукиным отдыхают...), а наша Трижды Краснознаменная, орденов Ленина и Октябрьской Революции Патриархия, притомаясь беспопытной торговлей сигаретами и освящением бандитских иномарок, вовсю норовит уже устроиться в опустевшем было кресле Идеологического отдела ЦК КПСС... Так вот, рискну

предположить: Войновичу удалось угадать именно потому, что он искренне пытался сконструировать не наименее вероятный (как Оруэлл и Зиновьев), а именно наименее абсурдный, как тогда казалось, вариант будущего: «Коммуны в обнимку с попами, придет же в голову такой бред...»

Итак, резюмируем: в сфере социального прогноза ловить, похоже, нечего. Голяк. Что бы вы ни напрогночили — «Нэ так все будет, савсэм нэ так». И кстати, понятно почему, но об этом — чуть позже.

ПОПЫТКИ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГНОЗА

Вот скоро в зоологических музеях появятся удивительные животные, первые животные с Марса и Венеры. Да, конечно, мы будем глазеть на них и хлопать себя по бедрам, но ведь мы уже давно ждем этих животных, мы отлично подготовлены к их появлению.

А. и Б. Стругацкие

Здесь ситуация, похоже, та же, что и в предыдущем случае: совпадают отдельные детали (иногда весьма красочные) при полнейшей неадекватности общей картины. К тому же многое зависит от того, насколько мы склонны «мажорировать автору»; попросту говоря — подгонять решение задачи под уже известный ответ, закрывая глаза на различия между аналогиями и гомологиями. Можно, конечно, счесть, что Свифт, описывая, как мудрецы из Большой Академии Проекторов тшатаются превратить лед в порох, предвосхитил и идею «холодного термояда», и даже безрезультатность вот уже полувекowych, весьма дорогостоящих, попыток осуществить управляемый термоядерный синтез — однако согласитесь: такая интерпретация будет все же излишне вольной... Давайте называть вещи своими именами: полет человека на Луну в пушечном ядре не более реален (с точки зрения физики), чем аналогичное путешествие Сирано де Бержерака на голубях — даже если пушку эту волею Жюль Верна установить именно на мысе Канаверал. Пресловутая машина свифтовских мудрецов — это, увы, никакой не компьютер, а тепловой луч уэллсовских марсиан и гиперболоид инженера Гарина — не лазеры (с

тем же основанием «лазером» можно окрестить и легендарные солнечные зеркала Архимеда, поджигавшие римские корабли).

Самое интересное — что куча технологических новшеств, как выясняется, появилась «в железе» много раньше, чем соответствующие озарения фантастов. Мы отчего-то склонны забывать, что «Наутилус» (*sic!*) Фултона опередил «Наутилус» Жюль Верна на 65 лет. А угадайте, когда был впервые осуществлен запуск боевой ракеты с находящейся в подводном положении субмарины? В одна тысяча восемьсот тридцать седьмом году (кстати сказать, в России)... Нет, это не опечатка: именно «восемьсот»; вот-вот — «год смерти Пушкина»... Ясно, что ракета была не «Посейдоном», а субмарина — не «Трайдентом», однако меня лично этот *фактик* впечатлил в свое время куда сильнее, нежели описания персидских ковров и мраморных статуй в подводных чертогах капитана Немо.

Или взять, к примеру, мобильники; они ведь появились в карманах *конкретных пацанов* в малиновых пиджаках, напрямую минуя всякие свои книжные прообразы. Помните, как общались между собой герои романов о будущем? Правильно: посредством цветных, стереоскопически-стереофонических (а иной раз, помнится, даже воспроизводящих запахи) — но всегда *стационарных* видеофонов; они установлены в каждой квартире и конторе, а если на улицах — то в особых кабинах. В принципе такие видеофоны можно было бы наделать хоть сейчас — только это оказалось на хрен никому не нужно, а нужны простенькие и дешевенькие мобильники... При этом нельзя сказать, чтоб идея *персональной мобильной* связи вовсе никому не приходила в голову; конечно, приходила — но как! Вот, к примеру, «Жук в муравейнике»: кульминация секретной операции, судьба мира на волоске, и разбегающиеся спасти планету руководители спецслужбы уговариваются: «Связь через браслет!»; по контексту ясно, что такой сорт связи у них там, в XXII веке, даже эта категория работников практикует не каждый день... Кстати, раз уж к слову пришлось: помните, сколько времени требовалось крутому чекисту Каммереру на получение справки по сети Большого Всепланетного Информатория? Два часа! Скажите-ка это школьнику, лазящему по Интернету, — он обхохочется...

Спорить на тему «является ли гиперboloид предтечей лазера» можно до хрипоты, и никто никому

ничего не докажет; меня лично список «предвидений» Жюль Верна и иже с ним убеждает ничуть не более, чем «современные прочтения» Нострадамуса, который якобы предрек не только Гитлера, но и Саддама Хусейна. (Если уж на то пошло, у барона Мюнхгаузена есть «предвидения» и покруче жюльверновских: совершенно ясно, что олень с вишневым деревцем между рогами — продукт генной инженерии, а бешеная шуба — результат неосторожных экспериментов с фоссилизированной ДНК...) Так что более продуктивный путь — посмотреть, что из предсказанного определенно *не сбылось*.

Ну, что мы не овладели нуль-транспортировкой и антигравитацией, не создали машину времени, не встретились с инопланетным разумом, понятно — да этого, честно-то говоря, никто особо и не ожидал; роботами пока никакими и не пахнет — да и хрен бы с ними; ядерной войны — тьфу-тьфу! — вроде тоже не предвидится (хотя многие лица продолжают по инерции разрабатывать эту изрядно оскудевшую золотую жилу). Но вот если бы в середине шестидесятых кто-нибудь заикнулся, что новое тысячелетие люди встретят *так и не ступив на поверхность Марса* — его наверняка подняли бы на смех. Тезис «Человечество вступило в космическую фазу своего развития» стоял в те годы в одном ряду с «Волга впадает в Каспийское море» (или — «Коммунизм — светлое будущее всего человечества»). Увы! Многострадальная станция «Мир», которую не сегодня-завтра затопят в океане, похоже, станет своеобразным надгробным памятником «космической эре» — в тогдашнем ее понимании.

Это вовсе не означает умирания космонавтики — наоборот! Несомненно, будет и впредь развиваться система спутников связи; возможно даже, придется раскошелиться на глобальную систему для уничтожения угрожающих Земле астероидов с элементами космического базирования. Есть и любопытнейшие энергетические проекты — вроде превращения Луны в грандиозную солнечную батарею или добычи гелия-3 из лунного реголита и из атмосферы Больших планет (где его как грязи) для нужд будущей экологически чистой термоядерной энергетики; степень безумия этих проектов как раз та, что бывает необходимой для успеха. Однако все это, очевидно, не имеет ни малейшего отношения к цветущим на Марсе яблоням, следам на пыльных тропинках далеких планет и Великому Кольцу (вкуче со Звездными Войнами). Эпоха, которая открывает новое ты-

счелетие, оказалась вовсе не «космической», а скорее уж «компьютерной». (Напомню, что отважные капитаны межзвездных крейсеров, каперов и прочих клиперов обыкновенно рассчитывали свой курс — «А-ат Земли до Беты...» — чуть ли не на логарифмических линейках.)

Весьма поучительна в этом плане история войн. Первой мировой войне действительно предшествовал невиданный в истории рывок в сфере военной техники, когда буквально за полтора десятилетия появились пулеметы, дальнобойная артиллерия, танки, авиация и — отравляющие газы. Последние, не сыграв практически никакой роли в боевых действиях (0,3% всех потерь), оказали столь сильное воздействие на умы публики, что стали своеобразным «фирменным знаком» первой империалистической. Неудивительно, что дальнейшее развитие военной техники мыслилось именно по пути создания оружия массового поражения: «солнечный газ» у Булгакова, гиперболоид у Толстого (впрочем, отравляющими газами Гарин тоже не пренебрегал), всяческие Лучи Смерти и бактериологическая война — «в ассортименте»; Набоков, помнится, даже додумался до чего-то вроде «тектонического оружия». Однако следующая, Вторая мировая, война велась все теми же старыми добрыми пулеметами, танками и самолетами, что и Первая, а единственное принципиальное новшество (баллистические ракеты) опять-таки никакой военной роли не сыграло — чисто психологическую.

После появления ядерного оружия сценарии будущей войны не отличались разнообразием. Помните, что следует делать военному служащему при ядерном ударе?.. Не-е «накрываться белой простыней и ползти по направлению к кладбищу» — это всяким штафиркам, а бойцу надлежит твердо держать автомат Калашникова на вытянутых руках, дабы расплавленная сталь не закапала казенные сапоги... Однако осознание того, что «в ядерной войне плоды победы будут иметь вкус пепла», мало-помалу достучалось даже до медных лбов носителей медных щитов. В итоге тогдашняя военная доктрина (она так прямо и называлась — «Доктрина гарантированного взаимоуничтожения») сделала то, что оказалось не под силу пацифистам всех времен и народов: «настоящую» войну заменила война «холодная», то есть гонка вооружений и соревнование военных технологий. В Европу будто бы пришли благословенные времена китайской династии Мин, когда полководцы, выстроив

войска для битвы, встречались тет-а-тет и разыгрывали грядущее сражение в режиме шахматной партии — после чего один честно признавал себя побежденным, и солдаты расходились по домам; или — правила «бесконтактных» поединков на соревнованиях по каратэ, когда удар не наносится, а лишь «обозначается».

Эта ситуация «бесконтактного боя» оказалась столь непривычной, что большинство моих соотечественников, похоже, так до сих пор и не осознали элементарного факта: *Третья мировая война — была.* В этой войне Советский Союз больше сорока лет в одиночку сражался против всего остального мира и в конце концов, израсходовав свои ресурсы, капитулировал. (Германию с Японией, напомним, в аналогичной ситуации уделали вдребезги и напололам не за сорок, а всего за пять лет.) По условиям этой капитуляции мы лишились не только всех колоний, но и заметной части исконной территории («Беловежские соглашения»), привели свою армию в небоеспособное состояние (так, что та уже который год не может совладать с кучкой кавказских бандитов), выплатили огромные репарации (пресловутые 180 миллиардов, осевшие в заграничных банках на благо тамошней экономике, — это еще сущий пустяк по сравнению с реальной ценой тех мозгов и рук, что утекли от нас на Запад)... Интересно, а как бы вы, ребята, хотели — проиграв Мировую войну?

Итак, после появления оружия массового поражения вот уж почти сто лет как ожидают, что следующая война непременно будет вестись с его применением, и постоянно промахиваются: Вторая мировая война опять велась обычными вооружениями, Третья мировая оказалась «холодной», а Югославская кампания, похоже, открывает эпоху «виртуальных войн», когда реальные боевые действия просто не имеют значения — важно лишь, что попадет на мониторы CNN. И это — типичная судьба технологических прогнозов, ибо они обычно являют собой *линейную экстраполяцию*: если вчера в мире существовала одна-единственная сепулька на триггеновых куаторах с обратной связью, а сегодня их уже десять, то завтра их — ясный пень! — будет сто, а послезавтра — десять тысяч...

Именно такова была основа пресловутого менделеевского прогноза — ну, насчет мира, заваленного по колено лошадиным навозом. Именно так строились апокалиптические прогнозы семидесятых, предрекавшие

к концу века гибель человечества от загрязнения окружающей среды, и восьмидесятых — сулившие сотни миллионов больных СПИДом. (Заметим, что в отличие от шутника Менделеева организаторы этих последних PR-кампаний весьма неплохо погрели руки на раздутой ими алармистской истерии — вроде как компьютерщики на «Проблеме 2000».)

Именно поэтому я никогда не воспринимал всерьез всех этих многомудрых «расчетов» — к какому именно году на Земле иссякнет нефть, а к какому титан с ванадием (стоит, например, открыть источник по-настоящему дешевой энергии в виде термояда — и проблема нефти будет решена раз и навсегда: можно будет разрабатывать совершенно неисчерпаемые запасы нефтяных песков, эксплуатация которых пока просто нерентабельна по энергетике). Или взять, например, весьма популярную в определенных кругах концепцию «Золотого миллиарда», согласно которой развитые страны будут потреблять чем дальше, тем большую долю мировых ресурсов, грабя остальное человечество. Это ведь просто те же самые грабли, на которые уже некогда наступили марксисты в своих — в общем-то не лишенных логики — рассуждениях о «перманентном обнищании пролетариата по мере развития капитализма»; даже если не брать в расчет возможность введения в оборот принципиально новых ресурсов (вроде упоминавшегося выше гелия-3 из космоса), окажется, что удельная энергоемкость национального продукта в развитых странах уже начала снижаться (благодаря информационным технологиям), и это, надо полагать, лишь начало...

А едва написав сии слова, я невольно поежился — ибо они, в свой черед, являются линейной экстраполяцией; куда ж от нее денешься... Впрочем, может, плох не сам принцип, а лишь его реализация? Если, например, исходный график строить не по двум точкам (одна — настоящее, а вторая — прошлое, как в упомянутых примерах), а по более представительному их числу — вдруг да и вырисуется что путное? Иными словами, давайте попытаемся пристроиться к некоему по-настоящему долговременному тренду — если, конечно, такие тренды в истории цивилизации вообще существуют. Прогресс это будет или, наоборот, деградация от Золотого века — нам без разницы, была бы лишь некая временная анизотропность...

ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА КАК ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ РЕВОЛЮЦИЙ

*Романтика, прощай навек!
С резною костью ты ушла, —
Сказал пещерный человек, —
И бьет теперь кремнем стрела.
Бог плясок больше не в чести.
Увы, романтика! Прости!*

Р. Киплинг

Когда дело доходит до поиска неких объективных векторов в развитии человеческой цивилизации, технический прогресс попадает в поле зрения с неизбежностью. Действительно, спорить о том, что «выше»: наскальные рисунки из Альтамиры, фрески Сикейроса или мозаичное панно «Навеки вместе!» со станции метро «Киевская-кольцевая» — занятие, очевидно, бессмысленное; все философские системы по большому счету придуманы в античности, а степень изысканности той космогонии, что создана австралийскими аборигенами, по сию пору пребывающими в мезолите, мы смогли оценить лишь сейчас... Иное дело техника: положил рядышком каменный топор, рыцарский доспех и снайперскую винтовку с лазерным прицелом — и нет вопроса, куда глядит вектор.

Если не затевать тут постмодернистского флейма а-ля Клоп-Говорун («С постмодернистами дискутировать не желаю», — как сказал бы на этом месте грубый Корнеев), то историю человечества вполне правомочно рассматривать как последовательность технологических революций. Напомню, кстати, что и само возникновение человека как биологического вида может считаться одной из таких революций: *Homo habilis* («Человек умелый») анатомически ничем не отличался от современных ему видов грацильных австралопитеков — только лишь способностью изготавливать каменные орудия.

Правда, сразу возникает вопрос: какие из технологических новаций тянут на гордое имя Революции, а какие — «рылом не вышли». Использование огня — революция? — ясно, революция, и еще какая! Колесо? — нет вопроса! Лук, первое дистанционное оружие? — а как же! А

мореплавание?.. А порох?.. А антибиотики?.. А... Мне как-то попало в руки исследование, где оных «революций» выделяли больше 30 штук! Ясно, что при подобном подходе можно было бы навыведать и 130 — все равно это чистойшей воды субъективизм; ну как, скажите, оценить на унифицированной шкале реальное значение для цивилизации лазера, горизонтального ткацкого станка и лучка для добывания огня? Так что давайте попробуем подойти с другого конца: сперва выделим те исторические этапы, когда революционно, скачком, менялось качество жизни людей, — и уже затем соотнесем эти социологические и экономические изменения с определенными технологиями.

Таких крупнейших социально-экономических скачков обычно выделяют три. Первый — неолитическая революция, ознаменовавшая собой переход от присваивающего типа хозяйства к производящему (от охоты и собирательства — к земледелию и скотоводству). С этого времени призрак голодной смерти если и приближался к людским поселениям, то лишь эпизодически; что касается такого интегрального показателя качества жизни, как ее средняя продолжительность, то, как считается, именно в это время она выросла с двадцати с небольшим до сорока лет (без учета детской смертности)*. Второй качественный скачок — индустриальная революция Нового времени. Третий — идущий на наших глазах в развитых странах переход к постиндустриальному обществу. (Постиндустриальное общество понимается здесь вполне стандартно: «Общественная формация, которая, согласно ряду теорий, придет на смену капитализму и социа-

* Существует гипотеза, что заметную роль тут сыграла смена типа инфекций, доминирующего в человеческих популяциях, — побочное следствие одомашнивания скота. Ранее основную роль играли так называемые медленные инфекции (типа СПИДа или проказы), издревле адаптированные к человеку и формально не смертельные, но уже годам к двадцати превращающие его в развалину. От домашнего же скота человек получил новые, так называемые быстрые инфекции (типа оспы) — заболевший либо тут же умирает, либо выздоравливает, обзаведясь стойким иммунитетом. Понятно, что от «быстрых» инфекций умирали в первую очередь те, кто уже был поражен «медленными»; в результате неолитические эпидемии оспы «вычистили» и тем самым оздоровили человеческие популяции (привет А. Громову с его «Годом лемминга»!). Именно после этого люди и стали доживать до сорока и возник первый демографический бум. Так что человечество в некотором смысле обязано своим существованием... оспе!

лизму («индустриальному обществу»). Характеризуется подавляющим преобладанием (до 9/10 населения) занятых в сфере «производства информации», прекращением роста народонаселения и переориентацией экономики на удовлетворение преимущественно культурных потребностей». — «Философский словарь», 1980.)

Хорошее число — три!.. Если спросить старшеклассника, из каких несводимых друг к другу субстанций состоит окружающий нас материальный мир, то оный старшеклассник должен, по идее, без запинки ответить: «Из вещества, энергии и информации». Давайте рассмотрим под этим углом зрения три перечисленные выше революции.

Неолитическая революция — это революция «по веществу»: появление *отсутствующих в природе веществ* — несамородные металлы, керамика, стекло, ткани; собственно, с той поры за всю историю открыт всего один принципиально новый класс веществ — пластики. Сюда же без особой натяжки можно причислить и *отсутствующие в природе существа* — домашние животные и сельскохозяйственные растения (в том числе пекарские дрожжи). Индустриальная революция Нового времени — революция «по энергии»: реализовано «запрещенное» для природных процессов *превращение тепловой энергии в механическую* (паровая машина) и *использование ассимилированной энергии экосистем прошлого* (сжигание ископаемого топлива). Нынешнюю же технологическую революцию все так и называют — «информационная». Ее принято связывать с появлением компьютеров (считая его за исходный толчок, аналогичный изобретению регулятора Уатта в предыдущей, «энергетической», революции); однако ничуть не менее важны и биотехнологии — вроде генной инженерии или клонирования, основанные на *управлении наследственной информацией*. (Символично, что научные основы этих технологий — кибернетика, с одной стороны, и дешифровка генетического кода — с другой, — были заложены практически одновременно, в пятидесятых годах.)

Разумеется, предлагаемая модель «Неолит — вещество, новое время — энергия, современность — информация» весьма упрощает реальность: как в ее рамках оценивать, например, овладение огнем? По идее, оно должно бы «проходить по департаменту» энергетической революции, но ведь это произошло задолго до неолита... Тут, однако, можно возразить, что огонь — явление природное, а потому

«приручение» его, при всей важности этого процесса, революцией в строгом смысле не является: мы ведь связываем понятие революции именно с открытием веществ и процессов, *принципиально отсутствующих* в природе (говоря выше о домашних животных и растениях как об элементе неолитической революции, мы подразумеваем не саму domestикацию, а именно выведение культурных пород и сортов, которые не способны существовать самостоятельно, в природных экосистемах).

Опять-таки энергетическая революция вовсе не отменяет создания новых классов веществ (пластики), а информационная — новых источников энергии (термояд). Речь идет лишь о том, что в индустриальном обществе целью ставится увеличение производства энергии (помните диаграммы Римского клуба?), а в постиндустриальном акцент перенесен на оптимизацию управления имеющимися энергоресурсами; это уже привело к уменьшению удельной энергоемкости национального продукта развитых стран, а в перспективе и вовсе способно привести и к уменьшению абсолютного энергопотребления. (Интересная аналогия: в 60–70-е годы экологи фактически сводили все функционирование экосистемы к энергопотокам в пищевых цепях, тщательно измеряя, сколько калорий содержится в куртинке ковыля, сколько — в суслике и сколько в орле с его птенцами. Сейчас же все большее внимание экологов привлекают «непрямые» взаимодействия, несводимые к простой энергетике. Хороший пример — избирательное стравливание копытными древесного подроста; в итоге эти животные, составляющие в энергобалансе экосистемы чепуховый процент, радикально меняют весь облик ландшафта, препятствуя естественному зарастанию лесом наиболее продуктивных — степных — пастбищ.)

Не думаю, что мы способны предугадать конкретные детали неизбежных социальных изменений, порожаемых компьютерной революцией: наверняка многие моменты, представляющиеся нам сугубо второстепенными, окажутся решающими — и наоборот. Сколько уж писано (в явно панической тональности) о компьютерных психозах, о детях, погружившихся в киберпейс до полного уезда крыши, и т.д. А вот вам, в противовес, такая не обсуждающаяся деталька. Известно, что на формирование коры больших полушарий головного мозга — а именно она является «вместилищем личности» — гигантское влияние оказывает развитие тонкой

моторики пальцев (именно поэтому ребенок обязательно должен рисовать, лепить, шить и т.п.). Ведущим, фоновым, типом этой моторики сейчас являются навыки письма. Между тем нынешние школьники, видимо, будут последним поколением, которое умеет писать буквы на бумаге (или — на стенках лифта); следующие же будут даже не «топтаться по клавише и щелкать мышкой», а просто надиктовывать компьютеру — что называется, не прилагая рук. Соответственно и мозги их неизбежно окажутся устроенными несколько иначе — в самом что ни на есть прямом смысле; и есть серьезные основания подозревать, что мозги эти в итоге окажутся заметно примитивнее нынешних. Может, оно, конечно, и к лучшему («Блаженны нищие духом...»), но как-то это... обидно...

В общем, детали тут предугадывать столь же бесполезно, как и везде; давайте лучше вернемся к нашему обобщенному тренду. Итак, мы располагаем следующей временной последовательностью: 2,5 млн. лет назад — первые каменные орудия в Восточной Африке; 12 тыс. лет назад — первые неолитические культуры в «Плодородном полумесяце»; 300 лет назад — индустриальная революция в Европе; наши дни — информационная революция. Если отложить эти значения по абсциссе, и принять — на чисто интуитивном уровне, — что каждая из этих революций меняла «качество жизни» (ординату) сопоставимым образом, то мы получаем простую логарифмическую зависимость с корреляцией 0,98 — что неслабо. Да и четыре точки на графике — все ж таки не две («две бубны — не одна бубна»), так что можно и рискнуть с экстраполяцией...

Так когда ж нам ожидать следующую — «Четвертую технологическую» революцию? Вы будете смеяться, но исходя из нашего графика — через семь-восемь лет! Это, разумеется, глубоко в пределах ошибки, так что... может, она уже идет? А ряд-то логарифмический, так что пятая, шестая и так далее будут следовать одна за другой, сливаясь в сплошной каскад... как это понимать? Похоже, фигня все это, и прогностической ценности данная модель не имеет... Хотя это как посмотреть.

Помнится, в середине девяностых появилась концепция американского политолога Фукуямы — «Конец истории?»; дескать, с прекращением глобального военного противостояния Западного мира и Советского блока и вступлением в постиндустриальную эпоху история человечества как некое поступательное движение завершилась, и теперь мы будем до скончания века дрейфовать без руля и вет-

рил в эдаком безвременье... Модель показалась мне тогда довольно убогой. Откуда политолог слямзил основную идею, было видно невооруженным глазом: из стратегических компьютерных игрушек типа «Civilization». Кто играл — наверняка помнит: финальная их фаза всегда невыразимо скучна. Нервический азарт Большой Войны с Главным Противником, когда у берегов маячат вражеские *cruisers*, в тылу бандитствуют *native guerrillas*, а задавленное военными налогами население бесперечь устраивает *civil disorders* — позади; наше дело правое, враг разбит, победа за нами; тишь и благодать — космический корабль к Альфе Центавра уже отправлен, а ты, в ожидании его прилета и подведения финального рейтинга, тупо достраиваешь по градам и весям своей — теперь всепланетной — империи недостающие университеты с элеваторами да открываешь на хрен никому уже не нужные *Future Technology-11, -12, etc* — а и вправду, скучища смертная, натуральный «Конец истории»... Тут надобно заметить, что в моем мнении «новеллизация компьютерных игр» — в принципе как жанр — стоит где-то в одном ряду с подростковыми прыщами и нюханьем клея на чердаке ПТУ; я ничего не имею против самих игр Сида Мейерса, но когда новеллизацию его «стратегушек» мне пытаются впарить за серьезную социологическую модель...

Тем не менее некие рациональные зерна при желании можно отыскать в абсолютно любой концепции, и модель Фукуямы — не исключение. Похоже, он угадал, что *технологический этап развития цивилизации* в общем и целом близок к своему завершению. Только вот конца истории это отнюдь не означает — скорее наоборот: окончена Предыстория человечества, а настоящая-то История только-только начинается. Именно информационная революция выводит цивилизацию на принципиально новый уровень... (Впрочем, может быть, это новое — лишь хорошо забытое старое: «Вначале было Слово» — а что есть Слово, как не Информация?) Возможно, кстати, что отличие нынешней революции от двух предыдущих — ее «каскадность» — связано именно со свойствами информации как таковой: это Ляпунов, помнится, строго доказал, что на информацию в отличие от вещества и энергии не распространяются законы сохранения, то есть она может быть заново создана — либо, напротив, безвозвратно утрачена; именно поэтому Акт Творения для человека возможен лишь в информационной сфере — в сферах же вещества и энергии это прерогатива Демиурга.

Что ж это за новый уровень, на который нас в ближайшее время выведет (либо уже, незаметно для нас, вывела) информационная революция? Итак, вопрос на засыпку: в мире есть вещество, энергия и информация — а еще что? И притом неким образом связанное с информацией...

Энтропия (в смысле — не Клаузиусовская, а Брюллионовская)? Время — каковое, по Пригожину, есть просто «непреодолимый энтропийный барьер»?

Слушайте, а я, кажется, догадался: еще есть — Магия! Одним из наиболее очевидных направлений информационной революции станет создание магических технологий...

Ну чего вы, ребята, на меня уставились, будто я посреди званого обеда вдруг взял и высморкался в край скатерти?

МАГИЯ КАК ВЫСШАЯ И ПОСЛЕДНЯЯ СТАДИЯ ТЕХНОЛОГИИ

— ...Все это ваше сцепление обстоятельств может очень легко прерваться: ястреб может ведь не пролететь в нужный момент или упасть в ста шагах от садка.

— А вот в этом и заключается искусство. На Востоке, чтобы быть великим химиком, надо уметь управлять случайностями — и там это умеют.

А. Дюма

Речь тут, ясный пень, пойдет не о разборках на третьем подземном уровне зачарованного замка Darkmoon, где благородно-седовласый wizard с нечесаной — по Свиридовскому канону — бородой хреначит попеременно то fireball'ами, то ice-storm'ами по кучеряво-брюнетистому негromancer'у, трусливо укrywшемуся за заклинанием Shield of Force. Магию — здесь и далее — я определяю просто как способ непосредственно воздействовать при помощи информационных объектов на объекты вещественные. В принципе люди пытались заниматься этим испокон веков (кинул копьё в рисунок на стене пещеры — завалил кабана; ткнул булавкой в восковую куколку врага — заполучи, гад, почечный колик), однако никаких социально значимых последствий все это, очевидным образом, не имело — иначе мы бы просто создали иной тип цивилизации. Ситуация изменилась имен-

но в наши дни: благодаря возросшей (на порядки) информационной связности современного мира единичные магические акты стали создавать глобальный резонанс. Судя по всему, мы незаметно для себя вступили в *магическую фазу развития цивилизации*. Поясню на паре примеров, что именно я имею в виду.

Канонической уже стала история о том, как после выхода фильма «Хвост виляет собакой» президент Клинтон прямо воплотил в жизнь его сюжет: принялся бомбить Ирак с единственной целью — прикрыть свой тошнотворный адюльтер; а еще год спустя такой же конфликт разыгрался с участием страны, прямо (пусть и в порядке стеба) поименованной авторами фильма, — Албании. Голову на отруб — веке эдак в пятнадцатом авторам бы не миновать костра или уж по меньшей мере «профилактической беседы» в Инквизиции... Значение фильма для судеб мира исчерпывающе предопределило его название (вот оно — «истинное имя», настоящая Магия Слова!), так что возможные возражения типа: «Совпадение!..» я тут просто отодвигаю как пустой стакан.

В том-то и фокус, что авторы не *предугадывали* будущее, а именно *создали* его — вольно или невольно; и это — единственный способ *сделать верный прогноз*. При этом обратите внимание: и «Хвост вертит собакой», и «Москва-2042» — сатира; похоже, созидать будущее лучше всего удастся именно тем, кто не относится к этому занятию слишком всерьез. Столь же справедливо и обратное: мистические постебушки Пелевина — от «Миттельшпиля» до «Generation П» — это в действительности чистейшей воды «производственные романы», где технология воздействия информационных объектов на вещественные расписана с той же степенью детальности и достоверности, как взаимодействие аэропортовых служб у Хейли, методика разведки на золото у Куваева или работа резидентуры ГРУ у Суворова.

Или пример из совершенно иной области. Ясно, что колебания биржевых котировок на рынке вторичных ценных бумаг — это лишь последовательности электромагнитных импульсов в компьютерной сети мировых финансовых центров, никак не связанные с вещественным миром; это ведь даже не деньги (в марковом смысле)! И вот, играя этими последовательностями импульсов, великий финансист и филантроп Сорос на глазах у почтеннейшей публики в три дня валит — на ровном месте! — стабильнейший режим Юго-Восточной Азии и вызывает там беспоряд-

ки, в ходе которых жгут вполне вещественные магазины и полицейские участки и убивают людей из плоти и крови. Так что в моих глазах Сорос — несомненный маг, песгомансер со всеми наворотами.

И дело вовсе не в нем лично. Из общения с людьми, имеющими отношение к экономике, я вынес отчетливое ощущение, что современные мировые финансы вообще живут по законам вполне магическим: будучи структурой чисто информационной, они тем не менее полностью диктуют поведение «реальному сектору экономики» — а не наоборот, как это было испокон веку. Контролируя вполне виртуальный мир фондовых бирж, развитые страны (и прежде всего Штаты) наловчились вполне натуральным образом брать деньги из пресловутой тумбочки, нарушая любые экономические законы — хоть марксовы, хоть саксовы. Злые языки давно уже утверждают, что единственный американский товар, который реально конкурентоспособен на мировом рынке (по соотношению себестоимость/качество), — это крашенная бумага с портретом Франклина. Если в один прекрасный день предъявить все эти векселя к оплате, то экономика США накроется медным тазом почище любого МММ; этого, однако, не случится никогда — на то и существует Сорос с его коллегами-некромантами.

Внезапное и вроде бы совершенно беспричинное обрушение СССР — это отдельная поэма о семи песнях. Каким образом удалось за каких-то три года, *не вызвав реального противодействия ни единой сколь-нибудь влиятельной социальной группы*, превратить «империю зла в банановую республику зла, импортирующую бананы из Финляндии»? Согласитесь, что нормальные государства себя так не ведут ни в каких военно-экономических обстоятельствах; так ведет себя только Замок Сил Мрака в Зачарованной Стране, когда Главный Герой разрушил Главный Магический Артефакт; так ведет себя шварцевская Тень, услышав: «Тень, знай свое место!», или Чугунный всадник Успенского после хорового: «Ужо тебе»... Именно поэтому разъяснения экономистов — «керосин в Тюмени кончился», «компьютерную революцию проспали», и т.п. — представляются мне абсолютно несерьезными, а вот отмеченное Лукиным появление в советских лозунгах такой неуместной части речи, как глагол, — совсем наоборот. Про «бытовой антисоветизм» партийной верхушки, на которой, что называется, уже нитки отечественной не было, писано достаточно; но вот то, как бесчислен-

ные Кузмы Ульянычи Старопопиковы из всех этих Госпланов и Госснабов, сидя за служебными компьютерами, тысячами сбивали МИГи-23 и получали за это «Пурпурные Сердца» от Конгресса... Согласитесь, когда объект *инвольтаций* еще и сам рвется принять в оном процессе посильное участие, тут уж всякому ясно: не жилец... Не жилец, однозначно!

В последнее время появилось множество книжек с заголовками типа: «Оккультные тайны НКВД и СС». Не берусь судить, что в них правда, а что вранье (точнее — «деза»), однако тот факт, что и гитлеровская Германия, и Советский Союз, и (в какой-то степени) императорская Япония практиковали некую «магическую подпитку» своих социумов, не вызывает особых сомнений. Великая Англосаксонская Демократия в подобных играх замечена не была (ну, создали в ЦРУ для порядка соответствующий подотдел, где чайники баловались телепатией и прочим столоверчением, да и тот прикрыли «ввиду отсутствия реальных результатов и в целях экономии средств налогоплательщиков») — из чего делают вывод, что она Демократия этими «средневековыми глупостями» и вправду не занималась.

Вывод, на мой взгляд, несколько поспешный. Как высказался однажды по сходному поводу Виктор Суворов: «Разведка — неблагодарный род деятельности. Разведчик становится знаменит, только если его раскрыли и повесили. Поэтому самые лучшие разведчики — те, кто так и не сделался знаменитостью» (за точность цитаты не ручаюсь, но смысл гарантирую). Действительно, Зорге и Пеньковский известны всем, а вот кто назовет имя американского разведчика, укравшего схему японской шифровальной машины, что во многом предопределило исход войны на Тихом океане? По аналогии вполне можно предположить, что «демократические» маги просто работали лучше своих «тоталитарных» конкурентов — оттого и «не стали знаменитыми». Для проверки этой гипотезы достаточно просто сравнить конечные результаты деятельности первых и вторых.

Некоторое время назад мне случилось прочесть обстоятельное исследование Переслегина о сражении у атолла Мидуэй. (Для тех братанов, кто не въезжает: для американов Мидуэй — это по типу как для нас Сталинград, впрочем, в нынешние времена Рах Америгана скорее, наверно, есть необходимость объяснять, что такое Сталинград...) Так вот, главным моим впечатлением — которого, похоже, и добивался автор — стало отчетливое ощущение того,

что в той битве наравне с авианосными армадами Ямамото и Нимица *впрямую* сражались между собой и некие Высшие Силы — абсолютно так же, как когда-то под стенами древнего Илиона и в троянских, и в греческих шеренгах рубились Высокие Олимпийцы.

Обычно как-то упускают из виду, что по всем экономическим показателям Япония времен Второй мировой войны стояла где-то на уровне Бельгии или Голландии. Ясно, что, имея за плечами экономику масштаба голландской (пусть даже и милитаризованную на 200%), затевать войну одновременно с тремя великими державами плюс Китай — это даже не авантюра, как у Гитлера, а просто безумие... Боевое безумие. Берсеркерство. (Впрочем, в кодексе Бусидо для этого состояния наверняка есть какой-нибудь собственный термин...) За полгода эти самые берсерки — коих, как и положено, «не брало железо» — прошли сквозь всю Восточную Азию до Австралии, взяли молниеносным штурмом абсолютно неприступный Сингапур и ухитрились уничтожить в Пёрл-Харборе захваченный врасплох американский флот («врасплох» — хотя американское командование читало японские шифры и обязано было быть в курсе планов Ямамото). Полгода им удавалось абсолютно все; и тут вдруг ихний фарт как обрезало, и настал им полный Мидуэй...

Впрочем, не так чтоб совсем вдруг: начало этого похода японского флота ознаменовалось странной «эпидемией», выведшей из строя одновременно троих ведущих флотоводцев: лучший штабист, правая рука главнокомандующего Объединенным Флотом Гэнда (тропическая малярия), командующий палубной авиацией Футида, с чьим именем был связан Пёрл-Харбор и все прочие победы Воздушного флота (аппендицит), и, наконец, сам главнокомандующий Ямамото (рыбное отравление *на банкете по случаю отплытия*); трое людей, отличавшихся железным здоровьем и никогда ранее не болевших. И еще предзнаменования: во время штабной игры по штурму Мидуэя, когда отрабатывали вводную на отражение внезапной атаки американских пикировщиков, на игровых костях (так в японском генштабе было принято задавать при моделировании боя элемент случайности) выпала немыслимая комбинация, означающая «девять попаданий, три потопленных авианосца»... Высшие Силы предостерегали Ямамото — так, что яснее некуда, однако тот «раскинул пальцы веером и попер буром»...

Все Мидуэйское сражение являет собой фантастическую череду случайностей, причем все они идут в одну лузу — американскую. Американам шло на пользу абсолютно все — и ошибки, совершенные их командованием, и «объективные трудности». Так, например, *болели* перед Мидуэем не только японцы: столь же внезапно и необъяснимо выпал из строя и адмирал Хелси, лучший командир-авианосник Тихоокеанского флота США (тяжелейший приступ нервной экземы). Оставляя мостик, он, в нарушение всех писанных и неписанных флотских правил, оставил вместо себя Спрюэнса — командира своей крейсерной эскортной группы, «артиллериста», не имевшего никакого опыта командования авиационными соединениями. Именно Спрюэнсу суждено было отдать приказ, вызвавший возмущение старших офицеров и навлекший на него обвинения в трусости: на исходе того победного для американцев дня он, повинуясь какому-то наитию, прекратил преследование разбитого и беспомощного авианосного соединения Нагумо и приказал отступить. Если бы не это странное решение, американцы пару часов спустя повстречались бы с уже шедшими им наперехват сверхмощными линкорами соединения Ямамото. Можно с полной уверенностью утверждать, что ночной артиллерийский бой, когда невозможно использовать преимущество в авиации, превратил бы для американов ту ночь в поистине Варфоломеевскую и японцы как минимум свели бы сражение вничью.

При этом боевое мастерство японских моряков и летчиков было столь высоко, что, невзирая на фантастический расклад, пришедший врагу на руки при раздаче, к 10.20 утра они могли считать сражение практически выигранным; американцы, расставившие эту ловушку для японского флота (что не столь уж трудно при прозрачности неприятельских шифросистем), вдруг явно ощутили себя тем самым мужиком, что «поймал медведя»... И вот тут-то и настали те самые пять минут, что решили и исход войны на Тихом океане, и — в некотором смысле — судьбу всего послевоенного мира. В Текущей Реальности была с абсолютной точностью воспроизведена нештатная ситуация, смоделированная некогда во время той штабной игры: внезапное появление «проспанной» наблюдателями американской эскадрильи (последней, остававшейся у Спрюэнса!) при отсутствии в воздухе японских истребителей (дозаправка). В 10.25 палубы «Акаги», «Кагу» и «Хирю», забитые готовыми к вылету самолетами второй волны, топливом и боеприпасами, являли собой огромные костры, в которых безвозвратно

сгорала основа военно-морской мощи Страны Ямато... *Девять попаданий, уничтоживших три авианосца*, — в точности, как тогда, месяцем ранее, выпало на игральных костях. (Признаюсь: если бы о таком совпадении поведал европейский мемуарист, я наверняка счел бы это выдумкой «для красоты»; но вот японцам я отчего-то верю — безоговорочно.)

...Читая переслегинское исследование, я в некий момент вдруг отчетливо понял, с чем имею дело, — с вещественной реализацией извечной мечты любителей альтернативной истории. *Ход настоящего* Мидуэйского сражения, происходившего на самом деле в какой-то иной, параллельной Реальности, был затем откорректирован путем наглого «переписывания» *альтернативных развилок сюжета* (в точности, как мы переигрываем «неудачные» эпизоды в Civilization или Dune-2, возвращаясь каждый раз к «Load saved game») — причем ясно, какая именно из воюющих сторон занималась этими корректировками. Более того, создается отчетливое впечатление, что на первом этапе войны на Тихом океане контроль над *развилками* находился в руках японцев, но к Мидуэю американам удалось переломить ситуацию.

Впрочем, каким именно способом проявляет себя «искусство влиять на случайности», о котором устами графа Монте-Кристо говорил Дюма, я судить не берусь, ибо в магических практиках ни ухом ни рылом. Создавать в параллельной реальности «черновик» события, а затем «переписывать его набело» в режиме компьютерной игры — возможно, не лучшее (и уж наверняка не единственное) решение. Однако сама по себе возможность неким образом воздействовать на *развилки сюжета* у меня сомнения не вызывает. Обратимся хотя бы к последней из таких *развилок*, пережитых Россией, когда ее история запросто могла перескочить в иную колею, — к московским событиям 1993 года.

Все тогда решилось в ночь с 3 на 4 октября, когда мятежникам (в слово «мятежники» я здесь не вкладываю ни правовой, ни тем более моральной оценки; тут чисто по Бернсу — «Мятеж не может кончиться удачей // в противном случае зовут его иначе») так и не удалось взять телецентр. Почему? Да потому, что у бойцов отряда «Витязь», охранявшего здание, вышла из строя рация и они не получили общего для войск и милиции приказа: «Ни во что не вмешиваться, пусть все идет как идет». И, не получив приказа, отряд просто действовал согласно уставу: когда начался штурм, солдаты

не побросали оружие (как это сделала четырьмя часами ранее охрана мэрии), а открыли ответный огонь — на чем, собственно, весь мятеж и накрылся медным тазом... Согласитесь, что «вышедшая из строя рация» — это вам не эскадрилья бомбардировщиков, возникшая из ничего, как туз из рукава шулера; ясно, что тут работали маги классом повыше, чем те, мидуэйские...

Nota Bene: А вот если б юнкера, охранявшие в такую же смутную осеннюю ночь столь же продажное-антинародное Временное правительство, действовали бы, как те бойцы «Витязя» — тупо, по уставу, — интересно, в какой стране мы бы сегодня жили? (Помните Трафальгарскую битву? «Англия не ждет, что каждый станет героем. Англия ждет, что каждый выполнит свой долг».) Впрочем, все это, помнится, уже было однажды разыграно Пелевиным в «Хрустальном мире»...

...Ну, теперь ясно, куда клонит автор, скривится на этом месте иной прозорливец. Мировое правительство из цюрихских гномов и прочих масонов, только еще и с магическими наворотами...

Не совсем так. Точнее — совсем не так. Прямо до наоборот.

Но тут нам, к сожалению, никуда не деться от того самого вопроса, коим некогда Воланд ставил в тупик простодушного атеиста Иванушку Бездомного: кто, собственно, всем этим управляет?

ОБ ИСТИНЕ, ЧТО ЛЕЖИТ ЗА МАГИЕЙ

- Значит, человек на берегу был Богом?
- Человек на берегу — другой маг.
- Я должен знать истину, которая лежит за магией!
- За магией нет никакой истины.

Дж. Фаулз

Прежде всего необходимо задать некоторую аксиоматику. Моя жизнь была достаточно богата приключениями и острыми нештатными ситуациями, и я слишком часто сталкивался с совершенно невероятными сочетаниями случайностей, чтобы всерьез сомневаться в существовании Высших Сил. Называть ли их Провидением, или высшими контурами сознания по Т. Лири, персонифицировать

ли их в виде Отца небесного, или полагать неким безличным антиэнтропийным началом — в обсуждаемом аспекте несущественно. Рефлексировать все это в стиле и духе Вяч. Рыбакова я совершенно не собираюсь (да и не способен) и принимаю существование Высших Сил просто «по Бритве Оккама» — как простейшее из возможных непротиворечивых объяснений.

При этом в моей личной картине Мира означенные Силы не индифферентны по отношению к Человеку. И тут я абсолютно солидарен с позицией, заявленной как-то Переслегиным: «Данная статья построена на идеях позитивизма и исходит прежде всего из того, что *вселенная к нам дружественна*. Иными словами (то есть в альтернативной философской калибровке): вера в «гнев Господень» и концепция «наказания, покаяния и прощения» представляют собой страшный грех, ибо основаны на отрицании бесконечности божественного милосердия. Для меня в самом деле остается загадкой, как можно серьезно относиться к гипотезе Бога, приписывая при этом Творцу мышление полицейского чиновника или в лучшем случае злопамятного школьного наставника». И если искать модель взаимоотношений между Высшими Силами и человечеством, то аналогия с отношениями отец — сын возникает вполне естественным образом.

«Но это же банальность! — воскликните вы. — Ясно, что и в христианстве, и в прочих монотеистических религиях человек рассматривает Бога как Отца небесного»... Не скажите. Обращаю ваше внимание на то, что в предлагаемой схеме субъектом отношений с «нашей» стороны выступает не отдельная личность (для чего, собственно, и был «изобретен» монотеизм), а человечество как целое. «По образу и подобию» было некогда создано именно оно, а вовсе не единственный человек, который, как справедливо замечено, «не только лишен возможности составить какой-нибудь план хотя бы на смехотворно короткий срок, ну лет, скажем, в тысячу, но не может ручаться даже за свой собственный завтрашний день». Применительно же к человечеству — структуре несравненно более долгоживущей, нежели человек, — приходится уже учитывать такой осложняющий фактор: дети вырастают, и их взаимоотношения с родителями при этом неизбежно меняются. Христианство же однозначно ставит знак равенства между понятиями «сын» и «дитя», и иных отношений между сыном и Отцом, кроме обо-

жания и подчинения, не мыслит в принципе; то есть — попросту говоря — культивирует инфантилизм.

Давайте теперь, исходя из тезиса о дружественности Вселенной (или, что то же самое, о всеблагости Господа), рассмотрим нашу последовательность технологических революций. Когда ребенок познает мир, родителям приходится решать достаточно сложную дилемму: с одной стороны, ужасно хочется оградить свое чадо от всех возможных опасностей; с другой — вполне очевидно, что вечно сдвигать с него пылинки не выйдет, и отсутствие жизненного опыта в виде набитых шишек и пальцев, обожженных в процессе ловли огонька свечи, может привести к последствиям во сто крат более печальным. Итак, с одной стороны — «спички детям не игрушка»: технологические открытия должны совершаться в свой срок, не раньше; оттого-то эопил (первая паровая турбина, созданная античным механиком Героном Александрийским) так и остался забавным фокусом, а порох, изобретенный в Китае в незапамятные времена, использовался там лишь для фейерверков. С другой стороны — «покуда сам не сунет пальцы в розетку — не поумнеет»: после Хиросимы повторять эксперимент с розеткой не решился никто — рефлекс выработался на раз...

Каждый раз, сочтя нас достаточно повзрослевшими для выхода на следующий технологический уровень, Высшие Силы затем дают нам время «на усвоение материала» — выработку и отлаживание социальной инфраструктуры, адекватной новому уровню могущества. За неолитической революцией следует возникновение *государственности* с общественным разделением труда и обособлением в системе специализированных блоков управления; индустриальное общество нуждается в *демократии* современного типа, где акцент перенесен на отлаживание в системе обратных связей, повышающих ее гомеостазис. (Именно поэтому тоталитарные режимы, исходно пожертвовавшие саморегуляцией ради управляемости, способны на весьма впечатляющие спринтерские рывки, но неминуемо проигрывают демократии в стайерской гонке.) Сейчас можно лишь гадать, какое общественное устройство окажется адекватно постиндустриальному (информационно-магическому) обществу. Может быть, это будет «единая и неделимая» всемирная империя с диффузными центрами власти (штаб-квартиры транснациональных корпораций, ведущие биржи и т.п.). А может быть, совсем наоборот: на планете оформятся два равновеликих центра цивилизации — Атлантический и Тихоокеанский; в них будут доведены до полного логичес-

кого завершения оба взаимодополнительных тренда, испокон веку наличествующих в любом социуме, — либеральный (индивидуалистический) и социалистический (коллективистский), и именно взаимодействие этих двух начал, «инь» и «ян», воплощенных в Великой Атлантической Демократии и Всеазиатской Конфуцианской Империи, будет долгие века питать социальной энергией нашу цивилизацию... Все это по большому счету частности.

Важнее иное. Высшие силы — как мы условились считать — по-отечески к нам расположены; и вот они явно перестали препятствовать человечеству в овладении магическими технологиями, в том числе контролю над сюжетными развилками. (А ведь до сих пор запрет на занятия ведовством, ясновидение и т.п. лишь усиливался по мере технологического роста. Создается впечатление, что каждая следующая технологическая революция вела к многоуровневой блокировке магических потенций социума — пока не низвела их в ходе прошлой, индустриальной, революции до уровня столоверчения и прочей астральной хрени; эдакий своеобразный принцип дополнительности...) То есть человечеству «оформили допуск» на следующий, несравненно более высокий уровень могущества. И это несмотря на все те «подвиги», которыми мы ознаменовали нынешний век (а ведь трудно спорить — более отвратительного и кровавого периода в человеческой истории и вправду не бывало)... Как это понимать?

А очень просто. Высшие силы в отличие от нас самих оценили нашу деятельность в двадцатом веке вполне положительно; похоже, мы незаметно для себя успешно прошли некий важный тест, доказав свою зрелость. Да, конечно: на полях двух мировых войн мы не моргнув глазом уложили пятьдесят миллионов «носителей разума» и немногим меньше сгноили по Освенцимам, УСВИТЛАГам и прочим «Школам 7-го мая»; мы «не ждали милостей от природы» и успешно обратили ее во всесветную помойку... Все так. Но!.. Учинив множество больших и малых непотребств, некоей черты мы все же не перешли: до глобального ядерного конфликта дело не довели, хотя пару раз и балансировали на самом краешке; зиновьевскому коммунизму «светлым будущим всего человечества» уже не бывать — ныне, присно и во веки вечные, аминь; успешный опыт очистки Великих

Озер, совсем уж было превращенных в отстойник, показал, что с охраной природы все обстоит ровно

так же, как и с любой иной работой: «Глаза боятся, а руки делают».

Бросая трезвый взгляд на путь, пройденный нами в двадцатом веке, приходится признать: нет никакой уверенности, что человечество даже в принципе могло бы выйти из этих испытаний с меньшими потерями. Скорее наоборот; и сдается мне, что Щепетнев со своей «Седьмой частью тьмы» куда ближе к истине, чем Рыбаков с его «Гравилетом «Цесаревичем»»: да, наш вариант не сахар, но все остальные «развилки» были еще того краше... «Армагеддон был вчера» — это чистая правда, и мы, как это ни удивительно, сумели его пережить!

Откуда же свалился на нас этот кошмар, «Век-волкодав»? В рамках нашей базовой аналогии («Отец-сын») ответ прост: переходный возраст, и ничего более. Ну вот ведь только что был очаровательный ребенок — и вдруг такое!.. такое!.. Это еще ладно, если в процессе самоутверждения просто загулял по-сизому; а ну как из неодолимой тяги к добру и справедливости примется метать бомбы в генерал-губернаторов?.. Собственно говоря, переходный возраст («...большие детки — большие бедки») — это тест на зрелость не только для детей, но и для родителей; и если ты чуть что принимаешься ломать ребенка о коленку, навязывая свою волю, то цена тебе как отцу — пятак в базарный день. Применение силы — это признак слабости; и наш-то Отец (как мы предполагаем) не из таких! Так что Высшие силы, надо полагать, на атеизм наш склонны взирать со спокойной иронией, а в нашу жизнь если и вмешиваются, то столь же осмотрительно, как тот отец-миллионер у О'Генри, что устроил сыну счастливую возможность объясниться наконец со своей избранницей, продержав пару часов их экипаж в специально организованной уличной пробке.

Мы стали взрослыми. И, заплатив страшную цену, обрели право строить жизнь по собственному разумению. И Высшие Силы ясно признали за нами это право, дав нам в руки магию и тем самым уравнив нас по степени потенциального могущества с собой; в этом смысле фаулзовский король-маг прав: за магией действительно нет никакой истины. Истина в ином — «не в силе Бог, но в правде». С силой-то у нас теперь полный порядок; что ж до правды, то ее можно обрести лишь в дальнейшем общении с Высшими Силами. Но не в детском преклонении (и столь же детских обидах), как это было до сих пор, а в настоящей дружбе и

любви — чувствах, возможных лишь между равными. Вот, оказывается, как оно выглядит — Большое Откровение, случившееся на два века раньше, чем мы ожидали...

А сейчас мы переживаем тот самый момент, когда Отец навсегда перестает быть кормильцем и защитником, оставаясь впредь лишь мудрым советчиком и моральным авторитетом. Кое-кому из нас от этого становится с непривычки ужасно неуютно, но тут уж ничего не попишешь... И еще. Представление о том, что Отец, во-первых, всемогущ, а во-вторых, вечен, — это ведь фундаментальный атрибут детского мировосприятия; равно как и незамутненная вера в вечную жизнь для себя, любимого (хотя бы в форме бессмертия души)... А мы вроде как уже выросли.

НЕОБХОДИМЫЙ ПОСТСКРИПТУМ

Представьте себе, что в некоей отдаленной местности потерпел аварию инопланетный космический корабль, и перед вами поставлена задача: из высших государственных соображений скрыть сие происшествие. Принципиальных вариантов тут два; их можно условно назвать «советским» и «американским». По первому варианту следует все засекретить: обнести полмиллиона гектаров колючей проволокой в шесть ниток, из свидетелей кого можно — *изолировать*, кого нельзя — посадить под подписку о неразглашении, дополнить инструкцию для цензоров восемью новыми позициями и т.д. По второму же варианту сообщение надо как можно быстрее закинуть во все СМИ, сопроводив его при этом развернутым комментарием председателя Всемирной Уфологической ассоциации Шарля Атана и писателя Казанцева; эксклюзивными воспоминаниями поп-звезды Дианы Кул (в миру Анята Распрыскина) о том, как она на заре туманной юности «залетела» от пришельца с Альтаира; репортажем с совместного митинга «Голубой свастики» и Биробиджанского казачьего войска, требующих отставки президента, который «окончательно проданся инопланетным евреям»; дальше следует, помянув вскользь лох-несское чудовище и наскальные рисунки с динозаврами, плавно перейти к поистине неисчерпаемой теме Новой хронологии (обсудить, к примеру, гипотезу о том, что на самом деле Фоменко и

Ньютон — одно и то же историческое лицо: оба крупные математики, оба занимались толкованиями «Апокалипсиса», у обоих на этом деле поехала крыша)... Стоит ли уточнять, какой из двух способов сокрытия правды эффективнее?

Я это к чему? Что-то многовато в последнее время развелось публикаций о магии, причем одна другой глупее. И кто только не берется рассуждать на эти темы — и академик, и герой, и мореплаватель, и плотник... вот и я решил вдруг внести посильный вклад... К чему бы это?

1.04.2000

Игорь Черный

MATER ET MAGISTRA

(Размышления о Фантастике вообще и современной Фантастике Украины в частности)

В свое время (XVIII — начало XIX вв.) Литература в России была больше, чем просто изящной словесностью, предназначенной для скрашивания досуга. В условиях тоталитарного государства с авторитарной формой правления она выполняла множество функций: философии, публицистики, социологии, статистики. Литература была, выражаясь языком древних римлян, «Mater et Magistra» — «матерью и наставницей». Не случайно поэтому у нашего народа выработалось особое, уважительно-трепетное чувство к художественно-словесному творчеству и тем людям, которые им занимаются. Особенно это было заметно в советские времена. Писателей называли «инженерами человеческих душ»; им давали почетные звания и награды и сооружали бюсты и памятники в их честь. Вешали мемориальные доски на дома, где жили особо заслуженные, сумевшие как никто отразить в своих произведениях трудовые и прочие будни советского народа, успешно строящего коммунизм. Фантастика в те былинные времена была на положении падчерицы.

После всем памятных событий начала 1990-х годов ситуация коренным образом изменилась. Не стало социализма. Коммунизмом, словно дедом Бабаем, принялись пугать детей и взрослых. Воспевать и отражать стало нечего. Реалисты попритихли, с тоской поглядывая на падчериц и пасынков, которые вдруг сами превратились в «матерей и наставников». Фантастика, детектив, сентименталь-

ный роман стали ведущими литературными жанрами современности. Кому-то это не нравится, кто-то с этим категорически не согласен. Однако такое положение вещей нужно принимать как данность. В 1830-е годы, в эпоху расцвета жанра исторического романа, А.А. Бестужев-Марлинский писал о том, что история «проникает в нас всеми чувствами. Мы обвенчались с ней волей и неволею, и нет развода. История половина наша, во всей тяжести этого слова». Без натяжек подобным же образом можно в наши дни говорить о Фантастике.

Как складывается судьба жанра в современной Украине? Парадокс, но, на наш взгляд, на фантастику почти не повлияли политические процессы. Фантастика Украины не вышла из единого литературного пространства. Она осталась одной из тех нитей, которые прочно связывают украинскую и российскую культуры. Так что было бы неправомерно говорить о «двух фантастиках», искусственно противопоставляя их друг другу, заниматься поиском каких-то коренных различий. Тем более что 90% современной фантастики Украины пишется на русском языке и издается в России. А ведущие авторы-фантасты, проживающие на Украине, безоговорочно заносятся в когорту российских писателей (как это произошло, например, с Л. Вершининым, М. и С. Дяченко, Г.Л. Олди и Б. Штерном, «попавшими» в справочник М.И. Мещеряковой «Русская фантастика XX века в именах и лицах»).

Упомянутая выше ситуация — один из многих парадоксов, связанных с фантастикой Украины. Нами настойчиво употребляется именно это словосочетание, потому что «украинская фантастика» — нечто другое. Больно писать об этом, но украинскую фантастику мы почти потеряли. А ведь что это была за литература! Жаль, что российские читатели могут столкнуться с языковыми затруднениями, попытавшись прочесть произведения «старых» украинских фантастов. Конечно, некоторые из них переводились на русский язык. Но это не то. Нужно просто представить себе ситуацию на книжном рынке Советской Украины времен застоя, когда книги популярных среди молодежи жанров на русском языке были труднодоступны. Это сейчас Беляев, Ефремов, Казанцев, Стругацкие есть практически в каждой домашней библиотеке. А тогда, если они и поступали в библиотеки общественные, то, чтобы прочесть их, нужно было долго ждать, пока подойдет твоя очередь. В то же время произведения национальной фантастики свободно продавались во

всех книжных магазинах. С благодарностью вспоминаются маленькие аккуратные томики из серий «Прыгоды, фантастыка» («Приключения, фантастика») издательства «Веселка» и «Прыгоды, подорожи, фантастыка» («Приключения, путешествия, фантастика») издательства «Молодь». Они знакомили нас с сочинениями украинских классиков жанра (Д. Бузько, В. Владко, Н. Дашкиева, Ю. Смолича), а также современных авторов фантастики (О. Бердника, В. Бережного, В. Савченко, А. Тесленко, Ю. Ячейкина). К сожалению, в настоящее время переизданий названных книг не встретишь. Да и нового на украинском языке издается мало. И не потому, что не пишут или не покупают. И пишут, и покупают. Однако наша полиграфия сейчас переживает не лучшие времена.

Итак: конец 80-х — начало 90-х гг. Этот период ознаменовался появлением ряда новых имен на небосклоне фантастики Украины. А также бурным расцветом приснопамятного ВТО МПФ (Всесоюзное творческое объединение молодых писателей-фантастов), которое немалую часть своей деятельности проводило на территории Украины, издавая здесь свои сборники и включая в их состав произведения местных фантастов. Оставим в стороне заведомо графоманские поделки, которых было большинство (графоман — существо интернациональное и крайне плодовитое). Вспомним другое: тогда в сборниках ВТО «Румбы фантастики» печатались повести и рассказы Льва Вершинина (Одесса), Натальи Гайдамаки, Людмилы Козинец и уже хорошо известного фэнам Бориса Штерна (все — Киев), Елизаветы Мановой (Харьков), Виталия Забирко (Донецк) и других интересных авторов. Небезызвестный Василий Головачев, сейчас проживающий в Москве, тогда еще жил в Днепропетровске и активно издавался в серии «Золотая полка фантастики» издательства «Флокс» (Нижний Новгород); выходили его книги и в других издательствах, в том числе и на Украине. В Харькове была организована творческая мастерская «Второй блин». Ценой невероятных усилий с подачи мастерской вышли в свет три сборника серии «Перекресток» — «Живущий в последний раз» (1992), «Сумерки мира» (1993) и «Книга Небытия» (1995). И если в первом из них волей издателя еще присутствовали иностранцы (переводы Каттнера и Говарда), то остальные уже были полностью составлены из произведений украинских (а точнее — харьковских) фантастов: Г. Л. Олди (псевдоним Дмитрия Громова и Олега Ладыженского), Федора Чешко, Елизаветы Мановой, Андрея Дашкова,

Андрея Печенежского, Григория Панченко, Андрея Валентинова.

В перерывах между выходами книг «Перекрестка» «Второму блину» удалось выпустить четыре авторских «покета» в серии «Бенефис»; также вышли в свет сборники «Сказки дедушки-вампира» и «Эпоха игры».

Начиная с середины девяностых, издатели наконец опомнились (читай: увидели деньги под ногами!) и вовсю принялись печатать отечественных авторов. В этой прямо-таки фантастической ситуации русскоязычная фантастика, написанная на Украине, оказалась серьезно востребована. Посудите сами: серия «Новая русская фантастика» («Фолио», Харьков) — 60% украинских авторов (А. Корепанов, Е. Манова, Б. Штерн, А. Дашков, Г. Л. Олди). Серия «Абсолютная магия» («ЭКСМО», Москва) — 70% книг написано украинскими авторами: Г. Л. Олди, А. Дашков, А. Давыдов, А. Зорич, В. Свержин, Д. Дудко и т. д. Серия «Нить времен» («ЭКСМО», Москва) состоит из украинских авторов (Олди, Валентинов) на все 100%! Серии «Заклятые миры» («АСТ» (Москва) — «Terra Fantastica» (СПб), «Фолио» (Харьков)) — почти половина украинских авторов: А. Валентинов, В. Васильев («соло» и в соавторстве с Анной Ли (Китаевой)), Ф. Чешко, М. и С. Дяченко, Ю. Горишня, А. Борянский и А. Лайк...

Произведения украинских фантастов издавались и во многих других сериях: «Русское Fantasy» издательства «Азбука» (СПб) — книги супругов Дяченко, В. Угрюмовой и Олега Авраменко; киевский «Кранг» выпустил две книги Дяченко, киевский же «Альтерпресс» — книги киевлян Б. Штерна и А. Куркова, харьковское «Фолио» издало несколько романов Андрея Валентинова... Пробились к читателю книги Владимира Васильева, публиковавшегося во многих издательствах, но в конце концов «осевшего» в московском «АСТ». Список издательств, отдавших дань творчеству украинских фантастов, велик: нижегородская «Параллель», московские «Аргус», «Локид», «ТП», «Армада — Альфа-Книга» и «Махаон», барнаульский «Полиграфист», смоленский «Русич», ростовский «Феникс»... И, разумеется крупнейшие московские «ЭКСМО» и «АСТ».

Можно сколько угодно спорить о литературных достоинствах этих книг, забыв, что на вкус и на цвет... короче, ясно. Можно даже цыкнуть через губу: вывалили хлама на голову бедного читателя, раскрасили лотки канареечным глянцем — не обо что интеллект почесать! Оста-

вим, господа, оставим... Разумеется, голодающий автор, угрюмо пишущий в год по три гениальные строки, не забывая ругаться со склочной супругой, фигура достаточно одиозная для кухонных разговоров; но мы о другом. Не будем кричать на перекрестках: поэт в России больше, чем фантаст! Фантаст в России больше, чем прозаик!.. А от перемены слагаемых местами, то бишь России на Украину, смысл не меняется. Лучше попытаемся, подобно небезызвестному одесситу Бене Крику, найти «пару слов за наиболее известных земляков».

Такие разные, разные, разные лица... Есть ли у них что-либо общее, кроме того, что все эти люди проживают на Украине? На наш взгляд, можно выделить несколько общих черт, присущих творчеству современных украинских писателей-фантастов в целом. Прежде всего это отсутствие в их книгах открытой социальной направленности, прямой привязки к текущим политическим событиям. В последние несколько лет в Украине воцарился гражданский мир, сформировалось более или менее однородное общество. Поутихли идеологические споры и баталии. Что бы там ни вешало ОРТ и прочие российские СМИ, но на самом деле стало гораздо меньше проявлений национализма, чем на рубеже 80–90-х годов. Полагаем, в этом могли лично убедиться «иностран-ные» гости Международного фестиваля фантастики «Звездный мост», проводившегося в Харькове. А что до отдельных эксцессов (вроде решений Львовского горсовета о «защите звукового пространства», кстати, опротестованного прокуратурой), так от этого никто не застрахован. Политика появляется на страницах фантастических романов украинцев крайне редко. Разве что в сатирических главах цикла Л. Вершинина о Сельве («Сельва не любит чужих», «Сельва умеет ждать») да в уже чуть поднадоевшей пикировке по поводу Стополя, которую в шутку ведут между собой А. Валентинов и С. Лукьяненко.

Не стоит однако создавать новый миф об асоциальности, аполитичности творчества украинских фантастов, как это уже было в случае с Олди. То, что в книгах украинцев нет прямых аллюзий с современностью, ни в коей мере не говорит о том, что они абсолютно равнодушны к происходящему вокруг них. Просто такова уж природа нашего менталитета, что мы менее экспансивны, более сдержанны в проявлении своих чувств.

Чтобы расшевелить украинца, заставить его буяннить, нужно приложить много усилий. Но не приведи Бог

довести его до белого каления. Фантастика Украины в этом плане очень напоминает гоголевского пасечника Рудого Панька — воплощение мудрости народной, народного характера. Она лукаво поглядывает на мир действительный и придуманный и говорит: «А чого цэ вы, добродии, так вовтузяться?» — «Что это вы так суетитесь, господа?» Поистине персонаж из Екклесиаста. Неудивительно потому, что лучшим произведениям жанра, созданным фантастами Украины, присущи философичность, попытка решить вечные, вселенские проблемы, вопросы мироздания, а не сиюминутные конфликты, связанные с нерадивым исполнением некоторыми государственными чиновниками своих должностных обязанностей. Таковы книги А. Валентинова, М. и С. Дяченко, А. Зорича, Г. Л. Олди, Ф. Чешко, Б. Штерна.

Вспоминая приведенные выше слова А. Бестужева-Марлинского об истории, необходимо указать еще на одну характерную черту современной фантастики Украины. Это ее преимущественный интерес к прошлому. Однако реализуется он не в создании произведений столь модного у наших соседей славянского фэнтези, а в несколько ином плане. В написании крупномасштабных историко-мифологических и «химерных» романов, обыгрывающих сюжеты как из мировой, так и из отечественной (украинской) истории. Достаточно назвать «Черного Баламута», «Я возьму сам», «Герой должен быть один», «Одиссея» Олди; «Овернского клирика», «Серого коршуна», «Дезертира», «Небеса ликуют», «Олу», «Диомеда» Валентинова; незаслуженно обойденный вниманием российской критики «Рубеж» Валентинова, Дяченко и Олди; романы А. Бессонова «Алые крылья огня», Ю. Горишней «Слепой боец», А. Льгова «Непобедимый Олаф» и «Тот самый Непобедимый» и др. И если уж зашла речь о «химерной» прозе, то как тут не упомянуть об одиноко маячащем на ниве отечественной словесности пугале (или лучше, пугале) А. Дашкове — весьма удачливом сопернике Лавкрафта, Меррита и Кинга в области «фантастики ужасов».

В фантастике последнего десятилетия можно заметить чрезмерное увлечение писателей оккультно-астральными проблемами, эзотерикой, религиозным мистицизмом. Стало модным показывать свою осведомленность, «продвинутость» в этих вопросах. Тексты иных романов буквально перенасыщены высокоумными туманными рассуждениями, почерпнутыми из плохо усвоенных сочинений Е. Блаватской или каб-

балистов. И это относится не только к произведениям философского плана, но даже к боевикам. Герою их мало просто одержать победу над обычным врагом, окопавшимся в верхних эшелонах власти. За таким противником обязательно должны стоять некие потусторонние силы (а иначе что могло бы длительное время оберегать его от справедливого возмездия?). Не исключение в этом общем поветрии и фантастика Украины. Единственная оговорка здесь та, что подобной «болезнью» заражены писатели «старшего» поколения (сорокалетние или приближающиеся к этому рубежу). «Молодежь» в большинстве своем почти совсем равнодушна к вопросам веры и безверия. Да и у некоторых мэтров это скорее литературный прием, а не зов, зуд или веление души. Так, что бы ни говорили о богах или Боге Олди, хочется вслед за Станиславским воскликнуть: «Не верю!» Авторский дуэт в этом плане сам напоминает Творца, экспериментирующего над своими созданиями. Создатель, не закончивший процесс творения, находящийся в постоянном поиске, — вот суть отношений Олди и Бога (богов).

Если посмотреть на все, выходящее ныне из-под пера русскоязычных писателей Украины, то невооруженным глазом видно, что фантастика занимает здесь ведущую роль. Таким образом, на писателей-фантастов ложится большая ответственность. С одной стороны, они являются как бы лицом современной литературы Украины, ее визитной карточкой за рубежом. И это действительно так. Ведь именно по книгам русскоязычных авторов могут судить о нашей литературе все, владеющие бывшим «языком межнационального общения»: россияне, жители Прибалтики, государств Закавказья и Средней Азии, держав дальнего зарубежья. Кстати, сочинения украинских фантастов переводятся на иностранные языки, публикуются в Латвии, Польше, Мексике. С другой стороны, учитывая вышесказанное и памятуя о той важной роли, которую всегда играла литература в нашем обществе, писатели должны постоянно оттачивать свое мастерство, стремиться к совершенству. Это тяжело. И не всем по плечу. Бывает, что некоторые авторы, взяв высокий старт, выдыхаются и сходят с дистанции. Так произошло, например, с А. Бессоновым, который после глубокого и мастерски написанного романа «Алые крылья огня», дававшего повод надеяться, что следующее произведение будет еще лучше, вдруг неожиданно вернулся к космическому боевику. Да, право на мессианство, учительство достается нелегкой ценой.

Подводя итог, считаем своим долгом констатировать: фантастика Украины не только существует (вопреки утверждениям части критиков и фэнов), не только выжила (вопреки всем идеологическим, а позже коммерческим барьерам) — но и расцветает сейчас буйным цветом! Разумеется, на этой клумбе хватает сорняков и бурьяна (а где их нет?), но кто возьмется сейчас отделить зерна от плевел? Поживем — увидим. Пока же ясно одно: своя фантастика в Украине есть, она живет, развивается и плодоносит — а уж какие из этих плодов придутся по вкусу лично Вам, уважаемый Читатель... Выбирайте сами! «И пусть никто не уйдет обиженным!»

Андрей Синицын, Дмитрий Байкалов

КОНТИНЕНТ

(Обзор фантастики 2000 года)

Географический пролог

Закончился XX век. Проводили его довольно буднично, можно сказать, по-деловому. Что ж, таковы сегодняшние реалии: радоваться жизни не столько для души, сколько для того, чтобы поставить галочку в пункте программы по встрече, как еще модно сейчас говорить, Миллениума. Шампанского, как водится, было много, тостов меньше. Но один запомнился своей нетривиальностью: «За правый радикализм в жизни, литературе, любви и политике». Тост был принят с некоторыми оговорками по поводу политики. Принят и с удовольствием осуществлен, поскольку центризм в виде социальной позиции, а также усиленно рекомендуемое всем единство, нивелирующие индивидуальность и навязывающие общие вкусы и убеждения, становятся в нашей среде все менее и менее привлекательными.

Радикализм как метод решения всех вопросов всегда был свойственен российскому менталитету. Крайние, решительные меры применялись постоянно и повсеместно, что нашло свое отражение даже в фольклоре: брать — так Зимний, воровать — так миллион, ну и так далее, вплоть до королев. Такой подход к жизни впитывается с молоком матери и является одной из главных составляющих загадочной славянской души.

Российская словесность, будучи зеркалом человеческого бытия, конечно, тоже не остается в стороне от эк-

стремальных воззрений. В основном это проявляется в том, что стараниями так называемых официальных критиков фантастика ставится в один ряд с детективом, объявляется маргинальным жанром и помещается в гетто, из которого не имеет права носа казать. Правда, справедливости ради необходимо отметить, что и случайно зашедшему в фантастический лепрозорий автору «основного потока» придется очень и очень не сладко. Сам же континент фантастики тоже не выглядит монолитным. Уж очень из разных платформ он состоит, а про залегающие породы и говорить нечего. Тем не менее обитателей этого континента вполне можно классифицировать, благо материалов наблюдений набралось предостаточно.

Итак, в глубине континента или, если хотите, на левом фланге условной шкалы расположились исповедующие «мачизм» (происходит от двух близких по произношению слов: «мачо» и «мочить») авторы. Как правило, персонажем их романов является герой-одиночка, обладатель ярко выраженного мужского начала, этакий мексиканский мачо, решающий все свои проблемы достаточно простым способом — «мочит» своих врагов всеми доступными способами во всех доступных местах. Таким героем может быть кто угодно: майор спецназа, пилот галактического суперкрейсера, инспектор космической полиции, светлый маг, наконец. Это совершенно не важно, так же как не важно и то, с кем же сражается наш кумир: с мировым злом или с упырями и черными волхвами. Важно другое. Все злобные монстры будут сметены, окружающие женщины полюблены, старики и старухи накормлены, а дети поглажены по голове. Авторы в своих романах апеллируют к самым глубинным, простым человеческим чувствам и, как правило, попадают в точку. Читатель, уставший от тягот сегодняшней российской действительности, погружается в «мачистские» тексты и, отождествляя себя с сильным, красивым и смелым главным героем, сбрасывает с себя оковы повседневности, отдыхает душой и телом. Неприятности забываются, стрессы снимаются, и человек готов снова плодотворно трудиться на благо себя и отчизны.

На противоположном фланге нашей шкалы, скажем, на побережье, обитают ревнители антитетического учения — «мэйнстризма» (не надо путать с монстризмом, слово происходит от английского словосочетания *main stream* — основной поток). Некоторые из прибрежных жителей перманентно желают покинуть родной континент. На

своих судах они пытаются пересечь океан и пристать к материку Большой Литературы, но стихия неумолима. В лучшем случае волны выбрасывают их назад, и они продолжают свое существование на узком заболоченном участке суши, ожидая у моря погоды с тем, чтобы совершить новую попытку. Другие же, памятуя о том, что литературные войны давно закончены (поскольку сейчас делить нечего, кроме своих издателей), спокойно живут в крепких пляжных бунгало. Срок оседлости давно преодолен, окружающие добры и толерантны. Так что можно писать в свое удовольствие, все равно посчитают своим, континентальным. Единственное, что объединяет первых и вторых, — это подход к конструированию текстов. Во-первых, в них нет фантастики, так, маленький элемент, мизерное вкрапление, шпанская мушка, чтобы возбудить читателя. Во-вторых, нет сюжета, а часто и героя, самое главное — это скрупулезное исследование мироздания и поиск ответов на вечные вопросы — «что делать?» и «кто виноват?». В-третьих, производятся постоянные эксперименты над текстом (скажем, сплошные диалоги при демонстративном отсутствии действия) и даже над словом и т.д. и т.п. Казалось бы, ужас? Ан нет. Довольно большое количество читателей голосуют за «мэйнстримизмовские» романы рублем. Ведь если звезды загораются — это кому-нибудь нужно.

В это трудно поверить, но между побережьем и обителью «мачистов» лежит Великая Пустыня, практически безлюдная, лишь кое-где расцветенная изумрудными островками оазисов, в которых обитают Неведомые Отшельники. По слухам, они умеют совмещать несовместимое. У них есть что сказать миру и умение это сделать. Им присуще объемное описание событий, точная мотивация поступков, достоверная психология героев, а иногда и утонченность и оригинальность стилистики. И при всем при этом их книги интересно читать. В прежние времена через оазисы проходили караванные пути. На побережье везли сюжеты, антураж, оригинальные разработки миров, оттуда же забирали этические и философские концепции, психологические и эстетические теории. А хитроумные Неведомые Отшельники, естественно, прибирали к рукам все самое лакомое. Ныне тропы засыпаны песком, дромадеры искоренены за ненужностью, все связи прерваны. А виноваты в таком положении вещей — боги этого мира, которым выгодно то спокойное довольство, та сытая стабильность, кото-

рые установились на Континенте Фантастики в последнее время. Еще бы: тиражи растут и успешно расходятся, каждый житель континента обеспечен работой, поскольку у него есть свой устойчивый читатель. Словом, у всех есть все, чтобы спокойно встретить старость. Упускают из виду лишь один момент: даже за безмятежной старостью все равно следует дряхлость, а за ней — смерть.

Кстати, какому пантеону богов поклоняются обитатели этого мира, можно догадаться меньше чем с трех раз.

Книги

Чем же занималось население Континента Фантастики в течение последнего года? Да все тем же: писатели писали, критики критиковали, приблизительно раз в два месяца проводились конвенты, на которых те и другие встречались с читателями, обсуждали насущные проблемы и награждали друг друга различными призами. Продолжали выходить новые романы. В сумме набралось около двухсот наименований. При этом расстояние, отделяющее НФ от фэнтези, значительно сократилось. Наметившаяся в конце 90-х тенденция возвращения интереса к НФ продолжилась. Это неминуемо сказалось на издаваемости. Суммарные тиражи НФ и фэнтези практически сровнялись при некотором отставании первой в количестве названий. Средний тираж фантастической книги составил 10 тысяч экземпляров (плюс-минус 2—3 тысячи).

Но существуют авторы, для которых эта цифра просто смехотворна. Прежде всего это В. Головачев, Н. Перумов, А. Белянин и С. Лукьяненко, стартовые тиражи чьих новых романов составили 50 и более тысяч экземпляров. У Р. Злотникова, Ю. Никитина, М. Фрая, О. Дивова и Г.Л. Олди этот показатель меньше — от 20 до 30 тысяч. Остальным приходится довольствоваться тем, что есть, хотя необходимо отметить, что в издательстве «Армада»-«Альфа-книга» цифры исходных тиражей заметно выше, чем у других.

Хотелось бы также выделить ряд чрезвычайно плодотворных беллетристов, безусловным лидером которых является Алекс Орлов, выдавший на-гора 13 оригинальных романов за три года. Ненамного от него отстали В. Головачев, В. Бурцев, А. Бессонов, А. Валентинов, П. Верещагин, Р. Злотников, А. Зорич, С. Костин, А. Ливадный, А. Мартъ-

янов, Ю. Никитин, Г.Л. Олди, В. Шалыгин, выпустившие за год 3–4 новые книги.

Проведем несложную математическую операцию. Найдем пересечение двух множеств, одно из которых назовем «много», другое — «часто». Подмножество «много, но часто» содержит в себе один-единственный элемент: Василий Головачев. Что и требовалось доказать. У признанного лидера российской коммерческой фантастики в 2000 году вышли сиквел его давнего романа «Спящий Джинн» — повесть «Кладбище Джиннов» — и три романа, самый свежий из которых, «Гарантирую жизнь», входит в цикл «Катарсис» и повествует о новой встрече сил зла во главе с небезызвестными СС (Слугами Сатаны) и троих офицеров спецназа — единственной силы, по мнению автора, способной им противостоять.

Каждое уважающее себя издательство имеет своих ведущих, или топ-авторов. Они являются визитной карточкой издательства, если хотите, его лицом. До недавнего времени у издательства «Армада»-«Альфа-книга» лицо имело весьма расплывчатые очертания. Теперь же, и это особенно подтвердил прошедший год, два четких профиля видны всем и каждому. Это Роман Злотников и особенно Андрей Белянин.

Житель города Обнинска писатель Р. Злотников буквально выплескивает на страницы своих книг накопившуюся в нем колоссальную энергию. Прочитав о том, что проделывает с врагами человечества посланный Творцом «солдат удачи» из «Восставшего из пепла» или берсеркер Олег из «Мятежа на краю галактики», невольно пожалеешь того несчастного, который посмеет стать на пути у преподавателя боевых искусств полковника Р. Злотникова.

Совершенно иные приемы применяет для привлечения своего читателя астраханский фантаст А. Белянин. Его сериал «Тайный сыск царя Гороха» — это ироничное переложение русского фольклора для наших современников. Применяя, казалось бы, уже набивший оскомину набор фэнтезийных трюизмов, автор тем не менее умеет так повернуть действие, что заставляет рассмеяться даже от самой нехитрой шутки. Особенно это характерно для его внесерийного романа «Рыжий рыцарь».

На этом краткий обзор событий, происходивших в срединных землях, можно было бы и закончить, но не упомянуть имя Ю. Никитина представляется совершенно невозможным. Писатель, формально являясь топ-автором издательства «Центрполиграф» (у него там есть лич-

ная серия «Миры Юрия Никитина»), проводит свою независимую политику. Его подвижническая и пропагандистская работа (появление второго никитинского альманаха «Фантастика XXI века», образование собственного КЛФ) в настоящий момент имеет даже большее значение, чем непосредственно литературная деятельность.

Безумству храбрых поем мы песню. С легким рюкзаком и фляжкой воды уйти в пустыню и найти свой оазис — дано не каждому. Но тем не менее это удалось нижегородцу Андрею Плеханову. Начинал он как автор фэнтези-сериалов. И уже тогда некоторые особенности его текстов позволяли надеяться, что его ожидает иная стезя. И неизбежное случилось. В сентябре прошлого года увидела свет его новая книга «Сверхдержава», написанная в жанре политического триллера. По своему духу этот роман очень коррелирует с вышедшей годом раньше «Выбраковкой» О. Дивова. Та же неоднозначность, то же исследование соотношения индивидуальной свободы и общественного порядка. И похоже, что авторы приходят к одним и тем же выводам.

С высоты птичьего полета пустыня выглядит как единое целое: царство раскаленного песка, саксаулов и шипохвостов. Но это очень обманчивое впечатление. Нет ничего более непохожего, чем оазисы, разбросанные среди песков, не говоря уже о живущих там неведомых отшельниках. Каждый из них имеет только ему известное суждение о мире и идет своим собственным путем. Иногда этот путь лежит к океану, иногда в противоположном направлении.

Так, после нескольких лет неустанных поисков томич Юлий Буркин наконец-то сублимировал свою давнюю патологическую тягу к бабочкам (вспомнить хотя бы его знаменитую повесть «Бабочка и василиск» или первый музыкальный проект «Vanessa io») в виде романа «Цветы на нашем пепле». Цветы, выросшие на пепле погибшей человеческой цивилизации, есть не кто иные, как бабочки. Описывая утонченные отношения эфемерных существ, Юлий, вероятно, сам того не желая, сумел создать, по меткому выражению критика, «аристократическую утопию», основанную исключительно на своем оригинальном мироощущении.

Юрий Брайдер и Николай Чадович уже вошли в историю, создав фактически первую в постсоветской фантастике брейд-серию о «Мирах Тропы». На сегодняшний день в нее входят уже семь романов, в последнем из которых, «Губителе максаров», действует уже сын Вечно-

го странника Артема и максарской женщины Ирданы — Окш. Как ни странно, но следующий роман маститых фантастов мистический боевик «Дисбат» не принадлежит к знаменитому циклу. А все дело в том, что очень уж сильно допек минских авторов их местный Воевода. За каждой строчкой, описывающей борьбу Федора Синякова и его подруги Дарьи с демонами нижнего мира, отчетливо проглядываются реалии нынешней белорусской действительности.

Всем известно, что писатель Александр Громов очень не любит фэнтези. Но так сложились обстоятельства, что пришлось ему сесть за стол и начать писать про магов, мечи, сражения и т.п. Хотел он честно сделать как положено, а получилось как всегда — исследование негативных тенденций пребывания человечества на планете Земля. Действие его новой книги «Запретный мир» происходит в самом начале бронзового века, куда волей случая занесло двух наших современников. И конечно, это никакая ни фэнтези, а скорее квазиисторический роман с социально-фантастической начинкой. Автор размышляет, «последствия чего мы сейчас с вами наблюдаем в виде окружающей действительности? Какого первоотлчка?..».

Олег Дивов со своими «Толкованиями сновидений» совершил настоящий прорыв. Казалось бы, главный герой его нового романа хард-слаломист Поль мало чем отличается от серьезных молодых людей из прежних книг автора. Но на этот раз Олег превзошел самого себя в описании психологии, мотивации поступков и поведения, которые превращают просто отличного парня в мужчину, каким он должен быть в идеале.

В прошедшем году супруги Дяченко выпустили два очень непохожих романа: «Авантюрист» и «Армагед-дом». «Авантюрист» — четвертая книга цикла «Скитальцы» — был написан довольно давно, практически сразу вслед за «Преемником», и только сложная издательская судьба не позволила ему выйти еще три года назад. Написан он в жанре фэнтези и выглядит чуть ли не ностальгически на фоне сегодняшнего творчества соавторов, которые в последнее время увлеклись социальной фантастикой. Именно к этому направлению их творчества и принадлежит «Армагед-дом». Глазами Лиды Сотовой мы видим трагедию мира, в котором каждые двадцать лет происходят глобальные катастрофы. «За что послано такое испытание человечеству? Что людям надо изменить в себе, чтобы избежать Апокалипси-

са?» — вопрошают киевские фантасты. Ответы на эти вопросы каждый должен дать сам.

Долгих два года ждали поклонники таланта Сергея Лукьяненко продолжения романа «Холодные берега», написанного в жанре «альтернативной религии» (!), и наконец дождались. Прошлой осенью на прилавках книжных магазинов появился 50-тысячный тираж романа «Близится утро», который был моментально раскуплен. В этом романе писатель дает возможность внимательному читателю разобраться во всех тех проблемах, которые были поставлены в первой книге, и понять наконец, является ли младший принц Дома Маркус новоявленным мессией Искупителем. А может быть, им является кто-то другой?

Продолжают усердно трудиться представители харьковской школы. У каждого из них в 2000 году вышло несколько романов. У Г.Л. Олди это прежде всего двухтомный «Маг в Законе», притча, написанная на стыке нескольких жанров. У А. Валентинова — «Печать на сердце твоём» и «Небеса ликуют». Кроме того, коллеги-единомышленники запустили совместный проект: действие романов «Диомед — сын Тидея» А. Валентинова и «Одиссей — сын Лаэрта» Г.Л. Олди происходит в одном и том же мире. Мире античности. Но не той, которую мы знаем по книгам Н. Куна или К. Беккера, а той, которую создали Г.Л. Олди в своем известном романе «Герой должен быть один». Увидел свет также новый «хоррор» А. Дашкова «Умри или исчезни». Можно по-разному относиться к «некроромантизму», исповедуемому писателем, но то, что в своей области он работает мастерски, это очевидно.

Евгений Лукин и Святослав Логинов написали очень схожие по настроению романы. Если из-под пера Е. Лукина вышла блистательная пародия на фэнтези «Алая аура протопарторга», то у С. Логинова получилась очень симпатичная ироническая космоопера «Картежник». Обе читаются на одном дыхании, легко и непринужденно, однако получить полное наслаждение мешает серьезный налет публицистичности, свойственный обоим книгам.

Однако это всего лишь цветочки по сравнению с теми ягодками, которые мы встречаем на страницах романа Вячеслава Рыбакова «На чужом пиру». Автор повсюду пользуется методами художественной прозы для декларации своих взглядов на настоящее и будущее России. Книга почти никого не оставляет равнодушным, в равной мере вызывая как полное неприятие программных политических тези-

сов с «дискеты Сошникова», так и непреодолимые восторги. Сама детективная фабула романа, явно подсмотренная в советских политических детективах о злобных цэрэушниках, постепенно отходит на второй план и даже несколько мешает восприятию социального посыла.

В хорошую погоду из окон В. Рыбакова можно увидеть океан и гавань, в которую очень редко, но заходят корабли с Большой земли. В прошедшем году к фантастам заглядывали: представительница известной писательской фамилии Татьяна Толстая со своей антиутопией «Кысь», раскрывающей природу кризиса нынешнего социума; современный классик Михаил Веллер на крейсере «Аврора» из его бурлеска «Ноль часов»; турбореалист Андрей Лазарчук, чей новый роман «Штурмфогель» обладает настолько усложненной структурой, что при-снопамятный «Транквиллиум» кажется по сравнению с ним просто «Колобком»; а также модный беллетрист Б. Акунин с чрезвычайно злободневными «Сказками для идиотов».

А на десерт хочется порадовать всех наших читателей. Живые классики российской фантастики В. Михайлов и Кир Булычев продолжают активно работать. У каждого из них вышло по новому оригинальному роману. «Операция «Гадюка» у Игоря Всеволодовича и «Кольцо Уракары» у Владимира Дмитриевича.

Журналы

Но не только произведениями крупной формы живет фантастика. Общеизвестно мнение многих неплохих писателей, что хороший рассказ написать сложнее, чем хороший роман. Действительно, на нескольких страницах построить непротиворечивый мир, несколькими штрихами адекватно передать чувства и настроения персонажей, коротко донести до читателя нетривиальную идею — все это доступно не каждому. С другой стороны, начинающему писателю рассказ напечатать несколько проще, чем объемный роман (если, конечно, рассказ талантливый, а роман не откровенно «мачистский» и сулящий издателю успех на рынке потребителей массового чтения). Именно поэтому первооткрывателями новых талантов чаще становились журналы и альманахи. Особенно в советские времена. Достаточно вспомнить, как мы пачками выписывали всевозможные журналы, на страницах которых хотя бы иногда появлялись фан-

тастические рассказы. Конечно, сказывался и информационный голод, и нехватка нормального чтения, чем беззастенчиво пользовались неспециализированные издания, при помощи фантастики не только поднимая собственные тиражи, но и давая читателям немного солнца в холодной воде. Подумать только, фантастику печатал даже журнал «Металлург». Что же происходит на журнальной ниве сейчас?

Рынок фантастики перенасыщен, и просто печатая фантастические рассказы, тираж журнала не поднять. Для этой цели следует печатать известных авторов, которые довольно неохотно идут на сотрудничество: во-первых, мешают занятость и договоры с книжными издательствами, во-вторых, гонорары в неспециализированных научно-популярных журналах относительно невелики, а ради «крылышек и сияния вокруг головы» или, например, ради надежды на литературную премию лучше воспользоваться услугами издания, специализирующегося на фантастике. Поэтому экологическая ниша научно-популярных журналов ныне — молодые авторы, амбициозные, не требующие больших гонораров и сами приносящие рукописи в редакции. На самом деле это неплохое решение проблемы, ведь теперь только от редактора зависит, сможет ли он среди большого самотека откопать настоящие жемчужины, кои, смеем заверить, встречаются. Из журналов-ветеранов в этом смысле стоит отметить «Технику — молодежи», «Химию и жизнь» и «Уральский следопыт». Из постперестроечных изданий — «Компьютерру», ориентированную в основном на миниатюры и юморески в русле компьютерной тематики. В последнем году ушедшего века «Техника — молодежи» — в прошлом, во времена Василия Захарченко, один из лидеров по публикации научной фантастики — предложила читателям в рубрике «Современная сказка» целый блок из многообещающих молодых авторов (Р. Афанасьев, Д. Казаков, Е. Кошелева, О. Овчинников, С. Сидоров и др.), при этом не забыв и о писателях, уже вполне зарекомендовавших себя (С. Логинов, Ант Скаландис, А. Щербак-Жуков, В. Купцов). «Хижина», так во все времена ласково именовали «Химию и жизнь», также ориентируется на молодых — здесь вышли рассказы К. Берендеева, Е. Клещенко, Д. Патрушева. Бывший журнальный патриарх советской фантастики екатеринбургский «Уральский следопыт» переживает сейчас не самые лучшие времена, однако продолжает держаться на плаву в бушующем море нового экономического порядка, умудряясь

на почти безгонорарной основе публиковать не только начинающих, но и авторов первого ряда. В 2000 году «Следопыт» закончил публикацию большого и печального романа великолепного уральского автора Владислава Крапивина «Лужайки, где пляшут скворечники». Повести харьковчанина Дмитрия Громова и петербуржца Святослава Логинова наряду с рассказами молодых авторов, информацией о фэндоме и событиях в мире фантастики, к сожалению, были доступны немногим из-за маленького тиража журнала.

Если говорить о так называемых полупрофильных — то есть посвящающих фантастике более половины объема — журналах, то стоит отметить почти полный уход в сторону детектива популярнейшего ранее «Искателя». Зато кировоградский «Порог», к сожалению, малодоступный нашим читателям, проявляет большую активность в деле продвижения русскоязычной фантастики в Украине. Однако в связи с тем, что редакция «Порога» обещает публиковать 80 процентов самотека, ей приходится компенсировать принцип Старджона, непременно возникающий при таком подходе, печатая произведения известных авторов (как правило, из «харьковской школы») бок о бок с молодыми. И диссонанс, вызванный крайне разнящимся уровнем публикаций на страницах одного отдельно взятого номера, не всегда служит журналу хорошую службу. Однако тем не менее заслуги «Порога» в деле продвижения молодежи на рынок фантастики переоценить сложно. В 2000 году в «Пороге» опубликовано несколько десятков рассказов малоизвестных широкому читателю авторов.

Теперь обратимся к специализированным журналам фантастики. Долгие годы на этом поле доминирует «Если», который в 2001 году отпразднует сразу два юбилея — десятилетие журнала и выход сотого номера. Однако «Если» занимает вполне определенную экологическую нишу на Континенте, и для более полного охвата читательских запросов совершенно необходимы конкурирующие издания. В прошлом году было создано два новых журнала — «Фантом» и «Звездная дорога».

Красочный «Фантом», большое внимание уделяющий именно визуальному воздействию на читателя, еще не может окончательно определиться с целевой аудиторией. Декларированный ориентир на молодых яппи, конечно, позволяет журналу занять свое место, практически не конкурируя с другими изданиями, но наличие комиксов и авангардной верстки художественных произведений апри-

ори должно будет увести журнал и его читателей в область «мачизма». Ибо слишком больших трудов потребует необходимость адекватно совместить, например, хорошую психологическую прозу с расположенными рядом комиксами о приключениях очередного супермена. Кроме того, не очень понятна позиция редакции в отношении критики. Писатель, на наш взгляд, должен обладать очень большим самомнением, чтобы открыто выступать с критическими заметками, но уровень обзоров от Макса Фрая просто поражает своей безапелляционностью, огульностью, агрессией и попытками возвыситься за счет «опускаемых» авторов. Так и хочется предложить автору «гастрономической» прозы — «Врачу, исцелися сам». Сможет ли «Фантом» существовать дальше, насколько верна его концепция, покажет время. Тем более что на его страницах появилось несколько произведений весьма неплохого литературного уровня, а кроме того, тот факт, что журнал уделяет особое внимание жанру фэнтези, доселе лишь эпизодически представляемому на страницах периодики, серьезно укрепляет позиции этого перспективного издания.

«Звездная дорога» также попыталась занять свой оазис. Принцип журнала — публикация только произведений русскоязычных авторов — весьма прогрессивен. Однако редакция журнала с первого (он же восьмой) номера заняла странную позицию, заявив, что все, что она делает, и есть единственно правильная и абсолютная истина. Но. Верстка, редактура и корректура первых номеров журнала не выдерживает никакой критики. Как, впрочем, и уровень рецензий и статей. Впечатление от весьма неплохого букета авторов подрывается тем, что многие произведения уже печатались в других изданиях. Такая практика позволительна для альманахов, но никак не для журналов. А особенно журналов с претензиями. Однако само существование «Звездной дороги» дает отечественным авторам куда больший простор для публикаций, нежели хотя бы год назад.

Журналом-триумфатором года стоит назвать «Если». Ранее ориентированный в основном на западную прозу, ныне журнал занимает лидирующее положение если не по количеству, то, совершенно точно, по качеству публикуемых произведений отечественных авторов. Достаточно сказать, что в прошлом году рассказы и повести, напечатанные на страницах «Если», собрали урожай более чем из двадцати известных литературных премий. Кроме того, на про-

ходившем в Польше «Евроконе» журнал был признан лучшим журналом Европы 2000 года. Стоит отметить, что если в предыдущие годы упор в редакционной политике при публикациях нашей фантастики делался на произведения малой формы, то в последние двенадцать месяцев журнал перенес центр тяжести, предлагая читателям в основном повести ведущих российских фантастов. При этом «Если» хотя и обращает внимание на начинающих авторов, раз в полгода печатая произведения победителей конкурса для дебютантов, тем не менее одним из основополагающих принципов редакции является отбор рукописей по жесткому критерию — наличие нетривиальной идеи и литературное мастерство. Именно поэтому начинающим опубликоваться здесь гораздо сложнее, чем в других изданиях, и на страницах журнала встречаются в основном известные фамилии авторов первого ряда. Так, в прошлом году читатель мог познакомиться с новыми произведениями Е. Войскунского, В. Покровского, Кира Булычева, О. Дивова, А. Саломатова, Ю. Буркина и К. Фадеева, С. Лукьяненко, Л. Кудрявцева, Э. Геворкяна... Особенно стоит отметить повесть А. Громова «Вычислитель» — яркий пример совмещения принципов мачизма и мейнстримизма: нестандартная этика на фоне сильной личности. Ну а повесть супругов Дяченко «Последний Дон Кихот», явно поселившаяся на мейнстримизмовском берегу, была впоследствии переработана в пьесу, постановка которой с успехом шла на подмостках лучших театров Украины. С тем же, что «Если» занимает и лидирующие позиции в жанре non-fiction — практически в каждом номере находится место для интереснейшей критики, публицистики, мемуаров, — вряд ли кто поспорит.

В заключение хочется обратить внимание на следующий момент: наконец после долгого перерыва читателю несколько поднадоели романы и сериалы, и он ощутил интерес к малой форме. Книжный рынок довольно быстро отреагировал на эту тенденцию — появились новые журналы, и практически все крупные издательства постарались в ушедшем году выпустить сборник или альманах. «Фантастика-2000» от «АСТ», «Капуста без кочерыжки» от «Армады-пресс», «Наши в космосе» от «Эксмо», ежеквартальный альманах «Наша фантастика» от «Центрполиграфа» — список можно было бы продолжать долго. И то, что читатели наконец получают все большее поле для выбора, — мажорный аккорд под занавес века!

Для западного менталитета главное — достижение цели. Для восточного менталитета главное — процесс достижения цели. Для русского менталитета главное — постоянное обмывание процесса достижения цели. Все эти различные подходы нашли воплощение в таком странном мероприятии от фантастики, которое называется конвент (от английского convention — съезд, а отнюдь не от convent — женский монастырь). Конвенты в России проходят в течение всего года в разных городах с интервалом в полтора-два месяца. Суть конвента — сбор любителей и профессионалов, формальное и неформальное общение и апофеоз — вручение традиционных премий. О самих премиях, об их объективности, системах голосования можно прочитать в нашей статье «Истина где-то рядом?» («Если» №2, 2001). Здесь же мы постараемся поподробнее остановиться на том, что же происходило на конвентах последнего года прошлого века. При этом следует учесть, что практически в каждом случае премии вручались за лучшие произведения 1999 года.

Итак, первым крупным мероприятием по традиции стала «Аэлита», которая прошла в Екатеринбурге с 29 марта по 1 апреля. Самый долгоживущий отечественный (а функционирует он с 1981 года) праздник фантастики изначально планировалось провести неделей раньше, однако известные всем политические события оказали серьезное влияние на официальные сроки фестиваля. Однако никакие президентские выборы не смогли повлиять на встречу «Эльфийского Нового года», мероприятия ролевиков, с которым обычно совмещалась «Аэлита». Поэтому основные ролевые акции прошли как всегда в последний уик-энд марта, а карнавал состоялся в самом конце «большой» «Аэлиты». В результате перед оргкомитетом возникли многочисленные сложности в связи с переносом сроков. Кроме того, борьбу за право владеть «Аэлитой» вели несколько финансовых и литературных группировок и изданий, что постоянно мешало команде энтузиастов, составлявших рабочую часть оргкомитета, нормально функционировать, что, конечно же, зачастую отражалось на участниках фестиваля. Тем не менее работа традиционных семинаров фантастиковедения, молодых авторов, фэн-прессы оказалась весьма продуктивной и интересной. Вручение же основных премий состоялось опять в Камерном театре музея писателей Урала. На этот раз приз «Аэлита»

достался Вадиму Шефнеру — за общий вклад старейшего питерского писателя в развитие фантастики. Приз имени И.А. Ефремова — за вклад в развитие отечественной фантастики — получила Нина Матвеевна Беркова — известнейший редактор, «крестная мама» нескольких поколений отечественных фантастов, организатор знаменитых малеевских семинаров. Приз «Старт» за лучшую дебютную книгу «Последняя крепость» в упорной борьбе завоевала Наталья Резанова (Нижний Новгород). Мемориальный приз имени В.И. Бугрова (за вклад в фантастиковедение) был вручен московскому критику Владимиру Гопману.

26–27 апреля под эгидой журнала «Если» прошел Второй московский форум фантастики. В форуме приняли участие как российские, так и зарубежные писатели, переводчики, критики. С их участием состоялся Круглый стол, посвященный проблемам развития жанра. Центральным событием форума стало вручение призов «Сигма-Ф». Победители были определены посредством голосования читателей журнала «Если». Ими стали супруги Дяченко за роман «Казнь», Сергей Синякин за повесть «Монах на краю Земли» и Евгений Лукин за рассказ «Страна заходящего солнца». Как покажут последующие события, эти премии были первыми для вышеперечисленных произведений, но отнюдь не последними...

Чемпионат мира по хоккею, проходивший в Санкт-Петербурге, чуть было не сорвал ставшие уже традиционными сроки проведения очередного «Интерпресскона» — с 4 по 7 мая. Конвент все-таки состоялся — на берегу Финского залива в пансионате «Белое солнце», расположенном недалеко от Зеленогорска Ленинградской области. Начало «Интерпресскона» прошло под знаком небольшого скандала — в довольно резких тонах обсуждалась новая система голосования, предложенная оргкомитетом. В результате вопрос о составе голосующих по премии «Интерпресскон» был вынесен отдельным бюллетенем на всеобщее обсуждение. Параллельно шла работа семинаров, читались и обсуждались небезынтересные доклады в исполнении таких мастеров жанра, как Марина Дяченко, Святослав Логинов, Андрей Измайлов и других. Серьезные проблемы поднимались на семинаре «Фантастика и Интернет», который вели Максим Мошков и Дмитрий Ватолин. Основное же событие конференции, «раздача слонов» — вручение премий — состоялось 5 мая. К сожалению, впервые за всю историю «Интерпрессконов» не смог приехать Борис Натанович Стругацкий.

Призы «Бронзовая улитка» по его поручению вручал Эдуард Геворкян. Бронзовой статуэткой, изображающей улитку, ползущую по склону Фудзи, Стругацкий награждал: Виктора Пелевина за роман «Generation П», Сергея Синякина за повесть «Монах на краю земли», Евгения Лукина за рассказ «Страна заходящего солнца». В номинации «Критика, публицистика и литературоведение» премия досталась Вадиму Казакову, Алексею Керзину и Юрию Флейшману за библиографию братьев Стругацких.

Стоит отметить, что некоторым участникам конференции показалось несколько странным, как можно награждать библиографические работы, да еще и касающиеся собственных произведений, в номинации для критиков и публицистов. Также слышались голоса, утверждавшие, что роман Пелевина фантастикой не является и потому недостоин премии. Однако Борису Натановичу, видимо, виднее. Ведь это его премия — и вручает он ее, опираясь исключительно на свои вкусы и пристрастия. Теперь о результатах голосования по премии «Интерпресскон» (проголосовало около 130 человек). Лауреатами стали Сергей Лукьяненко за роман «Фальшивые зеркала», Сергей Синякин за повесть «Монах на краю Земли», Евгений Лукин за рассказ «Страна заходящего солнца»; он же за эссе «Декрет об отмене истории» получил звание лучшего критика. Лучшим издательством традиционно было признано «АСТ».

Несложно заметить, что триумфатором в этом году оказались Евгений Лукин, собравший урожай аж из четырех призов, и журнал «Если», опубликовавший все из премированных произведений малой и средней формы, а также эссе Евгения Лукина. Стоит также отметить совпадение в категориях малой и средней форм мнения Бориса Стругацкого и голосовавших участников конференции, что случается крайне редко. Также нельзя пройти мимо того факта, что весьма высоким оказался коэффициент корреляции между составами победителей по результатам голосования читателей журнала «Если» (премия «Сигма-Ф») и лауреатов «Интерпресскона». По мнению многих участников, этот «Интерпресскон» был одним из лучших за последние годы, хотя некоторые были не удовлетворены как творческой, так и бытовой стороной встречи.

Лауреаты «АБС-премии» были объявлены в Санкт-Петербурге 21 июня. Премия вручается анонимным писательским жюри, которое возглавляет Борис Стругацкий. Дата церемонии выбирается не случайно. Этот день равноуда-

лен от дней рождения Аркадия и Бориса Стругацких. «Семигранную гайку» (Золотую медаль лауреата в номинации «Художественное произведение») получил волгоградец Сергей Сиякин за повесть «Монах на краю Земли» — и это стало уже четвертой литературной премией, присужденной повести. В номинации «Литературная критика и публицистика» победил Кир Булычев с мемуарным эссе «Как стать фантастом».

В конце июля столицей российской фантастики временно стал старинный сибирский город Томск. Там впервые проходил фестиваль фантастики «Аэлита в Томске». В рамках фестиваля по результатам голосования участников вручались премии «Урания». Лауреатом как «Большой Урании» (лучшее произведение), так «Малой Урании» (лучшее гуманистическое произведение) стал рассказ Владимира Васильева «Ведьмак из Большого Киева».

Харьковский «Звездный мост» проходил с 14 по 17 сентября. По количеству призов на душу населения этот конвент сильно опередил все остальные. Назовем только некоторые: лучшим сериалом признали цикл Сергея Лукьяненко и Владимира Васильева о Ночном и Дневном Дозорах, лучшим романом стал «Рубеж», совместное творчество М. и С. Дяченко, А. Валентинова и Г.Л. Олди. Лучшим дебютом почему-то была признана книга, вышедшая в 2000 году, и это несмотря на то, что год еще не закончился, — лауреатом стал пермский автор Д. Скирюк.

Через неделю после харьковских событий с 21 по 24 сентября состоялся пятый, юбилейный, Конгресс фантастов России, дата проведения которого совпала с десятилетним юбилеем проводящего эту конференцию издательства «Тетра Fantastica». Видимо, именно в связи с юбилейными мероприятиями в Санкт-Петербург было приглашено рекордное количество иностранных гостей. Ими стали Алан Дин Фостер, Роберт Джордан и Лоис Макмастер Буджолд. Правда, в связи с болезнью ни на одном из мероприятий так и не появился Борис Стругацкий. А мероприятий было довольно много — дискуссии, пресс-конференции и даже митинг у памятника Гоголю с театрализованным представлением и разрыванием на кусочки огромной гоголевской шинели. Куски выдавались всем желающим. Следует заметить, что Конгресс фантастов России становится все менее доступным для людей даже со средним достатком. Огромный по нынешним меркам оргвзнос для участников, безусловно, окупается хорошей гостиницей, обедами в «Метрополе», множеством приват-пати, фур-

шетов и банкетов, однако создается впечатление, что через несколько лет гостями фестиваля смогут быть только «новые русские». Кроме того, Профессиональное Жюри, вручающее премии «Странник», уже который год противится попыткам организаторов расширить его состав. Например, в этом году не были приняты Ник Перумов и супруги Дяченко. Видимо, их посчитали недостаточными профессионалами. Особенно странным выглядит это решение в отношении Дяченко, ставших финалистами по всем литературным номинациям текущего «Странника». Традиционная церемония вручения призов премии «Странник» прошла довольно оживленно. И это несмотря на то что вся интрига «кто что получит» была практически потеряна уже после публикации финальных троек. Во всяком случае, Ваши покорные слуги угадали практически всех победителей.

Тем не менее лауреатами последнего «Странника» тысячелетия стали: все те же Марина и Сергей Дяченко с романом «Казнь», Владимир Михайлов с повестью «Путь Наюгиры», опять Евгений Лукин с рассказом-чемпионом «Страна заходящего солнца», Павел Вязников с переводом романа Фрэнка Герберта «Дюна». Лучшим критиком Жюри признало Дмитрия Володихина, лучшим редактором — вебмастера сайта «Русская фантастика» Дмитрия Ватолина.

На этом мы позволим себе закончить описание прошлогодних конвентов и премий. Хотя были и другие, например, июньское мероприятие в Уфе, августовская премия критиков «Филигрань» (ее лауреатами стали Э. Геворкян и А. Громов), ноябрьский ролевой «Зиланткон» и прочие, менее заметные на общем фоне, события, о которых ограниченный объем статьи не позволяет более полно рассказать.

Исторический эпилог

Все описанное нами — уже часть истории прошлого тысячелетия. Однако жизнь продолжается, и началась уже новая эпоха. Эпоха «первых» — ведь все, что будет происходить и происходит в этом году, по праву будет носить гордое звание «первый в третьем». Подождем результатов. И надемся, многие отмеченные нами в этом обзоре авторы и произведения еще громко о себе заявят во время присуждения им очередных литературных премий.

Содержание

ПОВЕСТИ	5
Сергей Лукьяненко. ПРОЗРАЧНЫЕ ВИТРАЖИ	7
Андрей Дашков. ЗВЕРЬ В ОКЕАНЕ	82
Сергей Синякин. ШПИОН БОЖЬЕЙ МИЛОСТЬЮ, или ЕВАНГЕЛИЕ ОТ ФСБ.	138
Владимир Васильев. ВОПРОС ЦЕНЫ. (Цикл «Ведьмак из Большого Киева»)	252
 РАССКАЗЫ	 353
Александр Громов. ГЛИНА ГОСПОДА БОГА	355
Дмитрий Громов. ТОЧКА ОПОРЫ	367
Святослав Логинов. ЗЕМЛЕПАШЕЦ	378
Евгений Лукин. ЗА ЖЕЛЕЗНОЙ ДВЕРЬЮ	411
Сергей Лукьяненко. ПЕРЕГОВОРЩИКИ	423
 КРИТИКА, ПУБЛИЦИСТИКА	 435
Андрей Шмалько. КТО В ГЕТТО ЖИВЕТ? (Писатели-фантасты в джунглях современной словесности)	437
Кирилл Еськов. НАШ ОТВЕТ ФУКУЯМЕ («Конец истории?» — «Не дождетесь!..»)	450
Игорь Черный. MATER ET MAGISTRA (Размышления о фантастике вообще и современной фантастике Украины в частности)	484
Андрей Сеницын, Дмитрий Байкалов. КОНТИНЕНТ (Обзор фантастики 2000 года)	492

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя около **50 издательств** и редакционно-издательских объединений, предлагает вашему вниманию **более 10 000 названий книг** самых разных видов и жанров. Мы выпускаем классические произведения и книги современных авторов. В наших каталогах — интеллектуальная проза, детективы, фантастика, любовные романы, книги для детей и подростков, учебники, справочники, энциклопедии, альбомы по искусству, научно-популярные и прикладные издания, а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, Фридрих Незнанский, братья Стругацкие, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших **фирменных магазинах:**

В Москве:

- Звездный бульвар, д. 21, 1 этаж, тел. 232-19-05
- ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 299-66-01, 299-65-84
- ул. Арбат, д. 12, тел. 291-61-01
- ул. Луганская, д. 7, тел. 322-28-22
- ул. 2-я Владимирская, д. 52/2, тел. 306-18-97, 306-18-98
- Большой Факельный пер., д. 3, тел. 911-21-07
- Волгоградский проспект, д. 132, тел. 172-18-97
- Самаркандский бульвар, д. 17, тел. 372-40-01

мелкооптовые магазины

- 3-й Автозаводский пр-д, д. 4, тел. 275-37-42
- проспект Андропова, д. 13/32, тел. 117-62-00
- ул. Плеханова, д. 22, тел. 368-10-10
- Кутузовский проспект, д. 31, тел. 240-44-54, 249-86-60

В Санкт-Петербурге:

- проспект Просвещения, д. 76, тел. (812) 591-16-81
(магазин «Книжный дом»)

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7 этаж.

Справки по телефону (095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

Фантастика 2001

Художественный редактор О.Н. Адашкина
Компьютерный дизайн: А.С. Сергеев
Технический редактор О.В. Панкрашина
Младший редактор Н.К. Чернова

Подписано в печать 27.02.01.
Формат 84×108^{1/32}. Усл. псч. л. 26,88.
Тираж 15000 экз. Заказ № 584.

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.14.953.П.12850.7.00 от 14.07.2000 г.

ООО «Издательство АСТ»
Лицензия ИД № 02694 от 30.08.2000 г.
674460, Читинская область, Агинский район,
п. Агинское, ул. Базара Ринчино, д. 84
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии издательства
“Самарский Дом печати”
443086, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.
Качество печати соответствует предоставленным диапозитивам.

**Поклонники отечественной научной фантастики!
НЕ ПРОПУСТИТЕ!**

Издательство АСТ предлагает вам **ОЧЕРЕДНОЙ**
сборник повестей и рассказов «Фантастика-2001».

Сергей Лукьяненко и Владимир Васильев, Евгений
Лукин и Сергей Сиякин, Александр Громов, Святослав
Логинов и многие другие!

Помимо художественных произведений, в сборник
«Фантастика-2001» вошли также статьи о проблемах
жанра и традиционный обзор «положения дел» в рос-
сийской фантастике в 2000 г.

ПРОЧТИТЕ ОБЯЗАТЕЛЬНО!

ISBN 5-17-006506-X

9 785170 065066